Иван Ильин

Ив. Шмелев

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ИВАНОВ

*

(1935 — 1946)

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

Москва
РУССКАЯ КНИГА
2000

Иван Ильин

Ив. Шмелев

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ИВАНОВ

*

(1935 — 1946)

Москва
РУССКАЯ КНИГА
2000

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Расшифровка
и текстологическая подготовка писем И. С. Шмелева
О. В. Лисицы

Художник Л. Ф. **Шканов**

Ильин И. А.

И 46 Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935 — 1946)/Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелева О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 2000. — 576 с.

В этом томе впервые публикуются письма русского религиозного философа, национального мыслителя и ученого-государствоведа И. А. Ильина и великолепного православного писателя И. С. Шмелева из коллекции мичиганского Архива И. А. Ильина периода 1935 — 1946 годов.

«Переписка двух Иванов» выходит в рамках Собрания сочинений И. А. Ильина.

ISBN 5 — 268 — 00487 — 5 **УДК 1/14**
ISBN 5 — 268 — 00486 — 0 **ББК 87.3**

ПИСЬМА

1935

226

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<4.I.1935>*

Вот и 1934-й — 4 I — доколе, Господи?!..

Булонь на Соломе.

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

Утешили п<исьмо>м, хотя оно малоутешительное. Портрет оч<ень> недурен, не надо с сантиметром подходить: все же Вы это, а не пономарь с Dead-Street[1], как мой. Благодарю, уже **повесил**. Жаль: нет «изюминки» — Ваших глаз, а будто «один глазок у Аленушки спит, другой слушает»... или: «а ну-ка погожу, чего напишет!» или аскет 20-го века, вду-мчивый...! Ничего.

С Христовым Рождеством — Вас с Наталией Николаевной, с Новым (воистину чтобы!) Годом, не в пример прочим. Будьте здоровы — 1-ое, крепки, как лед крещенский, и такожде — хрустальны, 2-ое, и давайте поймаем судьбу, хоть за хвост! Я включил Вас, в 1/10 долю, — по дружбе, *без всяк<их> с В<ашей> стор<оны> обязательств, — и без В<ашего> соизволения,* — в принадлежащие мне билеты в Феатр Рока — tr. 6. и 7. (каково?!) за №№ 1) 643.468, и 2) 106.188[2]. По кр<айней> мере будет у Вас антерес, ждать, как я развернусь на крупные, в полов<ине> генваря. Я вдрызг израсходовался на сей Феатр, но тщусь, покуда не истощусь. Есть же удачники! И я буду, уви-дите. Мню.

Мои (и общие) услов<ия> с Издат<ельской> Комисс<ией>, где Брянский[3], таковы: 20% с номин<альной> цены книги, аванс 3000 дин<ар> (около 1000 фр<анков>) — и заговейся, ибо теперь книги идут скверно, а у нашего, с позв<оления> сказ<ать> — «дателя» и раньше, и всегда шли отвратительно. Пока еще ни разу сверх аванса ничего не получал, а мои книги шли

получше прочих. «Лето Госп<одне>» все-таки и теперь идет (продано около 700 экз<емпляров>, а это по нын<ешним> врем<енам> — даже и для Париж<ских> изд<ательств> — **ça va**[4]!), в гл<авном> органе эмигр<антском>, «Возр<ождении>» — не было еще ни строчки. Обещал Карташев статью, тянул-тянул — и с «Возр<ождением>» размолвился, т<ак> ч<то> мож<ет> тянуть, пока не лопнет (то или вообще ***все***). И все же «Лето» как-то находит, двигается **само**. Предположим, В<аша> книга б<удет> стоить 35 дин<ар> — 40. Ну тыс<ячи> 1 1/2 экз<емпляров> — 60 000 дин<ар>, возьмем для остор<ожности> 40 т<ысяч> д<инар>: 20% — 8 т<ысяч> дин<ар>. Аванс... ну... 3—4 т<ысячи> дин<ар> — т. е. 1000—1300 фр<анков>. Все зависит, как к Вам отнесутся (ру-ка!). Думаю, что у Мережков не только рука, но и нога, и даже сверхнога[5], а посему... «Тайна сия велика есть»[6]. Восхощет Бр<янский> или Белич[7] (?) — и натянут. Раньше, м<ожет> б<ыть> в зависимости от валюты, ее высоты — платили больше. За книжечку «На морск<ом> берегу» получил — 2) 1123 fr. в декабре 1929, за «Въезд в Париж» 1) 1789 fr. (в янв. 1929 г. — э-эхх!!!), за «Родное» — в сент. 1930 г. — 1125 fr. (увы!); за «Лето Госп<одне>» — 1114 fr. (2500 дин.) — (о, вой мыр[8]!) — июнь 1932, и за «Богомолье» — чек в 1000 fr. — в окт. 1933 г. — определ<енно> падение римск<ой> империи. Не знаю, сколько печатали, и ск<олько> % платили, и как<ой> % аванса к *массе* гонорара. Спасибо, хоть что-ниб<удь>. Здесь, в Париже, нет ничего. «Няню» читают и — о-череди в библ<иотеке> — успех у читателей определенный, спрашив<ают> в библ<иотеке> — когда издание книгой, у Куприна в библ<иотеке> (вчера узнал) **трое** *на ночь пришли читать* в библ<иотеку>, не пошли Нов<ый> Г<од> встречать, только бы поймать книгу. В Турген<евской> б<иблиотеке> — тоже, выписыв<ают> неск<олько> экз<емпляров> «Совр<еменных> Зап<исок>». Даже открыв<аются> новые подписчики, котор<ые> заказыв<ают> с кн<иги> 55-ой (начало этой вещи) — а поди найди издателя! Надо «С<олнце> Мер<твых>» издав<ать>, 4 года как все разошлось, есть спрос, и я хочу новые 3 главы ввести — но где издатель? Так что — хоть

шерсти клок. Я должен до гол<овной> боли писать хорошие очерки, для газ<еты>, чтобы заплат<ить> за квартиру... где тут «великое» писать (величина!). Вот, только вчера **отписался** (для Рождества), осилил «День Ангела» (Михайл<ов> день) — чуть-чуть нашел заключительное, а то — растерялся: нет и нет у меня рассказа. 8 редакций было посл<едних> 1 1/2 страниц — и все же в 1 1/2 дня написал... — кончил уж<асной> головной болью. Су-дите... Напугался: неуж кон-чился?! Судите же, какие ро-зы... «я заготовил к Рождеству!»[9] Плохо, а? Но ведь я весь истощился: я уже 2 мес. не вздохнул, вот об исцелении от болезни еще написал (gratis[10]) для «Правосл<авной> Карп<атской> Руси». Еще в Илл<юстрированную> Рос<сию> дал (для 500 №-ра, юбилейного) расск<аз> ве-се-лый — «Как я покорил немца», — из гимназ<ических> лет. Каж<ется> — удача. И все — для дня сего.

Понимаю, друг, ох, понимаю все. И говорю — творите. Ибо — творя — Вы собираете... Вы — как мудрый, духовный **Калита**. У-чи-те, учитель. Читаю все, что вижу. И все — Вы, ясный, плодоносящий и добродеющий? Я уже писал Вам о В<ашей> статье — прекрасной! — «Пути Православия» — «Ответ» — рикошет из Курии — что это? — это бессильное — и «не в ту!» — царапканье заблудшего *père'a* abbe[11], влезшего по неразумию в сутану... Да, тоже спрошу — **что это**?! — внезапная кончина..? Случайность, сов-падение. О Метнере — мудро, но я... невежда в этом, ослиное ухо, бычий глаз. О монархе — именно так надо... Жду окончания. Надо бы повидать Вас, ох, к<а>к надо. Я бы много сказал, спросил... Лето... — не знаю, да и далеко еще. И **что там** будет?! Невесело, что слышу. **Цензура убила** начинавш<уюся> газету Союза писателей. В-вот! — последствия, первые. И сумасш<ествие> европ<ейское> продолжается. Но какова же морда будет у Европы, когда... и если...?... а?! Дожить бы. Нашлись бы тогда слова! — на **все**. И это — бу-дет неотвратимо, **знаю** верхним чутьем. Лишь бы **видеть**. А пока — надо если не строить, про Нее говорю, хоть собирать, беречь духовно[12]. Красный дьявол тщится копытами самые даже корни стереть цве-

тиков родных. Вот и, вспоминая, **храню**, поскольку сил и возможностей. Все же пучок полевых цветов и я соберу — в анабиозе да ожидают дождя и солнышка. Скоро выходит «Богомолье», душевное мое. Его я посвятил нашему Радетелю-Рыцарю...[13] Совесть моя повелела. Это — **чистое**. Это — **родное**! Это мой пучок луговых цветов, в душе до сего дня цветущих и — мне — благоухающих. В трепет прихожу, к<а>к подумаю, что — выйдет книга, и как<ой>-ниб<удь> Мандель, Штам[14] и К° — возьмется за него... Богомолье. До «Лета» хоть Манд-Худосеич (химич<еский> поэт) не добрались... Вот я и дерзнул вчера повидать Ю. Ф. С<емено>ва (после 6-л<етней> разлуки) и сказал: да не коснется М<андель>-Шт<ам>-Худ<осеич> и К°! И просил его... — простите за дерзновение! — просить Вас, если во благовремении соблаговолите. Можете растрепать меня, указать, на-казать — приму со слезьми, но по кр<айней> мере это достойная рука (десница!) потрепала. А если — ох, не знаю! — *есть* что-ниб<удь> в книжке моей стоимого... (в ней нет недостойного Родины!) — то слово **такого** русского Человека — дойдет и до «сущих в море далече». Славы не добиваюсь (мое уже при мне, странно было бы на 7-м десятке добывать «славу»!), де-нег... (см. выше) — только — читали бы, и теплило душу. Я знаю: Богомолье жить будет в родной литературе. Имею данные. И — Ваши, главное. И — других. И — шёпот, доходящий — читательских уст сердца. Кульман взялся для «Совр<еменных> Зап<исок>» — жду книги[15]. С сент<ября> идет коррект<ура>!! Недели 2 тому отослал посл<едний> лист. Жду. Кульману дал экз<емпляр> «верстки». Если Вы скажете о Богомолье — не хвалы мне, о, Господи! — а — есть Богомолье — чи-тай! — я скажу себе — Ныне отпущаеши. На большее я не замахнусь. Я буду писать... но Богомолье — оно останется для меня — **особым**, **моим**, для меня неповторимым... да и ни для кого. Ибо я, знаю, уже положил заставу **сюда** — другому. Как и в «ресторанном»... Все загреб — и никаких. Горкина никто не даст уже (вже!) — **капут**. Все это — как человеч<еское> лицо — неповторимо. (Конечно, не о лице китайца говорю!).

Письмо Ваше меня укрепило, мои тревоги развеяло *отчасти*: в нем скользит (сквозит) Ваш былой юмор, Ваше неповторимое **словцо**, Ваш дух беседы издали... Но и... — грусть. Если бы нам встретиться на берегу моря! Я все же хочу проехаться и от Катарр'ального состояния меня уже лихорадит. Если бы...! Рад за Мавру-лавру, но разве сие Вам подобает?! Вам — трепет и плеск несметных толп... российской, великой толщи! И — гром, гром. И сие да будет, если будет... — **бу-дет**!

С Новым Годом, верные, милые друзья! Целуем Вас. Я повесил в кабинете (какая роскошь — кабинет!) Москву Юона[16] (изд. Кнебеля) — о, как хорошо, и как, взмывая, — щемит! И всегда — с Москвой — думаю о Вас!! Ассоциация, да. Будьте крепки, будем крепки и верим!

Что будете издавать в Изд<ательской> Ком<иссии>? Напрасно Вы не договорились, когда можно было это — осязательно. Ведь там — канцелярия, исходящие — № 80369-й......! ух! Вот как работают!

С подступающим ангелом! В сей Ваш день я читаю в пользу бедных Аньера (конечно весь в пользу и на пользу: Индийское Рождество (развитие одной гл<авы> из Няни, пребыв<ающей> в Эн-дии!) и — День Ангела... — благослови, Владыко! А — ?

Обнимаю.

Ваш, исцеленный Господом и пр. Серафимом, Вами утишенный — весь Ваш Ив. Шмелев с Олечкой — молитвенницей. Целуем.

227

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<19.I.1935>*

19. I. 35., 10 ч. веч<ера> Булонь на С<ене>

Дорогой Иван Александрович,

Схватил мал<енький> гриб, и меня на неделю сварило, все спуталось, забыл — сил не было приветствовать в срок Вас в День Ангела Вашего — Собор св. Предтечи и Крестителя Иоанна. Приветствую, восстав с одра, смотрю — заочно! — **за** Вас и вижу Ангелов: **Его** и Наталию Николаевну. С такими стражами не должны

страждать, а в бодрости и здоровьи ожидать, творя, благ всемерных. Да будет сие, до скончания века нашего.

Испугала меня болезнь: ну, сорву назначенное на завтра чтение в пользу прихода в Аньере. Там о. Мефодий[17], монах, — сын проф. Кульмана, — святой человек! Сколько добра творит, скольких утверждает в воле и вере! Подвижник, воистину. И хотелось мне приятное для него сделать, для его бедноты. И согласился, — сам вызвался, — читать. А болезнь чуть не сорвала. Завтра могу поехать, слава Богу.

Прислали мне с Карпат образ преп. Серафима, игумен прислал, с надписанием: «бытописателю русского благочестия»... Сделали мы с О<льгой> А<лександровной> и с помощью Ивика кивот, вызолотили сами, и теперь «свят угол» наш светится. Работа эта была радостна уди-ви-тельно! Обтачивали-полировали, до испарины. Образ делан на ст<аром> Афоне, поднесен какому-то о. Парфению, потом лежал ночь на камне Серафима Преп., в Сарове... потом попал на Пряшевскую Русь[18], и вот — дар священный — у меня, в Булони. **Он** нас и доведет до... Сарова, — так с ним и поеду на родину. И это будет, будет, — хочу сего. И это **будет**. **Сказалось** во мне, «вдруг», прояснением. Терпеть недолго, самое большое 2 года.

Скоро дойдет «Няня из Москвы», посл<едняя> часть появится в 57 кн<иге>[19], и гады будут меня шпынять, Гадомовичи и Худосеичи. А пока в библиотеках очереди. Врочем, и на Вербицкую очереди бывали... Жду Вашего суда. Не обольщаюсь я: не шедевр написал, а маленькую «одиссею», нашу, — смотр произвел, только не генералами, а умом скудным и сердцем неискушенным. Просто — **опыт**, сводка, «альбом иллюстраций». По секрету: довольный отдельными местами, **целым** — нет, недоволен... Одно облегчение: на **что-то** не задавался, честное слово. Та-ак, высказалось, выговорилось, выпелось в унынии. И теперь не знаю, что же **хочу** писать. Меня привлекает продолжать «очерки» — русского благочестия. Как Вы нашли «День Ангела», писанный мною уже с головной болью, перед болезнью, почти в болезни. Мучился очень, что не **сведу** концов,

что не выйдет у меня рассказа. Т. е. — **все** знал, а сил уж не было... поставить посл<еднюю> точку. А надо было, по обещанию, посылать к празд<ничным> №№. Наконец, как-то сомкнул. И чем дальше пишу эти «оглядки» — столько приоткрывается...! Пишу их — как бы на побывку улетаю, к родимому... Жить материально трудней и скудней. Все обсекается, с переводами. А еще вот, томит... нет возможности помочь — кому **надо** бы... столько страшного узнаёшь. О. Мефодий пишет мне: «если бы писатели знали все, что приходит к нам, священникам...» И не довершает слова. Самоубийства, отчаяние, ужас... и — бессилие удержать. Когда **все** подорвано, всякая зуботычинка — удар, всякое дуновенье — буря, всякое ущемленье — сдиранье кожи... И — кончают. И это все достойные, отдававшие себя... Ничтожеством считаешь себя перед ними. Будь я Крезом... — занялся бы. Дело надо тут, а не слово. Скажут — тебе хорошо, кров над головой, обед, тепло... а ты бы вот... Страшные картины.

Приходит в голову порой — да не уехать ли «в немцы». Так порой затоскуешь по умному душевному слову... В своб<одный> час иду в Тург<еневскую> библ<иотеку>, роюсь — чего бы перечитать... не знаю... чего-то ищу, хочу... есть же книги, кот<орые> **взяли бы** и обогрели душу. Ни-чего нынешнего не могу... — плетенье. Посоветуйте, **что** бы это... Перечитал Шекспира... да что! Шопенгауэра.. — о, злой умница — болтушка. Гете не дал ни ч<ерта>. Одиссея, Иллиада... — чуть отвлекся. Платон — из 5 в 10, довольно. Очень томительное жеванье. Аксаков унял. Хочу старых путешественников читать, хочу простоты наивной.

Все нудно в пар<ижской> эмиграции. Похаживают в гости, бридж, почитывают доклады, Бердяевы разлагают молодежь, все пичкают вчерашним бульонцем жидким, с приправами, во имя имок и муасонов, с прожилкой из юдофильства, с эманацией всеприемлемости б-кой, с пропов<едью> «терпимости» — д<ома> т<ерпимо>сти. Неистребима эта вонь федотовщины, провонявшего либерализма и двухгрошевого вольнодумства, — все вольтеровские подметки продолжают отрыгаться.

Ублюдки убогие, все — **те же**!! С нетерпимостью к инакомысл<ию>, к национальному, к родному, к родовому... все с оглядкой на «запад». Истинные мракобесы, ненавижу! И... на сколько тут процентов... подделыванья, выплясыванья ради мзды и «руки дающей»! Знаю. Почему с них б. шкуры не содрали?! почему — почему?! Род сей неистребим. Язык лопатою подгребает и все на головы старое помойное добришко — за полстолетие надоевшее! — вываливает... все то же гнуснейшее «богоискательство», все — с «евангелием»... Нет, довольно, расстроился — вспомнил.

«Монарха»[20] дочитал, — целый трактат, **ясный**, сильный. Но это же — идеал священный... где же **ныне** — нам-то!? Да, верно, надо, чтобы монарх сам зажег... был эна какой..! Для сего — 1: или великая простота душ нужна, или — 2 — великая утонченность оных... душевная гениальность, а от мо<нар>ха — тоже — тоже в энной степени. Эпоха вырабатывает новые формы, и мы выработаем... Вы дали блестящую концепцию, глубокую и, при углубленно-философски тонком обосновании, — очень воспринимаемую любым вдумчивым читателем. Свойство Вашего дарования, ныне почти не встречаемое.

Жду случая разбогатеть... улыбнется ли мне н<ациональная> л<отерея>? Зажал в кулаке, жду. Жду и «Богомолья»... а оно не приходит. Кунктаторы[21] там, в Белгр<аде>. Гора писем неотвеч<енных>. Отчаяние... хоть не получай. То на обеды приглашают, то — почитай-те..! — в «Русский Дом», автомобили присылают... а я отказ пишу с трудом... ибо и обидеть тяжело. А если отвечать всем — мне надо особую статью бюджета, в 200 фр. в месяц. Ибо и ру-ко-пи-си... шлют! Завел «безнадежный угол» и складываю. Что же делать?! Целы, а отослать нет средств, разоришься. А отвечать — тоже — и время, и на марки. Ругают, чай... Ох, не люблю, томлюсь... но что же делать?!

Поцелуйте от нас милую Наталию Николаевну. Какие В<аши> планы? как Вы живете, — боюсь, что в тяжелом настроении Вы, давно не пишете, я уж привык, <*неразб.*>, и сжимается сердце.

Нет дня, чтобы не думалось о Вас. Скоро и весна, и надо куда-то... Но раньше еще надо устраивать «вечер», иначе не вытянешь. И опять — сколько хлопот, и не только — мне, а гл<авным> обр<азом> добрым людям... чтобы добыть 2 — 2 1/2 т<ысячи> фр. А без вечера — и на кварт<иру> не соберешь. Вот какие дела.

Целуем Вас, милый друг, Господь над Вами.

Ваш Ив. Шмелев.

228

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<5.II.1935>*

5 февраля 1935 г.

Мой милый и дорогой Иван Сергеевич!

Не браните, ох, не браните! Виноват, так что даже свиноват. Но Вы, аки некий благий проститель — просто простите!

У меня совсем не так, что я будто каждый день раз в день о Вас вспоминаю. А так: есть постоянный угол в душе, где Вы неизменно сидите, а я туда a) обращаюсь, b) покашиваюсь, c) подмигиваю, d) покашливаю, e) вскрикиваю, f) или просто ощущаю. А оттуда — излучается излучение. Поэтому если я не пишу, значит делаю все протчее. Конечно, Вам от этого развлечения пабóку[22]; но если не пишется? А почему не пишется — потому что всю душу в другое вписал и исписался. Вот.

Грустил я с Вами вокруг 22-го. И почему какой-то почтальон? или консьержка? Или другие всякие узуфрукты?[23] «Это маленькое словечко «почему» разлито во всей вселенной с самого первого дня миросоздания, сударыня, и вся природа ежеминутно кричит своему Творцу «почему?» и вот уже семь тысяч лет не получает ответа»[24]. И не прав ли был Чехов: «не унывай, жандарм» и «лопай, что дают». Ло-па-ю. Сейчас у нас на ужин — ветчина и яичница глазунья. Но, бедный мой, дорогой, Вам дают посссссное!! Не унывайте! Лопайте, что дают! Был бы у Вас — поел бы Вашего по... — из люб(ви+опытства).

Ваш «Ангел»[25] в Возрождении был так хорош, что я еле дочитал его вслух — глаза не видели сквозь слезы, а

голос увяз в спазм. Я остальную дрябь и читать не стал; ну их; кто писал, тот пускай сам и читает; а я им не «чтец», да и не образцовый. Семенову я написал, что буду писать сразу о двух томах Ваших. Чтобы соблюл. Он ответил. Что с Вами уже сговорился. Издат<ельская> Ком<иссия> пишет, что вышлет мне Богомолье немедленно по выходе. Инженер Орешков[26] (там такой ворочает) еще в Белграде говорил (а человек жесткий!), что это создание дивное, изумительное, что от него в глазах у него влага заводится при чтении. Так что жду. Но оставляю за собой священное право на кри-кри-ти-ти-ку-ку! Я Вам не кадило; я Вам не заранее придворный льстец; я Вам не подлипало. Срящу еже обрящу[27] — и буду произносить.

«Вольно-определяющий! Вы кажется позволяете?»

Дас. По-зво-ля-ю. Посягну на вас я, унтертютька от литературной кри-кри-ти-ти-ки-ки-хи-хи-ха-ха! К вящей ярости a) Худосеича, b) Гадо-мовича, c) Гипиусихи, d) Петра Пи-пильского, e) и протчих ти-ти-та-та-нонов!

Словом: «будьте ппокойныс!»...

На днях в Возрождении выйдут мои два о*пуз*кула:

«Радости Общения» 1. Сплетня. 2. Сплетня (окончание).

Но может же *сплетня* окончиться сразу в одном клеветоне — ее всегда минимум на два клеветона хватит.

А потом предполагается:

Радости Общения. 2. Клевета.

3. Донос (или Интрига?)[28].

Эх, не видаемся мы! Я бы Вам какую Хованщину с Борисом пыграл бы. У Вас сразу вся Россия взыграла бы... И еще я Вас угостил бы a) Анаксимандром b) Гераклитом c) Сократом и худ<ожественную> критику мы бы развили... Эх!

Очень редко меня печатают в Возр<ождении>. Больше одной *темы* в месяц — никак. Хоть тресни. И платят 25 сант<имов> строка. Да не в этом дело, а вот *еще негде* помещать *этюдов*. А из этюдов растут книги. А то — пост во весь рост.

Прелестный отрывок Няни был в Возрождении![29]

Теперь к делу:

1) Бартельс больше не Eckart-Verlag, а Nibelungen-Verlag. Средства у него *будут* rebus *sic* stantibus[30]. Он просил меня сказать Вам:

a) Он просит Вас написать Eckart-Verlag'у (адрес прежний) (с которым он сам *в расплеве*[31]) — от себя, от Шмелева, что, мол, я, Шмелев, имею предложение издавать на нем<ецком> языке сборник рассказов, в кот<орый> должны войти и «Пеньки». Bericht eines ehemaligen Menschen[32]. То Вы, Экартцы, не будете ли так любезны дать мне, Шмелеву, на это согласие — мне это было бы очень важно.

Ответ их сообщите мне, Ильину.

Б<артельс> хочет издать (по моему совету) — сборник рассказов Шмелева в таком составе:

1) На пеньках

2) Про одну старуху (здесь Вы с Eck<art>/Verlag — *не* связаны, она была только в журнале)

3) Свет Разума

4) Железный дед

5) Блаженные

6) Свечка.

Эти рассказы должен «освободить» и Ваш *швейцарский издатель*. Пожалуйста, снеситесь и с ним и ответьте мне. Переводчиком мыслится Лютер.

2) Наслышавшись от меня про Няню — Бартельс хочет *взяться за нее* и издать тоже отдельной книгой. Переводчиком мыслится тоже Лютер.

Б<артельс> просит a) послать русские оттиски из всех книг Совр<еменных> Зап<исок> — Лютеру, b) освободить Няню от Швейц<арского> издателя.

О сем Вам честь имею доложить для милостивого одобрения и устроения.

К величайшему нашему огорчению *мы* получили Няни только 1 оттиск из *первой* книги — а больше нет.

Дорогой мой! Каким чтением Вас угостить?!

Непременно:

1) Платона — *Апология Сократа* — там никакого томительного жеванья, а *мировая трагедия*.

2) Данилевского «Россия и Европа» (животрепяще!)

3) Вандаль. Возвышение Бонапарта (есть по-русски) изд. Пирожкова (дивно и по-французски Albert Vandal. L'avènement de Bonaparte).

4) В. Вересаев. Пушкин в жизни. Изд. «Недра». Москва, 1928. 4 выпуска (одни *подлинные тексты!!*)

Забелин Ив. Ег. История города Москвы (1905) (ах, как!!) (чисто паломничество!)

Если Вам это не «даст» — то уж извините!

Примечание.

Бердяев =Белибердяев.

Он вот кто: «иммкин сын», а с ним которые — «иммкины дети»[33].

Еще Терновцев говорил про него: «гримасы не даром — увидите — в нем дьявол».

А кто это такое — Сазанович[34]? В Возр<ождении> образовался. Узнайте, пожалуйста, и отпишите.

Мих<аил> Мих<айлович>[35] писал, что я выиграл гравюру Буше «Амуры». Я посла квиток Г. Г. Баху[36] — давно он обещал взять — посмотреть — оценить — м<ожет> б<ыть> продать. И целый месяц молчит. Я написал ему, что если его затрудняет, то прошу переслать квиток *Вам*. Дорогой — тогда уж Вы ее заберите у М<ихаила> М<ихайловича> и мне дайте знать — что за нещечко[37]?

М<ожет> б<ыть> ее можно продать и на эти монеты удвадцать-вториться?? Подумайте!

Душевно Вас обнимаю и — *ликуюсь* с Вами многажды! Издали можно, а изблизя нет: у меня *гриббббббб*! (завтра восьмой день). Гланды загноились — гриб поганка.

Книгу[38] пишу! Написал гл<авы> 1. О вере. 2. О свободе. 3. О совести.

Потом пойдут: семья, родина, правосознание, государство, собственность.

Мы оба душевно обнимаем Вас и Ольгу Александровну.

Ваш Иоанн.

<Приписка:> Внизу стр. 2 и 5 имеются некие «неприликия», дерзновенно произнесенные! Ольга Александровна, простите, Бога для!

229

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<20.II.35>*

20 II 35 — 2, Boul-d de la République
Boulogne s/Seine

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

Все ждал ответа от Eckart-Verlag'a, чтобы писать Вам «с дукументами в руках», да до сей поры так и не дождался, горе мое. Не могу больше ждать — пишу. Радостно стало мне от письма Вашего, — с таким юмором, с такой бодростью оно! Наслаждался-перечитывал, хоть и пришиблен я все эти недели. Все валится из рук, будто все ждешь чего-то... И нездоровье, след перенес<енного> гриппа, в ушах дрыганье, — сердце слабнет. И все ползет. Нет **духу** на рассказ для газеты, не могу брать пера, чтобы... только выписать ордер на кассу: надо и на газету тоже — перекрестясь. Да всякими благотворительностями задергали: то читаю (2 раза за merci — конечно), то воззвания писал... — растрепался. А тут Брянский засолил «Богомолье»! Уж в 57 кн<иге> «С<овременных> З<аписок>» вышла рецензия Кульмана на «Бог<омолье>», по взятому у меня комплекту (верст<анных> листов), вышла 2 II, а книги нет! Скандал. А еще — вчера ничего не вышло из этой синей птицы — L. N.[39] — 3-х единичек не дотянуло до тыщи (на 1/10 б<ольше>), ни перышка, *одно* **гуано**[40]. Надо, говор<ят>, ждать до след<ующего> налета прекрасной — 12 марта. Купил себе 2/10 на №, оканчив<ающийся> на 5550! Ну разве на такое что выжмешь?! Выйдет: опять-опять-опять — ноль! Вот как везет. С горя включаю Вас, по дружбе, в компанию, (не жалко!) — ноль-то делить. Все-таки приятней горе размыкать. Вы тут, конечно, ни при чем, ибо на сие моя воля. А у нас на базаре торговцы выпускают бо-ны! Купишь на 3 фр. мясца, а он — бон с «правом». А №... 988888. Ну, не сук<ины> сыны!! Так и я вот опять-опять-опять — ноль. Но я-то за это пла-чусь! Ладно. У меня старуха 40 000 на адресный билет выиграла. И я выиграю. Уви-дите!

Нет, я не совсем пощусь: ем и мясцо (cobelette de mouton[41]), grillée только. Не ем вот ни супов (9 мес.!), ни

щей, не пью... чаю! и проч. — 9 мес. Но вот, сл<ава> Богу, 9 мес. не было даже болев<ых> ощущений, и вес мой уже прежний 54,5 — вместо майского 45. Но... посл<едние> дни вя-лость мыслей, чувств. Очев<идно>, надо впрыск<ивать> мышьяк. — Как бы ни была жестка критика Ваша на «Л<ето> Г<осподне>» и «Богом<олье>» — для меня радость, что *Вы* разберете книги, а не чумазые или злющие с короткой душонкой. Вот, жду, к<а>к завтра они — Гадомович и Худосеич — вопьются в Няньку... Да за «Богом<олье>» я спокоен. А «Няня» моя... нет, не вдалась... не то, м<ожет> б<ыть>, вышло. Она, знаю, очень нравится, даже неарийцы **плачут**... над ней. Но я боюсь, что ее «сказ» закроет **что-то**... следы того, что м<ожет> б<ыть> в ней есть — развеянность нашу по свету, метания наши, **неправду** жизни... и нашу веру-верность. Мы, **наше** — неопределенны, мы — искатели утраченного, чего не хранили... но мы никогда не примиримся с «корытом», даже с роскошным корытом, если оно на неправде, на подлости и лжи стоит. Няня... эх, какое ж «старье» взял я за мерило... Но я, — и не замахивался на «суд над миром». Это так вышло. Я хотел посм<отреть> на мир неискушенным, маленьким, незапорошенным глазком — простого человека, русской простой души. Это между прочим. Няня... — это выброшенная в мир и швыряемая в мире — правда наша, бедная, сиротливая правда, такая простая, такая источная, — самая-то элементарная, т. е. основная. Она трется в мире, и через это ясней становится мировая пустота и метанье — мельканье экранное **снима**[42]. Весь свет — как бы одна снима дурацкая, беспардонная, и все — «сумашедчии». Я не всерьез. Если бы всерьез брать, надо бы **умного**, мыслителя брать. А моя нянька... Впрочем, она бы, пожал<уй>, годилась в няни не только Катичке, а и... **всему**. Ибо нянькина правда — Божья правда, как она ни проста — она **высокая Правда**. Нет ласки в мире... и если бы понял мир, как бы он затосковал! Все — на мошенстве, на похоти, на алчбе, на гордыне. Я не знаю. Я посылаю Вам 2-ой оттиск, а посл<едний> пошлю на днях, к<а>к только получу. Ради Бога, скажите мне, как другу, о Няне: *что* она, чего стоит, чего я **не** одолел. Но я не мог иначе, лучше. Я ничем не задавался.

Само написалось. Мне лишь хотелось пожить в языке, понасладиться уже неслышимой родной речью. Я писал — и вслушивался, и порой услаждался, смеялся... Вы мне скажите, хоть самое жесткое, как умнейший, самый чуткий читатель-друг. И я положу на сердце. Когда я читаю вслух в залах Няню — все захвачены, я **знаю**. Но ***что*** понесут в душе читатели? В библ<иотеке> — наразрыв, но это не показатель. Алдан<ов> пишет мне — прекрасная вещь, спасибо!

Спасибо и за указания — что прочитать. Вот, возьму. Обещали года 2 тому прислать — Религ<иозный> см<ысл> философии — **Ваше**. Пришли-те! С б<ольшим> внутр<енним> юмором и тонким анализом дали о Сплетне. Много, слыхал, было разговоров об этом. Одних, видимо, задело (за дело!), другим явилось как откровение. Мне явилось глубоким раскрытием человеческой насущности. Это урок анатомии, горький и поучительный. Глядеть в пороки, **так** вскрываемые — жутко и душе знобно. На В<ашем> месте я бы (для себя) поставил в кавычки: «радости» — гадости. Вы показали в сем откровенное *мужество*. Эта статья должна иметь и профилактич<еское> значение, да. Жду дальше, дальше.

На днях, если овладею рассказцем (пуста душа!), буду в «Возр<ождении>» и побываю у Сем<енова>. Спрошу, почему так редко дают Ваши фельетоны. «Дохлые мухи» — уныло постылы всем. Вот уж именно прирожденная дерюга, жеванье мочалки, сухотка-то! Но я — ни-когда ни-чего «мушиного» тимошкинова не читаю, — сл<ава> Богу бессонницы пока нет.

Горячо благодарю за заботливость и дружбу Вашу. Сборник. *Все* свободно, Rotapfel-Verl<ag> от Няни отказ<ался>, а мелочей — не берет вообще. Eck<art> не ответил на мой запрос. Но вот есть в догов<оре> у меня с Eckart'ом пункт. § 2, в конце: «Dem verfasser bleibt das Recht, die Novellen in eine später erscheinende Gesamtausgabe seiner Werke aufzunehmen, wobei aber eine Einzel-Sonder aufgabe derselben ausgeschlossen bleibt»[43]. Из этого я вывожу, что в сборник повесть «Пеньки» могла бы пойти без особ<ого> разрешения. О перев<оде> «Няни»... Да Candr<eia> ее давно перевела! Но мечется, не мож<ет> устроить. Теперь многие пути ей заказаны...

Я ей написал, чтобы подогнать. Она предоставила мне свободу, т<а>к благородно! «Я счастлива была и тем, что получила, работая над В<ашим> шедевром...» Она рада, если я работаю. Я... я *не* могу принять этой жертвы... Я ей написал, что только около году она хлопочет, пусть еще хлопочет, не могу я, не вправе я лишать ее платы за труд. Она тщится устр<оить> роман в швейц<арской> газете. Но вряд ли удастся. Я был бы счастлив, если бы B<artels> издал перев<од> Лютера, но... я не могу пойти против внутр<еннего> голоса, кот<орый> говор<ит>: **нельзя**: Candr<eia> всегда была так предупред<ительна> ко мне, и я же ей разрешил перев<одить>. Она перевела *полный* текст! Труд великий. Пусть еще хлопочет.

Скажите мне *адр.* Г. Г. Баха, я напишу ему. И получу картинку. Спрошу у Мих<аила> Мих<айловича>, у Лол<лия> Львова[44]. И как звать Баха, и кто он?

Писали мне Вы, что болеете. Здоровы теперь? да? Книгу?! Дай Вам сил, а нам — радости. Если бы я жил возле Вас, милый! Это·счастье такое... — и вот, лишен. Если бы я знал, что мог бы жить в Б<ерлине>, я бы перебрался. Здесь — мне тяжело, очень. Воздух тяжелый, и все тяжелей.

Кто Сазанович? Не знаю. Спрошу у Сем<енова>. Вольно пишет. Но надо бы поглубже и не так фельетонно-полемически, с задиром. Надо **бить** в спокойствии и свысока, полным духом, а не как червя давят. И — всеоружно, а не выхватывая отдельные кусочки. Надо делать «портреты» — полней и неумолимей, полной кистью. Это было бы по руке только Вам. Вы — **раздавили** бы, навсегда, а не стали бы щипать-выщипывать. Но даровито берет, неглупо, с остротцой. Полезно.

Трудно-трудно живется. Ни-чего не вижу. Впрочем, **чего**-то жду... все жду, что вот, как-то так случится, что... старуха и выхватит 40 000! Что *все мы* выиграем как-то невзначай... — на пивной ярлык! Чудо такое случиться может. Потому-то жду и жду и с кажд<ым> днем все нервней открываю газеты...

Целую руку милой Наталии Николаевне. За нас поцелуйте. Милый Ив<ан> Ал<ександрович>! Как бы свидеться?!... Господь да поможет Вам. Сколько видел я

от Вас радостного, ласкового, чудесного! Единственный *свет* мне в Европе: родной свет. Если бы не дружба Ваша — я был бы несчастней, о, куда же несчастней! — без просвета. Целую Вас.

Ваш навеки Ив. Шмелев.

<Приписка:> У меня над рабоч<им> столиком с машинкой, во всю длину стены, на 2 м. висит панорама Москвы. На днях я застеклил Ваш строгий б<ольшой> портрет, en face[45] окантовал и повесил *над* Москвой. Всегда Вы и Москва — перед глазами. И всегда — вздох, и болезн<енный> и радостный... — а-ах...!

230

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.II.1935>***

21. II. 35, 12 ч. н<очи> на 22-ое *Булонь* на Сене

Дорогой Иван Александрович,

Не могу не поделиться с Вами «подарками», полученными мной только что от заруб<ежной> **критики**: 1) от Г'адамовича из «П<оследних> Н<овостей>» (четв<ерг> 2 II «П<оследние> Н<овости>») — за мою «семипудовую» из Москвы, и 2) от Пипильского из «Вчера»-«Завтра». «И вот, за подвиги награда!» Один не мог (остатки совести не позволили, д<олжно> б<ыть>) плюнуть, так — покачался на одной ножке и сплюнул — «Мм-да-с...» Другой, при всем желании, не мог **прощупать** и поставить диагноз, а «поиграл перстами». Мне смешно, но и с горечью. Да лучше бы — ни слова, либо умело разругали. А то что ж **это**! За работу-то мою, — за старушку обидно. Так-таки **ничего** и не ущупали. Ни души родимой, оглушенной и оскорбленной, затуканной... ни мотанья ее по свету, ни пу-сто-ты, ни хлада, ни окаянства жизни... ни боли-заботы и страха за дорогое-любимое, **порученное** (кем?!) оберечь, **довести**... ну, просто, тоски по святому в жизни, по Божьей правде, по «золотому зернышку», без коего вся жизнь, весь мир и все его богатства — «верчение сумашедчее». Так-таки и не учуяли... — одна шелуха, звуки да краски... да «лубочно-кустодиевская (??!!) оболочка»...! Что же это за «большая своеобразная сила»??

Г<осподин> критик — скажи! **Не может**? Нет, не смеет. Ибо **тогда** пришлось бы разворачивать *все* белье, что выпало Няне выстирать-разворотить. Ни слова, как будто пустое пространство. Что поймет из 18 строк **читатель**? А м<ожет> б<ыть> лучше: он, как умеет, сам, за критика, разберется. Лучше. Но на душе — ну, будто я «подсыщик ненужный», — в плату приявший — пинок.

Ни звука об отражении в романе — хождения-метанья нашего в вихре вселенной, разметанности нашей, «приманки» жадному миру — поглотить-смять... опоганить... ни намека на спасение наше единственно — стойкостью, единою любовью к родимому, которые сами же мы и упустили и чуть не погубили... ни чуянья **якоря** нашего и хранителя — простой основы жизни — душевной чистоты и правды, **детской** правды, первичной правды — чем жива **няня**, познающая мир через маленькое оконцо, **свое**, — через детскость и простоту свою. Не прочуяли и величин столкнувшихся: бедной, запуганной души русской — и безмерно-величественного мира, представившегося... кем, чем?!... Эх, вспомнили бы «критики»: чем и кем представлялся нам Мир — **оттуда**, когда-то?... И **что** нашли!... Ни замкнувшегося в себя, волевого, в себе носящего, без шума делавшего и делающего, молчаливого моего (правда, сознательно так данного!) Васеньку (именно, для мягкости — Ва-сень-ку — страдальца) — никак не **взяли**. Ни бесформенный *дар наш,* талант наш, «ame slave»[46] (ч<е>рт дери!), прелесть нашу, чем мир завлечен, (что проглотить хотел бы!) — изнасиловать (да и насилует), необъяснимость и неуяснимость нашу (очаровывающую) — огонь-порох наш, нежность и ласку, архангелоподобность нашу (призванность!), произвольность нашу, безудержность и — чуткость, и целомудренность, и истеричность, и **ворожбу**, и **игру** нашу и женственность нашу, и волю и твердость нашу... и лицедейство наше... (в хор<ошем> см<ысле>) — и своего рода «sexe-appeal»[47] (в шир<оком> см<ысле>) — и *это* не вняли. Но что главное — реальный образ Старухи накрыл их, критиков (да!), а за ним что такое — и не возьмут в толк. Я знаю: я сам себя урезал,

подчинившись Голосу, давшему мне сразу тон и «Няню», а не какого-ниб<удь> умницу-профессора («Пеньки» дают!)... Я сузил себе «магический кристалл», но... дал же я хоть намеком — **что**-то? — то, что **берет** читателя?! Или — **ничего** не дал? Или «заговорила» няня глаза и зубы — и не куснут дальше, не распробуют, — зубы, — а глаза — все на её! Не мне судить, но я — спокоен: хоть на 3 с + решил задачку? Одно знаю: няня моя больше «докторов». Выговорился, хоть и не надо бы. Но мне надо было перед Вами как-то высказаться, как вот на молитву становятся. И мне не стыдно. Знаю, далека Няня от совершенства. И замахнулся-то больно... Хоть щеп-то нащипал?

Ваш Ив. Шмелев.

Писано ночью на 22 -ое.

<Приписка:> Завтра посылаю оттиск 3-ий. Очень мне ску-у-у-шно-о-о... не могу записать. А надо, бьет кнутом завтр<ашний> день.

<Приписка:> Прилагаю вырезки о «Няне», при случае пожал<уйста> верните, но вот что на спинке-то, (п<ись>мо) любопытное совпадение — знамение **русской** печати[48].

231

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.III.1935>***

4 III 1935

2, Boul-d de la République
Boulogne s/ Seine

Дорогой, милый Иван Александрович,

Только что получил — наконец-то! — книги «Богомолье» и посылаю Вам одновременно (а в продаже нет и нет — !) с эт<им> письмом. Чухлома — Чухлома!.. Ка-ак уж по-дали, с таким еще посвящением: не догадались вклеить пустой листок, для надписания, перед траурным! Мыть — не отмыть серь нашу, коломенскую! А еще революцию делали. Де-латели!... — Эти недели я выбился из колеи: Ив заболел у нас, когда его мамаша (ис-казительница... Кутырина!) пробовала что-то добыть в Цюрихе «фольклором» (частушки, песенки, сказочки...)... пока летала туда, чтобы ухлопать последние франки, Ив заболел корью, — доктор, уход,

О<льга> А<лександровна> сбилась с ног, мое гнездо занято, я без причала, все чувства-думы увяли, все запущено. Маленько выкарабкиваемся, t° — стала нормальной, а я за февр<аль> не добыл ни сантима, окромя расходов. Смотрю в испуге в **итоги**... — дрожат ноги. Будем ждать 9 III, когда... скажутся «пятерки», о кот<орых> я писал Вам.

Посылаю откр<ытку> от Eckart'a, с разрешением. Не верится ни в какое «устроение». — Тупые упрямцы читают у нас доклады и все пужают, и никуда не ведут, — «быть на месте». Да еще в водители норовят. Небось читали в «Возр<ождении>», как их «амадисы»[49] разные шпыняют! Был на сем докладе — тишки выворачивало, будто в меня солд<атское> сукно впихивали. Не-умные люди у нас, ох, незадачливы мы. И подумать — **такие**-то во-дили, а им бы способней за курами ходить. — Сазонович... — это, узнал я, Ваш тезка — В. Н. Ильин[50] — «богослов», ту-пой, неуемный болтун. Писал, бывало, об... евхаристии! Во, каки самородки-то! За ноги хватает, когда надо в голову бить или за горло брать.. «сициластов»-то. Такое самоделочное, что... все только ругаются. А, скверно. — Кандрюшка моя совсем замолкла, — очевидно, нечем порадовать. И если так будет продолжаться, то через 1/2 года я, если б<уду> жив, пойду с ручкой. Что ж, не суждено: до-ве-ло! Вон, бывшие экс'ы наши и то «по блины» пошли! Видено ли когда?! Да, «Совр<еменные> Зап<иски>» *1-го III* (не знаменательно ли!) — первого мар-та (ю-би-лей-то!) устроили в ресторане «блины», (им устроили!), черномазые буржуи блины с икрой жрали, под кабаретное, с музыкой, по 75 фр. с рыла, а серы с сумой стояли... насбирали, говорят, тысячи 4. Sic transit...[51] А, бывало-то, Обводной канал, рысаки, кибальчики, перовы-геси-гельфмы... а то Аптекарский проулок... — и вот, **блины**... для обжор-буржуев... «дабы поддержать литературу и культуру». Эх, Щедрин, небось, **оттуда** в дрожи глядит, желчью залился... какой пассаж! — А, м<ежду> проч<им>, на Сазановича-Ильина ополчились вумные и напечатали в распоследних[52] про-тест. Не

читаете Вы — прилагаю. В защиту бедного языкоглота-полиглота. Общий труд 7 мудрецов (сионских). Списано с купленного на толкучке штампа. Даже «хватанье за пятки» раздражает **слона**. Ву-мные! Вот так-то у нас и все. Да разве можно **так** писать о «делателях»!? Надо... чтобы оглушало. А эти щипки — полосканье гнилых зубов.

Ах, надо писать-заработать, а нет настоя в душе. Или — старость это? мои 61 год и 5 мес.?! И должен заниматься самоедством! — У нас здесь люди в переполохе: дадут ли им право (только пра-во!) на труд и — жизнь?! Ка-ак история-то ворочает! И как **все** не лопнет от столькой неправды! Вот те и «вторая родина», вот те и — убежище всех «гонимых». Самое, по-моему, разумное теперь: всем сложиться грошами, купить слоновой бумаги и написать всемилостив<ейшее> прошение на имя г-на Дупиковского... — просить его в мин<истерство> финансов р<усской> эм<играции>. Тогда мы завоюем уважение у всех народов. Неужели ж мы так все и — изойдем — кто — чем?! Переселение в иной мир в таком состоянии — ну, что м<ожет> б<ыть> отчаяннней?! С эт<им> мож<но> сравн<ить> разве только одно: у дверей ресторана — с сумой по блины! — былые властители дум (и Михайловский взирает, потрясая брадой!). Разве еще: на паперти rue Doru[53]: «благоде-тели, милостивцы... подайте былому бомбисту-террористу, веселому убивателю, ныне парижскому обывателю... что вашей милости будет... на пропитание... внучков баб<ушки> революции». И все — подумать! — на наших глазах **было**! И вознесение в небеса, и в помойку падение!

Ну, кончаю излияния из опасения **разлития** в прав<ом> боку, что мне вредно. Целуем и обнимаем Вас обоих. Все мысли обвисли, и уныл во мне дух. Аминь.

Ваш во веки веков — Иван Беспричальный.

На днях м<ожет> б<ыть> пойду в ред<акцию> и возьмусь за Семеона Глубокомысленного. Читаю историю религий О. Пфайпфера. За-чем??

<Приписка:> Устраиваю вечер чтения, да нечем удивить: про Толстого еще не написал... Перстень — *давно*

было в «Соч<инениях>»[54]. М<ожет> б<ыть> еще «Говенье»[55] напишу. В пр<ошлом> г<оду> собрал 3150 фр. Ныне — дай Бог, тыщу! И надо рассовывать... Н. Ив. Кульман все берет на себя, все устройства. Эх, хорошо у Вас, тихо, никак<их> «историй», и к<уда>-ниб<удь> улететь хочется.

232

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<9.III.1935>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за письма, все дошли! Спасибо Вам за Богомолье! Спасибо за Няню! Няню поглотил, запоем! *До* Богомолья перечитываю Лето Господне. А о планах моих ниже.

1) Самое существенное. Бартельс уже пишет Кандрейе, чтобы выслала свой перевод Няни. Он будет дан, вероятно, на просмотр Лютеру. И если он будет отвергнут, то тогда он не сможет связывать долее и Вас. Нельзя же повиснуть на плохом переводе только потому, что он сделан. Таких нравов нет и не может быть. А переводить — Лютеру. Пусть покряхтит, педант.

2) К осени намечается сборник рассказов Ваших. Наметьте немедленно сами — какие. Пеньки. Старуха. Свет разума. А еще? — Блаженные? Сила? Железный дед? Свечка? Надо такие, чтобы *революция изнутри освещалась*. Вот и решайте. Скорее шлите мне твердые указания.

На Бартельса особенно не умиляйтесь: *свое* стряпает; *коммерцию* ведет. А ласково написать ему *можно* — пускай *он* умилится — польза будет. Главное, чтобы он считал себя не вашим «благодетелем» (какое там, даже сказать гадко), а «предметным прозорливцем» и «общественно-патриотическим влиятелем». Вввот — простите за цинизм. Только я всю эту ком-панию насквозь изучил. И никаких гвоздей.

Очень я замотан. С 26 янв<аря>. В температуре. Нат<алия> Ник<олаевна> еще слаба. Нужен уход. Матер<иальные> перспективы до жуткости проблематичны. *Загадочны.* И все свободное время третий месяц пишу за столом.

Написал: О вере. О любви. О свободе. О совести. О семье. О родине. О национализме. О правосознании. О государстве. И пишу о частной собственности. Всего около 15 печ<атных> листов. Из-не-могаю! Ы-ы-ы!

«Няня» превосходна. Никаких не 3+. Полная, великолепная 5+. Кого ни спросишь — делает ясно-углубленное лицо — и бормочет «плакал». *То-то.* Если Худосеич напишет в Возр<ождении> — то пускай! А *я потом* напишу отдельно, всетки (тоже в Возрождении — утритесь, собачка!). А о Лете-Богомолье тоже напишу. Как эти обе хороши!! Как благоуханны, как трогательны!

А у меня гной в гландах. Надо жечь — на след<ующей> неделе. Был у доктора. Сейчас который день — холодище — морозище — Nordost[56] — бяда. И t° выше у меня. Ветер на окна.

Ваши письма по нескольку раз — смакую, как ликер тонкий — на языке. Дай Вам Господь успеха *во всех делах*! Помоги Вам все святые силы! И не давайте себя заматывать ни «любещим пасититилям» (как было написано у нас в Москве в дворовом ватере), ни абажающим письмописцам, ни бесплатным приглашателям. Народ такой — не дай Бог! На днях пошлю Вам мою книжку фил<ософскую>, которую Вы хотели иметь. Добыл неск<олько> экземпляров у «Имкиных детей».

Сазанович не пишет, а пипишет и какашит. Сегодняшний фельетон — сплошная белибердяевщина. И кто это его из яйца раздавил — неужели сам Абраша?

Отзыв Пипильского о «Няне» — дрепло; да он и сам дрепло. Отзыв Гадомовича — до скандальности ничтожен и беспомощен. Плюньте, дорогой, не рыагируйте. Рецензия Кульмана — жижишимпо, ничи-ничи.

История с Ивом меня очень огорчила. Ужасно это быть без пристанища и ствердоточия!

Ох, вопще — эта критика! Читали Вы фигу Кирилла Зайцева о Бунине. А? Нет, а?! Нет, а?!! «Религиозный мыслитель», «мистическая озаренность», «святость быта». Читаешь и не знаешь — зачем это в литературе

все можно, все позволено!? Ведь человек брешет сплошную баздрухлопщину, рыздроглупство, переплюйную бесколесицу. Вот уж:

«Ах, душа моя — телега
Сани росс-пусс-ки...»

И не стыдно. И печатают. А мне дал эту фигу здешний Иеромонах Иоанн с сияющей улыбкой — говорит — «вот — почитайте» — «святость быта».

Это у холодного язычника; это — у горького бессвятца — Бунина! А?

А про Пушкина Кирюша сообщил такое мыслете:

«Представьте себе теперь человека еще более *умного*, чем Тургенев..., человека, столь же, как он, *образованного*, обладавшего *помимо* таланта прозаического еще величайшим даром поэтическим — *стихотворным*, который только знала Россия, и к тому же человека не *скептического*, а верующего, обладателя *той бесхитростной и простой веры*, которая есть величайший дар Бога на Земле —

и Вы получите представление о Пушкине».

<u>мои комментарии</u>:

какой критерий ума?!

ска-жжи-те! по-мми-ммо!

сти-хо-творр-ным!

а? *не* скептического!? нашел какого Горкина!!

здрассьте, свино-пассыте!

Есть мера банальности на свете?
нечуткости?
пустоболтству?
безвкусию?
религиозному кретинству? — Или нет?

Нет.

Вот тебе и: жидо̀к Киря[57] — ум у него гиря,
а сам Зайцев — поехал навестить китайцев...

Писали кот да кошка, дурак Ермошка — а остальное он сам, Россия и Славянство.

Нет, кладу́ перо — merci, merci, merci — если он критик, то я идиёт!

Бунина сравнил он с Бахом!
— ббах!
Почему не с Карабахом?
— трррах!
Уж валял бы одним махом:
С Галилеем, и с монахом...
Или с доктором Подпахом...
Или с доктором Магатом...
Пирогатым, творогатым...
Все равно — уж крыть — так матом!
Быть писателем — так фатом,
Пустозвоном, легкобрехом,
На смех всем клопам и блохам...
Сочинять — так гипербо̀лу,
Издавать — так в «Парабо̀лу»,
Гонорар — так дубатолу,
Удивлять — так всю Европу,
Размышлять — так через ж...у! Тррр... (Pardon, merci!)

Простите, пожалуйста. Я конечно понимаю, что этот экспромт «глупее Тургенева» — но видит Бог, он *не* глупее зайцевской книги-фиги.

А за сим кончаю — зовут к чаю.

Обнимаю Вас от всей души, люблю Вас, горжусь Вами и утешаюсь Вашей дружбой. Ольге Александровне целую ручки. Наталия Николаевна шлет самые дружеские приветы.

Ваш Придворный естетик и критикутик.

Мартобря 9. 1935.

Берлин.

233

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<14.III.1935>*

14 III 1935 Boulogne s/Seine

Дорогой, милый-милый Иван Александрович,

Ваше письмо — всегда для меня праздник, редкий праздник! Будто «живой водой» вспрыснет. И целый день ходишь праздничный: в детстве так, когда знаешь, что вечером повезут в театр. Съездил в театр, и опять — дома, скушно, серо, все обыденное... Вот уж два месяца «душа вкушает хладный сон». Пора бы уж и очнуться от этого хлада-глада, навкушалась душа, и зубы скоро начнут стучать, ибо грозит глад. И ничего в волнах не видно. Опять вот «вечерять» собираюсь. Му-тит... непривычен рассовывать билеты. Все кажется — с ручкой хожу. Вот — итоги литерат<урной> деятельности. Да уж что уж... — все там будем, к тому идет. И как на грех — оторопь, боязно сесть писать (когда «надо»). Но мес<яц> не даю в газету. Оторопь... ножками сучу. Другие в таком положении заряжаются, а я — кверху пузом, вкушаю хладный сон. «В закромах ни зерна...» — и двора даже не имеется. Но это все беллетристика. К делу.

Спасибо Вам, Промысел Вы Божий, спасибочко. Лучше и составить нельзя, как Вы наметили: «Пеньки», «Старуха», «Свечка», «Свет Разума», «Блаженные», «Сила», «Жел<езный> Дед»... Может быть еще — «В ударном порядке»? Тут — хозяйственный разгром и оплевание труда, священного в хозяйств<енной> деят<ельности> человека, *плачь* — и равнодушная природа красою вечною сияет. Я люблю этот очерк, слезы лил — писал. Но трудный ритм — ударный, тревожный, и в этой спешке — скорбный. Для перевода — великая трудность. Тут — бесы хозяйствуют, над душой измываются, загнали хозяина... Все убито, до расстрела жеребенка на глазах матки — все зацеплено, в ударном порядке. Надо бы: да ведают «хозяева», что их ожидает. Как притча. Подумать, что от сего спасена — пока — Европа. Не в равной степени, и не вся. Адр<ес> Б<артель>са я не знаю и как его имячко святое-издательское. При случае — напишу.

Жажду «Религ<иозный> см<ысл> философии»[58]. Кирилла З<айцева> я *не* могу читать, вопче: скверный фиксатуар (5 к<опеек> баночка), в оклейке сусальной с розовым (через 2 минуты после помазки воняет ки-сло, с дохлятиной). Этот акафист написал, свез к Бунину ну и... издалось. Вы его сплюснули вдрызг (не верится — *так* о Пушкине!) Ужли?! Да, Гор-кин! воистину. А Ваша «эпиграмма»-экспромт — не в бровь, а... в кровь! Кипит в Вас ключом, а я радуюсь: **знаю**, работаете хорошо, в удовольствие. Хочу одолеть судьбу (или, вернее, применить), — посему мой след<ующий> заход кончается цыфирью... 991 (а зачем — первые?) Ну, для полноты скажу: 164 991. По дружбе принимаю Вас в 1/10 (без всяк<их> обязат<ельств> — для Вас!) (сам — тоже 1/10), а остальное — сбор всех частей. Апофеоз — 26 III. И еще есть у меня «свистик» на лошадок на 17 IV. Участвую в 1/4, в кот<орую> вписал Ваше имячко, в уме, поп-Алам. Хотя все это — что удочку в ванну закидывать, но...! Выиграла же моя старушка на адр<есный> билет 40 т<ысяч>! Ничего другого не остается.

Мне горько, что бедн<ая> Candreia под угрозой лишения заработка. Она достойна лучшего. Я **очень** прошу Бартельса: если перевод, по Вашему мнению, слабоват (*ее* переводить, вообще, **нельзя**) и он не отважится издавать, пусть вернет C<andreia>, но *не* передает, почему. Я *не* могу. *Пока* пусть она устраивает. Иначе я сон утрачу. Я знаю, как она меня любит, — и сколько она потрудилась над моими книгами. Я ей нед<ели> 3 напис<ал> — не могу принять ее жертвы (она отказыв<алась> от перев<ода> и возвращала мне свободу), и она уступила: «ну, хорошо... я буду еще, скажем 1/2 года хлопотать». Дорогой друг, я не смею, не смею: я не в силах буду тогда хоть строчку написать ей. Пока подождем, что время скажет. Долж<ен> предупредить Вас: она переводила с основной рукописи (я для печати посжал последние 2/3). А 1) 1/3 — почти тождественна.

Спешу ответить Вам. Поцелуйте за нас добрую Наталию Николаевну, молюсь об ее здравии. И о Вас

молюсь, — ох, слабый я, маловер я. Ив оправился. Много у нас семейств<енных> трудностей, — их доставл<яет> мать Ива, сумасбродка, со своим пьяницей и хамом-сожителем (вроде кучера в *10* пд (весу!), хама, очевидно, самозванца, назыв<ает> себя полковн<иком> и инжен<ером> (не знает сложения!), но безграмотного, и еще — хуже...). Мы его не пускаем. Отсюда — нытье, упреки. Но я не выношу хамов, дураков, пьяниц и — хуже. 3/4 всего обрушив<ается> — на душу и сердце, и здор<овье> О<льги> А<лександровны>. Ужасно. На днях его свезли за избиения на улице — в сумасш<едший> дом, но она его — таки выдрала! Ну, и порядки! Боимся за Ивика, — как бы не убил его или не отравил газом, ибо «кучер» или сумасш<ий> или... игр<ает> под сумасш<едшего>, чтобы создать себе alibi при случае... Темна вода. И этот хам б<ыл> сделан (мать Ивика) — **редактором** журн<ала> (бывш<его>) Огоньки. Ну, и баба. Ну, и ду-ра-истеричка! И сколько же она, играючи, кровки из нас повыпила! М<ожет> б<ыть> не желая того. А я дверь на цепи держу, да не ворвутся! Прямо, тип Горь<ко>ва. Громадина дикий сам. Огромный крючник с Поволжья. Значит, такого бабе надо. И со службы выгнали, и баба безо всего! Вот. А чест<ных> людей — indesirables[59]! Ох, целую.

Ваш Ив. Шмелев.

234

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<28.III.1935>***

<Открытка>

28 III. 35.

Дорогой, милый наш Иван Александрович, тону в бездне мелк<их> общ<ественных> дел, благотвор<ительных> воззваний, приглашений — «читать в пользу... юбилеев!» — дергают! Заказы на рас-ска-зы к Пасхе! («на кул<ичи> и пасхи»!), рассылка книги и письма, письмо, присыл икон и митрополичьих благословений. Надо отвечать, трат<ить> посл<едние> деньжи — на марки. А т<у>т меня взяло рассказом, — нет времени спокойно вдуматься. Фу-у... Как я В<ам>

благодар<ен> за «философию»! Впиваюсь, упиваюсь, глуб<окой> ночью. И такая жажда перечитать все, все **нужное**! До 20 неотвеч<енных> писем! Рассказ об исцелении (в Карпат<ской> Руси) — принес слезы рад<ости> и благодарн<ости>. Ваш оч<ерк> о «Клевете» — слышал — вызвал б<ольшой> интерес, к<а>к с одн<ой> стор<оны> «зеркало», где вид<имы> свои ужимки, с друг<ой> — как подкрепл<ение> позиции борящ<ихся> со злом. Ведь у нас об обществ<енной> психологии — кот наплакал. Продолжите, дорогой! Я — с трепетом всегда читаю-вбираю Ваше: по просьбе Ред<акционной> Ком<иссии> «Рус<ского> Инв<алида>» — ко Дню Инвалида, 9-22 V, день Св. Николая, обр<ащаюсь> к Вам: дайте Ваш бриллиант — хотя сам<ую> корот<кую> ст<атью> — в спец<иальный> № (6000 экз. по всему свету!), о том, что связ<ано> с любовью к героям, с обездоленн<остью> инвалида, **забываемого**, с **Родиной**... с жертвенностью... Вы **знаете**. **Ваше** слово — и вес, и блеск, и — повеление. Сколько у Вас — **верных**, влюбленных! На дн<ях> одна иконописица говорила со слезами — не пропуст<ила> ни одн<ой> В<ашей> лекции в Берл<ине> (в пр<ошлые> вр<емена>) и здесь, в Пар<иже> (в ее крови — кровь Анибала, предки Пушк<ина>) — светлая русск<ая> душа, ученица по древн<ей> иконописи — Сафронова (уч<еника> Фролова). Да, срок присыла — 10 апр. Пошлите по адр<есу> на имя Ник<олая> Ник<олаевича> Алексеева (г<е>н<е>р<ал>) 13, rue Pascal, Paris V-e. Я поручился, что «достану». Хотя бы 75—100 стр<ок>. Приглашаются — **помочь** — влить бодрость, полож<ение> невыносимое.

Отзовитесь хоть бы осколочком алмазным. Хотя бы «думами»-афоризмами в связи с инвалидами, с неблагодарностью и забвением. **Позор**. Ка-ак они влачатся... — Богу одному ведомо. Вчера певцы-казаки давали конц<ерт> для них. Было пол-но. Но это какая боль!! — без родины. — Кандр<ейя> тревожно пишет — затреб<овали> «Няню» в Nib<elungen>-V<erlag>. А у меня душа сжалась. Чтобы не слететь с кварт<иры>, надо работать обеими руками, а я устаю... гонор<ары> — гроши. И этот вторник не порадовал — ми-мо!

Не знаю, куплю ли на 9 апр. Постараюсь, м<ожет> б<ыть> сегодня, хотя бы 1/10 — пополам[60]. Надо приветствовать Патр<иарха> Варнаву[61]. — Целуем Вас, милые, обоих. Господь с Вами. Мне подарили глубок<ое> кож<аное> кресло, и я теперь «плаваю» в мягкости. — Глубокий отдых — к глуб<окой> ночи!

Ваш всегда и присно Ив. Шмелев.

<Адрес И. С. Шмелева:> Iv. Chmélov
2, B-d de la République,
Boulogne s/Seine

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne
Deutschland

235

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<30.III.1935>***

30, III, 1935. *Забулонь* на Сене.

Ми-лый, дорогой, Иван Александры-ыч...! Караул!! Погибаю, утонул, тащи-те, братцы...! За двенадцать дней я до-лжен написать два рассказа, да еще до Пасхи... два рассказа, да еще статейку, да еще... чего-то, сам не знаю! да пи-сем, да... «Пути Небесные» как-то продолжать, да самое ужасное — читать мне 13-го, а я «нового» рассказа не имею, а наобещал... билеты берут ску-по, 1000 и один концерт-вечер, живут собственными соками, голова кружится, и когда я буду отдыхать..?! И — где?! А тут еще эти «д'идантитэ»[62], хождение по мытарствам, конюшни, тыканье, да нансеновские пачпорта-налоги, да вот-вот эмпо[63], да вот 15 терм[64]... какие все жупельные словно сны снятся страшные, «московские», та-щут меня... Ужас. А при сем я всегда топочу на месте, как дитенок, которого сейчас будут сечь, и он слышит, как розги ломают. Да еще анвалидам в календарь писать, да еще анвалидам сверх тех трех — надо хоть очерк дать, да еще... — ба-тюшки, погибаю, ради Господа, укройте меня... а мне в кресле хочется посидеть, мне уж 62-й в сердце стукнул, уж давно

дерево срубили, из которого определено гроб мне делать, м<ожет> б<ыть> уж и доски готовы, и лак развели, и сургуч уже отлили, припечатывать, — тут сургучом полицейский припечатывает... Го-споди! Я будто уж и полицейско-комиссарскую физику зрю... этакой налитой, нос с горбинкой, спешит перед аперитивом стукануть по крышке — «готово к отправлению!» — можете отъезжать. А столько еще не дописано, недосмотрено, недодумано, недоахано, недо... плюнуто, столько в душе завязло, вилами надо, как навоз, с нату-гой... А как же Россия-то... так и скажется, не повеет ни весенним, ни зимним, не согреет, не освежит..? Да как же это так? Ночи надо не спать, дни не глядеть на свет, а все тук-тук-тук... для всеобщего употребления? — на машинке..? Да я же *не* машинка, я хочу немножко... «поме-ди-ти... ровать...» вдуматься, приготовиться к отъезду. Как же так? Я еще на ироплане не летывал, я десять месяцев чаю не пил, ни кофе, ни какавы, ни... во-дочки, ни селедочки. Я еще хотя бы 10 000 не выиграл в эту штуку, в Л. Н.[65], в Лез-Ненадо... а уж купил десятую долю, на Божью Волю. Я уж и Вас записал о здравии, под № 751730, в половинку — скоро дойду до двадцатки, падения римск<ой> империи, пол-ное. А тут мне приятель нашел кресло, из-под слона, «утоплое», сиди — как в ванне, сидя-спи... приволок на себе, чуть не погиб... и я не имею часика посидеть-подремать.

Да, написал ли я, что «золотое слово» Ваше для Инвалидов надо послать не поздней 10... в кр<айнем> сл<учае> — 12 — гн. Алексееву, 13, рю Паскаль. Не омрачите, хоть 50 строк, — у Вас не в строках соль, а что в за"строках.

Это самое важное. А вот, сегодня — языцы покоряются и поют «С нами Бог». Получил нежданно письмо от... Зинаиды Гип-пи-ус..!!!?? Даже руки затряслись: не ответ ли на мое «таранное» от 25 дек. 1925 года?! И вот что... Хочу и Вас полакомить, а я облизнулся, как ворона с сыром на елке. Но тут, полагаю, — **правда**. Значит, есть еще она. «Непередаваемым благоуханием России исполнена эта

книга. Ее могла создать только такая душа, как ваша[66], такая глубокая и проникновенная Любовь, как ваша. Мало знать, помнить, понимать, — со всем этим надо еще **любить**. Теперь, когда мы знаем, что не только «гордый взор иноплеменный» нашего «не поймет и не оценит», но и соплеменники уже перестают глубины правды нашей чувствовать, — ваша книга истинное сокровище. Не могу вам рассказать, какие живые чувства пробудила она в сердце, да не только в моем, а в сердце каждого из моих друзей, кому мне пожелалось дать ее прочесть. Хотя это не только «литература», а больше, — я жалею, что теперь не прежние для меня времена, и я не имею места, где могла бы написать об этой книге. Конечно, ее нельзя пересказывать, но отметить ее драгоценность, истинность лика России, который она дает, — для этого я, вероятно, могла бы найти нужные слова. Поэтому сегодня так особенно и сетую я, что негде больше сказать о том, о чем хочется... и, может быть, необходимо». «Крепко жму вашу руку, примите мой сердечный, искренний привет и сердечную благодарность за всю эту прелесть вашего Богомолья. Низкий поклон от нас обоих. Ваша Зинаида Гиппиус-Мережковская».

Не осудите, не из тщеславия, ей-ей; а... Вы **все** знаете из наших «боев», знаете и Г<иппиус>, и я не могу не пройтись эдаким кубарьком враскачку. Победа! На враги же победа и одоление. Книги я не посылал (10 лет строчки ей не писал), — им, по обычаю, Белград послал, как посылает всем участникам изд<ательст>ва все выходящие книги. Так что тут не «комплимент», не эквивалент... а знаменательный, викториальный, инци-Н-дент! Если «Богомолье» покоряет **так**, — а я уже и не сомневаюсь в этом, — значит, оно попоет русским сердцам, омолит, обогомолит, **уведет**... за-ведет! Значит — не холостой выстрел, значит — не даром страдал я, когда писал... страдал от другого... т. е. ото **всего** страдал, а Богомолье меня лечило, и я писал его, и оно «выписывало» меня — почти что с Канатчиковой... это только я один **знаю**... да Оля моя **видела**... Я чуть-чуть не оборвался в бездонность. Я уже метался, как мечутся перед пропастью... и оно, святое наше, повело меня — и

увело, от-вело,... как Ангел на картинке удержало «дитя» от — бум! Так что я чуть взвинчен и ощущаю — плоды «трезвения» моего. Не будь тогда «Рос<сии> и Слав<янства>» Струвевских, кот<орое> могло мне платить, могло дать место, где печатать, я бы не отважился... — не было близкой цели, — об отдаленной не думал. А тут я, шаг за шагом, борясь с «тьмой», с ужасом, меня душившим, — это знать надо! — я низал и низал тропки-строки, я сказку былого себе сказывал, мурлыкал, — вЫ-мурлыкал себя! Бор. Зайцев — он оч<ень> редко высказывался... — слышу — **взят** тоже. Со сторон плывут отзвуки, и моя подоплека поигрывает, будто меня, ставшего ма-а-леньким... ласковая рука треплет по щеке, гладит по головке... Значит, не даром я выучился писать..?! А я пошепчу Вам: я ведь все, все, все в себе сомневаюсь, в ненужности ничего сего, т. е. — шаманства нашего словом. Можно **уводить**... Ну, ну... Но как же я устал!... Ах, Мэри, милая ты моя... в Ваксу уж превратилась, и пьяный водовоз бьет тебя сапожищем в брюхо... да, водовоз европейский, водовоз во фраке, водовоз-шулер, водовоз-промотавший последний «хозяйский» воз, последний грош из-за души вырвавший и пропивший. Бьет — и уже давно бьет сапожищем **все**, и н......л во все светлые источники... — да как же при таком спектакле, при котором ты не зритель только — освистал бы и билеты назад вернул! — а подневольный участник, хотя бы табуретка, на которую водовоз плюхается задом мандрилловым. Табуретка чувствующая, и — немая. Зри и глотай. Во всем разуверился, все — «летит»... и вот, как закатившегося света отображенье на небе... — еще искусство как-то укрывает, как-то замещает, — неужели «подменивает-обманывает»?! — промотавшуюся жизнь со всеми ее «зернами»?! И тут я **вижу**, как оно близко, как оно нежно-сиротливо жмется к религии... — и я начинаю верить в самобытие «идеи», в мир идеи, в Платоновские категории... — и нахожу упор, чтобы, топнув от боли, до сотрясения в затылке, пытаться что-то еще нашаривать, что-то еще шептать-шаманить.

Ах, милый, милый Иван Александрович... брат мой, друг мой... да неужто всё и все будут одинаково и оди-

наковы под сургучом полиц<ейского> удостоверения — и только? Отработанный, мятый пар?! Да не может этого быть! Да ведь страданьями, да ведь вглядываньем, вдумываньем, вчувствованьем... в конце концов Бог **создастся**! — если бы я и не верил в Него! Я пробую что-то бормотать, чего-то искать... ах, запутаюсь я в «путях небесных»... Но это я случайно, как-то наскочил, и из кусочка стал лепить. Долеплю ли? Ну, все же хоть расскажу историю одной чудесной жизни, жизни родного дяди Олиного[67], что слыхал, что сам видал, что... снилось, из чего я сам *для себя* что-то добываю, как бобр хвостом *жилище* себе строю, чтобы не испариться мне, не стать «водовозом», опоганивающим источники.

Целую Вас и Наталию Николаевну. Боже, смилуйся, откройся, обласкай, хоть на грошик Себя дай — душе истомленной.

Потребность была аукнуться-крикнуть. А время-то идет, идет... а я все кручусь, а сроки нагоняют...

Ваш несуразный Ив. Шмелев.

236

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<5.IV.1935>*

Мой милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Огорчило меня Ваше последнее письмо. Ради Господа, не давайте себя так загруживать! Люди — варвары, им что? Пияют и мотают. Для меня нет ничего нерво- и душе-разрушительнее, как творить под погонялкою, *жмать свое вдохновение*, напирать и торопить! Вы просто *не обещайте*. А, обещав, бессовестно (т. е. тогда уже *спокойно* и *не стыдясь*) — обманывайте. А обманув — не сердитесь на тех, кого Вы обманули. Я на эти случаи даже поговорку сочинил: «*обещал, да обнищал*». Бери меня за рубль — за двадцать.

Надо делать *только то*, что кормит. А для воззваний о посещении вечеров — есть Алданов и Балданов, Лукаш и Хитряш.

Ради *Бога*, именно, вникните, — *ра-ди Бо-га*, не трепетайтесь и не замучивайтесь!...

Одновременно с этим письмом посылаю рабу Божию Иулию[68] — статью о «Лете Господнем». И прошу его напечатать ее дня за три перед Вашим вечером. Будете читать ее — помните! *Я писал ее, как перед Истинным.* Литературной *критики* я там *не даю.* А она у меня имеется. Я Вам пришлю ее интимно, на отдельной бумажке, чтобы, если бы Вы признали какое-нибудь из моих замечаний *правильным* — Вы могли бы при втором издании какие-нибудь ретушительные черточки чуть изменить. Все эти мои «критические заметки» говорят только о чисто *внешней литературной* поверхности, никак не касаясь не токмо «стиля», но тем более чего-нибудь более глубокого. Теперь буду писать о Богомолье.

Для Вас — *только для Вас* — постараюсь послать что-нибудь инвалидам. Ох, не люблю я этого жматия на вдохновение. Да и что *я — инвалидам*? Каждый раз как близится Ваш вечер, я грущу, что не могу прилететь и послушать. Нужно же для чего-то такое оудаление!

Барт<ельс> переезжал на другую квартиру, покупал себе автомобиль (sic! sic![69]) — «замучался» — и получив кандрюшкину рукопись, еще не вчитался в нее. Говорит — что перевод первых трех страниц маловразумителен — но и за это не ручается. Я говорил ему о Вашем желании. Очень надеюсь, что дело будет двигаться дальше — если не с Няней, то со сборником.

Ваш рассказ о буйстве кучера — и о «визитах» его поверг нас в тихий ужас. Что только делается и что возле нас и вокруг нас!

Гиппиусиха-Корга — умилилась кочерга! Это случай, Вами предусмотренный в Праздниках: «стоит-стоит — кочерга — и вдруг — пое-едет»... Так вот — это с ней случилось. Но ничего. Атдобрить — по-своему даже просто вроде правды высказала, фараонова невеста. Молодец, старушенция. И честно так обратилась. А фараон[70] — промолчал? Невесте поручил? Гм.

Дорогой мой, что Вы мне шепчете о «сомнении» — то я этого никому не скажу, нельзя, не поймут... Разве в таких вещах, как «творения Шмелева», можно сомневаться — это разве если кто их *не читал*!... В его

творениях — Божии лучи, и ангельские слезы, и «золотинки» сердец человеческих. В таких вещах сомневаться непозволительно. А еще Божия травка и птицы.

О Боге и потустороннем я напишу Вам отдельно. Не хочу Вас сейчас отвлекать *моими* мыслями — Вы перегружены.

Вашу новую вещь — «Пути небесные» — читаем с волнением. Лепите себе, дорогой, неизвестно что из комочка. Господь Вам помогает!

Посылаю Вам квиточки почтовые. Непременно хочу *вместе с Вами* — продолжать Лезть куда Ненадо. Непременно. Непременно *вместе с Вами* — вроде стука в дверь! — «Если Вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям Вашим — то даст и Отец Небесный просящим у него»[71]. Вот какой смысл я в это вкладываю. Итак, оба вместе — в два согнутых указательных пальчика — тук-тук-тук. Лезем, куда не надо. А Он, м<ожет> б<ыть>, услышит. Спросит: «кто там?» — блааагостно — а мы скажем: «два Ивана, российских сына, дозволь, Господи, покоя земного немножечко вкусить — грешны — измотались — прости!»[72]

Мы оба душевно и духовно обнимаем Вас и Ольгу Александровну.

Ваш, пока жив, Иоанн (имя ему).

1935.IV.5.

237

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<15.IV.1935>***

15. IV. 35 10 ч. веч<ера> и 25 м. понедельник.

Boulogne s/Seine

Дорогой, богоданный, незаменимый, неизменный, всеведущий, всеразумный, всепроникновенный и милый-милый

Иван Александрович,

Вечер был... и — до-ждик ли-и-ил!.. А мне наплевать. Было. Прекрасно. Уложил в-лоск. Читал, как бог, с м<аленькой> буквы. Подписали: — «еще лучше, чем в пр<ошлом> году». Но для меня ху-же: выручка не 3 т., а

2. Обеднение. Кризис, канун терма[73], опоздание: после снятых сливок. Но было почти полно, ибо вместо 10 fr. б<ольшей> ч<астью> пущено по 5, а вм<есто> 5 — 3 fr. Но было неск<олько> китов по 50 и акул по 25. Был Бунин и говорил приятное. Читал я: «У Креста» (Богом<олье>) с некот<орыми> купюрами (на 25 м., ч<асть>) «Как я ходил к Толстому» (на 22 м.) — написанный в пятницу 12-го, в t°. Рассказ **захватил** всех. Не ожидал. О<льга> А<лександровна> все твердила — «не читай, чего ты там настукал, больной?» Я ей не читал, почти. Ладно. Обещал, на-до. И не промахнулся. Нежданно — потряс животики. Засыпали комплиментами. Ибо я всех ввел в заблужд<ение>. Ожидали — Толстого, а получили... мечту... и ком снега в морду. Но сие Вы имеете прочитать в газете[74], когда закончатся — о-ох! — «Пути небесные». Как, а? — «Искушение»[75]? Писал в t°. Чую, что что-то д<олжно> быть из этого рассказа, выйтить. Должно, но это не значит, что выйдет. Получил 2 т., из коих 500 было съедено уже, остатки сладки ткнул в хайло кварт<ирному> хозяину, ибо сегодня terme. На 3 мес., знач<ит>, с квартиры не погонят. Было на вечере человек 300, весь и зал (мал<ый> Tubo[76]), — это мне очистилось чистых. Надо было мне делать вечер в феврале! А то всех обобрали. Теперь я начну ходить по «разовым», в розницу: пригласил «союз москов<ских> дворян» (а не дырян!), бе-дные — за 100 fr. на 1/2 часа. Все лучше, чем — с ручкой; (на вечере) 3 № был — «Няня», вариант 1-ой главки в Америке, *как* ехали по океяну... и *как* липортеры описали 40 сундуков звезды и все ее... комбизоны и эти еще... тьфу... все-то раскопали... вот чем, чтобы не стыдно сказать, — *фасон*-то подпирают... Слушатели веселились, и 4 № — «Как я покорил немца» (учит<еля> нем<ецкого> языка), из гимназ<ической> жизни. Это был **ударный** рассказ. Стон стоял! И я получил звание «несравн<енного> чтеца... артисты так не смо-гут!» Да, читал полубольной.

Жду с нетерп<ением> узнать В<ашу> статью о «Л<ете> Г<осподнем>». Благодарю Вас, милый друг. Сейчас узнал (12 дней не выход<ил> из дома до вечера), что, — говор<ит> секр<етарь> Дол<инский>[77], —

рукопись пришла... в четверг... (?) (Я думаю, врет.) Конечно, могли бы напечатать. Но... там что-то все в полу-панике, в ожид<ании> перемен. Много слухов... дов<ольно> даже диких. Все возможно. Ожид<аются> перемены. Назыв<ают> даже... Каз-бека[78]... Любимова[79]... Слиозберга[80] (берл.)...??! К юбилею газеты. А м<ожет> б<ыть> и вранье. Но С<еменов>, говор<ят>, буд<ет> извергнут. — ? Все это — гипотезы — анализы и силлогизмы. Из «носящейся пыли». Ваша ст<атья> пойдет в четверг.

Прошу — пришлите «бумажку с критикой». Я верю кажд<ому> Вашему слову-знаку. И — воспользуюсь. Одно замеч<ание> **знаю** сам: «Рожд<ество>» дано сов<сем> в ином тоне. Да, с него начал писать очерки и перешел на нов<ый> тон, а Рожд<ество> пожалел все же изменять, а другое написать — не удосужился. Молю — доверьте, наставьте. Поклонюсь. Буду ждать «Богомолье»(!) Много за него — хвалы. Вот говор<ят>: **необыкновенная** книга. Знаю: никто больше не станет давать в литературе — Богомолье, как никто не рискнул давать **ресторана**: ограбил. Но отметки себе ставить не могу. Б. Зайцев плакал-читал.

С<andreia> («Кандрюшка») просит скорей ответа от Nib<elungen>-V<erlag>. Лучше *положит<ельного>* (да, мол, хорошо), т. к. швейц<арский> издатель *почти* берет (прочит<ал> 1/2 и захвачен). Если отв<етит> Nib<elungen>-V<erlag> — да, она его (N<ibelungen>-V<erlag>) отклонит (ибо все равно прид<ется> отклонить, т. к. она из племени папуасов и посему **неграмотная**). Тогда швейц<арский> издат<ель> схватит, и я хоть немного, но получу в шв. фр. И не буд<ет> сообщ<ать> Nib<elungen>-V<erlag>, что она с Мадагаскара, а скажет — шв<ейцарский> изд<атель>, дает лучшие услов<ия> (чтобы разговорами о южном меридиане не повредить книге в северном!) Я ее ободрил, утешил и пропел ей: «Хр<истос> В<оскресе>, моя Ревекка» и т. д. Ну, она и воскресла. «А муж мой, пишет, природный католик». Инв<алиды> ждут с восторгом В<ашей> статьи, хоть в 50 строк. Но не

позднее 20—21 апр.! Бога ради!!! (На вечере Инвалид<ов> генералы благодарили за Вас заранее.) А я написал «Мятный Пар».

Получил почтов<ые> квит<ки>. Напрасно-с, ей-ей. Завтра я жду улыбки судьбы. Ждите и Вы, купил (сегодня только) три билета по 1/10. 2 на 16 IV, 1 на 7 мая: *втроем*: пригласил еще для инвалид<ов> бедн<ого> человека (полусвятого, но... тоже фортунится). №№ завтра, чтобы Вы могли порадоваться на мое счастье: №№ 125429 и 983314. (а на 5-й fr — 7 V: 879261) — Но 17 IV на свистик можете порадоваться, принимаю Вас в 1/8 удовольствия. — Что-то Вы не напис<али> адр<еса> Баха или Буха, и его имя-отчество, чтобы я мог взять у него Вашу картину — Купидона, что ли? У Мих<аила> Мих<айловича> все забываю спросить.

Весь вечер вынесла на плечах Нат<алия> Ив<ановна> Кульман, — как я ей обязан!! Столько хлопот. Без нее — полугибель. Она же меня укрепляла во вр<емя> болезни <в> пр<ошлом> году. Кажд<ый> вечер навещала, и потом добывала мне деньжат на лечение и отдых. У меня два таких хранителя, кроме «природного» (О<льги> А<лександровны> и Господня): Вы да Нат<алия> Ив<ановна> больная, она даже и распоряжалась на вечере, не говоря уже о том, что **добывала** у богачей. У меня ведь нет богачей среди друзей. Есть читатели... но меценатов нет. А наше время — средневековье, времена прохвостов Эразмов Роттердамских и проч. Даже Гете не мог без мецената. Хоть бы какого меценатишку, или хоть ценатишку, главн<ое>, чтобы был корень «цен». Ка-ак я уста-ал! А надо гнать «Пути Неб<есные>». Я их одноврем<енно> провожу в риж<ской> газ<ете,>[81] за кажд<ый> фел<ьетон> дают там — 125 фр. — Все же..! Иначе — «куда зайцу деться, куда схорониться»? «Искуш<ение>» не очень **искусительно**? Но из песни слова не выкинешь. Теперь м<ожет> б<ыть> будет... **Грехопадение**... Изгн<ание> из рая... «Возвратная горячка» (неверие)... Чудо — № 1. И — под гору — чудеса, смерть Даши и публ<ичное> покаяние (на мосту через реку Аму-Дарью(?!!), на носилках!!! И — Оптино. Уход

инженера... Много всего. Надо постараться все это дать в 5 оч<ерках>, еще. Эх, не будь этой газеты, я бы расписался. А то еще Гусаков[82] скажет — гнать их... до-роги! Все возможно. Но я буду плестись, пока ноги держат. Глаза слипаются. Пришлите «Критику», умоляю. Благословляю. Благословляю Господа за то, что Вы **есте**. Послал Варнаве послание... Сколько же мне пришлось писать эти посл<едние> недели!! И я еще существую — ! — ??!

Поцелуйте от нас милую Наталию Николаевну. Когда же мы свидимся?! Где я буду летом — мрак неизв<естности>. Обнимаю Вас. Снимали сегодня меня в кабин<ете> *под* Вашим портретом и Москвой. Так я потребовал. Буду *печатать* в Ил<люстрированной> Рос<сии>[83] и Риге, — к<а>к раб<отает> И<ван> Ш<мелев>.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Жажду читать (и многое **надо**), а нельзя. «Пишшши, с<уки>н с<ы>н!» — кричит жизнь.

<Приписка:> Есть ли Фрейд на рус<ском> яз<ыке>? Прочит<ал> Вашу Религ<иозный> см<ысл> фило-с<офии>. *Еще* буду. Читал больной и усталый, и мне было трудно все взять. Читал трепетно, к<а>к всегда. Надо о-чень сосредоточиться.

238

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<20.IV.1935>***
<Открытка>

Милый и дорогой друг!

Спасибо Вам за письмо от 15.IV. Во все вник и прочувствовал. Вчера появилось мое о «Лете Господнем». Сегодня отправил Семенову о «Богомолье». Одновременно пишу ему запрос по делам редакции. Считаю (да и не я один, а все), что введение туда г. К. Б.[84] было бы очень тягостным непоправимым ударом по русскому делу и фронту. Это признают открыто даже честные идейные кириллисты. Какой мерзостный тон будет! Какой вред! — Бартельс пока молчит. На днях буду с ним говорить. «Критич<еские>» замечания к

«Лету» уже написаны, вышлю на днях. Но все касается только органического заделывания швов разрозненного писания. Очень мы радовались успеху Вашего вечера! Ради Бога, пишите дальше «Пути Небесные», не оглядываясь ни на что. Что выйдет — то и будет хорошо. По стихотв<орению> Н. И. Гнедича:

Пушкин, Протей
Гибким твоим языком и волшебством твоих песнопений!
Уши закрой от похвал и сравнений добрых друзей;
Пой, как поешь ты, родной соловей!
Байрона гений, иль Гете, Шекспира,
Гений их неба, их нравов, их стран;
Ты же, постигнувший таинство русского духа и мира,
Пой нам по-своему, русский Баян!
Небом родным вдохновенный,
Ведь на Руси ты певец несравненный![85]

Фрейд Вам совсем не нужен. Если встретимся в этом мире, то я расскажу Вам о нем в общих чертах[86]. А ковыряться Вам в нем ни к чему. Главное, берегите свое телесное здоровье. А остальное даст Господь.

Мы оба душевно обнимаем Вас. Сердечный привет Ольге Александровне. А Нат<алии> Ив<ановне> Кульман — скажите от меня земной поклон за заботу о Вас!

Ваш всегда И. А. И.

1935. апр. 20

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
2. Bd. de la République
Boulogne (Seine)
Frankreich. France.

<Адрес И. А. Ильина:> Prof. Dr. I. Iljin
Berlin-Wilm<ersdorf>
Sodener Str. 36 III.

239

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<19.IV.1935>***

19. IV. 35. Булонь на С<ене>

Дорогой Иван Александрович, дай Вам Бог здоровья!

И насладился же, усладился же я великолепнейшей статьей-лаской Вашей о «Лете Господне»[87] и об авторе его — грешном рабе Иване! Так насладился-усладился, что целый день бегал по Парижу, отыскивая лампадку по сердцу, дабы затеплить ее и в кабинете, перед Богоматерью Херсонской, перед Богоматерью Сиэнской — Вашим даром от 23 дек<абря> 1930 года, и перед Св. Серафимом, полученным от почитательницы, собственной ее кисти. И нашел за 75 сант<имов> стаканчик «постный» с «остатками красного вина», чуть с розовинкой, но главное — с «ножкой» для подлампадника. И вышла из «французского выпивончика» лампадочка на-диво! И затеплил в подлампаднике, серебряном, на трех цепочках, лета 1841 г., как гласит проба-пробойка российская. Дар сей — от миланской почитательницы. И были гости: — Ив. Бунин с супругой и Галиной[88], и Н. К. Кульман с супругой и ярый мой по-читатель и знаток, казак-поэт — тонкий, но нигде по гордости и строгости к себе не печатающийся — некий Вадим Никол<аевич> Родионов, посещающий по госпиталям одиноких, безвестно умирающих... — священный человек. И дивились, и ели солянку и кулебяку: было как бы благодарственное вкушание по окончании трудов «вечеровых», хотя Бунин положил только тот труд, что был на «вечере». Провожая Бунина в передней, услыхал от него «интимно сказанное»: «поздравляю Вас, дорогой, от души: прекрасно Ильин написал о «Лете», с нервом, с крепким словом, с подъемом, метко». А мой Родионов, как вошел, хотел начать с гимна Вам, но одумался, что ежели начнет с гимна, то... испортит аппетит и Б<унину>, и К<ульману>, по разным причинам. К<ульман> ревнив к критике, сам пишет. Но ина слава солнцу, ина слава луне... **Так** писать можно только Вам, выносившему, создавшему **свою** философию искусства, свою эстетику, и, главное, свою националь-

ную, **русскую**, — и религиозную — основу критики произведений российского Искусства. Конечно, К<ульман> **не** может **так**. Ибо в нем нет **основы**, выношенной, созданной, а... — «как Бог на душу положит». Отчего я всегда равнодушен к его рецензиям, как бы они ни были хвалебны. Они всегда приличны, но и только: на них нет «печати дара Духа Святого». Я вчера пять №№ «Возр<ождения>» купил, чтобы посылать друзьям, и по мере надобности. Сердце мое горело, когда читал. Го-споди, достоин ли сего? Но если хоть чуть-чуть... — «ныне отпущаеши раба Твоего... яко видеста очи моя»[89]. Одно знаю: — и Вы «ухватили» это, предвосхитили! — сколько народу писало мне, что держат «Лето Господне» рядом с Евангелием, что читают в полосы уныния, что ежегодно, в день оный, перечитывают, что это «книга из книг», что... Но я будто акафист себе пою. Но письма у меня сохраняются, как укрепление. А ныне Вы всенародно подвели такой фун-да-мент, так засваили, что... уже слышится — «Я памятник себе...» Пусть только «сквэрный» — это что вот в Париже по сквэрам ставят, для Готье, Коппэ... и пр<очих>! К черту все монументы, мне бы дотащиться до русской могилки на русской земле и получить «крест» из родимой березы! И пусть грачи по весне орут... — в деревне бы схорониться. А книжки мои... — написаны, еже писах — писах, а там — все трава забвенья. Но дорого мне сознавать, что Вы **так** внушительно и так «из сердца» написали «на всю вселенную». Кой-кого, небось, и покорчило. Земно кланяюсь за то еще, что великолепно покрыли — припечатали «13», именно — «13». Тут даже К<ульман> не выдержал: «вели-ко-ле-пно!» — сказал. Его О<льга> А<лександровна> простым сердцем **довела** до восклицания, а я и не шевелил, чтобы не дробить. Мне нисколько не стеснительно благодарить Вас за Вашу **песнь** о «Лете», — это пропето, для общей радости. Знаю, что многим-многим дали Вы испить воды живой, и они сердцем благодарны Вам. И теперь не одна тысяча читателей по-пьют! Покупать немногие пойдут, — не на что, — но все же ку-пят... а, главное — в библиотеках затребуют. А кои и обзаведутся.

Так — еще ни об одной русской — и иностр<анной>! — книге не говорилось, с такой смелостью-дерзновением и с таким **правом**. Теперь мои тихие читатели-почитатели... пра-зднуют! Вы с ними мной похристосовались. Во имя самого дорогого нам... И они испили благодарственно. М<ожет> б<ыть> и укрепились. Да наверное так. Ибо — «с тех пор, как существует русская литература, впервые художник показал эту чудесную встречу — мироосвящающего православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой...» (И. А. И<льин>.) Веррно!!! При-ни-ма-ю. Благоговейно внимаю, и в душе моей ответно звучит — «верно, Господи... Ты мне даровал это, эту «встречу», а раб Твой, тобою помазанный в пророки, изрек сие!» Обнимаю Вас, милый, за такую священную, благословляющую дух мой — **правду**. Страданием создается... а я именно в таком был страдании, когда писал это, особенно — «Богомолье»! — я **искал** — уйти от своего ужаса и умиранья духовного. И — спасся, м<ожет> б<ыть>?!

И прошу Вас — пришлите мне «замечания», чтобы я внес исправления, если паче чаяния придется перепечатывать «Лето».

Не могу не говорить, — душа полна — уста глаголят: это не статья, нет: это откровение, это вскрывание, это художественно-критическая поэма: это огромной важности и огромного содержания этюд об искусстве, о душе народа, о душе писателя **за** народ свой... — это и мне наставление, да! — «Смо-три!!» И это молитва за Искусство. Вы **учите**, **как** надо приближаться к Нему. Ни-когда ничего подобного не читал. Уму-разуму учите ма-а-леньких... высокого роста. По властности, по лиризму, по цельности, по насыщенности... — никто, кроме Вас, и не смог бы, права не имел бы, дара не обрел бы... И не стыдно мне писать Вам все сие: ибо Вы — по праву пишете. А нам — слушать и принимать. Спасибо Вам, милый Учитель. За... правду и за... доверие ко мне. Дал бы Бог не постыдить Вас своим недостоинством. С нами Бог!

А пока — не капнуло 16-го. Что будет дальше?! Свистик, кажется, тоже свистнул и свиснул. Но еще не **все** знаю; прочитаем в тираже лошадином[90].

На днях я получил прошение о содействии сведениями... от одного молодого будущего ученого из Кёнигсберга, от студиенреферендара Михаила Ашенбреннера[91], который хочет писать диссертацию на ст<епень> доктора, изучает русский яз<ык> и берет темой по совету проф. Н. С. Арсеньева — мои произведения. Он родился в России, его отца расстреляли большевики, он с матерью добрался до Германии — давно, в 18—19 гг., трудами и лишениями добился бакалавреата, окончил Университет. Совет Арс<еньева> попал в точку: Ашенбреннер — пишет мне по-франц<узски> — «принял этот совет с тем большим удовольствием, что всегда восхищался моими книгами». Просит матерьялов, биограф<ических> сведений... Я позволил себе указать на Ваши труды о Шм<елеве>, на Ваши лекции, дал ему кое-что, что нашел — у меня в этом отнош<ении> ха-ос! — указал и на проф. Арт. Лютера, и еще советовал затребовать кое-что — биографию мою у Кандр<ейи>, которая благоговейно все собирает и хранит. Вы не откажете, если он обратится к Вам за указаниями?

И еще, вот что: в начале марта я послал Арт<уру> Лютеру «Богомолье», но не заказным, как и Вам. Вы получили, а он... до сих пор я не получил от него уведомления — письма, как обычно раньше... и боюсь теперь, дошла ли книга. Если будете ему писать — не откажите закинуть словечко, есть ли у него «Богом<олье>». А мне что-то стеснительно спросить, будто я хотел бы его слова — отзыва, благод<арственного> привета за книгу. Нет, я боюсь, как бы не почувствовал он себя обойденным вниманием. Письма я ему не посылал.

Надо бы отдохнуть, очень иссосан, а надо писать для Рожд<ественского> (Пасх<ального>) №. Да, IV очерк «Пут<ей> неб<есных>» А время осталось короткое, два-три дня. Одно утешение: про «Как я ходил к Толстому» я писал накануне вечера, в температуре, и —

угодил! Да ка-ак! Самому странно: покатывались в зале, и Бунин гоготал, а его трудно тронуть... да еще он на эстраде сидел. После «Путей» напечатаю, нельзя раньше. Но это уже будет читаемое, не — «в исполнении артиста императорских театров». Иду на последних силах... у-стал.

На днях меня снимали в кабинете, а над «Москвой» — Вы, единственный. И я попросил, чтобы Вы были непременно **взяты**. Еще не видал, к<а>к вышло. Выйдет — пришлю Вам. Целуем, милые, родные обоих Вас. Поцелуйте Вашего Ангела-Хранителя Наталию Николаевну, с наступ<ающими> Святыми Днями. Возжигаем лампады (две у нас пока, а хочу бо-льше!). Все хочу старой обмоленой иконки Распятия, как у нас в передней висело, да-вно! Хотел бы вернуться в детство... ничего не понимать. М<ожет> б<ыть> и достигну... гаг'и...в (gagapp.)[92], не дай-то Бог! Обнимаю.

Ваш ныне и присно Ив. Шмелев.

240

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<26.IV.1935>***

26 апреля 1935. Boulogne s/S

Христос Воскресе, милые, родные, со-бродяги, со-безродники — внешне! — Наталия Николаевна, Иван Александрыч!! и — Воистину Воскресе!!! Ах, как я устал, едва пишу. Вчера говели, удостоились, и я как начал с 7 утра, так и мотался-говел — до 11 ночи, закончив на 12 еван<гелий> у Преп. Сергия на Подворьи, а начав с О<льгой> А<лександровной> и Ивестионом с 7 у<тра> — в Аньере, у иером<онаха> Мефодия — Кульмана. Ныне — как паровая севрюжка — вилочкой не возьмешь. Зато очистился, и хочется дремать, спать, ни о чем не помышлять. А помышлять необходимо... Не браните за «Грехопадение», IV очерк «Пут<ей> неб<есных>». Писал целое воскрес<енье> 21, а 22-го переписал и свез. Куда я занесусь..? В основе — голый факт, а надо его облечь ризами. Трудное «дерево», срублю ли. Помните «Купчиху» Кустодиева? Мне ее прислал недавно Сергей Горный. Она — это как

Дарье Ивановне исполнилось уже 25—27 годков. Я ее встретил уже лет 45 — ей, а В<иктору> И<ванови>чу[93] было тогда к 60, или ей — 40, ему — 54—<5>5. Надо вот теперь изображать, как тянули друг дружку и кто кого и куда вытянул. Страницы любопытные... такое-то «качание» было..! от Содома к Мадонне. Будут теперь стрршные падения, богохульства, кощунства, надрывы и взрывы, до «сапогом в икону», — и ... чудеса, много чудесов. И — страдания. Но как-ниб<удь> — или сам доеду, или читателя **доеду**. Еще думаю, очерков на 7—8 хватит. Из «зернышка» родилось: решил написать про жизнь В<иктора> А<лексеевича> для «Прав<ославной> Руси»... стал крапать, нет, вижу... — не для монахов, и печатать им не перепечатать. Ах, буду же купаться..! — Шлю Вам себя, взятого врасплох, одним благочестивым фотографом. Вы, как изволите усмотреть, царите над «Москвой», и пишу под Вашим глазком строгим, памятуя, что...! и под Вашим благословением. Не я, а «одни брови»! Помните, у Маковского есть — «в 4 руки»? Так вот, **жарюсь** «тупыми глазами» — **уперся** во что-то. И на стенке — мальчик наш и Король. А рядом с Вами — «Московский дворик», у Григория Неокессарийского, на Полянке, где я в бабки играл. **Все** — при мне. И было сие 15 апр<еля> 35 г., что и удостоверяет кал<ендарь> инвал<идов>. А на пер<вом> плане, на уголку Ва-ше: развернутое при чтении — «Религ<иозный> см<ысл> философии». И еще шлю — светлолобого с плюшевым подбородком, ножницами бреюсь, по бедности. Хорошего — один нос только, да и то на любителя. И воротничок удался. Все же, думаю, лучше, чем дьячок американской церкви, за подсчетом выручки, каковой у Вас есть. Я-ма эта на щеке, но это потому, что у **него** нет ничего за... щекой! Милостиво примите сие «пасхальное яичко». Прилагаю и «Москву», писал один полковник, для «щеки», вохры не жалел.

Ваша поэма о «Лете Господнем» заставила и заставляет говорить о себе. От ско-льких слышал! «Это первый случай, когда про наше, национальное, так сильно и громко и славно сказано! а то все, бывало, если что хорошее... — ну, хорошо, так чего же об этом говорить!» —

изрек Хрипунов[94] в «Унион Креди Мютюэл»[95], где я приобретаю «части». Карташев мне пишет: «Блестяще, ослепительно написал о Вас И. А. Ильин. Слава Вам и Ему — с б<ольшой> б<уквы>! Мне так не написать». И еще, дальше: «А какой срам — внутренний, извне невидимый, — для Вышеславцева и Бердяева, которые не захотели напечатать Вашего «Богомолья» — в «Имке», К<арташев> пытался хлопотать, я ему не давал рукописи, но у него был комплект очерков из Рос<сии> и Слав<янства>, и было для меня нежданным **сие**! — «Я, — пишет далее К<арташев>, — этого им никогда не забуду! Что значит пошленький лево-интеллигентский террор: «как бы не показалось им — кому??? — очень правым, черносотенным»!» А ведь преле-стно?! И как непроходимо глупо! Лишним комком д....а больше в «истории русской **мысли** и... словесности»! Бунин был у нас с В<ерой> Н<иколаевной> и, уходя, когда я провожал его, ин-тим-но, сказал, пожимая руку мне: «да, поздравляю Вас... Ильин нашел слова... сказал чудесно, из глубины; с нер-вом... прекрасно». С ним это редко бывает, с Б<униным>, за все время знакомства — м<ожет> б<ыть> 2—3 раза. Про-няло его. И чувствовалось в слов<ах> все же скрытое досадное... Многие, многие расшевелены.

После 1 ч. отдыха-сна... 5 ч. 20 м. веч<ера>. Однако, я чувствую, что переработал! Разбитость, изнеможение во всем теле. Хоть опять вались... у-стал. О<льга> А<лександровна> намесила куличей... и, повинуясь неодолимому «инстинкту», — для чего, собственно, кули-чи?! — как птичка, которая не может не вить гнезда, как пчелка, вылетающая при первом теплом весеннем дне, пое-ха-ла за тридевять земель... с этими тестами-куличами... в... Севр, в знакомую булочную, где эти куличи нам спекут и не сожгут! Подите вот... измучается влоск, но... бу-дут у нас куличи! Привычка: не может быть Пасхи без куличей! Я сколько доказывал, что легче ку-пить пусть даже несколько худшего кулича, чем убивать столько сил... — ку-да там! Ну, своего рода по-э-зия. Понимаю... Эх, утомился я... Ах, полетел бы на воздух, в горы!.. Но для сего надо иметь несколько потяжелей карманы. Имейте в виду, что для сего мною

куплены еще, сверх «компанейского», в три слагаемых, билета на 5 транш, за № 379261, — еще, для нас с Вами, только: одна двадцатая ч<асть> бил<ета> № 118170, и одна десятая, № 233081. И кто знает, м<ожет> б<ыть> синяя птица клюнет и попадет в руки?! Свистик ухнул! И знаете что... мой билет был 28209, лит<ера> С. А выиграл «утешительный» — № 28205, лит<ера> С. И выиграл 10000! Ну, возьми я билет чуть пораньше, на полчаса, что ли, в той же конторе! И мы имели бы — я купил четверть б<илета> — по 1250 фр.! Тьфу!! Но это значит, что «вьется», с<укина> д<о>чь, **хочет** осчастливить.

Ох, не ругайте за «грехопадение». **Так должно** было **быть**. И так, конечно, было. Но... **как** же теперь несчастная девица переступит за монастырский порог, где покоится прах матушки-бабушки-А-гнии!? Но тут **начинается** «путь страдания», в... счастии... О сем начнется — в след<ующих> очерках. Я ввожу Вас в почти-кухню своих «куличей», без коих я тоже не могу жить. Лишь бы хватало сил ехать... в «Севры»...!

Жду Пасхи, когда, может быть, разговеюсь Вашей песнью о «Богомолье», и буду плясать веселыми ногами и воспевать: «приидите, пиво пием но-во-е-э...!» — «в нем бо утверждаемся». И-менно. Благодаря Вашему «утверждению» я дерзал, пребывал в атмосфере творчества... тлевшие искры раздувались... Но отчего же я **так** устал?!! Слава Богу, вот без месяца год, как не слышу болей... и даже недавно выпил полстакана кр<асного> вина, с водой, и даже — Вам поведаю! — съел кусок кулебяки... но отчего же я так устал?!! Нет, конечно, переработал. За эти недели я написал 4—5 рассказов, помимо «вечера», масса писем, воззваний, приветов патриархам и прочим. И сколько ждет! Хочу забыться, опять читаю, взял Гофмана, но... мне скучно. И — работаю еще — в себе. «Пути» как-то пухнут, как куличи, даже «шепчутся». Знаете, как куличи... ше-пчутся? О-о... это шшш-тука! И как невинно-ви-нно пахнут! сырые... и как сладко-сытно-сдобно-одуряюще богато разливают свои скрытые недра в воздухе, когда их везут в автобусе из... Севра?! Все хранцузы

навастривают носы... и уважительно устремляют очи на... «писательницу»... и думают о своих жалких «гато», круассанах и прочей дряни. А пока куличи пекутся — час! — О<льга> А<лександровна> ходит неприкаянная по Севру. Ведь это по-двиг! Тем более, что... я не могу, не смею есть кулича! Это — яд. Ибо там... жареное-печеное ма-сло. А как хорошо бывало, в России, на даче, при поздней Пасхе! Вечер, поет соловей, сирень валится через перила на террасу, кипит — даже — всхлипывает от восторга самовар, чай со сливками, 7—8 час.,! и... теплый кулич... нож то-нкий и остро-острый, и чуть смоченный... взрезает шафранную пучину, через которую можете видеть солнышко, сирень, соловьев, синь неба, через «дыханльца», через прозрачность лабиринтов-дырочек... и такой запах Пасхальный — весенний — свежий и божественный. Вы берете такую вот «пухлость», с кулак, вздрагивающую и дышащую, осторожно вмещаете в «антре» и... чуть языком пожали и чуть ароматным чаем облили, со сливками... !!???§§№№№[96] — и... растаяло, как облачко в лазури, как оборвавшаяся трель соловьиная...! А-а-а-а-а....!

Я... устал. Обнимаю, обнимаем, милые друзья, Вас пасхальным объятием. Спешу опустить в ящик, не испр<авляю> ошибок — 6 ч. 20 м. веч<ера>. О<льга> А<лександровна> привезла куличи. Го-споди! Погнала (сама) — за... творогом. Ну, за-чем?!

Христос Воскресе! (оба) Воистину Воскресе!

Да будет Вам Светлый День!

Ваш Ив. Шмелев.

<Пасхальная открытка с изображением праздничных колоколов на первом плане, видом Васильевского спуска и надписью, сделанной рукой И. С. Шмелева на обороте:> Христос Воскресе! Милые!

Ив. Шмелев 26 IV 1935 Париж.

241

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<3.V.1935>***

3.V. 1935. Boulogne s/S

Дорогой друг, Иван Александрович!

«Се раба Господня: да будет ми по Глаголу Твоему»[97].

С трепетом — только и могу — кощунственно — повгорить. Читал Вашу «Святую Русь»[98], — пока трижды читал, — и будто это не про меня, и потому как бы «свидетельски» внимал **пению**. Удивительно. Это не «критика», это — **глагол**, который зажигает сердца согревающим светом, и... бесы трепещут в преисподней. Как напр.: Кулишеры, Имки, Бердяевы, Нижеславцевы[99], Литовцевы[100], и проч. служители «князя тьмы» за... сребреники, за улыбку милостивца, за... будущую «трапезу». Осчастливлен, одарен, укреплен, благословлен. Спасавшая меня работа над «Л<етом> Г<осподним>» и «Богомольем», спасавшая от духовной смерти, (и от телесной, да, возможно!) спасшая, да... — вылилась в книги, и вот, Ваше **величание** и доносящиеся ко мне вздохи читающих — спасают снова от... уныния и безнадежного озирания вокруг... Господи, будто и не вовсе впустую жил... Господи, будто и я, раб ленивый и — ох — «усталый»,... — поклонился, как мог, Господину, и хоть немножко, да «преумножил» доверенное Им. Вы, так, свидетельствуете. А я Вам не смею не верить. И есть еще **голос**, внутри меня: «отдохни, устал... мо-жно». Да будет мне по Глаголу Твоему!

Вчера — я поехал в «Возр<ождение>» за платой — О<льга> А<лександровна> встретила Бор<иса> Зайцева. Сам сказал: «Ка-ак Ильин написа-ал!» Она ответила, святая простота: «да, Иван Александрович уме-ет написать». А я ей только что, перед уходом, читал «Святую Русь», весь в волнении и дрожи... не читал, а... как Апостола возглашают. И оба мы вкушали, «над горсткой», как просфору. А когда я вернулся к завтраку, перечитывал в углубленности — и в углублении креслица... — и уж едва поднялся, весь разбитый. В 7 ч. веч<ера> t° — около 38. Это все, с перерыв<ами>, моя болезнь, бронхит. Ско-лько дней! Опять банки, уротропин, аспирин (а это *яд* для кишечн<ика>). Сегодня утр<ом> 36,7, а сейчас 8 ч. в<ечера> — 37,7. Очень я устал. А надо в воскр<есенье> читать москов<ским> дворянам — за 100 fr. «Тираж» — ни-чего. Но я буду «стучаться» — 14 V. **Надо** достучаться! Вчера пришел простой челов<ек>, б<ывший> моск<овский> милл<ио-

нер> Карпов[101] (сам инженер), женат<ый> на Морозовой[102]. «Ка-кой гениальный талант!» — про Вас. — «Вот кому бы потрясать, как **публицисту** (!!?)... всю Россию!» Я внес нек<оторые> дополн<ительные> поправки и разъяснения, и мы сошлись, что не только «потрясать», а **вести**, **нести**, **учить**, **творить** Россию». — Ваши два **Слова** по пов<оду> моих двух книжек — знаменательные, **ведущие** *Слова*! Да что мне-то Вам говорить: Вы **знаете**, и **все** это понимают. И я счастлив, что мои книги дали Вам повод-зарядик — сказать, **провещать** их. Счастлив. Как и тогда, когда Ваши мысли и слова выбивают в сердце моем искру, и я — начинаю **жить**, т. е. ухватываюсь и влекусь к столу...

4 V — опять t°. Сейчас, полуразбитый, бегу опустить это *недописанное* письмо, чтобы сегодня пошло, а то в воскрес<енье>, завтра, не берут.

Слава Вам и — земной поклон, за **Родное Слово**, за **русское** дело. **Каак** это важно! *Ваше* слово — или не знаете Вы? — для многих-многих — водительство. Мои книги теперь **легко** услышатся! Обнимаем Вас и Наталию Николаевну.

Все Ваши — Ольга и Иван Шмелевы.

242

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<4.V.1935>*
<Открытка>

Дорогой и милый друг!

Я сейчас в Бремене (несколько выступлений)[103]. Пробуду здесь до 11-го мая утра. Н<аталия> Н<иколаевна> пишет, что от 2 мая напечатана «Святая Русь». *Очень* прошу Вас, пошлите мне немедленно два номера Возр<ождения> с этой статьей по адресу:

Bremen. Am Dobbon. 123.
Herrn Missionsdirector
Dr. A. W. Schreiber
für Prof. I<ljin>.

Они дойдут сюда, сегодня 4 мая. Надеюсь, статья Вас утешила. Писал ее огнем и духом. Господь да хранит Вас!

4.V.1935. утро. Ваш всегда Иоанн.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
2. Bd. de la République
Boulogne (Seine)
Frankreich. France.
<Адрес И. А. Ильина:> Prof. Dr. I. Iljin
Berlin-Wilm<ersdorf>
Sodener Str. 36 III.

243

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<6.V.1935>*

6 V 35.

Дорогой друг Иван Александрович, прибежал в субботу к почт<овому> ящику — последняя выемка уже была! Отложил до понедельника, и вот, сейчас Ваша открытка, из Bremen'а. Отправляю Вам 2 №№ «Возр<ождения>» от 2 мая по нов<ому> адр<есу>. Вчера **читал** на «чашке чая» «Союза Рус<ских> Дворян», за 100 fr. Что-о бы-ы-ло! Ехал — погода в 22°, все в зелени, — ну, кому приятно в такую **первую** майскую погоду сидеть в собрании! И что же! — по-лно! Бывало на так<их> «чашках», — говорили мне, — 25—30 чел. А тут! Би-тком салон. Челов<ек> 150, и все **цвет** имен Росс<ийского> Двор<янст>ва! В 1-ю полов<ину> читал — «У Троицы на Посаде». — **Взял**! Плакали! А с чего тут-то плакать... про... тележку?! Оглушили всплесками, сдавили рукопожатиями. Имена — Трубецкие, Гагарины, Хомяковы (внучка славн<ого> Хомякова трогательно благодарила, — внучке за 50!), Ламедорфы, Волконские, Самарины, и... цветник прелестных русск<их> девушек... — какие лица! 2-ое отд<еление> — «Троицын день» — еще чище! Снова — Вы — «наш, истинный...» «Как мы счастливы, что у нас Вы...» Недостоин. И счастлив был — верьте! — не *за* себя... что *мне*-то от сего... я — поденка... «яко трава»... нет, а за то, что выпало мне на долю **родным** словом-образом вдувать душу, жизнь, смягчить как-то скорби, обвеять красотой родного, и — м<ожет> б<ыть> — ободрять. Но... дотого разбился — насилу добрался до дома — ляпнулся. Сегодня, с Вашим, письмо из Милана —

низкий поклон за... «День Ангела» и за *все*. Многим (вчера говорили) по душе — «Пути неб<есные>». Но **как** я их буду дальше...? Я **устал**.

Да, статья Ваша — не статья, а порыв огня и духа, но какой **полный**, какой песнопевный! Земной поклон Вам! Вы меня **раскрываете**, Вы меня и — **открываете** мно-гим! Вчера я особ<енно> ясно ощутил, что я... да, **свой**, **русский** писатель! Никогда так не чувствовал. Это и благод<аря> Вам, и... остаткам в душах... — **родного**! Оно, д<олжно> б<ыть>, обновляется и пускает побеги: было много молодежи. И это несмотря на 1) День Русск<ой> Культ<уры> (организации молодежи), 2) Пушк<инский> 2-ой «вечер» в зале Рамо от Союза Писателей. Я уже не мог туда ехать.

Пришла книга от Н. С. Арсеньева — «Из жизни Духа». Ка-ка-я надпись авторская..! От этого я сжимаюсь и страшусь... да откуда мне **сие**?!

Обнимаю Вас, светлый друг, и — слов нет... Сколько Вы сделали для меня! Сколько сил давали Вы мне!.. Но... как хочется долго-долго спать! Как хочется воздуха! А надо вертеться, рваться, — надорваться?! Ну, что же...

Ваш Ив. Шмелев.

244

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<8.V.1935>***

Мой милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Получил два номера газеты и Ваше письмо чудесное. Спасибо. Но теперь главное — *лечь* и *вылежать до конца* бронхит, чтобы он не углубился и не перешел в воспаление легкого. Это *самое* главное. Поберегите себя! Аспирин *совсем не надо* принимать — он не лечит, а только *понижает t°*; а t° — если она *есть* — *нужна* организму и искусственно ее не следует понижать. А вспотеть можно от *липового* кипяточку. Если аспирин Вам вреден для желудка — то не принимайте его *совсем — ну его*! Эти гриппы и бронхиты — лучше всего лечатся *подкожным впрыскиванием omnadin'a*. (Помогает замечательно!) Я применяю его при *каждой* простуде — и сам

и Н<аталия> Н<иколаевна> — вот уже *лет 8*. Уважается он здесь *всеми* врачами. Помогает замечательно! Это *не вакцина бактериозная* — а *Reiz-Terapie*: т. е. *побуд* организму справиться самому. Ни на сердце, ни на нервы, ни на пульс, ни на сон *никак* не *действует*. Посылаю бумажку. Впрыскиваю я себе сам — и шприц кипячу. Но Вам это кто-нибудь сделает.

Чтобы не забыть: как только получите это письмо — позвоните Кальн<ицкому>[104]. Там *Вас* ожидает какая-то посылочка *спешная*. Я не помню, кому я посылал статью для *инв<алидов>* — кажется ему. Так вот ему позвоните; а то в посылочке испортится что-нибудь. Там сами увидите и все поймете; и свое недоразумение поймете; это ничего. Только чтобы они поскорее доставили.

Очень любопытно слышать *еще* конкр<етные> отзывы о моей «Шмелевии». Пожалуйста — прочтите обе статьи *подряд* — это *один* опус, а не два. Такая статья — вроде лакмусовой бумажки — кто что несет о ней — поучительно.

Числа 27—28 апр<еля> я послал Вам *простой* бандеролью большой конверт с

1) главою о совести — машинопись,
2) выписки «критические» — к Лету Господню (карандашом).

Дошло ли это до Вас? Неужели нет?

Ради Бога, дорогой, не углубите свой бронхит! *Лежать*! Лежать! Не *на* постели, а *в* постели. И доктора!!

Я уеду отсюда 11-го утром. Не пишите мне больше сюда, а прямо в Берлин.

Если мои «статейки» Вас радуют, то я счастлив!

Обнимаю Вас и целую ручки Ольги Александровны.

Ваш Иоанн (имя ему).

1935.V.8.

Завтра говорю, здесь. И послезавтра. А 12-го в другом городе. 13-го — дома.

Радовался на Ваш «прием» у дворян!

Omnadin можно выслать отсюда как echantillon sans valeur[105]. Спросите своего доктора.

<Приписка:> Милый и дорогой друг!

Вы окажете мне *величайшую* услугу, если отправите прилагаемые письма *заказными* по адресатам. Поставьте,

пожалуйста, *свое* имя и адрес в качестве отправителя (Exp<ress>[106]).

Очень тороплюсь и не пишу больше. Простите и помогите.

Сообщите мне расход во франках, я переведу Вам почтовыми бонами. Обнимаю.

245

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<11.V.1935>*

11. 5. 35. Boulogne s/Seine

Дорогой друг Иван Александрович,

Сперва о важном. Спасибо, милый, получил Вашу главу «О совести», в самый разгар работ и хлопот, и прочитал залпом, отбросив все. Так меня «унесло» ото **всего**, подняло и — **открыло** мне как бы новый мир, дало ключ к разгадке многого, для меня темного. Поражает — ясность и сила доводов и углубленность. Я буду читать вторично и еще-еще, т. к. тут каждая строка — «рука ведущая», а я сейчас, будто ослепленный, ищу, ищу... и посему на неск<олько> дней оставил «Пути небесные», бросаюсь от Вас к Вл. Соловьеву, к Ап. Павлу... — и во мне многое раздирается, многое я не могу **внять**, бунтую-барахтаюсь... Вцепился в «Чтения о богочеловечестве», Соловьева... Господи, сколько я проглядел или мельком только видел. Хочу «до дна» опуститься, весь «гад подводный ход» видеть, слышать и — добраться духом до «ангелов полета». — Лист с замечаниями на «Лето Господне» тоже получил и — благодарю. Конечно, надо «связать», выкинуть объяснения и повторения, во всем правы. А главное — «Рождество» в другом ключе дано, меня **режет**... но все объясняется жадностью-тревогой — скорей выпустить «Лето Госп<одне>», боялся, что не выживу... не успею. От души отлегло: а я-то страшился «основного провала», какого-то... Ну, уфф... благодарю сердечно, исправлю, если прид<ется> переиздавать. А, пожалуй, что и придется: шумят книги, — во вс<яком> сл<учае>, шум идет. Ваши две статьи **так**, видимо, трахнули[107], что... «Ирод-царь смятеся и вся Иерусалима с ним».

Прищемили кощенке фост! Я ихней гизеты не читаю, а случ<ается> «добрые люди» приносят. Вчера князь Волк<онский> принес из-под нас и говорит: «мож<ет> быть это Вам испортит сон нынче, но я счел долгом...» И вот, прилагаю хфельетон Гадамовича-Содомовича: «Россия, Русь, святость», № 9 мая, четв<ерг>. Уви-дите, как «дерет» кощенку! Да ведь теперь «зашумит-загудит», вай-мир! Заполошились гады и погадыши, засвистали... лапсердаки и пейсики, застучали копытцами бесы и бесики, заполошилась-загвалтела «Иерусалима» и вся масонина и все шепчут::: «Святая Русь... неужто еще ее не удавили, не источили... на-си[108]..?!» Точили, давили, сто годов наша интеллигентщина плевалась, мазала, клеветала, взрывала, бесовала... а Она — жива, воспеваема! Она еще не запрятана, не подменена, не оклеветана, не растлена! Ее все хотели в виде купца-бог'оды[109] представить, как, «награбив», купчина-бог'ода лампадки теплит, «пудовые» свечи ставит, — дались **им** эти «пудовые»! — и «бьет лбиной в пол», а потом в... перину пуховую, с отрыжкой водки и редьки с квасом, волосы у купчины лампадным маслом намазаны... — так вся эта гадь — до Блока-ха, — изображала-мазала нашу «святую Русь». Издание продолжается, Кулишеры-Содомовичи стараются до-мазать... — Замечали, как жидки-писаки и прожидь всякая, когда хотят «русскнуть», — всегда так: «эй, ты, бог'ода!» — визжат с усмешечкой поганенькой?.. Вот у них вся Русь — «бог'ода», купчина, пудовая свеча и проч. бутафория. И это все от грязного-чахоточного бельишка Белинско-Доброл-Писаре-Черныш<евского> идет до поганенького «бесенка», от их прокуренных туберкулезных душонок-легких, от всей их злой и злобствующей чахлости-дохлости, от прогнивших носков, годами несменяемых. Ото всех этих «социалистов» с чесноком и без оного всегда для меня воняло — ношеным бельем, всеобщей неопрятностью, сыпало перхотью, пеплом табачным и душонкиным, гнилыми зубенками тянуло, харкотиной, — и они, сволота (простите сэ мо[110]!), еще... **имели**, могли заполучать в свое немытое, прогнившее владение... чудесных Вер, Наташ, Елен... вплоть до...

целой России нашей! Взята и растлена бесами и выдана Хаму..! — Ну, я занесся. Прочитайте. Я прочитал и — возликовал. Наступили бесенку на хвост, даже не закрестили, а он... ви-и-изг пущает! Уверен: **надо** было ему «пущать», наказано... о Вашем «выступлении» по всем, конечно, литерат<урным> и литерадным стогнам шумит-шепчет Иерусалима, и такая, и без «запаха». Удивлены, конечно, все мои «собратья», шепчутся и завиствуют и облизываются... Ка-ак же можно!» Так, всенародно, и объявить: вон кто — наследник-то «славных наших»! Не **ихний**... — вот что глав<ное>! Я вдохновенно рад и счастлив! Теперь моему «Богомолью» и «Лету» — дорога даже в самую «Русалиму» обеспечена. Теперь, уверен, выписывают Ваши №№ Возр<ождения>, теперь бодрей осматриваться будут и верные: «а что, под жабер взя-ло..?!» Мне вон Содомович припомнил — с какой давности! — и «Родное», как Кочин у Тестова сидел, и «Солдат», о коих изрыгался блевотиной Кулишер 4 года тому в «П<оследних> Н<овостях>». И «голубки-теремки», и... (см. Степуна-Типуна,) и все. Да не возьмешь, щука, ерша с хвоста! По-здно. Я всегда был — я, за ихними сребрениками не гонялся, лапсердаков не лобызал... а ныне — и подавно. Мне **они** «С<олнце> Мер<твых>» превратили в «овраг, куда сваливалось награбленное у помещиков добро», — правда, все те же «П<оследние> Н<овости>».
Меня в «голоса из гроба» давно поместили — «П<оследние> Н<овости>» — но ныне расшаркиваются перед «глубоким художником...» Не возьмут ни хвалой, ни хулой. Но... пуще вознесут! Вы им вставили «гусара», помазали скипидаром... а главное, Вы **так** непочтительно с Бло-хом... «Собаки лают — значит — едем», сказал перс<идский> поэт. Я от радости долго не мог заснуть. Думал: **надо** непременно издать Ваши статьи! Раскупят. Если еще добавить Вашим фундаментальным очерком о «критике», Вашими статьями о «Творчестве Ш<меле>ва» и об «Искусстве Ш<меле>ва» (почему бы Вам не издать этюды В<аши> о нас, вкупе?), м<ожет> б<ыть> еще чем добавить..? Это же будет та-кой приемчик касторки для «блох» и «ехидн», такая радость для истинных. Я надеюсь достать

у друзей немного денег (постара-юсь!), — м<ожет> б<ыть> всего тыщонка-полторы и потребовалось бы, фр<анков> на 4—5 книжечка. Газету забудут, замызгают, а книжечка мозолила бы душонки бесам и давала радость — истинным. Им бы еще «Няню из Москвы» — она бешено спрашивается в библиотеках, как и «Лето» и «Богомолье», — «приходится покупать еще и еще, очень требуют», — сообщили мне в (*недружеств<енной> мне*) Турген<евской> библ<иотеке>!! Когда издадите «Няню»? О «Няне» веду разговор с «Возр<ождением>», составляется смета и решение воспоследует — какое? Не вемь. Но я ***издам***. Еще кое-где забросил крючки. Получаю хвалебные письма, все больше. Вы так меня «ходонули», правда. Вас о-чень чтут. Враги видят в Вас — си-ли-щу! И — страшатся. «Поддай пару, машинист!» Бить надо, во главу бить, до... помрачения. Тогда они «высказываются», «печонки» свои показывают и — страх. Ишь, про «реставрацию», про «имперскость» выболтались... — вот что **им** страшней всего. <«>Ну, пиши «Богомолье», промолчим-замолчим... но не смей писать о «Богомолье», профессор Ильин!» Ясно. Им мой «капитан» Бураев[111] страшен был, но... забыли. Им показался неприемлем бывший ***ихний*** Кочин («Родное», отрывок только!), возлюбивший-вспомнивший — **свое**. И вот — «слезы над «тестовским расстегайчиком»!» Теремки, голубки... — наплетут же, сволочи! «Оленя ранили стрелой!»? — «Плю-нули в... блоху!» — и вот истерика... и... бездарь-Осоргина[112], хама из хамов, гада из гадов... осмеливаются сопоставлять с... «Богомольем»! Этот гниль-гадина что делает! Он будто бы роется в «архивных матерьялах» — эх, не видите Вы ни «П<оследних> Н<овостей>», ни «Сегодня»... — и выуживает «фактики», и все эти фактики наполняет своим гнилостным ядом пошлости и «смака»: все, что только было грязного и уродливого когда-то, в хронике дней-годов, он, гад, ставит под увелич<ительное> стекло, добавляет выдумкой, ехидничает и подносит: вот — «былая Россия!» Есть вид психоза: больной копается в нечистотах, смакует их, мажется ими и мажет... расковыривает помойки... — и все это его «космос» и его «евхаристия». Так вот и квази-литераторский психоз

бывает, за который платят. Нет такой гнусности, какой не напечатали бы с дрожью радости и зло-мести гг. «последние» и «сегодняшние». Что поделаешь! В России бы с ними на стран<ицах> печати разделались бы... а здесь — у нас руки связаны. И вот такого-то — и дочего беспомощно! — сопоставляют со мной! И кричат с визгом: вот где «святая Русь», насто-я-щая! Тьфу. Вот где — народный язык, по-длинный. Террористов возводят, — продолжают! — канонизировать. А святое наше — «бог'ода», «семипудовая свеча», «награбил», обвешивал, перины жаркие, обожрался, облевался... — святая Русь! Тут дело серьезнее. Тут — злая болезнь, тут — клевета, тут — пляска на костях мучеников, и продолжение большевизма, жидовщина, опоганение наглое на глазах, разложение в русской эмигр<антской> печати! Я не могу за себя отповедь давать, а мог бы плюнуть. Но надеюсь, что эта «тема» еще будет разрабатываться: Вы подняли важный вопрос и поставили реши-тельно.

Эта подлая статейка — Ваша и моя победа, конечно, «Разумейте, языцы!» Лучшего, все же, не могло быть: зашумели, — заде-ло! — Кульман, из ревности, — да! знаю!! — *ни слова не написал мне и при свидании не скажет, знаю.* Вот, Карташев, искренно: «я так бы не сумел!» Я писал Вам его отзыв. Кстати: «получили ли Вы мое пасхальное б<ольшое> письмо, оплач<енное> даже 2 фр. 40, с двумя моими фотографиями, над одной из коих Вы — над Москвой?! Послал 26 апреля, с вложенной еще пасх<альной> откр<ыткой> — «колокола» московские? *Непременно известите.* Я знаю: точней, честней германской почты нет, все всегда аккуратно получаю, но... мало ли что могло случиться, затеряться..? Скажите. Я от Вас всегда все получал. Непрем<енно> известите, *а то я буду терзаться.*

Я получил от М. Н. Кальн<ицкого> посылочку и сейчас же ее съел, не испортилась снедь, хоть и жаркое время. Милому Сик<орско>му отослал письмецо, заказное, по личному делу. Хотел бы сам поехать в Италию, да по бедности ограничился почтой, но приходится посылать заказным, иначе боюсь неакку-

ратности, это тебе не немцы. В понедельник с горя пойду в знакомый мой креди-юнион, куплю две-три десятых, к 21 мая, хочу выиграть малу толику. Завтра приходится говорить на съезде инвалидов, не дают отдыха, просит Кальн<ицкий>. А мне надо спать, лежать. Бронхит прошел, нет темп<ературы>. Спасибо за проспект омнадина, выпишу из Герм<ании> это средство от гриппа. Кандрейся в раже от Ваш<их> статей — «Л<ето> Г<осподне>» и «Бог<омолье>». *Да, я спрашивал Вас, получил ли проф. А. Лютер мою книгу «Бог<омолье>» — до сей поры ни звука от него,* а я *послал ему 7-го марта еще!* Этого с ним не было еще. Я буду удручен, если книга пропала. Не думаю, чтобы она вызвала его отрицание. И хотелось бы *мне знать-проверить его точн<ый> адрес.*

Благодарю Вас за то, что дарите меня доверием, любовью, дружбой. Без Вас, милый И<ван> А<лександрович>, многого не познал бы я, и жизнь здесь была бы для меня беспросветной, не согретой... Ско-лько взрыто через общение с Вами! Да, поднятое Вами — о «Правосл<авии> и *Святой* Руси» *не должно оборваться. **Вне*** связи с моими книгами, Вы нравственно, перед светл<ым> русск<им> читателем, — и перед колеблющимися — совершаете светлый подвиг. (Необходимо развить, дать м<ожет> б<ыть> целую книгу. ***Так*** нельзя бросить.) *Дайте* же еще о «Св<ятой> Руси». Зуботычину «бесам». Верно у нас: всегда с ужимочкой интеллигентики говаривали-выплевывали: «Святая Русь». Увидят хама — «Св<ятая> Русь»! пьяного странника — «Св<ятая> Русь». Они не знают «церковн<ого> народа», крестноходного народа, **тяги** к святыням, этого благоговения перед подвигами святости — устремлений к благодати, глубин народной русской души! Сколько об этом есть у Ключевского даже, ехидника в общем. Какие подвижники! Сергий Радон<ежский>, Серафим Саров<ский>, Тих<он> Задон<ский>, Митроф<аний> Ворон<ежский>, — да сколько их! Вот — Крестн<ый> Ход напишу — «Донскую»... Расколюсь — продолжу. Из Милана читат<ель> — восторг<ается> особ<енно> «Днем Ангела»! Приветств<ует> «Пути неб<есные>» и радуется

В<ашей> статье — «Прав<ославная> Русь» (еще не чит<ал> «Св<ятую> Русь» — выписыв<ает> «Богом<олье>» и молит меня дать автограф<)>. Старый литер<атор> Воротников из Ниццы радуется восторж<енно> Вашим статьям. Израэльсон из Ниццы повторяет — «ка-ак преподнес проф. Ильин Вас — читателям, ка-ак раскрыл, и какой огромн<ый> вопрос поставил *вновь*!» Это — крещ<еный> еврей, б<ывший> сотрудн<ик> ряда моск<овских> газет (Осип Волжанин). — Подумайте о книжечке. М<ожет> б<ыть> заработаете 350—400 фр. Я хочу проверить в кн<ижном> скл<аде> «Возр<ождения>» — сколько обойдется, на что можно рассчитывать.

Обнимаем и целуем Вас, милые Наталия Николаевна и Вас, друг добрый. Будьте здоровы! Да сбудутся самые светлые думы Ваши! Решительно говорю: Вы *должны* создать целую — и боевую! — книгу о Святой Руси. Как хочу напитаться **благодатью**! решить **все**, укрепиться в вере! И как бы хотел — свидеться с Вами, пожить рядом! Зд<ешний> возд<ух> — мне труден. Если бы перенестись к Вам! Я **должен** выиграть. А след<овательно> и Вы. **Должен**!!! Аминь.

Ваш, склоненный, Ив. Шмелев.

<Приписка:> Напишите о «чтениях», о чем говорили и где. Чувствую себя лучше, радужнее, только волнуют публ<ичные> выступления — не отмахнешься.

<Приписка:> *NB* Кандр<ейя> устроила в Швейцарии в Bund'е мой расск<аз> «Чудес<ный> билет». Что-то дадут?

<Приписка:> Статейку можете не возвр<ащать>: я достану. На 1 XII 1907 г. в России было:

650 муж. монаст<ырей>
448 женск. м<онастырей>
1098.

Монашествующих:

муж. 24 тыс.
жен. 66 тыс.
90 403 (!!!)

Из кн<иги> Л. И. Денисова «Правосл<авные> мон<асты>ри Росс<ийской> Империи» изд. А. Д. Ступина, Москва, 1908 г.

246

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<27.V.1935>*

1935.V.27

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Простите долгое молчание. Затрепался. Разрешите по пунктам пройти темы.

1. Письмо Ваше от 26.IV с фотографиями я получил перед самым отъездом, а уезжал я в другие города на две недели.

Первый портрет — большая фигура — хорошо передает Ваш лик. Именно лик. И лоб, и глаз, и нос, и борозды страдания, и озаренность мысли. Второй за машинкой — несколько каменный и чужой. Фотограф не владеет проблемой освещения и света. Чтобы взять Ваш лик *художественно* — нужен был бы почуявший Ваше творчество художник. Мысленно шлю к Вам такого. Спасибо Вам за портреты! А за мою рожу наверху даже совестно. Про «Маковского» это метко Вы сказали.

2. С Лютером я не в переписке по личным основаниям. Трудно мне его запросить. Но о нем ниже.

3. С волнением и умилением слежу за тем, как развертываются «Пути Небесные». *Она* доселе яснее, определительнее, скульптурнее, чем *он*[113].

4. Ваше описание «куличности, как таковой» во всей ее «куличавости» и «куличкиной пекомости» с духовно-духовым-духовкиным соблазном ароматов — смаковалось дома, а потом телефонно-Горно (т. е. оцупительно)[114].

4. Клеветон Гадо-мовича — оказался подлинным клеветоном, исходящим от гада, мовящего гадости. «Блядуить» писун и сам знает, что гнусесловит. Горный прочел — говорит — «социальный заказ» от «начальства»; и говорит еще: «и было мне мои друзья — и кулишерственно, и тошно»[115].

Я бы *ответил* на это — да, барыня моя не велит: не имеешь, грит, права сообщаться с такими сосудами. Я ей говорю — «будь пкойны-с, — ведь я помойное ведро выношу и потом его, вонючее, собственной лапой мою,

значит, мóю самую помóю, дак и тут то же, будь пкойны-с»; а она не дозволяет. Говорит — «пиши о ихнем духе — а о гадо-мовиче не смей». Оно действительно, и в несвященном писании сказано «да не наступиши в шпинат»; а тут шпинат не то что птичий или собаче-бараний, а как бы уже самый кошачий («барбон, экскюзе»[116]).

6. Того относительно, что мое слово «водительно» — этого не вижу! Для кого? Оно только для Вас «сопроводительно». Да еще повод для всевозможной сволочи раздразнительно и к лаю побудительно. А сволочь бывает разная; но всегда безобразная. И несет она разное, несу-разное. Право же, у меня такое чувство, что всякий мой опус — есть вроде побуда для надругаемости со стороны врагов и повод для друзей оказаться в «хате с краю». Только выставляешь себя в качестве уличной тумбы, которую *всякая* собачонка понюхает и потом (нехотя, через силу, все уж вылила, дура!) — обмочит («бардóн! экскюзе!»).

7. Молодцы «дворяне». Радовался, что они Вас утешили! Тто-тто!

8. Спасибо Вам за исполнение моих двух просьб. Рахманинов говорит в таких случаях «огромное «благодарствуйте»... Известили Вы меня о сем — изумительно.

9. В Бремене и Лемго[117] говорил 4 раза о религиозных преследованиях коммунистов и о победе православия; а также о мировых планах коминтерна.

Здесь 23-го читал публ<ичную> лекцию «Россия в русской поэзии» с бесчисленным множеством русских стихов. Прием был горячий, народу немного, доход ничтожный — на Ваши деньги 150 франков. А лекция была неплохая; и стихи я читал креко[118].

Евреи говорят «у-битки»...

10. Ваши «эксцсы»[119] о радикальных словоблудах — великолепны до отврата, значит — художественны.

11. В одном месте хочут мне заказать книгу:

Шмелев—Бунин—Ремизов—Мережковский—
—Алданов—Краснов—Куприн.

Листов 10—12. Чтобы ее можно было потом на языки переводить. Откуда это, не скажу пока. Но кажется все на мази. За лето отработаю.

12. Думаю написать о Няне. Но — погодя. Пущай выйдет книгой.

13. *Кто* писал Вам из Милана?

14. На отдельной странице о Кандрюшке и Б<артельсе>. Т. е. о Няне.

Душевно Вас обнимаю и целую ручки Ольге Александровне.

Напишите!

Ваш Иоанн (имя ему).

О Няне.

Б<артельс> читал кандрюшкин перевод Няни. Говорит, язык ее перевода *плохой.* Она переводит на тот язык, который знает *плохо* и *неверно*; многое вымучено; в поток рассказа никак не попадешь; этот перевод, выпущенный на рынок, *только навредит Шмелеву* и распространению его книг.

Мне он кандрюшкиного перевода Няни *не* показывал и я его *совсем не видал.*

После этого он был у Лютера. Лютер о кандрюшкиных переводах дал *тот же отзыв*, что и я несколько лет тому назад (о переводе Форфрюлинга, т. е. Истории любовной). Она *плохо понимает русский* текст! Не поняв — или *просто пропускает* несколько фраз, или *упрощает* и *оплощает* непонятное место. Многое совсем не верно переведено. Художеств<енных> достоинств *никаких. Немецкий текст плох.* Словом — скверный перевод.

Б<артельс> написал Кандрюшке *очень вежливый* отказ; мне он был сообщен по отправлении и мною найден просто деликатно-элегантным.

Сегодня Б<артельс> звонит мне и читает по телефону *заносчивый до наглости* ответ Кандрюшки, совершенно в том роде, как она прислала мне письмо года три назад в ответ на мою критику. Она домогалась тогда от меня рецензии на перевод Истории Люб<овной> — а я ответил ей, что *лгать* в рецензии не могу, а хулить ее перевод не хочу, чтобы не повредить книге. Она ответила мне рвано-собачьей злобой,

улично-базарным тоном сорвавшейся барахольщицы. Теперь то же самое с Б<артельсом>.

Б<артельс> пишет Вам одновременно. Он обсуждал с Лютером план — выпустить Шмелева вовсю. Фишер *уже* согласился уступить ему Солнце мертвых, а Л<ютер> согласился его отредактировать до лоска. Затем Б<артельс> хочет перенять Чашу и тоже обработать. Выпустить Няню и стать Вашим главным издателем при содействии Лютера. Если швейцарец возьмет сдуру перевод Кандрюшки — то это испортит здесь.

Да, еще. Письмо Кандрюшки к Б<артельсу> содержит злобные намеки на меня. «Я-де несколько лет тому назад уже получила *такие* же упреки за мой перевод, до странности совпадающий с тем, что Вы, г. Б<артельс>, мне теперь пишете. Поэтому я *знаю*, с кем Вы советуетесь и *чего* этот господин домогается». А между тем — советовался Б<артельс> на этот раз *не* со мною, а с Л<ютером>; и Л<ютер> сказал дословно то же, что и я. А чего *я «домогаюсь»*, знает одна только злоба этой бессовестной ведьмы.

Вывод. Я советую: швейцарский издатель должен *знать*, что он, издавая перевод Кандрюшки, садится в лужу; скрыть это от него было бы равносильно подкладыванию свиньи:

а) Шмелеву,
в) издателю,
с) литературному человечеству.

Во имя чего? Во имя *личных* интересов злобной, истеричной литературно-*бессовестной* и заносчиво-*безответственной* карги.

d) Свинья будет и *мне*: ибо вся моя здешняя стряпня рушится примен<ительно> к Шмелеву.

Б<артельс> прав, говоря, что Шмелев *не имеет* права из снисхождения и жалости — вредить *своему главному делу* и всем, в том числе и

е) Бартельсу.

Надо прямо написать, что Вы, И. С. Ш<мелев>, *требуете ответственного и компетентного в двух языках* редактора для кандрюшкиной Няни, ибо *текст* Няни *исключительно* труден, бытово-специфичен и не терпит тяжести, он должен *течь*, играть, шутить, сверкать,

сгущаться, болтать, стрелять, вздыхать, припечатывать, заноситься, обрываться и главное: *сквозить, сквозить и сквозить.*

Иначе все погублено.

247

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<15.VI.1935>*

15. 6. 35 Бульон на сене.

Эх, неоценимый, чудесный Иван Александрович, — завертелся я, задурел в писаниях и рысканьях за коркой, а уже лето на двор через... забор. А я за забором, как издыхающая собака. Когда же — ныне отпущаеши? Си-ил нет... как ни тщусь — все пощусь. Навертел VII оч<ерк> «путей», беспутный, назыв<ается> «Отпу-ще-ние», потом будет «Соблазн», «Обольщение», а что дальше — не ведаю, м<ожет> б<ыть> «сгущение», «лущение», «угощение», и, наверное, — «пощение», если не будет «поощрения». И за что мне сие попуще-ние? Куча писем ждет «отпущения» и опущения, а я зеваю от отвращения к... сему беличьему коловращению. Ух! — испущаю дух. Посылаю Вам, на радость, приобретение квитков, со-юзно купаемся. Взято мной, а Вас примаю, «без оборота на меня»: одну десятую на 21 VI — № 0293944, а такожде двадцатку № 0298942, лот<ерея> нац<иональная> и... «лошадиное счастье» — «свипстик» одну десятую — 26 VI — литер. «ю», т. е. «ьу» — и № 219754, а там что Господь даст. Но пока можете уповать. Письмо В<аше> получил, и о «няне». И очень расстроен. И Б<артельсу> не могу отписать. Ка-ак обижу Кандрюшку?! Правы все, а я тоже прав. И пока не откажет ей и швейцар<ский> издат<ель> — я не могу отказать. А если не откажет, никаких эксп<ериментов> не стану требовать. Но возьму слово, что если откажет, то я буду няню солить у вас. Напечатала «Чуд<есный> билет» в Бунде, в Берне. Спасибо за заботы и участие, милый друг. Да у меня нет уверенности, что Б<артельс> что-то сделает и заплатит. А к<а>к я «заплатить-то» использую? Каж<ется>, придется ехать за грибками за ягодками в Юг<о-

славию>, тащить мою О<льгу> А<лександровну> побираться, — «в кусочки». И прощай работа на 3 мес.! Сам себя запутал: думал в 3—4 оч<ерка> «Пути» кончу, а они беспутно бродят и превращаются в рО-ман. Чую что-то, блестит в душе, а я не уразумею, как побреду дальше. Пойдут **бега**, Б<ольшой> Театр, с Конька Горб<унка>, листораны, цветы, вокзалы, гитара, стихи, «подходы» гусара, «жизнь», вбирающая **ее**... но не отдам на позор, клянусь! — не разочарую нравств<енного> читателя. Сам, ч<ерт> в<озьми>, влюбился в Дариньку! Не отдам!! Спасу!!! — и не чудом, а... м<ожет> б<ыть> даже... просвирней!!!??? И предвкушаю, как кощенка перед куском, как все развернется, как я их вывезу в Мценск, как я его буду морить, как доктор — Базаров!! — будет **ходить**... говорить... как **он** будет кощунствовать, ка-ак она будет трепетать и ка-ак... явится некто в черном, монашек из Оптиной... И сие только ведь первые три года жития ихнего! А что же я дальше-то с ими буду...?!!! Молчок. Я, просто, буду, пока терпеть... от очерка к очерку... ан — от кустика к кустику и выберусь на опушку. Но хочу купаться в «кусках», хочу все «пальчики» Даринькины перецеловать, не хочу, чтобы старелась... и посему... завезу ее, после монастырей, в Ташкент! И — на Аму-Дарью! Да сбудется реченное: — не скажу, что, а — хвакт. Ибо — **основа** — все хвакт. Читаю пока, между делом, о «старцах» — готовлюсь! и... черт меня дернул — Фрейда, жонглера. Прочитал Мердяева — О назнач<ении> человека[120]. Что т-такое?! Да это же — разжиженное проф. Несмелова[121] — «Наука о человеке» — не плагиат, а «своими словами». Так и кочую, от «путей» к чтению. И еще треплют по «общественности», всякой. И денег не платят. Караул, брюки — пардон — нужны, к жиду надо ехать покупать — подержаные — !!! — это уж совсем крах, ежели оные да еще по-держа-ные! Нашли жида, дешево дает: сам поносит — и продаст. Да ведают потомки православных. Забыл — «дело в шляпе», твержу — «дело в брюках». Что же Вы не ответили на проект — книжечки о «Святой Руси». Карташев готов приложить и свою статью по сему вопросу. Напишите же в «В<озрождение>» еще о

«Св<ятой> Р<уси>», принцыпыялько, на страх Кулишерам. Конечно, Наталия Николаевна крепко права: можно «ведро» мыть, но не... из-под Содомовича. А прислал я Вам тое ведро по Вашей воле: «что и враги пишут, знать хочу». Вот и — «ведрО». Напрасно такое самоуничижение, по поводу — «слово Ваше водительно». Или Вы знаете как читатели обращаются с В<ашим> словом? Я — **знаю**, и тысячу раз слышал. А если кто и визжит, так... помните мудреца — поэта «так Саади[122] некогда сказал»: «собаки лают, — значит — **едем**». Книгу о писателях — приветствую загодя. Была у меня по-читательница из Милана, говорили о Вас, — чтит! «Богомолье» шу-мит. Но мне от сего — только маральное удавлетворение, — бумагу мараю — письма! — и удавляю себя помаленьку. Вот, ежели доберусь до Белгр<ада> — погляжу счета. Не платят сверх аванса, получ<енного> еще 2 года тому — 1000 фр. И — только.

Б<артельс> вон и предположенной книжки еще не издал, а «Няню» вряд ли возьмет. Русское издание ее... не знаю, как и где устрою. Если в «Возр<ождении>» — все равно, придется ждать летнего снега — денег. Если не выиграю — сгонят меня с квартиры, не выдержу. Останется по франц<узским> кабакам рус<ские> песни играть. Сяду за столик, пригорюнюсь и «Лучина моя-а... да-эх, лу-у-чи-нушка... бе е е е ре-е... — Сиркюле, мсье![123]<»> — С К<андрейей> сделалась истерика... после письма Б<артельса>, и она прислала мне мокрое письмо. О, люди — люди! дочего вы жестокИ! Лютер ни слова мне о «Богом<олье>» — д<олжно> б<ыть> или письмо пропало, или книги не получил. Напишу К<андрейе> вежливенько, установлю срок: если не устроит, тогда... Думаю — не устроит.

Очень слабо чувствую себя, хиреем с О<льгой> А<лександровной> — доездила жизнюшка.

«Виктор Алексеевич»[124] мой, кажется, человек «порыва», «швыряющийся» — идет туда — незнамо куда, «ищет того — незнамо чего». Таких и посейчас мно-го. И нужна ему милая женская рука. Она его возьмет за хохол-болтушку и приве-дет. «Горящая голова», и об этом я должон думать и по-мнить. Он у меня и с

Толстым будет переписываться, и Пушкина открывать, и машины строить, и... «окунаться в пучину» и, понятно, «Бога искать». Метаться и «уюточки возжаждует». Эх, жалко мне матушки Виринеи... неуж я ее не «встречу» больше? Не-ет, я еще **их** ввергну в кашу... я еще их потаскаю по дорогам, по монастырям... я его должон отравить суетой, я еще его напорю на «вулкан», я ему обожгу хохол-то, я его... еще помытарю, я еще его заставлю перед Даринькой поползать... я еще его пррротащу через грохот, я еще повытяну у него язык... заставлю его по-петь читателю... я бы его ух-ты-ы... на томище растащил... да... — Понимаете — горячие глаза у него... Но... пощажу **ее**... а «гусарчика» заставлю повертеться... довертится у меня до турецкой пули! Вчера в Тург<еневской> библ<иотеке> — пересмотрел 2 журнала иллюстр<ированных> за конец 70-х годов... и взметнулся! Умчался бы в эти годы!... Увидал — че-го?!!! — Ледяной дом, в Зоологич<еском>... отец его построил, перед смертью... а я... я, семилетка, входил в него... вчера мне эта картинка в Ниве сердце пронзила! Но повидал и наряды... — для Дариньки!!! — надо для Б<ольшого> Театра. Так бы и ринулся писать «дальше», да... диван манит, да головушка утомилась — гудит. Не сплю. В VI оч<ерке> чЮдо со мной... довел **их** до предрождества и... в монастырь бы ее надо провести... но как?! к Анастасии Узорешит<ельнице> в календарь потянулся... Го-споди! — в душу ударило: 22 декабря... — Анастас<ии> Узореши<тельни>цы!!! Вввот!!! Это — наитие. **Так надо**. И вот, протащил и поиграл с Даринькиной душкой. Поплакал с нею. Поиграл сережками... подышал крымским яблочком. За-вер-тел ее на минутку... и еще поверчу... Я — в куколки играю-с... я в Москве бываю-с, в рядах пирожки ем-с, под березой в солнышке стою, матушку Виринею лобызаю? Счастье, когда так вот... **можно**. А тут — повестка от податн<ой инспекции> — налог за квартиру — 621 фр. Тьфу! А Виктора Ал<ексеевича> я еще заставлю приоткрыться, но я его **меньше вижу**, чем **ее**. Как ни странно, а этот «роман» как бы проба «внутр<енней>

психологии», и я бреду ощупью. Я больше **люблю** Дариньку, и потому лучше, легче мне лепить ее. Ведь я по осколочку пытаюсь ее **оживить**, создать, мою Снегурку. Странный «переплет»: в «Чаше» у меня — Анастасия — Галатея, безмолвная почти, здесь тоже почти немая. А он — тут говорун. И вот, тут тоже «Анастасия», только отраженно. Узорешительница. Интересно, что она разрешит: очевидно, не «чресла»... — не **эти** ли, не земные ли узы, связывающие душу, порой — вы-ки-дывающие ее, как негодное, порой — рождающие прекрасную. Вечный вопрос — о душе и материи... Боюсь одного: слишком Д<аринька> проста, хоть и с «наследством», от какого-то «графа». Но... «будьте, как дети», сказано, а не как... «твердяевы». А, в общем, — ничего не знаю, боюсь, брюхо мое раздуло, а не случится ли «ложная беременность»? Писал Карт<ашев> после 2—3 очерка: «пишите о «путях небесных»! это исконные пути русского духа и русского писателя, Бог в помощь!» Это подбодряет, да как бы не оказаться «беспутным». Знаю, что и некоторые из моих читателей читают и терпеливо **ждут**. Но не все, думаю, внимут, — я и сам не все разумею внутренно. Ну, пойду, закрывши глаза, бродить, брести. Одному рад: что **занял** себя, отвел от ржи и тли житейской, мучительной, — **забываюсь**, сплю сном-виденьем, но здорового сна-отдыха давно не знаю. К<а>к хочется воздуха, лугов... посидеть бы на русской речке, под ветлами, под ольховыми кустами... окуни где берут со дна... и теплынь, и с лугов се-ном и — ты еще молод, полон сил и надежд, свеж, как трава в росе... а сейчас пойдешь светлыми лугами, к бору на горке, а там дача под соснами, и у тебя еще полная семья, и родные глаза встречают, и самовар еще дымит шишечками, и вот, горячий стакан густого, утреннего, укрепляющего чаю, со сливками — чего захотел! — и берешь «рыбьей» рукой ватрушку, и уже сует почтарь деревенский обандероленные шершавой бандеролькой «Русские Ведомости»... или «Рус<скую> Мысль»... и там твой первый рассказ... и тебе только еще 30 лет и еще важным считаешь, что на собрании Волоколамского Земства гласный П. громогласно сказал, что «так дольше не

может продолжаться», — и ты согласен, препровождая застрявшую ватрушку в глотку полным глотком душистого, утреннего чайку... и смотришь радостно-молодо, как молодой и тоже радостный кардинальчик-дятлик долбит сухой сук на сосне, в такой же, как ты теперь... «О, моя молодость, о, моя свежесть!» — о, моя ни на что неразменная, невозвратная... невинность! Теперь все знаешь, вплоть до... беспричалья.

Милый друг, благодарю Вас за дружеские советы, за доводы о «Няне». Все верно, истинно... но... да к чему мне «имя в чужих землях»: мне нужно вот, чтобы К<андрейя> прислала «перевод» хоть на 500 шв. фр., — и тогда у меня будет имя, а то я буду стерт в человецех. «И будет стерто имя его во-век», когда придет персептёр[125] и опишет последнюю худобу мою, не четвероногую, а... какая есть, говорящую мне — ты еси, ибо можешь сидеть в кресле и лежать даже на софе. Плохо дело, когда уповаешь на «адресный билет», как старушка моя. Впрочем, чудеса бывают... Прощайте, дорогой, пока... никогда, д<олжно> б<ыть>, так и не свидимся и не поговорим, не послушаю я Вас. Оба целуем Вас и добрую душу — Наталию Николаевну. Молиться перестал — плохо, душа тревожна, а м<ожет> б<ыть> опять закаменела. О Ваших «Русях» — все поминают в разговорах, при встречах. Вчера проф. А. А. Титов[126] писал мне — «чудесно проф. И. А. Ильин схватил дух В<аших> книг». (А он — из левашей, нар<одных> соц<иалистов>! но — *русский* чел<овек>.)

248

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<18.VII.1935>***

18. VII. 35. Булонь на соломе.

Нота-бене: Пишу сие в тисках душевных, и все — черным-черно, но не могу не писать, ибо «надо же человеку хоть...» — размыкаться, — в скобках — постараться и друга **наградить** «переживаниями». Но... не прокляните меня на «всех соборах»! Аминь.

Два месяца от Вас, дорогой друг Иван Александрович, нет даже «обмылочка» (Ваше словечко) — пись-

меца. И посему полагаю: **плохо**. А я еще тут с «вороньим мылом **духовным**» — см. «Свет Разума». «Вертится и шипит».

Сперва — гадости, а дальше — все «радости». Можно сказать — уестествлен. Ни-куда не поедем. В Югосл<авию> — оборвалось, м<ожет> б<ыть> что и к лучшему: три к носу, все пройдет. Тру. И вообще — «тру», по-фр<анцузски>, тру-ба — по-русски. Урезана р<усская> акция — !! — прряммо из... русалима. Не могут окупить дорогу мне и О<льге> А<лександровне>. Пропустил все сроки, и дачка наша в Алемоне — уплыла... к Ден<икины>м, неумолимо. Единств<енная> дешевая и удобная. Был введен в заблуждение, сказано мне было — «все дачи посняты», это еще месяц назад, когда я ждал Югосл<авии> и потому не писал хозяину, а когда, 8-го VII, освободился, то... Д<еники>на заявила, что они «на днях» уже сняли, «думая, что Вы едете в Юг<ославию>». Это **после** того, к<а>к «все дачи сняты». Ну, облизнулся и пощелкал зубами. А в другое место не поеду. Буду издыхать в вони и грохоте на республ<иканском> бульв<аре>. Осерчала кума на рынок. Второе: Вы меня забыли. Я послал Вам бо-ольшое письмо, с гимном моей Дариньке (боюсь — не ндрав<ится> Вам она), но теперь я возненавидел «П<ути> Н<ебесные>», взявшие столько силы, стал на полпути и... бросил бы, если бы не «деньжи давай»! Ску-у-чно. И я заслаб. Всегда — после «горения». Третье: добился дотого, что остался без **оных** даже, и д<олжен> б<уду> ехать в гетто, чтобы за 20 фр. купить оные... из-под кого? — не знаю, но хоть бы из-под Ландрю... — из серой чертовой кожи, выстирали и выгладили, — щеголяю. А на башке на-лог в 622 фр. Ку-да же тут поедешь?! И вот, в таких **оных** встретил я 14-го, а по ст. ст. — 1-го июля мое 40-летие лит<ературной> каторги и нищеты. И почтен! Даже всегда добрый Н. К. Кульман не приехал и ни строки не прислал. А знал. Д<олжно> б<ыть> за мой язык и смелость в мыслях. Дернуло меня сказать, что нехорошо академ<ической> группе не отозваться на юбилей нац<иональной> газеты... Вот меня и юбилейнули. А в «Возр<ождении>» получаю гроши. С ужасом узнаю, что

Ходас<евич> за свои копанья в сов<етской> «лит<ературной>» помойке и «подвалы» получает до 1800 фр. в мес., что Лукашу платят больше, чем Ш<меле>ву, да-да!! — а я едва выгребаю 400 фр. в мес<я>ц, на круг. Мне за подвал — в 300 с больш<им> лишком строк — 150 фр., а за два, за почти 600 стр. — 250 фр. — **такой** работы!! **Что это**?! **И как** мне требовать, когда скажут — не могим... а не хотите, так — «воздуху хватите»! Чуть не обанкротился с квартирой, насилу сумел заплатить «терм» (если бы не «чудо»!). Куда же тут уе-дешь?! И какие чувства будут обжигать душу?! Для «П<утей> Н<ебесных>» **ожог** нужен. А все дырья и ущемления. И вот — **пью** 40-летие, нищий, гонимый. Что мне, что читатели порой изъявляют радость и восторг, — они и Вербицкой изъявляли. Правда, у меня есть и веские «признания»; вон, вдруг, Алданов излил в письмеце признание — неожиданное — за «Богомолье»... но правда жизни та, что я скоро не буду знать, где главу преклонить. И в довершение — гадость нежданная, но другого характера — о писательской гнусности. Когда-то Мер<ежковский> с Бун<иным> устроили — я уже был в Париже — «акцию» для писат<елей> от фр<анцузо>в, в сумме 6 т. в год на брата. Взяли Купр<ина> с Бальм<онтом> и Гип<пиус>, а меня отстранили, д<олжно> б<ыть> за «строптивость», я тогда только что отодрал Гипп<иус> за «критику». И вот, узнаю, что Б<унин>, проглотив Кобеля[127], **не** отказался от «акции»... — и — глотает, требуя даже от Мер<ежковского> телеграммой: высылайте скорей очередное, сижу без копейки! Тьфу! Ему на юбилеи и не-юбилеи сбирали по 60 тыс. фр. и не раз. И вот... особенно горько видеть такое... — ведь, ей-ей, скоро будем подыхать. Правда, я не свой для «неарийцев», а они гл<авным> обр<азом> дают. Так вот, что же мне было делать, когда получил из Швейц<арии> от Кандр<ейи> письмо, что Губер, стар<ое> изд<ательство> (Фраундфельд и Лейпциг) — берет ее перевод и дает аванс? и шлет договор? Ну, добивайте меня, — я согласился безоглядно. Я надеялся, что не возьмет, и давал последний срок, в полгода, но вот, договор, вот аванс... — а у меня ни-че-го... и терм! Я отлично помнил Ваше письмо, от 27 V, — у меня все

Ваши письма, как драгоценности, хранятся в душевном «сейфе» и все перенумерованы — для будущих изыскателей и для **умных** любителей мысли и языка, — я только что получил от А. Лютера письмо и заявление, что «почтет за счастье перевести «Няню», и два письма от Барт<ельса>... — да, все это я, как ободрение и... как ущемление, держал в сердце, и все же... вопреки всему, **Всему**... я **не** мог, не имел права отклонить протянутый мне «шест спасения». Ибо тонул. Да, именно — тонул и уже захлебывался, — лавочники-термиты, **терм**, и отсюда та «термодинамика», что сжигала все существо мое! — и вот, протянули шест, и на шесте — спасение. Мог ли, смел ли я лепетать, уже наглотавшийся всякого текучего дерьма, — пардон, силь-вы плэ[128]! — хрипеть: не надо шеста, завтра корапь за мной придет в коврах и славе и вытащит? мог ли булькать — «шест-то... шест-то... неструганый, руки обдерет... на експертизу-у!..., батюшки, спа... си... те... на експер... ди-зу-у-у!... пусть... исследу... буль-буль... ют... пу-у-ф... не сломается ли... на експер...» Это был шест... с неба! Бывают и шесты с неба. Мне дали аванс в тыщу швейц<арских> франков... — и я принял, не раздумывая. Ибо наг и бос, и термиты гложут, и... оставалось немного, чтобы плакали крокодилы Худосеичи и Гадамовичи на тризне. И теперь у меня чистых осталось ровным счетом 144 фр. на покрытие термитных ущемлений, и я должен писать «Пути Н<ебесные>», дабы не погибнуть от голода... — где ты, тыща шв<ейцарских> фр<анков>?! Но зато по 15 окт<ября> меня не погонят с квартиры. Вот каково мое 40-летие. Двойное, ибо 27-го, 14 по ст. сти<лю> — еще 40-летие нашего венчания на царство и на... терзания. — Кстати, чтобы не забыть: статейчонка Гада-Мовича даже на гг. писателей — !!! — произвела отвратное впечатление своей подлой **ложью**. Нет, каково пи-шут?! Ка-ак пишут?! Сладкопевчую птичку Сирина[129]... полячок Худосеич — из злости! из желчной зависти и ненависти к «старым», которые его не терпят, из-за своей писат<ельской> незадачливости, — превознес, а всех расхулил — «жуют-пережевывают» — «самая *свежая* книга» «С<овременных> З<аписок>»!

Сирина еще не опробовал я, но наперед знаю его «ребус». **Не** примаю никак. И протчих знаю. **Не** дадут

ни-че-го. А С<ирин> останется со своими акробатич<ескими> упражнениями и жонглерством «все в том же классе», как бы ни лезли из кожи Х<одасевичи> и Гады. Сирин, к сожалению, ничего не дал и не даст **нашей** литературе, ибо наша литература акробатики не знает, а у С<ирина> **только** «ловкость рук» и «мускулов», — нет не только Бога во храме, но и простой часовенки нет, не из чего поставить. И вот, злой волей Зла-Рока, правят в газетах «бал» — Овичи и Евичи: одни про-советские, другие — гнуснички-завистнички. Польский жид получил право поплевывать — старательно сдерживаясь, чтобы, упаси Бог, не выгнали! — на русскую литературу. — Так вот: суди меня, судия грозный и праведный! Что ж, я прямо скажу и Лютеру, и Б<артельсу>, что погибал. Как и когда я мог что-нибудь получить от Б<артельса>? Они могли заработать, а я — жди спасительного корабля с мачтами и коврами? Вон и слуху нет о сборнике рассказов. И вот, страшусь, что «ближние мои отдалече мне станут»... ну, что же... «выпивать — так выпивать... до-пивать!» И вот почему, даже при таком «успехе», не могу выехать на отдых. Вынесут на **отдых**. Иду на последний «ход», кляча почтовая. «Фациант мелиора потентес»[130]. Душа исписалась и не дождалась даже «алюминиева пера». Праздную! А посему.... на последнюю да на пятерку купил десятку в надежде парадного выноса на 20 число, за № 0838652, с дружеским участием **единственного и неизменного**! (Sic, и не отмахивайтесь от «чем ворота запирают».) Ло-ми-тесь — и отверзется вам, ... чем ворота запирают. Читал о Вашем чтении стихов о России... — если бы издали! Получаю порой «изъяснения в любви». Вчера в одном доме встретила меня г-жа Гужон, изв<естная> моск<овская> персона, дочь стар<ой> артистки Медведевой... — ка-ак она меня при всех... «вы?!... яко видеста очи моя... и т. д... и вдруг: ка-ак посмели дать кобеля Б<унину>?![131] Ложь, обман!! преступление!! по-чему?! Что мог сказать?!» **Им**, говорю, это лучше известно». Смылся. А один доктор ей — «а что не хлопотали... при ваших-то связях? а **те** хлопотали во все лопатки». Да что... когда — «и вся иерусалима с

ним». А он все еще жует «кусок нищему». Простите. О<льга> А<лександровна> вся выпита, достирывает... а я донашиваю. Помяните рабов Божиих. Странно: как только начал я печатать «П<ути> Неб<есные>» — Н. И. К<ульма>н лишила меня милости...?! Милые, целуем Вас, последние друзья наши. Но когда я и Вас утрачу — **кончу** разговор.

Ваш Ив. Шмелев.

Вот написал Вам — и смущен, что-то щемит на сердце. Зачем я выложил эту кучу текущего хлама-мусора, из которого ни-чего путного нельзя отвеять. Но Вам, чуткому, ведомо, почему становится человек «мусорщиком». Дикси — эт анимам левали[132]. Только, сознаю, что нечеловечно — приглашать друзей зерцать сие невеселое занятие и заставлять обонять «слежавшееся». Виноват. Но нет сил переписывать. Писать — так писать, ва-ляй! Куль<ма>ны, думаю, вот почему показывают — стараются **не** показывать, но выпирает! — охлаждение: им, чую, о-чень не по нутру чужие таланты: Ваши статьи-шедевры о «Л<ете> Г<осподнем>» и «Богомолье» — ошеломили их, и ревность сказалась тут. Даже Бунина прорвало, — думаю, что и Алданова. Вот его письмо, от 30 VI: «Как ни странно, я только теперь прочитал «Богомолье». Какая превосходная в чисто-художественном отношении книга! Ваше мастерство поразительно, — пишу Вам только для того, чтобы Вам это сказать и сердечно поблагодарить за доставленное мне наслаждение». Ну, форма-то не совсем удачна, — «за доставленное мне наслаждение»... как будто я старался доставить **ему** наслаждение. Замечу, что книги я ему не посылал. Ну, и на том спасибо. Так вот, от милого Зейлера, генер<ального> секрет<аря> нашего писат<ельского> союза — и сотрудн<ика> «Посл<едних> Н<овостей>», — слышал, что ст<атья> Гада вызвала отвращение даже у **сих**: все-таки **правду** и сии чуют.

И еще: меня тревожит, **как** я даю «П<ути> Н<ебесные>». В чем погрешаю? Боюсь, — не выпишется у меня, занесся очень дале-ко, м<ожет> б<ыть> потерял «ногу»? Да и может ли быть *такое*

интересно? Все сложней становится путина, и как бы не спутаться мне на ней. Ведь пишу кусками, как бы «в поте лица добываю хлеб». Читатель<ни>цы спрашивают: «ах, да когда же дальше... не томите!» Не топчусь ли? Но как же иначе? В женской душе путаюсь, — и страшусь... Лучше бы мне это «смахнуть» было в 4—5 главках? А самое главное — впереди. Лучше бы было — сперва **все** написать, — так мне Оля все стучала, — да... **надо** сейчас же реализовать... и я осмелел. И попал в мед мухой. Обсахарюсь — обомру. Надо вот теперь бега писать... — всякие «искушения», **вижу**, как слаба моя Даринька... **слаба**... и не ее сила может ее спасти от лап жизни... а лишь — Промысел... но тогда — какая же ее-то ценность. Если она уже перед «блеском» млеет и тлеет, что же будет, если **он** (гусар) ей «огонькю» даст?! Она слаба, а он (В<иктор> А<лексеевич>) — совсем тютя. И какое дело Промыслу таких «тютек» **вести**? Подумаешь... Но... не учить кого собираюсь, а описывать бывальщину, восстановляя ее по... теням. Больше всего боюсь Вам с Наталией Николаевной не потрафить. Вы, ведь, особенные, у Вас аршин стро-гий, точный, искушенный... а у меня — искусанный, заторканный, скоробленный оторопью моей и торопящей жизнью.

Нота-бэнэ: для Вас, м<ожет> б<ыть>, смущение, что я так бесцеремонно включил Вас в мой «счастливый» квиток (в 1/10), но это мое *право* «поклониться» дружески тем (твор<ительный> пад<еж>), чего... увы, я не имею... — возможностью «счастья». Но Вас-то, милый друг, это ни к чему не обязывает, разве только к... терпению перед моей назойливостью *к* (перед) моему (<мо>им) (что за оборотик) приставанию (<приставани>ям) *к* судьбе: «Сезам, отворись!» А он вдруг и отворится, и скажет: «выкуси!» Все-таки — в компании веселей, а?

И черт дернул эту Кандрейю соваться к Бартельсу со своим переводом?! Это **ее** неожиданная маневра. Я ей потом отпел — куда вас понесло?! Сказалась тут она во всей «ерусалиме» своей. Да не дай же Боже с ней по грибы — по ягоды ходить: найдешь «местечко», а и она тут как тут... И среди всех этих «амбрэ» — Ивка наш

неожиданно взял и получил че-ты-ре награды! Перешел в 3 кл., старший. Говорит — разлакомился — на буд<ущий> год — шесть получу. И так из 55 — в первой шестерке. Но при этом ходит к соколам и к разведчикам[133] — вдыхает русскость. По гимнастике — пер-вый, и вот надо его послать на летний отдых — ни пап, ни мам, не заботятся, — в лагери в Капбретон, а для сего надо... дальше! пиши, с<укин> с<ын>. Пишу. Но как же я **устал**...! А О<льга> А<лександровна> — как же она истомлена!! И хочется в голос кричать — нет Правды! Но душа не смеет — помалкивает.

Ваш Обмоклый И. Ш.

249

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.VIII.1935>*

5.VIII. 1935 Chez M-me Arnaud, La Pernière, C-ne d'Allemont, Isère.

Родной Иван Александрович,

Неужто Вы осерчали на меня? Не могу думать, а тревожусь. Но да будет и тут воля Вышняя. Чудом вырвались из грохота на Булони, из духоты-вони, поездом «для бедн<ых> сродственников» в горы, пониже прошлогоднего, забились под ферму, в 2 клм. от деревни, сидим у ручья, как ободр<анные> Робинзоны, и — дышим. Так одуревшая пчела, вылетев впервые из зимнего улья, сидит и водит лапками — оживает на пустой былинке — чт-то-о т-такое? Чешет под брюшком, вытянула усик... м-да-а... — и сомлела на солнышке... — аллилуйя-а! Вот. «Лениво дышит полдень мглистый...» Это нас «Ня-ня» дотянула. Забились в глухое ущелье, и никакие «абиссинии» не слышны. Из гостей — ящерки, петух, собачка, которой привязал к хвосту жестянку какой-то болван. Всего и шуму. Хожу за молоком в 7 у<тра> на ферму, за версту. Пчелы, коровы, влекущие ноги, дети в громыхающих ботах — bonjour, m-r![134] Всего и разговору. Друг, живущий неподалеку, дал мне велос<ипед>, и я могу ездить в городишко за провизией. Здесь л<и>тр чуд<есного> молока — 75 с., т. е. 13 пф. Яйца (вот **она** сейчас

снесет!) — 3 ф. 75 с. — дюжина — т. е. 62 пф. Мед — 8 фр. кило. Хлеб — сельский. Сыты. Пойду за черникой в горы, вот только «поотойду». Что-то случилось с моим «посвящением» «Богом<олья>». Только 3-го дня получил от Двора — поклон. Оказыв<ается>, проф. Белич 4 1/2 мес<яца> **держал** у себя мой посыл, и только после моего (через других) *нажима* — д<олжен> был расстаться с моими письмами Е<е> К<оролевскому> Вел<ичест>ву Кор<олеве> Марии[135], Принцу и 3 кн. — (мотив: все хотел... переплести книги!) Ка-ко-во?! Эту историю я еще разберу. Думаю, что и моя «поездка» в Белград как-то «засорилась». Уж не... масоны ли? Он — масон, знаю. Это же преступл<ение>: задержать на 4 1/2 м<есяца> подношение по Выс<очайшему> назначению! Пишу Штрандтману. Из п<ись>ма П. Б. С<труве> чую, что **что**-то непр<авдою> пахнет. Так раз — теперь **знаю** — задержал Б<елич> книгу, пос<ланную> мной Королю — года 3 тому. Через него имел глупость послать. Не запросить ли мне теперь проф. Бел<ича> — как скажете? Почему имел дерзость — задержать у *себя* — мои письма: франц<узское> — Королеве — и на рус<ском> яз<ыке> — Наместнику? А мне так указано б<ыло> сделать — из Београда, — т. е. послать Бел<ичу> — для дальн<ейшего> направления. И я послал... через миссию, дипломат<ическим> курьером. Спалайков<ский> тоже оказался свиньей: ни словом мне не ответил на мое подношение «Богом<олья>». Евр<опей>цы куда вежливей были (говорю о «Сол<нце> Мертв<ых>» — посылал ради рус<ского> дела). И получ<ал> ответы от **особ**. А тут вон — хотели скрыть, обокрасть и автора и адресата. Проф., академик!! Тьфу!

Между нами: Ал<ександр> Авд<еевич>[136] просил меня, не могу ли устроить в Шв<ей>ц<а>р<ии> перевод его сборника, сост<авленного> Арт<уром> Лют<ером>? Это — *я-то* — могу? Да меня самого чуть «устроила» С<andreia>. И что бы было, если бы я отказался от нее и предался Nib<elungen>-Verl<ag>. Сидел бы в Бул<о-ни> (если бы не **лежал**!). Ведь я уже тонул в долгах и рвался, как муха с клейкой ленты. Сам Бог, по мол<е-

нию> **няни**, устроил. И Вы не огорчайтесь моим непослушанием: я предался воле Б<ожьей>. И на некот<орое> время — аз есмь.

Отравился Сирином (58 кн. «С<овременных> З<аписок>») «При-гла-шение на казнь»! Что этт-о?! ! Что этт-о?! Наелся тухлятины. А это... «мальчик (с бородой) ножки кривит». Ребусит, «устрашает буржуа», с<укин> с<ын>, ибо ни гроша за душой. Всё надумывает. Это — словесн<ое> рукоблудие. (Оно и *не* словесное **там дано**) и до — простите — изображения «до-ветру». И — кучки. Какое-то — **испражнение**, простите. Семилеткой был я в Москве на Новинском — в паноптикуме и видел (случайно): сидит нечто гнусно-восковое и завинчивает штопор себе в ...! — доныне отвращение живет. Вот и С<ирин> только не Ефрем и не вещая птица. Хоть и надумал себе хвамилию. Лучше бы был просто *свой* — Набоков. Весь — ломака, весь — без души, весь — сноб вонький[137]. Это позор для нас, по-зор и — похабнейший. И вот «критики»... — «самое све-же-е»! Уж на что **свежей**: далёко слышно. Эх, бедняжка Эммочка... не уйтить ей от... Сирина. «Ляшечная» ретирадура. А Берберова — вся на бел<ых> нитках, труженица бессильная. Вот это так докати-лись!

Меня тревожит В<аше> молчание: и за себя, и за Вас. Где Вы? или — куда Вы? Мы с О<льгой> А<лександровной> отметили и отмели два юбилея: литерат<урное> и брачное 40-летие. Допразднуем в хибарке у ручья. Я так истомлен, что не могу продолжать «Пути». А надо, попал в хомут. И еще не знаю, **как** и куда поведу Дариньку... Т. е. вообще-то **знаю**, а на бумаге — **как**? А надо хоть гроши выбивать. И мне больно, что **так** приходится. Надо бы **все** сперва завершить... — тяну.

Господь с Вами, милые. Ка-ак же я **устал**! Но — отхожу, только на душе смутно, вяло, сонно. О будущем отучился думать. Мир закутывается тужей. Ясно. «Пир» продолжается, и главная **чаша** еще не поднята. Я все же антересуюсь: допустят ли гнусность в Абис<синии>?... Каж<ется>, что «умоют руки»: уж такая-то «ляго-нация»[138]!... *Все* лягнут! — пока не пособьют все копыта.

Господь с Вами.

Ваш Ив. Шмелев.

<Открытка с изображением горного пейзажа Аллемонта, на которой стрелками указаны определенные места>

5. VIII. 35.

Видите внизу белую полоску — дорогу? к горе? Вот, надо по ней свернуть направо в ущелье, — где стрелка, — и в самом низу, за поворотом, с версту, — мы у одинокой фермы (невидно). А в пр<ошлом> году — см. стр<елку> и линию от нее, повыше аллемонтской церкви.

Как опусти-лись-то! на 100 метров — 650 вм<есто> 750.

Прокатиться куда — нет средств, а пешком — нет сил. Проживаем в день 12—15 фр. — и это Сл<ава> Богу. (не считая, конечно, дачки и... париж<ской> квартиры). Но пока болей нет — и Сл<ава> Богу. А лечиться все же лечусь, глотаю висмут, <*неразб.*>, а спермин Поля, выпис<анный> через Горного — дорог. Напишу Полю самому, докт<ора> говор<ят>, что он посыл<ает> образцы за 8 фр. флакон. Велят.

Ваш Ив. Шмелев.

250

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.VIII.1935>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Нет, я Вас никак не забыл; неосуществимо это. Всегда помню. Вашими радостями радуюсь, Вашими затруднениями болею, Вашими созданиями наслаждаюсь, Ваше светлое имя распространяю. — А молчу давно — от молчанки. Заткнулась говорилка. Что я с нею поделаю?

Разрешите пунктир устроить.

1) Могу ли я роптать, что отдали немецкую Няню кандрюшкиному издателю? Не могу. Я жмал на Б<артельса>, но Б<артельс> лакей судьбы, начальства и ихней партии. Он не свободный издатель. А если бы Вы узнали, какого бездонного предателя его начальство со мною сломало, то Вы бы скверно плюнули и послали бы им свое трансцендентальное «фэ»... Я продолжал варить

и жмать. Но уверенности в царстве лакеев нет и быть не может! А это царство лакеев, и клеветников, и карьеристов.

А тут живые франки! И я стал бы сердиться? И тем не менее, если Б<артельс> будет еще переговариваться, не отказывайте — пусть варит. Если еще каждому издателишке в моральную душу заглядывать — не «пался ли он с мравием» — то на свете и дыхнуть нельзя будет.

2) Очень меня огорчил провал с Югославией — в смысле Вашей поездки. Я попробую наладить это иначе — через союз журналистов. Не знаю, что выйдет; но надо попытаться. Мы выехали туда в прошлом году в нач<але> сентября — сентябрь провели на море, в Рагузе, а октябрь и ноябрь в Белграде. 3 лекции мои дали мне 9000 динар = 3000 фр<анков>, и союз журн<алистов> положил чистого в карман 3000 динар = 1000 фр<анков>. На пропиток мне пришли и другие ассигнования — но сентябрь-октябрь — (он там тоже теплый) можно было и на это прожить. Сюда же вошла и дорога Б<ерлин>-Белград-Б<ерлин>.

Эх — если бы был я меценатом!...

3) От Путей Небесных я оторвался. Два номера пропали вследствие переездов — а читать опять из середины больно и горько. Не знаю, как быть!...

4) Возрождение, т. е. Гукасов, всегда был на низком уровне. Кулак-скаред платит, сколько кому хочет. Мне — вот уже год скоро 25 сант<имов> за строку. И притом 1 августа был *год*, что *реально* они не уплатили мне ни гроша. Под разными валютными предлогами, угощая меня заведомо для них безнадежными ордерами на Боголепова в Б<ерлине> — они задолжали 1600 франков — и в ответ на все мои письма продолжают вести ту же линию, которую Ю. Ф. Сем<енов>, уже вмешавшийся в это дело, называет «преступным бездействием». Теперь конец. Пока не заплатят, я больше не пошлю *ни строки*. Пожалуйста, *не* вмешивайтесь в это дело, я его нарочно скрывал от Вас. Поверьте, я добьюсь своего — не так, дак эдак.

Напишите мне только — *где* Семенов: в отпуску ли он и когда вернется? А с ним самим разговора об этом *не* поднимайте и армянину тоже *ничего* не говорите.

Возрождение падает, опускается. Кто этот новый писака Тонио?[139] Али-Баба[140] и Амадис[141] — ввели в газету вульгарно-развязный, *личный* тон — безответственной брехни. Роман Шишмарева[142] — *ужа-сен*! Вульгарное пустозвонство Сазановича[143] — пошло, убого, противно. Я не слышал о нем *ни одного* одобрительного отзыва. Одна брань. Ландау[144] ушел. Я умолкаю. Воспоминания Чебышева[145] и старика Любимова[146] — теплая вода, вызывающая тошноту. Татаринов[147] пишет *научные* вздоры — мне говорили специалисты. Худо-сеев[148] продолжает худо сеять.

Но Вы должны украшать и вывозить газету. Газета *необходима*. Пишите и печатайте, ради Господа!!

5) С 2 июня по 10 июля я увозил Наталию Николаевну в горы, в Тюрингию. Доктор нашел у нее катар в правом легком. Лечу ее изо всех сил. Т° нет. Вес хороший. Хрипота. Кашля нет.

С 15 июля мы здесь, в Латвии. 100 верст от Риги, у друзей. Одиноко, тихо, заботливо. Не дорого. Здесь царит культ Шмелева. После ужина — вслух (я читаю). Днем — они читают порознь, а я читаю Н<аталии> Н<иколаевн>е вслух Богомолье (в пятый раз, с неиссякающим умилением).

6) Попали сюда на таких условиях.

Мне заказана книга: худож<ественная> критическая. Шмелев, Бунин, Ремизов, Мережковский, Куприн, Краснов, Алданов. Гонорар на стол (небольшой) — проживать здесь по дешевке. Книга уже пишется. Для нее мне *необходимо* иметь *все четыре мои фельетона о Шмелеве*. Они у меня *пропали* (покража! украли портфель в дороге — *не рассказывайте об этом другим*!).

Дорогой мой! Пришлите мне их на *по-держание*. Клянусь: *верну*! Заказным пришлю! Не-обходимо. Шмелев идет первым. Отложил его — вырабатываю Мажесте-из-Мажестик, Иоанна Бунийского. Милый, пришлите! При-шли-те! Верно верну! *Верну*.

Адрес: Prof. I. Iljin. Latvija. Koknese. Riteri Pakuli.

7) Запоздало торжествуем Ваше *великолепное* сорокалетие!

Перечитал: Человека, Солнце Мертвых, Чашу; читаю Богомолье, Историю Люб<овную>; перечитал Росстани — как чудесно, какое пенье!

Тут все живут люди, у которых при слове «Шмелев» — лицо начинает лучиться.

8) О Дариньке молчу — ибо сие есть творческое святилище. А для меня молчалище.

Назад к себе — не ранее октября.

Нежно Вас обнимаю. На Кульманов не огорчайтесь. Посердишься — перестанешь, а любить начнешь и конца не найдешь.

Целую ручки Ольги Александровны.

Неужели Вы все лето в Париже?! Господи. Мы так провели прошлое лето в Берлине.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет душевные приветы.

Ваш завсегдашний Иоанн (имя ему).

1935.VIII.10

Latvija. Koknese. Riteri Pakuli.

251

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<22.VIII.1935>*

22. VIII. 35. La Pernière, Commune d'Allemont, (Isère)

Дорогой друг Иван Александрович,

Осчастливили! Спасибо. Мы здесь с 28 VII (я писал уже Вам отсюда, — открытка?...), пониже прошлогоднего на 100 м, в тишине, у фермы, в долине. Можно отдохнуть, да не отдыхается. И не пишется. Маракую XII главу «Путей» — с ленцой. Надо скорей покончить с этими беспутными «путями». Трудно. То горел, а вот — отгорел, перегорел... — скорей бы точка. Чую — не ндравится Вам. И мне стало как бы не ндравиться... — нет заряда во мне, перекипел. Хочу в Париж, в «холодок», укрыться. Никуда не хожу. Читаю, что найдется. Будущее невесело. Тоска по родному. Хотел бы к Вам, да кишка тонка, даль. Небось по грибы ходите? Половил бы я рыбки, на тихой речке, под лозняком, послушал бы по базарам речь. Все-таки — русская у Вас там природа. Ряпушка и корюшка. И — брусника. Куда бы мне укрыться — от **чужого**? В Югославию не придется. Нет, не хлопочите, дорогой, не поеду, после неудачи. **Там** что-то — против меня. Проф.

Белич **задержал** у себя посланные мною через югосл<авскую> миссию 3 книги «Бог<омолья>» и письма на имя Королевы, Принца. (Продержал... 4 с 1/2 мес., с 7-го III по 18 июля!) Только после хлопот Штрандт<мана> книги были вручены, и я получил от Маршала Двора бумагу — отписку — «благоволение». Какая-то «тайна» — не пойму. А посылал в адр<ес> Б<елича> — как мне было указано из Белгр<ада> Бр<янски>м. Думаю, что Белич имеет против меня, оттого и поездка моя не вышла. Так он д<олжно> б<ыть> «засолил» и «Въезд в Париж», три года тому посл<анный> для Короля в его адрес; (Белича). Тогда я ни-чего не получил, т. е. — отзвука не было: «украл» Б<елич> мое подношение. Не то Мер<ежковс>кие нагадили к<ак>-ниб<удь>, не то... — ничего не понимаю. **Знаю**: чтениями своими я бы окупил расходы. Да, не пришли мне издат<ельство> Губер и К° за «Няню», не мог бы и подышать тут. Надежд никаких, ждать нечего, **нечего**. И вообще — довольно, отписал.

Только что мне прислали из Парижа, по заказу, статьи Ваши, все 4. Посылаю их заказной бандеролью, одновременно. Если не нужны Вам, как-ниб<удь> возвратите.

Благодарю Вас за все, с такой любовью, с таким блеском сказанное обо мне — скудном и недостойном. Сейчас, впрочем, получил от Бор. Зайцева п<ись>мо из Финляндии, пишет: на Валааме какой-то монах о. Иулиан просил передать привет мне за «Бог<омолье>» и «Л<ето> Г<осподне>» — «читал с превеликим удовол<ьствием>». Далее пишет: «справедливые похвалы этим книгам я слышал в Финл<яндии> и от монахов, и от «мирских». Слава Богу. Эна, куда докатилось. На славу Божию».

Да, в «Возр<ождении>» — кустарничество, и плохое! Горько мне, что не приходится Вас читать... горько. Возмущен всем, по-дло! Если не выйдет у Вас, разрешите мне переговорить с Г<укасовым>. Семенов, полагаю, в отпуску. Запросил газету, но ответа нет: д<олжно> б<ыть> все — «в отпуску». Уверен, что С<еменов> воротится к концу авг<уста>, т. к.

Долинский мне давно говорил, что поедет — Д<олинский> — в отпуск в начале сентября. А **где** С<еменов> — этого он никому не говорит, чтобы его не донимали на отдыхе. Приеду — возьму десятую долю для нас с Вами, на десятый тр<анш>. А вот, что имею: на 9 тр<анш> — 27 авг<уста>, Вы участвуете в двадцатой части в № 1003915. Мои знакомые выиграли недавно — **сто т<ысяч>**! Бы-ва-ет. Напишите: хорошо ли в Л<атвии>, дешево ли? В Финл<яндии>, — пиш<ет> З<айцев>, — очень дешево: 10 фр<анцузских> фр. с человека за полный и прекрасный пансион, с большой комнатой на **каждого**! — пансион **отличный**! «У нас две хороших комнаты!» Это — за шестьсот-то фр. в мес<яц> на двоих!!! — все?!! Не знаю, в какой стороне Вы — в русской? Газету «С<егодня>» не могу читать — все празднуют.

Простите за скучное письмо, — нет подъема. Вообще-то — здоров, болей пока, — спаси, Господи, — не было уже 15 мес. и ем пошире. Бога не гневлю: живем пока, нужды-то не видим, едим вволю. Но... не о хлебе едином... Получил от иером. Иоанна Шахов<ского> — его книжечки — Вы знаете его? Я сегодня из выгоды приехал на отдых с одной «тросточкой», могу ск<азать>, и ни-каких кн<иг> при мне, ни словарей, ни-чего... — скучно. Целуем Вас, милые, обоих, и дай Вам, Господи, сил, здоровья, терпения и удачи, — радостного труда!

Весь Ваш, онемевший Ив. Шмелев.

<Открытка с изображением горного пейзажа Аллемонта, стрелкой указано место проживания Шмелевых и рядом написано:> мы обитаем в этом ущелье.

Ольга Александровна шлет Вам обоим — милой Наталии Николаевне и Вам, дорогие, милые, — родной поцелуй.

Она всегда счастлива, когда приходит от Вас письмецо: знает, *какая* это мне радость. ***Без*** Вас, без Вашей дружбы — мно-гого не написал бы я! **Знаю**.

Ваш довеку Ив. Шмелев.

22. VIII. 35.
La Pernière.

252

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<30.VIII.1935>***

30 августа 1935 г.

Милый и дорогой друг Иван Сергеевич!

Вот пришел час, прошу Вашей помощи. Не откажите, помогите! Посылаю Вам:

1) Копию с удостоверения, выданного мне профессором А. А. Боголеповым[149]. Он представляет контору Возрождения на Германии. Прочтите его, и Вы увидите, в чем дело.

Эта сумма *1688,70* фр<анков> есть гонорар, заработанный мною статьями в Возрождении с 1 авг<уста> 1934 г. по 1 авг<уста> 1935 г. За год они не уплатили мне *ничего.* Контора все угощала меня *безнадежными* ордерами на Боголепова. Мы писали конторе (и Боголепов, и я) — что ордера эти неосуществимы под страхом *уголовного* наказания для Боголепова. Контора предлагала Боголепову *хлопотать о разрешении.* Эти хлопоты длились с декабря по июнь; и в июне закончились полным отказом. Контора была извещена нами об этом, и я просил ее не снабжать меня больше этими безнадежными ордерами, ибо они равносильны *векселю без покрытия.* После этого контора *все-таки* прислала мне ордер за июнь и в августе ордер за июль. С 1 января она вычитает с меня «import retenu à la source»[150], о чем у меня есть ее квитанции.

25 *июля* я отправил в *заказном* письме к Семенову — письмо на контору, в котором просил контору — принципиально *отцепить* вопрос о *моем* гонораре от вопроса о Clearing[151] с *Германией* и от их расчетов с *Боголеповым.* Гонорар, причитающийся мне, *нисколько* не связан с моим пребыванием в Германии. Германские суммы Возрождения *не* являются источником «*моего кормления*», и Возрождение, приглашая меня сотрудничать, не обуславливало моего гонорара своими доходами в Германии. Этих доходов могло и не быть. А мои статьи писались и печатались независимо от моего местонахождения. Ныне я *не живу* в Германии и неизвестно, вернусь ли туда, и если вернусь, то когда именно.

Ввиду этого я просил контору раз навсегда отделить ее расчеты со мною от ее расчетов с Германией и с

Боголеповым — и перевести следующую мне сумму в Швейцарию по адресу: Suisse. Zürich. Schmelzberg Str. 28. Dr. Hans Trüb für Prof. I. Iljin.

Письмо это я нарочно послал *через Семенова* 25 июня. Заказным. На его частную квартиру.

На это письмо Семенов не ответил *вовсе*.

Тогда 20 августа, почти через месяц, я послал Семенову второе письмо, тоже заказное, с просьбою известить меня, передал ли он мое *то* письмо в контору и что ответила контора. И с вопросом — что же мне теперь делать? — списать эти деньги как безнадежные? или обратиться к общественному мнению? или к адвокату? Я *не могу* по фин<ансовому> положению моему терять эту сумму! Но *что делать?*

На это письмо Семенов *тоже* не ответил *совсем*. А я между прочим спрашивал его — нет ли во всем этом поведении Возрождения по отн<ошению> ко мне *личного* элемента? мне же надо решать все эти дела по существу! И под эти деньги я уже наделал *долгов*, по коим уже давно *плачу проценты*! Что делать?

Ответа не было.

И вот, дорогой друг, я очень прошу Вас, переговорите *спокойно* с Семеновым и Гукасовым о необходимости уплатить мне заработанную сумму. Не гневайтесь, не огорчайтесь и ради Бога не терроризуйте их ни от моего, ни от своего лица. Попробуем еще раз миролюбиво выяснить вопрос и получить деньги. Для этого посылаю Вам удостоверение Боголепова и мою доверенность на получение денег. Оригинальные уведомления конторы я сохраняю у себя.

Это первая просьба.

2) А вот вторая.

Я написал десять политических *сказок*, под названием «невинные сказки» — и хотел их печатать под псевдонимом «Петр Стрешнев». Предупредил об этом Семенова. 1 июля послал ему на дом (*не* заказным) две первые сказки «Вонючая гора» и «Пылесос»[152]. За июль-август-сентябрь — он *не* напечатал их, не ответил мне о них ни слова и *не* вернул их мне. Я в обоих заказных письмах запрашивал его о них! Молчит — и

печатает невыносимые пошлости и безвкусицы Горянского о какой-то идиотской «улитке».

Очень прошу: прочтите прилагаемую мною сказочку «Жертвенная Овца» и напишите мне, стоит ли такое печатать. Может быть, это глупо, пошло и бездарно?

Если Вам это *не* покажется, то спросите Семенова в упор: получил ли он первые две сказки, что намерен с ними делать, и если он не желает их печатать, то пусть вернет их *Вам.* —

Ох, дорогой, простите за докуку! Простите за беспокойство! Но я никого ближе Вас и влиятельнее Вас не имею!

Все последние месяцы провел за новым изучением Ваших творений. Книги Ваши были все время нарасхват. Очень хорошие люди читали их запоем и славословили. Я сам многое читал вслух (и «Няню», и «Историю любовную»). Пишу главу о Вас, для книги. Наново. И глубже, и любовнее; и подробнее; с разбором отдельных произведений.

Вот мой адрес здешний до 10 окт<ября>: Riga. Elizabethes iclâ. 19 dz. 4 prickš Bosse. Мне.

Душевно Вас обнимаю. Постоянно думаю о Вас и тревожусь о том, что Вам трудно живется.

Ваш И. И.

Фельетоны получил, спасибо, верну.

Приложения:

1) письмо Боголепова
2) доверенность на получение денег
3) сказка
4) письмо от Марии Александровны Климовой[153], прелестной русской старушки здешней, с сыновьями коей (музыкант, живописец и антиквар) я здесь в дружбе.

Если деньги удастся получить, то известите меня, пожалуйста, поскорее. Из них задержите у себя 88 фр. 70 сант., 1600 фр. отправьте по указанному цюрихскому адресу.

В Югославии с Вами поступили типично по-мас<он>ски. Со мною — аналогично. Не наш — и крышка. О Путях Небесных я еще *не* имею суждения.

Боюсь читать их по кусочкам. А то, что читал, было *очень* хорошо.

Книжечки Иоанна Шаховского[154] производят на меня впечатление искренних, но слабых и неумных созданий. Ни духовного опыта, ни глубины, ни мудрости я в них не вижу.

253

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.IX.1935>***

<Открытка>

20. 9. 35.

Милые, дорогие! Отлетаем на республ<иканский> бульв<ар> 23-го понед<ельник>.

Бу-дя. Стосковался по столу, — здесь локти даже негде положить.

Поотдохнули малость, а работалось вяло. Примусь, вот. Я Вам *все* послал, получили ли — не знаю. В Le Monde Slave, juiller вышли о Ш<меле>ве две статьи, Кульмана и J. Legras (фр. проф.) — к юбилею![155] Любопытно: по-французски! по-чтили. Скучаю — не вижу строки Вашей. О житии — нечего писать: зябнем во вс<ех> см<ыслах>. В мире — выколачивание пыли. Будут очев<идно> банки на воловью шею Ляксандре Макед<онско>му... Общая неразбериха. Но... приближ<ается> реш<ение> Горд<иева> Узла. Целуем.

Ваши Шмелевы-самоеды.

<Адрес И. А. Ильина:> Monsier la Professeur
D-r I. Ilyin
Riteri Pakuli
Koknese
Lettonie
Latvija

254

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<25.IX.1935>***

25. 9. 35. 10 ч. веч<ера> 2, Boul-d de la République
Boulogne s/Seine

Дорогой друг Иван Александрович,

Вчерашнего дня т<олько> ч<то> ввалился на республ<иканскую> квартиру, к<а>к подали В<аше> за-

к<азное> п<ись>мо. Сегодня поехал в «Возр<ождение>» и возродил, а что — следуют пункты.

1) Вся канитель — от формализма и волокиты конторы (слова С<емено>ва). С<емено>в все время старался «возродить», да все волокита, ждали чего-то от М<инистерст>ва Ин<остранных> д<ел>. Канитель. Теперь все устроено. Я получил для Вас 1151 fr. 45 с. (пока), дилехтор к<онто>ры M-r Lorain или Lorent сказал твердо, что остальные получу через 10 дней. Будьте покойны — добуду. Деньги у меня в столе, и завтра я, справившись, к<а>к выгодней послать в Швейц<арию> Dr. Hans Trüb'у для Вас, — чеком ли, пакетом с фр<анцузскими> деньгами или — иностр<анным> переводом, — отправлю, будьте благонадежны-с. Было колебание — не кутнуть ли, но совесть стала давить (зазрила!). Ладно, отправлю завтра же. Остальные, — сколько — не знаю еще — через 10 дней. Вот, прилагаю какую-то выписку, данную мне мисой-англичанкой в конторе, с авг<уста> 1934 по март 1935 — inclus<if>[156]. Чего-то она нацарапала. Я буду биться за полную В<ашу> сумму — 1688 fr. 70 с. Значит — подавай еще 537 фр. 25 с.

2) Карандашом царапаю, бо чернила за лето иссохли и перо заржавело, — не обзавелся, и ничего у меня не разобрано.

3) «Сказки» С<еменовы>м получены, а не печатал их, *боясь* Вас, — деньги Вы не получили, — что же, говорит, м<ожет> б<ыть> И<ван> А<лександрович> ругаться будет, что долг наращиваете. Ленивая такая мякоть! *Теперь* — отдает печатать, — и чтобы Вы не беспокоились. Так мы и установили.

4) С игривым любопытством стал читать про «Жертв<енную> овцу» — и **съел** ее за 2 минуты, косточки только хрустнули. Ма-ло! Шпарьте ***их*** и в хвост, и в гриву! Здорово. Не жалейте **подливки**! Вы може-те, ***и зле-й***. Ах, про наших антелиэнтов бы! Про... ***все***! Погодите, разведусь с Даринькой, уйду в вольную жись, и примусь за **все**, — к<а>к говор<ится> — «во все тяжки». Эх, про ли-гу бы... на-сих..! А я, годите, про «мусалину» изображу, — жду болезни печени.

5) Возрождаю себя. Возродил, — не сглазить — набрал за лето еще 2 кило — и теперь во мне 55 к. с хвостом (а 24 мая 1934, в америк<анском> госп<итале> было... 45). Подай, Господи!

6) Скоро я аменинник.

7) Заболел гн. Деник<ин> — заразил занозой руку... В посл<едний> раз видел его в Allemont'е — суб<бота> 21-го. Что теперь — не знаю. Бо-ли... белок... опять нарывает рука (нарыв не вскрылся!) — помощи нет, отъезд почему-то откладывают..? Жена его говор<ит> — в воскрес<енье> едем (29-го). Ну, и ба-ба......! Порассказал бы я..! Я дал знать в Пар<иже> его адьютанту. Оч<ень> Д<еникин> пожелтел, и говорил мне: ну, к<а>к я двинусь... смерт<ельные> бо-ли... (все лежал). Жду известий. М<ожет> б<ыть> и обойдется. Докт<ор> деревенский (фр<анцузский>) пья-ный, и взял 100 фр. А если после 7 ч. веч<ера> — 200!!! Франц<узский> — «Пирогов». Сволочи.

8) Ваше п<ись>мо обрадовало.

9) За-чем Вы наказыв<аете> оставлять 88 фр. 70 с.? За хлопоты? Нне жжелаю.

10) Целую ручку Наталии Николаевне и винюсь: с прош<едшим> днем Ангела милого друга нашего, и Вас — с минувшей именинницей!

11) Привет душевн<ый> и признательность за доброе п<ись>мо — г-же Климовой: приобщил к стопе.

И 12) Обнимаем Вас обоих и жаждем увидеть на Республ<иканском> бульваре. О-чень я устал. Сплю. О<льга> А<лександровна> поставила мне — ночную еду — компот из персов.

Ввесь Ваш, до издыхания Ив. Шмелев.

Дополнительно: в 11 ч. утра 26-го сентября.

Говорят, — по справкам — что лучше всего послать в Швейц<арию> чек на 1151 fr. 45 с., что и делаю сейчас же. Чек на солидный банк, **мой**-с!! Там у меня были когда-то остатки-сладки. Внес на тек<ущий> счет (утек-с!) и написал чек, (без покрытия!) на имя Hans Trüb'а, и посылаю ему, для Вас, сегодня же, в заказ<ном> п<ись>ме. Через неделю он получит деньги, т<ак> к<ак> у него есть как<ой>-ниб<удь> б<анк> в

Цюр<ихе> знакомый. А если послать переводом, то, при тверд<ых> ценах валюты ну-ка *меньше* Вам выйдет? Представьте, что 100 шв. фр. стоят на почте — 495 фр.? Тогда меньше Вам выйдет шв. фр., сравн<ительно> с нею, если 100 шв. фр. на бирже стоят — 493 фр.? А черрт их поймет. *Говорят* — лучше чеком, все умные так делают. Ладно. Значит, пишу Dr. Трюбу — фр<анцузское> письмо и приложу чек на 1151 фр. 45 с. По смыслу В<ашего> письма вижу, что Вы доверяете Dr. Tr<üb'y> получить для В<ас> деньги, а посему чек, для ускорения, выписываю на его имя. Спешу.

Ввввашшшшш Ив. Шмелев

Иду купить чернил, пёрьев и бумаги.

Чек в s<omme> 1151 fr. 45 с., на имя D-r Hans Trüb (Comptoir National d'Escompte de Paris, le 26 sept. 1935, payable a l'Agonce A. H., 47-bis, Av. Bosquet, Paris, № 171494.<)>

И. Ш.

Не знаю, успею ли купить 1/10 10-го tranche'a L. N., чтобы выиграть хотя бы миллион: 10. Попытаюсь.

<Приписка:> Никак<их> неприятностев не было и ничего ни у кого супротив Вас, конечно, нет, а с Гукас<овым> я и не говорил, пока. И. Ш.

<Приписка:> Ох, надо за Дариньку браться. Публика теребит! Известите открыткой, куда высылать через *10* дней? <*неразб.*> Куплю Вам по 1/10 на 10 fr. — спецеяльно. Ну — милиён?!!

255

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<3.X.1935>*

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Ваше письмо доставило мне большую радость. Чую, что Вы, несмотря на все, отдохнули, подправились-подкрепились, и творческие пузырьки скачут из Вашего нарзана. Так радостно сделалось на душе — слава тебе, Господи! Нарзаньте, мой милый! Чего Бог пошлет — все хорошо. И Пути кончайте, и новые Дороги прокладывайте, и Непутевое вышаливайте! — А у меня два privatissime[157] по русской литературе (из писомой книги). Как до Вас дошло — все набито было. В одном месте

хочут еще раз про Вас. В 1931 г. я предлагал — о Шм<елеве> публичную лекцию — ответили — «у нас его не читают»; а в 1935 — любимый автор. Вот какие «достижения». — — Спасибо Вам, что развязали два узла — редакционный и конторский. Есть два способа выжить человека — не печатать его и *вследствие* этого не платить; или же: не платить и *под этим предлогом* не печатать. Уж не знаю, право, в каком способе я последние месяцы «возрождался». Однако *своего* они добились: желание видеть свое имя на страницах сей «гатцуки» — у меня угасло, и вдохновение ушло в другое место. Однако сказки — пусть идут псевдонимно. У С<еменова> лежат две; у Вас третья. Очень прошу Вас — в дружбу — перещелкайте «овцу» на машинке, и когда первые две выйдут — отдайте ее С<еменов>у *лично* под № 3. Следующие же номера — я хотел бы в уже переписанном виде прислать *Вам* — для очередной передачи по мере надобности С<еменов>у лично. Не хочу, чтобы моим почерком сдавалось в редакцию. Поставьте, пожалуйста: Невинные Сказки. 3. Жертвенная овца. А внизу машинкой же: Петр Стрешнев. Заранее кланяюсь благодарственно!

Прилагаю Вам точный счет, чего с них требовать. В первом подсчете (до 1 апреля) они обсчитались: сумма янв+февр+март составляет 553 франка — а на «мисином» клочкотворстве % налога исчисляется с 653 франков. Посему «миса» вычла 62 франка, что неверно. Надо *53.08*. Это подтверждается прилагаемым *ихним* счетом от 10 мая. След<овательно> сумма первой получки должна была быть не «*1151.45*», а «*1160.37*». След<овательно> за ними недополученного 8.92 фр. На добавочном листке остальной подсчет. Я просил и прошу Вас удержать 80 fr. — хочу *шансов*: прошу Вас, по-прежнему соединяя наши судьбы, на 80 fr. брать однодесятые пополам. В расчете хоть на «лимон» — десдолю — попу-лам. Не смейте мне в этом отказывать! Хочу — ды и фсё! А Вы, как верный bonus frater familias[158], так и поступите. Имейте в виду — один мудрый старец подарил мне на счастье безотказное (год тому назад) монету динар. С тех пор мне везет. Вот

срисовываю Вам его — и передаю на сей предмет временно и частично его силу[159].

А на другой стороне лик чудесного Короля и подпись. Сим мы и победим!

Еще посылаю Вам письмо Георгия Евгеньевича Климова[160]; это сын Марии Александровны, от коей я препровождал Вам письмо. Их 4 брата. Трое здесь, Ваш Portrait[161] *с начертанием руки* — повесит на светлорадостном месте в жилище. И если у Вас есть — то пришлите, пожалуйста, — какой поглазастее — чтобы мои эксцессы о Вашем Творчестве подтверждались из Portrait. Им нужна как бы «икона» Шмелевизма.

Пишу; а) Книгу — о коей Вы знаете. в) Поток «малых видений» — на туземном языке под строгим псевдонимом (таковы, увы, условия моей жизни в оной стране: — я — одиозен. Почему? — потому что отказался антисемитничать среди эмиграции и за это объявлен (sic!) масоном, несмотря на то, что люди знают достоверно, что это неправда<)>.

Каждый кусок не более 50—70 строчек газетных. Сконденсировано, «афористично», отточено; с направлением — вглубь, до Предметного луча. Вся серия носит заглавие «Утешительные очерки». Доселе написано: Скука. Любопытство. Бессонница. Шум. Забота. Неудача. Дурное расп<оложение> духа. Будни. Болезнь. Солн<ечный> луч. Одиночество. Бедность. Одаренный. Зависть. Гроза. Опоздание. Самомнение. Путешествие. Юмор. Теперь будут писаться: Осень. Спор. Очки. Предметность. Чернь. Облако и т. д. (тем 80 пока). Это меня кормит. Восемь штук в месяц — 3/4 бюджета покрыто. Потом думаю написать все по-русски — шире, интимнее, свободнее. И добавить: Кремль. Икона. Петр. Пушкин. Юродивый. Мороз. Метель. И — *книгу*. Благослови Влады-ко!*)

С прошедшим днем Ангела поздравляем и в духе обнимаем, ликуясь! Собираюсь читать здесь лекции,

---

*) Ну, конечно — с Сазановичем мне нельзя (пгостите за кагтавость!) говняться. Он — забьет! Крепко пишет, собака, подкаретно, рыготно, хамно, дебело; — лакей «останавливался» и забыл пуглицы застегнуть... Однако я не унываю. — Кто это «Тонио»? Как может газета печатать пошлую блевотину Горянского?! Черрт знает что!!

выстукиваем прошения-разрешения... Откликнитесь поскорее. Ольге Александровне целую ручки. Свидеться бы! Свидеться бы!!!

1935.X. 3. Ваш Иоанн (имя ему).

<Приписка:> Пробую создать или по крайней мере подготовить здесь конъюнктуру для «Няни». Напишите мне *прямо*, какой Вы хотите гонорар с листа?

256

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<16.X.1935>*

16. X. 35. Булонь

Дорогой друг, Иван Александрович,

Вчера получил остаток Вашего гонорара — 534 фр. 47 см. Прилагаю записку конторы. По приказу В<ашему> оставляю 80 фр., для «судьбы», и дам отчет. Деньги пошлю, когда Вы напишете, *куда* и *как* переслать: я не получил до сих пор извещения, получен ли др-м Тр<юбом> мой чек на 1151 фр., и получены ли по чеку деньги. Ответьте. Опять говорил с С<еменовым>. Был и Гукасов. С<емено>ву, видимо, не улыбаются сказочки, особенно потому, что идут не под В<ашим> именем. Я настаивал. Г<укасо>в заявил, что нельзя «обижать» И<вана> А<лександровича>, — он может обидеться. Семенов сказал, что напечатает, распорядится. Я говорил решительно. Им очень хотелось бы получить о «безбожии», — я читал в «Сегодня» о В<ашем> триумфе. И показал. Интересуются и В<ашими> «этюдами», о чем Вы мне писали — 80 эт. — «утешит<ельные> оч<ерки>». Меня очень подбивает — что это такое? Почему Вы не даете газете? Пушкин, Кремль, Икона, Юродивый... — чую, но неясно. Вас *очень* ценят, *неверно Вы говорите — о «выжимании»*. Что поделаешь — газетчики, требуют «боевого», вот отсюда и «опусы» Саз<анови>ча. Вполне согласен с Вами. Но **что** бы Вы могли дать и **как бы** — о «русской культуре»! Не раз писал я Вам, скудоумный, — дайте — о «рус<ской> культуре», не Милюкову же затыкать брешь, — другого труда нет у нас, увы! — Ну, вот, Вы не пишете, — Саз<анови>чи зато пишут, «дробят»

подкаретно. — «Тонио» Вас интересует? почему? Это Чебыш<евские>[162] все кустарики-пустобрехи. **Нет** талантов, <зачеркнуто: мало. — *Ю. Л.*>. А Вы — манкируете. Кому же **давать**? Ну, вот и... — дерьмуют. Я эти дни изнемог в работе, надо было набивать для «терма». Имп. Кирилл послал адьютанта «достать роман Ш<мелева> «Пути Неб<есные>» — по книжным магазинам. Так-с. «**Должен** быть!» И странно: литерат<урное> бюро в Париже — некие Кагански и Коган — просят «прав» на перевод «во все языки», — «читаем в «Возр<ождении>» и считаем, что «авантажеземан»[163]. Кому что. А у меня еще и конца не видать. Да и разбился душой, письма не могу одолеть. Чувствуете, как вяло? <зачеркнуто: пишу? — *Ю. Л.*> Радуюсь триумфу Вашему и горюю, что не здесь Вы. <зачеркнуто: Охота Вам зарываться. — *Ю. Л.*> (глупо!) Правда, здесь тоже не сладко. Вы лишаете ядро эмиграции истинной силы и света: слишком здесь уныло, и — вразброд. А рядом с газетой Вы много могли бы сделать! Я хожу в «Возр<ождение>» раз-два в месяц, отнесу рукоп<ись> и уйду. (К нам, писателям, вообще, по-хамски, здесь относятся: бедны мы, надоели, раздроблены. Быв<ают> миги, когда думаешь — не довольно ли, не лучше ли — **уйти**? Спасает работа. И остатки веры.) Одинок я. Так, влачусь. Одно укрепление — болей пока нет, да вот, получишь письмецо от друга-читателя. — О «Няне» не хлопочите, благодарю Вас, милый. Издаст «Возр<ождение>». Гонорар... — когда окупится издание. (?!) Все равно. Издам с некот<орыми> добавками.

Горячо благодарю Вас за Вашу любовь ко мне, за ободрение, за все, что Вы сделали для меня, за влиятельнейший Ваш зов к моим скромным книжкам. Не совсем правду сказали Вам те люди в Риге, в 31 г., что меня «у них» *не читают*. Я из тех мест — Риги, Эстонии и Финляндии, — получал много писем от читателей. Это — из иудейских кругов говорили Вам, из масонских, из скрыто-левых. Слава Богу, меня с «Человека из ресторана» читали и читают. Лимитрофная[164] эмиграция меня хорошо знала и за «Солнце Мертвых», и за другое. Ну, теперь, знают больше.

Свидетельство привез Б. Зайцев из Финляндии. «Вас знают и шлют привет с Валаама, монахи... и вся эмиграция, с кем я встречался... а вот Бунина знают, гл<авным> обр<азом>, по Нобелю, получил-де премию<»>. И еще любопытно: в Финл<яндии>, — а, каж<ется>, и в лимитрофах, «Посл<едние> Нов<ости>» не видал он, а читают, гл<авным> обр<азом>, выписывая в складчину, т. к. дорого, — «Возр<ождение>». Конечно, мне очень вредило, что я пять лет не писал в газетах. А м<ожет> б<ыть> и не читают. Значит — не надобен.

«Овцу» напечатаю на машинке и передам в свое время, будьте покойны. И все, что скажете, исполню. Нет, решительно я чем-то сегодня разбит, едва клею мысли. Бывает это... — вдруг нападет неизбывная тоска. Я счастлив, когда **пишу**. Вернее — не счастлив, — а забываюсь. Но сейчас я 2—3 дня передыхаю, — и скорбь. Много надо справок и книг для романа. Он будет в 2 ч. План ширится. Попал я нежданно в петлю. Во вс<яком> сл<учае> он не похож ни на что у меня. Увидим... если выживу.

Сердечный привет-поклон от нас с О<льгой> А<лександровной> — дорогой Наталии Николаевне и Вам, милые.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Как ни работай — все **нищий**, на лекарства не хватает. Ни одной-то фотогр<афии> нет у меня: я так беден, что *не на что* сняться.

<Приписка:> Пожал<уйста>, хоть открыткой известите, получил ли D. Trüb мой чек: я, по нищете, послал ему чек в простом письме. *И тревожусь.* Чек не барирован.

NB Что я напутал! Нет, конечно: я послал Dr. Trüb'y чек в заказном п<ись>ме, — сейчас разыскал квитанцию: Paris, 100. (№ du burcau de poste) 18-30 26 IX, 1935, rue *Clande-Terrosse.*

Квит<анция> у меня сохраняется, а также при мне и Ваши остальные деньги: 534 fr. 47 cm. за вычетом — 80 fr. на «пустяки» — что-то будет? — останется для пересылки — кому прикажете — 454 fr. 47 cm. Сколько

бы Вы еще добыли, если бы не забывали мно-гих читателей! От десятков читат<елей> слыхал: Ваши оды Руси (апр<ель>-май) вдохновляли, воспламеняли истинных, и вызвали шип и испуг (!) у гадов.

— Почему Вы не захотели писать о Святой Руси?! о нашем интеллиг<ентском> неверии, об издевательствах и *дешевом* атеизме?!! Ну, Сазановичи за Вас пописывают — и те все же что-то делают. А главное — *не страшатся* — и это о-чень ценится. «Звездиане» — стало «словечком».

257

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<2.XI.1935>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Величайшее Вам спасибо за одолжение и услугу. Тр<юб> получил тогда же беспрепятственно; он друг верный и крепкий. Буду Вам бесконечно благодарен, если перешлете ему туда же и остаток минус 80. Почтовые расходы, ради Бога, покройте из минус 80. А прочее пур бонёр[165].

Написал Вам только что длинное, грустное, горькое, гневное письмо, но порвал его, чтобы не расстраивать Вас. Уж очень мало предметно противопоставление храброго Сазановича «главное не страшащегося, что очень ценится» и «все же что-то делающего» — явно страшащемуся, «манкирующему» и по-видимому ничего не делающему *мне*. Что́ на это можно возразить? Что ответить? О, многое! Но только все будет горькое и гневное.

Одно только примечание. Я вот уже несколько месяцев делаю большие усилия воли, чтобы не допустить себя до горячего поступка. Отношение Вырождения[166] — и конторы, и редакции — ко мне до такой степени *неприлично*, что я только вследствие волевой выдержки не послал еще им уведомления о полном разрыве. Мне не страшно умолкнуть в газетном смысле. Пути эмиграции меня интересуют все меньше. К литературному аскезу я привык от молодых ногтей. Мое служение России решительно возможно помимо

фельетонов в Вырождении. Газета же сия идет неуклонно вниз. Об этом сейчас трудно найти два мнения; так же как нет двух мнений о Сазановиче, Али Бабе и Тимашеве, главных «идеологах» этой группы-труппы.

Немало огорчился я и на то, что Вы сообщили им о моих эскизах; это было *решительно не для них*; а Вам я написал об этом доверительно и лично.

О себе писать не хочется. Что было — то было; что есть — то есть. Пусть цветут Сазановичи и пускают свои «словечки»...

Душевно Вас обнимаю и еще раз благодарю.

Ваш Робкий Грузин («бежали робкие грузины»).

К середине ноября буду наверное в прежнем городе на старой квартире.

1935.XI.2. Рига.

258

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<2.XI.1935>*

2. XI. 35. Булонь на С<ене>

Дорогой друг Иван Александрович,

Был удручен, получив от Вас рукописи, а письма-то и нет! Шарил, смотрел во-внутрь, — нет. Это — за что?! — мне «опала»? Приму смиренно. Ибо что же я могу, как не принять? а к смирению приучила жизнь-копейка. Но... «к порядку дня». Существование с газетой у меня — отравлено, едва терплю. Пока... — должен же кончить «Пути Неб<есные>». А там — не знаю. Да и кончу ли... — сил нет. Сами постигаете. Неумны наши «дуроломы», пошлы, грубы, — хамы и хамы. Недаром я когда-то не выдержал и уходил на 5 лет! Сознаюсь: то, что Вы там стали писать, меня подтолкнуло, и я согласился снова начать. Да и... — захирел от тоски по читателю. Теперь — хоть опять давай задний ход. Гнусная компания Ходас<еви>ча, вылившего на старш<их> писателей ушат клеветы и злобы, — несмотря на мой протест, решит<ельный> разговор с С<еменовым> и Г<укасовым> — последствием имела «попустительство и поощрение» — жар! И вторично

окатил нас слюной своей. Плюнул — смирение, пока... хватит. «Сказочки» некоего Стр<ешнева> были-таки напечатаны, по моему решит<ельному> настоянию, причем я — вернее, после чего, — получил «укор» от Гук<асова>. Сем<енов> же **не** хотел печатать. После чего я вручил 3-ю сказ<ку> «Овцу» — и умыл руки — надо умывать, надо, после таких «бесед»! И не знаю, что будет дальше. Ныне — с избранием в представители рус<ской> эм<играции> в Нансен. Офф. Р.[167] — такая пошла «волконалия»[168], что... унеси ты мое горе, и в итоге в другой газете, «в возмещение» — вчера появилось интервью с соц<иалистическим> депут<атом> Мутз.[169], котор<ый> бывало, хлопотал за высылаемых, а теперь предостерегает... — можете «все испортить такой кампанией», т. е., де, — может испортить один «русский орган печати». Наши болваны не понимают, что на трясине нельзя крепко стоять. И теперь нам всем мож<ет> б<ыть> плохо. Но вся ругань «П<оследних> Нов<остей>» — это интервью-монтаж. Сами дали к нему повод. *Не* политики, а — брёвна. Я морально всем этим разбит. Нашим «головотяпством». Т. е. не «нашим», а... «за-нашим». «Хвать друг друга камнем в лоб»! Противно — **все**. Все трясется — везде. Гангрена-рак дал такие отростки... — близится крушение, и я его **ощущаю**. И хочется куда-нибудь уехать, но...!

Еще мне нац<иональный> орг<ан> **поднес**! Одному доброму другу пришло в голову дать в другую газету статейку по поводу моего 40-летия: потом объяснил — стыдно, де, франц<узский> журнал напечатал 2 ст. — «Ле Монд Слав», в июл<ьской> кн<ижке>, вышедшей в сентябре, — а в рус<ских> о Ш<мелеве> ни звука. Та напечатала на днях, в четв<ерг> 28 нояб<ря> «Папаша» милостиво разрешил — М-в[170]. И — ни одной буквы не выхерил, хотя были фразы — не в тонах и взглядах газеты. И вот, этим самым мне же и устроили «свинью»: газета, где я работаю, — ни слова. Получился и перед читат<елями> конфуз. «Враги» — так, а мы те ни словечка! Скушал, невольно. И «все» дивятся и все — в кулачок — хихикают. «Братья-то! Так ему и надоть, не

пиши 40 лет!» И при всем том — из последних сил тяну... а «Путям» конца не видать. Все «углубляется», во мне, но наружу «глубина» пока не кажется. Покажется ли? Я почему-то в «трагедию» заглянул и читаю «Софокла», тома Зелинского. Нужно для каких-то ассоц<иаций>-антитез. **Там** — Рок, а тут — Про-мысел! Там — ги-бель, а тут — искушение и — спасение им, страданием. И — не дилемма, а три-лемма. Надо уловить борьбу, надо постичь и проявить — не «виявить»! — показать, как темные силы тянут Дар<иньку> и она — как бы в трагическом споре с собой и чувствами... Всего не скажешь. Боюсь, не успею кончить. Только 1-ю часть могу закончить через 3—4 главы, до переезда в Мценск, откуда пойдет «новое», полное томлений и трепета, и «упований». Д<олжно> б<ыть>, несоразмерно получится... но так меня Москва увлекла 70-х годов. А там, м<ожет> б<ыть> — Божья природа и тихость обителей... увлечет? Дарин<ька> для меня теперь — **все**. Но мно-го прид<ется> возиться с инженером... кот<орый> теперь пока «гуляет», и — падает. Увидим. Сегод<ня> получил от некоего Эдвина Эриха Двингера — ? — ни доктор, ни проф. — главные труды которого якобы переведены на 12 яз<ыков>, б<ольшое> п<ись>мо с трактатом о страшной угрозе б<ольшевиз>ма и предложение дать в сборник что-нибудь. Знаете Вы его? кто-то дал ему мой адр<ес>. Я **не** могу сейчас ни-чего, я весь в ром<ане>, я что мог — **все** дал. Душа испепелилась, и чтобы собрать ее — я стал строить «келью» и вот — спасаюсь в тишине благолепной — «Лета Госп<одня>» и «Богомолья»... и — «Путей». Ну, что я могу дать... «очерк», — пишет — «афоризм», статью,... — да ничего я не могу! Кто он? И почему он мне целый трактат прислал на 6 б<ольших> стр. машинкой — по-немецки, перевели уж мне, — когда я — а он **должен** бы это знать! — сверх-все в этой язве и чуме знаю-перезнаю! И никогда не слыхал такого имени... а — на 12 язык! Впрочем, я многого не знаю об ученых, политиках... — кто он?! 12 яз<ыков> — это уже знаменитость. ! *Разъясните поскорей, если можете.* ! Я должен отвечать, а у меня наводнение на столе, куча неотвеченных, и я, написав главу, должен склонить главу и — недвижимо! У-стал.

Будет горько мне, если Вы отворотитесь от газеты. Клянусь, Вы меня подтолкнули — не чуя, — и вдруг я — сирота?! Знаете, лучше давайте «вместе», в оно время. Но для меня уход равносилен — бременам неудобоносимым. О<льга> А<лександровна> совсем захиреет. А ведь нам уже — о-го-го! — мне 63-й, а ей — 61-й. И все — чего-то ждем... и все — в душах наших — трясение боли. А телеса... — просятся на задворки.

Куда бы уехать?! Мне то-шно, невыносимо... я не могу... насмотрелся, наглотался, «изшел» не ис, а из!! «Дайте мне атмосферы!» Да тут еще — вот-вот — начнется чехарда, — грозится... Проедаю последние крохи аванса за «Няню». Да, Гук<асов> взялся ее издать — в 600 экз. И мне — ноль, — да только 10 экз. авторских. Впервые в жизни. И я — закрыл лицо плащом. Это — ко-нец. Книг не покупают, да... но все же... ведь возьмет же барыш, хоть бы поделился, с нищим-то! Нет. Иначе — **сами** издавайте. Подписал себе приговор. Горько. Итоги 40 лет... в см<ысле> «закромов». Очевидно — **так надо**, по «плану». Принимаю. Не оставь, Господи, помоги «кончить» начатое — в том же счете и невеселую жизнишку. Да, надежда есть, — есть у меня — имейте в виду, про Вас помню, а потому и пишу, купил я себе — а Вы по формуле: «я каждый день чувствую себя во вс<ех> отношениях все лучше и лучше», — приговаривайте: пошли ему, Господи, сироте казанскому-калужскому, — выиграть миллион! Тогда я поделюсь с Вами пополам, Вам с десятой отчислю половину за ноль восемьсот шесть тыщ шестьсот пятьдесят, — нарочно пишу буквами, чтобы хоть тут, на этот раз, произошло для меня «обновление». Вот тогда, имея полсотни тыщ, на себя, о ста пятидесяти — не помышляю, — я **отдохну**, — уйду, куда глаза не глядят.

Милый друг, «ты грамотой свой разум просветил», все философии тебе ведомы... — поймите страдания и терзания всяческие... и отзовитесь, что, де, по-прежнему благоволю. За что — бесписьменный конверт? Но «Печоры» в снегу имею, и радуюсь, и плачу... Порадовала меня милая Раиса З<еммеринг>. Она — милая? ведь — да?! да???! Я чую, что — да. Скажите, милые, вы оба — чуткие. Какие она трогательные

письма пишет. Кто она? Чувствуется в ней — какой-то родственный мне «воздух»... не может же она пахнуть Западом. Она — вся «от Востока».

Целуем любовно-душевно Вас и добрую душу — хранителя Вашего — мне из Риги писали! — Наталию Николаевну.

Да хранит Вас Господь.

Идем ко всенощной — завтра Введение Пр<есвятой> Бог<ородицы> — и опущу письмо, пойдет завтра.

Жду, жду — милосердия...

Ваш всегда Ив. Шмелев.

259

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.XI.1935>*

5. XI. 35. Булонь на С<ене>

Дорогой, милый друг Иван Александрович,

Сегодня получил Ваше письмо и сейчас же пойду на почту и отправлю д-ру Гансу Трюбу чек на сумму 484 фр. 47 сант. 80 фр., согласно Вашему велению мною оставлены для покупки бонёра — ов[171], о чем и будете своевременно извещаться: брал на посл<едние> — и — хорошо еще — с оконч<анием> на 2 — получил назад, поплатившись 1 фр.

Хорошо сделали, что не послали гневного письма мне: и это, крохотное, достаточно меня укусило — и не по «заслугам». Какое же «сопоставление» несуществующего «сазановича» — В. Ильина плюс Г. Мейера — с Вами?!!! Мое выражение — уж не помню теперь точно — «что очень ценится» — это мое замечание о «ценителях» — очевидно — издателя-редактора и — «массы», которые могут выносить **такое** — ругань, плеванье, дерганье, «продергиванье и промыванье». Мог ли я держать мысль, которую Вы во мне провидите?! — сопоставлять??! Что эти «сазановичи» что-то делают... — да, конечно, «что-то остается», что-то делают, скверно, вонюче, но кустарнически что-то «взрывают». Только и есть. Ругаются, портят кровь М-ву[172] и присным, но... что общего у Бетховена с... «комарём»?! А Вы — «предметное противоставление»... Господь с Вами. И

разве когда вставал в моей душе вопрос о Вашем жертвенном — да! — служении России путем... фельетонов в «Возр<ождении>»? Слишком Вы — Вы, чтобы как-то соединять Вас и газету, где допускают, помимо всего, о чем говорить не хочется, печатание гнусных доносов и клевет на группу писателей старшего поколения, как напр. — и не впервые! — подлая и вонючая статейка Хамосевича[173], от 17 окт<ября>, четв<ерг>, по поводу смерти поэта Попл<авского>[174]. Я себе за эти дни крови испорти-ил... Ездил объясняться с Гук<асовым> и Сем<еновым>: как могли напечатать то, чему место в «Изв<естиях>» и «Правде» большев<истских>? Остальные «братья» испуганно промолчали, внутренно возмущаясь и... страшась Х<одасеви>ча! даже Бунин. Я потребовал — сдержите «молодца», я укорил и показал и доказал всю гнусность статейки, — доноса. Все — клевета, из-за того, что Х<одасеви>чу сербы не помогали. Не могу писать больше. **Свое** я сделал. Ваши сказочки С<еменов> — д<олжно> б<ыть>: по заключению Долинского-секретаря — долго держал, чего-то выжидал... Я много волновался, ездил и напоминал. Завтра повезу Вашу «Овцу». Нет, не уходите, погодите. Я подожду... по-жду... — вместе уж уйдем, — я в полную нищету уйду, в полное молчание. Мне надо закончить «Пути». М<ожет> б<ыть> они и «без пути», но надо отсчитаться перед читателями. Сейчас в «Возр<ождении>» очевидно, ведется кампания — скрытая? — как-то совсем обескровить и опоганить газету, чтобы мало-мальски разборчивым стало невмоготу дышать. И посему — **надо** до посл<едней> жилки держаться. А Вы, милый друг, раздражаетесь, мучитесь на радость той шайчонки, которая, м<ожет> б<ыть>, желает — и старается — совсем прихлопнуть газету. Раздражить И<льи>на и заставить его уйти, раздр<ажить> Ш<меле>ва и заставить его уйти. На шпане не выстоять. Не смешивайте же меня с ними. — Взял выдержки из статеек П<ильско>го о Ваших 2-х выступл<ениях> в Риге[175] и напечатал в «Возр<ождении>». Надо было видеть лик секретаря, который, конечно, ни-чего не мог возразить, кроме: «я должен — конфузливо! —

предупредить Вас, И<ван> С<ергеевич>, что у нас за это гонорар не полагается...» Ду-рак! Не стал я, конечно, говорить сему хвату — «а... хроникером... полагаются?» Ду-рак! Я... — за гонорар...! Скотина. И Сем<енов> и Гук<асов> Вас, конечно, очень ценят... но С<еменов> — мямля и клуха — не сообразил, что если бы он **не** напечатал этих сказочек, Вы ушли бы! И если я говорил о печатании Ваших «вдохновенных слов» — я прежде всего думал о читателях, которые не слышат «живого слова». Сказочки — это Ваше отдохновение и «щипок», — конечно, будь я редактором, Вы получили бы всю газету — на **все** Ваше. Но кто — или я, например? — виноват, что люди — люди, и мелкие, и дурные, и не понимают, что газета не трактир, а — трибуна высокая?! И завели грызню, свалку, потасовку, «бочки». Нет, не давайте повода торжествовать подлецам! И еще раз повторю: зачем выступаете под псевдонимом? Меня это волновало.

Простите меня, что я, не запросив Вас, сказал к слову, — о Ваших, так меня заинтересовавших эскизах... Я этим хотел сказать, что вот, смотрите, **мимо** вас, гг. хорошие, проходит творчество... — я хотел Вам добра, говорить и думать о Вас хотел, урекать **их** хотел, и не подумал, что это Вам доставит неприятное. Простите — и забудьте. Не браните. Эх, и не предполагаете Вы, как трудно в газете мне, **как** гнусно туда ездить за... грошами, лопотать, что-то стараться сделать, одергивать, направлять бессильно. О<льга> А<лександровна> боялась за меня, и я чуть не заболел опять. Жить тихо — и то не дают. Работать не дают. Скверно. Еще: то Гук<асов> обещал «Няню» издавать, а теперь, кажется, — **даром** хочет... Т. е. в такой хомут забираюсь, что... пользуясь тем, что **негде** будет писать, не пойдет-де Ш<мелев> в «П<оследние> Н<овости>». Там все же с писателями обращаются корректней и М<илюко>в дает место письму В. Ф. Зеелера по поводу гнусной статьи Х<одасеви>ча. Каж<ется>, там будет и статья Зеелера о 40 л. моем литературном — дебюта моего. Да, все замечательно, все знаменательно. Но знайте, что Вас — **ценят** даже эти... господа! — Гукасов

и К°. Вам, конечно, наплевать, а нам **не** наплевать. И ско-лько же народцу руга-ет «Возр<ождение>»! Горе наше: нет денег, — нет у «национальных русских» — насилу язык повернулся! — **смысла**. В драку лезут, если неопасно, а хоть бы грошом поступились... тьфу! И топчут побеги, душат последний вздох. Боюсь, как бы опять не началась болезнь моя, что-то «позывает»... — и все от мелких расстройств, вот что обидно. Соломинкой валят...

Последнее мое слово — просьба к Вам: не уходи-те из газеты, все же!

Прочитал с большим удовлетворением Ваши две сказочки. Как все у Вас — и этот род творчества — талант, но это для Вас — шутка, «отдохновение», и, не сомневаюсь, масса прочла с большим интересом. На днях мне один знакомый говорил: «смотрите, вот вам и новое бесспорное дарование, «Воскрешение Щедрина». Я мог только подтвердить, что мне и не было трудно: «о, бесспорное и <р>едкое дарование».

Сейчас перестукаю Вашу «Овцу» и завтра повезу.

О себе писать нечего, и — самому надоело терзать себя и... Вас, милый.

Какое светлое письмо написала мне Р. И. Земмеринг! Родные цветы прислала. Пошлю ей книжечку. А на фотографии у меня нет денег, жду, когда снимут — даром, «из уважения».

Сердечный наш привет дорогой Наталии Николаевне. Земм<еринг> пишет, что я всегда знал, — Ангел-Хранитель Ваш светлая Наталия... как у меня бедная моя Ольга... Да, работает — рук не покладая, вся больная. Обокрали меня: Туржанский поставил фильм — «Очи черные» — сюжет изменен, но **взято** — основной фон и детали даже — из «Человека»[176]. Судиться? Плюнул, скользкий процесс, и денег нет. Есть предложение для фильма — «Пути Неб<есные>», но эта вещь далеко не кончена, и кончу ли... — сам в петлю попал, копнул, как бы лопата не хрустнула... И кружиться стала голова, а иод принимать, вижу, нельзя... подействует на мою «язву», пока уснувшую... — надо поговорить с умным доктором.

Целуем Вас обоих, милые. Нет, не серчайте на меня: у меня из всех здесь самое дорогое — Вы, самое близкое — Вы, духовная моя опора — Вы, всегда Вы. И как я жду Ваших «эскизов»! Если бы хоть один-два прислали!

Спешу на почту — и потому не читаю п<ись>ма, не правлю возм<ожных> описок.

Ваш довека Ив. Шмелев.

260

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<9.XI.1935>***

<Открытка>

Дорогой Иван Сергеевич!

Шлем Вам самый нежно-духовный привет из Псковского Печерского монастыря, до Псковского озера 20 км, от Юрьева 80 км, от Изборска 22, от границы 28 км. Вот мы где! Дух Иоанна, Петра, Анны — Пещеры. Стены крепостные. Иконы! Завтра в Изборске. Ходим и о Вас помышляем.

И. А. Ильин Н. Ильина Г. Климов Конст. Климов

1935.XI.9.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
2. Bd. de la République
Boulogne (pres Paris)
France

261

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<8.XII.1935>***

Мой милый и дорогой Иван Сергеевич!

Ради Бога, никогда не сомневайтесь в моей любви и верности. Вы только зря огорчаете этим себя и потом меня. Если я на что-нибудь поворчу — так уж выворчу; и все; и мне легче — и Вы на меня не сердитесь. А в прочем — я *Ваш* всегда.

Послал Вам открыточку из Печерского Монастыря — мы там были 8—10 ноября. От Изборска ездили на самую границу — до проволоки колючей; подымались на Эстонскую вышку и видели Псковский Собор — 20 верст. Было туманно. Он предстал, как видение —

прошептал: «верьте и надейтесь». А я через загородку нарвал русской травки на память!

Посылаю Вам еще две открыточки из Печерского Монастыря.

Июль 15 — Сентябрь 17 — мы отдыхаем в деревне за 100 верст от Риги. С 17 сент<ября> по 18 ноября — была рабочая страда в Риге. Я выступал 25 раз. 7 раз публично и 18 раз закрыто.

Публично: 1) Кризис Безбожия. 2) Учение о Совести. 3) Священный смысл искусства. 4) Цель оправдывает ли средства. 5) Критерий художественности. 6) В русской гимназии — Путь к Богу. 7) В латвийской академии художеств повторял третью лекцию.

Закрыто. Три цикла, каждый для 10—30 человек.

5 вечеров — о Философии Религии.

5 вечеров — 1. О художеств<енной> критике. 2. Бунин. 3. Шмелев. 4. Ремизов. 5. Мережковский.

5 вечеров — тот же цикл для другого состава.

3 вечера — по особому желанию — добавочно о Шмелеве.

1. Железный Дед и Блаженные.
2. Лето Господне.
3. История Любовная.

Создался форменный *культ* Шмелева. Теперь есть мечтатели — мечтают Вас заполучить на лето в Изборск — в среду *чудесного, чудесного*, трогательного подлинно-русского населения (это Эстония) — и с дальнейшими лекциями в Эстонии и в Риге. Жизнь в Эстонии *очень* дешева. Что сказали бы Вы о сем *принципиально?*

Раисой Земмеринг не очень увлекайтесь издали. Не сто́ит. Очень тщеславна, «почвенна» больше *на словах*, неумна, истерична, с левинкой.

Сказки отправлял не я. В последнюю минуту перед отъездом просил одного из друзей. А приписать *не успел*, замотался. У меня просто была потребность — чтобы *Вы их прочли и решили, сто́ит ли с ними что-нибудь делать или нет*. Мало ли я писал и в стол клал?! В Вырождение их не давать! Мало того, я был бы просто счастлив, если бы Вы забрали у Сем<енова> «Овцу» и прислали мне ее.

Для нее уже есть другое место; она коротенькая. Скажите ему просто: «И<ван> А<лександрович> известил меня, что она уже принята в другом издании».

18-го приехали сюда. Оба полу-здоровые, похудевшие и крайне усталые от двухмесячной трепки. С 22 — я слег в гриппе. Загноились гланды. Еще не поправился, а завтра надо ехать на цикл лекций в провинцию к пасторам. Молю Бога, чтобы вернуться «с ним», а не «на нем»[177]...

Оттуда вернусь 18-го дек<абря> утром. Ради Бога, не браните, что пока не пишу о главном, о *Вашем* настроении. Из Возрождения не уходите! Я тоже не уйду — только писать не буду. А *Вы пишите!!* Надо жить коечно-коморочно: соседняя статья плоха — а «моя» *хороша!* Что же сделаешь?!

Душевно Вас обнимаю. Уезжаю завтра очень неспокойный — и за себя и за Наталию Николаевну. Она все недомогает.

От нас обоих сердечный привет Ольге Александровне.

Господи, увидеться бы!

1935.XII.8. Ваш Иоанн.

1936

262

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.I.1936>*

5. I. 1936. Булонь на С<ене>

Дорогой Иван Александрович,

Что за история, два письма порвал, все такая чернота пишется, страшно стало — да как же я такое удручение свое, да Вам, к Празднику Светлого Рождества пошлю! И разорвал. Тре-тий день все принимаюсь, — не сброшу! Решил — о своем «мраке» душевном не писать, не копаться, пыли не выбивать. Аминь.

Перекрестясь: с Праздником Господним — белого Рождества! И Наталию Николаевну, и Вас, милые

друзья, дай Вам Господи сил и крепости к продолжению... **учения** сего. А «мыслете» откину, по случаю Рождества. И вообще надо «мыслете» откидывать, и, вообще, откинуть. Без-мыслете. Так легче, кожей жить, как живут некоторые особи зверей и насекомых. А-а, опять прорывается темное, так вот и просачивается, как вода в кулаке, — не зажмешь. С Новым Годом! Урр-ра-а, с... новым... того... ну, скорей, храбрей... — щастьем, ввваше бблагородие! Выдрал-таки «счастье»! Но... в душе самое светлое желание таится, забилось в уголышек и — боится, но — есть. Милые друзья, пошли Вам Господи какого-нибудь бо-ольшого счастья, на сей земле, в **сии** времена доступного. Во-первых — извольте выиграть на мой билет, — по случаю своего — немого — убилея — 40-летия, — сороко-летия, ибо сорокой полетываю и сокочу, — траурная птичка! — принимаю дружески в компанию — да разделите со мной ща-стие... — а вдруг?! — и выиграете одну десятую на удивительный мой «номер», — в январе, м<ожет> б<ыть>, объявится! — 14 тр<анш>, 0820394, и вдруг я Вам да и переведу... — ур-ра-а! — сто тыщ!? Видел во снях номер, на хвосте 293. Не нашел! И еще видал... — шел по улице, задумался — 62! — как вылезет из-под мозгов... и вдруг — через 2 шага — на доме — 62?! Вот докуда докатился, в чаянии-отчаянии. Опять прорывает-ся... Вообще — едва терплю. Тошно, моркотно[1]. «Пути небесные» надо 22 главу писать. Четыре главы еще — и кончу I-ю часть, первый этап, а там — на проселок поволоку У-дариньку, в «уюточку». Успе-эх... — невообразимый. Особливо дамы... па-чками просят — ах, что дальше?! Насчитал по сие число 42 дамы, девицы, старушки... попы, монахи, офицеры... — и даже... идолопоклонники. Но — каково рожать младенца кусками... — и как я жив!? И куда заеду?! Но — повлекусь и повлеку. — Поражен Вашей силой проповеди! Восхищен и мысленно рукоплещу. И... ско-лько же Вы сотворили, неповторимый, для раба грешного, отчаянного а-за! Знаете... — даже Георгий Содомович[2], в лехциях о совр<еменной> рус<ской> литературе... — говорили мне слышавшие, — дойдя до

«а-за», изрек, врах мой, что... «после Дост<оевского> в рус<ской> лит<ературе> никто еще не давал **так** человеческого страдания, как «аз». И, считаю, что это Вы его, рикошетом как-то про-няли! Остался один поляченок — сеич[3], который всех старш<их> пис<ателей> поливает, но сие во-I-х, для соб<ственной> услады, гад незадавшийся, а во-2-х, для услужения хозяину, ибо велия радость Гуксе[4], как примадонов расчесывают: «вы, дескать, не очень-то, не заноситесь, не требуйте прибавок, ходите веселей за пятак, ибо сам мой сеич вас посадил на настоящее место, хлам вы эдакий!» Но... долго ли я все сие выдержу?! Но, не надо. Потрясен Вашей энергией и духовной силой, — о **даре** уж и не говорю. 25 вечеров! Конечно, «моим культом» в Риге и Эст<онии> только Вам обязан! И это единств<енное> светлое, ободряющее, что увидал здесь, в Европах. Спасибо, милый. Когда буду помирать — вспомню — не забываю никогда, но тогда можно и забыть, «при отходе», но... вспомню — и улыбнусь с миром, и отойду. **Была** и радость, и дружба, и ласка. Нет, куда мне двинуться! Разве это осуществимо, в Эст<онию> или Ригу. Климов[5] запрашивает... да где же мне двинуться! Да и **не** пустят. Говорят — **нельзя** получить разрешение. Бунин говорил. Скоро выйдет бесплатная «Няня». Продаст Гукса 600 экз. — получит 2 с полов<иной> тыс. Слизнет, а я — проглочу что-то. Бедность наша, где же самому издать! Работаем на других. Изворачиваюсь и не знаю — хватит ли сил дописать «Пути»... А будто надо. Потяну. «Овцу» пришлю. Сем<енов> сказал, что писал Вам в Ригу еще, д<олжно> б<ыть> Вы только что уехали домой. А м<ожет> б<ыть> и солгал... Мне горько, что не читаю Вас. И читателю горько. За-чем так?! Сам знаю, что едва терплю... но — надо до-терпеть. Я в конце концов выкину что-то... Знаю: Х<одасеви>ч ***всем*** гадит, нашептывает. Ему невтерпеж ***видеть***, как Вы в **критике** — художник, (а он злая жевака[6] с прописей) — и он га-дит. О, Вы его еще не знаете. Это — злой-больной. Цель его — таит! — разва-ливать! Да.

Обнимаю сердечно, бессильно.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Напишите о Наталии Николаевне, как она себя чувствует, Вы в посл<еднем> п<ись>ме писали, тревожились за ее здоровье. Как Вы?! Милый, если бы я собрал силы и рискнул с О<льгой> А<лександровной> — в Эстонию или Ригу, и Вас бы повидать там?! Ах, да это несбыточно.

<Приписка:> Пильский написал по пов<оду> моего «юбилея» — ст<атью>, шлю. Это — Ваше влияние, он Вам — *слушал* и *внял*. *Так* он раньше не часто писал.

263

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<15.I.1936>***

15.I.1936.

Дорогой друг Иван Александрович,

1. Поздравляем Вас, милый-милый, с наступающим днем Ангела-Хранителя Вашего, да оберегает душу и тело Ваше от стрел вражеских, — и от глада, и от губительства и от тряса и труса, от потопа и прочих прелестей земных и даже воздушных. Наталию Николаевну милую — с прекрасным и доблестным Именинником. В день оный выпью за «Ваши здоровья» (к<а>к говаривали москов<ские> извозчики) — рюмку «Muscat vieux»[7]. Мо-гу, одну-у...

На днях шлю «на вечную память» — «Няню из Москвы» — знак ограбления моего. Неужели Вы и ради «Няни» — ни слова не дадите в «Возрождение». Я говорил хозяину — не желаю, чтобы до моей *русской* няньки касались Мандельштамы и прочие Худосевичи. Он мне заявил, что — хорошо-с. Но... что-кто — «хорошо-с» — не ведаю. Махнул рукой. Умыл руки. Все равно, режьте! Не я издавал. Мне от сего — 10 экз. ***только***.

2. Что Вы скажете, если мне придется невтерпеж — и я уйду? — и, м<ожет> б<ыть> даже — в «П<оследние> Нов<ости>» (тоже — мердышка, но там хоть прилично относ<ятся> к сотрудн<икам>). Что же, погано, конечно, **знаю**, многое претит, но мне и в Совр<еменных> Зап<исках> претит и претило многое. Впрочем, о сем еще нет пока и *речи* — ни с моей

стороны, ни со стор<оны> «П<оследних> Нов<остей>». Но в Возр<ождении> — ду-ушно.

3. Узнал, что издат<ельст>во поручило Амфитеатрову написать о «Няне». На мое замеч<ание> Сем<ено>ву и Гук<асову> — почему не просили проф. И. А. Ильина, отвечено: «он не отзывается давно, не дает нам своего... но мы, конечно, будем очень рады напечатать его статью о «Няне». Он, конечно, как мыслитель, даст по-другому, чем Амфит<еатров>». Я ни слова на это. И Вам — ни слова. Мне только больно, что Вы не пишете. Это для меня лишний толчок к уходу.

4. Дорогой, ответьте, *кто* же этот Эдвин Эр. Двингер, (письмо), о нем я запрашивал Вас, — безответно. Он добивался от меня в Сборник статьи. Но я не пишу статей. Кто он и что за *дело* его?

Обнимаю Вас, целую ручку Н<аталии> Николаевны.

О<льга> Александр<овна> — целует Вас обоих. У меня не ладится с работой.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> — Но 22 глава не выходит! А надо — к воскрес<енью>! И. Ш.

Осталось 3—4 главы, и 4-ая ч<асть> — кончена будет.

2/15 I. 36. Вдогон к утрешнему письму!

P.S. Вот оттого-то мы и прогораем помаленьку, что ворон считаем. Забыл написать — вот и трачусь. Впрочем, каж<ется>, п<ись>мо от жены А. В. Карташева пришло после. Вот о чем. Она просит написать Вам (адр<еса> В<ашего> не знает), что А<нтон> В<ладимирович> 13-го выехал в Бухарест на духовный съезд. М<ожет> б<ыть> Вы напишете (известите) А<нтону> В<ладимировичу> по адр<есу:> Hötel S-t Ănescu Bucareste, Roumanie. Очевидно, Павла Полиевктовна разумеет возможность повидаться, что ли, при обратном следовании А<нтона> В<ладимировича> через Берлин. Пробудет он в Бухар<есте> до 19—20-го. Посему спешу сообщить.

Одновременно шлю Вам обоим, милые, книжку мою — «Няню». Читайте неспеша, во благовремении. А выигрывать я буду к<ак> раз в день Вашего Ангела, с

чем Вас и проздравляю. Прилагаю «Овцу» — обретенную. Хотел оставить на память, но Вы велели вернуть. А я дохну на 22 гл<аве>. Отложил до вечера, а сейчас на почту!

Ваш (хоть и весь вышел) Ив. Шмелев.

Сегодня терм — и я едва наскреб, сейчас — бери меня голого.

264

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<8.II.1936>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Простите мне, что не ответил Вам сразу по получении Вашего письма и драгоценной Няни. Трудно было, тревожно. Наталии Николаевне делали операцию: вынимали из горла полип. Полип оказался доброкачественный, она теперь совсем оправилась, и голос восстановился в полной мере. Потом мне жгли гланды. И все это в напряженной работе. Теперь разрешите по пунктам.

1. Появление Няни у меня — не обрадовало меня, а огорчило. То, как и на каких условиях она вышла — режет мне сердце, и я смотрю на нее с грустью. Я ее *так* знаю и *так* люблю! Я три раза читал ее *вслух*; и два раза *про себя*. И вот — мы все ничего не смогли сделать, чтобы она вышла в свет, как надо. Я *уже* варил Вам в Риге гонорарную комбинацию; Горный варил ее здесь у Петрополиса[8]. Но Вы почему-то не вняли нам и отдали ее этому бесстыдному армянину. Я и до сих пор не понимаю, почему и зачем Вы это сделали?

При всем моем нарастающем отвращении к Вырождению[9], я согласен снестись с Семеновым о моей статье о Няне. Но для этого надо, чтобы *пошлое чавкание* Амфитеатрова отошло несколько в прошлое и забылось. Как мерзки его клеветоны в защиту Италии!

2. Спасибо Вам за то, что вспомнили мой именинный день. Душевно Вас обнимаю за это.

3. О Двингере *ничего* не могу сказать и узнать ничего не удается. Бог с ним совсем; не отвечайте ему. Мало ли их тут предприятелей слоняется!

4. Ваше письмо пришло, когда с А. В. К<арташевым> сноситься было уже поздно. Он сюда не заезжал.

5. С Вами списывается из Риги Георг<ий> Евг<еньевич> Климов. То Вы ему верьте. Прекрасный, энергичный человек; с горячей и преданной душой. Я его поощряю. Они будут звать Вас к концу апреля, началу мая, с тем, чтобы Вы остались там на все лето. Будут звать к выступлению на Дне Русской Культуры. Это м<ожет> б<ыть> способ оплатить дорогу «взад и назад». Во всяком случае там Вас любят, ценят, гордятся Вами*). Я им пишу, чтобы устроили Вам ряд открытых и закрытых выступлений. С визами и разрешениями все пройдет гладко. Не беспокойтесь. За осень там установлены достаточные нити и симпатии. Там Вы найдете русских художников, русскую деревню, церкви и мн<огое> др<угое>. Отдохнете духом. Но чур ехать туда через Берлин! И повидаться с нами! Может быть тогда и тут чтеньице устроим. Тут *без* разрешений — простой заявкой!

6. Погодите, не уходите из Вырождения.

7. Пишу книгу листов в шесть: «О художестве»[10]. Введение в философию искусства. Издание обеспечено в Риге.

8. Езжу по стране, вместе с правосл<авным> русским хором[11], говорю с кафедр о гонениях на церковь в СССР. Организация называется «Русская Братская помощь»[12]. Организация немецкая.

Душевно Вас и Ольгу Александровну обнимаю; и за Наталию Николаевну. Посылаю с благодарностью мои-Ваши-Ваши-мои фельетоны.

Помоги Вам Господь в работе и вдохновении!

1936. II. 8. Ваш Иоанн.

Вот с 12 по 20 уеду — 8 дней подряд буду говорить.

265

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.II.1936>***

<Открытка>[13]

16. II. 36. 8 ч. веч<ера>

Дорогие, пишу спешно, примаю В<ас> в св<ой> бил<ет> (в одну десят<ую> долю), т. е. по

*) будут беречь и лелеять!

одн<ой> 20-ой. Завтра я б<уду> осыпан<ным> милостью нольшесть четырепятьшестьдесят один, ошибся, после четыре надо еще четыре. Душа запела, — В<аше> п<ись>мо! А то сник.

Замаялся, еще надо пять-6 гл<ав> до конца 1-ой ч<асти> Пут<ей> Неб<есных>. Но это буд<ет> все же роман цельный, можно издать. «Няни» остается — 60 экз. Идиот я, болваны — те. Гадамович «уделил» мне место — непоср<едственно> **за** Бун<иным>. Дур<ак> — у кажд<ого> — **свое** место.

Я и не смею мечтать о **Вашем** «слове» Няне. Меня подавляет, что Вы не печат<аетесь> в «В<озрождении>». Я едва т<е>рплю. Работаю к<а>к в<о>л. И не слышу дней. Не хват<ает>, чтобы нач<а>лось с «блюмы» — здес<ь> атмосф<ера> к<а>л<е>ная. Ушшусь в обл. заочны. Ч<и>таю «Ж<и>тия». Чудо з<а>хв<а>т<и>ло простотой, непосред<ственностью>. К<а>кия обр<а>зы! х<у>д<о>жнички! Все выпью! слова! и все мне — нужно! Ж<а>дн<о>сть. Пишу «Ст<а>р<ый> Валаам» для «Прав<ославной> Руси». Буд<ут> из<дава>ть книжку. Шлю «Гадам<овича>». Бл<а>г<о>д<а>ря В<ашему> слову — стал призн<а>в<а>ть даров<ание>! тьфу! в<е>рните[14].

Не смею послать, ибо на обороте — гнусность, **нельзя**.

Целуем Вас и светлую Наталию Никол<аевну>. Господь да исцелит ее и укрепит Вас обоих. Целуем. М<ожет> б<ыть> летом увидимся.

Ваш Ив. Шмелев.

266

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.III.1936>***

<Открытка>

9. III. 36.

Дорогой друг Иван Александрович, дарю Вам на завтра одну десятую долю в моем счастье нуль, пять, семь, один, пять, три, восемь. Уповаю. Пары выходят, кручусь к<а>к берьета[15]. Весь в работе. «Няня» *вся вышла*! Идиоты, издали лишь 600, мне ни гроша, а

издавать снова нет смысла. Вчера читал для бездольных, вдали от Парижа, собрал 800 фр. — полно было, и — трогательно: гл<авным> обр<азом> — трудовой народ. Акции мои оч<ень> высоки, — и сколько тут Вы помогли! О Риге уж и не говорю. Есть трогательные читатели. Один вчера принес... 12 разн<ых> моих книг — *для подписи* от бедноты. Д<олжно> б<ыть> поеду в Ригу читать. Климов трогателен. Жду Вашей книги! Поцелуйте Н<аталию> Н<иколаевну>. Обнимаем Вас.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Ох, напишите о себе и Н<аталии> Н<иколаевне>!

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

267

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<22.III.1936>*

22.03.36 Boulogne/S.

Дорогой Иван Александрович, милый Друг!

1. Союз Инвалидов *просит*: прислать к 15 IV — самое позднее — к 17 IV — (Вам с походом!) «словечко». Для ежегодного парадного № Рус<ского> Инв<алида>. О чем угодно. Вам только взять карандаш — и одарите. Зажжете. Обновите. Возродите. Оживите. Уведете. Зачаруете. Хоть 30—40 стр<о>к! *Все* дают, но... дадут ли? У Вас сотни этюдов! Вы мне обещали дать читнуть... Если бы Вы **знали**, ка-кие есть страдальцы! Ох, дайте о Страдании — во-имя! Или — из цикла — Кремль, Пушкин, Зима, Царь, Звезды, гнезда, седла... Вы даже о «торичелл<иевой> пустоте» подарите богатую кошницу! Адр<ес> посыла: Ген. М. Кальницкому, 3, rue Adolphe Cheri-oux, Issy-les-Monlineux, Seine, Union des Inv. Rus. О цыфире, в которую я Вас примаю, будет своевременно. Живу на иголках. Поглядываю на — эст[16]. Бьет для р<усского> вопр<оса> 12-й час. Пою Осанну. Скулю. Весь в работе. Никогда столько не писал. Осталось 4—5 глав Дариньки, которая Вам не по сердцу.

И все же везу ее в маскарад. Не я: меня **везет**. Будет: Вразумление, Крестный сон, Покаяние, Голубые письма и еще что — не знаю. И — закончится 1-ая часть Путей неб<есных>. Уже подписан для издания (с очередн<ым> ограблением). «Няня» *вся* распродана. Устыдился Г<укасов> и без просьбы дал мне 550 fr. — слезы. Спрос продолж<ается>, но «Няня» вышла вся. Идиоты. П<ути> Неб<есные> спрашив<ают> в лавках. ***Много*** выписыв<ают> №№ газет с ней. И эти №№ (многие из них) разошлись. Каж<ется>, дам подзаголовок к П<утям> Неб<есным>: «Даринькин роман», а дальше будет...? Но чую, что дам русского антилигента-мигилиста-врача в Мценске. Начнутся... чудеса. А пока напитываюсь Минеями и проч. Пишу одновр<еменно> «Старый Валаам» и по рассказу в мес<яц> для «Илл<юстрированной> Рос<сии>». Напечатал в посл<еднем> № — Крест. Сдал еще для апреля — Стенька Рыбак. **Есть** много. Платит Ил<люстрированная> Рос<сия> по 333 fr. за расск<аз> не менее 300 строк. *На год*! А то — пропадай. Бун<ин>, Мер<ежковский>, Зайц<ев>, Гиппиус и я — Гип<пиус> и Мер<ежковский> чередуются. На нас 3-х 1000 fr. в мес<яц>. Бун<ину> — за приз — 500. Если не дадим как<ой> мес<яц> — вычит<ают> 200 fr., и все же получим 133 fr. Зато «вошли *как бы* в редакцию», но это для блезиру так.

Чи-тать меня ста-ли-и... ух! А все Вы это, показываете меня. Знаете, слышу — иные нянины словечки становятся ходячими. Чудеса! Читал в Аньере для бездомных — все было сверхполно, все бил<еты> проданы. Собрали 1000 fr. и за мои 2 книги — 100 fr. Я-то только читал, для спас<ения> души. Очень о. Мефодий славный (сын Кульм<ана>) самоотверж<енный> пастырь. **Есть** люди! Он меня и **взял**. Он же меня и исповедов<ал> перед «операцией». И знаю — молится. Когда же Вы что-ниб<удь> дадите Возр<ождению>? Не будьте жестоким. Ведь бедн<ых> рус<ских> людей лишаете **хлеба**! Если бы поговорить по душам! М<ожет> б<ыть> поеду в Ригу. А разрешат мне остановиться на 2—3 дня в Б<ерлине>? Мне бы глазком поглядеть на

Вас, милые. Сердцем прислониться. Обнимаю Вас. Целую руку Н<аталии> Н<иколаевне>. Оля — такожде.

Ваш утлый Ив. Шмелев.

268

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<13.IV.1936>*

13. IV. 36. Boulogne s/S.

С запозданием по непредв<иденным> обстоят<ельствам> — умопомрачился. Только Вам и пишу. Нет сил.

Дорогой друг Иван Александрович,

Славной и нежной, русской родной душе, — Наталии Николаевне и Вам, чудесный, — Христос Воскресе! — кричим помыслом чистым по сердечным волнам душерадия нашего, из темного леса европейского, — я и Оля. Оба убогие, задерганные, в пустом кипеньи варящиеся — и уже **готовые**. Из последних сил. Я не видал и не вкушал сладости ни постных, ни страстных дней, и теперь, как оглушенный, не видящий Дня Светлого, вопию: Христос Воскресе..! Вопию и — валюсь в изнеможении. Додергали, доработали, доработался, изработался. И все — по какой-то инерции, трепеща, надеясь, что... вот, Россия воскреснет, — **воскресят** Ее! — для чего-то еще скриплю пером, и все куда-то летит — и для чего летит, и для чего **все это здесь** — не слышу, не чувствую. Я **устал**. Меня замучили письма, на кот<орые> я не в силах ответить, «срочные» работы, тревоги о грошах, о ненужной жизни. **Затворился** бы, но нет затвора. Сесть бы на месяцы и пить, пить из чистого источника... — нет часа забыться, почитать. И вот, в этом кипеньи, когда выдохся, еще — **соблазн**. Одно солидное синематогр<афическое> предприятие, русское... — схватило меня: дай ему в 3 дня exposé[17] для фильма — Петерб<ург>-Кавказ, (история покорения, Шамиль[18], кавк<азская> же-нщи-на, любовь, пропасти, бои, балы, игры, байрамы,...) — зацепились, вцепились... — «заработаете на все лето!» — и я, как дурак, отмахиваюсь и тщусь. Ну, как я с «Путей» да — на Кавказ!? Да в 3 дня?! И упал во мне дух... — и я, каж<ется>, должен решит<ельно>

сказать — нет. А открыв<аются> перспективы... потом мог бы закатить им та-а-кой **свой** фильм — на всю вселенную! И эти посл<едние> дни — меня терзали, убеждали... искуша-ли! И я — вместо погребения Христа — д<олжен> был отбиваться... А посл<едний> **их** фильм — стоил 8 мил. и бешеный успех! А главное — **свои**, русские, и хозяин, с огромным размахом, с одного разговора в меня уверовал, да та-ак.... И — откажусь, увы. Где же я им выдумаю до среды, когда не могу никуда укрыться?! Визитеры, «полотеры», кредиторы, пустотеры... и требуют и на День Рус<ской> Культ<уры>! и на Бальмонта, и на Инвалида, и на детей, и на... За март я навалял 2 рассказа в Ил<люстрированную> Рос<сию> (договор), три двуподв<альные> главы «Путей», 2 подвала о Валааме, речь для Риги о Рус<ской> Культ<уре>, десяток «воззваний», письма.... — умер. Нет спасения. Помолитесь за гр<ешного> раба. Дамы и девицы (особенно дамы!) — шлют письма и при встречах допытыв<аются> (ужас?!) — что дальше с... Вагаев<ым>, с Дар<инькой>..! Хотят одне и одни, чтобы **сдалась** (большинство!), другие — о, сохраните ее!... И я не знаю, что же **все это**?! Я не думал писать авантюр<но>-бульв<арного> романа. Митр<ополит> Анаст<асий> приветств<овал>, что я — «об искушениях» — ?! Генералы и военные вообще одобряли Вагаева, *требуют,* чтобы я скорей дотащил Д<аринь>ку до... Черт знает! А я им — **старцев**! Все это меня нервит. И я каж<ется>, обанкрочусь. У меня в голове — жужжит жук, пью бром. В отчаянии как никогда! Господь над Вами! Жду чего-то — в мире. Жду России — судорожно на 10 мин., хватаюсь за Пушкина.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Билеты провалились. Но думаю посл<еднюю> попытку — на 24 апр<еля>. Приму Вас. Извещу. Я дни путаю, и вижу во сне митр<ополита> Евлогия. К чему бы?!...

<Приписка:> Восхищен Вашей **песнью** о дух<овном> выступл<ении> с хором. Читал в газ<ете> За Церковь. — Ка-ак чудесно!

269

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<13.IV.1936>***

Христос Воскресе,
дорогой и милый Иван Сергеевич!

Вас и Ольгу Александровну поздравляем со светлым праздником и христосуемся трижды. Пошли Вам Господь радости, *монет* и творческих эрупций[19]! Не браните меня за молчание! Я не забыл, но замолк. Что делать! Корову передоили, титьки оттянули, они воспалились, забухли и молоко створожилось и задним ходом пошло. Нельзя. День, когда можно *не* писать — я счастлив и отдыхаю. И почти все пустяки. Вот, в троеклятое Вырождение послал три подвала больших о митроп<олите> Елевферии[20]: «Учение о богоустановленности советской власти»[21]. Две недели работал: *его* мерзости, Послания, Каноны... А Вы думаете, что у меня есть уверенность в помещении, несмотря на заранее письменно взятое согласие безмордого Семенчука[22]? Ни какой уверенности. Не пресса, а какая-то глухая стена двусмысленной интриги. Пожалуйста, как увидите старуху Семёниху[23] — спросите, у нее покатегоричнее в плоский лоб: «что, бухча безмордая, получила? будешь печатать, двусмысленная?» А я в подтверждение — вот Вам ее пи-пи-сьмо. Я-то написал ему: «много-уважаемый» — вот его ответствие люэтическое[24].

Я не пришлю ничего инвалидам. Не могу. Разве в последнюю минуту титьки согласятся. Но это уж не от меня будет, а вопреки мне и через меня.

Счастлив, что налаживается Ваша Латвия. Известите меня, пожалуйста, обо всем. Главное, когда Вы можете проходить через здесь? Это необходимо, чтобы лекции не увели меня вон из города. Я должен резервировать время для Вашего проезда *заранее*. Это первое.

Второе — спросите теперь же консульство, дадут ли Вам остановку на несколько дней здесь? И сообщите мне ответ. Я сумею принять меры. Особенно, если они скажут, что должны запросить *сюда*. Я тогда направлю кого надо куда надо. Это во-вторых.

В-третьих — никакая приватная остановка здесь Вас не устроит. Я найду Вам пансион на особых условиях, где будут Вас кормить, как надо, и возьмут недорого; и где Вы будете спокойны и независимы, *никому не обязаны* и покойны.

В-четвертых — если Вы согласитесь, то я *немедленно* после Вашего извещения, что остановку на несколько дней *дают*, организую здесь под *моим* руководством малолюдный комитет для устроения. Согласны ли Вы здесь прочесть? *Один* вечер, не больше; чтобы не утомлять Вас. Если захотите два, то сообщите. *Никому никаких* «бесплатных» или «блудотворительных» выступков *не* обещайте; отсылайте всех *ко мне*. Закройтесь мною. Вечер обсудим и подготовим. Платный, но доступный; приятный. В программу *непременно* включите один номер крепко антисоветский. Остальное — по вдохновению Вашему. Ради Господа, обещайте меня слушаться; мне надо *все* взвесить и подготовить.

Вот, мой дорогой. Известите меня по всем пунктам точно! Спасибо Вам, что помните меня с номерочками! За Латвию я не боюсь. Друзья мои — Ваши почитатели — испытанные. Не подведут. И я еще пишу, кому надо. Словом — верьте. Обнимаю Вас и целую ручки Ольге Александровне.

Радуюсь и печалюсь за Няню. Добуду себе Илл<юстрированную> Россию. О Няне не напишу, пока титьки не отбухнут. Нужно вдохновение! Ох, и сарьтир это Вырождение! Ну, да увидимся — тогда душу отведем.

Ваш как всегда Иоанн (имя ему).

1936. IV. 13.

<Приписка:> Семенчуткину письму[25] пришлите мне (по Зощенко) «взад». Страшно счастлив, что русские сердца на Вас совсюду откликаются. И нечего *мне* приписывать! Вы думаете, что если бы я начал расхваливать Гришина[26], Рощина[27] или Бэзайцева[28] — то их всех полюбили бы? Тройка *Ваша*, езда *Ваша*, а я только раза два собакой под коренником взвился, всхрипывая от лая...

270

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<31.V.36>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Из Риги вести: виза Вам *уже обеспечена*. Верьте, что связи друзей там достаточны. И Георгий Евгеньевич радостно ждет Вас.

Но *я не имею* известий от Вас. И на этом может сорваться наше свидание с Вами. Ибо если у меня будут лекции в других городах во время Вашего проезда — то мы не увидимся. Я изо всех сил зажал все — и мне обещал мой менеджер постараться перегруппировать мои выезды в зависимости от Вашего приезда и проезда. Но *долго* это нельзя тянуть. Поэтому *умоляю* Вас, напишите мне как можно скорее, в каких числах приблизительно может состояться Ваш проезд. Напр<имер>, 15—20, или 25—30 etc. Я писал Вам 14 апр<еля> (целая вечность!), а от Вас ничего нет уже 2 1/2 вечности. Почему? Тревожимся о Вас и очень просим вестей.

Ваш душою, духом, флюидами и аурами
Иоанн (имя ему).

1936. V. 31. Троица.

271

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<9.VI.1936>*

9. VI. 36. Булонь на Сене, — о, если бы... на се-не!

Друг дорогой и — неуловимый!
Иван Александрович!!!...

Так меня замотала работа, увязила и ослабила, что..! — боюсь глянуть на письма, ждущие разбора. Ваши — в первой очереди. Но есть даже и из... Австралии. Только на днях закончил пе-рвый том «Дариньки», заключит<ельная> глава; ввиду задержки с газетами, перенесена на 14 VI. Но я еще д<олжен> был написать 4-й рассказ для «Илл<юстрированной> Рос<сии>» — «Ентрыга», — и написал!! из крымских. Да еще послал 5-ю главу «Старого Валаама» в «Прав<ославную> Русь», на Карпаты. Да вот, еще должен и б<уду>

готовить «речь» для «Дня Р<усской> Культ<уры>», который тоже отсрочен. За эту зиму написано... голова кружится. И весь я на исходе, посему так последняя гл<ава> «Пут<ей> Неб<есных>» и названа — «Исход». — Простите, но не было минуты воздохнуть, а — еще приходится ходить за пачпортом в префектуру, и сказали — па лон[29]! Как хочешь, так и понимай: не то — скоро, не то — «скоро сказка сказывается, нескоро д<ело> д<елается>». Хлопочем. Если на днях узнаю, что еще долго, то придется просить «сов-кондюи»[30], это можно будто бы дней в 5—6. Пойду справл<юсь>, дадут ли остановку в столице, для пожатия Вам — и поцелуя! — чудесной Вашей лапки. Возил О<льгу> А<лександровну> вчера к доктору, у ней боли в груди, вроде «жабы», как только выйдет на воздух. Говорит — сердце хорошее, дал что-то против спазм. Но это продолжается другой год. — Поезжайте, говорит, ничего опасного не усматриваю. Хорошо им говорить. Сам спешу, спешу, только бы вздохнуть немножко. Вижу, что раньше 25—28 VI и не выбраться. Так что известите меня; стоит ли мне задержаться у Вас, для оправдания расходов, ибо при недельной-бездельной — остановке дают скидку в 40 проц. на ж. д. билет. Не знал я, что такая канитель с нанс<еновским> пасп<ортом> — с января стал бы хлопотать. Вообще, все прекрасно, одно удовольствие. Будь подсолнушки — совсем было бы хорошо. Дам знать, как только назначим день уезда. Благодарю Вас, друг светлый, за Ваши заботы обо мне. Ну, не удастся свидеться «туда», свидимся «оттуда». Если будет еще — «оттуда». Надо дожить, пожить, пережить. *Скажите, нужно ли нам брать сундук, отдаваемый за багаж? м<ожет> б<ыть> скидка у вас дается по ж. д.?* Здесь дается, по 30 клгр. с билета. Тогда как-ниб<удь> ручным обойдемся. Ведь ехать-то до... конца октября! *Надо теплое взять*, вот что. Теперь я уж и киснуть стал: да надо ли ехать, да не лучше ли куда в глушь заткнуться, благо одна по-читательница прискакала на днях и упрашивала — ехать к ней, в Пиренеи, где спят с откр<ытыми> окнами — и никаких беспокойств, только

кукушки и соловьи. Да так родных лугов захотелось! и боюсь, что к приезду все луга прейдут, «осень поздняя несет» и — пойдут бронхиты, а «меду» июньского не услышим! Ах, луга-луга... пчелы, зной, травный, мягкий, и шепот рощи березовой... нет, **такого** нигде нет... Но, к черту кислоту, надо бодрей и — действовать. И — буду. Завтра побегу узнавать, дадут ли остановку на 7 дней. Но, не получив паспорта, не могу сообщить его № Георгию Евг<еньевичу>. И не знаю, как с билетом, ведь де-нег надобно! Пришлют ли мне билеты оттуда, как обещали, или там мне возместят: ведь я бедный. Найду, займу здесь. Погода здесь невеселая, и нас *все* тревожит. Тихо, но трудно будет жить, будет дороже жизнь, а заработки... ка-кие заработки! А посему решил снова пытать судьбу и приглашаю Вас разделить мою удачу, надеясь на Ваше счастье. С Вас не возьму ни сантима, а — по дружбе приглашаю в гости, вот, запомните: Вы и я в половинке моей десятой дольки на «лошадиное счастье», к 28 июня, — ноль четыре шесть два один восемь, серия одиннадцатая. И еще — с отчаяния купил целый и выделил другу десятую на шестой транш, когда будет — не знаю, скоро, д<олжно> б<ыть> и номер ваш — ноль три четыре два два три девять, знайте, что я вас приглашаю как друг, а потому угоща-ю. А письмо Семы[31] возвращаю. Моего вмешат<ельства> **не** по-требовалось. Ваша отповедь Елевсерию — метка, крепка, сильна, но зачем Вы с ним, **как** с па-стырем?! Он не пастырь, а лукавый пастух Савка, овечек лопает, ему место уготовано, не го-рнее! Как здоровье Наталии Николаевны? вы так тревожились. Слава Богу? да? а Ваше, друг? Писал мне Ал<ександр> Авд<еевич>[32], что кипите — в работах. Радуюсь. Только не выкипайте. Я тоже «кипел» все эти месяцы и перекипел, **ушел**. Одно утешение, что читатель бодрит. Одна студентка — «арт. студент», из Сиднея прислала заказное на «Совр<еменные> Зап<иски>» — я заплакал. Зовет — «любимый»... **все** книги мои читала и чи-та-ет... особ<енно> за Россию благодарит: «вы ее мне показали...» Да что... растет мой пакет — слезы доброты читательской. Это хорошая доплата к нищенск<ому> гонорару. С фильмой меня та-ак обернули... заплатили две тыс., остались

должны столько же — и не дают. Русское жулье! Использовали, **взяли** — сюжет и план — линию... и — пшел! Буду опытен, не стану **верить** в благородство, а — желаешь... — аванс и договор! Сосали меня ровно три недели. А обещали... 30 тыс.!! Ну, теперь я с Холливуд<ом> попробую. Как еще я успел все закончить, по текущему!

Если придется читать, то, конечно, о-дин вечер, только... куда уж..! Думаю, что скучать не будут, читаю я, говорят, ничего себе. Повеселю.

Благодарю Вас, дорогой Иван Александрович, свет во тьме! Вы много сделали для Ш<меле>ва, о-чень много. Хоть Вы и дали удивительно образно, о собачке под коренником... просто — гениально дали, как образ, но это не о Вас писано Вами. Вы, уж если пошло на образы... — обер-полицмейстер, мчится впереди, все — внимание и страх, и вот... катит за ним коляска, и везут царскую собачку... с лакеем в Нескучный, и при ней царские деточки... только. Я уж за деточку и сойду... если не за собачку. Вы — плюнули? Знаю, что неудачно дал, но Вашего образа, с коренником и собачкой... — переплюнуть нельзя, ибо это — **единственный** в своем роде! И сколько перлов, подлинных, раскидано щедро в ваших письмах! Вы этого и не усчитываете, для Вас это — так просто.

Каак я жду того дня, когда увижу Вас, и мы пойдем в какой-нибудь парк, посидеть, поговорить, повздыхать! Как я был бы вознагражден за все мытарства пути трудного, если услышу Вас, ныне, не как тогда, в Севре, когда боли разрывали внутренняя моя, а я терпел и зажимал их, цедил сквозь зубы! и нервы мои были — о-бу!.. Теперь я, слава Богу, могу улыбаться солнышку, а Вы и есть это солнышко, божье, бо-гатое теплом и силой огня-света. Говорил мне Семенуха[33], что ждет от Вас письма в ред<акцию>. Я читал гнусные строчки в «П<оследних> Н<овостях>» — ка-ак от них отдает конюшней сыскного отделения и — с чесноком прогорклым! Воню-чие же **там** паршивцы. Правда, и в «вырождении» не фиалки с ландышами, стойла мно-го, половика мно-го, сери всякой мно-го... что за уроды

мы, что за незадачники! Мартышкин квартет в пивной и в публ<ичном> доме, тьфу. Но... хоть и маленькое, а на-до «возрождение», без него совсем могила. Предвижу мно-гое... предчувствую еще бо-льшее... и как ни черно в небе, а... солнце **выйдет**! И уже ария Сусанина слышится — «чуют правду».

Отпишите, когда уезжаете из града. Будет ударом, если встреча с Вами не состоится, отодвинется на неопределенное далекое...

Обнимаем и целуем Вас обоих, милые, да будьте благополучны, здравы, бо-гаты милостью Божией! До свиданья хочу сказать, верить, надеяться. Это была бы оздоровляющая поездка, во всех отношениях.

Крепко Ваш Ив. Шмелев.

272

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<9.VI.1936>*

<Открытка>

Дорогой Иван Сергеевич!

Напрасно жду от Вас известий. Тревожусь и огорчаюсь! Мне нужно знать срок Вашего возм<ожного> приезда, чтобы устроить свои лекции выездные... В Риге все устроено, виза обеспечена. Если есть еще как<ие>-н<ибудь> затруднения — известите! Иначе не знаю, что и думать, и как поступать.

Ваш И.

1936.VI.9.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
2. Bd. de la République
Boulogne (Seine)
Frankreich. France.

273

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<10.VI.1936>*

10. VI. 36. Булонь на С<ене>

Дорогой, милый Иван Александрович,

Раз уж я выдвигаюсь — значит, что... будет перемен большой. Так мне на роду писано. 14-й год не

выдвигался. А тут еще с зимы стало свербить в моих «подвалах», и я стал, как таракан... по-о-лзу. О сем прочтете в посл<едней> гл<аве> «Пут<ей> Неб<есных>» — там тоже Даринька моя поползла... Сегодня опять стал получать газету правильно, а то приходилось ездить за ней в Елис<ейские> Поля — вон куда-а! И Вы получите. Только один четверг 4-го не выходила.

А я вот к чему, вдогон понедельн<икову> п<ись>му. Был сегодня в казне и узнал, что нансена получу завтра-послезавтра, и пришла еще бумага — об этом же. Ныне отпущаеши. Следуя В<ашему> совету, побывал в ген<еральном> конс<ульстве>. Обнадежили, я все сказал, что мне скоро надо выезжать, дней через 12. Показал, кто я, человек неподозрительный, самостоятельный, прошусь на недельку — друзей повидать, себя показать, по Тиргартену погулять. Ведь зимой 22—23-го мы как очумелые ходили, пришибленные. Теперь тоже немножко как бы онемелые, но с опытом заграничной выдержки, культу-ры, равенства, братства, свобо-ды... — одно удовольствие. Выучился с носовым платком обращаться, а то ведь прямо Ванюха был, а теперь я свободный гражданин вселенной. И думаю: да как же это я только с одним светом в окошке сижу, когда кругом такое просвещение. Надо поехать, статья подходящая и... «слышится в этом нужда настоящая» — цитирую из Некрасова. Вот пальто хочу купить, где подешевле, в Риге, где же. Думаю от Пуары взять, что в Тампль... выворачивают там здорово. Спрашиваю Вас, какие сведения практич<еские> надо иметь, чтобы мне не обессилить себя. *Могу ли взять несколько валюты?* Увы — только не-сколько. *Могу ли туземной, нашей?* Еду в Латвию, до осени. Пожалуй, окунями буду там держаться, а в случае неустойки — ахну обратно в нашу теплую Булонь, где теперь чудесное хоровое пение, и мы, так сказать, под высокой рукой плялиталиата. Но высокая рука, см. физику Краевича, «о падении тела», — закон незыблемый. Но... может б<ыть> попробую ухитриться, чтобы меня пригласили в Лондон — читать в доме О<бщест>ва Рус<ских> Северян — есть и такие, дом стоил 4 мил. фр., а вот соберу ли чего в

миллионном доме — ? Полечу на ероплане даже, лишь бы читнуть — и защеку. В-вот. Отсюда Вам все понятно. Георгий Евг<еньевич> обнадеживает. Да я не боюсь, я вроде — с О<льгой> А<лександровной> — улитки, ссыхаюсь и рассыхаюсь. Только вот *лекарства меня разоряют...* чуть было не заболел, **опять**. Не писал Вам, а ка-ак напугался! Стало... позывать, с начала мая... Перекурил, работой передурил. Беру машинку. *Скажите, что надо сделать, чтобы мою машинку не обложили при въезде?* Ведь это мое орудие перепроизводства. Взять какую-нибудь грамотку, от кого? Посоветуйте, и я спрошу здесь. Ежели скрипач едет со скрипкой на гастроли, неужто пла-тить? Тогда не возьму. Но тогда как же, напрокат? Ладно, устроится. Если будет задержка, пришлю депешу, одно слово — затрудняюсь ехать, т. е. — надо поручиться, что ли, за меня. Но думаю, что затруднений не встретится, я подробно объяснил о себе в генер<альном> конс<ульстве>, что только на 8 дней, проездом, ибо еще к тому же и скидка на жел<езной> дор<оге> делается. И все-таки я же турист, т. е. полезный член общества, а не пенсионер нежелательный, объедать никого не собираюсь. Предполагаю выехать, если не будет задержек, 24-го, самое позднее 26-го. Пожалуйста, Вы много ездили, дайте благие указания практич<еского> свойства. *Сколько могу марок взять — какие-то туристич<еские> есть?* Ничего я не понимаю, ведь — все сиднем сидел.

Кажется, все. Если можно устроить чтение — похлопочите, если нельзя — то м<ожет> б<ыть> мне лучше и не заезжать? Боюсь прогореть. Да так хочется заехать! Все равно, потрачусь, как-нибудь обернусь с латв<ийским> житьем. Буду писать в «Возр<ождение>», чего-нибудь заработаю. Боязно ехать: сейчас О<льга> А<лександровна> вернулась от доктора Серова: в разрез с Аитовым[34] он нашел склероз аорты или сосудов около аорты, очевидно, они расширены и давят на нервы, оттого боли в груди, при ходьбе. И я страшусь, Господи, да что это я надумал выдвигаться? Хотя м<ожет> б<ыть> О<льга> А<лександровна> на воздухе, без работы, отдохнет... Она никогда не отдыхала, бедная

моя. М<ожет> б<ыть> в Берл<ине> посовет<уемся> с доктором важным для О<льги> А<лександровны>? Целую-ем[35] Вас обоих.

Ваш Иван Помнящий.

274

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<16.VI.1936>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Наконец-то весть от Вас. Слава Богу! Г<еоргий>[36] написал уже Вам. Подтверждаю и добавляю.

1) «Машинку с собою» — *не* таможнюют. Разве совсем новая, не употребленная. Но таковой нет. Будьте покойны.*)

2) Валюты можете взять с собою — *не* немецкой — сколько хотите. Однако: чтобы иметь право не только *ввезти* ее, но *и вывезти* — надо ее *предъявить* на границе опрашивающему чиновнику. Он даст квитанцию: *ввез* столько-то, такой-то валюты. По ней же при *выезде* из страны можно столько же (или меньше) вывезти. Это просто.

3) Марок немецких можно ввезти *серебром* (Hartgeld[37]) по 30 марок на человека. И предъявить их. Делать это ненужно. Вы за них переплатите. Если хотите в дороге от Аахена до Берлина иметь *тело* немецких денег для спокойствия, то купите марок *десять*. Вы ведь можете в кр<айнем> случае на *любой* станции любому ж<елезно->д<орожному> кондуктору сказать: «ich habe nur ausländisches Geld»[38]. Но это все фантазии.

4) Туристические марки покупаются в Париже у Cook (Opera) или American Express — *но в виде Тревелер-чека*, по коему Вы можете в Берлине брать у Cook'а или American'-а *реальные* марки, но не более 50 марок в день. Куда Вам столько?

Если Вы купите 10 серебром и возьмете чек на 50 марок, то и за глаза. Тут будет *выступление*; тут есть два

---

*) Германский Zollamt <таможенник (*нем.*). — *Ю. Л.*> *очень* корректен и справедлив, спокоен и любезен.

друга, могущие ссудить в любой момент. Не покупайте лишнего.

5) Вы поедете третьим классом? Тогда спросите в рейзебюро[39] — какой поезд имеет от Кельна *третий класс спальный.* И закажите два спальных места третьего класса; оплатите их там. Вечером, приехав в Кельн, придя к поезду, отыщите красный вагон Митропа (Mitropa[40]) (прошу без игривых звуковых ассоциаций!) и предъявите Ваш квиток. Немедленно корректнейший проводник отведет Вам Ваше купе. Но спросите себе, покупая билет, два *нижних* места; третье место, верхнее под потолком, будет *душное* и *жаркое.* Оно хорошо только зимой. Устроившись в купе, немедленно отведите проводника *в сторону* и скажите ему: «viel Reisende? Nein? Wir möchten allein bleiben — ich bin krank»[41]. Если он начнет *не соглашаться* (много едущих!), умолкните и примиритесь. А если он начнет лукаво мигать и успокаивать, дайте ему *одну* марку. И Вы приедете сюда выспавшимися королями. Прекрасные тюфяки, чистое белье, подушка, полотенце.

Эти спальные добавки стоят по 8 марок с человека, но в смысле нервов, отдыха etc. окупаются 200%.

6) При пребывании здесь семь дней Вы получите колоссальную скидку на жел<елезно->дор<ожный> билет — скидка 60 % цены.

Километр здесь стоит в III классе 4 пфеннига. От Аахена до Тильзита сквозь 1443 километра. Это 57 марок 72 пф. за билет. 2 билета *115*.44; и вот вместо 115 марок билеты III кл<асса> через всю Германию будут стоить (оба) 45 марок. Из-за одного этого стоит здесь побыть.

7) Вечер Ваш устраивает Союз журналистов (Председатель А. А. Боголепов*)). Вчера у них было заседание правления. Бурно радуются, что я передал им. Я дал им директивы: *расходов*, чтобы минимум; продажа билетов — главное с рук; в виду позднего летнего времени напрячь все связи для организационной работы; опростать чистый доход в пользу автора:

Намечен для вечера день 29 июня, понедельник (в воскресенье народ попрет за город). В тяжелые дни мы

*) все сплошь Ваши почитатели!

не верим. Если Вы этот день *принимаете*, то ответьте *обычным письмом*. Если нет — то *телеграфируйте без подписи* одно число: Trente, un, deux[42].

Этот авион прилетит к Вам *завтра* утром; 17-го в среду. Если к 5 часам дня не будет телеграммы, то 29-е будет считаться закрепленным числом.

8) Немедленно напишите мне, какая у Вас диета, *точно* и *строго*. Всем, кто захочет угощать Вас обедом, будет строго объявлено, чего *нельзя*. Незапрещенное будет считаться позволенным. В разговор с пансионом эти данные будут строго включены. Пансион постараюсь устроить русский — с гарантией хорошего тона и абсолютным вниманием к каждому желанию. Я бы считал более правильным *обедать дома* (для отдыха после обеда, а *ужинать* ***не*** дома). Попробую так обусловить с хозяйкой. Приглашающим будет сказано, что вечер длится до 10 1/2, а потом спать. Если Вы захотите ***пере***сидеть это время — Ваша власть; а чтобы задерживать не задерживали.

Из Риги мне пишут — *все* в порядке. Пансион, любовная, бережная встреча, рыболовство etc. Когда познакомитесь с Георгием Евгеньевичем Климовым — увидите себя в руках у умеющего беззаветно любить человека, полюбившего Вас заочно, цельно, по-русски, *за Ваш дух*. Вы потом просто и дружески говорите ему обо всем — хотелось бы то-то, нельзя ли так-то? Поймите, что у него в городской квартире Ваше письмо на стене висит *обрамленное*! Все Академическое Общество, возглавляемое им и Романом Мартыновичем Зиле[43] — это гнездо друзей, очень окрепшее за последний год по всей линии. Словом, ббудь-п-койны-с! Сделают все возможное. А *невозможное* — ***тоже*** сделают! В прошлом году за сентябрь-ноябрь я их уже научил тому, что *невозможное осуществимо*. Теперь они этому поверили. Расспросите Георгия, как мы вели борьбу — за мою *визу*, за мои *лекции*. И чем все это кончилось. Словом — ббудь-п-койны-с!

До свидания, дорогой! Я и тут принимаю все возможные меры. Увидимся — наговоримся!

Ну вот и все.

1936.VI. 16 Ваш душою и духом И.

275

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<20.VI.1936>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

1) После моего авиона известий от Вас не было. Зал на 29 снят, билеты печатаются. Распоряжения даны по всей линии. Очень надеюсь, что все пройдет хорошо.

2) Пожалуйста известите меня лаконично, что у Вас все идет гладко и что билеты взяты Вами на такое-то число. С тревогой жду этого известия. Само собой разумеется, что мы встретим Вас на перроне вокзала.

3) Если есть *какая-нибудь возможность*, то умолятельски умоляю Вас — загребите в Возрождении сию гонорарную сумму и привезите ее сюда, отметив на границе, как я Вам писал. Само собой разумеется, что я немедленно обращу ее здесь в немецкие марки. На мне долг, который очень тяготит меня, ибо кредитор — хам.

Жду, жду, жду вестей. В июле напишу в Возр<ождение> о Няне[44].

Обнимаю.

20/VI/1936 Ваш ИАИ.

<Приписка:> Одновременно написал о том же Семенову, прося его содействия.

<Приложение:> В контору газеты Возрождение

Милостивые Государи!

Письмом от 4 мая Вы известили меня, что мне причитается гонорар в сумме 285.25 франков и что эта сумма одновременно переводится мне почтой. С тех <пор> прошло семь недель, и я не получил ничего. Ваш представитель здесь проф. А. А. Боголепов уже доводил об этом до Вашего сведения по моей просьбе.

Ныне покорнейше прошу Вас выплатить эту сумму Вашему сотруднику Ивану Сергеевичу Шмелеву, который передаст Вам настоящее мое письмо. Это письмо в его руках прошу рассматривать как доверенность от меня на получение этих денег. Подпись его в расписке о получении мною признается и подтверждается заранее.

С совершенным уважением

1936.VI.20. Профессор Иван Александрович Ильин

Берлин. Berlin Sodener Str. 36. III

276

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.VI.1936>***

21. VI. 36 Булонь на С<ене>

Родной, милый Иван Александрович,

Оба Ваши «по воздуху» получил, первое — как по сухопутью, на 3-й д<ень>. Все сделаю, постараюсь, если не удастся спешно, все равно я привезу! — а после получу. Благодарю Вас за все, что сделали и делаете для меня, у меня нет слов, а внутри. Сегодня О<льге> А<лександровне> хуже, вернулась с улицы, не могла дойти до рынка, — бо-ли, боли в груди. Два доктора противоречат, сегодня буд<ет> 3-й. Но это все кустари, надо ее показать знатоку. Вот, напрягши все силы, довезу ее до Берлина. Поездка моя, при этих невзгодах, ломается. Мне теперь не до Латвии, не до монастырей... — ведь у меня **все** в О<льге> А<лександровне>. Она меня всю жизнь нянчила, я посл<еднее> время бился, не хотел позволять ей работать, но... что поделаешь, когда **это** еще больше ее волнует! Не знаю, что будет. Вчера не было болей, мы ожили чуть, а сегодня... И я мечтал, что она в Латвии может три мес<яца> отдохнуть, ни-чего не делать... — дышать. А теперь и дышать больно, **над** сердцем точка, и от нее в руку, левую, в спину, — она говор<ит> — д<олжно> б<ыть> ревмат<изм>. Все так говорят, больные грудн<ой> ангиной. Давление крови — около 16. Есть же средства лечения?! Чего бы ни стоило, я добьюсь диагноза у специалистов и возможного лечения. Здесь не медики, а черт их... Правда, франц<узским> спец<иалистам> не показывалась она, сопротивлялась. Че-го мне стоило упросить ее поехать к Аитову, который... соверш<енно> ошибся, заявив, что сердце и все здорово, и дал лекарство, которое сейчас же другой докт<ор> — с ужасом отменил. Нашел, что арт<ерио>-склер<оз>, прописал иод... и только! Собак нынче лечат внимательней. У меня голова отваливается, много надо еще сделать. Виза из Латв<ии> пришла по телеграфу. В герм<анском> конс<ульстве> сказали — не задержим, завтра еду. Приедем, — во всяк<ом> случае, я должен хоть один приехать, хоть на два дня, чтобы не

сорвать вечера, Бог с ним. Так все сложилось, как испытание. 14 л<ет> не выдвигались. Выдвинуться задумали — на, тебе! Вернулась Оля с воздуха, пока я бегал на рынок и к доктору, она уже отдышалась, о-пять — у печки, боли, говорит, кончились, только слабость. Уложить себя не дозволяет, а доказывает что — расстроится. А надо еще ехать — пальто ей купить, не в чем в люди показаться... все-таки — парижа-не, ч<е>рт возьми! И теперь для нас, с неврастенией нашей лихой, всякое дело — страх и гора великая. А я-то думал хоть отдых короткий заработать на двоих, и люди так нежно отозвались. И Вы, и милый Климов, и Земмеринг[45], и Рихард Берзинь...[46] многие.

Перерыв... Был докт<ор> Чекунов. Всё боли. Нашел, что несомн<енно> признаки гр<удной> ж<а>б<ы>, дал особый иод, германский, дал еще «тринитрит», от болей. Говор<ит>, что это мож<ет> годами длиться. Но у ней уж и то го-ды... и все хуже. После доктора — уже нестерпимые боли. Я дал ей шарик «тринитрита», насилу приняла, сжевала... — через 6—7 мин. боли постеп<енно> кончились. Теперь, прошло часа три, — нет бол<ей>. Я уж ей объявил — пошлю телегр<амму> И<вану> А<лександровичу> — ведь нельзя ехать, ну, что мы в чужих краях, да боли будут — это ад. Нет, нельзя **так**, мы должны поехать! Ну, что я сделаю... а волновать страшусь. По мне — ни-куда бы не поехал, умолял бы простить меня за эту хлопотню впустую. Она говорит: а здесь-то... все то же, жара, духота, работа... и тебе надо вздохнуть. А я так устал, а эти дни надо везде бегать, покупать, да заблудишься в дороге, без языка, да не на тот поезд попадешь... а если опять припадок болей...! Еду, как на голгофу. И сам-то — как на комариных ножках. Ни-чего не знаю, **кааак** доберемся, что с нами станется. Если в Берл<ине> будет плохо, взяв совет у доктора-специалиста, вернусь домой. Пусть все пропадает, все эти траты, — так уж на роду написано — мытариться. Виноват перед Вами. — «Возр<ождение>» сегодня **не** появилось — ? Д<олжно> б<ыть> нажимают, не знаю толком, что «П<оследние> Н<овости>» вышли. Очев<идно>, рабочие не хот<ят>

набирать. **Чья**-то работа тут. До-жимают. Завтра м<ожет> б<ыть> удастся зайти в газету.

Боюсь, что придется пересаживаться в пути, из — Ваш<его> письма вижу, что надо где-то «подходить к друг<ому> поезду», для спанья. А это нам зарез. Мы потеряемся. И не до спанья нам. И ка-ак я буду читать... это казнь! Я весь разбит. Если не случится ничего, д<олжны> выехать самое позднее — субботу. Но найду ли билеты? Простите: я совс<ем> расстроен, нет сил писать. Обнимаю. Поцелуйте от нас горевых Н<аталию> Н<иколаевну>.

Ваш Ив. Шмелев.

А как я мечтал о лете и об отдыхе для О<льги> А<лександровны>! Пора кончаться обоим.

<Приписка:> Какая еда моя! Яйцо свежее всм<ятку>, молоко кипяч<еное> — мясо grille, только, сметана, творог, овсянка на молоке, ничего с прожар<енным> маслом, яд! Ни копч<еного>, ни соли... совсем! Ни вина, ни кофе, бискоты, мягк<ий> хлеб запрещен. Вар<еное> картоф<ельное> пюре.

277

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<22.VI.1936>***

<Телеграмма>

22. 06. 36.

EPOUSE GRAVEMENT MALADE IMPOSSIBLE PARTIR CHMELEFF[47] =

<Адрес И. А. Ильина:> ILYIN 36 SODENERSTRASS BERLIN =

<Открытка>

22. 06. 36.

Дорогие, не могу не известить Вас.

Оля умерла сегодня в 1 1/2 ч. дня, после приступа сердца (грудной жабы).

Помолитесь за нее. Мне больно, но я постараюсь додержаться до конца.

Ваш Ив. Шмелев.

278

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<24.VI.1936>***

24 июня 1936

Милый и дорогой друг!

Мы оба сражены вестью о кончине Ольги Александровны. Господи, мы все в руке Твоей! Каждым мигом, каждым дыханием, каждым намерением нашим! Милый мой! Мы всей душой с Вами. Делим Ваше горе и Ваши слезы. Обнимаем Вас. Молимся за Вас. Да пошлет Вам Господь силы и веры, ведения и видения Своего в эти часы земной, не духовной, но сколь же горькой, сиротеющей разлуки!

С самого мига, как прочел Ваши строки, потрясенный дух мой залит слезами.

Ваши в любви, братстве и горе

Н. Ильина И. А. Ильин[48].

Не заботьтесь о здешней лекции. Мы все уладили и отменили. Ради Господа, не оставляйте нас без известий! Деньги из Возрождения только что пришли, простите, не беспокойтесь!

279

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<3.VII.1936>***

3. VII. 36. Boulogne /Seine

Дорогой, милый Иван Александрович,

Дорогая Наталия Николаевна,

Нет у меня сил писать **все**, это первое письмо Вам пишу. М<ожет> б<ыть> Бог даст — свидимся, и я расскажу Вам **все**, — всего не напишешь.

Болезнь Олечки давно сказывалась, и я во всем виноват: давно надо было, со всей настойчивостью, отнять у ней работу по хозяйству, свозить ее к лучшему доктору, профессору, а не довольствоваться нашими кустарями, кот<орые> забыли свое ремесло, ничему не учились здесь. Еще 3-и года тому Олечка жаловалась, что у ней — на воздухе! — сжимает грудь, боль *над* сердцем. Обычные доктора — в том числе и франц<узский> д<окто>р в Capbreton'е, — не придали

значения — возм<ожно>, что это от гланд (ожог от смазыв<ания> горла крепк<им> иодом!) — пройдет. Наш друг, др. Серов, говорил в пр<ошлом> году (и просвечивал!), что есть небольшое расширение аорты, что надо иодистое лечение. Принимала иоды, но бронхит часто прерывал это лечение. Я, захваченный работой, — будь она проклята! — только порывался и бессильно умолял лечиться, отдавать белье прачке, отдыхать днем... Она не позволяла мне даже посуду мыть, и я делал это украдкой, — правда, редко. Наконец мес<яца> 4—5 тому, боли стали повторяться и *дома*. Собираясь за границу, я настоял поехать к докт. Аитову (его хвалили). Олечка и тут сопротивлялась, но я уже сговорился с dr., и 8-го июля мы поехали. И что же сказал этот докт<ор>! — а он им<еет> все права франц<узского> врача, получил свое образов<ание> в Париже! — Никакого артериосклероза, а ему был показан рисунок расширен<ной> аорты! — никакой грудной жабы, давление — 16, «сердце молодой женщины 35—40 л.»! *Никакого* иодист<ого> лечения не требуется, ехать можно... это, просто, «нервные спазмы» — и дал средство против спазм. Жена не хотела принимать этого ср<едства>. Я настаивал. Два дня принимала — и стало хуже. Через 2 дня (10 VI) я обратился к Серову. Тот решительно отменил и сказал, что сам позвонит Аитову. Нашел, что сердце слабовато, повез Олечку в рус<скую> клинику, опять просвечивал и нашел, что и в пр<ошлом> году: т. е., явления артер<ио>-склер<отического> ослабл<ения> мускулов сердца, но... угрожающего нет, надо иодистое лечение (Олечка опять уже недели три принимала иод), а для укрепления сердца... ка-пли валер<иановые>+ландышев<ые> и что-то еще (Сиротининский рецепт) — слов<ом>, пустяки дал. Никто из них не прописал хотя бы trinitrine, для расшир<ения> сосудов.

Стали собираться к отъезду. Но я страшился. Я умолял Олечку меньше работать, но она не **могла**... продолжала. Я, проклятый, весь был в работе и хлопотах отъезда: «там отдохнем». 18-го был у нас в гостях др. Серов с семьей и арт. Кайдановская, приехали около 10

веч. и сидели до 12! И доктор это позволил себе, зная сердце Олечки! Она угощала, хлопотала. В пятницу 19-го — были боли, приходящие, давал ей капли и уже уговаривал *пока* отложить отъезд. (Я Вам писал, к<а>к Олечка устала). Я умолял ее не ходить на базар, (сколько раз я умолял!) я просил дать мне эту работу, это же для меня только прогулка. Она меня оберегала; она **все** на себя взвалила! В субботу 20-го она пошла на базар, я поехал в герм<анское> конс<ульство>, поспешил встретить ее у базара, нашел, отнял у нее сумку. В это день она совс<ем> не чув<ствовала> болей. Я нашел сам<ый> лучший иод<истый> препарат, рекоменд<ованный> швейц<арскими> и франц<узскими> профессорами (higiodine dr. Martinet) на малаге, и сам вместе с ней принимал. Она себя изматывала работой по дому (чистота!), стряпней и — стиркой! Она таяла, а я... попускал. Я не смел, боялся настаивать: это ее только расстраивало. И я в отчаянии махал рукой и — окунался в работу, забывался. Ждал — вот уедем — и отдохнет она 4 мес. И страшился. Раза два за эти 2 года она говорила мне: «Я тебе не доставлю мучений, хлопот, ухода за мной: я буду недолго болеть, и умру сразу». И еще, месяца за 2 до конца: «я чувствую, что скоро умру». Я плакал, только. В себе плакал. Много сил положила она и на Ива, — обшивала его, готовила пищу (ибо для меня особ<ая> пища, режим), сама ела мало, скудно. Я просил ее — да посиди, поешь спокойно, ляг после еды, хоть на час... Нет, она с утра до 5 ч. дня — на ногах. Посидит часок с газетой в креслице в кухне — и снова, до 12 ч. ночи! А я... писал... — В воскрес<енье> 21-го с утра ушла на базар. Ив д<олжен> б<ыл> через 1/2 ч. пойти к ней, чтобы нести покупки. Через 1/2 ч. она вернулась... с пустой сумкой! Дорогой схватил приступ болей и до слюны. Она посидела в лавке, и... и тут не села в tram[49], а пришла пешком... Я поехал за доктором... Чекуновым (будь он проклят!). В 2 ч. был Чек<унов>. Нашел: давл<ение> 15, признаки гр<удной> жабы, артер-склероза. Дал горошину trinitrine'a. Через 10 м. боли утихли. Обещал завтра (22-го) приехать, оставил 3 пилюльки trinitr<ine'a>. В 5 ч. я дал ей одну. Боли опять прошли. Весь остаток дня — не было. Олечка напис<ала> письмо племяннице и отправила его с Ив,

кот<орый> уход<ил> домой к матери. Писала: вот, отдохну 3 мес. в Латвии, и вернусь прежней тёть-Олечкой. Легли хорошо, без болей, в 1-ом часу (!). Я умолял ее, на коленях, лаская и плача, чтобы она разрешила телеграф<ировать> Вам об отмене чтения. Говорил — погодим 3—4 нед<ели>, полечись, полежи, и тогда, когда боли пройдут, поедем, иначе я не могу, я *не* поеду, это — безумие. Она, наконец, сдалась: ну, завтра посмотрим. Ночь спала хорошо. Встала в 8 ч. Боли. Съела пилюлю. Я побежал за Чек<уновым>. Тут начин<ается> *преступление.* Я потерял голову. Чекунов, чтобы погасить боли, впрыснул Олечке 2 раза «пантонон» (это что-то от морфия). Я не знал, *что* это. С одного впрыскив<ания> она не задремала. Он — 2-ой раз! И — *на 2 1/2 часа уехал,* велев вызвать сес<тру> мил<осердия>. И, *кажется,* (темное дело) наказал ей еще... впрыснуть! Она увер<яет,> что *не* впрыснула, а впрысн<ула> камфору. — Я помчался за лекарствами. В 12 ч. дня — были вызв<аны> плем<янница> и друзья — у Ол<ечки> стали холодеть руки и ноги, страшн<ый> хол<одный> пот. За 1/2 ч. она говор<ит> племя<нни>-це: Ваня ничего еще не ел, накормите его, а то он опять заболеет. И еще: мне дышать не трудно, но после впрыскиваний мне стало хуже, я как одурманенная.. Была рвота. Надо сказать, что она не выносила наркотиков. От Даверова порошка — еще в молодости — с ней был обморок, и я насилу привел в чувство. Dr. не спросил, как она выносит морфий. *Я не знал,* пантонон — что-то от морфия. Она впала в бесчувствие. Прикладывали бутылки... сестра мил<осердия> растерялась... доктора, скорей доктора... Найденный фр<анцузский> доктор сказал — умерла. Чекун<ов> явился через час после кончины. Сказал — закупорка серд<ечного> сос<уда>. Он ее убил. Так я чувствую. Сердце уснуло. Сердце не выдержало. Ее **можно** было спасти...

Я не могу писать. Тут надо говорить, часы. И я все расскажу вам. Я б<ыл> к<а>к окаменевший. Потом... много, много. Я добился, чтобы не запечатывали до среды, утра. Молился, целовал ее. Смотрел, запоминал. Просил — в перв<ый> же день — снять портрет уснувшей. Она была — чудесна. В гробу, в венчике, в

лилиях, она была — **царица**. Все это сказали. Читали псалтырь. Читал и я над ней — и всю ночь глядел и целовал хол<одный> лобик. Не могу. Ее хоронили за городом, в St. Genev<ieve> de Bois[50]. Четыре раза я был там. Завтра иду. Горят лампадки. Я не могу бросить кварт<иру>. Все — *ее*. Не трону. До — конца дней, что сил будет. Сколько мне надо сказать Вам! Сколько было **знаменательного**! чудесного! Она — святая. Это знают — все. Откройте к Римл. XIV гл. 7—18 ст. Это читается 17—30 VI на 9-ый. Так мне **ответилось**. И на это обр<атил> вним<ание> — священник на могиле, на панихиде. Я плакал эти дни, я каменел. И теперь я — **несу**. Этого нельзя написать. Когда увидимся, я поплачу и скажу все, все Вам. Не знаю, что буд<ет> дальше. Пис<ать> не могу. Жить... не знаю, как я б<уду> жить. Я **несу**. Она со мной. Всегда. Навсегда. До конца. Пусто, каменею. Иногда — осияет светом, я чувствую — она. Но не снится, пока. Жду. Помолитесь. Нет сил дальше писать. Все ее, что было на ней — на моей подушке. Со мной. Целую.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Поеду ли — и куда — и когда — не знаю. Климову не писал. Известите его открыткой. Пока при мне Ивик. Он очень хорош. Но скоро должен ехать в Прагу к отцу.

<Приписка:> Не забывайте меня, напишите мне. «Левые» отнеслись ко мне братски трогательно, а ***наши***... ну, Господь с ними.

280

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<16.VII.1936>*

1936 VII 16

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Я получил Ваше долго-жданное письмо с запозданием. Мне переслали его сюда, в Баварию, но почему-то не сразу. К седьмому июля мне удалось, наконец, получить часть заработанных денег, и мы уехали на несколько недель отдохнуть (Gauting bei München, Gartenpromenade 15 bei Durnowo).

Я читал и перечитывал Ваше письмо со слезами на глазах. И, Боже мой, чего бы я не дал, чтобы тогда, в мучительные часы, быть с Вами... Но пространство и время — страшные, неумолимые вещи. И только дух должен и может сказать Вам, до какой степени мы Вас любим и разделяем Ваше горе.

Каждый день, как я мысленно с Вами, я вспоминаю чудесное стихотворение Жуковского, коего шиллеровский «оригинал» не достигает и половины совершенства «перевода». Вы помните «Голос с того света».

«Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...
О друг, я все земное совершила,
Я на земле любила и жила.

Нашла ли *их*? Сбылись ли ожиданья?
Без страха верь: обмана сердцу нет.
Сбылося все. Я в стороне свиданья.
И знаю здесь, сколь ваш прекрасен свет.

Друг! На земле великое не тщетно.
Будь тверд, а здесь тебе не изменят!
О, милый, здесь не будет безответно
Ничто, ничто — ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай! Минувшее с тобою.
Незрима я, но в мире мы одном.
Будь верен мне прекрасною душою,
Сверши один начатое вдвоем<»>.

Я цитирую на память; может быть что-нибудь не точно. Но лучше, утешительнее, проникновеннее и подлиннее кто скажет?

Мы оба в этом году как-то особенно утомлены. И отдых мой еще не начинался. Сегодня 16-е, а я все погоняю, пишу и не могу распрячься...

Дорогой мой! Если решите ехать в Латвию, то бросьте нам хоть открыточку. Я не думаю, чтобы мы появились в Берлине ранее сентября.

Возрождение? Неужели окончило дни совсем!? Это неизмеримый удар по русскому национальному делу.

Мы оба душевно Вас обнимаем и с *светлой* горестью думаем об Ольге Александровне. Господи, как чудесны, как духовно благоуханны, как прекрасны и утешительны в своем жертвенном смирении следы, оставленные ею в мире!

Да утешит Вас Господь. Пришлите весточку.

Ваш И. Ильин.

Кто ходит за Вами? Кто бережет и кормит Вас?

1936.VII.16.

Gauting bei München.

Gartenpromenade 15 bei Durnovo.

PS. Дорогой мой!

Пожалуйста, исправьте безобразные опечатки в статье «Св<ятая> Русь».

Столбец 1. — это не преувеличение
2. — лишний раз «слова»
3. — не приказать — а *по*казать
не благородной — а благо*дар*ной
5. *к* бого*мыслию*
6. веру*ющему*
Но потому, что в ней.
7. прибли*жа*ться
жаж*дою*
богомо*льи*
8. *над* скворешней
9. после «прелесть его молитвы» — пропущена целая строка о *Боге*[*)] — восстановить смогу только в Берлине
10. *пов*еданного — вздор — надо справиться!

Что это за пере*пищ*ики и набор*штч*ики?!

Примечания к Лету Господню:

1) стр. 22 вверху — строка сверху шестая — «*от* Горкина» — *от* не нужно — в предложении оно второе

[*)] т. е. близость Бога, к Коему молитва!

«от» — по стилю и смыслу понятно и без него «Тень Горкина».

2) стр. 28 — почему же это атрибут «поокиванья» передался Василию Васильевичу Косому? Это *привилегия Горкина* — и я предлагаю *лишить* Косого этой привилегии. То же самое попадается еще на стр. 175 вверху.

3) стр. 57 «боятся, что срежет барки» — барки были уже срезаны на стр. 53 и сл. сл. в предшествующей главе — здесь это сухое напоминание чуть-чуть расхолаживает и зря дразнит. Остаток фельетонной разрозненности.

4) стр. 59. Сверху — о Горкине — Горкин не нуждается в этой рекомендации — мы его все уже знаем — это остаточек фельетонной разрозненности.

5) стр. 66 — а где же *медаль* у Горкина на шее? Хочется видеть любимца во всей красе!

6) стр. 68 и 76 дважды Христосованье —
а) с гармошками
в) без гармошек

и разгавливанье рабочих — два раза — не координировано в смысле расположения *событий* и *материала*, а потому у читателя постепенно распадается *строй* симфонического последования.

7) стр. 69 вверху — срв. 65 — два яичка от отца — золотое и фарфоровое — это так и надо?

8) стр. 77 — вверху — «старший приказчик» — Вас<иль> Вас<илич> — помилуйте, да мы его наизусть знаем, что же Вы нас опять знакомите?

9) *107.* Опять два ознакомления с Горкиным — да он у нас давно уж запазушный, родной!

10) Рождество — тон, о коем Вы писали, иной — огорчает, шокирует; это *писано* на *века* — не надо нас ставить на точку зрения милого эмигрантика — это не симфонично в смысле *структуры художеств<енного> акта.*

verte[51]

11) стр. 139 — не Вухоколь, а Выхухоль — опечатка.

281

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<31.VII.1936>*

<Открытка>

1 1/2 ночи на 31-ое — VII Boulogne/S.

Дорогие, завтра 40-ой день. Все слилось, я в пустоте, кручусь, ищу опоры. Оля со мной, я это к<ак> б<удто> **слышу**. Живу — ?! В пустоте. Но она — при мне. Только — для чего это длится? Ведь — **один**, здесь-то. Пробую попасть в Латвию. Остановлюсь на 2 дня у Горного. Вас не увижу. М<ожет> б<ыть> что-то найду — в монастырях, в людях — что-то говорит — поезжай. М<ожет> б<ыть> Оля говорит мне? Без — **нее**-то! Мне страшно, мне больно. Друзья — немногие — не покидают. Часто **вижу** притчу о милосердн<ом> Самарянине! Да!! Все еще — учим жизнь. Для **чего** я остался? Все, все — ненужно. — Ваше письмо, какие слова Жук<овского>?!! Не знал. Один, в пустой квартире. Это мне кара послана. ***Все*** испей! Пью. Требую — зачем, за что все э-то?! Нет сил писать п<ись>ма. А как же продолжать все незавершенное. Господи, за что?! Ведь ни-кого. Соберусь с духом и все сожгу. Не-кому, не для кого. Ив пробыл со мной неделю, с неделю уехал к отцу в Прагу. Кидаюсь от книги к книге — ничего не нахожу. Вот, к Клим<ову> приедет Теодорович[52], с ним увижусь. Монастыри увижу. Ищу старца. Найду ли?

Прощайте, целую Вас обоих, милые. Господи, скорей бы за ней. Одно утешение: могилка для двоих. Завтра еду к ней.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Мне не легче. Полное опустошение, тупость, отчаяние. Вчера — выл, зверем выл в пустой квартире. Молитва облегчает, как-то отупляет. Вера — я силой ее тяну, — не поднимает душу. Все — рухнуло. Страшно за читателей моих, не смею, а то бы... — самовольно ушел. В этом — ужас: привязал себя, **сам**! *Не смею!..*

Выеду, каж<ется>, числа 6—7-го III.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
2. Bd. de la République
Boulogne (Seine)
Frankreich. France.
<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. I. Ilyin,
Gauting bei Munchen.
Gartenpromenade, 15
bei Herrn Durnowo.
Allemagne

282

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<13.VIII.1936>***

13. VIII. 36. Inčukalns и т. д.

Дорогой Иван Александрович,

Святая моя Оля довела меня сюда, — да, я это **знаю**. Я чувствовал это все эти недели, когда безвольно преодолел все трудности сборов, визы, хождений, мытарств, движений, препон, бессонных ночей. Как во сне — Берлин, Горный, ласка, — как товар везли меня, и вот я здесь, в лесах Латвии, у друзей, в холе, ласковости... Но зачем мне все это — теперь?! Не знаю. Скучно, больно мне быть вдали от ее могилки. Там я метался от квартиры на кладбище, захаживал, заглушал себя. Здесь... — будто под Серпуховом, у Владычного Моря, когда мы жили, юные в 1898 году — 38 лет тому! — на даче, Сереже было 2 1/2 года. Так похоже — и так больно. Тогда все было полно, — здесь так пусто. Тогда — вся жизнь впереди. Здесь — все ушло, **все**. Нет цели, нет воли жить. Работа — не могу думать, — для чего, кого? Я опустошен, и во мне все рассыпалось. Я теряю Бога. Ищу опоры, упора — нет его. Я — в пространстве, в бесцельности. Что буду делать — не знаю. Сегодня 53-й день — все то же. Я не могу поверить, что ее уже нет, что она так и не вернется. Я заматывал себя обманными, призрачными беганьями. Здесь — тишина, и я — на месте, и не могу заматываться. На самообмане долго не удержишься. Есть, чтобы опять есть завтра... — что это? Бессмыслие. Как, как мне найти веру и цель? Не знаю, и все, что я писал,

опустело для меня. М<ожет> б<ыть> съезжу в Печ<ерский> мон<астырь>. Но всюду визы, всюду деньги, напряжение воли, а я — бессилен. Не знаю. Климовы — чудесны, нежны. И все ласковые, трогательные. Но теперь, без Оли, мне это в тягость, в укор, в боль. Она имела все права на это, она и только она. Где, где Она, моя вечная Оля? Иногда я ее чувствую. Но я ни разу (!) не видел Ее во сне! Почему? Мне Фондам<инс>кий[53] говорил (он потерял любимую жену), что он 1/2 года не видал, а теперь видит почти кажд<ую> ночь. Я — в тоске. — У Горного был 2 дня, здесь с вечера 10-го. Поеду ли в Печоры — не знаю. Хочу *домой*, к ее могилке. Я все устроил, она — в цветах. Много было «**знаков**», и порой мне чувствовалось, что она со мной... Вы замолкли, а как нужен был мне Ваш голос! И знаете, в эти недели я часто **видел** притчу о милос<ердном> Самарянине. Меня утешали чужие, да, чужие, многие. Вы утешали меня, да — и Вы чувствовали себя в **этом** — бессильным. Да чем же, да как же в отдалении можно утешить? Чужие меня тщились утешить взглядом, слезами. Да, М. Вишняк — плакал со мной. И Фондам<инский> — плакал. А Сем<енов> и Гук<асов> даже не почтили память Светлой моей. Но... не от таких же — почитание памяти. Но — сухость, жесткость наших национ<альных> — даже в беспамятстве моем — мне кололи сердце. Как я — дальше — не знаю. Зачем я здесь — не знаю. Я автоматич<ески> к<ак> б<удто> завершаю задуманное когда-то с Ней вместе. К<ак> б<удто> так **надо**. Погляжу, что дальше. Если бы не опасение, что зачеркну все мое, соблазню многих добрых, моих читателей — я бы... все кончил, **ушел**. Этого я не смею. Этим я оскорбил, надругался бы над Ней, над моей Олей, которая отдала всю жизнь — на **это**, на мое... самообманыванье?

Вы все поймете. Обнимаю Вас, целую Вас и добрую Наталию Николаевну. Здесь — воистину благоговение перед Вами обоими, — культ — благоговение.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Я — в ветре пушинка.

283

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.VIII.1936>*

27. 8. 36 (четверг) Inčukalns, у Климовых

Дорогие, милые, родные,

Наталия Николаевна и Иван Александрович,

Что забыли? Здоровы ли Вы? Нет часа, когда бы не вспоминали мы все здесь о Вас, — и особенно грустно мне, что какой-то... рок? — не хочет как бы, и всячески мешает встрече и даже обмену письменному. Мне здесь хорошо, поскольку мож<ет> б<ыть> «хорошо» человеку без опоры, без души, ибо вынута из меня душа. Все режет укором, болью, всякая ласковость, всякое слово приветное. Нет Ее — единственной, незаменимой, **вечной**. Каждый глоток укор: **без** Оли! Почти родная природа, горестное воспоминание и боль, и укор: не уберег, не удумал! За все эти 20 лет отдыха не дал. И вот — отнята, **ушла**, и улыбка горести так и осталась на ее истомленном лице, — и ты один, один, до конца — скорей бы! И вот, особенно горько, — и как бы укор и укол: в прошл<ом> году, когда была Она, — мне родная как будто Югославия не смогла устроить поездку-отдых. А теперь — маленькая — и *не* славянская Латвия — дарит вниманием, радушны и просты ее писатели и лица официальные (не говорю уже о читателях, о ***своих***) братски облегчают пребывание. Что же это значит? Нет пророка во отечестве своем?! И как же часто с горечью — и радостн<ым> содроганием — вспом<инаю> притчу о милосердн<ом> Самарянине.

Здесь все трогательны, природа, люди. Неужели будет разочарование? «Возр<ождение>» показало мне себя, — вот тебе за твое, «национальное»! А те, кто был хладен ко мне, когда меня еще не ударило, ныне — (и какая им от сего выгода!) чутки и ласковы.

Директ<ор> Латв<ийского> Тел<еграфного> Аг<ентства> Р. Берзинь во многом облегчает пребывание: бесплатн<ые> визы, поездки, предупредительность, со-братство. Я радуюсь здешнему порядку, труду, культурности. Лат<вийские> писатели — по глазам вижу, по тону, — друзья, почти друзья, с первой

встречи! Правда, все доброе ныне как бы скользит по душе, молчит душа, полумертвая... — но — всякая мал<енькая> боль ныне — рана, добавка к ране незаживаемой. Здесь я не найду отдыха, его и никогда не будет, но вертишься, дергаешься — и немеет в душе, закруживается, тупеет боль, к<а>к во сне. Я хочу сказать Вам: к<а>к многим обязан я Вам, Вашему вниманию и чуткости ко мне! Вы, Вы открыли мне здесь доброту, притянули сердца. И еще хочу сказать! Дорожите, дорожите каждым мигом Вашей совместной, Вашей светлой жизни с Наталией Николаевной! Глядите непрестанно в глаза друг другу, цените каждый вздох ласковый, каждое движение сердца! Вот, только слабый отсвет Ее у меня — портрет. Да, Она — во мне, но это такое слабое... **тепла**-то Ее, живой Ее нет и не будет... и никогда не будет.

Все во мне остановилось, и все, кажущееся еще живущим, самообман. Лелейте друг друга, от счастья плачьте. А мне радость даже, что березка у Ее креста на Ее могилке — еще жива. И вот, уехал — и далеко могилка. Уехал — обманывая себя, зачем уехал? Выполнить решенное вместе? Из ложного сомнения, страха, что обману людей, устроивших мне (нам!) поездку. Лучше бы **там**, мотаться между кварт<ирой> временной и вечной.

Я — в пустоте, как пылинка в ветре. Нет, ничего я не высказал Вам, милые, письмом этим. *Не* выскажешь. Но Вы поймете. К<а>к одинок я! Еще: цените каждый миг Вашей любви, дружбы, неразделимости. Цените — и будьте радостны. Ив. Шмелев.

<Приписка:> Каж<ется>, я пробуду здесь до 10—15 окт<ября>. Не знаю... ничего не знаю. Без воли я, без планов.

284

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<28.VIII.1936>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за Ваши письма. Я постоянно думаю о Вас сердцем и чуется мне, что Божий Промысел попрежнему над Вами и ведет Вас.

Не кончается наша жизнь здесь. Уходит туда. И *«там»* реальнее здешнего. Это «там» — земному глазу не ви́дно. Есть *особое* внутреннее, нечувственное ви́дение, ви́дение сердца; то самое, которым мы воспринимаем и постигаем все *лучи* Божии и все Его *веяния*. Нам не следует хотеть видеть эти лучи и веяния — земными чувствами; это неверно, это была бы галлюцинация. Но мы должны учиться *видеть сердцем*, — уже здесь, и Господа, и тех, светлых, которых Он отозвал к Себе. Из этого ви́дения, которое столь дивно и славно известно Вам в искусстве, — родится единственное и великое утешение; родится созерцание, ради которого можно и должно жить на свете. Чуется мне, что Вам дано и предстоит выработать его в себе еще в большей степени, чем это Вам уже присуще. И для этого уведена Ольга Александровна в тот мир, чтобы Вам это открылось. Но не только для духовного общения с ней, а и *для молитвы* и для *творчества*. Но не в экстазе, а в трезвении и покое.

Простите мне, дорогой, что пишу Вам это и так. Но не могу не сообщить Вам о том, что думает о Вас мое сердечное чутье.

А после этого, как ни слабо я это выразил, ни о чем больше писать не хочется.

Господь всегда с Вами. Будьте покойны, утешены и обрадованы.

И не давайте себя очень трепать.

Дружеский привет от нас обоих.

1936.VIII.28 Ваш И. А. Ильин

До 5 сент<ября>: Gauting bei München. Bei Durnovo.

После — в Берлин.

285

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<1.IX.1936>***

<Открытка>

11 ч. ночи, 1 сент<ября> 36.

Милые, дивно хорошо! Чего я не повидал! Здесь — Она, **ка-ак** я Ее внял, как ни-когда![54] Все, все взрыла. И сладко, и больно, до слез. И **она** (Олечка) со

мной в этой сладкой боли. Будто сон спутались эпохи. Были в доме древнем (300 л.), были на ярмарке — вековой, и сердце взмывало.

— Слушали рус<ские> песни — сапожников-балалаечников. Служили панихиду в ночном соборе древнем. Господи, я осязал Русь. И как же она вошла в меня! Завтра — Изборск. Целую.

Ив. Шмелев.

Дорогие и любимые! Вон где мы! Не писал, не мог. На даче, не было своего угла, не мог уйти в одиночество. 7-го будем уже в городе, — так хочется Вам о многом написать. Ваш Ш.

<Приписка:> Мы — двое, со мной славный Георг<ий> Евген<ьевич>.

286

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.IX.1936>***

4/17 сент. 1936 Pulkv. Brieža iela, 4. dz. 2. Riga.

Милый — и неуловимый, увы! —
Иван Александрович,

Я подытожен, выпит, изнеможен, — влоск. После трех дней в Печерах и проч. — 4 дня в пути (в Рюрицу — проч.) заболел и в t° меня 300 килом<етров> швыряло в автомоб<иле> и дошвырнуло досюда. 3 дня, с понед<ельника>, лежал, ослабел. Сегодня только норм<альная> t° утром, но силы мои слабы-слабы, не чаю, когда доеду до Парижа. А еще публ<ичное> чт<ение> 29-го, и что-то еще.

Нет, не рассчитал сил. Конечно, ни о как<ом> там заработке и думать нечего, ибо я не умею выколачивать, умею лишь себя выколачивать. Сейчас решил не ехать в Либаву, (за 50 лат!) — боюсь слечь. О впечатл<ениях> будет рассказ в Берлине, если доберусь. Много, всего. Сейчас в голове ботвинья, с мусором. Решил — если Бог соизволит — выехать из Риги 3-го часа в 2. Хочу свидеться с Вами, — м<ожет> б<ыть> это будет *последнее* (3-ье в жизни) свидание. Душ<евная> потреб<ность> услышать Вас, родной, дорогой, единственный. Все концы, каж<ется>, приближаются. Испу-

гался, что свалюсь в Риге... Остановлюсь в Берлине. Если помогут мне добрые люди устроить литер<атурный> веч<ер> и сколько-ниб<удь> заработать (только бы оплатить эти 7 дней жизни (*нужные мне для встречи с Вами* (*для прощания с Вами*)). Я буду хлопотать об остановке на 7 дней. Тогда получу скидку с билета. Остановиться хочу, чтобы не стеснять Ал<ександра> Авд<еевича> в пансионе, но не знаю — где удобней. Посоветуйте. Прошу о сем и Ал<ександра> Авд<еевича>. Меня придавила тоска. Не чаю, когда выплачусь на могилке. Без Оли мне нет жизни. Все равно, сную, кручусь эти месяцы — без дыхания, без мысли, бесчувственно. Никчемный и пустой. **Теперь** вижу ясно — нет жизни, не хочу, нет сил. Поездка моя — бессмысленная, и я заканчиваю эту бессмысленность. Единств<енным> оправданием моего верченья будет встреча с Вами, если будет. Вы меня этого не **лишите**. Поцелую Вас и Наталию Николаевну — и домой, в пустоту мою, в покинутость. **Там** я буду ближе к **Ней** и, чтобы скоро-скоро — м<ожет> б<ыть> — найти ее или — провалиться в ничто, кончить трагикомедию. С меня довольно. Уплатил сполна за житие — ко-му? (и — во имя **чего** ?!) Не знаю. Дотого замучен, что не знаю, ничего не знаю. Каков же **итог**! Самому стыдно — перед всем написанным мной. Таю в себе, с болью. Кто украл веру, смысл, — равновесие хотя бы? Бездна хаоса — во **Всем** — открылась мне... и я еще занимаюсь такими делами — в Берлин заехать!! Но, очев<идно>, это **надо**. Или — *к<ак> б<удто>* надо. Притворюсь, что это *к<ак> б<удто>* о-чень надо. Пожалуйста, ответьте мне поскорей. Если не будет Вас в Берл<ине> в мой проезд, я просто не остановлюсь, а — сквозняком в Париж. С милым Ал<ександром> Авд<еевичем> я свиделся. Меня гонит скорей, скорей — в St. Genevieve, скорей в комнаты, где Оля моя страдала. Ибо она не эти годы только томилась. Не могу, весь разбит, не могу писать. Досвиданья или — прощайте. Поцелуйте, милый, Нат<алию> Ник<олаевну>. Я забыл, не послал привета ко дню Ангела ее, 26-го (8 сент.) — к<ак> р<аз> был в верчении дорожном. Много читал (gratis[55])

для увеселения публики. Не заработал ни сантима. Но отдам студ<енческой> корпор<ации> книгу — и расквитаюсь за верчение. Целую.

Ив. Шмелев.

Георгий Евгеньевич очень добрый, очень. Трогательно добр.

<Приписка:> Страх у меня, что не выеду, свалюсь. Но... посл<едние> силы соберу. Увидите — скелет.

287

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<19.IX.1936>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Очень огорчены и расстроены Вашим письмом от 17 сент<ября>. И зачем это надо было в эту проклятую режицу ехать. «Режица — кто поедет, зарежется». Эх, не уберегли Вас; слава Богу, что в Либаву не едете! Бог с ними совсем.

Ради Бога, берегите себя! До 10 октября я не двинусь из Берлина, буду ждать Вас и видаться с Вами. Постараюсь подготовить здесь для Вас все, как надо. О чтении переговорю с Боголеповым теперь же. Как только *наверное* определится *день* отъезда и срок пребывания здесь, так бросьте открытку.

Всею душою с Вами. Всех утомляющих гоните вон!

Прилагаемое письмо передайте Георгию Евгеньевичу.

1936.IX.19. Ваш И.

288

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<25.IX.1936>***

<Открытка>

25. 9. 36. Рига.

Дорогой, милый Иван Александрович,

Выезжаю 3-го — в 2 ч. д<ня>. Написал проф. А. А. Боголепову о 6 окт<ября> — да. Благодарю. Был бы безмерно счастлив, если бы Вы, могучий, ввели меня к слушателям, и я послушал бы Вас, — но не о себе, а просто — о русск<ой> литературе. Если бы Вы назначили свой доклад — по как<ому>-л<ибо> важному

вопросу. Я думаю остановиться на неделю. Буду сидеть, смотреть на Вас, слушать. Здесь, в Р<иге> — поразительная молодежь, девушки — чудо! И это все Ваши ученики — о Вас говор<ят> к<а>к о Пророке и Учителе. **Как** ждут Вас! Обнимаю Вас обоих, милые. Я — жив, взвинчен. Еще 3 выступления, а сколько было. Старообрядцы удивительны. Много нов<ых> друзей. Бездна читателей. Не ожидал. Это все Вы, Вы, Вы!!!

Все, сл<ава> Богу, хорошо. Все оч<ень> трогательны. Билеты на вечер — *хорошо*! Всего было! Сл<ава> Богу жив, взвинчен.

289

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<30.IX.1936>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам последнее перед нашим свиданием. Вашу открыточку получил, спасибо. Пансион Вам найден. Вы будете очень близко от Авдеича, на Bayerischer Platz. Будет чисто, уютно, со всем комфортом (горячая и хол<одная> вода, телефон в комнате). Пансион русский, люди мне хорошо знакомые. Хозяйка русская, Ваша «почитательница»; при первом же Вашем желании берется готовить по Вашим рецептам (кот<орые> ей уже известны) все нужное. К тому же делу приставлены три мои скаутки, хорошие девочки, мои ученицы. Цена *дешевая*: за комнату с прислугой и завтраком 3.75. *Еда — по себестоимости*. Это все очень хорошо. Дама русская, замужем за русским эмигрантом. Взрослый сын — студент, скаут.

Мы уговорились с А<лександром> А<вдеевичем>, что *он* Вас встретит на вокзале, прямо в авто, и к Вам, в пансион. А я обнаружусь уже прямо к Вам. Причем, Вы только скажите Авдеичу, ляжете ли спать по приезде и сколько проспите. Или еще лучше: после 8 ч. утра позвоните прямо ко мне из Вашей комнаты. Н.9.56-79. (ха, девять). И мы все решим.

Кушать Вы можете, след<овательно>, где захотите. И я думаю, что самое удобное — это определять с утра — «сегодня» — завтракаю дома, обедаю там-то, чай там-то, ужин дома — или mutatis mutandis[56].

Счастлив, что Рига Вас любит и чествует.
Обнимаю Вас.

Ваш ИАИ.

1936.IX.30 вечером
Прилагаемое письмо передайте, пожалуйста, Георгию Евгеньевичу.

290

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<15.X.1936>*

15. X. 36. 2, Boul. и т. д.[57]

Милые, чудесные, далекие мои Наталия Николаевна, Иван Александрович,

Ваша роза «Дагмара» посажена в понедельник 12-го X — перед Крестом. Оля за Вас молится, она нежна к Вам. Доехал вполне хорошо, встретили меня. Вошел — и боль, острая, вошла в меня — и не уйдет. Мне очень трудно. 2 мес<яца> вертелся, к<а>к во сне был, — проснулся. Париж — невмоготу, Вы поймете. Все в квартире болью-скорбью напитано, и я — в этом. И так будет всегда. И приходит на сердце — уехать на окраину и взять с собой милый прах родной моей. Не знаю, что будет. Не могу мысли собрать. Метался эти дни, отдал оксидировать фонарик, вызолотить крестик. На той неделе поставлю Крест постоянный, с образком, дощечкой дат и имени Усопшей и с фонариком-лампадой. Убивает хозяйство, не справляюсь с квартирой, а жить не могу с чужими. Мог бы только — у Климовых или нашли бы мне комнату у близких душе людей. Одиночество нестерпимо. — Как я ценю ласку, которой окружили меня и в Риге, и в Берлине! Спасибо, друзья, спасибо Вам, нежные. Я был приподнят там, — тут — упал, весь, раздавлен. Здесь я ничего не могу писать, письма едва-едва могу. Дочего я дойду — не разумею. Как я был тихо счастлив, когда сидел у Вас и слушал Вас, как я чувствовал светлый покой, лившийся на меня, в душу мою, от тихой, светлой Наталии Николаевны. Какая у Вас милая, **умная** тишина! Художественная атмосфера — трудовая, согревающая душу! Тут, у меня — пустота, неуют душевный,

оброшенность[58]. Бездонность разделяет нас — Ее и меня, непроходимость. Скучен мир этот, пуст до ужаса. Простите, больно делаю Вам. Не буду.

Благодарю за заботы, ласку, дружбу, за все, за все, родные. Как мало я Вас слышал, как мало спрашивал! Как бы хотел быть близко от Вас! Успокаивающая шла от Вас сила на мою душу. Милым девушкам — привет мой, скажите им, что оч<ень> трудно заставить себя писать. Благодарю.

Столько хлопот терзает, стольким надо написать, послать то, се, — не соображусь. Мольба к Вам, друг И<ван> А<лександрович>! Кроме Вас — **некому** дать новому поколению «Историю русской культуры». Ныне это самое важное для него — и это, конечно, подвиг. Вы, и только Вы предназначены к сему. Не отклоняйте: для сего Вы жили, творили, учили, — надо свести все, завершить **здание** Ваше — наше — российской души и мысли.

От Климова никак<их> вестей. Вчера я кратко писал ему — нет сил все высказать, послать привет рижанам. Сколько там любили меня! как внимали, как нежно **брали**! Это все будто по внушению Родной моей, Оли моей. Я **знаю**, что был под ее охраной, уходом. Жду от нее — **ответа**, укрепы, — разрешения, благословения терпеть — недолго. Все во мне Ею ставилось, все, все, все... — и теперь — нечем дышать. Как страшно, к<а>к жестоко — переживать любимую, вечную! Нет, я стожильный, я еще живу, терплю. Не могу уйти, покрыть себя и память Ее позором, замазать все, что писал, сбежать. Но если бы болезнь смертная, скорая! Нет, хочу умереть хотя бы под отсветом Родины. И меня тянет на окраину. Но один не могу. Ведь эти 2 мес<яца> меня в родную стихию опустили, почти — и вырвали, и бросили — в пустоту.

Если бы Она была со мной — осталась бы она, решили бы переехать, знаю. — Ивик сегодня у меня, но он — не мой — и — далекий. Хороший, да, но ему не так понятно. Если бы Сережа был!

Говорили Вы — надо **жить**! *Нечем*, изжито все. Мне стыдно, что я еще ем, сплю. Простите за все это

уныние. Меня Господь покинул. Я зову Олю — нет ее, близко нет. Не может? Не знаю. Если бы была **тут** — было бы легко.

Целую, милые, простите.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Утром (16-го) перечитал письмо — нечего прибавить. Одно: не могу в Париже, страшно давит, адская пустота, что Вы скажете — уехать, перевезти Олю — **туда**?! Оставить в этой пустоте не могу, не хочу!

291

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<18.XI.1936>*

<Открытка>

18. XI. 36

Дорогой Иван Александрович, едва заставил себя написать Вам — нет воли, охоты, все делаю через великое усилие, нет повода быть, а о «**жить**» и говорить не могу. Тоска смертная, живу — обманываю себя, кручусь, да еще люди **дергают**, — все что-то не доделано (смотрите и что напис<ано> опрокинуто[59]). Такие часы-дни бывают — вот он, ад-то на земле. И молитва редко-редко дает облегчение. Я Вам писал б<ольшое> письмо, по приезде, ждал — ответите. Но понимаю — заняты Вы, как никто.

Вот, надо мне в Ригу, книжку какую-то дать, составить, расквитаться. «Пути» Возр<ождение> зацепило, не смогу отбить, мал<енькое> изменение внесли в договор, будут платить не с 401, а с 301 экз. Сегодня пришла нем<ецко>-швейц<арская> «Няня», — никак не отозвался, будто и не мое, ненужное. Изжит я, насыщен, satis[60]! — Да, вот о чем. Пожалуйста, пришлите мне те листы с наметками и оттиски, кот<орые> я оставил Вам: Панорама, Туман, Зеркальце и проч., из Илл<юстрированной> Рос<сии> также. М<ожет> б<ыть> что составлю для Риги, — заставлю себя, надо выполнить обещание. Работать нет воли. Деть себя не знаю куда. Милый, не забывайте, один, совс<ем> один на земле. И Олечку не вижу во сне,

недостоин я видеть ее — д<олжно> б<ыть>. Поцелуйте Нат<алию> Ник<олаёвну>. Роза В<аша> посажена на мог<иле>. Лампада.

Ваш И. Ш.

<Приписка:> Поду-мать! И уход, был при няне-други, а вот брошен на пустыре, будто младенец, брошен в холод и ночь.

Обнимаю Вас, милые! Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
2. Bd. de la République
Boulogne (Seine)

292

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<20.XI.1936>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Только что пришла Ваша открытка — укором для меня. Я не только перегружен спешною работою, но я еще растериваюсь, как ребенок, перед Вашим горем. Я знаю, что утешить не могу; и не могу писать Вам от беспомощности — не умею найти слов, достаточно крылатых, чтобы окрылить Вас, и достаточно светлых, чтобы прожечь навалившуюся на Вас тьму тоски. Вот и молчу. Корю себя и молчу.

Ваши чудесные рассказы постараюсь выслать Вам завтра заказным.

От Георгия Евгеньевича получил глубоко удрученное письмо. Он проиграл свой процесс в сенате, все планы, его на выправление крена лопнули, и он не знает, что начать. По этому поводу я хотел шепнуть Вам следующее. Вы хотели ему подарок сделать за всю его заботу. Не посылайте ему ничего вещного. Напишите ему лучше, чтобы он сам себе «купил» что-нибудь на «вот такую-то сумму денег» из оставшихся у него на хранении Ваших. Я чую издали, что это будет вероятно лучший «подарок» ему (именно подарок, а не гонорар) — в его крутой беде.

Очень тревожимся о том, как слагается Ваша внешняя жизнь: еда, уборка комнат, уход при недомогании. Есть ли кто-нибудь у Вас? Как все это образуется?

А еще у меня такое чувство, что Ольга Александровна очень тяжело несет *Ваше* душевное состояние. Поминать ее надо светом, бодростью, благодарностью, *творчеством*, а не мраком. Подумайте об этом, дорогой, — из глубины в глубину.

Мы оба шлем Вам братский, дружеский привет.

Обнимаю Вас.

Ваш душою И. И.

1936.XI.20.

1937

293

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<10.I.1937>*

10 янв. 1937. Boulogne/Seine

Милые, дорогие, Наталия Николаевна и Иван Александрович,

Давно не писал Вам, очень замучен, всячески. Один я, и надо все делать одному. Так складывается, да и не могу изменить жизнь, будто все продолжается, а Оля отлучилась. Не хочу иначе. Сам себе добываю как-то, готовлю, заматываю себя. Трудно. Испытание это, и я его принял, пока силы есть последние. Дни — кошмарны. Рвусь, мечусь. Урывками читаю, пишу, лечусь, т<ак> к<ак> начиналось, было, прежнее, испугался — слягу, один, ничего не закончено, не обдумано. И когда я подумал — надо опять уколы (laristin'a, как делала Оля мне), *нежданно* вечером в 10 ч. приехал докт. Серов (а никогда сам не приезжал), не застал меня (я был у кн. Волкон<ских> в т<ом> же доме) и все же: наутро опять..! — приехал. Зачем Вы? — Да... так... что-то подумалось... надо навестить. — Ну, вот, к<ак> раз. И он сделал 1-ое впрыскивание. Теперь я езжу к нему, он велит еще лечение — серум антиневрастеник. (Бывало, то же Олечка делала). И еще:

когда началось напряжение в больн<ом> месте, не было у меня bismuth Tulasu'a. Потом — купил (дорог). И... в *том* же вечер получил нежданно, не прося, — от друга-докторши (при Олечке иногда привозила нам лекарства, но висмут почти никогда, он дорогой)... коробку — bism<uth> Tulasu!! — Если бы во дню было 36 час. — все бы ушли на мое метанье. Сплю 5—6 ч. — меньше. Не хват<ает> времени. На п<исьма> не могу отвечать, а их мно-го! Требуют «Слов» о Пушкине. А у меня душа изнемогает. Через силу, урывками, написал «Виноград» — оконч<ание> Креста и Ентрыги (крымская серия) — для Илл<юстрированной> Рос<сии>, «Лампадочка» (Горкинская серия), для Илл<юстрированной> Рос<сии> и «Покров» — для рожд<ественского> Возрожд<ения>. С этими хамами не вижусь, хотел не давать, — дал, когда приняли мои нов<ые> условия, по 1 фр. за стр<оку>. Но, каж<ется>, режут предельным количеством строк в месяц (пожал<уй>, не больше 1 раза, т. е. 450 фр. за рассказ). Или же, вынуждают идти в... «Яму»?! А, все равно. Корректировал «Пути неб<есные>». Приготовил для Риги «Чертов балаган» — отослал. Не успею *все* закончить, не хочу тянуть, только вот **решу** главное: шатается во мне *все*, ищу Бога, хочу укрепиться, зацепиться. Читаю наощупь, кидаюсь от одной книги — к другой. Апологетику, Чемберлена[1] — о Христе, Пресансе[2] — Иис<ус> Хр<истос> и его время, А. Бальфура[3] — Основание веры, проф. Буткевича[4] — О Зле... проф. Рождественского[5], других. Об Атеизме... Арх. Иннокентия[6] — Посл<едние> дни Христа.

Из этого видите, какой я слепец. Что, что — прочесть?! Укажите. Во мне образовалась гниль сомнений, я теряюсь, в отчаянии. Это ужас. **Как** же я все писал? Утрата Олечки — и все поползло во мне. Я молюсь, иногда плачу, хватаюсь за убегающее... Иногда — легче. Но ни разу — ! — не видел Олю мою... — молюсь, молю дать мне ее во сне... — нет. И жгу лампадки. Легче. Нет, не могу все Вам описать. Я не живу, а перетаскиваю дни мои. И надо работать, в конуре — петь! Езжу в S-te Genev<ieve>. Плохо мне. Все — никчему. Хоть бы

прихлопнуло меня! — вот как. — Г. Е. К<лимо>в меня забыл — он очень «трудный», — м<ожет> б<ыть> — на что обиделся. Он ведь из тех, что всегда с оглядкой, к<ак> б<ы> его кто не обидел. Не знаю, не понимаю, чем мог я его обидеть. На мое письмо — ответила милая С<офья> Т<ерентьевна>[7] — как бы секретарь. Больше я не буду ему писать. Я послал книгу-рукопись (Чер<тов> бал<аган>) еще в конце ноября, послал ему книги для передачи, как он предложил, — ни слова. Посл<еднее> его п<ись>мо было от 28 XI. А я ему после оч<ень> ласковое п<ись>мо послал. А Вы еще мне совет<овали> сказать ему, чтобы купил себе что-ниб<удь> на деньги из моих. Да разве такому — можно? Это его совсем унизит. А он все боится, что его хотят (кто-то) унизить. Такой добрый был, нежный... — не пойму. С<офья> Т<ерентьевна> писала мне, что Вы прислали ему п<ись>мо на 9 листах — о прощении обид? Это ему д<олжно> б<ыть> полезно. Горько мне. Я не из обидчивых, я, просто, недоумеваю. С<офья> Т<ерентьевна> изливает мне свои горести, (à part[8]), но я не пишу ей отдельно, а посл<едний> раз в письмо к нему вложил и п<ись>мо мое к ней. Да Бог с ними.

Чудесно, что Вы едете. Просветите жадную молодежь, милую, чуткую.

Жить мне тяжело, невмочь. Посылаю Вам «Рус<ские> иконы» — на память о нас. Мы с Олечкой так и хотели, когда собирались. Поздр<авляю> Вас, милые, с Праздником — уже отшедшим, с Нов<ым> Годом. Будьте благополучны. Господь с Вами. Скоро пошлю Вам «Пути». Каж<ется>, это буд<ет> мое посл<еднее> послание. Сил у меня не хватает, доделываю. Поздравляю Вас с наст<упающим> днем Ангела — Соб<ором> Крестителя.

Собираю посл<едние> силы — сказать о Пушкине. И надо еще прочесть Писание. Что есть лучшего в работах — о Бытии Божием. Укажите. Это посл<едняя> моя просьба к Вам. Никто не мож<ет> мне указать. Ни Карт<ашев>, ни другие проф<ессора>, ни Анастасий. Одни слова. Я знаю — трудно. Но есть же хоть приблизит<ельно> «**лучшее**»? Целую.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Да, помолитесь за меня. Я бессилен. Если было ***все***, Все — Олечка явилась бы мне. Страшно пусто мне. Иногда думаю — скорей бы. Но — не смею сам. Больно за читателя. Стыдно.

294

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<15.I.1937>***

15. I. 37. Boulogne /Seine

Дорогой Иван Александрович,

Прилагаю мой последний рассказ из «Илл<юстрированной> России».

«Пути небесные» я надписал для Наталии Николаевны и Вам, в канун Нов<ого> Года, в кн<ижном> маг<азине> «Возр<ождения>», и мне дали слово, что Вам немедленно пошлют. Я спешил послать Вам. Очень я подавлен, места не нахожу, все во мне мечется. Что ни хватаю — найти успокоение, — нет, пустота. А меня дергают, требуют — про Пушкина пиши! *Ни разу* не видел в сновидениях Олю мою. Это как казнь мне, за все, за **все**, — как мало я ценил ее! как мало радовал — не насмотрелся, не нагляделся я на нее. Ведь я должен был покой дать ей, оберегать ото всего, а сам был на ее уходе.

Читатели, если что светлое и получают от как<их>-ниб<удь> из моих книг, — не догадываются, что этим ей, только ей обязаны!

Без нее я ничего бы не издал. Знаю. Мне, скоту, надо было сдохнуть, а не ей умереть так нежданно, так непонятно **отойти**! Она вся Святая! вся, вся. А вот я, проклятый, еще влачусь, для чего-то... никчемный, гад ползучий, противно смотреть на себя. Сколько годов провел — в себе — за столом, — а она, тихая, работала, сидела где-то там — если бы все вернуть! Все отдал бы, сжег бы все свои лоскутки, маранья — за один бы день, только бы молча сидеть у ее ног и смотреть, смотреть в глаза ее! Несу муку, на костре сижу — жду — когда же?!

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Милые, помолитесь, я и молиться не имею дерзания, силы.

<Приписка:> Поздравляю Вас с наступ<ающим> Днем Ангела, с Новолетием.

295

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.I.1937>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

В гриппе я! Спасибо Вам глубокое за все: и за чудную книгу об иконах с надписью, и за Пути Небесные, и за превосходный рассказ из Илл<юстрированной> России. Не могу Вам только подробно написать.

Нет, нет — о Георгии Евгеньевиче[9] Вы ошибаетесь. Я знаю его 6 лет. Он человек не трудный, а *легкий*, нисколько не обидчивый, не мелочный, эмоционально-искренний и умеющий бескорыстно и беззаветно любить. И на Вас он *ни в какой мере* не в обиде: все по-прежнему. А задерган и затрепан до невменяемости.

Все, что пишет С<офья> Т<ерентьевна> — дезориентирует; у нее свои жизненные суждения, целостно *не* интуитивные, всегда рассудочные и потому *всегда ошибочные*. Я знаю, что Вы — «ее прихода» — и потому *пред*упреждаю или после-упреждаю. Ну вот, напр<имер> — я написал Георгию письмо совсем *не* о «прощении обид», а о нашей обязанности *не прощать не обиды*, а объективные пакости. И если кому-нибудь это может быть наставительно, то отнюдь не Георгию и именно *не* ему, а *ей*.

Простите, дорогой, не могу больше писать, устал, лягу.

1937 I 22 Ваш ИАИ.

Окрепну — еще напишу.

296

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.II.1937>***

17. II. 37. Boulogne /Seine

Дорогой Иван Александрович,

Понимаю, что Вам сейчас не до меня, но я не от себя пишу, а во-имя. Большое лишение для меня и многих, что в эти дни лишены мы счастья — вне

Латвии, — слышать Ваши «Пушкинские чувства», Ваше проникновенное слово о нем. Как ни трудно мне, я и в **своем** ощущаю это лишение. О В<ашей> речи читаю только неясные строки (лат<вийской> писательницы?) в «Сегодня». Почему-то не было в «Сегодня» отклика обычного. Сказано — в вечерней газете, но я ее не получаю. Просьба к Вам: если можете, пришлите мне Вашу речь. Я хочу, читая ее, **слышать** Вас. Я это смогу сделать. И еще — если Вы разрешите, и силы я найду, что совладаю: я хотел бы предложить Союзу Инв<алидов> или какой подход<ящей> организации — устроить публ<ичное> чтение *Вашего «Слова»*. Вряд ли разрешите, чую. Не настаиваю. Но мне-то хоть пришлите, по старой дружбе, по чувству ко мне, если еще живо оно. О себе — ни-че-го, не надо, не буду говорить. Я теперь вполне уяснил, что, вообще, о себе не **надо**. Мою статью о П<ушки>не «Сег<одня>» не смогло напечатать, принимая во внимание «положение». Хотя «политики» там не было, — лишь о «встрече» нашей с П<ушкиным>. Но вот, в мире П<ушки>на укладывают в удобный почетный саркофаг, втискивают и препарируют[10].

О Вас знаю, что были в Эстонии. И все.

Привет Вам самый светлый — Вам с Наталией Николаевной — из моей темной кельи.

Ваш Ив. Шмелев.

Адр<еса> В<ашего> не знаю, вынужден писать на Г. Е. К<лимо>ва. М<ожет> б<ыть> он Вам перешлет.

297

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<14.III.1937>*

1/14 марта 1937 Boulogne (Seine)

Прощеное Воскресенье.

Дорогие, милые друзья, Наталия Николаевна и Иван Александрович,

Не забывайте, откликнитесь, так пусто, так одиноко мне, до ужаса. Бывают дни — места не найду, черная бездна тянет, отчаяние. Пытаюсь молиться, взываю, — нет ответа. Этого не высказать, это — вот он, ад на

земле! Но — не буду. Знаю — трудно людям, даже сам<ым> чутким, внимать такому. Допью один, пока сил хватит. — Писал я Вам и в Ригу, и — нет ответа. Вы не забыли меня, знаю, а **своего** у Вас было с избытком. А я только ухом ловил — о Вас. Г<еоргий> Е<вгеньевич> скуп на слово, нет от него вестей прежнего пылкого и нежного звука, д<олжно> б<ыть> в тисках и смуте неустроенности, после Пушк<инско>го крученья, с «днями». Знаю о В<ашем> триумфе, (писала и М. Карамзина[11] мне. ***Как*** ее по отчеству?!). Мне надо бы ответить, она прислала мою фотограф<ию>, с пр<осьбой> о надписи.

Я писал Вам в адр<ес> Кл<имо>ва, просил присл<ать> В<аше> слово о П<ушкине>. Для меня это — отрада, ласка, забытье — Ваше вдохновение, **единственное** из всего. И еще — мне надобны мощные духовные толчки, «заряды», — для души. И еще **надо**: «для вдохновения», для учебы. Я дважды здесь говорил о П<ушкине>. Написал для Польск<их> к<азако>в, для Варшавы[12] и др. др. — Эти дни болел, две недели. О, что это — болеть, **одному**, в б<ольшой> квартире, — «у себя на руках!». Болел — и д<олжен> был себя кормить, убирать, держать порядок, ставить себе на спину (!) горчичники, согреваться, менять белье ночью, теплить лампадки — и **знать**, что ты теперь **один**, и до конца — один. 21-го янв<аря> явилась Оля во сне, днем, приникла, смотрела в глаза мне и грозно сказала: «монахини мне сказали, что для тебя определяется оч<ень> трудное, тяжелое», (в см<ысле> дурного и м<ожет> б<ыть> страшного, — так я, я понимаю). Я сказал ей: (не зная, что ее *нет*, а будто в жизни): «зачем, ну, зачем ты мне **это** сказала? теперь я буду думать, мучиться...» Она молчит и смотрит. Я говорю: «мне так тяжело и лучше бы умереть...» Она говорит (так, бывало, говорила и в жизни) — «да, правда... лучше...» Я заболел 23 февр<аля> — и проболел до 7 марта. Навещали друзья, почти кажд<ый> день заходил доктор Серов, друг мой, боялся воспаления легк<их>, — выправился я. Для чего? — И вот, во время болезни получил приглашения. 1-ое — Нац<иональной> организации

(Цурикова) из Праги. Они не удовлетворены «официал<ьным> чествов<анием> П<ушки>на», — вызыв<ают> меня. Я — отклонил. Не хочется давать повод для обострения раскола, да еще на Пушкине. 2-ое — монахи из Прикарп<атской> Руси («Прав<ославная> Русь») — зовут гостить. 3-ье — К<омите>т Дня Русской Культ<уры> из Праги — сказать о П<ушкине> в Д<ень> Р<усской> К<ультуры> (под его знаком будет), я долго колебался. Сегодня решил — да. Буду говор<ить> о рус<ской> культ<уре>, ее основе, о культ<уре> вообще, о провале культуры ныне, — о встрече с Пушкиным ныне — «*заветной* встрече», м<ожет> б<ыть> **предуказанной**! (Вот оно — явление «чрезвыч<айное>, про-роческое»[13]!) ***О — Татьяне***, о — **няне**... о России. О — «куда ты скач<ешь>, горд<ый> конь, и **где** опуст<ишь> ты копыта?»[14] Т. е. я хотел бы напоследок сказать о мно-гом... Надо собрать душу. М<ожет> б<ыть> я ничего не сумею сказать. Но я *хочу* ск<азать>, ***надо*** сказать. Вглядываюсь в П<ушкина>. Он вовсе не такой **ясный**, как говорили многие. Он — сложный. Но он — *сущность* наша. Но... не могу установить, — что это — и в чем, главное, у него: «*и милость к падшим призывал*»[15]? Ведь тут **ключ** к сущности нашей культуры: милосердие, сострадание к **человеку**, к душе человека, — ведь это в гл<авном> русле нашей духовности и душевности, это основа **нашей** культуры, святая свят<ых>, от истоков, от Слова Божия. **Это**, несомн<енно>, у П<ушкина> *есть*, но я не могу нащупать. Есть в Медн<ом> Вс<аднике>... — вижу. Но где еще? Боюсь, что я не осилю. И так мне важно **внять** Ваше о П<ушкине>. От Вас я могу зажечься, мне **нужна** и Ваша установка, как сверка и как — толчок-учеба. Благословите! Я хотел здесь прочесть, с В<ашего> разреш<ения>, Ваше слово — в пользу хотя бы бедных или инв<алидов>. Я писал Вам, — Вы не ответили. Я понял — не хотите. Оставим это. Меня начин<ает> тревожить: здоровы ли Вы и Нат<алия> Ник<олаевна>? На этот вопр<ос> Вы не можете не ответить, если чувств<уете>, как я Вас обоих чту и **кто** Вы для меня. Порой думается мне: Вас держит **от** меня мое горе: Вы

его **слышите** и Вы **знаете**, как бессилен человек, самый любящий — облегчить. И Вы — немеете, смущены. Не бойтесь, я все это понимаю. Мне Ваше одно слово — уже свет, уже ласка, уже — отклик — я здесь. У меня никого, я один, почти. Есть душа одна, Зеелер, хмурый с виду, но горячий внутри, любящий. Он — навещает, приходит таким добрым, «закрытым» медведем, бурчит, молчит, и молчанием — утишает. Этого — не сказать. Я был бы счастлив **такого** *дать* в дальнейшем, м<ожет> б<ыть> во 2-ой ч<асти> «Путей», кот<орые> я, д<олжно> б<ыть> не напишу. Но... сколько иногда разворачивается во мне — для этого романа, *странного*, *неясного*, но как бы *внушенного* мне. Я знаю, я **увидел**, во время писания 1-ой ч<асти> — да, это так. Я **должен** был его начать, **не зная**, зачем. Судьбы книги — не знаю. О ней только П<ильс>кий в «Сег<одня>» писал. «Возр<ождение>» молчит. «П<оследние> Н<овости>» — тоже. Понятно. Но я не мог не написать его. М<ожет> б<ыть> все неудачно, ненужно нам. Хотя... Как сильно его читают, знаю — какие отклики. Но это — м<ожет> б<ыть> — для особенных душ. А я в смуте и не знаю: ***верю ли сам в то, что написалось***. Двое во мне: и вот, **кто**, **какой** во мне писал — этот — верит, *в полусне* верит, чем-то глубоко внутри — верит. А другой — внешний, при свете дня обычный... — мечется и сомневается — да не обман ли, не самообман ли? А как бы хотелось развернуть **дальше**! Оля все говорила, за неск<олько> дней до кончины: милый, пиши скорей... мне так хоч<ется> знать, что — дальше... И мне хочется. И вот почему я эту книгу связал с ней, отдал — ей. Она ее носила в сердце, я ей читал все спут<анные> перв<ые> строчки... Я духовно жил ею, когда писал. А дальше... какие испытания, как *она* ведет В<иктора> А<лексеевича>, какие люди, старцы, неверы, циники... — жизнь России помещичьей, уездной, деревни, народ у стен монастыря, свет и тьма, зимы, весны, лета, осени... дали дней — и — проблески судеб грядущих... Я чувствую иногда, что **тут** м<ожно> б<удет> нащупать **жизнь** нашу, верные искания и искушения... и уловить **Небо**, Господнее вождение нас... На это не хватит ни

сил, ни времени. Да, дней не хватит. И не могу начать, столько неоконченного другого. Меня загрузили письма, лежат, а воли нет. И потом — я же сам все делаю, до полов, до пищи, до — всего. Я не хочу никак<их> услуг, это — кощунство, Олю мою никто не может, не смеет заместить **здесь**, даже в пустом. Это мне — испытание, дабы оценить, **кем** и **как** была для меня она, всю жизнь.

Напишите о себе, что можете. Вы для меня — далекий свет, в моей темноте. И так мало я с Вами виделся, и не о том говорил. О сам<ом> важн<ом> и не говорил. Только слушал. Но это было радостью редкой. Я знал, я не отшлифован для беседы — по Ваш<ему> размеру, я неуч, я непоследователен, у меня нет прочного «міра», я лишь — вспыхивающий фонарик, м<ожет> б<ыть> от дальних блесков, от вне меня... а во мне так все неупорядливо, не отложилось, не приняло крепкой формы. Все мои книги явились ***вне обдумывания***, а вскипали от неведом<ых> мне опар, — совс<ем> для меня нежданно и непоследовательно. Часто я *за минуту не знаю*, что напишу, как и почему напишу **так**, как потом явится. Так вышло с главными моими — из туманной дымки, *из ощущения*, *из дрожи*, из вспышки где-то между сердцем и... душой... но никогда не из сознательности, сознанности. Из — сладостн<ого> как<ого>-то волнения, до дрожи лихорадочной, внутри. И после уже — сколько надо уминать, причесывать, разбирать спутку. Зачем я пишу все это? Это и для меня неясно, да и некчему. Это — прошло. Надо, чую, слышу, — приводить в порядок дела наглядные, чтобы люди не сказали — как все *беспланно*, случайно, **бедно** — и не нужно. Надо разобрать хлам. Но как, когда мне всякая тряпочка ее — бесценно дорога! И — куда, кому, все это пойдет? Надо бы начать раздавать *добрым* людям, а то ведь на свалку свалят. Надо начать, скорей. А то заболеешь всерьез — и не буд<ет> сил. Об этом надо думать. Я не знаю, как мне жить, продолжать жить. У меня *кровных* тут нет, — если бы хоть от сына остался — внучек... — нет, все обрублено, ссечено вчистую. Ивик... он так напом<инает> Сережу! Но в нем — половина — чужого, франц<узско>го, чуждого до... Оля его так любила, его глаза — **те** глаза. Он ласков. Он — мой

наследник. М<ожет> б<ыть> он сбережет все *ее*. Я теперь делаю, увеличив<аю> все ее снимки. И у меня висят в кабин<ете>, много, будет еще, до 40—50 фот<ографий> увелич<ено>, в разные годы — и здесь, главное. Она вслед смотрит.

Так вот. Если можете, пришлите о П<ушкине> — прочитать, **внять**. Верну сейчас же. Ехать в Прагу, если доживу, думаю 6—7 мая. За Пушк<инским> Днем (9 V) — предп<олагается> через 2—3 дня — вечер чтения моего — из моего.

Затем — монаст<ырь> Пр<е>п. Иова, на Пряшев<ской> Руси, чтобы вернуться 20 VI на могилку — 22-го VI — год. А после — не знаю, где буду. Из Р<иги> мне выслали за все эти 5 мес<яцев> только 3 раза по 100 л<ат> — по 412 фр. Осталось до 2500 фр. А у меня заработка почти нет, нет воли писать. И времени нет. В монастырь уйти? Не осилю. Да и не готов, куда я в монастырь — с так<им> комом в сердце, да не прибравшись? Больше полсотни писем — без ответа. Скажите М. А. Квартировой[16] — пусть простит меня, безответного. И — Горному. Мучает меня и мысль: м<ожет> б<ыть> «Пути» мои — беспутны? ненужны? И м<ожет> б<ыть> я не смел связывать их с дорогой памятью светлой моей Оли? Я теряюсь. Ну, она простит.

Скажите, что Вы душе вынесли от В<аших> лекций, как Вы, здоровы ли оба, милые? Да, хотел — и скажу: зачем Вы — простите — теплите не лампадку, а... огонек? Он — холодный и неживой, свет в лампадке. Это — не Божий свет. Милые, затеплите **живой**, сами, кажд<ый> день возжигайте. Это — так тихо-утешительно, — снять, налить, светильню заправить... Для меня теперь это — ласка душе... **затеплить**. Не — трык — а — возжечь, сердцем, без «механики». И то уже горько, что какой-то «arrachide» — из земл<яных> орешков масло, а не елей... Не осуждаю, а — любовью говорю — затепляйте, сами. И пойте — «Кресту Твоему»[17]. Был бы подвал у меня, если бы не **теплились** лампадки. Над ней — теплится у Пр. Серафима над ее постелькой, над ее снимком посмертным, как она покоилась первые часы, после кончины... **спит**,

светлая, оттомившаяся — и как она тиха, глубока, в **тайне**, уже познанной... — или — в **ничем**? Это ужасно, если... в **ничем**? Этого быть не может. Нет, она — в Свете, она — все **знает**, она — Божья, дитя Божие, чистая моя. Иначе — зачем же чистая, зачем — такая, как никто другой, вся — особенная, никем незаменимая... бессчетное, новое, — отображение бесконечного безусловного, но живого Бога.

Прощеное Воскресенье отходит. Цел<ый> день я один. Буря на дворе. Сейчас без 10 мин. полночь. Великий Пост. «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему, храм носяй телесный весь осквернен: но яко щедр, очисти благоутробною Твоею милостию»[18]. Какая высота! Какая выразительность! «Утренюет бо дух...» — что это?! Голова кружится от высоты. Что мы можем подобного?! — Но как Пушкин, 30-летний — **мог дать** — Монаст<ырь> на Казбеке — «как в небе реющий ковчег парит чуть видный над горами. Далекий, вожделенный брег! Туда б, сказав прости **ущелью**...» — огляд<ываюсь> на жизнь — одно ущелье. Есть небо, есть! Есть — **туда**! Молюсь, силюсь молить: Господи, покажи, даруй... самый-самый слабейший отсвет Неба Твоего, да укреплюсь. Светлячком-искрой в ущельи блесни, на миг неисследимый! За все муки, за горшие еще, готов — блесни, Господи! Яко щедр, блесни... Увижу ли? Узрю ли... до... — **того**? или до — **ничего**?.. Жду.

Милые, будьте здоровы, будьте всегда вместе.

Ваш Ив. Шмелев.

298

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<21.III.1937>*

Берлин. *1937.III.21*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Не браните меня за долгое молчание. В этой рижской суматохе, с двумя лекциями в каждую неделю и с потоком посетителей — не очухаешься.

Пушкинскую речь я «произносил» 4 февр<аля> в Берлине, 9 в Риге, 12 в Ревеле, 14 в Юрьеве. Что другие

люди выносили из этого, мне неизвестно; а я сам имел немалое утешение — это счастье высказать о любимом гении хоть 1/5 того, что выносилось о нем за жизнь. Это, конечно, только обрывок-отрывок; когда я дописал эту речь, то у меня было чувство, что я только начал и оборвал. А она идет 1 1/2 часа без перерыва. Я не мог прислать ее Вам, ибо взял ее немедленно в переработку и подготовку для *печати*. Это тянулось все время, потому что не давали сосредоточиться. Только теперь и здесь между 16—21 марта я закончил ее и отослал мой единственный экземпляр *немедленно* в Ригу, где она поступила *немедленно* в набор. Она должна выйти в начале апреля и *немедленно* будет у Вас. Ничего другого я сделать не мог.

Вообще «рожаю». Книга, набиравшаяся в Белграде с апреля 1935 г., вся подписана к печати («Путь духовного обновления») (около 220 стр.). «Основы художества. О совершенном в искусстве» (стр. 173) тоже вся подписана к печати. Жду ее из Риги. Все это пришлю Вам, как только получу. И на немецком выходят две брошюры. Немедленно сажусь за окончание след<ующей> книги, из коей Бунин написан, Шмелева надо отделать, Ремизов и Мережковский — в черновом тексте. Набираться будет в Риге; надеюсь, что выйдет осенью.

Я постоянно скорблю, что бессилен помочь Вам в Вашем горе и одиночестве. Особенно в болезни. То обстоятельство, что Вы видели Ольгу Александровну во сне — свидетельствует о том, что горе перестает *угнетать дух*. Об ушедших не следует *так* скорбеть, это *мучает их* и *разрушает дух оставшегося*. А встреча оттуда должна и может происходить не в галлюцинациях земного, чувственного опыта, а в ясности духовного ви́дения и виде́ния.

Слава Богу, что Вы поправились. К монахам я бы на Вашем месте поехал гостить. Это хорошо. В Праге не давайте слишком трепать себя!

Думается и видится мне, что «милость к падшим» *не* составляет естества Пушкина. Достоевский и Тургенев говорили о Пушкине не из субстанции. Ближе всех к постижению его был Гоголь. Все то, что мне встре-

чалось о нем у *современников* — неутешительно; и чуждо ему. Но не берусь писать в письме по существу. Да и в речи... Речь моя только открывает дверь в светлую бездну его видения.

«Пути Небесные» я выпил со всем вниманием и восприятием. Вы правы: этот роман написан как бы «медиумически», или как Вы говорите «неясный», «внушенный», «в полусне». Это самочувствие Ваше кажется мне верным и тонким. И еще: «не знаю, верю ли сам в то, что написалось». О, — в нем *все Шмелевское мастерство слова и внешне-чувственного изображения*. Но души главных героев — неясны, недоскульптурены, недооформлены, не до-индивидуализированы. Эти души «снятся». Снятся и автору, и нам — читателям, и, что самое важное, — *себе самим*. Они сами медиумичны, начиная с Дарьи Ивановны. Я бы сказал, что они показаны не из «плэромы», т. е. не из своей полной реальности и не в полной реальности, — дуновением призрака. Может быть — потому дневной автор (художественно-объективно-критический) — сомневается и не совсем верит своим образам и в свои образы? Может быть, газетное терзание заставляло срывать лепестки у цветка, не окончательно вымедитированного из сонной глубины? Тайна творчества сложна и глубока, деликатна и непроницаема. Или, может быть, этот медиумический стиль письма потребован самим сновидческим созерцанием «Путей» и медиумическим образом главной героини, то обуреваемой земным алканием, то заливаемой стихией церковно-родового молитвования? Быть может, «Пути» яснее видны тому, кто в оличнении себя не дошел до законченно-зрелой скульптуры души и духа? — Здесь необходима величайшая осторожность в подходе к своему собственному творческому акту: не дергайте себя, не нудьте; не кричите на себя, не разъедайте себя сомнениями. Мне кажется, что лучше молиться и слушать, как сама трава растет.

Вот, дорогой мой, кончаю пока. Самый дружеский привет от нас обоих.

Ваш ИАИ.

<Приписка:> Молитвенное умиление идет, вообще говоря, от *созерцания* иконы, т. е. *Господа* через нее, а не от лампадного действа. Лампада — живой символ горящей души; но и *свеча* — тоже; и всякий огонь тоже, даже и без arrachide, даже и без спички. И все сие есть *повод* для возгорания души, но горящая душа горит и без повода, а с лампадой молится не только горящий Шмелев, но и хол<одный> лицемер Бердяев.

Обряд не выше созерцания; а созерцание не есть физический акт. И тишина моей лампады славит Господа, как умеет.

«Огонек» перед иконой будем теплить по-прежнему. Он решительно *тоже* от Бога; светит честно; не губит икону копотью; не брызгает пятнами на все окрестности; а Ваш «arrachide» и фитиль тоже выделываются *совершенно механически*. И спичка трыкает!

<Приписка:> Г<еоргий> Е<вгеньевич> делает все необходимое в Вашем деле. По-видимому вредит инстанция[19]. Я только что сообщил ему о том, что Вами получено до 14.III. Раиса Зем<меринг> носила мне просфорки и злобные клеветы. Надо с ней как можно осторожнее, может быть она душевно невменяема.

299

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<8.IV.1937>*

8 апр. 1937. Булонь, С.

Дорогой, му-дрый друг, Иван Александрович,

С таким зарядом Ваше п<ись>мо, от 21 III! Все п<ись>ма В<аши> с зернами, а это — махро-во-зернисто. Густое вино, для вкушающих надо применять «кераннюми»[20]. О «Пут<ях> Неб<есных>» мудрей и сказать нельзя. **Всё** постигли. Да, не то «медиумически» писал я, не то... невразумически. Да разве **тут** хватит уменья и сил, чтобы дать то, что самим «героям» невразумительно! В них, — чудится мне — слепая борьба **тлена** с... тем, что для них и самих непонятно. Они — как бы <зачеркнуто: Иксом. — *Ю. Л.*> (Господом, чего я недосказываю) **взяты** для **опыта**. Тут как бы чуть приоткрывается то, что «всегда втайне», **так**,

как... — а **как**? — как бы уж и свершалось — по Вл. Сол<овьеву> — когда входила **жизнь** в неорганическое, когда сонная греза вечная цветка перелилась в сознание **животного**, когда и как — сознание это превратилось в... **разум** двуногого... Тут — в элементарном и неумелом оказательстве[21] моем как бы... безобра́зные **ро-ды**... **иного** человека... но пока не... богочеловека. Но это все я уже — спустя — отыскиваю. И — ничего не сознаю. Что-то мне говорит, что **может** уясниться в дальнейшем... — ведь целая **их** жизнь впереди! Роман — ? — только начинает намекаться... Но у меня не станет силы — и не хватит времени — его продолжать и кончить. (Провинц<иальная> жизнь, Оптина, старцы, чу-де-са... и — сколько испытаний). — Я **случайно** только существую, я — **там** где-то, и — нигде. Я расколот, я только отголосок бывшего. Ско-лько неисполненного, вившегося по смутности моей, когда вспыхивало **что**-то — и не затеплилось даже. Это — может быть — **там** как-то завершится — **вдруг**, как полная внезапная картина на экране духа, уже готовая, — как **чудо** — для здешнего меня. Да, **своим** опытишком бреду, нащупывая, **слагаю**, коплю, — валерьяню себя, дух истерзанный. Плачу порой. Бегу от себя, — и некуда. О, больно... но пусть больно, должен болеть, истребиться болью-скорбью, — и за-служил, стало быть. Сим — живу. С Вашей тонко-духовной меры — я «очень прост», конечно, чую... я — суевер, язычник, сл<ишком> «в быту», а не в бытии... слишком упрощаю и «реализую» на грош, для приготовит<ельного> человеч<еского> класса. Но что делать! **Все** это, маленькое и слабенькое, детское такое... — **там** не может не пониматься, не может не проститься. И потому даже не *ле́пет* «козявки» человеческой — **оттуда** ласковость быть может: «ничего, амёбушка, пищи́ по-своему... тут меры нет, ни звука вашего, ни срока вашего, ни часа вашего... — тут — все **внятно**, все века-развека — мгновенье... все дали — все бесконечности ваши — вот!» Не поймешь, понятно, и ничего, потому что перед **Здесь** — все ваши Умы и Гении — равны... подсознанию микроба, стреканью электрона, сути

фотона... но продолжай выть и плакать, стенать, молить... **все** твое учтено, как и не слышный никому микро-писк комарика, которому муха оторвала заднюю ножку на Яве миллион лет тому назад. И вот, я, как тульская молодуха неведомая, потерявшая ребеночка, молит Богородицу-Суса[22], пошли мне его хоть во сне, Ванюшечкю мово... Неужели моленье ее менее услышано, чем возглас важный, с воздаянием рук, латинский восклик — Пия XI? Или — Данте-Петрарки, с придачей Франчески д'Ассизи и даже... молитвы Серафима Саровского?! **Там** — самую подоплеку берут... и **все** учтено. Я писал Вам, как Оля явилась мне во сне и сказала, что мне будет **трудное**, очень. Недавно, в отчаянии, плакал я на молитве и, ложась в постель, помыслил: если ты сегодня... ты же **все** знаешь... — если увижу тебя... — ты **есть**! Уже в сонности подумал — нет, не увижу ее... за все эти месяцы 1—2 раза, и то неясно, неопределимо-забыто. И — я **ясно** ее увидел. И, проснувшись, так **легко** ощутил, что — **там все**, **все**, и она — **есть**, и помнит меня, и в заботе и любви у ней я. Но — она **там** о-чень мудра, она **все вняла**, и там для нее — свои **правила**. И свои — ступени, и дисциплина. Там мудрость — в великой тайне, молчании. Так жил я в некой легкости недели две-три. Мог работать. Вчера, ложась, — Ивик пришел, спал на ее постельке, рядом. И я, ложась, снова в колебаньях, уже не веря, что получу «отсвет», «знак»... подумал: «тебе все понятно... и моя тоска, и шатанье, растерянность и сомненья... все понятно. Ты любишь меня, так любила... ведь это же не кончилось... твоя любовь была чуткая, тонкая, вся — жертва... я страдаю, что так мало ценил тебя... цветочков редко приносил... не радовал малостями... — малости-то **как** радуют! — и теперь — уже **не** могу вернуть утраченного, упущенного... слов ласковых, которых не сказал тебе... о, ты все знаешь... Ты нашла сына, да? ты ждешь меня? ты всегда видишь меня и мое... да? Дай же мне знать, как умеешь, как **можно** только тебе! ну, сделай...» И я плакал сердцем — и не верил, боялся верить. Ведь — заметьте — когда **хочешь** знамений... — не получаешь. Хочешь во сне увидеть, о-чень хочешь... —

не видишь... И я, утомленный, уснул. И вот, сегодня же, среди ночи, я увидел себя, будто хожу где-то, и что-то мне неловко, чего-то ищу... и стеснительно, и тревожно мне... И вот — вдруг, будто я выхожу на луг... и вижу — Оля, одета как на прогулку, и с ней какие-то две дамы... узнал — голландки наши, знакомые... пожилые девы, массивные такие, Рубенсовские... очень они скромные... и Оля моя так ясно глядит в лицо мне — это будто все в жизни, прежней, нет и мысли, что ее **нет здесь**, что она скончалась... — и в руках у нее... моя плюшевая шляпа! Ее-то я и искал, понял я вдруг, почему мне так не по себе было... и Оля говорит так рассудительно, покойно: «она же у меня, вот она, чего ты ищешь...» — она даже ее разглаживала ручкой, — и отдает ее мне. Мне сразу легко, — во сне-то. Не помню дальше, было что-то еще, — я проснулся, и мысль: «вот! она и там заботится... **есть она**! это мне — знак от нее, такой ясный, точный. Шляпа... ведь это как бы «покрытие», без чего нельзя, незавершено, неопределено. Это завершающая черточка, — и укрытие, и это «покрытие», успокаивающее меня, — в ее руках, в ее попечении, она заботится, «держит в руке» накрытие, шляпу, мой «покой». Так мне сердце сказало тотчас же. Оля пришла ко мне, в подсознание вошла, давая **свой** отвечающий мне **знак**. Не могла она говорить словами о **том**... во сне она для меня живая, не умиравшая, земная... и по-земному ответствует на мой крик — о **том**. Это уже вторичный сон, по мольбе... а всегда знато, что сны не бывают «по заказу». Это было исключение, ответ ее сердца на мое взыванье. Милый, Вы говорите — надо внутренним видением, в духе ее восчувствовать! Не умею, не столь духовен, неуточнен я, баба тульская. В бессознательности сна — **могу**... — Читаю, много, ищу... урываю часы, весь в томленьи, а день дергает, надо заработать, надо готовиться к Праге, надо писать... рассказы..! О, ужасно, когда — **надо**. Она мне подарила **три** «случая», да, так **ясно**. Я приехал 20 марта на могилку. Был яркий день. Распускались тюльпаны, гиацинты, поднимались лилии белые, зелень пока... Ваша роза «Дагмара» оделась листочками, березка

наливает почки... лампада теплится... и я у креста ее, окаменевший внутри, бесчувственный на людях. Васильчиков заговаривает, — сына схоронил недавно, 37-<летне>го. Старый человек, живет в Рус<ском> Д<оме>. О «Путях» стал[23], о метелях... Мне безразлично. И вот, вдруг... рассказывает «случай»... Вы его знаете. Я его дал — «Глас в нощи». Ни-когда почти не беру для писания — «с голосу», всегда — **свое**, как-то **взятое**. Но тут не мог. Сразу взял, написал, **наполнил**, две строки сказал мне Вас<ильчиков>. И вот, **еще**... и ка-кое..! Но... нельзя пока дать... связано с жизнями, **там**, в СССР. Но... **тут**, в этом кратком рассказе — факте — да!!! — уди-ви-тельном факте... **такое**, что... словом — «Благовестие». Происходит в двух важнейших истори-чески местах и участником, главным — ! — Святой. Не смею говорить дальше. Или — никому не сказывайте, могут **взять** и все испортить. Это же мне — так ясно! — от Оли моей — дарок, да... святой дарок. Я **знаю**. Никогда подобного со мной не случалось. А тут, у ее могилки...! Рассказ будет называться — «Куликово Поле». Это один пункт. На **самом** К<уликовом> П<оле> зачинается не в 14 в., а... в первые годы больш<евиз>ма. В имении, у Поля, в пустынности. И это — **было**! Истори-чески, с опред<еленными> лицами. Там было имение Олсуф<ьевых>. И этот Олс<уфьев> — Юрий — его знают многие здесь, был собиратель стар<инных> реликвий. Осень — ? — под вечер, лесной объездчик бывший, бывшего графа Олс<уфьева>, бывш<его> имения его, теперь — «совх<оза>» — соверш<ал> объезд... конь внезапно — остан<авливается> — что такое? Смотрит — светится чуть на грязи, — слезает... — Крест! Стар<инный>. Объездчик подним<ается>, рассматр<ивает,> князю бы...! лю-битель... могилы копал... далеко князь, — у Препод<обного>, говор<ят>, ютится... Домик купили, живут в заводинке, тихо; пристроился к этим делам... там музе-и... святое там в музеи, и мощи, говор<ят>, косточки под стеклом, для показа... — (безб<ожникам>) — хранитель князь... Послать? На почте пропадет, замотают... верного человека... где они, верные! Спрячу дома... и то боязно...

замотают... И — «ты что это, голубчик, глядишь?» — со стороны, кто-то. Подход<ит>... старичок, приятный, прохожий с сумочкой, с клюшкой... Объясняет — так и так... Это я Вам так развиваю, рассказ очень сухой и схематич<ный>, обывательский, Вас<ильчиков> мне сказывал. — Словом, — да я туда и иду, к Угоднику... доверишь — найду хозяина тв<оего,> вручу. Доверил! У Препод<обного>. Посад. К ночи. Домик. Ставни. Жуть. Часто налеты, обыски. Кн<язь> с женой — Глебовой бывшей — усталый, пьет чай или... с ними племянница Вас<ильчикова>, родственница их. Трое. Тишина. Спать надо. Стук! стук! — кто..?! страх. Тут стучат редко, только **они** разве. Загляд. Старичок... — Что угодно? — К вам... с Кул<икова> поля... с ваш<ей> вотчины... передать вам надо... Сомнения. Не подвох ли? С вотчины? Словом, впускают. Предлагают чайку... отказ. Выклад. — Крест. Вот, от в<ашего> чел<овека> — рассказ. Изумление, радостное. Старич<ок> назыв<ает>: «благовестие вам». Оставл<яют> ночев<ать> — колебания — да у меня тут свои есть... да я... Остается. Ночь, Утро. Будят. У-шел! Не попрощ<авшись>! Что такое...? Глядят — **все заперто**, все крючки и ставни, и двери. Вот. На столе — Крест. Все. Легенда? Вас<ильчиков> увер<ял>, что приезжали родные и говорили ему лично. Третьи лица. Сам писать об **таком** не может племяннице, — замотать могут. Хранитель ведь музея или помощник. Правда, теперь они уехали в др<угое> место, но... мог<ут> замотать. И я связан. Но не написать не смею. Сохранится. **Такое**! Там — К<уликово> П<оле>, одоление ига тат<арского> — Преп<одобный> Сергий! — и — Обитель Угодника! **Благовестие**. Ведь тут сама жизнь творит легенду. Пусть довершено — пропал старичок, это **чудо** нам не вместить, реалистам, рацион<алистам>. Но... иконы обновляются? или — ложь и бред? А... камень (перст) стал **жить**? не чудо это?! камень долез до... Пушкина, Канта, Моцарта, до — Будды, Сократа, — Христа! Или — все ложь? Что же **не** — чудо? А я вот принимаю **чудо** — как естество! ибо теперь мы воставшим мертвым не поверим, как сказано. На наших глазах нам **дается**, а мы — откидываем! (о девочке 7 л.) Так вот, мне был дар, от Оли моей. Иначе не разумею.

И еще — третий дар, там же — «*Нездешняя*» — все *в один и тот же день*, там. И — бу-дут. Она мне **все** скажет, на что будет Воля, под кот<о>рой, в которой она существует. Она мне даст знать — мой **отход**. И я жду. Я должен готовиться... я же не готов. Мне милость дается — готовиться. Познавать, **сознавать**, вызреть. М<ожет> б<ыть> за ее молитвы дается. И я — ищу... А всю-то жизнь — **мимо** шел, **мимо**... и ее отбивал... не успел, ударило нас... Сережечку утратили. Теперь я ее утратил. Но я не хочу утратить совсем, хочу быть достойным ее... по ее воле быть, дотащиться до порога сего бытия тусклого и немого, в сравнении с **иным**... Плэрома-то... — **там**, а тут отоночки[24] тощие, шелушочка с ореха, а еще и скорлупы не видать. а до **Зерна**... — ! — Никому не сказывайте.

Получил вчера Ваши «Основы художества», еще не приступил, весь в смуте дней, дерганий, — у меня минуты нет... рвусь читать. Но Ваше читать надо — помолившись, свято, **не** кусочками, заглянул — ско-лько всего! Это — единственное, это святое о святом. Буду впивать в себя, дышать, наполняться. Издано очень прилично, только попадаются опечатки. Видел глазком. Ваша ст<атья> в «Возр<ождении>»[25] — превосходна, ярка, сжата, насыщена, — так только Вы можете. Жаль, что не дали о Пушкине в «Возр<ождении>». — Спешу, столько мне дела, и кормить себя надо. С этого хотел нач<ать> — а вот, кончаю: Союз Инв<алидов> просит — дайте к годов<ому>, майск<ому> № — хотя бы «мысли», хоть строк 60 — Вам это легко, у Вас непочатые россыпи... ободрите, скажите, толкните. Ведь за В<аше> имя — увид<ят> в газ<ете> — лишние сотни №№ купят. Не чуждайтесь. Помогите. В пр<ошлом> году **не** дали. Больно это. **Кому** же тогда — давать?! Ведете, зовете, учите... — не обходите, дело вопиет, инвалиды страждут. Очень просим, мне поручено добыть. Обнимаю Вас, милые мои, Господь с Вами. Хотел написать, как Оля принимала ласку ко мне... этого и сказать нельзя. Всегда скромная, ни словечка обо мне, за меня, никогда не погордилась моим успехом, на людях-то, ни-когда... укорял ее... смотри, как дел<ают> другие жены... Как она мне хорошо и с

достоинством отвечала! О, смертел<ьная> скорбь без нее. Господи, помоги. Теплю лампадки, облегчает свет мою тьму — живое теплится. И я в этом. Обнимаю. Спасибо за книгу. Прага требует, не хоч<ется> ехать.

Ваш Ив. Шмелев.

300

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<19.IV.1937>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за чудесное письмо! Читал его много раз. «Чудо» (так называемое) я приемлю с легкостью и простотою. И не потому, что отметаю его чудесность, а потому, что испытываю его чудесность как духовную *естественность*. Это так же, как помогающая, спасающая молитва. Это так же, как реальность Бога и иных из Его «способа быть» излучающихся сил. Может быть, икона *где-нибудь* и не обновилась. Но, что она *может* сама обновиться, в этом мое созерцание ни малейшего преткновения не испытывает. Мне потому было так грустно, что Вы тоскуете и сомневаетесь в бытии Ольги Александровны и в возможности общения с нею. Только видеть ее телесным глазом нельзя и *не надо хотеть этого*. А способы общения с Вами *она сама найдет*. И не надо томиться так; это ее *мучает*.

Посылаю Вашим и моим Инвалидам легенду о Праведном Народе[26]. Простите, что не пишу больше. Не могу.

Когда прочтете Основы Художества — напишите. Я вышлю Вам следующую книжку мою: или «Пушкина», или Путь Духовного Обновления. Корректуру «Пушкина» жду со дня на день.

Когда тронетесь из Парижа — дайте знать, куда посылать-то?

Наталия Николаевна шлет приветы, а я обнимаю Вас.

1937.IV.19 Ваш И.

<Приложение:>

Ваше Превосходительство!

Разрешите мне вручить Вам для Инвалида прилагаемое произведение моего пера. Мне писал об этом Иван

Сергеевич Шмелев, и я с радостью отзываюсь на его просьбу. Очень надеюсь, что эта «идеологически-стратегическая» легенда послужит и нашим героям Инвалидам и нашему, увы, все еще страдающему главному Инвалиду — Родине.

Крепко жму Вашу руку. Господь да поможет нам всем.

Ваш И. А. Ильин

1937.IV.19.
Berlin-Wilmersdorf
Sodener Str. 36.

301

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.IV.1937>*

<Открытка>

1937 IV 23

Дорогой Иван Сергеевич! Христос Воскресе!

Шлю Вам привет и обнимаю. 14 апр<еля> послал Вам письмо со вложением для инвалидов. Надеюсь, дошло. Когда Вы снимаетесь с места? Если не скоро еще, то пошлю Вам еще одну книгу. Отзовитесь открыточкой.

Ваш ИАИ.

Пишу главу о Шмелеве, Господи, благослови! Книга — осенью!

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
2. Bd. de la République
Boulogne (Seine)
France. Frankreich.

302

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<30.IV.1937>*

30. IV. 37 Вел<икий> Пяток

Христос Воскресе! — милые Наталия Николаевна и Иван Александрович,

Примите мой дарок посильный — «Свет Вечный». Там опеч<атка>: конечно, — «безответность», а не «безответственность».

Мне грустно. Спешу на Подворье. Погребение Христа. Буду и у Заутрени там, а утром — в St. Genevieve, у Олечки. Целую.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> «Осн<овы> худ<ожества>» — блеск и свет. Читаю урывками, весь в заботах.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

303

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<2.V.1937>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за чудесный рассказ «Свет Вечный» в пасхальном номере Возрождения и в особенности за посвящение[27]. Рассказ ставит и ведет весь номер; все остальное приходится ему по щиколотку. Я читал его вслух. У обоих были слезы на глазах. И какие слова, какие молнии! А то — как клинья!

Одновременно посылаю Вам вторую книгу мою: «Путь духовного Обновления». Там м<ожет> б<ыть> Вы найдете кое-что из того, что Вы от меня требовали в течение последнего года.

Очень усердно прошу Вас: переговорите с Семеновым и устройте рецензии на книги в Возрождении. Я предвижу, что на «Основы художества» начнет бумагомарать Худосеич и насвистоплюет и нафардыкадычит такого, что хватит на двенадцать тыщ отходников (по бочке привезли...). Или поручит Пудельштамму[28]... Ой, вай!

У меня в этой книге много чего вложено, в порядке служения; ис-следователь-ского. А популярная форма — такое уж время. Да и популярность сгущается к 8 и 9 главе... Пути эти мои, ей-Богу, не банальные. И за этой книгой уже пишется новая: «Шмелев. Бунин. Ремизов. Мережковский». А кому поручить — не знаю?!...

Эта книга послана издательством в Возрождение (для отзыва). В газете о ней не упоминалось.

Кому поручить написать о второй книге — тоже не знаю. Может быть Тхоржевский[29] возьмется? *Категорически отвожу* от обеих книг брандохлыста, пупоеда и ломохрапа Сазановича, чтоб ему галушкой с поганками подавиться!

Дорогой мой! Дружески прошу, поколдуйте! Придумайте и *полномочно* поговорите с Семенчуком[30].

Если бы Шмелев обещал мне *нелично* написать об «Основах художества» — то я бы успокоился. И главное — сам бы остался неподкупен. Но это «покажется»:

Ильин Шмелеву — трикирием,
Шмелев Ильину — дикирием[31] —
выйдет какой-то карловацкий синод:
все сами себя пожаловали
в блаженные и приснопамятные...

Ну, словом: поручаю сие дело Вам для умозрения и зреломыслия.

Надеюсь, что инвалидная вещь моя дошла до Вас своевременно.

А третьего дня послал Вам пасхальную открытку.

Обнимаю Вас.

Ваш душевно и перострочительно
Иоанн (имя ему).

1937. мая 2. Пасха

Издательство послало и в Иллюстрированную Россию экземпляр «Основ художества». И что там будет? Ой же!

304

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.V.1937>*

5. V. 37.

Милый друг, дорогой Иван Александрович,

Я сейчас же написал в «Возр<ождение>», что прошу предоставить мне возможность написать об «Основах художества»[32]. Меня нимало не смущает, что Вы писали обо мне, *не лично* буду я писать о том, чему сам служил и еще пытаюсь делать. Я сейчас наотлете, хотя ни денег на бил<ет>, ни визы еще нет, 5-ое мая, а ехать надо сам<ое> позднее 11-го, т<ак> к<ак> «День Культ<у-

ры>», где говорю (и о-дин!) 13-го, а 14-го читаю свое. Писать о книге буду уже в обители пр<е>п. Иова, и если все будет благополучно, надеюсь послать статью в 20-х числ<ах> мая. *Мою* статью читатели (да и пис<а-тели->критики) прочтут с бóльшим вниманием, что и важно. А уж **как** напишу (навыка-то нет) — не ведаю. Но напишу б<ольшую> статью, выскажусь об искусстве, что Бог на душу положит.

Очень плохо сплю эти дни, у-стал, очень устал. Сколько я работал!.. Все на мне, все сам, до — полов. Вот сейчас надо что-то купить, что-то сготовить... — нет минуты во дне — одуматься. К своей работе пригрузил все то огромное, что несла всю свою жизнь Оля моя. Теперь — **знаю**, что несла она. Пока — вываживаю, тащу. И **как** я мог еще писать! «Свет вечный» — провел через 3—4 правки, — и ка-ких! И в посл<еднюю> минуту (осенило!) — написал — **Вам**! Это вышло **внезапно**, по **шепоту** в сердце мое.

Разве я не известил? Легенда Ваша оч<ень> хороша, читателям — удовольствие, для газеты — расцветка. Спасибо. Я уже говорил с генералами, чтобы напечатали повидней. Дал и я кое-что — «Война» — переработку одного рассказа 16-го года «На большой дороге». Дал и А. Карташев. — На Пасху (1-ый д<ень>) был с 9 ч. у<тра> в St. Genev<ieve>, после заутрени и обедни на Серг<иевом> Подв<орье> — не спал ночь, — и прошел Праздник — в тихом-грустном мерцании, **первый** Св. День без Нее. Но... меня ласкают *читатели*: розы принесены, по заказу из Риги, творожья Пасха, — тоже от читат<елей>! (в Париже) — и «гнездо» краш<еных> яиц и куличик — от читателя и друга. Я за 3 дня до Св. Д<ня> сказал в сердце: ни-чего не буду сам делать. 41 год Оля моя ласкала меня святой заботой. А теперь — как надо — так и будет. И шепот во мне — бу-дет! И — было, есть, и все — экстренно, нежданно. Розы у Нее, у ее портретов, под лампадкой. А на могилку, — вся она в бел<ых> цветах, — я принес пунцовых — неск<олько> тюльпанов.

Целую Вас обоих. Христос Воскресе!

Ваш сердцем Ив. Шмелев.

305

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<20.V.1937>*[33]

7/20. V. 1937., 9 ч. веч<ера> *Обитель пр<е>п. Иова.*

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

17 мая, в 7 ч. веч<ера> въехал в Подкарпатскую глушь, в Обитель великих трудников «во-Имя», — и въехал **так**, как никогда и никуда еще не выезжал: после **победы** в Праге — и победы громкой, — въехал верхом на... дрогах, на которых возят бревна, доски и — вот — русского писателя. Но о сем — ниже.

Отчет мудрецу Иоанну от трудника Ивана, нашедшего недельное пристанище у «нищих духом», зацепившихся за Русь Подкарпатскую. Чудеса! Где это я? Говорят здесь будто и по-русски, да не совсем. Бабы — как бабы, только вроде балетчиц, голоногие в сотне юбок, а платочки на головах — «хохолком». И русская кукушка, и обитель с колоколами, и монахи... правда — «стиль модерн», здорово хватившие войны и проч. И — ласточки в верезге[34] округ колокольни, и лампады... и приносит мне в келью (ке-ль*и*[35]) трапезу о. Григорий, 30-л<етний> юноша, **вечный** облик русского инока, но... «искатель», о. Савва — тоже... смиренный инок, о. Иов — офицер лейб-гвардии Его И<мператорского> В<еличества> — а поглядишь — 100%-й инок глухих обителей российских. Сон какой-то... Недавно вернулся я из храма, где братия после трапезы (6 ч. в<ечера>) — пела «Пасху» — стихиры заутрени, а потом все, с настоят<елем> о. Серафимом[36] — пошли поливать сады-огороды (засуха!), только что кончили. Ну, путаются мысли... ибо чудеса. 3-й день отдыхаю я здесь после пражского «испытания».

Приступаю:

13-го выступал, **поднял** «День Рус<ской> Культ<уры>». В 7 ч. был в Соборе молебен (всем Св<ятым> в земле Рос<сийской> просияв<шим>) — в ознаменование «Рус<ской> культ<уры>». Служили: еписк<оп> Сергий[37], игум<ен> Исаакий[38] и арх. о. Михаил, сын Вас. Мих. Васнецова[39], б<ывший> астроном (!) и аз грешный слушал за молебном, перед своим «Словом о

Пушкине» — проповедь о. Исаакия, где — впервые для меня, с амвона — услыхал я о пис<ателе> Шмелеве, который будто бы явл<яется> истинным преемником наших великих творцов родной культуры. Да, получил, м<ожно> ск<азать> в кредит — и здо-рово получил, «при свидетелях». Из Собора — в зал, огромный, где 900 человек приняли меня в... громы рукопл<есканий>. И тоже — в кредит? Представила — как «всеми любимого»... расписала! — и — тоже в кред<ит> — громы.

И я говорил 1 ч. 5—10 мин. (В «Посл<едних> Нов<остях>» сегодня — 1 1/2 ч<аса>!) Не знаю. Словом — я к концу «Слова» — был **готов**, — выжимай. И — **победил**. Очев<идно> — **попал** в точку. После моего «слова» — 10—15 сек. — гроб<овая> тишина. Складываю листочки, уже ничего не разумея, но — **зная** *все*. И вдруг — гром! да такой, что... Молчание. Вдруг — без единого возгласа, в шуме-громе, поднялись задние ряды, и весь зал выпрямился в громе. Говорят — встали старые эс-эры — все встали, до Владыки. Мейснеры[40] и К° проглотили жабу, но... встали и — приятно улыбались. Ну — и т. д. А говорил я об «истоке» культуры и, каж<ется>, раскрыл, что Пушкин — из того же **истока**, — **наш**, и нельзя его сделать **вашим**. Были слезы, объятия, сумасш<едшие> письма, подношения. Одна девчурка-гимназ<истка> (16 л.) написала в бредовом п<ись>ме — «Зачем Вы посетили нас» — и т. д. Словом — национ<альный> фронт раздвинулся и поглотил «врагов». Какой-то профессор старый, пронзив меня взглядом, изрек: «*это* — **выше** (!! — ?) Слова Дост<оевско>го!» Были и другие глупости. А я счастлив одним: **наша** взяла, и — **живет наше**! Все «врази» расточились[41], притихли, сникли... ибо я говорил и утверждал... Пушкиным! Против сего — что скажешь. И Петра обвинил — П<ушкины>м! И показал-ткнул в рыла — завещание — Завет... Пушкина. И получил — кроме ***всего*** невещественного, и вещественное: от группы нежных дам и проч. — дорогой несессер и дорож<ный> бювар — с кот<орыми> не знаю что делать. И — такие взгляды, полные **обожания**, что... поспешил в обитель.

14-го — читал свое. Положил на все лопатки — всех. Это признали и «врази». И плакали, и грохотали. Читал 2 часа с перер<ывом>. Из Богом<олья> — «кунай их... ку-най!» Из «Няни» — «про Катичку» — много глав (Москва и как отделала К<атичка> англичанов, с заключением о «золот<ых> словах» — котор<ые> про-пишут, барыня!!!). Затем — из «Лета Госп<одня>» — «Постный рынок» и 4-ое «Верба» (Вес<енний> ветер). Д.[42] был в ударе. Дал — Россию. И — 15-го не мог отказаться — читал для рус<ских> гимн<азистов>, педагогов и публики.

Всего меня за 3 веч<ера> слышало — 1800 душ. Многие не нашли места.

Боялся этой «смутной пражск<ой> эмигр<ации>» — а вот... — сталоть[43], не даром писалось-**отдавалось**... — **вернулось** жизнью.

Сегодня видел «Посл<едние> Нов<ости>». Д<олжны> б<ыли> признать (больш<инство> корресп<ондентов> из Пр<аги>), что — «значит<ельный> успех» — и что «не мог не иметь успеха». Главного не сказал корресп<ондент> (Мейснер): что подкреплено Пушкиным. «Левые» смущены, *как* Ш<мелев> мог **так** разделаться с Петром, кот<орый> не «окно» прорубил, а разворотил стену родного дома.

Россию-то он «вздернул на дыбы», но... оказалась Р<оссия> в далек<ом> итоге — «поднятой на дыбу». И — о той страшной цене, которую Р<оссия> заплатила и все еще платит за... Пушкина.

Я не хвалюсь, пишучи все это, а — итожу. Себя в своих же глазах утешаю.

16-го выехал на Подк<арпатскую> Русь. А 17-го, за неимением норм<ального> средства передвижения, въехал в Обитель на случ<айно> подвернувшемся мужичке... на двух досках (верхом), положенных на две пары колес, причем длина дрог арш<инов> 5—7. — И — 6 верст! с чемоданами, по тихой **русской** дороге, *под соловья*! Иноки, как грачи, сидели перед отходом ко сну на длинной-дл<инной> скамье перед собором, когда некий парижанин-писатель въехал верхом, болтая ногами и задевая землю ими, как жид у Гоголя. Кстати:

здесь такие махров<ые> жиды (*еврей* — это здесь оскорбление!) в таких чулках, шляпах, лапсердаках и пейсах, что **вижу** «Тар<аса> Бульбу». — Я изнемог. Хочу писать об «Осн<овах> Худож<ества>». Но «Возр<ождение>» что-то несуразное ответило мне. Прилагаю п<ись>мо, кот<орое> прошу вернуть при случае. Напишите же С<емено>ву. А я буду писать ст<атью>. Неужели повторится 29-ый, май, когда я из-за ненапечатания статейки моей о книжке Попова (Офицеры) — ушел на 5 лет. Что они — с ума сошли?! С **кем** они *так* поступают. Хотят, чтобы я плюнул на все — и стал писать в «Посл<едних> Нов<остях>»?! К **этому** меня гонят? «Посл<едние> Нов<ости>» вон дали б<ольшой> фельет<он> о «Путях Неб<есных>» — приличный, **признающий**, хоть и не вразумит<ельный> *Г*Адамовича.

Напишите мне сюда. Я м<ожет> б<ыть> останусь до 3—5 июня.

Целую Вас и ручку Наталии Николаевны. Я **написал** Г. Е. Климову к Пасхе б<ольшое> письмо. Ни ответа, ни привета. Это уже — откровенное небрежение. Не понимаю **ничего**. Это — после **всего**-то! Что это значит??!

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Сейчас я написал Дол<инско>му решительно и требую ответа. Решаю окончательно, если «Возр<ождение>» не напечат<ает> моей ст<атьи> о Вашей книге и на *моих* условиях, — я вступлю в «Посл<едние> Нов<ости>» — и в них я **отвечу** «Возр<ождению>» — и объясню читателям, почему так вышло. И. Ш.

306

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<31.V.1937>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Простите, что молчу долго. Вымотан, удручен, озабочен!! Несмотря на все — пишу главу для книги: о Шмелеве (во как вырабатываю!) — листов на 4 1/2—5. И только что написал «рецензию» о «Няне» для Bereiner Tageblatt. Посему не думайте, что «забыл».

Радовался Вашему завоеванию в Праге. Очень хорошо! Распознали, черти, учуяли! То-то!

Книги мои идут потихоньку. Видели ли Вы клеветон Тхоржевского в Вырождении[44] о якобы «воине» якобы «Божием». Болван — книге повредил. Сам он скучен и ненужен.

Сколь прекрасен Ваш «Свет Вечный», помещенный в Вырождении! Спасибо за посвящение. Какие слова там, какая собранность! *Очень* хорошо.

До Климова я доберусь и все проверю. Пожалуйста, пришлите мне *точную справку: когда* и *сколько* Вы от него получили. Он в великом удручении и растерянности. Его надо щадить. И, пожалуйста, не слушайте тех штучек, которые Вам шепчет в письмах мать Милочки[45], зовомая мною Гадочка! Это клеветница и подколодная змея. М<ожет> б<ыть> — и душевно больная.

Если вовремя придет виза, то 8 июня говорю в Женеве на «дне» культуры. К июлю думаем уехать куда-нибудь. Пишите!

Мечтаю прочесть Ваше об Осн<овах> Худ<ожества>. — Но сто́ит ли рвать из-за этого с Вырождением — не знаю. Семь раз примерьте!

Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

1937.V.31.

307

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.VI.1937>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Где Вы? Отдохнули ли Вы после пражского триумфа? Какие у Вас намерения, какие планы?

Подходит годовой день кончины Ольги Александровны, и я каждый день думаю о Вас. Господь да утешит и укрепит Вас! Мысленно езжу вместе с Вами на ее могилу, сажаю и поливаю цветы... И, Боже мой, как мало мы можем помочь друг другу! Как скуден и беспомощен я перед *таким* горем, *такого* друга...

Пишу главу о Шмелеве для книги. Параллельно вышла написанная мною «рецензия» на Няню. В

Берлинер Тагеблат. Посылаю ее Вам. Пусть кто-нибудь переведет Вам точно. Там взвешено каждое слово. Перевод Кандрейи плох, но не гибелен для книги. Я отозвался сдержанно.

Дорогой! Почему инвалиды не прислали мне газету с моей сказкой?! Смотрел из чужих рук в Женеве, а у меня нет ничего. Моя Пушкинская речь все еще не вышла. Будет ли печататься Ваша? Где? Когда? Очень хочу прочесть.

Душевно Вас обнимаю. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет.

Ваш ИАИ.

1937.VI.14.

До конца месяца здесь.

308

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<25.VI.1937>*

25. VI. 1937. Булонь на Сене.

Дорогой друг Иван Александрович,

Вернулся, 12-го июня, истомленный и... довольный. Много видел, много сил положил, узнал тысячи читателей-друзей, ласки и восторгов много получил. Выступал трижды (после трех вечеров в Праге) в Ужгороде, по случаю «Дня рус<ской> культ<уры>». Говорил, читал, вещал в радио, изрекал в усилитель с балкона, перед тысячами народа. Читал в Мукачеве. Читал и в обители пр<е>п. Иова, и говорил. Речей моих, ответных и «учительных» — не счесть. И всюду — клики, единодушие, бодрые лица, любящие глаза. Не ожидал. Ездил в даль Карп<атской> Руси, к Румынии, «на Липшу», в женскую обитель. На автомобилях проехал до тысячи килом<етров>. В обители преп. Иова мало «отдыхал», все — в работе, в разъездах, в беседах с иноками. Что за люди! какая родная природа! — Русью пахнет. И вспоминаю о сем влюбленно. Чудо Господне: как же я все вынес, не ослабел — тогда-то! — а носило меня как юношу, взлетал по лестницам, и говорил без устали. Ведь по 12 делегаций иногда выражали приветствия, и надо было «ответствовать». И всюду слышал:

«вы — **наш**, вы...» и т. д. Можно было бы возгордиться... Но не возгордился, слава Богу. А принял, как «послушание». До смешного было... Какой-то старик-профессор в Праге — не помню фам<илии>, но кто-то ви-дный, — с яростным напором заявил грозно мне: «Да-с... вы можете отмахиваться... но... ваши «Пути неб<есные>»... это вы-ше, вы... ше... Достоевского!» Господь с ним. Один публиц<ист> в Ужгороде ахнул в местной газетке: «мы — ! — можем сравнить эту «речь» Ш<меле>ва — и это знаменательно, через 57 лет! — **только** с такой же пламенной речью Д<остоевско>го... тот же огонь и то же ликование и единение слушателей». Провинция. Хотя меня потрясло единодушное признание тысячной аудитории в Праге, — **встал** — без единого возгласа понудительного — весь зал, даже эс-эры. Не хвалюсь, а лишь удостоверяю: да, меня это подняло, и м<ожет> б<ыть>, потому тогда не знал я устал<ости>. Теперь — расплачиваюсь развальцем. Но не сдаюсь. Странно: все находят, что я «окреп, помолодел, загорел, — хоть в дансинг!» Получил «признания в любви» от иных. Одна девчурка 16 л. засыпает письмами, на кот<орые> я не отвечаю.

Сейчас — читаю «Основы художества». **Там** не мог собрать мысли. Статья будет, с газетой уладилось, постараюсь дать в ближ<айший> №. Уж простите за промедление: если бы Вы видели, как меня «шпарили»! Леса под обителью очаровали, не мог не пропадать в них с проводником-монахом, — сколько же цветов, и... «любка душистая», фиалочка ночная-луговая, восковка моя... больше 20 лет не видал их! Упился... Месяц прожил в гощеваньи, не скупился на вагон-ли[46], и посему довез до Парижа лишь 600 фр. А всего «снял» — беднота, понятно, — 3400 корон чеш<ских> или около 2800 фр. Но дорога-то сто-ила, по 2 кл<ассу>, да и «подарки» надо было сделать, цветы и конфеты милым хозяйкам, меня кормившим и лелеявшим. Обители подарил свою новую книжку «Стар<ый> Валаам», и за очерки в их газете не взял: боль-но брать с подвижников... и — ка-ких еще!

Познал, что есть «от правды» что-то, **что**-то... во всей той ласке-признании, какой Вы меня, друг милый, одаряли. Вижу — *сказались* все же неведомые для людей многие годы труда моего, «самоусекновения», ограничений, ночных бдений... Это мне **сказали** прямо, — признанием. Только трудно и смутительно было слышать, когда тут же приплетали имя Б<уни>на и делали «сопоставления», почти публично. Этого не надо бы. Каждый из нас свое поет и своим поит. А что от нас «останется» — не современникам знать-судить.

Гора писем, и я погибаю. Не ответить — обидеть, ответить — погибать. А надо работать. Но тут — самое важное...

В дороге душа заматывалась, вернулся — опять неизбывная тоска. Помянули годовщину по святой моей Оле, все поднялось, и тут-то сказалось, что — не избывно **все**, что одинок я страшно, и жить так дальше — сил нет. Не могу удержать квартиру, как старался год этот... **все** — **сам**. Не хватит ни времени, ни сил. И *дорога* мне квартира, и трудна. Тянет меня в обитель, к обители. Там будет за мной уход. Там я — чувствую — могу писать более крупные работы, продолжать «Пути»... Здесь я лишь урывками мог писать «рассказы». Здесь я сам себе покупал провизию, сам стряпал, сам убирал квартиру, все сам... Этого никто не учтет, ско-лько я сил клал. Часто, возвращаясь домой, вспоминал, — а, ведь, я голодный, и ни-чего у меня нет, надо что-то купить, варить... — нет сил дальше так. Я изорвался. Иногда и стирал, наспех, забыв вовремя отдать прачке. И — 6000 фр. в год за кварт<иру> с налогом. В Ладомирове могу жить на эту сумму весь год, и будет уход. И я решаюсь порвать с Парижем. Там у меня будет весь день — **мой**. Да, многого там нет, ни электрич<ества>, ни удобств, ванны. Но есть ба-ня. И — воздух. И — **свет**. Но самое страшное — расставаться с могилкой... Ну, буду навещать раз-два в году. Кто меня знает хорошо, — Карташев — советует: да, лучше, поезжайте. Внутр<енний> голос говорит — да. Посоветуйте! Подумайте с Наталией Николаевной. Она — мудрая, чуткая. Мне хотят там помочь выстроить домик, братия

будет помогать мне в хоз<яйстве>, кормить режимно, наск<олько> возм<ожно>. Там я жил-кормился 17 дней, и ни разу не почувств<овал> ухудшения. Но там — четыре времени года! Там — зи-ма! весна!! Там я буду вставать в 6 ч., ложиться в 10. Есть доктор, рядом, русский. Есть, рядом, почта, телеграф, телефон. Девки и парни ходят с песнями по дороге. Встречные говорят: «слава Исусу Христу». Там — Русь. Здесь мне надо 1500 фр. в мес<яц>, там — 600—700. А печататься и оттуда могу. Но сохраню время на работу, а не на пустые разговоры с посетителями. И не надо ни метро, ни автоб<усов>. А захотел — поехал по Руси, летом, и главное — всегда над тобой небо, и всегда Храм открыт, и перед тобой — люди подвижники, «во-имя». Скажите! Все равно, от квартиры я на днях откажусь, надо вперед, за 3 мес<яца>, отказаться. И буду хлопотать о визе. Все равно — надо ломать жизнь, — перед недалеким концом **всего**. Тяжело, очень. Посоветуйте, милые. Хотя я и решил уже оставить квартиру. Пока, м<ожет> б<ыть>, если замедлится мой отъезд — а хотел бы уехать в полов<ине> сентября, до зимы, до дождей и холодов, — перебуду у Карташева. Скажу Вам прямо: я мог бы вынести и расход на квартиру, эти 6 т<ысяч> фр., но надо, чтобы мне готовили, убирали, а <я> отвык от услуг, надо привыкать, сообраз<но> со временем, да и такой расход — а это составит не меньше 400—500 фр. в месяц, мне уже не по средствам. Я должен буду рваться, стараться печатать стремительно, а это — разрушение для духа. Там же я всегда на свежем воздухе, слышу колокола, пение братии, вижу, как сменяются времена года. Шуба у меня есть. Да ведь когда-нибудь надо же будет ломать обиход... долго не вынесу такой запряжки. Лучше уж — говор<ит> Карт<ашев> — когда есть еще остаток сил. Жаль квартиры, все связано с Олечкой, моей светлой, все, до гвоздика... и один я, в пустоте, кварт<ира> для меня велика, три комнаты, кухня, ванна, коридор длинный... Ивик навещает дважды в неделю, только. Всегда я тут один. Посоветуйте, милые.

Благодарю сердечно за блестящую Вашу статью о «Няне» в «Берлинер Тагеблат». Мне перевел ее князь Волконский-сосед[47], не раз восклицавший — «как тонко! как это чудесно, оригинально и метко сказано!» Вы нашли **свои** слова. И эта «домашняя Сивилла» — великолепно! Нельзя лучше. Крепко признателен Вам, милый друг. Писали мне, что была еще *очень хорошая* рецензия в «Альгемайне Цейт<унг>». Не знаю, знает ли Кандрейя о Вашей статье, напишу ей.

Итак, до свидания, — в статье в «Возр<ождении>», — если осилю. Эти два-три дня отдам всецело на это. И то как запоздал. Уж простите: весь был в расходе.

О Г. Е. Климове. Ничего не понимаю. На мои письма ответа нет! Я написал ему к Пасхе, приветствовал его, спрашивал о моей книге, материал был еще в ноябре послан. Ответа **не** получил! Что случилось?! София Тер<ентьевна> мне писала из Варшавы, на Страстной. Только. От матушки его получил и к Пасхе, и на днях. А от него — ни слова. Всего с ноября я получил от него переводом через «Сег<одня>» четыре раза по сто лат, т. е. всего 412, 412, 412 и 417 фр. За ним, моих ден<ег> остается 433 лата 85 эст<онских> кр<он>, около 2300 фр. Я очень теперь нужд<аюсь> в деньгах. Но не это важно: **что** сталось, почему такая перемена ко мне?! Не объясню. Молчание становится уже обидным, горьким. После такого чуткого внимания — и так! Заглохла моя книга. Пусть уж все пропадает, только бы мне матерьял не замотали. Земмеринг зовет в Ригу. Она ни при чем тут, я ей ни словечка не говор<ил> о Климове, только написал — что не отвечает почему-то на письма, болеет?

Речь о Пушкине погожу печатать: м<ожет> б<ыть> позовут в Белград. Странно, что не был в Белграде, — не зовут. А сам не хочу себя навязывать. А сказал бы им о Пушкине! И — верю — **приняли** бы. Читают меня теперь очень много. Все больше — **узнают**. Как много Вы, Вы сделали для приятия моего писания.

Целую Вас обоих, друзья мои. Как прошло в Женеве? Напишите. Почему-то в Возр<ождении> не было. Ослы! До сего дня идут приветы из Чехии, Карп<ат-

ской> Руси. Много было и в «Сегодня». Даже «Посл<ед-ние> Нов<ости>» в корресп<онденциях> (дважды) д<олжны> б<ыли> признать «значит<ельный> успех». Еще бы.

Я счастл<ив> не только за себя — а главное — за **родное**.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Сегодня в Ил<люстрированной> Рос<сии> статья об «Основ<ах> худ<ожества>» М. К. — М. Карамз<иной>? № Илл<юстрированной> Рос<сии> 26-й, 26 июня 1937. Прилагаю.

309

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.VIII.1937>***

<Открытка>

4. VIII. 1937.

Дорогой Иван Александрович, сердце кракнуло-таки: слег я. Вот-вот, — в минувший четверг, — готовился **отойти**... уже тонул в волнах бесчувствия, — пока отсрочка. Все это — итог этих 14 страшных и непосильных месяцев. Последнее путешествие меня и выпило, и взвинтило. Теперь — срыв. Серд<ечная> слабость (расшир<ение> верхн<ей> части — желуд<оч-ка>) и полное нервное истощение. За этот ужасн<ый> год я переработал сердцем. А ско-лько **всего** протащено через него за эти годы! Есть — с чего свалиться. Все собирался писать о В<ашей> кн<иге>. Но «несознаваемое» изнеможение отводило. Наконец, я за-ста-вил себя, напис<ал> ст<атью> «Книга о **вечном**» (напечат<а-на> в Возр<ождении> от 23 июля). Уж не взыщите — что смог — сказал. И — свалился. Был все эти месяцы — один. Ныне — не было ни гроша, да вдр<уг> алтын! — дежурят 2 сестрицы милос<ердия> (дн<ем> и ночью) и навещает доктор. Велят еще лежать. Уже 8 дней лежу. Встану — слабость. Зовут в Милан на кон<ец> октября — Пушк<инский> день. М<ожет> б<ыть> удастся поехать. Умирать не страшно, а... томяще горько, когда *не* готов. А у меня еще не ***все*** закончено. Надо закон<чить> «Пути» и Л<ето>

Госп<одне> — и все. За Пушк<ина> — спасибо[48]. Прекрасно. Вот, теперь снова читаю. Ведь лежу *все 24 часа*. Целую обоих Вас. Вы так и не ответили на мое письмо-запрос. Ну, я уже решил **все**.

Ваш Ив. Шмелев.

310

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<27.VIII.1937>*[49]

Только что получил Вашу открыточку по почте, от которой я был в Эстонии долго оторван. Очень огорчен и встревожен Вашим сердечным припадком. Вам надо беречь себя! Отлежаться и не перенапрягаться! Гоните вон миланцев — эти использовыватели поистине малого стоят. Колония там маленькая, говорить не к кому, а поберечь Шмелева — им в голову не придет.

Очень досадно, что моя ответная открытка на июньский запрос Ваш не дошла к Вам. Я советовал Вам поступить по влечению сердца. Думаю, что не следует жить отшельником в обременительной квартире. Думаю, что если монастырь Вам удобен, то надо там взять и свить себе гнездо! И «дописывать» свое по вдохновению. Как жаль, что Вы не пишете, *как* именно Вы «решили все». Все это тревожит нас.

Мы с июля в Эстонии. Сейчас в Изборске, числа 8-го сент<ября> тронемся в обратный путь — пароходом. Пишите на Берлин: сюда перешлют. Или на: Estonia. Vana Irboska. Prof. Iljin.

Душевно Вас обнимаю и жду весточку.

27.VIII.1937. Ваш ИАИ.

Пришлите Ваш адрес!

311

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<17.IX.1937>*

17. IX. 1937. Вилла Ля Маравиглия, Шеман дэ Горбио, Ментон, альп. Маритим.

Дорогой Иван Александрович,

Занесло меня на этот обезьяний «подбородок» — «ментон», Ментона! — и все мне здесь отвратно, и

дивлюсь, с чего это Тютчев когда-то жалобно восклицал, как о потерянном рае — «О, это море!.. эта Ницца!... Как это все меня тревожит... Жизнь, как подстреленная птица, Подняться хочет и не может...»[50] Да, вся эта Ривьера — обезьяна, в сравн<ении> с Крымом. Проездом в ночных огнях видел капища: Ниццу, Монте-Карло... Не ведаю, как сюда попал. И — за-чем?! Приехали с Ивиком — 12-го, и вот третий день льет дождь, марево, — го-рево. Гнусный предбанник какой-то, липкое тело, дыхать нечем, и даже плюнуть некуда. Если бы не последний грош, — пошел бы в рулетку, рядом, и ссссорвал бы ее, чтобы меня потом на руках, бережно, перенесли в трэн-блэ[51] и доставили бы на недельку в Рим, Флоренцию... там бы я взглянул на «вековое» и... — домой. Но перехожу к действительности.

После изнурительного пути по Чехосл<овакии>, Карп<атской> Руси и проч., где мне пришлось 12 раз всячески выступать, вплоть до микро, громкоговорит<елей> и речи к народу с балкона — ! — в Ужгороде, я прибыл в Булонь свою, затомленный. С месяц я не мог строки написать, — претило, переутомлен б<ыл> **весь**. Но заставил себя, через силу написал об «Осн<овах> Худож<ества>», напечатано в «Возр<ождении>» от 23 июля. И — точка. Вы или не читали, или Вам не понравилось мое слово. Вы не упомянули в письмеце В<ашем>. Простите, я уже был без сил. Начались стеснения в груди, и 29 июля утром — припадок. Хорошо, что Ивика предупредил накануне. Мне вливали камфару 12 раз... кровян<ое> давл<ение> упало до — 7. М<ожет> б<ыть> меня и... отравили? Дня за три перед тем меня посетил один «советский», против воли моей прорвался ко мне — какой-то дальний свойственник сестры, назначенный на выставку, инженер. Привез мне письмо от сестры из М<осквы>. Кто его знает? Простых б<ольшеви>ки не посыл<ают> на выставку. М<ожет> б<ыть> и влил чего во ч<то>-ниб<удь>, когда я отлучился из кухни. Странно: сра-зу **такой** припадок. Ну, выходили меня, две сестры милос<ердия> дежурили 12 суток. Стоило это мне..! И

когда стал оправляться, пришло приглаш<ение> из Милана. Я безоглядно решил — да, еду. Тут случился мой переезд, бросил-таки квартиру и перебрался — перевезли меня, — к Карташевым. 31 авг. Я не мог поднять связку книг. Вторичный припадок слабости. Подумал: отдышусь на юге, а там — в Милан. И, взяв Ивика, на автокаре, с доктором Серовым, кот<орый> ехал к семье на юг, добрался до Ментоны — 12 сент<ября>. Теперь — три дня ливни — не знаю, куда мне... Боюсь ехать в Ит<алию>. Бррр... сырость, парит, мерзость. И — боюсь потерять посл<едние> силы. Все-таки силы прибыло, пью всякую дрянь, какую-то лошадиную лимфу... и — недоумеваю. Посл<едние> деньги уплывут... И вот, смотрите. У Г. Е. Климова остались мои так<им> страшным трудом заработанные деньги: 832. 96 в латах и 85 эст. крон. Он мне с октября пр<ошлого> г<ода> выслал всего 400 лат. Посл<едняя> получка была в нач<але> апреля. С тех пор он **не** отвеч<ает> на письма, где я даже не упоминаю об эт<их> деньг<ах>!!! Его жена пишет: д<олжно> б<ыть> потому избег<ает> отвечать, что не может послать Вам деньги, но, конечно, это урегулируется. Как Вам нравится?! Он был моим импресарио, я платил — деньги все были у него, ассигн<ованные> корпорациями-то — 600 лт. им за пансион, Клим<ов> ездил всюду **за** мой счет, я с одного вечера в Зале Черног<оловых> получил больше тысячи лат, да еще 200 с Союза Рус<ских> организац<ий>. Итого со студенч<ескими> — 1800 лат! Где же мой заработок? Выходит — я приезжал и всего себя отдал, чтобы... Климов мне не отвечал на п<ись>ма, чтобы **показывать** меня, как ученого слона, и заработал на мне?! Я предлагал студентам отдать их 600 лат. Они решит<ельно> отклонили. Правда, я им кое-что дал, выпили меня. Но я все же решил «уплатить» и дал им новую книгу издавать, чтобы они покрыли свою ассигновку. Послал в ноябре матер<иал> для «Чертова Балагана». И вот, от Кл<имова> не получ<ил> даже строчки, что матер<иал> получен. Долго спустя, мне написала девица студ<ентка> Берхгольц, что матер<иал> получен, они рады, но...

неизвестно когда изд<адут> книгу. Что — **это**?! Это — плата за **все**, что я **там** дал. Мне стыдно все сказать Климову. Но ведь эти оставшиеся — теперь на франки — не менее, — больше! — 3000 фр., — как бы мне пригодились, как я на них рассчитывал! Это ведь два мес<яца> жизни. А Вы говорите — не ездите в Милан! Но ведь я затратился на поездку на юг, а там мне хоть дорогу до Парижа по 2 кл<ассу> оплатят, да дадут стоимость дороги от Парижа до Милана по 2 кл<ассу>, да на содержание в Милане. Теперь этим не могу швыряться. До Милана отсюда недалеко. Скоро один останусь, Ивик едет в лицей, к 1 окт<ября>. Помогите мне как-ниб<удь> устроиться с Климов<ым>. Хоть бы мне по 100 лат высылали. Ведь у них одна мебель в квартире стоит больше всех моих возможностей на годы! Нехорошо, гадко вышло. Ведь это с нищего суму снять. Да, Клим<ов> запутался, пусть... но после всех слов его, уверений в любви... **как** же это... стыдно вышло! Дал мне расписку в Риге. Боялся я обменять на фунты и везти. Но лучше бы я взял у него и отдал в «Сегодня». Выслали бы они непременно. А тут, свой, русский, обожатель писателей и мыслителей, и — **так**! Даже на письма не отв<ечает>. Русский морск<ой> офицер... Мне стыдно. Осталось за ним 432 лт. 96 с. и 85 эст. крон. А я 4 мес<яца> не работаю, без сил. Мне и С<офии> Тер<ентьевне> совестно писать. После такой «всеобщ<ей> **любви**» в Риге — и **так**..! **Сняли** рубаху, и с **кого**!.. Ведь я через силу, чтобы выполнить слово, без души поехал. И... такое обращение!

Я очень устал и не помышляю сейчас писать. Вам пишу — через силу. Отдал продать часы свои золот<ые>, с цепью, память матери. Зачем мне часы? Некому оставлять. Если бы **они**, рижане, знали, в **каком** положении я! И без сил, и без денег. Ну, как-ниб<удь> доберусь куда-то... до С-т Женев<ьев>. **Место** оплачено уже, в одной могилке с Олей. Так и Ивику наказал. В Европ. европеише ревю — Берл<ин> — отзыв о «Няне». Бунин взорвется, там и о нем есть упоминание, и о его лауреатстве... — посл<едняя> книжка, только что

вышла. Мой швейц<арский> издат<ель> Хубер отпечатал рекламн<ые> плакаты для рассылки, и среди них — Ваш, Ваша статья, из Берл<инер> Тагебл<ат>. Внушительно получилось, ибо все отзывы, а их было больше 50 — хвалебные. Но... за 1000 экз. я получил еще два года тому. Выходит 2-е изд. «Няни»... мне дадут — «Возр<ождение>» — 600 фр., т. е. 50 мрк. М<ожет> б<ыть> напрягусь здесь и напишу для «Возр<ождения>» рассказ. За 450 фр. Здесь — плохо. Дали — у аристократ<ок> старушек — комнатку в одно окно, тесно с Ивиком, и плачу в день за двоих — 50 фр. А кормят... хор<ошего> кусочка мясца не вижу. Не умеют, что ли... Говор<ят>, здесь нельзя достать хор<ошего> мяса. Это в Ментоне-то, где масса англичан! Все бульонкой кормят, с жилами, вареной, а мне это вредно, бульонка-то. На кашках сижу, да на полусырых бобах. Поеду к старику Тейтелю в Ниццу, посоветуюсь. М<ожет> б<ыть> переееду туда. Где-ниб<удь> приткнусь, до Милана. Денег еще со мной есть, хватит дожить до получки от Сербов — (600 фр.) и из «Возр<ождения>». Но все оч<ень> горько. Скучаю без могилки. Не нахожу места. И страшно написать в Ригу тревожащимся друзьям (Земмеринг и др.). Не смею и намекнуть о Климове. Тогда его совсем «пронесут». Но как все обидно. Ведь все силы им отдал. Теперь вот **получаю**... Целую Вас, милые. Нат<алию> Ник<олаевну> — с прош<едшим> Анг<елом>. Целую руку.

Ваш Ив. Шмелев.

Ответьте.

312

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<24.XII.1937>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Потеряли мы друг друга из вида. Из вида, но не из духа и не из сердца. Сначала расчистим прошлое.

1. Ваш фельетон об Основах Художества тогда же дошел до меня и меня очень тронул. Я *немедленно* послал Вам несколько слов теплой благодарности, но по-видимому письмо это не дошло до Вас. А то, в

котором я не упомянул о статье, Вы очевидно получили. Еще раз спасибо Вам за память и за внимание!

2. Когда пришло ко мне Ваше письмо из Ниццы, Роман Мартынович[52] был тут. Я рассказал ему письмо Ваше. Мы затревожились, ибо знали, что Г. Е. Климов при смерти и неизвестно, оправится ли... Мы обсудили дело, решили, приняли меры, и я немедленно послал Антону Владимировичу[53] извещение, что, откуда, от кого и кому. Как могло случиться, что Вы еще два месяца оставались в неуверенности, я понять не могу и очень этим огорчаюсь!

3. В делах Ваших с Г<еоргием> Е<вгеньевичем> я разбираюсь совершенно недостаточно, но и судить ни о чем не берусь. Знаю только, что он послал гораздо больше брошюр, чем сколько Вы получили. Не берусь судить, заслужил ли он Ваш гнев, которым было полно Ваше письмо. Но если заслужил, то Вы его наказали жестоко, отдав его на съедение Раисе Зем<меринг>. Она, конечно, начала звонить по всему городу, подняла на ноги всех его недругов и причинила ему много горя и тревоги. Ведь дело не в том, что «недослал», а в том, что вообще *взялся* и *посылал*. Это грозило ему, еле держащемуся на ногах после операции, полной катастрофой. А она, женщина злая и мстительная, *ханжа* и *клеветница*, старалась вовсю... Таким образом вышло нечто вроде «страшной мести». И чем это все кончится, доселе неизвестно... —

Шлю Вам мой братский привет к Новому году и желаю Вам пуд здоровья, два пуда бодрости и самого легкого, певучего вдохновения. Не писал Вам давно только потому, что был завален спешной работой, разъезжал и чувствовал себя вконец переутомленным. Просто не выгребал. Не успевал отвечать даже на набатные запросы. Теперь полегче стало, и я надеюсь с начала января опять засесть за «Шмелева».

Глава вступительная готова, Бунин отработан, Шмелев только наполовину (это будет не менее 4 печ<атных> листов), а Ремизов и Мережковский — в черновике. К апрелю надеюсь сдать в печать, с тем, чтобы летом книга набиралась, а осенью вышла в свет.

Не знаю еще, как назвать ее... Надеюсь, она удовлетворит Вас.

37-й год был годом «большого печатания» для меня, но, кажется, таким же обещает быть и 38-й год. Роман Мартынович писал мне, что Вы не одобряете набор в «Основах Художества» за обилие опечаток. Признаться, я его не заметил — т. е. обилия. Есть кое-где промазки, да где же их нет...

Очень хочется знать, где и что у Вас теперь выйдет. Идет ли Чертов Балаган — когда и где? А еще? Намечено ли что-нибудь? Мне очень важно знать это — и для книги.

В июле—сент<ябре> мы были в Эстонии — очень много пересмотрели, перечувствовали и передумали. Много русского, старого, подлинного, выстраданного. Назад ехали морем (туда тоже). В Ригу не заезжали. Назад нас ужасно как укачало — двое суток бури. И вспомнить страшно.

Душевно Вас обнимаю и шлю Вам привет к Рождеству и Новому году.

1937.XII.24. Ваш И. А. Ильин.

1938

313

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<1.I.1938>***

1. 1. 1938 3, рю Манин, Пари, 19

Дорогой Иван Александрович,

А я так и решил, что забыт прочно, отпал от сердца. Не хотел и напрашиваться на глаза. Это бывает нередко в жизни. И я принял это и с болью, и — примиренно: укатан **всем**, пора смотреть поверх **всего**. С отшествием из сей жизни Оли моей — мне все стало тяжело, и многое уже неважно. Я уже готовился в конце июля к уходу, ко «встрече», может быть... — и это не слова. Только случайность, что Ив был при мне, и были приняты меры, — я пока живу. Так и сказали доктора. Сердце кончалось. А потом... этот ужасный переезд,

прощанье — в полубесчувствии — с гнездом **нашим**, полное его разорение, утрата многих вещей, куда-то втиснутых, где-то скрывшихся... комната, где я не могу повернуться, где у меня проход в четыре шага и шириной в шаг, между мебелью, где я соединил как-то быв<шую> спальню и кабинет! Я не приехал, а меня привезли... через 2 дня уехали К<арташе>вы, и я лежал один, в пыли и неприбранности, двигаясь слабой мушкой за молоком, что-то себе готовя. 11-го сент<ября> — увез меня доктор на юг, — ехал он к семье. Неудачное житие в Ментоне, два раза грипп, стеснение в сердце, предчувствие... не дождался визы в Ит<алию>, убежал в Париж, и через два дня... головокружения, продолж<авшиеся> три недели. Я считал себя — у порога. Скорей бы. И вот, с конца ноября стал оправляться. За декабрь — снова грипп. Полубольной, мог написать только воззвания о монастыре на Карп<атах>[1] и — «Филиповки»[2], прочтете в «Возр<ождении>» на Рожд<ество>. Решайте, сдал ли. Надо бы еще писать, и хочу, но сил мало, полдня уходит на это ужасное хозяйство, на поездки к доктору. А «Пути»-то? Сколько народу спрашивает, — когда же? Только что вышел «Старый Валаам», получите. «Чертов балаган» вырвал-таки из рижского трепанья. Так гадко со мной обошлись. Больше года мне не отвечали, когда печатают. Да еще глупая некая бывш<ая> студентка Беркгольц написала мне дикое п<ись>мо, что они считают — ! — эту книгу их собственностью! т. е. этот матерьял для книги! Я авторских прав никому не дарил и не подарю.

Я хотел по доброй воле дать им на издание, а получил «встречу»: трепали мою рукопись, над которой я проработал два месяца, чтобы приготовить для печати, в окт<ябре>—ноябре 36 г. Получил **отклик**. А Кл<имо>в мне не отвечал с января 37. Как потонул. Неправда, что я отдал его «на съедение» З<еммеринг>. Он сам себя отдал, своим отношением ко мне. Я с него денег не требовал, я просил сообщить о судьбе книги, и где она. Ни звука. Мне его жена С<офья> Т<ерентьевна> сама написала, что не отвеч<ает> он потому, что не может послать Вам. Я ей написал — пусть не стесн<яется>, а ответит о книге. Молчание. Я в п<ись>ме к З<емме-

ринг> обмолвился в раздраж<ении> — ведь я уже не я был, — надо же все знать! — что меня беспок<оит> судьба рукописи, мне не отвечают на ряд писем, и я объясняю это только тем, что Кл<имов> смущен, что не может уплатить мне оставшийся у него мой — мучительно заработанный в Риге гонорар, когда у меня взяли последние мои силы. Ведь у меня именно **взяли** эти силы, это сказалось после. Я больше 10 раз выступал и только **два** раза мне платили: остальное — я все — для молодежи. А они вон и рукопись замотали, и не отвечали, и... про деньги забыли. Нет, никакой «страшной мести» не было, я остался до конца терпеливцем, и только горькая обмолвка в письме. Я еще С<офье> Т<ерентьевне> писал — пусть Кл<имов> не смущается, что не может послать, пусть мне рукопись найдут, скажут, — о судьбе ее. И вот, — в литерат<уре> вопрос, в **моем**, я решителен. И я вырвал рукопись. Где буду издавать? Не знаю. Не до того, и пути узки. Вышло 2 изд<ание> «Няни». «Пути» подход<ят> к концу — продажа-то. «Ст<арый> Вал<аам>» — я подарил Обители. Издали превосходно. Вышел в перев<оде> А. Лют<ера> рассказ — Ваш — «Свет Вечный»[3]. Но, конечно, я ничего не получу, — ведь — в Б<ерлин> пожалуйте, скажут. Вышла книга М. Ашенбренн<ера>[4], о Ш<меле>ве, и ее не видел. Не послал мне автор, или послал — на старый адр<ес>, и она утратилась. Получил в дар от Союза Рус<ских> Учит<елей> из Риги — июл<ьскую> книгу «Русского Обозрения», 1895 г., с первым появив<ившимся> рассказом Ивана Шмелева «У мельницы». Круги завершаются: и «Ст<арый> Вал<аам>» (отзвук 42-летия) и эта первая печать — У мельн<ицы> — здравствуй-прощай! 29 дек<абря>[5] б<удет> забаст<овка>. И так я не могу работать в моих тяжк<их> услов<иях>, а тут... — б<ыть> предметом повторного «опыта»? И я написал в Прагу, Варш<авско>му, прося о визе для отбытия в монастырь на Карп<атскую> Русь. Там я, м<ожет> б<ыть>, смогу закончить, что хотелось бы — очерки для «Лета Госп<одня>» и «Пути Небесные». Все больше слышу о них. Даже и архипастыри «благословляют». Но книга, пока, не для них, думаю. Скорей — в соблазн может

ввести. «Даринькины искушения». Но... **что** я хотел бы показать... да-льше! Голова кружится, ско-лько **есть**! Ах, Россию бы развернул, монастыри, деревню, поместья, земство, Азию, **Оптину**.... И вот, нет времени. Пока сердце пришло в норму, говорит докт<ор>. Но когда только-только уйдешь в работу... видишь — уже 3 ч., а я не завтракал, и ни-чего не приготовлено! И вот, одевайся, иди покупать, готовь наскоро... — при моем-то желудке! — смотришь — 5 ч., устал. Поглотаешь — устал, устал. Приляжешь — ведь мне 65-й пошел с октября, — 8 ч., надо письма кой-какие, надо комнату подмести, — в тесноте-то! — какая работа... надо что-то попить, молока, что ль,.. — а доктор одно — надо питаться! Чудеса, что я как-то урвал часы для «Филиповок». Да еще провел их через **три** переписки. А что заработаю?! А Вы мне — «отдал на съедение»... ко-го? Неправда, не отдавал. Меня сожрали и гложут.

Благодарю Вас за указание Зиле написать Карташеву. Только вчера получил ответ на это писание. И это было очень кстати. — В книге Вашей мно-го опечаток, — я же ее четыре раза прочитал. А что слабо я написал о ней[6] — знаю, я писал за неск<олько> дней перед «отходом»... несостоявшимся пока, — через неделю я умирал, и говорил мысленно, не в силах пошевельнуть пальцем: вот и **все**. Кров<яное> давл<ение> упало до 6 с мал<ым>. Мне сделали в теч<ение> часа 3 впр<ыскивания> камфоры. Я через посл<еднюю> силу писал о В<ашей> книге, **что**-то повелевало, а чувствов<ал>, что нет уже сил, что я кончаюсь.

Не утруждайте себя, не пишите мне, я знаю, как Вам это трудно. **Знаю**, но не знаю — **почему**. Да будет Господня милость над Вами обоими, милые. Вы ни слова не написали о Наталии Николаевне. Мне очень тяжело думать, что я м<ожет> б<ыть> вызвал чем-ниб<удь> ее немилость. Пусть простит меня, всячески ослабевшего, — я в полусне, в полубытии. Скажу в посл<едний> раз — **нужна** история Рус<ской> Культуры! Только Вы можете дать.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> С наступающим Рожд<еством> Христ<овым>. С наступающим Днем Ангела.

С Нов<ым> Годом! Вряд ли я смогу написать Вам. Я, просто, — гибну в оброшенности, в неуюте жизни моей.

314

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<19.I.1938>***

<Открытка>

19. I. 38. Собор И. Предтечи (20)

Крещение Господне.

С днем Ангела-Хранителя, дорогой друг!

Здоровья и благополучия. С именинником, до́рогая Наталия Николаевна! Я вот здесь: дожил до за́мка, а «Няня» моя — до замка́[7]. Зато «Свет Вечный», — пишет редактор, — глубоко взволнов<ал> читателей. Я рад, что он — Ваш, ибо Вы — **за** В<ечный> **Свет**.

Бежал, ища покоя, тихого угла для посл<едних> писаний. *Там* я б<ыл> затерзан, не имел часа тихого, — *все самому* о себе. Если доживу до тепла — на Карпаты, в Обитель.

Каж<ется>, буду пис<ать> «Иностранца», а в Обит<ели> — «Пути». (Небо).

Обнимаю. Ив. Шмелев.

<Приписка:> Как я одинок! Ищу, ищу покоя.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

315

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.II.1938>***

4. II. 1938. Schloss Haldenstein bei Chur, Suisse[8].

Дорогой Иван Александрович, — дале-кий!

Душа неспокойна, все думаю, **слышится** мне **внутри**, — что-то надтреснуло в отношениях у Вас ко мне... Неужели это обман **слуха**? Если бы... И хочется сказать: «бей, но выслушай!» Не сочтите за «юродивого», как, будто бы, считают меня иные в Риге. И «безответственного в поступках». Расстроило меня п<ись>мо

оттуда, — от З<еммерин>г. (Я ей не ответил и м<ожет> б<ыть> и не отвечу!) Какая-то клевета плетется, тошно. И вот, лезет в душу, что Вам **все** так представлено, доплеснуло и к Вам. А я — во имя всего святого для меня! — говорю: измучен всей этой «плеткой». Вам исповедаюсь, ибо — Вы дороги для меня, как теперь никто на свете! Что со мной сделали, и — из-за **чего**! Неужели Вы не поверите мне?!

Мне тяжко писать все это: но неизмеримо тяжелей сознание, что Вы не ведаете **правды**, и у Вас могло засесть в душе — пусть мельчайшей занозой — ощущение, что Шмелев мог быть в чем-нибудь грешен в отношении людей, которые его так обласкали в Риге. Я же скажу, да, обласкали, но и «уложили в-лоск!» А теперь клевещут и поносят, — думается. И — выясняется. Я знаю недостатки З<еммерин>г, и ее истерическое благочестие, и тысячу недостатков. И все учитываю, вношу поправки. И не допускаю, что в ее последн<ем> п<ись>ме — все ложь. Выслушайте. Когда меня звал К<лимов> в Ригу, я поставил условием: могу приехать, если мне и О<льге> А<лександровне> — ныне покойной — оплатят проезд алэ-ретур[9] Пари-Рига по 2 кл<ассу>. Принято и тотчас «ассигновано» какими-то союзами студ<енто>в — 600 лт. Сделано. И никаких обязательств я не принимал: ни книг дарить, ни-чего! Только выступать — думал — ну, 2—3 раза, и публ<ичное> чтение — для себя. К<лимов> выдал мне, встретив, 150 л<а>т. — «на мелкие расходы». За билет я заплатил в Ригу около 800 фр. из своих. Жил в пансионе, где меня одолевали, «показывали». За пансион я платил, предоставив К<лимову> все удержать, из ассигнов<анных> и заработанных. Мне стыдно было сверять счеты, и я этого себе не позволил. Ни разу. Я выступал в «объедин<ении> рус<ских> орган<изаций>» — и за это К<лимо>ву поступило, по его слов<ам,> верю! — 200 л<а>т. Он как-то еще мне выдал — лат 100. Ездил я в Эстонию и там, и по Латвии — бесплатно, по каз<енным> бил<етам>. Все расходы на Кл<имова> просил К<лимова> записывать и вычитать. Все — чтобы не ввести его ни на грош в расход. Вечер

дал — не помню точно, — 1000 лат, или около того — чистого. Еще — 100 лат от изд<ательст>ва за «Чел<овека> из рест<орана>» — латыш<ское> изд<ание>. Итого — 1900 лт. (? — и не знаю точно). Жил я с 14 авг<уста> по 2 окт<ября> вкл<ючительно>. Когда мне К<лимов> — в день-утро моего отъезда принес какие-то расчеты «подписать», подсчитаться, я — не смотря, **веря**, — все подписал, не поинтер<есовавшись> даже, сколько и как<их> расходов. Мне было **стыдно**. Климов как-то обменивал что-то в валютах, для меня, выдал мне 5 англ. ф<унтов>, обмен<ял> у Зиле на эст<онские> кр<оны>, что ли, и в завершение выдал мне бумажку — что моих денег у него осталось 832 лт. и 85 эст<онских> кр<он>. Обещал высылать частями прибл<изительно> кажд<ый> месяц, через «Сегодня», — я просил редакцию. Ах, надо было мне взять эти деньги и отдать газете. И не было бы дрязг и лжи. Но К<лимов> мне даже и не предложил взять на руки эти деньги, *не показывал их*, все сделалось за четв<ерть> часа до моего отъезда. Правда, он тогда болел желудком. Мне был купл<ен> билет 2 кл<асса> Рига—Пар<иж> — но это было сдел<ано> до выдачи оконч<ательной> итоговой записки. К<лимов> не раз говорил: м<ожет> б<ыть> дадите нам, для Комитета Культуры (Академ<ического> Союза!), что ли, где он был кем-то, какую-ниб<удь> книгу, и Вы получите доход. Я сказал, тронутый приемом молодежи, что никакого дохода мне не надо, а я хочу хоть этим возместить ассигнование: я дам на издание одну кн<игу>. Надо сказать, что этой молодежи я себя **отдал**, столько сил отдал, что страшно вспомнить. Сколько меня таскали по собраниям (больше 10 выступлений, из них 8 — бесплатно!), как меня опустошали. И все это я проделывал в полусне, под камнем тяжкого горя. Я был — полутруп. Господь видит, моя светлая Оля видит — **все**. Верн<увшись> в Пар<иж>, я тут же стал готовить книгу «Черт<ов> балаг<ан>», чтобы выполнить обещ<ание>. Я 3 недели сидел над правкой Кам<енного> Века и проч. и в ноябре выслал К<лимо>ву. Больше мес<яца> я не получал ответа! Я поздравил его с Р<ождеством>

Хр<истовым> — и **не** получил ответа. Что **это**?!... Наконец, кратко, между строк, — при «ласков<ом> п<ись>ме», что книга передана куда-то. Не помню. Книга оказалась у какой-то девицы Беркгольц, оч<ень> шустрой и самоувер<енной>. Три раза, ноябрь, дек<абрь>, янв<арь> я получ<ил> от «Сегодня» по 100 лт. Писем от К<лимова> — каж<ется>, не было ни одного за месяцы по апрель. В апр<еле> — еще 100 лт., без моего напом<инания>. И — все. Пушк<инские> торж<ест>ва, я кипел, выступал, писал о П<ушкине>. Ездил в Чехию. Соф<ья> Тер<ентьевна> писала. В июле я умирал, да... это знают д<окто>ра. Спасло чудо. Отходили. Брос<ил> кварт<иру,> перебр<ался> к Карт<ашеву>. Уех<ал> в Ментону, чтобы ехать в Ит<алию>. Не мог, вернулся, заболел головокруж<ениями> — месяц лежал. За это вр<емя> узнал, что книга почему-то уж у Перова[10]. И шустр<ая> Беркг<ольц> развязно написала, что пока не могут издать, соберутся, обсудят — до осени отложат, т. е. 38 г. Я ей не ответил, а через З<еммерин>г потребовал вернуть книгу. Как бы Вы поступили на моем месте? На мое п<ись>мо С<офье> Т<ерентьев>не, мне писавшей, получил ее строки, м<ежду> проч<им>: «да, Вы правы, я думаю, что помимо болезни, Г<еоргий> Е<вгеньевич> Вам не писал потому, что его мучило, что он не мож<ет> Вам выслать денег» — т. е. я понял, что он их не имеет уже. Это благодаря Вашему заступничеству, что милый Зиле мне перевел на имя Карт<ашева> 145 лт. Я их мог получить только в конце декабря. Итого — 545 лт. Остается 287 плюс 85 эст<онских> кр<он>, свыше 400 лт. Приняв 60 лт. «комиссионных» за переводы и мелочь — я просил купить К<лимова> конф<ет> детям в школе лат на 10, и за пересылку мне книг, на К<лимове> висит долг. Свыше 300 лт. Между тем, я узнаю — из п<ись>ма З<еммеринг>, что на днях, на Татьян<инском> собр<ании> К<омите>та молодежи, когда поднялся вопрос, почему я взял книгу, от имени К<лимо>ва некто Микулин заявил — есть очевидцы! — что К<лимов> **все** уплатил Ш<меле>ву. А некто из студентов высказал, что потому Ш<мелев> взял книгу, что не получил от К<лимова> денег. Тьфу! Ложь,

гадость. И из-за чего?! Виляя, очищая себя, К<лимов>, *д<олжно> б<ыть>*, заявил Зиле, что он выдал мне 5 англ. ф. в счет этих 832 и проч. — расписки. *Ложь и ложь.* И я написал Зиле: Клим<ов> мне накануне отъезда выдал 5 ф., а в утро отъезда, 3 окт<ября>, за четв<ерть> ч<аса> до отъезда вручил мне расписку на 832 лт. и проч. *Видите, как облегчаются, отсчитываются!* Да я бы **все** ему подарил, скажи он мне — нет, не осудите. Я **ни разу** ему не упомянул о долге, ни С<офье> Т<ерентьев>не, ни **разу**! Он сам терзался и, *терзаясь, дошел до лжи.* И отсюда навет на мое «юродство», «безответственность». Узнав, что Перов выдал З<еммеринг> рукопись, и она уже у меня, шустрая Б<еркголь>ц мне написала, что ее удивляет и т. д., что это же «Ваш дар», «мы считали ее нашей собственностью».. — ? Ну, уж на это наглое заявление — я не отозвался. *Соб-ственность?!* Вон куда пошло! Они уже «авт<орские> права мои имеют»! Я им дарил «издание», я хотел прибавить ко всему, что отдал им, еще, книгу, не требуя за это ни-чего... они больше года протаскали книгу, — она *никакой радости, очев<идно>, не вызвала,* — и вот — «их собственность»! *Как разыграли-то!* И «долг уплачен», и *книгу я у них «украл»* — выходит так, ведь отобрал-то я их «собственность»! И я еще «юродивый» и «безответственный»! Я все на днях отписал Зиле, веря ему, и все объяснил и прос<ил> помочь мне избавиться от клевет и всего этого мусора грязного. А если К<лимов> не может — не надо мне, так и скажите. Кон-чено. «Съездил в Ригу»! До-ехали. Сегодня на п<ись>мо К<лимо>вой из Варш<авы> — написал — Господь со всем, пусть все будет забыто. Хочу покоя, мира. Пусть Г<еоргий> Е<вгеньевич> не мучается. Довольно. Да, еще... Зиле писал мне: *некто вез мне в Пар<иж> эквивал<ент> 200 лат! Не нашел меня в П<ариже> и... уехал в Палестину. Чудесно.* Мой адрес изв<естен> всем консьер<жам> — и на преж<ней> кв<артире>, и у Карт<ашева> — я был в Ментоне. Этот «некто» вместо того, чтобы увозить деньги в Пал<естину>, мог бы спокойно перевести мне по адр<есу>. **Никто** меня не спрашивал на кв<артире>, к<а>к мне сказали, и я начинаю думать, *что м<ожет> б<ыть>*

этот «некто» тоже из области вымыслов и лжей. Во вс<яком> случ<ае> я тут ни при чем, и эт<от> «некто» должен же когда-нибудь обернуться в «кого-то»?! и дать отчет К<лимову>. К<лимов>, понятно, моей расписки в получении этих 200 лт. от «некто» не имеет. Зачем же публично от его имени г. Микулин обманывает, заявляя, что К<лимов> все уплатил?! В каком же свете меня-то представили: и лгун, и книгу «украл» у бедной молодежи!? Если бы не моя крайняя усталость, и не эта грязь, *я потребовал бы суда чести.* Но с **кем** тягаться? И потом... **нельзя**, ибо идет речь о деньгах... а об этом нельзя говорить там. А при «суде чести» вся Рига зазвонила бы... и было бы иным горько.

Клянусь Вам, что я сказал Вам всю истину. Да, К<лимов> тяжело болел. Но он и в Эст<онию> мог ездить на песен<ный> праздн<ик>. А я не болел?! Я — умирал. Меня спасло только «предчувствие»: накануне я вызвал Ива ночевать, и он распоряд<ился> вызвать доктора, давал мне ром, кофе, бутылки... вызвали сестру милос<ердия>, докторов. Давл<ение> упало до 6 с чем-то... я холодел, и сердце останавливалось. Я тихо уходил и думал уже **внутри**: вот и **все**... и как просто **это**. Докт<ор> сказал: да, вы были близки... *М<ожет> б<ыть> я б<ыл> отравлен чем-то...(?)* За три дня меня посет<ил> **некто**, из Москвы... Но м<ожет> б<ыть> все это — **итог всего**. Не знаю. Д<окто>р говор<ит> — да, могло быть отравление, растит<ельным> — что ли, ядом... Я три дня слабел. А перед этим я был бодр, очень. Заним<ался> гимнаст<икой> ручной и обтирался по утрам. Чиста душа моя. Я ско-лько писал К<лимо>ву — и не получ<ал> ответа, с декабря 36. **Что** это?! Да потому, что **нечего** было отвечать. Ну, грех попутал, ну, проиграл, м<ожет> б<ыть>. Скажи прямо. Клянусь, я все забыл бы. А меня гнусно разыграли. *М<ожет> б<ыть> и Вам нечто «объясняли», и вот, м<ожет> б<ыть> запало Вам в душу.* Клевещи, клевещи... что-нибудь да останется! Верно. И вот ото всего этого, от полной расстроенности моей жизни, — я думал, что могу сам за собой ходить и все для себя делать, я считал недопустимым, святотатством что ли... ну, не мог, чтобы кто-то мог заменять хотя бы в домашн<их> делах

О<льгу> А<лександровну>! — и уходил себя... — ото всего этого и от тревожного полож<ения> в Пар<иже> я бежал... куда? На Карп<атах> зима и трудно в услов<иях> монастырск<их>. И пока, до тепл<ых> дней, я принял пригл<ашение> в Хальденштейн, конечно, отказавшись от «гостьбы». Я плачу за полн<ый> панс<ион>. Недорого, правда. Но здесь я нашел условия, кот<орые> давно не знаю. Я могу писать. Я уже написал «Ледяной дом»[11], и хочу пис<ать> «Иностранца» — роман? — не знаю. *А тут еще «Няня» под запретом.* «Свет Вечный» имеет успех, — пишут мне из журнала. Бо-льшой! Я рад. А. Ф. Лютер запросил меня о книге для изд<ательства> «Эссен-Ферлагсанстальт». М<ожет> б<ыть> возьмет перев<одить> «Богомолье».

Родные, милые, не лишайте меня дружбы Вашей, последнего мне света! У меня так мало друзей истинных! Спасибо Зеелеру: Господи, в самые страшные минуты он был возле, он — как няня, как самый родной, оберегал меня. Он благословил меня на отъезд, ободрял. И — докт. Серов, приезжавший каждый день через весь Париж, чтобы меня лечить. Я думал, что ужс кончен, в ноябре — три недели головокр<ужений> — растрата сил! — и при этом грипп, 3-<ий> раз, — два раза в Ментоне. Карташ<евы>, обещав «уход», уехали на 5 мес<яцев>. Я теперь — на чемоданах. Весь скарб Ивик перевез к доктору. Я взял только нужное для работы — душу свою, бельишка, остатки средств. Теперь я не знаю, куда меня вынесет. Комната моя здесь своб<одна> до полов<ины> марта, ее займут. Плачу 4 шв<ейцарских> фр. в день. Все имею. И 24 часа — мои. Увидал рус<скую> Зиму... и вот, «Лед<яной> дом». **Хочу** писать... М<ожет> б<ыть> это последние силы. Меня «вытолкнуло» из Пар<ижа,> так **нужно** было. М<ожет> б<ыть> Оля моя внушила и облегчила. Случилось легко, быстро, все ладилось, до мелочей.

Родные, не оставьте меня, приклоните душу к мольбе моей! Словечком ласковым поддержите! Страшусь, что — вдруг я оклеветан, представлен Вам в ложном освещении... ведь чего не сделает клевета, когда надо выпутаться самим! Верите мне — скажите прямо — да, верим. Не верите... — скажите — или даже не

говорите, — просто, забудьте Шмелева... и я понесу эту новую боль, как нес столько другого. Теперь — донесу... не долго. Но я верю, что Вы не можете не разобраться в правде. Что же, тогда **все**, что я писал, чем жил — все пустой разговор промышляющего писаки?! Я не святой, конечно, я во многом греховен — и особенно — *недоверием к людям, при излишней доверчивости!* — но тут я — **чист**, и смело говорю, — да, **чист**. Замучен, задерган. Мне трудно было без средств... я больше года не зарабатывал, и за мою «крестную поездку» — издевка такая! — да, брат, «съездил в Ригу? ви-дал?»... Да, съездил, ви-дал.

Послал Вам «Валаам». Примите же, как искренний, м<ожет> б<ыть> уже последний дар писателя-друга. Я сдел<ал> огромное усилие, чтобы все Вам написать. Дочего же мне это все — гадко, но я снова раскопал эту кучу гнилья, мучаясь, чтобы только попытаться снять с Вашей души ту сеть, ту муть, которыми могли, *м<ожет> б<ыть> пытались* — внушить Вам свою «правоту» и *нанести мне духовный удар*. Потерять Вас — рана незаживаемая была бы. Не дай, Господи! **Этого** нечем заполнить, как неизбывную утрату. Простите меня за эту му́ку.

Ваш Ив. Шмелев..

316

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<22.II.1938>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Ваши последние письма доставили мне большое огорчение. Оно тем чувствительнее, что я не могу ни успокоить Вас на расстоянии, ни утешить.

Умоляю Вас, не думайте, пожалуйста, ни о какой трещине в наших отношениях в связи с Ригой. Я решительно не считаюсь с известиями оттуда, да и поступает ко мне их очень мало. Это до такой степени все *не весит духовно* — как и в каком порядке намотался этот клубок недоразумений и взаимных досад. Меня огорчает в этом два пункта:

1) Что Вы так болезненно воспринимаете этот клубок —

2) Что я попытался послужить Вам этой Ригой и доставил Вам столько огорчений. —

Боюсь только, что это все будет и впредь продолжаться — до тех пор, пока Вы будете слушать то, что пишет злая Раиса[12]. Это *гадкая* женщина, вредная и фальшивая. И по-моему — галлюцинантка. Она на глазах у собеседника *свободно компонирует факты* — всегда пачкающие других и ссорящие людей. Она несет Вам и мне две вынутые просфоры — и обливает их потоком инсинуаций и клеветы. Она буквально разжигает подозрительностью, и если ей поверить — то в душе вспыхивает что-то вроде мании преследования. Так было со *мной*. Умоляю Вас, оттряситесь от этой льстивой злобницы!

Студентку Беркгольц я знаю. Помните в Бесах девицу, которая приехала возбуждать студентов повсеместно к протесту? Еще гимназист возненавидел ее до кровомщения... когда мы с Нат<алией> Ник<олаевной> увидали ее впервые — мы так и прозвали ее «кровомщение». В делах, и в издательских особенно, она «ни хряна» не понимает. «Право издать» и «право собственности» — смешивает от наивности. Она *уполномочена* была студ<енческими> организациями «вести это дело». Словом, тут вороха — но не зла, и не злобы, и не недобросовестности, а наивности, самомнения и путаницы. Вы дали им книгу издать. *А у них с самого начала на это не было ни гроша.* Признаться — самолюбие не позволяло. Значит, надо добывать монету; а она не добывалась. Отсюда затяжка. Вы запрашивали — а они «надеялись» и «не признавались». И целый год выдумывали разные комбинации, как выйти из этого без ущерба, без позора и обиды. И не выдумали. Одна *моя* вещь лежит у них уже 1 1/2 года.

В злобу и преступность — все это превращается только у Раисы и через ее злобу.

Что касается Г<еоргия> Е<вгеньевича> — то я здесь судить не берусь. Мне *неизвестно*, когда, как и через кого он посылал. Знаю только, что в сентябре, получивши Ваше тревожное письмо, я *немедленно* переговорил с Р<оманом> М<артыновичем> — мы нашли временный исход, осуществили его, и я *немедленно*

написал А<нтону> В<ладимирович>у, что́ это и для кого. Почему до Вас дошло это только через три или четыре месяца — я не знаю и не постигаю.

Я надеюсь, что Р<оман> М<артынович> скоро посетит Вас и Вы с ним обсудите все эти дела.

Но при чем же тут наши с Вами отношения — духовные, художественные, братские?! Грустно, что Рига доставила Вам после радостей — огорчения. Грустно, что я как-то боком причинен этому и повинен. Но вот и все. Если бы я мог, я давно покрыл бы недоплаченное Климовым. Не могу...

Пишу я, правда, редко. Не выходит. Ушел в замкнутость. У меня много неприятного в *не* личной жизни (с августа — и все ухудшается). Люди эксплуататоры и предатели. Преуспевают *одни* мерзавцы в этой жизни. Dones eris felix, multos numerabis amicos. Tempora si fuerint nubila — solus eris[13]. От этого у меня сделалась мизантропия и необщительность. С Авдеичем[14], напр<имер>, я не виделся более полугода. Судьба моя темна и трудна. Я вижу только Господа надо мною. Но когда делается очень погано — и я по малодушию ропщу — тогда я и Его теряю на короткое время. Я часто завидую умершим — свершили и ушли...

Посудите сами — позволительно ли писать Вам письма из таких настроений? Поэтому — не осуждайте и простите. Будет лучше — опять повеселю Вас игрою «шимпанз-ского». А пока обнимаю Вас и очень прошу — не забывайте меня «и такого».

1938. II. 22. Ваш И.

<Приписка:> В ближайшее время сажусь дописывать вторую половину главы о Шмелеве. Бунин закончен. Введение тоже. Ремизова и Мережковского напишу весной. М<ожет> б<ыть>, осенью выйдет.

Сейчас выпускаю книгу по-немецки «Ich schaue ins Leben. Ein Buch der Besinnung»[15]. Стр<аниц> 200. Скоро выйдет еще две брошюры листа по три. По-русски.

Краснов «пишет» *каждый день* не менее 10 часов. Кажется, сто девятнадцатый роман. Мели, Емеля.

<Приписка:> Ваш Ледяной Дом превосходен. И как всегда с предметным замыслом и разливным пением

трепетного чувства. Храни Вас Господь! Наталия Николаевна шлет дружеский привет.

317

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.IV.1938>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам в расчете на то, что мое письмо от 22. II дошло до Вас своевременно и погасило все Ваши огорчительные для меня предположения.

С тех пор я проработал напряженно полтора месяца над книгой и по существу закончил ее. В ней всего три с половиною отдела и объемом она в 14 листов. Сначала идет «Введение: О чтении и критике». Листа в полтора. Потом три части, по трем авторам: Бунин, Ремизов, Шмелев. И все. Мережковский отпал за неприличием и ненужностью.

У меня долгое время был такой план: сначала — столп и утверждение — Шмелев. Потом Бунин. Потом Ремизов. Потом Мережковский. Но это было, в сущности, *беспланье*: это не целое, это острова, это «кресла» с литературными величинами. Лишь кончая главу о Ремизове — я понял, *чего* требует предмет. И чую я, что он требует иного: не портретов, расположенных по степени любимости и ценимости (тогда — надо, конечно, начинать со Шмелева), а *единого замысла*, и притом не в плане эстетической материи или эстетического образа, а в плане *художественного предмета*. Тогда и заглавие должно быть предметное. И вот, что вышло.

О тьме и скорби.
Книга художественной критики.
Бунин. Ремизов. Шмелев.

А это значит: тьму и скорбь послала нам «история», т. е. *Господь*. И все мы во тьме ходим и скорбью живем. И вот старшее ныне поколение литературных художников, сидя с нами во тьме и скорби, что́ видит, что показывает, что́ дает, куда ведет.

а) Бунин. Тьма *первобытного эроса* — и му́ка из него. И все. Плюс — «радости» «любви»...

в) Ремизов. Тьма *нечисти, злобы и страха* — и му́ка о ней, но не скорбь, а мука, требующая жалости.

И нет скорби — ни у того, ни у другого; и нет преодоления, нет выхода к свету.

с) Шмелев — *тьма богоутраты*, и скорбь в мире и о мире — и через скорбь выход к Богу и свету.

И радость древле-зданного русско-православного богонахождения.

Так что — исход должен быть дан финалом, преодолением. И вся книга построится *снизу вверх*, с предоставлением Бунину — воспрезирать меня до смерти; с предоставлением Ремизову — написать обо мне какую-нибудь химерическую дребедень, как он иногда размалевывает о знакомых. Да раз-то он уже написал эдакое обо мне в каком-то отрывке: из Л. Толстого — «ити-ити-ипи-тити».

Что-то в этом роде из бреда князя Андрея.

Пусть. Как хотят. Помните, у нас в Москве извозчики гимназистов дразнили за хождение «с-ранцем»: «выпусти котят, срать хотят». Дак вот, *пускай выпускают* своих котят. А Мережковскому надо предоставить презирать себя (т. е. *меня*) за то, что о нем ни слова...

Мне важно, чтобы *Вы* узрели замысел и то, почему *разрешающий проблему* идет в конце... Это *не* по Пушкину, помните: «первый-то русский стихотворец — я (Барков[16]), второй — Ломоносов, а ты — только что третий» (Сумароков[17]). Это восхождение, подъем, апофеоз*а*. Стоят же все три главы — *островами*, внутренно-само-законченными; так что ценители Шмелева могут читать только о нем, а обожатели бунинской тьмы — только о нем. Часть о Бунине имеет около 64 страниц, часть о Ремизове — около 60, часть о Шмелеве около 72. Все части доработаны до конца.

Вот часть о Шмелеве имеет такие главы:

1. Шмелев как нац<иональный> поэт русской скорби.

2. Биографический путь его вдохновения — от детских восприятий — через Омут — и до зрелейших созданий.

3. Эстетический материал Шмелева — язык, слово, стиль.

4. Предметные корни этого стиля.

5. Строение художественного акта у Шмелева: чувство, воображение, мысль, воля, чувственные восприятия, юмор.

6. Эстетические образы Шмелева — простецы; духовные*); совестные; богомольцы; отчаянные.

7. История любовная — худож<ественный> анализ, строение, замысел, предмет.

Противопоставление — Бунину (не подчеркивая).

8. Лето Господне, таковых есть Царство...

9. Богомолье; святая Русь. Горкин.

10. Художественный предмет Шмелева. Поэт мировой скорби.

Противопоставление Шмелева — Ремизову дается прикровенно в части о Ремизове. Ибо Ремизов застревает в *муке* и *страхе*. А Шмелев «страхом» не страдает, а муку почти мгновенно преобразует в страданье и скорбь.

Вот отрывок из главы о Ремизове:

«Мука и страдание не одно и то же.

Мука есть состояние тварное, темное и ожесточенное. Мука обособляет человека, замыкает его в себе, погружает его в животность существования, в безнадежность, страх и отчаяние. Ремизов прав: это именно от нестерпимой муки «завидуют мертвым» и «ложатся в могилу» заживо... Это из *тьмы* — родятся мука и страх.

Страдание же есть состояние духовное, светоносное и окрыляющее; оно раскрывает глубину души и единит людей в полу-ангельском братстве; оно преодолевает животное существование, приоткрывает дали Божии, возводит человека к Богу, побеждает отчаяние, дает надежду, укрепляет веру. В страдании — тает тьма и исчезает страх.

В муке человек, подобно животному, цепляется за жизнь; и в минуту отчаяния уходит из жизни решением своего произвола.

Человек, научившийся страданию, не цепляется за жизнь, ибо она для него — не более, чем земная жизнь; и отозванный из жизни — уходит к Отцу:

---

*) не в смысле «духовенства».

«Твоей-то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец, в бессмертие Твое»[18].

Му́ка зовет к жалости. И жалость есть согласие на несовместную му́ку. Жалость ведет не вверх, а вниз: в тварную темноту, в замкнутое обособление. Жалеющий сам опускается до му́ки, а не помогает мучащемуся возвыситься до страдания. И потому жалость, бездуховно и беспредметно размягчающая душу, есть путь неверный и не зиждущий. Она сама требует преодоления.

Христианство не благословляет на «му́ку» и не зовет к «жалости» (вопреки Толстому). Оно благословляет на *страдание* и зовет к свету и радости. Оно уводит от муки и учит победе. И страх в нем исчезает. Христос не «мучился» на Кресте, а страдал и скорбел; и путь Его был светоносный и победный. В этом смысл Христова Воскресения, победившего тьму, муку и страх.

А. М. Ремизов — поэт му́ки, страха и жалости... Но исхода, пути к победе у него нет. Здесь та ветхозаветная — мифическая, магическая, колдовская и сказочная — до-исторически первобытная — «сень смертная», где Христос еще не воскрес»...

Вот, милый друг, Вам проба пера. Посылаю Вам ее и очень прошу Вашего благословения, в веке нерушимого. И, пожалуйста, не пишите мне больше, что Вы кого-то «потеряли» и что кто-то Вас «разлюбил». Это слова и поступки — для людей недуховного измерения. А наш брат верит *Предмету*. А до Предмета не доходят никакие болтовни — ни рижские, ни парижские, ни препари-шские. Пока мы с Вами живы — мы два Ивана, российских сына; и никаких гвоздей.

Обнимаю Вас и жду отклика. Хорошо бы осенью книгу-то бы выпустить! Еще прошу: *пришлите оттиск Иностранца* — здесь эту книгу *не достать*[19]. И адрес Ваш.

Ваш И.

1938 IV. 10. День моего урождения.

318

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<18.IV.38>***

18. IV. — 8-30 веч. Schloss etc.[20]

Дорогой Иван Александрович,

Оба Ваши письма облегчили душу мою. Сердечно. Работа не давала ни отдыху, ни сроку. И хирел, и восставал. Без угла я, увы. Один, как перст бродячий. Послезавтра двигаюсь на Цюрих, где могу засесть? — но столь все сие сложно для меня, дадут ли визу в Прагу... продлит ли фр<анцузское> конс<ульство> в Цюрихе мне нанс<еновский> билет... — а то поверну на Париж. Не ндравится мне здеся. Церкви нет. Хочу в Обитель на Карп<атскую> Р<усь>, хочу к Празднику поспеть, в Церкви постоять... а уж Страстная. Трудно мне — душе. И ка-ак я еще пишу? — **пищу**. «Иностр<анца>» — к<а>к получу оттиски — вышлю. Послал втор<ой> кусок, в 2 листа тоже, для майск<ой> кн<иги>, а для июньской — не успею. Надо было дать расск<аз> для газеты к Пасхе, послал «Вербное Воскрес<ение>»[21]. Итого, за 3 мес<яца>, не считая множ<ества> писем всяких, написал 2 статейки, 3 рассказа и 4 л<иста> романа, итого б<олее> 6 листов. К<а>к я устал! А когда же «Пути»-то продолжать? Вот почему и в Обит<ель> тянусь. Здесь я **мог** работать, был ухожен. Дальше — ка-ак?...

Ваше посл<еднее> п<ись>мо **внял**, очень. Да, правильно. Да что Вы думаете... разве мож<ет> для меня иметь значение, ***где я***, на как<ом> **месте**?.. Для меня дорого (к<а>к и для всякого рус<ского> писателя), что ***Вы*** (а больше и некому во эмигр<антс>кой и прочей вселенной) всерьез, и глубоко, и проникновенно, и вдохновенно, и властно — **даете** писателей, как никогда и никто еще не давал. Ибо с **таким** мерилом, какое Вы применяете, никто еще **не брал**, да и понятия о сем не имел. Доведется ли только прочесть, увидеть... — все в Воле Божией. И относ<ительно> М<ережковско>го Вы, пожалуй, наск<олько> я знаю, правы: в план не укладывается. Чувствую, что Вы это по совести делаете. Обидеть — больно, — старого писателя. Трудов много

положил, только ведь все... как-то... **пригоняет**. Во вс<яком> случае другого такого не сыщете.

Очень скучаю по могилке. И нет у меня угла в Париже. Все разбито. Ивик еще радует: назначен на *конкур-женераль*[22] от лицея Бюффон — по математике, со всей Фр<анции> и колоний. Будет защищать честь лицея. Малый славный, чистый, м<ожет> б<ыть> *гениальный* математик. И — в как<их> услов<иях> живет! Думаю — вернусь в Пар<иж>, найму мал<енькую> кв<артиру>, возьму его к себе. Буд<ет> ход<ить> менажем[23], буду дописывать, до-живать. Недолго... Только бы в одиночестве, среди чужих не помереть. Но друзей предупредил — в S-te Genev<ieve>, с **ней**, моей...[24]

Ее могилка — вся **живая**, в цветах, и — березка... Писали мне. Милый, дорогой, обнимаю Вас. Если доплыву до Праги — извещу. Целую руку Наталии Николаевне. Господь да будет с Вами.

Христос Воскресе! Люблю Вас, обоих. Спасибо за дружбу Вашу, за все благое. Оля... если она есть, — лаской смотрит на Вас. Добра Вам желает, **светит**.

Ваш Ив. Шмелев.

Как «Говенье»? — *не сдал*, а? А вот — Вербное Воскр<есение> — прочтете, писал ослабевший, сейчас же после 2 л<иста> романа.

Я здесь не отдыхал, но все же будто и приукрепился, а вот эти дни — нервлю, сплю плохо...

<Приписка:> Мало я молюсь, а это плохо. Я **мягкое** люблю (открытое), а здесь <в этом месте нарисованы тремя треугольниками горы. — *Ю. Л.*>. Здесь... ***не*** молится. И горы мне чужие.

<Приписка:> Боюсь: да, заслужил ли я хоть долю малую того внимания, которое Вы мне дарите.

<Приписка:> На вс<який> случ<ай> предпол<ожительный> адр<ес> в Цюрихе: *Augustinerhol* (какая-то духовная гостиница, недалеко от вокзала).

319

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.VII.1938>***

21. VII. 38

6, Chausse e de la Muette
Paris, 16-e

Дорогой, милый-милый (ох, соскучился!) Иван Александрович,

«Отыскался» — скажете — «след Тараса...». Следы-то мои — т<а>к мне чуялось — вели **туды**, («делов-то пуды, а **она** — **туды**»[25]), но вот, свернули как-то, и я 2-го VII очутился в Paris, в ужасном сост<оянии> и в уж<асном> месте, в грохоте машин (дес<ятки> тысяч в день!) над огром<ным> кабаком! Такую комн<ату> сыскал мне dr. Серов, за 400 фр. в мес<яц>. 2 1/2 мес<яца> было у меня сплошь головокружение, я бревном валялся в Обители, в Праге[26], и прибыл в П<ариж>, качаясь. Все это — след переутомления работой в Швейц<арии> (св<ыше> 7 печ<атных> л<истов> за 2 мес<яца> и свыше 200 пис<ем>! да корректуры, а ем мало, не до того было). Я думал — мозговой развал. Монахи меня приуготовляли... лечения не было. А здесь, Серов за 2 1/2 недели выправил — впрыск<ивал> мыш<ьяк>, фосфор, кровян<ую> сывор<отку>. Здесь сейчас **пляс** (в Пар<иже> много ведь «**пляс'ов**»), к<а>к с 14-го (память!) пустились — так вот 7 дней и пляшут, — прот<ив> окон «Эстрада», сидят 4 паршив<ых> дудочника и... с 5 веч<ера> до 5 утра. А кабатчик поит пивом сифилит<ическую> молодежь (госпитали знают итоги «плясов»). Я сбегаю ночевать к dr. С<орову>. Неврастения у меня... весь дрожал! Теперь бромом приглушило. И уже появл<яются> мысли о работе (не пис<ал> 3 мес<яца>!). Как же я рвался с Карпат! Боялся там сгинуть, не побыв<ав> в S-te Genev<ieve>. Да и 21 мая напугало. Ищу кварт<иру>, хочу помереть «у себя». *Не* могу жить в одн<ой> комн<ате>, у *других*. Посл<еднее> отдам, сниму кв<артиру>. И — расстановлю все, что могу, к<а>к б<ыло> с Олей. Карташевская комната меня отравила. Будя. — Увы. — К<арташев> в Праге всех разочаровал, надо было «загонять» на него: не было «огонька» — скука. Т<а>к мне сказали в Праге. А я-то

ждал... я думал, что буд<ет> так же, как со мной, когда творилось нежданное: *весь* зал (800) поднялся, до эсэров. Ну, зато меня и вы-пили! Ныне я читал 1 раз, было полно и тепло. И читал — больной. Знаю — едете на Собор в Б<елград>[27]. Дай Бог пути.

Скажите (о, не забудьте) Брянскому, не пришлют ли мне чего за книги, если накапало: мне теперь кажд<ый> фр<анк> — находка. А динар нонче ход<ит> гоголем. Уже больше года не было отчета о продаже. Умоляю, весь оборвался, стыдно ходить. Леченье берет последнее. За 3 мес<яца> не заработал ни сантима. Читателей много, си-ла — вижу — а скоро и читать им нечего будет, моего — свалюсь. Жду Вашей новой книги. 3 дня, как стал ходить по городу, искать кв<артиру>, — да устаю. Ох, на воздух бы! 52 дня пролежал в Обители на террасе, а воздуха не слыхал, ибо был в получувствии и потемнении, и кажд<ая> гроза рвала нервы в голове: я был как бы заряжен Лейд<енской> банкой — ужас! Вот дочего дошло. Плакал, как дитя. Связал меня «Иностранец», когда *надо* было кончать «Пути»... «Няня» под замком, и никто ничего мне не скажет. А она обещала поддержать. К кому воззвать?!

Целую Вас обоих, милые. Не забывайте.

Ваш Ив. Шмелев — скорбный, но уповающий.

<Приписка:> Ивик — молодец: участвовал в Concours General — 15-й из 500 (по математике). Но он, знаю — 1-й. Башо[28] сдал, и теперь у отца, в Праге. Он — чудесный. Таким его сделала тетя Оля.

320

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14.VIII.1938>***

14. VIII. 38

Врем. адр. 84, rue de Ranelagh,
chez Dr S. Sieroff
Paris, 16-e
адр. с 1 окт.: 91, rue Boilean,
Paris, 16-e

Дорогой Иван Александрович,

Забыли меня, нет отклика на письмо мое — в болезни посланное. Чуть оправился, поеду на днях на юг, на

послед<ние> гроши. Не работал б<олее> 4 мес<яцев>. Узнал, что «Няня» разрешена в Германии, Геб<бель>с[29] предписал не чинить никак<их> преп<ятствий> ее распространению. Как и кто хлопотал — не знаю. И что из этого получится — не ведаю, (в см<ысле> дохода, кот<орый> мне о-чень нужен). Снял квартиру — не могу жить *не у себя*. Из жизни в Обители не вынес радости-утешения: и болел все, и... (между нами) кое-что мутило душу: нечуткость арх. Сераф<има> (*кулачка*-строителя) к людям (не ко мне). Впрочем, он был бы доволен, если бы я там похоронился, т. е. отдал бы Богу душу — рекламка в нек<отором> роде. Меня ударило его грубое-наглое обращение с генер<алом> Риманом[30], как бы с послушником-мальчишкой. Старик, 78 л<ет>, пожертвовал Обители 1000 крон (1200 фр. фр.) за 2 мес<яца> скудной жизни и д<олжен> был покинуть обитель, а идти старику некуда. Карташева арх-д[31] высосал за 4 дня до кровавого пота, все выбирал из него — для своего доклада на Соборе о монашестве, — а К<арташев> был болен, в гриппе приехал. Да и меня «утешал», предрекая мне житие лет на 5, «самое большее», все «душу мою хотел спасти» — д<олжно> б<ыть>. Более назойливого ч<елове>ка не видал.

Прошу Вас, посодействуйте, при встрече с Брянским, Викт<ором> Диодоровичем, и с власть имущими (забыл фамилию, а он главн<ый> представ<итель> эмигр<ации> в Югосл<авии>), чтобы мне разрешили переслать гроши мои за книги, если есть что к оплате. Я пишу о сем и В. Д. Бр<янско>му. Прошу и о переиздании «Сол<нца> Мер<твых>» в *дополненном* (двумя главами) виде. Оч<ень> мне сейчас трудно. Мои книги (ни одна) не дали убытку издателям. Жду с нетерпением Нов<ых> Ваших книг — и — главное — о **писателях**. Серд<ечный> привет Наталии Николаевне, а Вас обнимаю. М<ожет> б<ыть> скоро начну работать (к<а>к перееду на кв<артиру>). А пока — надо лечиться — отдыхом.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Пересылаю в п<ись>ме к В. Д. Брянскому, стыдно сказать — берегу марочку. Да и адреса В<ашего> не знаю. Если доберусь до Монте-Карло —

поставлю на В<аше> счастье на № 27, а то и ворочаться не на что.

321

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<22.IX.1938>*

<Открытка с изображением трапезы в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре>

Дорогой Иван Сергеевич!

Нет, не забыл, а *потерял* Вас. Вчера послал Вам свое новое дитя. Сегодня сообщаю свой адрес: Suisse. Locarno-Monti. Villa Montanina. Я здесь с июля. Болею, переутомлен. На Соборе не был. Ничего с Брянским не мог поговорить. Ваше письмо на Собор получил оттуда только на днях. Напишите мне сюда, и я напишу Вам в Париж.

Обнимаю душевно. «Писатели»[32] мои начнут печататься вероятно только в конце окт<ября>.

1938 IX 22 ИАИ.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chméloff
p. A. Dr. S. Sierof
84. rue de Ranelagh
Paris. 16
Francia. France.

322

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<8.X.1938>*

8. X. 38 6, Chaussée de la Muette,
Paris, 16-e

Дорогой, милый друг, Иван Александрович,

27-го вернулся из Ментоны, где пролежал в тишине с месяц, созерцая пустоту, в душе — страшное опустошение, до отчаяния, до полного безверия... Ищу Бога, Смысла... — и не нахожу. Дотого «раскопал» подполье свое...! И в Церковь глаз не кажу, давно, с Обители. Приехали — был я там вместе с докт<ором> С. М. Серовым, — к<а>к раз в самый отчаянный день, да мне уж было — **все** едино.

Квартира еще не освобождена жильцами, до 15-го пребываю на юру[33] (это я с 15-го янв<аря>, к<а>к в

Шв<ейцарию> поехал, — все «на юру» торчу!), и отложил попечение, не до писаний. Отчаяние, одиночество опустошили меня, влачу дни... для че-го?! И все не сходит с мыслей — «Дар напрасный, дар случайный...»[34] Если доведется мне (вряд ли, но — если...?) писать конец «Путей Неб<есных>», — я, кажется, дам такого атеиста (доктора), что и Даринька д<олжна> бы испепелиться со всей своей верой и чистотой, и простотой. Страшно думать, а я все об этом атеисте думал, вживался, и всего себя выпотрошил. Нет, мне без Оли моей — не жить. Нет ничего, все — **игра**, игрра, случайная, **сил**, а **все**... надумано человеками — во утешение свое, как всякое искусство, как вся поэзия, дабы укрыться от безнадежности. Мы все — не выше травы... до сенокоса, все. А там — опять трава, трава, — и все — трын-трава. Пишу — и верю, и... не верю? Эти два года 4 мес<яца> без Оли — я столько **искал**... болел... устал. Ита́лию бы поглядеть... Шв<ейцария> мне не по вкусу. Да, пожал<уй>, мне теперь уж и ничего не надо.

Влачусь. Тяжко болеть — и быть одиноким при этом. Изживаю посл<едние> силы. А тут — переезжать, для чего? Все равно — один. Ивик застрял у отца в Праге. Ждет открытия границ, а скоро ученье (11 окт<ября>), м<ожет> потерять год (посл<едний>, на 2-ое башо). Да, в конце июня разрешена «Няня» в Германии. Как это случилось — не знаю точно. Писали мне, что Гебб<ельс> предписал, чтобы не чинили книге препятствий. Но как-то я ото всего этого... **далек**.

Подарок авторский Ваш получил, но доктор у меня его отнял, стал сам впиваться, — выпросил, и я не мог отказать. Прочту-проглочу завтра (пойду к доктору, возьму). Отрывки читал раньше. Но издание... о, дочего же серо! Где это Вы такую бумагу достали? Мож<ет> состяз<аться> с «собачьими» изданиями в пору воен<ного> коммунизма. Оч<ень> грустно. Вас надо печатать на веленевой бумаге, — чистота! вы-со-та! глуби-на!

Целую руку Наталии Николаевне и поздравляю с отшедшим Днем Ангела, — помню, 26 авг<уста> (8 сент<ября>). А Вас братски обнимаю. Помолитесь,

душу потерял. Надо заставить себя — читать Евангелие, на-до. Даже при всей опустошенности — эта книга что-то выпрямляет в душе. А меня, словно бес: ни к Храму не подпускает, ни к Писанию... И не могу на духовного-истинно человека попасть. Такие-то все осколки, недоумки, грошового миропонимания, — дьячки-бормочи! А я совсем одурел, окаменел. Не молюсь, бросил. Страшно, пусто, и — стыдно, своего стыдно, будто и **данного**.

Ваш Ив. Шмелев, упадочный.

А «Богомолье» свое писал я — ставши «дитёй». Только. Себя перехитрил, оборотень!

<Приписка:> А от открыточки Вашей (трапеза) пахнет щами, кашей, черн<ым> хл<ебом> и квасом. Пусть все сие **выдумано**... но хорошо «выдумано». Это все — искусство, во утешение. Сытый монастырь, и сколько же там было... сытой ле-ни... Все эти старцы в клобуках — ви-дал!!

<Приписка:> Ох, не забывайте! Неврозы меня забили! А надо переезжать, чтобы быть «у себя», к концу.

323

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.X.1938>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Лежу в постели, больной (t°, грипп). Пишу с трудом. Только что получил Ваше письмо от 8 окт<ября>. Спешу отозваться несколькими словами.

Худ<ожественный> предмет приходит к писателю в тех формах, в каких *ему* надо, а не писателю. К Вам он пришел в акте «опустошения, отчаяния и безверия». Это не *Вы* опустошены и отчаялись! Это *акт* предметовзятия. Не огорчайтесь и не противьтесь. Этого «Безбожника» Вам необходимо принять, объективировать, выпустить его из себя. Это необходимо не только Вам, а *всем*. А потому — *радуйтесь*! Идет через Вас новый мировой образ, ныне одержащий мир своими гибельно-спрутьими лапами соблазна. А если Вам кажется, что это *Вы сами*, то при силе и пластичности Вашего худ<ожественного> акта — это иначе не может быть. Вы

и Няней были; и всеми Вашими героями. Примите и *этот* образ и начинайте его скорей объективировать.

Верьте — Господь не химера. Он реальнее всех нас. И мы есьмы только через *Него*. Это надо видеть. Но видеть это нам не всегда по силам. Увидеть пустоту и отчаяние богоотрицающего акта и показать его другим — есть акт *Бого-исповеднический! Ибо* Бог видится не только своим *присутствием* в душе святого и героя, но Он показывает себя и в *отсутствии* своем, через это самое отсутствие.

Сообщаю Вам *доверительно*: я покинул страну моего прежнего пребывания *совсем*, с вещами, с книгами, с мебелью. Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только *предателей* и *своих агентов*. Ни к тому, ни к другому я не способен. Что со мною дальше *будет*, неизвестно. Я наг и сир — и в Руке Божией. Пока Она вывела меня с крайней милостью — дала наступить на аспида и василиска. Но куда ведет — не знаю, не вижу. Как будто ангелы-хранители вывели нас из рва львиного или из Петровой темницы. Да, мы Его осязаем ежевзглядно, всяким вздохом. — А Ольга Александровна все время с Вами, и Вы ее не огорчайте ропотом. *Оставьте другие худ<ожественные> замыслы — делайте одержащее Вас.* Моя книга о писателях выйдет, вероятно, к Рождеству. Одновременно будут приняты все меры к тому, чтобы Климов уплатил Вам долг. В результате политич<еских> преследований последнего года я болею 4-й месяц нервными мигренями — ежедневно. Напишите мне поскорее — *что* Вам нервно помогало? Калефлюид? Или Спермин Пэля?

Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

Locarno-Monti Villa Montanina Suisse.

<Приписка:> Посылаю свой новый опус.

<Приписка:> Пожалуйста, узнайте мне и пришлите поскорее адрес Лоллия Львова. Очень нужно!

324

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<11.X.1938>***

11. X. 38 (долж<ен> переехать)

С 15 окт. нов<ый> адр<ес>: 91, rue Boileau
Paris, 16-e.

Дорогой Иван Александрович,

Прочитал, перечитал В<аше> письмо и отвечаю тут же. Отлично поступили, дышать легче. **Там** я не мог бы ужиться. С детск<их> лет пугала меня казарма, шлагбаум полосатый, городовой, пожарный и проч. медно-пуговичное и войлочное. Это хорошо на картинках — для детей. При всем моем ат-вращении (через Ѣ) к зд<ешнему> политич<ескому> «климату», к «игре в коммунисты» и проч. — здесь я могу дышать, хоть я и не **ихней** марки демократ. А **там**... — хороши марши — изредка на бульв<аре> слышать, а если все — один сплошной дрянг-марш, и несет отхоже-солдат-карболов<ым> духом, — меня тошнит. Вот, какие взошли посевы! На наш век (на мой особенно!) хватит еще своб<одного> воздуха, а дальше ху-же пойдет, ибо вся жизнь обречена на регламентацию, на ритм чеканно-барабанный, на «робот»ство. **Свобода** даже Вел<икой> Фр<анцузской> Рев<олюции> вышла из Христианства (пусть безобразно-уродливо), и все демократии **сим** дышали. Но Идеал померк, жизнь будут вести кулачищем, кнутом, пулеметом. Ибо иначе она **сгинет**. Это искусственное, это — гальванизация... Кончится она извержением и общей гибелью. Надо, чтобы *все* эти мертвые останки цивилизации были испепелены, от них только разложение, раз ушла *душа*. Восток? Япония ожив<ить> не может, — она — та же механика, д<олжно> б<ыть>. Не идеалы же у самураев! Значит...? Крах — до какого-то *нового* Пришествия. Нам не видеть. Итак: живите на идиллич<еском> солнышке (пока) Локарно. Трудно Вам, милые? — материально? Жизнь дорогая, д<олжно> б<ыть>. А я, буду если жив к весне, непременно додвижусь к Вам. Издали поглядеть Италию. — Нет, смута во мне не только от «раздражения» воплощением худ<ожественного> предмета... —

острей, страшней. М<ожет> б<ыть> — это, просто, упадок воли, дух<овной> силы...

Адрес Л. Ив. Львова: 51, B-d Beausejour Paris, 16-e.

У Вас, д<олжно> б<ыть>, нервное переутомление. Хороши впрыскив<ания> «*Serum Antinevrosthenicum*» Frasse'a (мышьяк, стрих<нин> и проч.), впрыскив<аний> 24—30. Прием фосфора, хорош «Fosfoxyl» Carron (все франц<узские> препар<аты>, но в Шв<ейцарии> есть). М<ожет> б<ыть>, надо и бром (о-чень замеч<ательный> препар<ат>, не действ<ует> на желуд<ок> и кишки: Bromogenol Pepin, в каплях — 20 кап., 2—3 раза в день после еды. Непременно принимайте Glycerofosfate Roche'a (коробка) — это и швейц<арский> препарат. Spermine и Kalefl. только возбуждают, а Вам надо *питать* и крепить нервы. Швейцария должна дать Вам силы. Если плохой сон, возьмите попринимайте Sedormide Roch'a, это и швейц<арский> препар<ат,> не более 1/2 табл<етки> в день. Но бром, решит<ельно>, необходим, ибо в Вас будораженье, раздражительность. Но мигрени быв<ают> еще и желуд<очно>-киш<ечного> происхождения, — проверьте. А Sp. и Calefel. — только «поджог». Питайтесь лучше, ешьте мясо, Вам **надо**.

Да, если бы милый Ром<ан> Март<ынович> Зиле как-ниб<удь> помог хоть часть получить мне Кл<имовского> долга. Ведь за ним (Кл<имовым>) осталось на худой конец до 360 лт. (считая с эст<онских> крон и вычитая «расходы», а получ<ил> я всего 100+100+100+100+145=545; а у Кл<имова> осталось 832 лт. +85 эст. кр.). А эти 360 лт. сост<авляют> 2500 фр.!! А я забыл, когда зарабатывал, так... перемогаюсь, доедая посл<едние> «вещи». Буду писать в Ригу Зем<меринг>, чтобы она Р. М. З<иле> попросила. Она без моего разрешения — *не смеет* (оч<ень> трогательно). Ах, к<а>к хотел бы встретиться с Вами и слушать Вас. Все подо мной трясется. Без Бога в душе **нельзя**. Знаю, вижу, томлюсь.

Обнимаю Вас, милый друг. Поцелуйте за меня руку Наталии Николаевне. И — живя спокойно, *на воздухе* — творите. Жду нов<ые> творения.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> А ч<ехо>в мне не жаль: на то шли[35]. Впрочем... не народ: **вели** на то! Вот и хлебай. Да при совр<еменном> сост<оянии> основ духовн<ых> — нельзя маленькому жить: слопают, разорвут в клочки. Что-то буд<ет> с Подк<арпатской> Русью!

К<ак>-ниб<удь> напишите Ваши *прозрения* — что **будет**?!

И. Ш.

В субб<оту> меня должны перевезти, в 12 ч. дня я могу войти в нов<ую> кв<артиру>. О, Господи! По кр<айней> мере *у себя* буду... ждать конца.

325

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<12.X.1938>***

12. X. 38

с 15 X:

91, rue Boileau, Paris, 16-e

Сейчас, утром, я вновь прочитал письмо *Ваше*, дорогой друг Иван Александрович, и мое сердце снова и снова сдавлено. Воистину — **гонимы**. Удел извечный Правды служителей — пророков, проповедников, ученых-истинно. Одно — увы! — утешенье, горечью: в высоком Вы, милые, разряде человеков: гонимые за то, что не покупается и не продается, а благодатию обретается и живет. Ваша строчка — «я покинул страну моего пр<ошлого> преб<ывания> *совсем*, с вещами, с книгами, с мебелью. Больше не вернусь...»[36] — Тут нелепость логическо-граммати-ч<еская>. Можно думать и так, и эдак: и так, что Вам удалось взять с собой вещи, книги, меб<ель>... и так, что Вы все там оставили. У меня еще есть мал<енькая> зацепка утешающая, что удалось, т<ак> к<ак> — Вы пишете «совсем», (*вместе*). Напиши Вы — «*со* всем» (покинуть), ясно б<ыло> б<ы>, что Вы *все там* оставили. Хотя ниже стоящие: «Я наг и сир» к<ак> бы указывают на худшее. Напишите мне точней. Не для любопытства праздного это. Я небогатый, «безработный» все еще, но если бы можно было получить с Кл<имова>, я просил бы (Зиле, м<ожет> б<ыть>?), чтобы переслал Вам, для Вас. И дайте мне слово, что

если Вам крайне необходимо, Вы мне скажете, и я вышлю Вам из тех средств, что у меня остается и что могу выслать, не ущемляя себя, — тыс<ячи> 2—3 фр. фр. Это было бы в радость мне. Скажите, Loc<arno>-Monti — это в южно-нем<ецкой> Швейц<арии>? Я жил зимой-весной в 2 ч<асах> езды к югу от Цюриха, в кантоне Траубюндэн, Chur (Coire). Это, д<олжно> б<ыть>, не оч<ень> дал<еко> от Locarno? Я бы вызвался в Ваши места весной, если б<уду> жив и будут силы и возможности. Мой совет: Вы человек оч<ень> нервный, а посему не принимайте возбуждающ<их> лекарств, от нервов, как Бэля и пр. Лучше глицерфосфаты и *бромюры.* Смотрите, как В<аше> сердце? Не нужно ли укрепить его мускулы, а потому — принимать Adoverne Roche'а (есть в Шв<ейцарии>). Средство *великолепное* и безвредное (не скопляется в организме). Это же — *adonis vernalis:* предупреждает и лечит miocardit'ы. Сл<ишком> много было работы *сердцу! По-мните!* Если сердце слабеет — 2—3 раза в день по *20* кап. adoverne'а — адоверна в теч<ение> месяца — 1 1/2. — горечь, но с сахарком надо. И — увидите! И еще *бром, бром.* Я за эти 2 г. 4 м. после кончины Олечки дошел до последнего — сердцем. А как<ие> упорные головокружения! (после гриппа). Советую Вам достать, выписать через аптеку из Парижа — от La Biotherapie, 5, Paul Barruel, P. 15-е — прививки от гриппа «Bilivaccin» (antigrippal). Вернейшее средство! испытанное. Сообщ<ает> иммунит<ет> на 2 мес<яца>. Там все приним<ают> заблаговременно — и гриппом не болеют. Аптеки негодуют, почему и не дают хода. Посылать так — пропадет. Лучше через местную аптеку. Целую. Сердечно привет. Напишите.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Пришлось распечатать письмо: т<олько> ч<то> получил В<ашу> книжечку «Основы борьбы за национ<альную> Россию». Спасибо, милый! Буду читать на нов<ой> кв<артире> и отпишу Вам.

<Приписка:> *NB* Ничего не понимаю: книгу изд<ал> нац<иональный> тр<удовой> союз нов<ого> покол<е-

ния>, генер<альное> представ<ительство>... в... Германии! Как же *все* сопоставить!

326

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<13.X.1938>*

Милый друг, Иван Сергеевич!

Бесконечно тронут Вашим участием. И желанием помочь. Помните: Господь «и намерения лобзает» (Иоанн Златоуст).

Гонение[37] на меня в Германии началось еще в 1933 году за то, что я дерзал быть русским патриотом с собственным суждением. Вот список.

1933. Апрель—Июль. Первые посещения моего жилища политической полицией. Попытки разоблачить меня как «Франкофила» или же использовать меня против остальной эмиграции. Мой отказ.

1933. Август. Обыск у меня. Арест (так и везли под стражей через весь город на полиц<ейской> открытой колымаге). Запрещение «заниматься политической деятельностью» под угрозой концлагеря.

1934. Апрель. Предложение мне как профессору Русского Научного Института заняться пропагандой антисемитизма во всем эмиграционном рассеянии. Мой категорический отказ.

1934. Июнь. Мне отказано в праве на работу.

1934. Июль. Я уволен в два счета из Русского Института.

1935—1937 я работаю в частном порядке с Еванг<елической> Церковью.

1937. Август. Вызов в политическую полицию, где за четыре года скопились доносы на меня из среды «русского нац<ионал->социалистич<еского> движения». Доносы эти были читаны моими друзьями. Были доносы в 22 пункта.

1937. Октябрь. Два допроса в Гештапо.

Не служил ли я в Москве большевикам? Отв<ет>: нет.

Почему меня не расстреляли сразу, а выслали только через пять лет? Отв<ет>: Бог не допустил.

Не масон ли я? Отв<ет>: нет.

1938. Февраль. Вызов в Гештапо. Запрет *всяких выступлений — по-русски, по-немецки.* Прекращен мой открытый философский семинарий.

Никакие протесты не помогают.

Узнаю стороной о новом накоплении доносов.

1938. Апрель. Приглашение к заместителю Розенберга[38]. В беседе категорически заявляю, что Украйна не в моей власти, но что на оккупацию ее и отчленение никогда не соглашусь.

1938. Май. Я готовлю мой окончательный отъезд из Германии.

1938. Июнь. Я получаю в *частном* порядке три уведомления:

1) Поход на меня будет продолжаться.

2) Пропагандное министерство объявило меня «разоблаченным масоном», а мои публичные выступления недопустимыми

— за отсутствие в них антисемитизма,

— за проводящуюся в них христианскую точку зрения.

3) Будет сделана попытка использовать мои силы в подготовке похода на Россию.

1938. Июнь. Я беру визу на Карловацкий Собор и получаю ее с правом возврата в Германию.

Я передаю свою квартиру.

Вещи и книги на склад.

Один из друзей получает от меня генеральные полномочия на все мое имущество и на ведение моих дел.

1938. Начало июля — я покидаю Германию совсем. Уезжаю в Швейцарию.

На Карловацкий Собор я не поехал по болезни. Все эти гонения причинили мне многомесячную ежедневную мигрень (с конца мая до сегодняшнего дня). Состав Собора был такой, что если бы я на него поехал, то я задохнулся бы от отвращения к мобилизованному там черносотенству, с привлечением целого ряда заведомых агентов Германии, руководивших травлею против меня.

В июле и в августе мне удалось вывезти *все мои* чемоданы с *рукописями*.

1 августа я подал прошение о праве жительства в Швейцарии. Ответа оф<ициального> *еще нет*, но решение будет положительное. Вмешался целый ряд влиятельнейших лиц, первый — Рахманинов[39]. И это наладится.

1938. 17 сентября приехали все мои вещи: мебель, библиотека и прочее. И приняты *беспошлинно*.

Около 20 сентября — Гештапо накладывает арест на мою брошюру «Der Angrift auf die Ostkirche»[40]. Она очень корректная. Всецело против большевиков. Это речь, которую я за эти годы произнес 25—30 раз на собраниях и съездах евангелических пасторов (от 20 — до 400 человек). Она была напечатана еще в декабре 1937 и продана в количестве 20 000 экз<емпляров>. Остальные 15 000 арестованы.

В начале октября узнаю, что Гештапо повсюду разыскивает мое германское пребывание и добивается моего адреса[41].

Вот, дорогой мой, картина...

Меня вынесло из Германии как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки. *Все* спасено: до писем Врангеля, Шмелева, до записей и альбомов *включительно*.

Здесь я прожил уже — июль-сентябрь — и хватит еще прожить без заработка месяца четыре. Потом? За это время надо вылечиться, восстановить свою работоспособность и найти заработок. Возможно ли? — Невозможное от человек — возможно есть от Бога. Если начну погибать, то *подниму вопль на всю эмиграцию. Вопль о помощи*. И Вы узнаете, будьте уверены. Милый и дорогой! Спасибо!!

Почему[42] в Германии вдруг конфисковали мою брошюру? Потому что там начинается «трехлетка противохристианства». План: через 3 года ни в одном храме не должно быть больше христианского богослужения. Какое же? Сами выдумают.

Да — это Вам не масонское «отделение церкви от государства». Это называется иначе. И в *этом* их

существо. Антихристианский шовинизм, которому все дозволено[43].

Спасибо Вам за лекарства. Многое пригодится!!

Земмерингам не пишите. *Я* снесусь с Зиле. Георгий Климов нашел заработок *за* пределами Латвии. Из Старост Рус<ского> Ак<адемического> Общества он убран. Староста Зиле. Вы и я избраны почетными членами. Не пишите Зем<меринг> — я снесусь с Зиле, с коим я в тесном, дружеском контакте по всем делам. Все возможное будет сделано.

Меня здесь обследовали два доктора. Один возился два часа. Итоги (мне 55 лет). Сон прекрасный, хотя с 2—3 перерывами.

Давление крови — 155. 160. Нормальное. Склероза никакого.

Сердце — здоровое и сильное.

Легкие — старые катарры заросли.

Реакции мозговые — в порядке.

Рефлексы — в порядке.

Уши, нос, глотка — в порядке.

Желудок, урин — в порядке.

Просвечивание мозга через глаз — хорошие результаты.

Кровь: красных 4 200 000; гемоглобин 87.

Все расстройство — *нервно-функциональное.* И *кровообращение.* И перенапряжена (замучена!) симпатическая нервная система.

Чем лечат? Бенерва внутрь (витамин Б) и тонофосфан под кожу. Это мало. Что делать с кровообращением?

Помогает ли? Крайне медленно.

В чем болезнь? Нервная спазма в голове (ползание, колотие, «кол») — не дающая сосредоточенно работать и при малейшем поводе развивающаяся в полумигрень или в настоящую мигрень. И это — четвертый месяц.

Я мнительный, пессимист. Болею «трусом», продержавшись в жизни «храбрецом». Мучаю Наталию Николаевну. Она, конечно, мой Ангел-Хранитель!...

И вот — все обо мне.

В предпоследнем письме Зиле пишет мне: «Двинем Писателей. Перечитывал рукопись и снова пребывал в духовной радости — как хорошо!»

«Писатели уже пошли в предварит<ельную> рекламу. Кроме того, устно также ведем пропаганду».

Вот книга будет какая.

И. А. Ильин

О тьме и скорби.

Книга художественной критики.

Бунин. Ремизов. Шмелев.

1. Предисловие.
   О задачах и методе худож<ественной> критики.
2. Творчество Бунина.
3. Творчество Ремизова.
4. Творчество Шмелева.
5. Послесловие.

Листов на 14 печатных. Бунин разозлится. Ремизов обидится. Шмелев — надеюсь — получит кое-какую утеху.

Кабы к Рождеству!!

А то в апреле, пожалуй, опять «война»?!

Спасибо, дорогой, за все. Обнимаю. Весною мы рассчитываем быть не в Локарно, а в Цюрихе на своей квартиренке. М<ожет> б<ыть> и свидимся?! А?! Локарно на С.-Готардском перевале. Перед Лугано-Комо-Миланом.

1938.X.13 Ваш ИАИ.

Квартира-то своя — а как Вы *кушать* будете, мой милый?!

<Приписка, обведенная жирно карандашом:> Очень прошу Вас: сохраните это письмо. И еще: поговорите наедине с В. А. Маклаковым и М. В. Бернацким[44] и прочтите им вслух по моей просьбе, не давая на руки, то, что здесь отмечено *синим* карандашом. А больше пока никому ни слова! Это диплом<атическая> миссия Вам от меня!!

<Приписка:> *Пожалуйста*, прочтите и мои «Основы христ<ианской> культуры»[45] — это только начало большого труда.

Когда ждут Карташева из Америки?

Счастлив за Вас, что Вы будете иметь квартиру свою. А питаться?

327

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<8.XII.1938>*

8. 12.38. 91, рю Буало, Пар<иж> 16-е

Ах, дорогой Иван Александрович, не урекайте: болел, натравливал себя на писание, устраивался, кипел в негодовании на все, что кругом творится, измотал сердце, до-мотал его, и вот, изнемогаю не то в «неврозе», не то в худшей еще «стервозе». Да и нужды много вокруг, и Ивик мой живет горько, но работает блестяще. И нет сил создать ему лучшие условия. Я же 7 мес<яцев> не заработал ни грошика! Спасибо Вам и Зиле: разрешился климовский тупик, получил в оконч<ательный> расчет, со многой нехваткой за «комиссию» по перес<ылке> К<лимовы>м денег — 60 лат! — остатки — 130 шв. фр., и слава те Господи! Пишет др. А. Лютер, что мюнх<енское> изда-т<ельство> хочет издать «Пути неб<есные>», но надо мне еще запросить Губер и К. — швейц<арское> изд<а-тельство> «Няни», кот<орое> имеет преимущество. Вряд ли Кандрейя сможет теперь переводить, и сомн<и-тельно>, чтобы Губер взял роман. Но тогда — ? — заплатит ли мюнх<енское> изд<ательство> аванс мне, и дадут ли разреш<ение> его мне выслать. Все еще — вилами на воде писано. После 7 мес<яцев> перерыва на сих днях написал и сдал рассказ... «Трапезондский коньяк»[46]. Не браните шибко, это — для практики духа, после перерыва. След<ующее> пишу — «Кр<естный> ход», или — подзаголовок — «Донская».

С «Основами борьбы за нац<иональную> Россию»[47] нельзя расставаться русскому человеку, это как бы его «евангелие». Удивительная острота и точность мысли, сгущенное духовное напряжение, «катехизис наш», — единственный за все эти 22 года потрясения русской совести и души, русского **нахождения** «себя» — яркая философия — в лучш<ем> см<ысле> — «национального

сознания». Это же художественная программа того, **как** нам быть! Вам памятник сим одним уже поставлен. О, какой беспощадный и «спокойный» приговор, анализ и — **путь**! Милый друг. Да Вы один сделали и делаете то, что только смутно бродило в просыпающейся совести **всех** кающихся и полуслепых. Вы подытожили и оформили, и — «вмести же, думай, вбирай, заряжайся, русский Иванушка!» — вот что Вы сотворили. Тут — что ни глава — тема для речей, проповедей, максим, для поднятия закисающего русского теста. Тут заряды для будущих мирных взрывов, программа для вождей и водимых. Да Вы одним этим оправданы в своих муках и тоске, и блужданиях европейски-мировых. Это книга великого покаяния нам и очищения. Эту книгу надо бы перевести для всех западных гордецов и «автократов», это блестящая «Мейн Ка<м>пф»[48], но сколь же светлая, человечная и гуманная — русским гуманизмом — исповедь-откровение! Я ее перечитываю, главку за главкой. Ее надо **знать**, как молитву. Я буду всем совать ее в руки и в душу: читай, вникай, — в каждой строке — огромное. Да выше я и не знаю в родной социологии, политике, философии, богословии. Ее надо ввести в программы средней и высшей школы нашей, будущей! Какой пресветлый национальный водитель!

Ваше поручение давно выполнено, сообщены выдержки В<ашего> письма Бернацкому и Маклакову и... Деникину. Д<еникин> — сказал: «да... ужасно». Макл<аков> вывел «обратную медаль большевизма». Берн<ацкий> — да, принял в сознание, «многое освещает»... Очень хорошо. Я благословил Ваше освобождение. Я бы не мог **там** дышать. Я не выношу «казармы». И все это — вина демократий, которые **все** это допустили, ибо развели миазмы за эти 20 лет, терпя и лаская «нужник и бойни». А теперь кричат! Прав Пушкин: «живя в нужнике, обыкнешь г-ну»[49]. Ну, и нечего нос воротить: сами развели это г-но. Лицемеры. Теперь поздно: многое обречено. Перестраивается мораль, **все** стерпится, **другими** стали. И как горько, что нет **света**, который, плохо ли хорошо ли, — а хранила

русская интеллигенция, ретивая не по разуму. Нет и русской инт<еллиген>ции: смешана с г-м.

Как Ваше здоровье? У Вас расшатана нервная основа. М<ожет> б<ыть>, воздух Шв<ейцарии>, страны свободной, укрепит Вас. Какие В<аши> планы? где оснуетесь? Напишите.

Жду книги о писателях. Есть ли у Вас место, где работать? упования? А не думаете, что скоро «все переменится»? Я что-то в эсхатологич<еском> — лично — состоянии. И едва заставляю себя — хотеть быть и писать. Устал. И почти одинок. Все мы линяем, облезаем, никнем, отмираем. Нов<ого> поколения не знаю. Да вся сила — **там** будет обозначаться, кажется. Иисуса Навина[50] не дождемся. Моисеи давно накрыли голову плащом умирания. Вы еще стоите на высоте со скрижалями, а народ — жестоковыйный и — как бы просуществовать. Скоро Рождество. Д<олжно> б<ыть> в Цюрихе будете слушать светлые песнопения. Желаю Вам, милый друг, и Вам, дорогая Наталия Николаевна, светлый Ангел-Хранитель нашего Моисея, сил и крепкой веры и надежды, и — да красуется рождественский пирог, под елочкой, на праздничном столе Вашем! Будь деньги, покатил бы на Рожд<ество> в Цюрих, побыл бы под обаянием, укрепляющем Вашими чувствами и словами ласки измызганное сердце. Если что-ниб<удь> нужно выслать Вам — напишите.

Целую.

Ваш Ив. Шмелев.

А когда примусь за прерв<анные> «Пути» — не ведаю. Кв<артира> у меня — студия приятная. Но как я ее продержу — не ведаю, 7500.

<Приписка:> Нат<алию> Ник<олаевну> не терзайте, и *знайте*, что Вы здоровы во всех отношениях. Принимайте *бром*, лучше Bromogenol *Pepin*, не вред<но> для желудка. Вам выпишут.

1) Bromogenol Pepin (en gauffel)

2) Veriane и Veriane Buriat., *convre nevrosisme* и бессонницы, утишает сердце. Buriat (loboratoire Buriat) оч<ень> хор<ошо> успокаивает!

1939

328

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.I.1939>***

1939 I 10

Милый и дорогой друг Иван Сергеевич!

Не браните, вот уже пишу. И за Ваше письмо Вам спасибо! Радостью оно мне было. И рассказ Ваш в Возр<ождении> был прелестный, спасибо[1]. И еще спасибо за посещение всех *трех* господ, и Ант<она> Ив<ановича>[2] в том числе. Лекция его была хороша и верна, очень значительна и очень полезна.

А про нас вот что.

9 июля выехали. 1 авг<уста> подали прошение. 16 сент<ября> Рахманинов обеспечил необходимую кауцию[3] в 4000 франков. 31 окт<ября> переехали в Цолликон под Цюрихом. 4 ноября прошение начало рассматриваться. 23 ноября Цолликонский совет дал право пребывания на год. 28 ноября из кантональной полиции последовал грубый отказ с предложением добыть *обратную* визу в прежнюю страну или убираться куда угодно. 29 ноября я был сам у кантонального директора, представил свои объяснения и *категорически* отказался от позора «просить обратную визу». Он понял. На 1 дек<абря> я получил приглашение в высшую инстанцию, в Берне. Часовая беседа — и все разрешено. 7-го снят запрет с мебели и книг. 8 дек<абря> вещи и книги перевезены в заранее снятую квартирку. С 10 дек<абря> мы у себя. 19-го приглашение в Берн в не правительственное заведение. Полное единомыслие. Возможность литер<атурной> работы; обещание выхлопотать право на труд.

После этого — глубокая реакция и прострация: с июня нервы были на диком взводе — провалился на дно самочувствия, теперь начинаю вылезать. Господь помог: «воду прошел яко сушу»[4]...

Все с нами здесь — от мраморного обломка храма Дмитрия Солунского (от IX века с Афона), все иконы,

русские картины (Нестеров[5], Бакшеев[6], Антонов[7], Климов[8]), до последнего листочка моих рукописей.

Со дня на день в Риге должно начаться печатание двух книг:

1) О тьме и скорби. Книга худ<ожественной> критики. Бунин—Ремизов—Шмелев. 14 листов.

2) Кризис безбожия. 2 листа.

К марту обещают выпустить первую; к февралю вторую.

Здоровье: последний диагноз — *ревматизм* (люмбаго в плечах, локоть, кисть, и *ревм<атизм> головы*). Откуда?! Простуды не было. Аутоинтоксикация из гланд. Лечение? Потеющие паровые ванны с массажем и сложная гомеопатия («Веледа» — швейцарская новость). Лучше ли? Нервы успокоились. Гланды будет лечить специалист. Питание стало удовлетворительным. Началось улучшение.

Ваш Bromogenol — выписал. Средство *хорошее*. Спасибо!!

Но — вкус?! — выпьешь, и как будто станционный сартир во рту ночевал («Станция Бахмут, начальник станции без м...[9], Остановка пять минут»). Мерещатся во рту какие-то писсуары, мецуары, для мужчин — для женщин — словом, «астанавливацца строга васприщщаетца» и — называется потому «Пепин». (п*и*пин?)

Но средство хорошее. Как Вы его глотаете? Задом, что ли, извините пожалуйста?! Или с запивкой — заедкой? Но действует и успокаивает.

А вот Вам еще другое спасибо.

Недавно пишет мне мой друг Ник<олай> Карл<ович> Метнер: «Сейчас читаю «Няню из Москвы» Шмелева и *наслаждаюсь несказанно*. До чего она нам близка, эта няня... Какая изумительная речь!» —

То-то я, Ильин, радовался и торжествовал. Ходил по квартире и порыкивал про себя: «ага, то-то, ага!»... Но в суждении Метнера я никогда, впрочем, и не сомневался.

Дорогой! Что́ Вы, как Вы? Не замерзли ли Вы в своей стюдии? Просыпается утром — и видит — что сам стал стюдень и вокруг стюдень! Ведь этот Париж насчет замерзания — сущий замерзавец! Les boulets![10] Бррр!

А кормит Вас кто и поит? Как это было трогательно, когда Вы мне да еще монет предложили! Без слез об этом подумать не могу... нет, мне тут не дадут погибнуть — разве только Господь отзовет...

Я недавно за всенощной рождественской молился о моей малой головно-ревматической работоспособности: «Господи, устне мои отверзеши, и уста мои возвестят хвалу Твою»[11]... Но — Его воля!

Вчера мерили мне давление крови: 155 при 55 годах нормально. Завтра натощак будут отстой крови делать — тогда напишу о результате. Надо установить, что гланды не создали нигде скрытого гнойника.

Храни Вас Господь! Пишите!

Обнимаю и крещу Вас заочно.

1939. I. 10. Ваш Иоанн.

329

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<22.I.1939>*

22. 01. 39. н. ст., 91, рю Буало, Париж, 16-е.

Дорогой друг Иван Александрович,

И встрепенуло-встревожило меня известие от Вас, а как дочел до «хорошего», уж облегчился, — потянуло на́ сердце теплым ветром. Устроил бы Вас Господь на́прочно, и все недуги, увидите, отметутся. Да уж и отмелись, по тону письма чувствую: давно-давно не плескался Ваш дух так привольно, — с подъемом и огнем, согревающим Ваше письмо от 10 янв<аря>. Тотчас же решил ответить Вам, да адреса-то не указали точного, а тут работишка завертела, а последнюю неделю недомогание, как-то режим пищ<евой> нарушил... — и как же не нарушить! — два месяца один за все про все, уборщик мой тяжело болел, только вчера заявился. А к людям я туго привыкаю, ждал его после операции. И все же, помог Господь, за эти полтора мес<яца> написалось три рассказа, — третий на днях пойдет, но не весь, еще надо — 4-й, т. е., главную часть 3-го написать, а это нелегко, ибо, к<а>к увидите, содержание из обычного вылезает, и во мне сомнение: совладаю ли? **Основа** — действ<ительный> случай, мне

доверительно сообщенный, полтора года тому и — на могилке у Олечки, в С-т Женевьев дэ Буа! Держало меня что-то, откладывал, да решил — когда же напишешь-то? — взял себя за душу, — пи-ши! Страшно такому, как я, писать о **таком**... — и сейчас все сомнение гложет... — дерзать ли? Да, «Куликово Поле»...[12] — не урекайте, «не мог утаить», **молчать**... а понимаю, что не должен бы, если нет **веры**... — ибо во мне дробится, и даже до Фомы мне — ох, далече! И еще укор: не торгуешь ли «святостями»? Но тогда... пусть как бы за «легенду» сойдет, хотя... *так меня уверяли!* — тут *не* мифотворчество, а «факт», случившийся тоже с не очень-то **верным**. Но что мы знаем! Меня захватило — поразило! — **звено**, «от далей к **ныне**», и — так бы **это** хотелось передать! — как бы мгновенное ощущение, когда «времени не будет». Но об этом должна будет сказать «участница» в рассказе следователя. А с другой стороны, нет для искусства и духа человеч<еских> преград... — пусть сойдет за простую «легенду»: я же не посягаю на святое, я — прислушиваюсь к сокровенному, чего не выкинешь из жизни духа, что обстоит нас, что... святые и дети — и сгорающие в духовном огне **поэты** — ред-кие! — **знают**. Я лишь предполагаю... — какой я «сгорающий»!

Ну, и насмешили меня «броможенолем»! Ну, конечно, надо в подсахаренной воде, в четверти чашки, 20 капель «бромож<еноля>» (2—3 раза в день), и тогда «как летом сладкий лимонад», чуть лесн<ым> орешком! и сыростью, и кислотцой, — прия-тно, а не из «для мушшин». Выпейте-ка 3—4 пузырька, с перерывами, но раз «волнение» — не оставляйте: вы обедняли бромом. Не давайте залечивать себя. Не доктор я, а только «пот<еющие> ванны» сильное средство. Да выпишите, от «Биотэрапии», 5, рю Баррюел, 7-е, две-три шт. «били-ваксин» («bili-vaccin») — «антигриппаль» — превентивное средство против гриппа. Не только грипп предупреждает, — на 2 с пол<овиной> — 3 мес<яца> — но и оздоровляет, бьет разных микробов наповал (вирусов, без которых еще не найденная бацилла гриппа не мож<ет> действовать), и кто фурункул<ами>

страдает, и их бьет, — говорил мне проф. Титов, один из директоров «биотерапии»: в Пастер<овском> инст<итуте> дознано. А рекламировать не могут, их тогда сотрут с земли аптеки и врачи. — Очень рад, что Метнеру понравилась «Няня»: у него тонкое **ухо**... — дело понимает, — о «речи»-то говорю.

Холода не угнетали, меньше 18—17 не було в квартире, а окна у меня — на 2 метра 20 см. почти, и высота и ширина, — два таких. Пока одолел, уплатил терм (2040 фр.!), — а дальше... не гляжу.

25-го I

— Не сомневайтесь в «работоспособности»: грех. В Вас зарядов надолго, только **не думайте**, не делайте себя — для себя! — **центром**: будьте им для других, только. Давление кр<ови> у Вас идеальное, д<о>кт<ор>, говорил мне, а гланды, может быть. А м<ожет> б<ыть> от «били-ваксин» и очищутся. Но не смею утверждать. Напишите о себе еще. Жду книг Ваших, а мои — когда-то..? И есть, да не вполне. На 3 кн. есть, а составить не могу. Да и не дают они ничего, если изд<аются> в Пар<иже>. Радуюсь, как метет Франко[13] кр<асную> сволочь. Вот там теперь тарарам-то! «Все на фронт!» Барселона — дебу![14] а она — вы-куси! Это и наша победа, бе-лая. Стариков и детей погнали... окопы г'ыть! Не могут без издеват<ельства> сволочи. Вот им и вы-рыли! Я-то все это пережил, знаю... Там «испанцев» тоже насыпано, комиссаров. Как Вы, напишите. Я приступаю ко 2-ой части «Кул<икова> Поля». Хочется скорей перейти к «Пут<ям> неб<есным>». Но надо закончить «Иностранца». Надо еще «Радуницу», кончину отца, конч<ину> Горк<ина> — очерков 5—6, закончить «Лето Госп<одне>». М<ожет> б<ыть> и «Крестопоклонную». Отверзет Господь уста Ваши, и возвестят хвалу Его, — да они и не замыкались. Ну, целую Вас, милый, и посылаю родной привет Наталии Николаевне. И перед ней бодритесь! Знайте, все у Вас хорошо, ничего серьезного нет, а... нервы мотались. Уверен, что бром Вам даст «экилибр»[15]. Имейте в виду, — как на Вас — а мне бром никогда не мешал, не тупил, а напротив... волю крепил. И не забудьте «антигриппаль».

— Надо написать, — пока **нельзя** печатать — «Восточный мотив», — это я видел в Симфероп<оле> в 21—22 году. У-жас!! — к<ак> б<удто> видел «*Пурим*». Потрясло, хоть я тогда был полу-живым. ***Надо***. Если бы ***сие*** увидали рус<ские> люди! Тогда ***все*** поймут, ***кто*** нас точил, кровь-то. Пишу на-ура, не зная В<ашего> адреса.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> А. Лютер переведет «Пути неб<есные>», если получит разр<ешение> «литер<атурной> камеры». Есть издатель в Мюнхене.

<Приписка:> «Кул<иково> Поле», I оч<ерк> идет в пятн<ицу> 27-го I, а завершаю — сегодня 25-го.

330

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<30.I.1939>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

За письмо Вам — merci, merci, merci! Ваш совет не делать из своего самочувствия центра, а *предметить* свое самочувствие — не только хорош, а просто гениален. Но этот совет легче высказать, чем выполнить. Эла́с![16] Я этим только и спасаюсь. Но какую же силу надо, чтобы семь месяцев раздвигать головную боль и высовывать голову в раздвинутую боль! За январь месяц мне стало казаться, что «старика пришибло» не окончательно и что он начинает выкарабкиваться.

Я давно целюсь на били-вакцин антигриппаль, но здешние аптеки отказываются его выписывать и навязывают базельский ана́логон. Поэтому я очень прошу, покупите мне три антигриппа́лины и перешлите их во Франции же: Mr. Alexandre Lodygensky. St. Julien en Genevois. 54[17]. А он шмурыжит и доставит это в город глупого и рыжего Ивана Якова[18], откуда мне перешлют почтою. Очень прошу! А монету пригоню Вам немедленно. А если Вы вздумаете дарить, то вместо впрыск размозжу антигриппа́лины вдрызг!

Очень слежу за Вашими творениями, но с грустным чувством, что в книге упомянуть не смогу. Очень надеюсь, что она скоро начнет отригиваться из Риги в виде корректной корректуры. Тогда уведомлю.

Сведения: Италия перестает нахрапствовать — изнемогла; это задерживает и Гитлериаду. В Гитлеровой стране брожение, организуется большая партия «освобождения»[19], Геббельс избит на улице за гнусности. И тем не менее вместо Украйны замышляется десант на Петербург. Что Вы слышали об этом?*

Начинаю «карьеру» в третьей стране. Пока *одни начатки*; но *удачные*. Господь милостив!

Целую и обнимаю. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет ласковый привет.

1939. I. 30. Ваш Иоанн (имя ему).

Абдрист мой: Zollikon bei Zürich.
Alte Land str. 12
тел. 4-86-13

Но Ваше письмо отлично дошло и без штрасы: меня все уже знают здесь — деревня!

331

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<11.II.1939>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Писал Вам 30 янв<аря>, просил выслать биливаксин антигриппаль, ибо отсюда нельзя этого сделать. Боюсь, что Вы нездоровы и замучены; и умоляю Вас, не примите это напоминание за укор! Но здесь эпидемия гриппа, а у меня гноятся гланды. Хотят их вырезать, надо будет лечь в больницу, а там эпидемия. Я и думал впрыснуть себе предохранительно биливаксин...

Но еще одно затруднение. Я просил Вас выслать его на имя Александра Лодыженского в St. Julien — он ездит через границу. Но от него не имею 2 недели известий и считаю это недобрым признаком, ибо он человек карьеры, перекидчивый и *грубый*. Может быть и не захочет пересылать. А тогда надо бы попробовать послать как *Echantillon sans valeur*[20]. Бросьте мне открыточку поскорее — осуществимо ли это, и сколько будет стоить две-три ампулы? Я немедленно переведу Вам деньги почтою.

* <рядом помечено рукою И. С. Шмелева:> (какая чушь! И. Ш.)

Мучаюсь по-прежнему. Проверил глаза, получил новые очки. Хотят впрыскивать под кожу витамин B. Грусти и тоски на меня налипает, хоть отгребай.

Известите *о себе*, дорогой!

Рига молчит, корректуры не шлет! М<ожет> б<ыть>, и не разрешат печатать.

Обнимаю Вас.

Ваш, забытый Богом и преданный людьми, но верный в любви и отвержении

39. II. 11. ИАИ.

<Приписка:> Купон — на пересылку Эшантильона.

332

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<13.II.1939>*

<Открытка>

13. II. 39. 6 ч. в. Iv. Chmélov

91, rue Bouleau, Paris, 16-e

Дорогой друг, Иван Александрович,

Сегодня, получив В<аше> п<ись>мо, сейчас же поехал к проф. Титову, директору Биотерапии. Мое письмо к нему ждало его дней 5, — его не было в Париже. Сегодня же: он шлет *Вам* заказным письмом коробочку «били»-вакс. Это, к<а>к Вы увидите, не впрыскив<ание>, а — внутрь, прочтете в бумажке. Это чтобы — скорей, зак<азным> письм<ом> в В<аш> адрес. Уверяет, что получите. И сегодня же — *две* коробочки — на Лодыженского, к<оторо>му я пишу сегодня же, чтобы переслал Вам. Вам 1 короб<очки> — (прием) хват<ит> иммунит<ета> на 2 1/2 — 3 мес<яца>. Дайте принять (из присыла Лодыж<енского>) Наталии Николаевне. Я «прививался» — 5, 6 и 7 февр<аля>. Не давайте себя залечивать! И не ***видьте все*** в мрачн<ом> освещении. Вы здоровы, главное — невры. Ешьте морковь и больше свежей, вареной, с маслом и, вообще, **витаминное** — апельс<иновый> сок с сахаром. Стоит ли вырезыв<ать> гланды? Ну, я не доктор. А доктора любят «кипеть в работе» (см. Няньку, америк<анские> доктора). Я Вам еще напишу. Эти дни писал *2* оч<ерк> «Кулик<ова> Поля», идет 17-го II. Начинаю 3-ий —

самый трудный. (1-й и 2-й по 4-е редакции было, вот как!) Когда пишу — еще **живу**. Ешьте Вы витамины! а зачем — впрыскивать? Просто, Вам нужны инъекции анти-неврастенические, — хороши — Serum Antinevrasten-Fraiss'a. Обнимаю. Привет В<ам> обоим.

Ваш Ив. Шмелев.

Напишу б<ольшое> п<ись>мо.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor I. Ilyin
Zollikon bei Zürich
Alte Land Str. 12
Suisse.

333

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<22.II.1939>*

22. II. 39 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой и прекрасный друг — и брат! —
Иван Александрович,

Для моего покоя, известите, получили ли Вы «antigrippal» (адр. 5, rue Paul-Barriel, Paris 12-e). Если приняли, будьте уверены — гррррипппить больше не будете. Если... будете повторять *каждые 3 мес<яца>*. Сегодня видел ген. Н. К. Головина, говорит — чудеса! Заболел, было, спохватился, на 2-ой день принял — сра-зу почувствовал — выздоравливаю! Вот то-то! — Как Ваше здоровье? — напишите, немедленно. Начал есть «витамины-замазку», изделие рус<ского> спец<иалиста> пр<иват>-доц<ента> (примандоцент!) Гуленко. Говорит — **увидите**! Не знаю, 2-ой день пока. Кончил в понедельник «Кул<иково> Поле», — потерзался. Уж и попарило меня..! Ну, **лучше** не мог. Судите — не карайте. Плакал... Но зато — **знаю** — иные тоже плачут, — м<ожет> б<ыть> меня оплакивают — ку-да двинул! Но — долго колебался — не мог не написать: это — *не* легенда. Долго рассказывать. Трудности — и... — это я только знаю. Но... молился, невер... — поведаю. *М<ожет> б<ыть>* нервы у меня сдали. Теперь думаю, на перепутьи, — закончить «Иностранца», чтобы через очерки (посл<едние>) «Лета Господня» — подойти к заветному, к «Пут<ям> Неб<есным>», 2 книга. А тогда — «Ныне отпущаеши..., Владыко...»

NB: Ред<акционная> Ком<ис>сия «Рус<ского> Инв<алида>» (при Союзе Рус<ских> Инв<алидов>) покорнейше просит Вас вставить Ваш «бриллиант» в оправу № во имя Св. Николая (1-ый № в году!), не оттолкните протянутой руки: Ваш вклад шевелит сердца и лепты *будут. 6600* инв<алидов>!! И пошлет Вам Господь. Срок — для Вас, я оттянул, — *2* апреля, *не* 1 апреля, так что обману не должно быть! И — уклонения. Карт<аше>в обещает, — и Вы, и он не ***внесли*** в прошл<ом> году — лепты. *Пошлите мне*, не позднее 2 апреля.

И еще раз: получили ли? Я писал и Лод<ыженско>-му, просил, а проф. А. А. Титов крепко сказал 13-го II, что сегодня же (13) шлет зак<азным> п<исьмо>м 1 ко-р<обочку> экстренно. Уви-дите результаты, т. е. ничего не увидите, потому что конец Вашим «гриппам». И за-чем гланды вырезать?! Dr. Серов, — он спец<иалист> по горлу, — сказал мне — «но зачем же удалять..?» — Не знаю. А насчет «лечения» и бодрости эскулапа, — читай соотв<етствующие> стр<аницы> в «Няне из Москвы», про америк<анских> докт<оров>. А они везде одинаки: им только дайся!

Дружески и братски обнимаю. Поклон Н<аталии> Ник<олаевне>. Чтобы и Н<аталия> Н<иколаевна> принимала: выздоравливать — так вместе!

Ваш Ив. Шмелев.

Сплю я плохо...

Как дела, как работаете? — Броми́те себя, броми́те, ***надо***!

<Приписка:> А. И. Ден<ики>н осклабился, узнав Ваше ободрение. Послал Вам книжку. Я не разделяю его «ни то, ни се», но обзор дал он четко. Завтра думаю — к инвалидам.

334

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<25.II.1939>***

<Открытка>

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо, спасибо, спасибо! За письмо! За вакцину. За две вакцины (сегодня пришли). Нат<алия>

Ник<олаевна> две недели отхворала. А я уцелел... С нетерпением жду конца Куликова Поля. Тогда прочтем все сразу. Мучительно читать кусками... Пожалуйста, напишите мне имя и отчество Титова, сколько я ему должен и чем мне можно отблагодарить его за внимание. Можно послать ему «Основы борьбы»? Инвалидам постараюсь прислать, на Ваше имя. Гланды удаляют потому, что они уже прижигались 8 раз, они состоят из шрамов и гноя, инфильтрируют гной в шею, в плечо, в люмбагу, до ступней ног и являются главным подозрилищем по вопросу головы. А возраст (мне 56) такой, что теперь они еще удалимы, а после 60 будет трудно и опасно. Доктора же с меня здесь *не берут гонорара*: ни общий доктор, ни горловой, ни глазной, ни нервный, ни зубной, — и все силы первого размера... Даже и за клинику не возьмут! Мучения же мои по-прежнему велики: голова — темя крутит весь день, как если бы оно состояло из трех черепков; от мытья головы теплой водой проходит все бесследно на 1/2 часа, а потом накапливается опять. Очки обновил — не помогло. По-видимому мозг тут ни при чем — склероза никакого. Отстой крови 4 миллиметра. Гемоглобину достаточно. Желудок в порядке. В зубах все благополучно. Думают: фокальный (фокус!) гландный ревматизм. Духовно я в порядке: идеи, и статьи, и даже стихи идут клубом, как ленточный глист; а работать больше 2 часов в день не могу — головная боль усиливается до слез. Обнимаю Вас. Господь да хранит Вас. Ив. Солоневич[21] провоцирует Антона[22]. Скажите последнему, чтобы не отвечал. Солоневич продажный агент туземцев.

Пишите! Каждое Ваше письмо — мне радость!

Обнимаю Вас душевно. Н<аталия> Н<иколаевна> шлет дружбу!

Ваш И.

1939.II.25.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chméloff
91, rue Boileau, Paris, 16-e
France

335

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.III.1939>***

<Открытка>

4. III. 39. Iv. Chmélov

91, rue Boileau, Paris, XVI-e

Милый друг, Иван Александрович, — душа моя с Вами, жалею — не сказать, как, что Вы так страдаете. Говорил я с dr. Серовым, объяснил из В<аших> писем все проявления болезни. Говорит: о-чень возможно, что оно так и есть — от инфильтрации, но нельзя утверждать твердо; *бывает нередко*, что после вырезки гланд — сразу кончается боль, и — полное выздоровление. Заочно нельзя определить. Когда **можно** вырезать гл<анды> — это уж осмотр решает, и *состояние сосудов*. Если склерозом не затронуто — можно, а при склерозе (т. е. в возрасте) мож<ет> быть кровоизл<ияние> (но это к 60 годам). А у Вас — нет и признак<ов> склероза. Да раз врачи настаивают — Благослови, Господи! Вы *будете здоровы*, в Вас есть **сила**, держите себя в руках. Вы — жизненны, и потому — будет хорошо. А «помойку» надо устранить из глотки, этот яд. Уверен, что и antigr<ippal> облагодетельств<ует> Вас. Титова звать Андр<ей> Андреев<ич>. Это его отец звон Ростовский сохранил (Кул<иково> Поле). Сколько стоит — оставьте, мы с ним разделаемся к<ак>-ниб<удь>, я ему должен и плачу помаленьку. А на буд<ущий> раз — спишетесь, узнаете, сколько стоит. И помните: *каждые 3 мес<яца>* — прививка! Обоим! Целую. Отпишите. Как здоровье?

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Что и где пишете? Когда книги? Напишите о себе! Как — antigrippal?

<Приписка:> Титов буд<ет> доволен — рад В<ашей> книге.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. I. Ilyin
Zollikon bei Zürich
Alte Land Str. 12
Suisse.

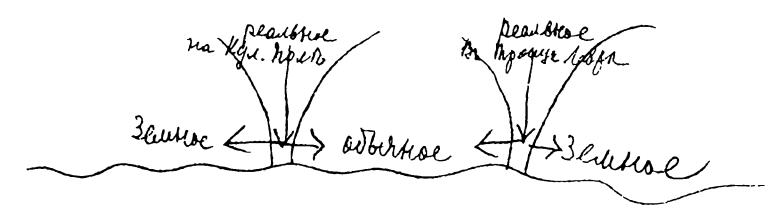
336

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<16.III.1939>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Только что прочел Куликово Поле и отер слезы. Ну — и пишу. Но не о том, *как* Вы совершили этот рассказ, хочется сказать Вам кое-что, а *по существу.* Мастерство Ваше велико и чудесно; оно и тут выговорилось. Но, мне чуется, что *Вам мешала какая-то содержательно-предметная оглядка.* Как будто Вы сами *недоповерили* — и *плэ́ромы* предметоутверждения нет. «Оля» — *в предмете*, а автор, следователь и Олин отец — *возле* предмета. И притом так, что у автора часть души в предмете, а часть <u>о</u> нем, но не *из* него.

Не понимаю, почему? Какая интеллигентность столь интеллигентна, что может сказать *нет* реальности реального? *По-моему* — <u>*так*</u> <u>*все*</u> <u>*и*</u> <u>*было*</u>! Зачем? Почему? Не видно. Вот вроде этого:



Мы должны *принимать* это, спускающееся в воронках к нам из того мира в этот, «Реальное» — *опытом*, не требуя сразу: «карты на стол» «объясняй все до конца». Здесь <u>*не*</u> в *объяснении* дело, а в *удобопредставимости*, которая дается *опытом.* Вы выговариваете *закон* потустороннего бытия — «нет времени, все сразу», нет пространства, все вместе и рядом; *это так и есть.*

И я это *почти* вижу. В сновидениях во всяком случае осязаю ясно.

И еще другие законы: «узнаю́, не разуме́ю, что *узнал*»; «осязаю дух духом, не осознав еще, что́ осязал»; «знаю бессловесно — кто и что — а ни сознанием, ни именем не постиг».

Так вот, хочется Вам сказать: *это все так* и *есть*; и я плакал от счастья, что *оно так* и *что Вы это так и показали и выговорили.* Но у меня не было чувства, что Вы сами точно удостоверены и *окончательно обрадованы* тому, что это так. И от этого мне грустно. И это хочется Вам сказать. Простите, если огорчил Вас этим. —

8-го меня оперировали. Прошло (6—7 минут) скоро и почти безболезненно. Но потом начались боли. Неделю был в больнице, не спал и почти не ел — спасался Трейпелем[23]. Со вчерашнего дня (15-го III) дома — очень медленно идет заживление. Глотка сплошной струп. Поплевываю кровью. Темп<ература> днем 37.3. Как есть — так мучение. Слабость такая, как если бы болел недели три лютою ангиною. Доктора *очень* довольны. Оператор говорит, что *заживление идет как у двадцатилетнего юноши.* Что же я скажу? Расхождение в восприятии...

Чехия кончена. Больно, но они этого заслужили. И вряд ли Сыровой[24] не продался... Однако это *не* последнее слово истории.

Спасибо Вам, дорогой, за письма и за Куликово Поле! Пишите мне, мне каждая весточка от Вас мила! Книга моя «О тьме и скорби» разрешена в Риге к печатанию (наконец-то!) и будет набираться: Бунин. Ремизов. Шмелев. Жду первых гранок. Пишу я в малой прессе: Правосл<авная> Русь, Новый путь, Часовой. В Возр<ождении> не могу — очень уж глупа и подла их позиция по отн<ошению> к немцам.

<Приписка:> Посылаю Вам проспект моей нем<ецкой> книги и горько скорблю о том, что она написана не по-русски и что до Вас она не дойдет...

<Приписка:> Оперировали меня в больнице Красн<ого> Креста. «Сестры» рассказывали потом, что я был «очень храбр» на операц<ионном> столе; а я писал им нем<ецкие> стихи, а они были счастливы и горды.

<Приписка:> Очень прошу Вас: *пришлите мне адрес Карташева и адрес Деникина.* Душевно Вас обнимаю. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет Вам привет. Да согреет

Вашу душу *оттуда* светом и ласкою Ольга Александровна!

1939.III.16. Ваш ИАИ.

337

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<27.III.1939>*

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Ничего лучшего этой сказочки[25] не сумел придумать для инвалидов. Простите, пожалуйста. Вы ее знаете.

Все еще боли в носоглотке, все еще температура и слабость. И *все это* в проклятой связи с головной болью. Господи, как я устал ото всего этого!

Боюсь, что мои соображения по поводу Куликова Поля — огорчили Вас! Но не мог же я, не *смел* же я быть неискренним и не высказаться... Простите и за это.

Вакцина *спасла* меня, по-видимому. Если бы я схватил после операции грипп — то был бы каюк наверное. Это только болтовня, что операция легкая и пустяшная. Нет, она мучительная и опасная. Спасибо Вам за вакцину.

«Крестопоклонную»[26] получили только сегодня. Еще не прочел.

Пришлите мне, пожалуйста, адрес Карташева. И не забывайте меня.

С отвращением слежу за тем, что делается в Европе.

Обнимаю Вас

1939. III. 27. Ваш ИАИ.

PS. Совершенно доверительно

Я издаю здесь в *карандашном* виде и в *единственнном экземпляре* журнал:

«Идиотика-Обормотика»
Журнал для необузданных художников
и нераскаянных философов
С девизом: расстегивайся и валяй!
Дозволено цензурою.
Цензор Н<аталия> Н<иколаевна>.

Если Вас это интересует, то я могу прислать Вам выдержки на пробу. Но с уговором: *Никаким посторонним лицам* не показывать.

Это — катакомба и гетакомба,
криптограмма и монограмма,
а нисколько не почто-теле-грамма
и не для профанов,
а для «Иванов».

Цензура говорит: «И<ван> С<ергеевич> не может, он непременно кому-нибудь покажет!<»>

А я говорю: я потребую: «Клянитесь!»

(Тень под землею: «Клянитесь!»)

Застрявшие у меня монатки посылаю Вам на счастье! Нежно и сердечно благодарю за Bilivaccin!!

338

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<30.III.1939>*

30. III. 39 г. 91, рю Буало, Париж, 16.

Виноват очень пред Вами, милый-милый Иван Александрович, — как я сочувствую Вам в болезни и как бессилен облегчить боли-скорбь Ваши! — так замотался я и с событиями, и с натугой к жизни, и с недомоганьями слабости и болеваний моих, и с необходимостью работать, когда не работается, — вакцина предупредила грипп, а то все эти дни одолевал «рюм» и начинался бронхит, — погода холодная, неделю не выхожу... — но температура была норм<альная>, и это отношу к антигриппалю. Собрался написать Вам, а тут и началось недомогание. «Крестопоклонную» писал под кнутом, начерно сдал, сил не было выписывать. И сам недоволен. «Кул<иково> Поле»... — конечно, Вы правы, да я же и предупреждал Вас, какое во мне томление и сомнение. Ну, примите это за «рассказ следователя». А был час, когда я, пиша ночью, плакал... Это задача сверх-трудная. Бьюсь в сомнениях, не найду простой веры, детской, горкинской, «Васиной». Но **чувствую**, какая она, и как «Оля» принимает, и как барахтается «интеллигент». Близится «срок» мой, и страшно быть **таким**. И все-таки рад, что хоть как-то — о, как слабо! — а написалось «К<уликово> П<оле>». А теперь подходят трудные очерки «Лета Господня», самые грустные. «Под гору пошла дорога»... Эх, только

бы Бог дал сил завершить «Пути Неб<есные>»! Чтобы не забыть: адр<ес> Карт<ашева> — 3, рю Манин, т. е. **Манин** (Manin), Пари, 19 арронд. Адр. Деникина — 40, рю Лякордэр (Lacordaire), т. е.: Л, а, с, о, р, д, а, i, р, е, Пари, 15 аронд. За «счастье» в 65 сант. — благодарение. Но урекаю и воздеваю руки: дай-те же для Инвалидов! «Овца» — заним<ательная> сказочка, но Инвалидам, *этому №*, — однодневке, — призывному! — **нужно** — Ваш глас, **слово** о нашем долге, — об этом-то и просили меня на редакц<ионном> заседании Ком<ите>та, ибо Ваше слово — о долге жертвы — слово Учителя, водителя, чем Вы дороги всем русским людям, именно **Ваше** — Ивана Александровича Ильина, един-ствен-ного у нас! Так и поминалось многократно в заседании, и я выразил надежду, что «слово» будет. А «Овцу» Вы прислали без подписи, анонимно... не смею я ее предложить, это же не отписка, не отмашка — дать в этот №! — а нужна «жертва», и нужно поднять волю к жертве. Положение инвалидов — тягчайшее ныне, если бы Вы только все знали! У Вас, уверен, сразу откроется «ключ» и забьет, как только представите **все**. Дайте хотя 80 строчек, но Ваших, с В<ашим> именем! Да я уверен, что в Вашей «Их шауэ инс Лебен»[27] — которую я не могу — увы! — прочесть! — найдется **нужное**. Читал о книге в «Сег<одня>» смутное словолитие Гр. Ландау, — вот, умеет слов накрутить, а все — будто дали тебе рагу из жеваной бумаги под чернильной подливкой... как говорится — писано-переписано село Борисово, писал поп Ерошка, да я немножко. Возьмите карандаш — Вы все почему-то карандашите, — а это плохо, каранд<аш> линяет, выцветает, и через 3—4 года — чиста бумага, а Ваши письма должны **жить**! — Так вот, возьмите карандаш, осените себя крестом, и — в десять минут Вы дадите «слово» — золото: тем-то сколько! «Когда рушится все... когда мир горит и плавится, и в этом стихийном пожарище и погроме все ценности и т. д. ... когда уже нельзя сказать, что гомо гомини люпус съест[28]; а два антихриста — Ганс и Алеко[29] — засучив рукава, умывают морды и сворачивают скулья перлам государственн<ых> образований, таким вдохновенным

героям человечества, как незапятнанный Бенешьянц[30], или благородный испанск<ий> дворянин[31], наследник Дон-Кихота и Дон-Жуана, костями легший за народ на шан-з-Элизэ... ныне отошедший в Елис<ейские> Поля... Негрин[32] или Д-Вайа[33], или как благороднейший из народов, народ предопределения, народ Моисея, (Самсона!), Илии, Ноя и Муходоносора, Адама и Онана, нард и шафран, алоэ с маслом и гвоздикой, должон метаться по всему свету, и даже екстренно летать в воздухе на коврах самолетных... убегая смерти и заушения — и избегая райской страны, ю же уготовал российскому Ванюхе, — — — когда Два бича Божия, рожденные великой русской революцией, встали на перекрестках земли суд чинить и расправу и всем сестрам по серьгам... когда великие демонократии и т. п... силятся сдержать напор чувств... самых благородных, как например проявлены в конце сентября, когда так благородно отдали великий залог безопасности и блаародства мира на великодушие непобедивших победителей... — в это время 6666 рус<ских> инвалидов Великой Бойни... протягивают в небо костыли и слабый голос их тонет в грохоте и реве всеобщего блаародства... долг русского бедного человека должен быть выполнен, несмотря ни на что...» Знайте: инвалиды ждут, и имеют право... не откажите. «Отмашка» строго воспрещена. Для Вас продлен срок — до 9 апреля! Но Вы пришлете — 4-го. Ибо всего хоть 50 строк. Закройте глаза, вообразите, что пред Вами все 6600 калек и голодных, когда-то опаленных — все, все!!! — огнем бойни... и **за** ними Россия, Вы найдете слова, Вы, сын Великой, достойный сын, учитель, духовный вождь, единственный у нас... Просто и сильно, и властно: помните, русские люди, мы — в пути, мы в разгроме, но мы — мы, и мы несем, все еще несем наш **долг**... несмотря ни на что. Ах, будь теперь Россия...! Милый друг, не ужасаться надо, а... — что посеешь — то пожнешь! И разве не чуете — Вы-то! — что час близок... что **этим**-то и близится освобождение. Что теперь даже самые идиоты-политики сознают — пока про себя — что они натворили, оставив Россию на поток бесам, с

которыми и икру жрали, и водку пили, и вместе обирали... и не замечали, как **там** кровь пили нашу, — и у самих губы в этой крови... Пусть же все нечистое сгорит... — так расплачивается жизнь за надругательства над ее основами. Для неверующ<их> — это «историч<еская> немезида», для вер<ующих> — суд Божий. Захватили русское добро — золото! — предали Колчака, думали наслаждаться в созданном **так** государстве, а вышло... в яму! Или... — напр<имер> «цимбалисты»[34], раздувшиеся в великую державу... по приказу великих демонократий убивающие «при попытке к побегу» — сотнями... — сопоставьте поездку корольчика в Альбион, его возвращение, и через нес<колько> дней — пиф-паф! За все, за все... и вурстычи и макароничи — метла истории. И они сгинут. Я жду «слова». — Да, Вы правы: операция Ваша — была серьезная. Я не смел вмешиваться. Отсоветовать. Докт. Серов мне говорил — надо семь раз примерить... Но там же у Вас тоже хорошие доктора. Слава Богу, оправитесь. Только бы эти головные боли минули. С<еров> делает опер<ацию> только очень молодым, до 40 л<ет>. А то лечит, и, каж<ется>, удачно. Причина гол<овных> болей разная бывает, говорит. На нервной почве, тоже. Не нравится мне прицюрих<ская> местность, низина, туманы, сырость. Я там в прошл<ом> апреле схватил такой грипп, что все лето мучился головокружением. А я было возрадовался, когда получил Ваш веселый листок из журнала «Идиотика-Обормотика». Пришлите выдержки, к<а>к обещали. Сдержу язык. Жаждаю. Гоните мрачные думы, уповайте! Да Вы же мудрей меня — знаете. М<ожет> б<ыть> надо пищевой режим изменить? Ешьте морковь, сок ее! М<ожет> б<ыть> Вам нужны особ<енно> витамины. Я пью морк<овный> сок, сырой, тру морковь, молодую. Все было ничего, а посл<едние> две недели — слабость опять. А то мог писать. Бром все пью... — чуть оставлю — начинается «игра». Я на 10 лет старше Вас, в октябре будет — 66! Но надо донести бремя... Если бы Бог открылся в сердце — какая бы это радость, и к<а>к легко бы **все**..! Не умею найти..? Дорогой И<ван> А<лександрович>! Чаще пишите мне,

сколь можете. Есть у Вас — лекция? — избранное из поэзии... о Боге, о России? Вы, помнится, читали, каж<ется>, в Берлине, в день Культуры?[35] Прислали бы... Скажите, что мне читать... дабы облегчить — найти Господа. Евангелие порой читаю, но так... рассеянно. Душу как бы собрать? Простите — скулю, скулю... Очень я одинок... тает посл<едняя> воля, и страшно умирать. Почему? Ведь жизнь-то моя — не жизнь, а унылое прозябанье, бесцельное... да, да... несмотря ни на что. Даже на «вихрь событий». Бог даст — лучше и лучше будет Вам, пройдет «самоотравление». Обнимаю. Сумерки, надо отослать письмо. Говеть бы надо, Страсти подходят, а нет воли, лень, ни-чего не хочу... устал. А надо к Пасх<альному> № писать... три дня сроку остается. А иначе и квартиру не оправдаешь. Но как же Вы на жизнь-то добываете? Ведь «Прав<ославная> Русь» (какая она стала — бездарная!) и проч. — это — нуль с грошем. А в швейц<арской> печати..? И у меня все кончается — ни переводов, ни книг. Сербы еще дают по 600 фр. в м<есяц>. Каждый очерк в Возр<ождении> вместе с «Сегодня» — дублэт[36] 700 фр. Надо не меньше двух очерк<ов>. А где тут... А «Кул<иково> П<оле>» в «Сег<одня>» не печатал, ибо — «с продолжением», чего там не любят. Ну, Господь знает, как нужно мне, Его святая воля. Палкой меня надо бить, скота: ною, а ведь я в тепле, всыте, когда миллионы страждут нищими, у кого все, решительно все отнято. Господи, прости мне.

Бодритесь! Наталия Николаевна, стыдите унывающего! Ив<ан> Ал<ександрович>? Когда будете в Париже? говорить? а? Жду, жду.

Обнимаю.

Ваш Ив. Шмелев.

339

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<1.IV.1939>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за милое письмо и дружеское сердце! Посылаю статью и добавляю к ней комментарий. Я

привык, что Инвалиды требуют статью и печатают ее на задворках. Это не обида. Но я уже привык к задворкам, и на набатное воззвание и не думал (по скромности) рефлектировать. То, что я *сейчас* посылаю (на 80—90 строк) — требует видного места или просто первой страницы. У пса под хвостом — это будет нелепо. Но — Вы этого хотели, Георгии Дандены[37]. Дак — получайте.

Писал, *изнемогая* от болей в голове. Доктора же говорят, что так и надо: это вспышка острого ревматизма после удаления фокуса... Террррплллю! Очень крушусь о том, что Вы пишете о вере. И разве этакое «вычитаешь». Вот Сенеки — Трактат О божественном Провидении — дивно! Как Орел от Господа клекочет в ухо духа слова утешения[38]. Вот Феофана Затворника — Путь к Спасению — чудно. Но тут дело — в *своем* духовном оке —, оно должно моргнуть как-то и прозреть... И что *Вам* лично мешает моргнуть — прозревающе — не вижу. И крушусь. Будь мы вместе, я бы снабдил Вас всеми моими материалами и черновиками. Но м<ожет> б<ыть> это и не дало бы ничего.

Где пишу? «Новый Путь». «Православная» газета на Владимировой. «Голос Русской Молодежи». Даже в Часовом скоро выйдет. В *большую* прессу теперь таких фруктов не пускают.

Вам помог Преп. Серафим. Не сомневаюсь в этом ни минуточки. Вот и помолитесь ему *обо* мне, а то *изнемогу*.

Бёркли[39] пишет: «мы не видим Солнца (Бога) — потому что сами пылим». Пылим и мокнем. Все мы. И я.

Да поможет нам Господь. Он ведь близок, клянусь Вам, ближе, чем наша собственная сонная артерия. Поймите же: Вы *сами* = Его костер. Вот *Он* какой.

Христос Воскресе!

Обнимаю. Ваш И.

И каждый день температура 37.3—37.4.

1939.IV. 1.

Не боюсь никаких первых апрелей.

<Приписка:> Мне дали дивный рыбий жир: Sana-sol — как нежное апельсинное желе — ни отвкуса — ни «воспоминаний» — чудо природы — феномен! Как только полегчает голова — пришлю Вам из Идиотики.

340

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<13.IV.39>*
<Открытка>
13. IV. 39 Христос Воскресе!

Дорогой друг Иван Александрович, — лучше ли Вам? — не знаю о Вас, замотался, писал, говел, одиночествовал в тоске. Сил не мог собрать — писнуть, а надо в два кнута гнать — пиши, пиши, — но все время думается о Вас. Господи! Слабый духом, молился и молюсь о Вашем здоровьи. Известите же, прошли ли голов<ные> боли, как силы?

Получил от Зиле откр<ытку> — скоро книга Ваша выйдет. Об «Инвалиде» дали сильно, глубоко, по-Ильински. Спасибо!!! Будет помещено подобающе — урекну растяп. Знаю — Вы в великой славе и значении у них — у всех нас.

Подхожу в своем «Лете Госп<одне>» к печальным событиям, и трудно кончать. А тут влезло в душу новое — долгий ряд этюдов, вроде Ваших «Ich schaue...»[40], но... — *мое*, предметное, вещевое, я — в вещах и чрез них... Нравится Вам словечко, — «Черемуха»..? или — «Первая река»... или — «Пыль»... не быль, а — *пыль*... Так вот погляжу скрозь граненое яичко... На сотню этюдов хватит. Т<ак> ск<азать> — «хрестоматийное». *Для отдыха*... и «срока» — *terme'a*.[41] Зовут отдых<ать> в Ниццу — читатели, но... не рискну ***ныне***. Сиди, где сидишь. Но пока будет разговор с... цымбалистами. Близится судьба «собак дьявола»! Должны расплатиться. Все — ложь, лицемерие, гнусь. Как бы изжито святое в народах. Но это — *внешнее*, а вот — о себе успокойте. Дай Вам Господь исцеления. Привет Вам обоим.

Ваш Ив. Шмелев.

<Адрес И. С. Шмелева:> Iv. Chmélov
91, rue Boileau, Paris, 16-e
<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. I. Ilyin
Zollikon/Zürich
Alte Land Str. 12
Suisse.

341

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<3.V.1939>*
<Открытка>
1939. V. 3 Воистину Воскресе!
Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Простите, что не сразу ответил. Ваш замысел хрестоматийных островов бытия — *превосходен*, радуюсь ему; это будут литературные шедёвры. Пишите, как только что-нибудь зацветет в душе. — «Инвалиды» остались верны себе. Сегодня 3 мая. Мне *не прислали даже номера газеты*. Это обычные афронты от них. И мне думается, что Вы напрасно каждый год раскачиваете меня для них. Если у Вас есть лишний номер ихней газеты, то пришлите мне, пожалуйста. Ведь здесь-то и *купить негде*. — По мере того, как идет время, доктора все отодвигают срок моего выздоровления и уверяют меня, что после такой операции бывает 20 раз хуже: бывает так, что по 9 мес<яцев> в постели лежат и никакой морфий не помогает... Лечить не лечат. Одни говорят, что это воспалился nervus trigeminus[42], другие, что это остатки головного ревматизма. А я мучаюсь — и сквозь муку пытаюсь кое-что создать. Если доктор Серов понимает по-немецки и захочет дать мне заочный совет, я бы прислал ему описание общее на двух страничках. Там у меня так все проанализировано, что, кажется, всякий увидит... Пасху встречали грустно. *Поп тут ужасный*. Пришлось у него говеть... Дайте, дорогой, весточку о себе.

Обнимаю. Ваш И. И.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
91, rue Boileau, Paris, 16-e
France

342

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.V.1939>***

<Открытка>

9. V. 39. 10 ч. в<е>ч.

Дорогой Иван Александрович,

Три недели у меня опять головокружение, 1-й д<ень> полегчало, вспр<ыскивали> мышьяк и проч. — потому не сразу ответил. Слабый (скрытный) грипп (т. к. приним<ал> bilivaccin) все же меня ослабил, и вот — итог непосильной работы! За 3 1/2 мес<яца> я написал 7 б<ольших> очерков (из них 3 главы Кул<икова> Поля), а силы мои слабы. Отсюда — анемия и неврастения. Это — 3-ий раз за 20 мес<яцев>, как страдаю головокр<ужениями>. В пр<ошлом> лете — тянулось 2 1/2 мес<яца>. А посему — не работаю. М<ожет> б<ыть> на дн<ях> — начну. А теперь — к В<ашему> состоянию и письму. Пришлите скорей историю В<ашей> болезни, но лучше — по-русски! М<ожет> докт<ор> не все понять, мало знает язык. Он мне раньше говор<ил> — за-чем выр<ывать> гланды, я после 40 лет отказываюсь делать это. По сл<овам> Б.[43] опер<ация> у В<ас> сошла хорошо. Сер<ов> — хор<оший> диагност, на днях Бунин (а он ка-а-призный!) пропел ему дифирамб. Шлите! С инвалидами... — Вы неправы: этот № приурочен к Св. Никол<аю> — 9 V ст. ст. — т. е. к 22 мая, а не к 1-му. Получите вовремя, я скажу. Очень я тревожился за Вас, хотел писать Н<аталии> Н<иколаев>не. Известите. Сер<ов> говор<ит>: возм<ожно>, что это головной ревматизм, но заглаза не мож<ет> сказ<ать> твердо. Пришлите описание хода болезни. — Непрестанно в душе **?** о — **главном:** О Боге, о буд<ущей> ж<изни>... — нет мне покоя. В «Кул<иковом> Поле» тщился найти себя. Исходил из **факта**, *доверительно мне сообщ<енно>го.* Не могу отказ<ать> в доверии. *Не для* чего было сие выдумывать. *Из чего* родится сказание? Из **чего**-то, из **зерна** + **вера**. И было сие с людьми просвещенными. Стал перечитыв<ать> «Пути Неб<есные>» — надо спешить. Докончу «Л<ето> Госп<одне>» (4 оч<ерка>) и благословясь приступлю ко

2 т<ому>. Подп<исал> догов<ор> на нем<ецкий> перев<од>. Перев<одчик> А. Лют<ер>. Изд<ательство> — в Мюнх<ене> — Kösel und Pustet. Месяц — ничего не заработал. Ив был на Con<cours> gen<neral> — матем<атика> — пока неизв<естно>. 19-го б<ыл> на C<oncours> g<eneral> по физике — на ученого пойдет.

Целую. И. Ш.

<Приписка:> А рана моя — болит, душевная.

<Приписка:> Жду книгу В<ашу>. Милые, будьте здоровы.

<Адрес И. С. Шмелева:> 91, rue Boileau, Paris, XVI-e.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. I. Ilyin
Zollikon b/Zürich
Alte Land Str. 12
Suisse.

343

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<1.VII.1939>***

<Открытка> 1. VII. 39.

Милый, дорогой друг Иван Александрович,

Все недомогал, писал через «не хочу», и не было дня, чтобы не думал о Вас. Да известите же, хотя кратко, как здоровье? *Не падайте духом.* Дознавал у монахов, и вот что дознал: выздоровление будет, но приход<ит> *медленно*, иногда даже до году боли, после такой операции. Дочь Бернацкого, художница, ей 35 л<ет> — мучилась болями головы, шеи, плеча, руки... — приход<ила> в отчаяние. Теперь все прошло, а после вырез<ания> гланд боли были великие в теч<ение> почти 9—11 мес<яцев>. И еще такие же случаи, как Ваш. Врачи говор<ят>: скажи им (больным), что и после опер<ации> боли будут долго, — редкий соглас<ился> бы опер<ировать>ся. *Не унывайте!* Скоро б<удет> облегчение. Почему не прислали ист<орию> болезни — мне, для Серова. Он великий диагност, Б<ожьей> милостью, хоть и каж<ется> блаженным.

Когда же выйдет В<аша> книга «Во тьме и скорби» (о писат<елях>) и — другая? У меня было 3 гриппа (но

легк<ая> ф<орма>) и головокр<ужения>, и «язва» просыпалась, и — душ<евная> разбитость. А — одиночество?! Написала мне из Голл<андии> — O. Bredius-Soubbotina[44], — благоговеет перед Вами.

Будете ли на съезде? Обнимаю обоих. И. Ш.

<Приписка:> Написал Радуницу!!

<Приписка:> Умоляю: ответьте!

<Адрес И. С. Шмелева:> 91, rue Boileau, Paris, 16-e.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor I. Ilyin
Zollikon Zürich
Alte Land Str. 12
Suisse.

344

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<6.VII.1939>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

А меня все томило и тревожило, что *от Вас* нет известий. Ох, хворает! Ох, тоскует! И «делов — пуды»! А работоспособность — урезанная «до зела». Вот и ходил, винясь заочно перед Вами. Да спасибо, открыточка Ваша утешила.

Спасибо Вам за вести и за утешение в болезни. Я постепенно отвыкаю от отчаяния и уныния, в коих пребывал с августа и по конец мая. Надчерепная-подкожная боль до такой степени проболтала свою неразрывную связь с болью в мягком нёбе и с тупым шрамным нытьем в бывых[45] гландных гнездах; зудение в подошвах ног столь ясно обнаружило свою связь со всем этим, а полиневрит в плечах, руках, пояснице — стал столь отчетливо слабеть и проходить; а работоспособность стала столь заметно повышаться, что я перестал чувствовать себя «Устюшкиной матерью», которая все собиралась помирать, умереть не умерла, только время провела. А доктора все еще ищут. Благо даром — пущай. Предстоит анализ крови в клинике...

Может и всамделе «пройдет»?!

Испугали и удручили меня Ваши три гриппа. И что «язва просыпалась». Спала бы она уж, с благословения Преп. Серафима!...[46] Пошли Вам, Господи, сил!

Субботины — целое гнездо хороших людей. Пишут недавно: мать и сын в Берлине (мой ученик), а дочь замужем в Голландии — зачитываемся Шмелевым, плачем! А я только порычал: «идиоты, где же доселе были? ну, уж ладно!»...

Огорчение. В Риге в Рус<ском> Ак<адемическом> Обществе — *полный развал.* Образовалась партия под влиянием берлинских «русских нац<ионал>-соц<иалистов>» — интриганы, лжецы, клеветники; оклеветали Романа Мартыновича (в чем? — *ни в чем!* — «подозрительный человек») — завладели случайным большинством. Все *мои*, серьезные, выходят, или уже вышли. Воцаряются дураки и подлецы. «О тьме и скорби» — повисает в воздухе; печатание книги откладывается; склока будет тянуться; я только и жду момента, чтобы выйти из *Почетных.* Вы были тоже избраны в *Почетные*, но Вас не успели еще известить. Мой отказ уже у Зиле в кармане. Если Вас известят *новые подписи* — не отвечайте, снеситесь со мною. Главные гады: Алексей Пиранг, Шатров, Никитин и Перов. Инж<енер> Толстой их кукла.

Я огорчался этим — без конца! Но Зиле пишет, что они будут бороться, вызволять книгу и организовывать печатание ее вне РАО[47]. Долго! Грустно! За Зилю я ручаюсь. Клевета и инсинуация. Если бы Вы знали, что русские нац<ионал-> соц<иалисты> в Берлине про *меня* распускали год назад!! Прямо донос в Гештапо подали: «Ильин — агент большевиков»... Подумайте только... Даже уж и не смешно. Хотя, — когда мне сообщили о сем доверрительно — я лопнул от смеха...

Дошла ли до Вас моя статья «Расчленителям России». Газеты Сашки Лодыженского «Новый Путь» № 71. В «Мече» № 25 от 17 июня (не вся). В Нью-Йоркской «России» от 11 июня. Если не найдете — пришлю в виде вырезки.

Ваши главы в Возрождении — *превосходны*! Спасибо! Читаешь — и Россию ешь! Чудно[48].

А что Белград не издаст «Тьму и скорбь»? Может быть, еще кто-нибудь? К Рахм<анинову> я *никак*

не могу обращаться: он внес за нас здесь кауцию в Fr. 4000. Я *не* просил его — *сам.* И все-таки это невозможно... Уж очень хочется ее выпустить...

Материально выбиваюсь из месяца в месяц. На съезд РТХД[49] в Париже — доктора не пустили. Если не будет войны — приеду, м<ожет> б<ыть>, осенью.

Видели ли Вы журнальчик «Грань» — книжечка 1 раз в три месяца? Они просят, чтобы я Вам покланялся от них — дать им что-нибудь. А мне утруждать Вас совестно.

Ивашку Солоневича (гад последний! наемный агент Геббельса, живет под Берлином в отнятой у евреев вилле) — прекрасно обработал Цуриков. И брат Сол<оневича> — Бориска — тоже наложил. По-моему и Бориска и Ивашка — оба гады.

Затеваю выпускать заочный курс «О будущей России»[50]. С сентября? 2 раза в месяц по 1 печ<атному> листу. По подписке и без. Во Франции 3 франка, 6 в месяц...

Душевно Вас обнимаю от себя и от Нат<алии> Ник<олаевны>.

Храни Вас Господь!

1939. VII. 6. Ваш И. И.

А войны, пожалуй, не будет...

345

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<15.X.1939>***

15. X. 39. 9 ч. 30 м. веч. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Милый друг, Иван Александрович,

Сто лет не писал Вам. Последнее Ваше письмо было от... 6 июля! И я не отвечал. Ибо, помимо недугов, был во власти полного безволия. Это всегда у меня, в предчувствии надвигающихся грозовых событий. Оправдалось. Я и литературную работу забыл, — полное оцепенение. А Ваше-то письмо кончалось припиской: «А войны, пожалуй, не будет...» Но кто мог думать...?! А **оно** назревало и — прорвалось. Нельзя безнаказанно ковать и ковать мечи — сами взмахнутся. **Так**, значит, надо было **истории**. Нельзя безнаказанно дозволять зреть

чуме. В основе *всего* — и гитлеризма! — лежит большевизм, зревший при попустительстве и — дозревший. Ныне он разгорается пожаром. Подумать: 20 лет мы писали и возвещали, остерегали и взывали... — глас вопиющего в пустыне. Мои книги, больше, чем на дванадесяти[51] языках, — показывали миру пропасть, страдания, апокалипсич<еский> ужас... — их читали, их, порой, замалчивали («Солнце мертвых»), при содействии агентов III интернационала, — все впустую. Сотни Ваших выступлений, Ваши книги о «пропасти» и о «мировом зле», — Ваше слово пророка-провидца, — все впустую перед глухой стеной. И вот — итоги.

Помните, как в 19-м году ген. Деникин пытался договориться с Пилсудским[52], ударить вместе на большевиков? Испугались национальной, истинной России... — а мы тогда подходили к Орлу, еще бы одно усилие... — и вот, договорились поляки с красными, — и где теперь Польша?! Белая армия, добровольцы русские не договаривались с немцами, остались верными долгу и чести, союзникам... — все испили, все потеряли, кроме чести, всеми оставленные... и вот, продолжается, они снова, их дети и меньшие братья бьются во франц<узских> рядах с теми же врагами — немцами и большевиками. Неужели и теперь миру не ясно, где была Правда?! А она была у нас, от Бога, от нашего духа, от русского сердца, и она *есть*, и будет, и должна воссиять. Униженная и оскорбляемая часто, она ныне вопиет к миру под грохот пушек. Ныне искупается **грех** мира. Поймут ли это?! Поймут ли, что, в главной сути, гитлеризм — производное большевизма. И если сразят первый, должны покончить и со вторым. Иначе — не будет Правды.

Есть близорукие, что думают, будто, вопреки своему существу, больш<еви>ки «собирают Россию». Какая аберрация! Дьявол пытается обмануть рус<ский> народ, говорит об Алекс<андре> Невск<ом> и Петре, а дело его — вселенский пожар. Два идола подпирают друг друга, думая перехитрить!

Да зачем я все это пишу Вам, — Вы ясней меня видите. Господь спас Вас, вывел в обетов<анную>

землю счастливых швейцаров... — а то были бы Вы сейчас в узилище[53] искателей «жизненных пространств».

Как Ваше здоровье? Кончились ли боли головы, ревматизмы и невралгии? Чем существуете? Вот и план Ваш журнальный... — а теперь еще более необходимо говорить миру о подлинной России. Неужели и ныне Ее забудут?! О Ней забудут?! Подходят сроки — Ее рождению, ее Возрождению — для мировой жизни, Ее, чистой, омытой от большевист<с>кой коросты, выстрадавшей бытие свое — национальное, несущее миру Правду, попранную миром. Да будет!

Меня недавно радостью светлой осияло. Мои неведомые читатели (это О. А. Бредиус-Субботина) прислала мне 10 гульден<ов>, д<олжно> б<ыть> (227 фр. фр.) и привет ко Дню Ангела. Я сердцем заплакал... согрело меня, одинокого. Есть люди, помнят, — это высокий *гонорар* за мои тихие песни о России. Кто она, Ольга Алекс<андровна>? И... имя от моей Оли!

Что же теперь творится в Риге, в Печерах?!.. Господи, бедные люди. Европейцы не могут понять, — не умеют? — *на что* обречены там русские белые, — а сколько их там! Ад, кровь, муки, подвалы, расстрелы. Нигде ни слова о «подвигах» наших красных насильников. Гитлер оградил своих, вывозит к себе. И все это — с его попущения и по его приказу. Он ведет Сталина за ухо, ясно. Он знает, что одного толчка довольно — и красная армия побежит и разлетится в прах. Под Гродно небольшой отряд русских эмигрантов под командой Булан-Булаховича[54] двое суток сдерживал дивизии красных. Ну, м<ожет> б<ыть> нарвутся на финнов. Да, нет, договорятся: не в плане Гитлера, очевидно, до времени подвергать красных палачей разгрому. Впрочем, м<ожет> б<ыть> вобьют в голову рабам, что творится «собирание земли», м<ожет> б<ыть> проявит себя обманутый и пойманный на «Россию» дух русский, и накорежит во славу... Коминтерна! Мы — в апокалипсе ныне, м<ожет> б<ыть> ныне — «Суд Миру».

Что-то Роман Мартыныч в Риге, бедный!

Что же с Вашей рукописью «О тьме и скорби»? Вернули Вам? Тогда надо списаться с белградск<им> издат<ельство>м. Напишите Струве или... Штрандтману[55] — но только не Беличу. Я буду завтра писать, чтобы выслали мне за книги от издат<ельст>ва, 2 1/2 года не имею отчета. А жить тяжело, все обрезано. — Для меня Солоневич был всегда гадом. Его приемы — грязные. Это какой-то вывихнутый большевик, не без русской (грязной только) соли.

Журнал «Züricher Illustrierte» давно взял перевод R. Candreia (ее письмо от 18 VII) моего рассказа «Чужой крови» («необычайно красивый рассказ», отозвался редактор). Если бы напечатали и послали мне гонорар! А то я изнемогу, 3 мес<яца> не мог писать, да и газета съежилась, — если бы рассказ выручил! В июне я получил 500 фр. фр. за «Трапезондский коньяк», был напечатан в «Neue Züricher Zeitung»[56]. Мне на лекарства бы, очень дороги, а я все еще лечусь, до 200 фр. в мес<яц> уходит на лекарства, а доктору так и не плачу. Надо, говорят, мышьяк впрыскивать, Laristine (от болей), а ампула одна 8 фр. стоит, а надо 24 ампулы. Узнал я, что от гриппа хорошо 1 впрыск<ивание> omnahinn'a, да дорого. Я пока принял bili-vaccin antigrippal, из Biotherapie нашей.

Лоллий Львов написал до 12 стихотвор<ений> (на чтимые иконы Богоматери), очень глубокая идея, только надо бы стихи почистить. Читал мне — все о Руси. Как думаете, «Кулик<ово> Поле» не подойдет швейцарцам? Нет, не внимут сути.

Милый друг, напишите о себе, отзовитесь. 16 дней прожил я в S-te Genevieve, ходил каждый день на дорогую могилку. Но трудно было с пищей (режим-то мой!), я заболел, и вернулся к себе в Париж.

Чего мне бегать? Жизнь прожита, 66 лет исполнилось. И — одинок я. Yves[57] уехал в Le Mans на математич<еские> спец<иальные> курсы (до Scole Norm<al> Super), блестяще окончив лицей Buffon, с mention[58], — чтобы не терять времени до призыва в войска. Я — одинок. Тяну нить жизни, а она все тончает, тончает... Господи, увижу ли освобожденную

Россию?! Я о ней пропел **свое**, я поплакал над Ней, я взывал о Ней... — в меру отпущенного мне дара. Надо немногое закончить: «Лето Господне» и «Пути Небесные».

«Еще одно, последнее сказанье, —
И летопись окончена моя...»[59]

Кланяюсь Вам обоим, милые. Будьте под кровом Господа!

Ах, как бы я хотел побыть с Вами, послушать Вас... о многом-многом поговорить. Так все и не приходится. Устал, ночь.

Ваш, до конца Ив. Шмелев.

<Приписка:> écrit en russe[60].

346

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.XI.1939>***

14 ноября 1939 г.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Простите, что ответил не сразу. «Чужой крови» — Ваш чудесный рассказ, который я читал несчетное число раз и все снова дивовался и утешался, — не только принят, но и набран в Züricher Illustrierte. Война задержала. Всем сократили бумагу и место, а он им длинноват. Я объяснял им современность, «злободневность» рассказа. Они это сами чуют и очень надеются напечатать его до Рождества. Теперь я вымажживаю[61] из них аванс; постою за этим и буду справляться. Авось выможжу. Кабы знать, где и чем я мог бы еще послужить Вам?!

В мае Ром<ан> Март<ынович> привез мне главы о Бунине и Ремизове в перемашиненном виде. А глава о Шмелеве — застряла. И вдруг война, и вхождение красных в Латвию... Но вот на днях меня посетил приехавший оттуда швейцарец: привез главу о Шмелеве (отлегло!), приветы и рассказы. Там все по-старому. Красные войска избегают общаться с населением; страх взаимной заразы определяет отношения. Туземцы надеются, что *пока* «ничего не будет». Красные по-видимому понимают, что неосовеченные рандштаты[62]

будут «в случае чего» *охотно* отражать вторгающихся немцев; и потому подождут и будут играть в приличия. А от немцев можно ждать *всего*.

Положение я вижу так. Hitler сорвался и проиграл дело. Навредить он сможет много. Победить — *никак*. Сталин обматывает его вокруг пальца: шантажирует, обещает, вымогает, а даст пустяки. Даст столько, сколько надо, чтобы ра*жж*ечь войну, но *не* столько, сколько надо, чтобы пóбедить. Сталин делает вид, будто продается с аукциона, а на самом деле хочет *всех* обмануть и разыграть. В его «национальную русскую» политику не верю нисколько. Он может повести и национальную японскую и малайскую политику — ему безразлично. Еще и католиком прикинется.

Дорогой мой! Очень мне тревожно за Вас. Как Вы и что? Я просил мою приятельницу и ученицу Марину Александровну Квартирову навестить Вас. Но, увы, сам не доберусь. Будь мы в Париже, я бы Вас навещал, чтобы согреть Вас дружбою и любовью. Читают Вас *везде* — и всюду любят (кроме Степуна и других людей с жесткостью и фальшью в душе).

Материально мы с трудом переваливаемся из месяца в месяц. Морально и национально бодры. Боли в голове по-прежнему. Все исследования привели докторов к тому, что перенапряженные нервы, раздраженные до остроты возрастно-запоздавшей гландной операцией, спазматически судорожничают, пожирают весь сахар в крови и вызывают невралгически — (ревматические?) симптомы, именуемые «полиневритом». Пробую сейчас распрячь нервы электризацией. Помогает несколько беллергал. Права на работу не имею.

Спасибо Вам за чудесное письмо! Оля Бредиус (урожд<енная> Субботина) моя посаженная дочь; вся семья почвенная, православная, отец был чудным священником Бога Живаго. Оля замужем за голландцем возле Утрехта. Они весь последний год пили Вас, как нектар. Брат ее, мой ученик и издатель (союз Нов<ого> Пок<оления>) и мать пока еще в том городе, где я долго жил[63].

Очень интересно, что ответил Вам Белград (Издат<ельская> Комиссия)? У меня что-то нет предприимчивости предложить им свою книгу. Надо написать Евграфу Евграфовичу Ковалевскому[64].

Кабы были мы в Париже, я бы Вам всю новую книгу мою (Бунин *etc.*[*]) *вслух* прочитал! Особенно «*etc.*», т<о> е<сть> Шмелева. И почему: «О *тьме* и *скорби*»; и почему́ му́ка (Ремизов) не скорбь (Шмелев); и почему му́ка ни́чего не преодолевает, а жалость лишь соучаствует в му́ке... Все обсудили бы. Да вот...

Велели мне есть больше сахара. Подарили лишнее кило (килу́ сахарную). Жру. Авось...

Отзовитесь поскорее! Мы тут в одиночестве — больше, чем круглом — о-валь-ном — овальные сироты.

Н<аталия> Н<иколаевна> шлет ласковый, дружеский привет. А я обнимаю Вас до треска в косточках. Храни Вас Господь!

Ваш И.

PS. Какая мобилизация глупости и бездарности выходит в свет под названием «Возрождение». Я бы давно их закрыл бы; спасаются только одним Шмелевым. «Посл<едние> Нов<ости>» хоть умело материал подбирают и *умно* лгут. А эти постылые «любимые», дубоголовые «мекленбурги», задничные передовицы «непосеньке-шапкиных» и цинично-бормочущие «хари»-«жевские». Все сплошные «зубополкины». Грусть!

PPS. Помолитесь за меня, чтобы мне тут не очень мучаться! Чтобы муку в скорбь перетереть!

<Приписка:> Какая гнусность сделана над Польшей и Варшавой! Неужели Бог не накажет? Подумайте: разорвали сердце Шопена, хранившееся в урне — *символически* взять — это почти непереносимая мысль!

<Приписка:> écrit en russe.

<Приписка:> Professeur I. Iliine.
Suisse. Zollikon.

---

[*]) В этой этсетере́ вся душа книги!

347

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.XII.1939>***

5. XII. 1939. 91, рю Буало, Париж, XVI-е

Дорогой, милый мой Иван Александрович,

Порадовало меня письмо Ваше, бодростью и остротцой порадовало, чувствуется, что болезнь отходит, а боли, это «последняя тучка развеянной бури»... — и очистится вся лазурь. Дай Бог. Впервые — письмо Ваше без указания числа, и я не знаю, на сколько дней провинился я пред Вами, что только теперь пишу. Но я, милый друг, в раздавленности и расщепленности даже. Всегда события великого размаха и чреватости меня плющат. Не могу писать, дух сник. Но должен себя заставить, **надо**.

Благодарю за редакционные хлопоты, но что-то не верится, чтобы меня аванснули. Получил-таки из Белграда за книги от Державной Комиссии — пока — очень мало, 256 фр. фр., за ними остается свыше тыщи. Уповаю. Написал Ковалевскому. Непременно пишите туда, домогайтесь, чтобы вновь восстало из мертвого сна русское издательство, ведь ныне нигде нас не издают, все сжалось. Скажите им, Ков<алевско>му и кого там из более влият<ельных> знаете, проф. Беличу, Штрандтману, что единственное прибежище наше, созданное великой душой Святого Короля-Рыцаря Александра, — издат<ельст>во «Русской Библиотеки», что Шмелев, следом за Вашим великолепием — «О тьме и скорби» — даст свое благолепие — вторую книгу «Лета Господня», ход которой ныне обеспечен, ибо I-й том продается хорошо и скоро б<удет> исчерпан. Читатели давно ждут. И пусть дадут нам по авансу. Простите, маленькое примечание: непременно добавьте к заглавию «о тьме и скорби» что-нибудь еще... чтобы читатель или зритель объявления и книжного эталяжа[65] расчухал, о чем речь. А то скажет себе: я сам весь во тьме и скорби, с меня довольно, — и отойдет. Ну, вроде того, что, мол, — «новый свет на творчество Бунина и проч.», или — анатомия потрохов трех дураков и т. д... или — «всем сестрам по серьгам». А откуда эта пословица-баутка?

Была у меня Марина Александровна... по Вашему приказу, а потом я вызвал ее, и она приезжала, вчера, с братом. Хочу их познакомить с семьей Серова, у него Иринка-дочка, прелестная, м<ожет> б<ыть> они сойдутся. Это мне совесть подсказала: что же я не предложил Мар<ине> Ал<ександровне> с кем познакомиться, м<ожет> б<ыть> в одиночестве томится. Откуда такая «уездная» фамилия — Квартирова?! Должно быть какой дурак писарь переврал, а м<ожет> б<ыть> была — Кратирова, из духовного звания? А вот в Иркутске был один еврейчик-портной — Городовойчик! Вот этт-то вот «фамильный бриллиант!» Висят на душе у меня «Пути Небесные», надо продолжать, а в душе беспутье, или самые-то земные пути. Милый, не находите ли Вы, что современная публицистика, всякая, плавает на мели? что она некультурна, узка, низка, провинциальна, эгоцентрична, громка, звонка? что не хватает и вглубь, и ввысь, и особенно — вширь? Ох, нет уж величавости и глубины «Дневника Писателя», или — «С того берега», или — даже оттенка тени Пушкина! И главное — а куда же весь гордый «гуманизм»-то провалился, и остался один «манизм». О немцах не говорю, они в раже одичания полнейшего... а как же с куль-турой-то, достоинством **человека** — быть?! И кажется мне, что «человек» превращается в «гумункулюса», и выйдет из катаклизма, — если только выйдет — совсем волосатым и косолапым, а-ля-мандрилла. Не чуять, что идет великий обвал-провал! не слышать в «звуках земли» грохота величайшего из крушений, с которым едва сравнимо крушение «римской империи»! И на вопрос — «Что делать нам? и чем помочь?» — нельзя же отвечать Вальсингамовским — от слова «вальсик», что ли? — «Как от проказницы — ! — зимы, Запремся также от Чумы! Зажжем огни, нальем бокалы, Утопим весело умы — И! заварив пиры да балы, Восславим царствие Чумы!» А что-то вроде «Вальсингамовского» гимна[66]. Но там — отчаяние трагическое, а тут... «нечаяние трагического». Истертой строчкой газетной нельзя мерить ныне то дьявольское, что двадцать два года «принималось в

игру», когда, ныне, игра на крупнейшую из ставок человечества, на его **смысл** и **основу**! Если когда-то «узкий» Михайловский грозил топором будущему варвару-мужику, если покусится на «Венеру» — во-хватил-то, только «Венерой» и охватил «смысл и основу» — так как же ныне-то, не узкие-то, как же они не внимут су-ти, от которой все качества! Язва голейшего и отвратительнейшего из «нигилизмов» — красного, расползается, сливается с язвой извращенного германизма, и... рука не поднимается эту язву вырезать?! Непостижимо. И как же больно читать, что стегает в сердце и в душу — Россия, русские, ... — когда и Россия, и русские — жертвы, на которых пляшут дьяволы. Сами дьяволы отказались, себя отделили — от «России» и «русского», — а именуют себя Союзом Советских социалистических республик, а мир дотрепывает святое наше! Великое из множества «недоразумений». И потому горько. И потому — душа немеет. Напрасно Вы на Сеньку-шапку так... он по силе-возможности взывает, — и — странно! — куда глубже и нужней, чем «протчие»... Элементарно, мелковато, но... суть видит и скрипит перышком. Неужели Вы не получили права писать? Вот тоже — культурное доказательство культуры! Да как же это так..?! Не могу внять. В каком мы веке живем, в ка-кой части света?! Не могу внять. Вам — и не проповедовать?! И я молчу... ибо не привык к красному карандашу. Но я, как и Вы, все эти двадцать лет сказывали. Мои родные «герои» **все** сказали, Вы знаете. Я заставил высказываться всех, всех, всех... От самого себя до профессора «на пеньках», до няни из Москвы, до... да что же, неужели же мне еще добавить рассказом отходника и... честного жулика?! И доктор говорил, и землемер, и следователь, и дьякон, и псаломщик, и встречный-поперечный, и «бывший», и... небывший. Или же мне, на 67 году схватить винтовку, и — за самую эту «Венеру» и выше-куда — вмешаться! Безнадежно, и вот, дотерпливаю бессильно. Ну, будя.

Вчера, роясь в хламе бумажном, нашел начатое и неотправленное Вам письмо от мая 33 г.[67] Жалко стало

уничтожать, и я посылаю его Вам, Вы уж похерьте. От Вашей Оли Суб<ботиной>-Бредиус давно не имею известий, нашла ли своих милых. Пошлю ей в утешение «Пути Неб<есные>». Переходя к мал<ому> масштабу: попробуйте-ка пить сок тертой моркови, сырой! Купите терку, каждый день натирайте себе полфунта свежей морквы, выжимайте в тряпке, и пейте глоточками: сытно и благодатно. И сахар, и витамины, и будете здоровы. Укрепит сердце, нервы. Еще: ежедень сок пол-лимона и одного апельсина, с большим сахаром, куска четыре. Через месяца два и себя не узнаете. Станете толстеть, и нервы будут в вас петь Шопэна и Шуберта — «Неоконченную Симфонию». Вот вам, **мое** лечение — на 4 месяца. Но... не пропускать ни одного дня. То же и — Наталии Николаевне. А в Беллегарде Вашем — д<олжно> б<ыть> есть белладонна и гарденал. Это — седативное все, и полезное. Но от лимапельсинной морквы взыграете, и если будете строго соблюдать мое предписание — оба помолодеете на десяток годков.

Ну, так пишите в Белград, добейтесь, чтобы издали «Тьму и скорбь», а я закончу — постараюсь — «Лето Господне» — 2-ю книгу.

Благодатная Франция имеет всего в избытке, народ сыт, рынки полны, и если бы не затемнение — не поверишь, что мы в войне. Пока живу в тепле, и мог бы хорошо работать, если бы душа не расщеплялась. Принимаю успокоительное.

В такой я душевной разбитости, в таком волевом обмелении, что с 5 XII не мог *подписать* письмо! Вот, осилил, подписываю: Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Обнимаю Вас, обоих!! — как бывало орал на нас надзиратель гимназии — **обои** остаетесь.

С приближ<ающимся> праздником Христова Рождества!

<Приписка:> Не забывайте меня, пишите — и тогда я возьму себя в руки и буду писать **свое**.

<Приписка> écrit en russe. I. Chméleff, écrivain[68].

1940

348

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<18.I.1940>***

<Открытка>

18. I. 40

Поздравляю урекаю обнимаю ожидаю.

Шмелев.

349

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<20.I.1940>***

Милый и дорогой друг Иван Сергеевич!

Праздники прошли, а я Вас не поздравил. Лежал две недели в гриппе — никак не мог одолеть его, — ни лекарствами, ни потениём — не берет и все. А от гриппа воспалились оперативные шрамы и очень усилились мои головные боли. Чтобы есть, надо писать, а писать можно только ценою мучительных болей. Я вообще живу сквозь муку и *когда* это кончится, не вижу. В ноябре-декабре, казалось, слабеет, а теперь опять взмыло кверху. А доктора тут не интуитивны донельзя... Он или должен найти что-то в крови (etc.), чтобы дать *не*помогающее и дорогое лекарство; или же он имеет свою панацею (препарат от дристнёвой железы, или подкожный витамин, или экскремент из пчелиного яда) — который он вам и запускает, интересуясь вами только как объектом наблюдения и *сердясь* на вас, если от его экскремента вам не полегчало. Вот так и живу — с тревогой созерцая каждый следующий месяц прожитка, продираясь сквозь муку и пребывая в каком-то небывалом духовном одиночестве. Если бы отняли у меня моего Ангела-Хранителя — то я бы зачах окончательно. А она меня выкармливает — и я — как это ни странно, — прибавил за полгода — *три кило* в весе.

Дорогой мой! Поздравляю Вас с прошедшими праздниками и клянусь Вам, что если бы я был богат, то я давно уже обеспечил бы Вас и устроил бы Вам спокойную жизнь на солнышке. Но нищ есмь аз! Вчера читали сказку русскую про правду и кривду, так у меня

сердце умилялось и трепетало: «криводушнай-ят и правдивай-та». Но вот Господь все не посылает нам умыться из ручья, «влесть на дуп та» и «услыхать эфта бясовская таковища». Вот и побираемся. Так странно: уровень здешних русских не идет дальше сплетен и интриг. Поп (соборянин) злобный интриган, черносотенец и кляузник; член масонской «русской правды»*. Так ничего не придумал лучшего, как на исповеди допросить меня, не масон ли я, и получив категорическое (конечно) отрицание — допустить меня к причастию и *post factum*[1] *объявить меня масоном*... — А туземцы — считают себя законченными, каждый на свой лад, не «ищут» и *свободы духовного ви́дения лишены вовсе.* Каждый имеет свою готовую карманную «ми-мистику» и *ею* меряет людей. Словом, я чувствую себя в беспросветной ссылке. Права на труд не имею. И удивленно спрашиваю: «Господи! Я мнил себя слугою Твоим... Неужели я не нужен Тебе для России? Доколе же быть мне, забытым в чужом архиве?»... И — покоряюсь. Пла́чу, но не ропщу.

Дорогой друг! Спасибо Вам за «Рождество»![2] Как радостно было опять повидаться с Горкиным и посмотреть на рождественский рынок! Россия наша, чудная, бедная, умученная! Напишите мне, пожалуйста, подвинулось ли Ваше дело в здешней иллюстрированной[3]? Они клялись мне напечатать в декабре! Пусть *Кандрюшка* еще повертит пальцем у них! Господи, как грустна эта наша беспомощность.... и беззащитность.

Страшно жалею, что Вам затруднителен здешний язык. А то я прислал бы Вам кое-что, ибо я пишу и печатаю не менее восьми вещей в месяц (строк на 120 каждая).

Одна вещь называется «Ткань» — рассказ соседа про его отца, портного. Все мы одна ткань Божия и смысл нашей жизни в поддерживании и штопании этой ткани; каждый голодный и мучающийся — порвавшаяся нитка; а когда умирает человек, то он делается узелком с изнанки, закрепляющим общую цельность ткани. Так

* Давид Чубов.

думал портной — а сам из обрезков от богатых заказчиков — бедным соседям костюмы налаживал. И детям в наследство оставил *только* это воззрение. А дети *благодарят* Бога за это. Все — в 53 строках. In facultate theologiae moralis — dissertatio pro venia legendi[4]. Перепечатали 8 газет. Убрал меня, больного, Господь в какую-то дырку; — а я ему и из дырки осанну пишу. Авось смилуется.

Друг мой! Вы обласкали моих Квартирят[5]. Спасибо Вам за это! Они мне писали и *буквально благодарят Бога за счастье видеть и слышать Вас.* Они оба мои ученики — пять лет в семинаре моем сидели и на моих глазах сложились и выросли.

Здоровы ли Вы?! Как бесконечно грустно, что мы не видимся. Надо будет непременно найти друг друга на *том* свете....

Вопрос о пораженчестве всегда считал абстрактною глупостью и говорил: «если советы завоюют с Персией, Румынией, Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией или Финляндией — то я, безусловно, пораженец; но, если...» и т. д. И вот войну с Финляндией испытываю так: «*мы, белые,* бьем красных вовсю — в восстановление России и во исцеление ее» — «дай Господи» — этим все сказано. В раздел России не верю вовсе.

Пожалуйста, прочтите Rauschning «Hitler l'a dit»[6]. Вы знаете это по отрывкам, перепечатываемым повсюду. Теперь поймите, что *я знал* многое из этого *раньше*, будучи *там* и потому *с омерзением* следил, как некая газета с 1936 года бегала за «героем» и всюду подстилала ему архиерейские коврики с орлецами — статьи дурачка Сережи, вывертня Левки и Иулиуса[7] были пролганы, натянуты до глупости, и вредны России и русской эмиграции. Меня многие спрашивали — *не на субсидии ли они из Карфагена*, а я только пожимал плечами*. И когда теперь, после начала войны, они «nolentes»[8] заговорили обратное, *правду*, да еще тоном полной

* Ибо я знал наверное, где и когда ген<ерал> Т<уркул> вел от их лица переговоры о субсидии!! А ее им *не* дали! Они *за надежду* старались. И вышла «гибель надежды».

искренности, то я спрашиваю себя — *что же было раньше?* Неведение? *Или порочное ведение?*

Вот почему я перестал писать у них. И сейчас, когда у меня опять в сердце языки огня лижут небо и слова накипают, зовущие, ударные — я не могу им дать их и, увы, вынужден *вполголоса бормотать* у черствого карьериста «христианина» Шандры[9] Лодыженского («Но-вый — путь» = старое беспутство).

Вы можете писать там: художник решительно не отвечает за передовицу, и задовицу. А я — нет. И *когда* снимутся мои печати — не вем.

«Господи, устне мои отверзеши и уста мои возвестят хвалу Твою»[10].

И книга моя О Бунине-Ремизове-Шмелеве — лежит без движения. К моему великому огорчению и беспокойству Роман Мартынович переехал из Латвии туда, где я был раньше. Он, по-видимому, — *оптировал* и я ничего кроме беды от этого не жду. А я еще писал ему, что для белых в Латвии один исход — *ехать добровольцами во Францию*.... Известия от него скудные. *Я* бы не сделал этого *ни за что*....

Обнимаю Вас, дорогой друг, — крепко и долго. Да поможет Вам Господь во всех делах Ваших!

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет сердечный привет.

1940. I. 20/7 Ваш Иоанн Главоскорбный.

(то бывали главы — слезоточивыя, мѵроточивыя — а это скорбеточивая....)

Сегодня «мое именино», как говорил мой маленький племянник. Чокаюсь с Вами, пью за Ваше здоровье — мы два Ивана, сиротских сына. Господи, пошли нам «тако́вище»[11]!

350

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.III.1940>***

24. III. 40. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой, незабвенный, (не урекайте!) — перо смутилось и уронило каплю[12], — друг, Иван Александрович — Главоскорбный Иоанне! — Не было воли писать Вам, — даже Вам! — во-как я уплющен!

Ваше письмо от 7 января-ст.[13] остротой и игрой мысли меня успокоило (на 2 1/2 мес<яца>!). Времена вельзевуловы так придавили, что ни писать, ни читать, только на спине лежать могу. И не манила работа, — только кусочком воображения пробовал уходить в «Пути Небесные» (так, д<олжно> б<ыть>, и не допишу). Но сами знаете, — что тут изъяснять. Кто хотел — только и **поливал** Святую нашу, плевал, благо слюней не занимать-стать. Ну, и знают же европейские писаки нашу историю! — будто никогда о подлинной России не слыхали, а свалилась она на голову с пришествием столь недавно любимого и лелеянного ими антихриста — марксова помёта. Теперь этот выкормыш европейских нянек-кормилок навалил им и на голову и куда только можно. И еще навалит... А за все это сообщество — в Россию — харк и плёв. Был у меня недавно А. Ив. Ден<икин>... — читал мне письмо-протест, посл<анный> им газетам. Хорошо дал... А когда говорили о жертвах антихристова «делания» в Финл<яндии> — слезы сверкнули у него. Кто пожалеет ребят, рязанских, калуцких, тверских...? Радение бешеное было, как орудовали «пуко’м»[14] северяне... — страшно было читать — и мерзко — напечатанное русскими словами... Ведь все это жертвы дьявола-выкормыша, и кровь пролитая, и русская, и финская — на совести и чести всех тех, кто признал вечного **убийцу** — законной российской властью. Вскормили гадину, ну — теперь нечего — поздно! — жалобиться, что ядом губит-жалит. Да Вы знаете... И видим мы — суд и возмездие — закон вечный, иже не прейдет. Теперь посев драконовых зубов созрел. Финл<яндская> эпопея — только начало, — чуется мне. И верится: Россия, **наша**, истинная, миром погребенная, оживет, чтобы сказать миру свою **правду**. «Мне отмщение, — и Аз воздам»[15], — непреложно. Еще не могут воскликнуть (а **знают** — со-знают!) — ах, если бы была *та*, былая Россия!» Да, если бы была — не было бы такого кровавого бесчинного похмелья! И я не все принимаю, *как* принимаете Вы, друг. Творится суд, рушится как бы Вавил<онская> башня на человечество. Торговали — с дьяволом — веселились, подсчитали —

прослезились... окровавились. А скоро и слез не хватит. И теперь мой рассказчик «Чудесного билета» может и не вопрошать Михаила-Архангела — скоро ли? Трубит труба и с неба, и под землей. Вот человечество — *все* — слышит, каково поют сирены: до-жило! Изгоняется «князь мира сего», и с того такой вой и вопль. Как же не верить во всемирный потоп, когда — вот он, **повторяется** — и в какой уже раз! Коротка память — и умок-с — у челов<ечест>ва. И хаотические мои «Тени дней» — явь живая, а *не мой* былой сон-кошмар. М<ожет> б<ыть> и апофеоза дьявольского (на краткий срок) дождутся, когда на Св. Софии возблестит серп-молот лукавого, насмех миру, как самая гнусная издевка. М<ожет> б<ыть> в совокуплении со... свастикой. И рухнет — перед Крестом.

Ну, satis. А теперь, оставя «апокалипсис», — вот:

1) Как Ваше здоровье? 2) Жду «ответа» — статьи в Нов<ом> Пути. — о-чень. 3) Иллюстр<ированная> Литер<атура> в Цюрихе гонорар выплатила, а рассказа, каж<ется>, не печатала. 4) В назидание **культуре** — послал перевод Candreia расск<аза> «Чертов балаган» (для видной газеты), но что-то она молчит, известили только: вряд ли удастся поместить. Пишу ей: если не по носу клюковка, перешлите И. А. Ильину, великому, — а к Вам припадаю и молю: м<ожет> б<ыть> найдете кого перевести и **дать** N. Z. Zeit. или, если будет милость мне, недостойному, сами перельете в туземную форму, а гонорар пополам, конечно. Рассказ переработан влоск (когда-то напечатан был[16]). 5) — И самое важное: дайте хотя бы самое коротенькое — для майск<ого> № «Рус<ского> Инвалида». Был у меня генер<ал> Мих<аил> Никол<аевич> Кальницкий (председатель) и очень просил Вашего участия. Ваша прошлая статья произвела потрясающее впечатление. Ныне... — столько поводов сказать во имя «жертв забытых»... Скажите, слезно молю вместе с 6000 — обездоленных, отверженных... — да, это так. Вы *не* откажите. Срок — 15 апр<еля>. Адр<ес> — на меня. 6) Роман Мартыныч м<ожет> б<ыть> дальновидящий, и я его постигаю. Лучше не запоздать, чем пропадать в неизвестности — и томиться. Та сторона, конечно, в лапах дьявола уже на 3/4.

Прибалтика обречена на стр<ашные> испытания. Ведь все это лишь предисловие к **главному**. Неужели Вы не верите? Да это же — явь кричащая! И мне грустно-тревожно за Милочку Зем<меринг> — помните эту девчушку? 7) Моему Yves — Ивику назначена национ<альная> стипендия в 6600 фр. Он сейчас на высш<их> курс<ах> подготовки к конк<урсному> экз<амену> в Scole Politechnik[17], — так надо в нын<ешнее> время, — а его планы — в Scole Norm<al> Super. В мае буд<ет> держать, чтоб «провалиться» (не было случ<ая> приема на перв<ый> год конкурса), весь он в проблемах чистой математики, его уже оценили, и он что-то постигает в еще непостигнутом... я это чую. А он молчит — и мыслит. Одновременно идет подготовка военная. Призовут д<олжно> б<ыть> в окт<ябре>, ему 20 л<ет> и 2 мес<яца>. Но он думает только о математич<еских> проблемах и ничего не знает о событиях: «все это преходящее» и «условное» (относительное)». 8) Чудесно раскрывается мне душа О. Субб<отиной>-Бредиус. Она исключительная, светлая, умная, душевно и духовно богатая, — непохожая на всех. Какая она, Вы знаете? Мал<енькие> ее письма полны ласковости, нежности. Жалею, что так и не придется встретиться. Она поражающе чутка сердцем, и вся она — болеющее сердце. Но почему она — **одна**? Впрочем — *такая* всегда — ***одна***. Не помню ее, — а она была, когда я читал тогда, — и мы говорим (я редко отвечаю) как бы впотьмах. Но я уже **знаю** ее. Скажите, в ней есть что-нибудь общее с Даринькой? Книга моя ее взволновала сильно. Но она, конечно, очень и очень **старше** моей тихой. В моей Д<ариньке> что-то есть от моей **вечной**... неясное и для меня, а есть на... ощупь сердца. 9) Горький Валаам... но он **будет**. И м<ожет> б<ыть> Вы узрите. Я — нет. Вы, м<ожет> б<ыть>, ступите в его святую тишину. Ах, какие скиты... какое поющее молчание! Хитрюга Арх. Харитон[18] (его письмо-рассказ в Посл<едних> Нов<остях>), подделывается под простачка... А сам... Вместе с г. Германом они насадили новостильное, вплоть до... зевак-туристов. Валаам был и *до сего* связан, утратил былую свободу. Но все же светил и через намордник чухонский, пленсный. Ныне он — на круге мучений. Освятится.

10) Я часто болею, устал я... милый Ив<ан> Алекс<андрович>, уста-ал. Я совс<ем> одинок. Я чуть мерцаю — вернее — копчу. Нет цели. Все было — внапрасну. Писания... — для развлечения читателя? Самое Главное — втуне. Святое Слово — пропято, осквернено, сквернится, забвенно. Чего уж тут с писком-то...?

Милый... неужто так и *не* свидимся? ***Там***... Нет, теряю веру в — **там**. Все — трагический **балаган**. Но... где-то, в самой глубине, под подоплекой, — шепчет... да быть не может, чтобы ***все*** — **так**, ветер на кругах...

11) Не могу найти силы, чтобы закончить «Лето Госп<одне>». Не знаю, что-то не пускает. Правда, все грустное... *конец*.

Обнимаю Вас, дорогой мой. Братски.

Низко кланяюсь Наталии Николаевне — Ангелу-Хранителю Вашему. Будьте здоровы накрепко, оба-два.

Ваш, главою смутный, скорбный, Ив. Шмелев.

У меня только и света, как письмецо от Вас — и еще — открыточка от Бр<едиус>- Субботиной — она **слышит**, как я одинок.

<Приписка:> Горюю, что не вижу Ваше в газете. Ваши отмахивания неубедительны: надо чистить и помойки! Вы *бросили* в острое время русского читателя. Если в зале читают и идиоты, почему в ней не прочесть умнейшему?! И якобы «особь статья» для меня — это неубедительно.

Не подписал писат<ельский> «маниф<ест>-хвалу» героизму пуко’в (знаете фин<ский> крив<ой> нож?). По многим основаниям — отверг: в 18-м году они уничтожили-расстреляли свыше 10 тыс. рус<ских> офицеров белых! Да-с! И показали фигу генералу Юденичу[19]: не желаем помогать против большевиков. Да и еще есть. Теперь вкусили плодов своей посадки. То же и с панами: отвергли предложение генер<ала> Деник<ина> — и получили досыта. Так и все.

И. Ш.

<Приписка:> en russe.

351

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<19.IV.1940>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за письмо — радость была! Простите, что задержал статью — посылаю ее спешно. Положение наше по местечку жительства становится все более прекарным[20]. Ничего впереди не вижу, кроме черноты и отвращения*). Все в руке Божией. Кандрейя мне еще ничего не прислала. Я думал, что Вы уже распорядились. На днях пишу Вам обстоятельнее.

1940.IV.19. Ваш, как всегда, ИАИ.

352

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<27.V.1940>***

<Открытка>

27. V. 40.

Дорогой мой друг, милый Иван Александрович,

Все ждал Вашего письма, к<а>к обещали давно-давно, и не дождался. Посылаю Вам годовой номер «Русского Инвалида» с В<ашей> статьей — жертвенной. Превосходно, сильно, — благодарят всей семьей, инвалидной. Живу я в одиночестве и часто душой томлюсь. Бедная Ольга Суб<ботина>-Бредиус заболела, получил я от нее открыточку, от 3 мая, что через час везут ее в клинику оперировать в Амст<ердам>, а тут эти дьяволы налетели. Уж что с ней теперь, жива ли она, — не знаю. Не знаете ли, жива ли и как здоровье. Я ее заочно полюбил, никогда не видавши, — ах, какая душа, чуткая и любопытная, на редкость. И от нее к Пасхе — привет получил, душистый — цветы, и съедобный — мармеладцу. Трудно, очень, ибо заработка нет, — какой у писателей ныне заработок? И не могу уйти в работу — душа раздавлена. Не о себе я думаю, — обо всех и всем. Yves мой пока на курсах высш<ей> математики, был на конк<урсном> экз<амене> в Scolepolitechnik и, каж<ет-

*) Это не вообще, а *лично.*

ся>, еще в Scole Centrale — результаты через 2 мес<яца>. И Candreia мне не пишет, а я просил ее. Болел желудком, с месяц, теперь, пока стихли боли, не слышу.

Милый, черкните. Проблеска, для нашей Святой Руси — не в дьявольских лапах, — не вижу. Тяжко все такое, что творится — видеть на посл<едних> ступенях жизни. Скоро 67 лет. Слабею. Благословляю обоих Вас. Спасибо за все.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Как Ваше здоровье? И Кварт<ировы> меня забыли.

<Адрес И. С. Шмелева:> Exp. J. Chméleff, écrvain
91, rue Boileau, Paris, 16-e

<Адрес И. А. Ильина:> Monsieur le Professeur
Dr. I. Iliin
Zollikon b/Zürich
Alte Land Str. 12
Suisse.

<Приписка:> en russe.

353

И. С. Шмелев — Н. Н. Ильиной ***<31.VII.1940>***

<Открытка>

31. VII. 1940.

Дорогая Наталия Николаевна, мир Вам.

Давно, правда, но трижды писал рабу Божию — Иоанн имя его, — но так и не получил отзвука. Как его здоровье? Я живу тихо-мирно, безработный писатель, проедая последний грош, а что дальше — Господь знает. Здесь полный порядок — все корректно, и, лично, я не вижу ничего, что изменяло бы мою жизнь. Только вот заработка нет. Правда, и раньше я писал мало, но получал pension от Короля Югославии, волею усопшего Александра I Рыцаря, а вот уже 8 мес<яцев> легация[21] отъехала — и 600 фр. в мес<яц> не прибывают. Не знаю, вышел ли в Германии мой роман (договор подписан в апр<еле> 1939), перев<еденный> проф. А. Ф. Lüther'ом. Слушаю музыку (чудесные вальсы и

марши, прогр<амма> разнообразная и не узкая). Видел литер<атурные> фильмы. Yves мой жив, в Trihes (H. P.). Его экзамены (кл. 40 ч.) — конк<урс> в Sc<ole> Centr<ale> и в Sc<ole> Polytechn<ik> — прерваны. Я, как отлично знакомый с эвакуациями, не двинулся никуда. А чего я поеду — и куда? Париж теперь куда спокойней, чем раньше. Известите о себе и Ив<ане> А<лександровиче>.

Сердечно Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Не знаете ли, жива ли Оля Бредиус-Субботина?

<Приписка:> Хочу добавить: многих беженцев спасли немцы.

<Приписка:> en russe.

354

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<25.VIII.1940>***[22]

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Как я счастлив, что получил от Вас весточку. Я писал Вам неск<олько> раз, но война вероятно поглотила мои письма. Пишу теперь через Германию и очень надеюсь, что Вы получите мое письмецо. Я все время молился за Вас, поручая Вас Господу, ибо Господь знает своих муравьев, особенно крылатых и вдохновенных. Немедленно после Вашего письма я переговорил со знакомыми и мне компетентно разъяснили, что пенсия Короля, которая идет Вам из Югославии, не прекращается и не прекратится, но она посылается через особых курьеров, а курьеры эти не доезжают до Парижа, ибо они едут через неоккупированную часть Франции, где царит большой беспорядок, тогда как другой путь через Германию, где как всегда большой порядок, остается неиспользованнным. Сказали, что это вероятно скоро наладится, но обещали сделать все возможное. Это меня нисколько не утешило, а наоборот огорчило — ибо пока догадаются просить пропуска у Германии, может пройти неопределенное время... — У нас все по-прежнему. Живем мы тихо, я в стороне от всякой политики, особенно избегаю масонов. Работаю над

своими философскими сочинениями и кое-как прокармливаюсь. Скорее бы кончилась эта война! Здоровье мое, увы, по-прежнему. Впрыскивают мне под кожу Benerva fartisimme.

Знаете ли Вы адреса двух Антонов? Мы оба шлем Вам самый горячий привет. Да хранит Вас Господь!

Ваш ИАИ.

1941

355

И. С. Шмелев — Нерсесяну В. А.*[1] *(для И. А. Ильина) ***<31.III.1941>***

<Телеграмма> 31. III. 1941.

Je suis en bonne santé
Votre envoi a été reçu

Ioanou Alexandrovitchou, mon frère spirituel, ma reconnaissance et ma prière de m'ecrire, et à ma soeur Natalie aussi[2]. I. Chméleff

<Адрес И. С. Шмелева:> Ivan Chméleff
91, rue Boileau, Paris, XVI

<Адрес получателя:> Monsieur W. Nercessian
142 Cours Lafayette
Chez Desbois
Lyon III.

1942

356

И. С. Шмелев — Нерсесяну В. А. (для И. А. Ильина) ***<10.08.1942>***

10. 08. 42.

Mes salutations cordiales 2-me carte p<ostale> pour Iv. Al. Je vous remecie pour l'invitation de venir à L<yon>, mais c'est très difficile p<our> moi! Je me porte mieux, ces jours-çi, mais je dois être couché, et me tenir un régime. Qui l'envoié d'argent de M-me Candreia,

(mes honoraires) est très désavantageux. Merçi pour votre — aimable offre — m'**avancer**! — grace à Dien je demeure sans grand besoin. Etre sans lettres de Iv<an> Al<exandrovich> — grande perte pour moi! Je prie, Iv<an> Al<exandrovich> — faire demarches à Stocholm chez les éditeurs: i'l est nécessaire d'editez mon «<Le> Soleil des Morts» en suédois. Il peut d'informer ma traductrice Ruht Ivanovna Wedin-Rothstein (Ruht). Elle a traduit mon roman «Homme de restaurant» — brillantement — m'a ecrit Knut Hamsun. Elle demeure à Malmö, 6, Klostergatan. J'ecrirai encore à notre prêtre à Stockholm père Stephan. Et encore à prof. Handamirov à Lund. Il est lecteur à l'Université et chaque année il a fait 5 conférences «La Coupe inépuisable» Nouv. edition «Die Sonne des todten» doit paraître à Berlin.

Je vour embrasse. Votre I. Chméleff.[1]

<Адрес И. С. Шмелева:> M-r I. Chméleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e

<Адрес получателя:> M-r W. A. Nercessian
142, C-r Lafayette
Lyon
(Rhone)

1943

357

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<23.III.1943>*

23-3-43.

Милый друг, брате Иоанне!

Словечко бы от Вас услышать!

Эти — почти — 3 года — как бесконечность, а иной миг — как стрела. Провалились. И ско-лько с ними провалилось — всячески! — **всего**! Вот уже год во мне шепчет глас некий: «Р<осс>ия вступает в великую историческую полосу — **прославления**». Только ка-ко-го?! — мученич<еско>го, или и историко-государст<венного>, — мирового?! И — **как**?! Не знаю. Знаю одно: есть и о-чень *будет*. В какой комбинации...? Не знаю.

Полагаю, что... в ближайшей, не заморской. Да, с нек<оторыми>, м<ожет> б<ыть>, и урезками. За проигранную кампанию всегда платят невыгодным миром. А Р<оссия> проиграна еще в 17-м!

Но все сие — мимолетно. А **будет** впрок. Все в замечат<ельном> — чудесном! — Божьем Плане. Я **вижу** отсвет этого **Чертежа**.

Много света нашел в переписке с чудесной, оч<ень> душевно-духовно сложной (Перед Вами — благоговеет!) — и такой близкой — простой, родной! — О. А. Бред<иус>-Субб<оти>ной. Бедная, она тяжело больна, — почка кровоточит. (Она о-чень худож<ественно> умна и вся в полете!) Но, главное, морально больна и — душевно. До отчаяния. До — стр<ашно> сказать — *меланхолии*. Хочет одного: **домой**! Я стараюсь ее **утишить**, сколько могу. — Пишу теперь полегоньку II ч. «Путей <Небесных>». Работать **негде**. Жить трудно... милостию Божию — существую. Хотел проситься к швицарам, но ныне, говор<ят>, и оные швицары остались без чаевых. А у них есть малая толика моих гонорар<ных> сбережений. Вот и думал — пожить, поправиться. Я более 1/2 года тяжко болел, чуть ли не хуже 34-го года. Но ныне чудом воздвигнут от ложа чуть ли не смертного, с 1-го января с/г — Да, будто чудо. 1/2 года, кажд<ые> 3 дня — рво-та! Потерял до 9—10 кило! Ныне за 3 мес<яца> — набрал 8 1/2. Б<ольшая> охота есть и — писать. — Как Вы, как милая подружка-жена-ангел-хранитель — Н<аталия> Ник<олаев>на? Откликнитесь. Я, вообще, здесь не в фаворе, к<а>к и все **мое**, т. е. **наше**, подлинное. Но все это меняется, **знаю**. Обрел родн<ого> плем<янни>ка, из М<осквы>[1]. Скоро он навестит меня, на днях. Играет роль. Крупную. С ним — фантаст<ические> превращения, до чу-да! Лагерь... (был професс<ором> Арт<иллерийской> Академии!) — а вот — в Париже будет. Что-то скажет. Мне пишет: (к<а>к вл<асть> имущий!) Р<оссия> возд<аст> Вам, дорогой Дяд-Ваня, вел<икие> почести!!! Спасибо. Я за ними никогда не гонялся. Увидим. Услышим. Разве не видите, какой —

уже — разлив<ается> — от Нее заревой свет?!! С нами Бог! Разумейте... и пр.

Обнимаю обоих.

Ваш, Господнею Волею воздвигнутый,
Иван Шмель-**гудун**.

<Приписка:> Хотят купить <у> меня для экрана «Неуп<иваемую> Ч<ашу>» и «Пути <Небесные>», но я отре-зал <*неразб.*>.

1944

358

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<декабрь 1944>***[1]

<Открытка>

Дорогие, Ив<ан> Ал<ександрович,> Наталия Николаевна! Слава Богу, могу написать. Тяжко испытан, был к<ак> б<удто> в геенне, а Вы — на ложе Авраамие взирали в нашу пещь огн<енную>. И не во власти В<ашей> было протянуть палец и овлажнить уста. Сл<ава> Богу, закончил II часть «Лета Госп<одня>» (25 глав), почти вдвое б<ольше> первой. И — помимо 2—3 расск<азов> — написал 280 стр<аниц> II ч. «Пут<ей> Неб<есных>».

Волею Божией сохранил жизнь: 3-IX-43 моя кварт<ира> была разбита (6 бомб округ, 1 — в 9 метр<ах>, др<угая> — в 2 м, за стеной, был засыпан стеклом и ранен сквозь ватное одеяло). Но... уехав на мес<яц> из Пар<ижа> (кв<артиру> чинили), продолжал работу над романом. Жил — нужд<а>лся. В «каноссу», сл<ава> Б<огу>, не ходил, — пел свою Русь, Святую. Конечно, не издавал ничего. Пишу переводчице — не возьмется ли за «Пути Неб<есные>». Устал, ослаб. Глуб<окий> бронхит, не смею выходить. Рвался в Ваши места, но не хватало воли — дорваться. Да и обносился, — не поверите! Сто́ит крымск<ого> жития. Да еще — порой деньки с 7—8 сиренами, были. Теперь, пока, с 26 авг<уста> — нет. А впереди... — не гляди. Закончу «П<ути> Неб<есные>», — можно и **уйти**...

Видал любовь читателей: раз принесли меш<ок> дровец. Сами насобирали в лесу. А то — меховой жилет **получил**, а то — перчатки без кончиков, — на кошке — руки немеют с холоду. Об О. А. Субб<отиной> — бедная! — 5 мес<яцев> ни слуху. Нет, не выдержать ей, скосит... — она же все болела. Как Вы? Слыхал окрепли, всячески, а гл<авное> — дышете свободой. И лекции чит<аете>, и кн<иги> изд<аете> и печатаете. А мое... — полупещерное житие. Сидели и без газу, и без света. Много отшедших.

Целую, милые. **Отзовитесь**.

И. Ш.

<Адрес И. С. Шмелева:> Epx. I. Chméleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e

<Адрес И. А. Ильина:> M-r le professeur D-r I. Ilyin
Zollikon b/Zürich
Alte Landstrasse, 12
Suisse.

<Приписка:> en russe.

1945

359

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<12.2.1945>***

<Открытка>

12. 2. 1945.

Chers amis, comment vous portez-vous? Je suis faible, beaucoup éprouvé, trés agé, 72-me! J'écris 2-me partie de mon roman «Les Voies Célestes». II partie «l'Année de Seigne<u>r» — est faite.

Manque de nouiriture. Informez ma traductrice; elle pourrait de me faire parvenir un colis Cr<oix>-R<ouge>, payé de mes honoraires. Je la prie de bien voulair traduire mon roman, partie I. On le traduit en français. J'ai vous ecris en decembre. Je vous embrasse tous les deux.

Tout à vous J. Chméleff[1]

<Адрес И. С. Шмелева:> M-r J. Chméleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e

<Адрес И. А. Ильина:> M-r D-r Professeur I. Ilyin
Zollikon b/Zürich
Alte Landstr. 12
Suisse.
<Приписка:> *prière de faire suivre*[2].

360

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<18.III.1945>*

Cher et précieux ami, Iwane Sergeiewitch!

Je Vous remercie bien de fois pour Vos nouvelles. Votre seconde carte venue, j'ai pris aussitot toutes les mesures necessaires. 1. Un colis Vous sera procuré par la Croix Rouge. 2. Puis Vous allez recevoir de Bales par une banque 100 Francs suisses en argent français. Pas comme dette, mais comme don d'amoure de la part de mes amis que Vous apprecient tant et tant par lecture. 3. Ces chers amis, de nom Mr. et Madame Conrad Bareiss (américains, bien riches), ont donné une instruction a leur viex et fidèle ami a Paris, attaché d'ambassade U. S. A., de se présenter devans Vous et de Vous fournir tout ce que Vous sera necessaire (a compte de mes amis!). Ça ne doit pas Vous inquiéter. Mes amis ont un coeur vif, bon et large. Ils sont heureux de pouvoir faire quelque chose pour un grand écrivain russe et surtout pour Vous personnellement. Envoyez leurs un mot cordial en français et ne pensez qu'a Vos oeuvres. — Nous rendons grace au bon Dieu, qu'il Vous a conservé la vie et la santé. Nous sommes heureux de savoir Vos nouveaux oeuvres accomplite et nous les goûtons en avance. — Madame Candreia, qui est denevu veuve et qui n'habite plus Chur, s'est melée d'une compagnie de trés mauvais genre et d'une médisance maligne; elle ne m'est pas accessible et je vais chercher un chemin de tour. Aussi je souhaite de trouver une autre combinaison de traduction et d'éditeur. Je suis heureux que Vous n'êtes pas allé a Canossa. Ne Vous laissez pas tanter d'une Canossa inverse. Le diable a toujours deux tantations extrêmes a proposer aux hommes. Il faut s'en garder. — Nous sommes assez bien, tous les deux, laissant de coté mes neuralgiques de tête qui sont souvent peu supportables, surtout quand le vent se lève du sud, provenant

des hautes montagnes (Föhn). Nous vivons assez bien et n'avons pas de gêne. J'ai publié trois livres, le quatriéme va etre expedié a l'imprimerie. Hélas — pas en russe. — Dès que Vous serez assez bienportant consevez le plan de voyage. On Vous aidera d'ici. Mais il faut que Vous présentiez Vous méme la requète a Paris (pour affaires d'editions). Nous avons eu des nouvelles de Madame Olga le 14 Fevrier: la vie était bien defficile, mais tout le mond, allait bien. — En Vous souhaitant mille bonnes choses je Vous embrasse cordialement. Si Vous avez besoin de quelque chose — dites simplement et franchement a l'ami de mes amis qui Vous annoncera sa visite.

Tout a Vous

Professeur Iwan Iljin[3]

Suisse. Zollikon. Zolliker str. 33.

1945. III. 18.

361

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<19.III.1945>*

<Открытка>

19.III.1945.

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за вести. Немедленно по получении Вашей второй открытки я принял все меры. 1. Вам обеспечена посылка через Красный Крест. 2. Из Базеля Вы получите (через банк) от моих друзей и Ваших читателей и почитателей сто шв<ейцарских> фр<анков> во фр<анцузской> валюте. Это не из Ваших сумм и не долг, а дар любви. 3. Кроме того эти же друзья мои, американцы, по фамилии Mr. et M-me Conrad Bareiss (Zürich Aurora Strasse, 60) дали инструкцию своему старому и верному другу в Париже, члену америк<анского> посольства, посетить Вас и снабжать Вас всем необходимым за *их* счет. Не заботьтесь об этом. Они люди с живым сердцем и с большим состоянием. Не только слушали мои здешние лекции о Шмелеве, но и читали Вас в подлиннике. Если что-нибудь еще понадобится, пишите мне или скажите парижскому американцу, он известит вализою[4]. — Благодарим

Господа, что Он сохранил Вас. Предвкушаем радость чтения новых вещей Ваших. С госпожой Candreia мне сноситься очень трудно. Она овдовела и связалась с отвратит<ельной> особой, с коей вместе злостно клевещет. Смрад. Я буду искать Вам другого переводчика и издателя. Вчера послал Вам письмо по-французски. Мы живы. Я много писал и печатал, но увы не по-русски. Оба ничем опасным не болеем. Но очень тяготимся жестокостью событий и нац<иональным> одиночеством. По-прежнему категорически отвергаем все крайности и ни в какие телячьи восторги не впадаем. Оба душевно Вас обнимаем. 14 февр<аля> имели письмо от Ольги[5]. Живется трудно, но все здоровы.

Ваш И. А. Ильин.

<Приписка:> Ecrit *en russe*[6].

<Адрес И. А. Ильина:> Professeur I. Iljin.
Suisse. Zolliker str. 33.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chméleff
91. rue Boileau.
Paris. 16
France

362

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.IV.1945>***

4. 4. 45 г. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Ах, дорогой, чудесный друг, Иван Александрович!.. Елеем целящим на раны мои явилось нежное письмо Ваше, — слова беспомощны. Как бы праведный Лазарь от лона Авраамля протянул перст к иссохшим устам моим и овлажнил их. И сколько раз аз грешный так именно и рисовал себе Вас: в преисподней огненной пребываю, а Вы — Лазарь на лоне Авраамле, и вопль неслышен мой. Вопль безнадежности, безысходности душевной, — вещное же для меня — мелочи переносимые. И вот, посылает Господь отраду и ободрение. Много испытан, хватило бы на тысячу жизней. В кольце взрывов — 6 бомб упало округ, ближайшие — в 3—9 мтр.... а я лежал в постели... и все окна и двери мои б<ыли> сорваны, а я засыпан осколками

стекла и поранен сквозь ватное одеяло! Было сие утром 3 сент<ября> 43 г. И было знамение — потом! — на календарном листке 3-го сент<ября>, — оторванном после мног<их> дней, оказался отрывок из очерка моего «Царица Небесная» — из кн<иги> «Лето Господне» — со словами: «спаси от бед рабы Твоя, Богородице...»[7] — и далее. И еще: в миг взрывов, **сквозь** искореженные жалюзи из планок деревян<ных>, через миллиметровую щелку — ?! — влетел ко мне снимок с копии изв<естной> картины А. Бальдовинетти — «Дева с Младенцем Иисусом», — сорванный с кнопок, из какой-то развеянной франц<узской> квартиры! — следы кнопок ясны. Это двойное знамение принял я на сердце. И еще было... но и сего довольно: «да веру емлю!»

Растроган до слез, — а я-то думал — исчерпаны! — заботой Вашей. Мне трудно принимать даже и дружеские дары: столько нуждающихся, страждущих и обремененных. Милостив был Господь, дал сил переносить испытания, и даровал душевное укрепление... в творческом забытьи. Весь 43-й год и по 24 авг<уста> 44-го — жил в образах, завершил II ч. «Лета Госп<одня>» — 9 больших глав, самых тяжких для сердца, — болезнь и кончина отца, — завершил осиявшим меня светом и нашел заключительный аккорд! И воспел: «Ныне отпущаеши...» И взрывы не выбили меня из «мечты»! С марта 44-го начал писать II ч<асть> «Путей Небесных», — и вот, в ней утонул... не видно конца-края... — а написано уже свыше 300 стр<а>н<иц>, 24 главы. В ноябре д<олжна> выйти по-франц<узски> I-ая ч<асть>. И, м<ожет> б<ыть>, «Неуп<иваемая> Чаша». Ее покупали для экрана, но я не отдал: **что** показали бы! Таких сил нет, нет и постижения **сути** моей поэмы. Да и давали-то пустяки, — 100 т<ы>с<я>ч. Ну, без меня пусть... — Еще не видел американского друга друзей Ваших. Но прошу выразить им за меня — пока! — лучшее и нежнейшее, что сердце знает, а Вам, милые, и — **все**, что может быть охвачено и вылито всей душой. Вчера, 3 апр<еля>, получил п<ись>мо Ваше. К<а>к я счастлив, что Вы есте, творите, горите, — оба. Сколько раз перечитывал,

вчитываясь, книги Ваши, насыщенные образами-мыслями, разгоняющие духовные потемки! Пил от Источника... Когда же, когда познаю уже созданное блеском ума и светом сердца Вашего?! Пустыня, кругом пустыня... — и тургеневское книжное собрание[8] украдено и увезено куда-то насильником, — где оно? Проснешься ночью, в бессоннице — и чтишь: «Плещма Своима осенит тя и под крыле Его надеешися, оружием обыдет тя Истина Его!..»[9]

Нет у нас свободного слова, бедны мы, и нет бумаги... а рептилии ползают и изрыгают... и отравляют души. Нет, не ходил я в «Каноссы», нет: воспевал я мое родимое, очищал его посильно от плевков совсюду, давая дорогой сердцу моему Образ... напоминая о нетленном Лике, — о святой, страждущей, сильной сердцем, глубокой духом, высокой по культуре, богатой вещно, широко-щедрой Родимой... которую пытались исказить, изувечили, раздели, заморили, выдали за «кочевников», за «историч<еское> недоразумение», за эспас жеограф.[10] — минутные победители. Я продолжал свое, как раньше, подбирая перышком осколки рассыпÁвшегося Лика. Как бы я хотел в ряде статей дать посильно все, что сложилось, — мое понимание творившегося, творящегося... Перекрестясь, — недостойный! — поднял нить, оставленную Великими нашими провозвестниками, — о судьбах наших, и не только наших. Но **все** мешало, и не хватит сил, ибо первое — надо «Пути неб<есные>» завершать. — Нет, родной мой, и не лелею думки о путешествиях... Счастлив, что жива раба Божия Ольга, а я, не зная вот уже 8 мес<яцев> ничего, зная, как тяжело болела, поминал условно и об... упокоении! Ныне — она освобождена от **ужаса**, ибо для нее, чуткой, это был **ужас**... Хотел бы побеседовать с ней вслух, многое сказать... — послана она была мне покойной моей Олей, во укрепление: это **я твердо знаю**. Ибо есть у меня знамение сего дара. Вы бы радостно озарились, если бы знали все, как получилось от нее первое п<ись>мо ко мне! — из-под Утрехта! Это был отзвук на отчаянный вопль мой, когда я молил мою Олю — **позвать** меня к себе: начало июня 39-го, вскоре после написания «Куликова Поля».

Господи, у меня 5 кн<иг> ждут печати. II ч<асть> «Лета Госп<одня>» — вдвое полней I-ой! И как ждут читатели! И как мое «Богомолье» — творит благое душам! — теперь **вижу**, слышу, знаю. О, как Вы, во всю глубину и высоту, почувствовали его? ТОЛЬКО ОДИН ВЫ МОГЛИ **ТАК**! Читатели мои растащили все мои скудные экземпляры. **Один** лишь при мне. И нельзя нигде найти! Ваша вдохновенная оценка «Богомолья» — врезана в моем сердце. На днях одно франц<узское> изда-т<ельст>во интересовалось «Богом<ольем>». Я сказал — почти невыполнимо, увидят чашу, но не **приступят**. И все же, я был бы счастлив, если бы более глубокие из жителей Европы и Америки попробовали «приступить». Думаю, не безопасно было бы хотя бы для «духовных», и — почему так чувствую? — для протестантов. Верю в напряженность их **чистой воли** к добру! И еще — англиканцы... — они ближе постигли бы, **что** преломилось из чудесного нашего **святого** в чистой призме младенческого сердца. Ведь «Богомолье» как бы **дитей** начертано, все **прошло** только через детское сердце, и потому-то оно тронуло даже Мережк<овски>х и Алданова. И Вы поняли это лучше и тоньше всех. Детским сердцем... — т. е. — Русью, народом, его душой. Как же не славить мне Господа?! — за его милость ко мне, ничтожному! Я счастлив, что «веленью Божию»... был послушен. И как я счастлив светло, что Он послал мне в моем пути Вас, достойнейшего, бодрящего, указующего!... Вас и — неотделимо — вечную, верную, благословенную спутницу жизни Вашей, Наталию Николаевну. Чувствуете ли, как бьется мое сердце? Вами бьется, и незримо-несказуемо то, **что** влилось в меня от Вас, какие толчки направили... — Ваше постижение Родного сомкнулось во мне с моим! Это несомненно для меня. Обнимаю, уповаю — свидеться. Глубокий поклон — и сердце — Н<аталии> Н<иколаевне>! Весь Ваш Ив. Шмелев.

363

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<9.IV.1945>*

<Открытка> Le 9 avr. 45.

Cher et tant cordial ami Ivan Alexandrovitch, grand merci de vos soins! I’ai expediè à vous une grande

lettre, 4 adr. M-r A. Laine, un des adjoints, de M-r A. Dana Hodydon, attaché U.S.A. à Paris, m'a visite, le 6 avr., et j'ailui die que n'ai pas besoin de quelque chose grâse à Dien et mes amis. Il y a encore dans le monde des sentiments humains, et ocla bo force de surmonter les epreuves. J'ai ecris quelques mots a M-r A. Dana Hodydon et aussi — à Madame et M-r Conrade Bareiss, à Berne. Je vous remerciede tout mon coeur! Je travaille mon roman, de jour en jour, un peu, — 2-3 pages. Ce travailest très complique. La vie m'envoye beaucoup d'incovients et... vilenies. Dieu me donnera la force de surmonter, tout. Que sciqneus vous envoye Sa Grace. J'embrasse vous tans les deux.

Tant à vous I. Chméleff.[11]

364

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<22.V.1945>***

22. 5. 45. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой друг Иван Александрович,

Кроме первого краткого письмеца гг. Барейсс, — я наугад послал в начале апреля на Берн, «америк<анская> колония», не знал их адреса, — послал я им большое письмо по-французски на Цюрих, к<а>к Вы мне дали знать. Послал 28 апреля. Была потребность души сказать им — «благодарю», сказать, **чем** явились для меня Ваше письмо и их «сердце» — воистину, **светом** во тьме. Какие были тягостные полосы дней... да и поныне такое нападает отчаяние, такая гиря давит сердце, душу... когда раздумаешься, углубишься — во **все**... Отчаяние... Сколько труда, жертв положено, чтобы снять с мира, сбросить проклятый гнет «расизма»! «германизма<»>, в отвратительнейшем его образе!.. Да, победа. Но — не над **всем**... О, сколько ужаса в мире еще, еще... — и выступает ясней и ясней новая глава Гидры, и пасть не менее страшная... И отсюда мое отчаяние... сознание страшного «тупика», сознание принесенной и неокупленной **жертвы**. Я душевно смят, размагничен, мысли не соберу, а сердце... — томится бессильно, безнадежно.

Ну, оставим, так все понятно. Бессонными ночами все **видишь**, и что особенно тяжело: негде сказать, да и

некому... У нас, русск<ой> эмигрэ, нет свободного органа, в нас разброд и засилье «малых», всячески «малых». Да и в туземной печати не вижу дерзаний и углубленности, и смелости мысли, и сознания «апокалипсичности» творящегося в Жизни. Я слышу лишь полутоны лепета, какой-то старческий шепоток или «детский» лепет. И заполняющий все чертополох лжи и лицемерия. Такой, по мне-то, **тупик**, во всем, что ждешь — вот-вот даровано будет миру **Откровение**... — ведь уже **дошло**, как 2000 лет тому... — уже пришел **час**. И немудрые девы спят, — как 2000 лет, **тогда**. Уже, кажется, не по силам человечеству осмыслить это **ныне**, уже слишком глубоко пронизала дух атрофия духовности... да, исказился человек, лишился сил. Стандартизация в вещах овладела душами, штампует их «по ленте», — у мира уж нет **лица** живого, — линюче и тускло, узко и тупо, до отвращения. Вот оно уже общее — «На пеньках»! Теперь можно было бы дать «издание дополненное»... если бы у меня еще оставались силы... Но я весь, — по инерции, что есть живого во мне, — силюсь отдаваться «Путям Небесным».

Теперь — к «ближе». Еще не ушло, и я кричу Вам, милые, «Христос Воскресе». Мы так и не поликовались... Посылки через Кр<асный> Кр<ест> не получил еще. Но мне выслали за мой гонорар две через какое-то О<бщест>во посылок, — и довольно удачно. Теперь прошу белья... весь обносился, хожу — безо **всего**... Мне было стеснительно говорить об этих «мелочах» милейшему господину, явившемуся ко мне от друга почтенных Ваших друзей Б<арейсс>. Я растерялся, и не нашел — сил затруднять людей, занятых более важными делами. Простите мне эту «стеснительность», но она — органическое мое... не преодолеешь. Зато я очень выручен деньгами, получив 5 т. фр. фр., и полагаю, что это от Б<арейсс>. Великое им спасибо. Молюсь за них и за Вас, милые. **Знаю**, сердцем и на опыте, что мои дорогие отшедшие пекутся обо мне и хранят меня. **Знаю**... Сколько бы мог сказать Вам!... как ощутимо было **их** касание!... Теперь, только бы дал Господь почувствовать Его в живом сердце!... не только зовом и

разумением, а се-рдцем!.. — Никуда я не шевельнусь, нет у меня ни воли, ни силы к передвижениям. Лежишь часами,.. — слабость охватит, — и вот-вот возопишь, дико, в голос... безумным воплем, от одиночества, от бессилия, от потрясающей яркости безвыходности всего, во всем!.. Зачем, зачем вкусил ты, хоть чуть-чуть... — от «Древа Жизни»? Ведь вкусил же, ведь чувствуешь это, **вкус**-то помнишь?! зачем вкусил от «познания добра»?! Ведь это предел отчаяния сознавать: лучше бы не вкушал!... Простите!.. — поняв **все**, Вы простите мне этот животный вой! Вы знаете меня, Вы знаете **все**, что есть душа моя, Вы, как никто другой, знаете **мое**, от чего не отрекусь! — и потому простите. Вы гениально, чутко **поняли** и старались дать понять... — Но что это, маленькое мое, когда само СЛОВО — затерялось в пустыне!..

Обнимите друг друга, за меня, я весь сердцем рвусь к Вам, но это безнадежно. Мне тяжко и больно жить, страшно. Жду, когда мои дадут мне знать — **пойдем**.

До сладкой боли в сердце, Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> *En russe.*

365

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<28.V.1945>*

28. 5. 1945.

Дорогой друг Иван Александрович,

Только что закончил трудную работу — «Творчество Чехова», для одного швейцарского издат<ельст>ва, как введение-предисловие к предполагаемому томику рассказов, выбор коих я же и сделал. Главное в работе — об основном, что дает, чем **дышит** наша литература. Это особ<енно> важно *в наше время.*

Засела в меня жгуче мысль, как бы дать европ<ейскому> читателю мое «Богомолье»! И не одно, а с Вашей, необычайной, вдохновенной, — скажу прямо — гениальной работой творческой о русском **богомолье**! Господи, если бы Вы помогли мне душу нашу показать — миру! **Теперь** — особенно это важно. Я не буду просить гонорара: пусть мне заплатят, если книга окупится. Но надо переводчика — мастера, чуткого, глубоко понимающего и русскую душу, и русскую

богатую речь... — да еще и «со слухом», с музыкальным ухом. А то лучше не переводить. Из переводчиков я не знаю таких... М<ожет> б<ыть> смог бы приблизиться к этому совершенству в переводе «Богомолья» — Лютер?... До него не достать, да и жив ли он..? К<андрейя> тут не годится. Боюсь, что она и для «Пут<ей> неб<есных>» беспомощна. Посоветуйте, померекайте, глубокоумный друг! — **все** постигающий. Это же моя **священная** работа, это — моя душа, вдруг, милостию Божией, **омывшаяся**... Не знаю, что с Ольгой Ал<ександровной> Бр<е-диус>-Субб<отиной>? В силах ли была бы она — столь любящая и постигающая «Богом<олье>», — перевести? Все у ней есть для сего... есть ли только «чужой язык», соответственный поэме?.. А главное — есть **душа**-любовь. Вот это было бы лучшее из моих достижений-мечтаний — в европ<ейском> плане. Я был бы вознагражден всемерно, если бы «Бог<омолье>» помогло хоть горсточку душ — очистить, умягчить... «банею водною, воглагольною». Вот, в чем нужда моя. О, подумайте, милый наш гений, — душевно и глубинно творческий. Все бы мои книги на всех мировых языках — искл<ючая> родного! — отдал бы за воплощение «Богомолья». Оно в силах «причастить» как-то — умученных и оглушенных и — оглашенных. Не гордыня это, — **голос** души моей. И — мое оправдание перед Жизнью. В Вашем — **ни-кто** бы не смог **так**! — истолковании, в Вашем «песнопении» — Вы же безмерный, вдохновенный Поэт и вещатель! — мое скромное, мое тихое «песнопение» — верю! — отозвалось бы в душах европ<ейских> читателей... — небесследно, **творило бы**... пусть хоть вызвало бы тоску о **чем**-то чудесном, увы — утраченном... Я верю, знаю, что Наше — призвано возродить мир, — вот что хотите, а я верю, верю!... — при всем нашем метаньи и окаянстве... Ско-лько мне дал ныне Чехов!... — и какую «сущность» постиг я в нем!... Да, он — национальный, он народной Правды! Я потщился показать это, вскрыть. И сам был потрясен. Чехов далеко не раскрыт для нас, что же говорить о — европейцах! Я принял этот труд, как **долг** священный. Целый месяц — больше! — отдал этому разбору-введению — а всего д<олжен> б<ыл> ограни-

читься 15 стран<ицами>. Измучился и насладился. И какая боль поднялась, боль об утраченной нами **чистоте**, о заветном нашем, что — знаю! — **живо** еще **там**! Поразительное свидетельство нашел, — вчера беседовал с — «оттуда», 33-летним, с высшим образов<анием> — конч<ил> филологич<еский> фак<ультет>, прошел всю войну... — как он меня **принял**, прочитав, в боях, — «Лето Гос<подне>» и «Няню»... — прежнее все знал, что выходило в России. Вы знаете, «Неуп<иваемая> Чаша» — читалась «нарасхват» в Берлине — года два тому... вывезенными «рабами»... был сделан **опыт**, с трепетом, моими друзьями... боялись — «не поймут!» И были потрясены тем, что обнаружилось. Простые — по-няли! Не говорю уж о «Лете Госп<одне>»... А «Богомолье» — мой завет родному... больше не в силах я дать, большего, глубиннее. Я выбрал из души родные самоцветы, там скристаллизовавшиеся, собранные народом... — и Бог дал мне силы — бережно и нежно вручить их — **ему**, меня породившему... и восклицаю — «Ныне отпущаеши...» Родной, светлый друг мой... как я нуждаюсь в общении с Вами, в Вашем укреплении! — И сколько у Вас таких, в Вас нуждающихся, в посредничестве Вашем между ними и совестью! И — как же я томлюсь по России! не прирос тут, ни-как... Радио душевным питаюсь от родного... сосу его глубинно-сокровенными **корнями**...

Дайте обнять Вас, милые друзья... светлые люди ума и сердца родного, далекие мои «швицары»!... Да сохранит Вас для нивы русской Господь всемилостивый.

Всегда, и по недалекий конец мой,

и **там** Ваш — Ив. Шмелев.

366

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<15.VI.1945>*

<Открытка> 15. 6. 45.

Дорогой друг, Иван Александрович, тому два дня получил два «коли сюис»[12], по В<ашему> заказу. Очень благодарю, но и смущен, — когда, чем смогу возместить?! Один пакет прорван, и недостает 2 кл. 300

гр., как на нем и помечено в Париже. Я его не принял и на фактуре о сем заявил, еще не зная, кто послал. Записал № — почтовый или жел<езно>-дор<ожный>, швейцарский: 338234, а какой № «Коли сюис» точно не знаю; принятый пакет под № — 6104, это на приложенном листочке внутри пакета, — полагаю: или 6103 или 6105. Сердечно благодарю за подкрепление, — туговато с питанием, но не ропщу, — жив. — От Ольги А<лександровны>[13] было письмо от 23 мая через Антверп<ен>, и откр<ытка>, 10 июня, с голл<андской> маркой. Ох, что вытерпели! — и потопление, и беженство, и гибель всех произрастаний. Но — сл<ава> Господу! — живы. О<льга> А<лександровна>, конечно, подвижница, питательница сирых и голодных.

— Упорно говорят, — слух через З<ай>ц<е>ва, Бу<ни>н продал Госизд<ательству> сочинения и, уверяют, едет... — «стяжать лавры»? Место вакантно... Делал «вечер», два рассказа, — новых? — я не был, мнение слушателей, из молодежи! — «порнография». Мнение человека **оттуда** — «у нас бы не прошло», «русская женщина позорится», «и она не голая б.» — простите. Старческая похотливость!» Открытку пишу для скорости. Кланяюсь Н<аталии> Н<иколаевне> и обнимаю Вас.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> en russe.

367

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<2.VII.1945>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за вести! Вдохновение и творческая сила от Бога. Мне радостно сознавать и чувствовать, что Вы *творите!* Но есть земное-деловое и в *этом* пункте мое беспокойство о Вас. Пожалуйста напишите мне *строго и отчетливо о деловом, чтобы я знал, что дальше делать.*

1. Получив в конце марта отказ от Красного креста (в смысле посылки для Вас, они-де «снабжают только военнопленных»), я обратился к «Schweiz. Arbeiter

Hilfswerk»[14] по адресу Zürich. 10., и заказал для Вас двойную посылку в 30 фр<анков> с выдачей в Париже. Они клялись, что почта ихняя идет «послезавтра» и что в 20-х числах апреля Вы должны ее получить. Дошла ли она до Вас и *что именно* Вам выдали?

2. Одновременно Шарлотта Максимилиановна Барейс (Вы можете писать ей *по-русски* по адресу Zürich Aurora str. 60. Frau C. Bareiss) перевела Вам от себя 100 шв<ейцарских> фр<анков> (= 5000 франц<узских>). Ваше письмо к Барейсам (посланное почему-то на Bern) дошло и они оба были *очень* тронуты и горды тем, что получили от Вас лично весть.

3. В *первой* половине мая я послал Вам еще одну двойную посылку *через ту же организацию*. Передо мной лежит квитанция от 11 мая. Дошла ли она?

4. Во второй половине мая Шарлотта Макс<имилиановна> послала Вам *от себя* еще одну двойную посылку через ту же организацию. Дошла ли она?

5. Тем временем пришло Ваше письмо о белье. Мы оба (она и я) очень сетовали на Вас, что Вы отослали ни с чем дядю американдера, который Вас посетил. От него было бы *все*. Но сейчас он не в Париже, а в разъездах и поймать его нельзя. Отсюда посылать вещей *нельзя: таможенный запрет*. По нашим справкам в Париже белье покупаемо и мы вдвоем решили, что надо Вам послать «покуп*ишь*». Вследствие особых условий это удалось сделать оказией и чрезвычайно милостиво. В июне Вы должны были получить у себя на дому 10 000 фр<анцузских> франков. Дошли ли они?

Пожалуйста ответьте на это *обстоятельно* и не откладывая! Нам не труден труд помощи Вам, а *радостен!* О материальной стороне не думайте совсем: это *самое легкое во всем*. Но мне надо знать о путях и осуществлениях. И еще более: о дальнейших Ваших надобностях. Отсюда, из Швейцарии, в частном порядке нельзя посылать никаких вещей — ни съедобных, ни носильных — *никаких*. Прочее все, что осуществимо, будет осуществляться. Но Вы должны говорить и сообщать: дитя не плачет, мать не разумеет!

Что касается перевода «Богомолья», то я *давно* мечтаю об этом. Но я должен был иметь *Ваше*

разрешение. Ведь Вы могли уже поручить дело кому-нибудь другому. Я дал пробный перевод в одну страницу русскому швейцарцу. Он не понял 20%, и нарубил капусты. У Вас стиль поет, ритм особый, каденции, выражения; а у него замаршировали солдафонные слова. Так я сделал следующее: я перевел *сам* одну страницу и прочел Шарлотте Максимилиановне. Она сразу почувствовала ткань и *дала мне слово, что Богомолье будет переведено под моим надзором*. Теперь ищем переводчика. Без «пробы» не отдам. Но нужно время.

Что касается нашей с Вами позиции, то хочется сказать следующее.

Государство не есть система внешних явлений, поступков и событий. За каждым явлением скрыт дух, который все определяет. Вильгельм Молчаливый[15], ведущий свои полки за свободу Нидерландов — *герой*, а Квислинг[16], ведущий свои полки на предательство Норвегии — *злодей*. Александр Второй, объявляющий войну за балканских славян — совершает великое дело, а Гитлер, *порабощающий свой народ, чтобы поработить своими рабами другие соседние народы* — творит *преступление* в истории человечества.

Государство есть явление *целевое*. Цель приемлется *волею*; а воля определяется *любовью* и *духом*. Явления могут быть *свиду похожи*, а на самом деле одно будет радостным событием истории, а другое скверным злодейством. Важно вот что: Что любил? Чего добивался? Чего хотел? Куда ведешь? Любишь свой народ, бережешь его, растишь его культуру и веру — или тиранствуя, мучаешь его, злоупотребляешь им, ведешь его на мучительное оскудение и в прорву духовной пошлости? Это не только не безразлично, в этом *все*. Каждый новый успех тирана может терзать сердце патриота. Прекрасно, когда народ отражает и поражает векового врага; ужасно, когда его победа изливается на мельничное колесо планетарного злодейства. Нужно ослепнуть, чтобы этого не понимать.

И еще: бывают такие видимые «успехи», которые не только не нужны преуспевающему, но опасны и м<ожет> б<ыть> гибельно для него. Захваты Гитлера в Европе в 1937—1939 году только *казались* успехами, на

самом же деле были для его страны опасны, а для него самого гибельны. Наполеон, вторгаясь в Россию, начинал свою погибель; возвращаясь с острова Эльбы — доканывал себя. Судьбы мира в руке Божией; нам долго многое остается недоступным. Но возможно и предвидение. Так я с самого начала гитлеризма в Германии предвидел, что будет мировая война, нападение на Россию и потеря войны для Германии. В те страшные дни, когда германцам удалось ворваться во Францию и *весь честный мир трепетал за Францию и ее судьбу*, я предсказывал моим швейцарским друзьям, что Германия будет побеждена и разбита. Ныне это стало фактом. Латинская пословица говорит: quos vult perdere, dementat[17]. И вот Германии было предназначено впасть в преступное безумие и злодейство — и пасть. Такая судьба не есть ее исключительное достояние в истории.

Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они — враги России, презиравшие русских людей последним презрением; они разыгрывали коммунизм, как свою пропагандную карту. Коммунизм в России был для них *только предлог*, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания. Германский империализм прикрывался анти-коммунизмом. История знает другие случаи, когда революционная экспансия прикрывалась империализмом.

Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?

Дорогой мой! Кормитесь, верьте, что Вы в Божией руке, творите и уведомляйте меня.

И еще *очень прошу* Вас: узнайте и сообщите мне адрес А. М. Ремизова и адреса — князя Сергея Евгеньевича Трубецкого[18] и княжны Софии Евгеньевны Трубецкой[19]. Они жили до войны в Кламаре (Трубецкие), а теперь? Мне это *очень* важно знать.

А мы здесь по-прежнему сторонимся от всякой политики и тихо ведем свою философско-национальную службу. Наталия Николаевна шлет Вам сердечный привет. Господь да хранит Вас.

От Субботиных с января ни строчки!

1945.VII.2. Ваш И. А. Ильин.

Адрес мой: Suisse. Zollikon. Professor I. Iljin.

368

И. А. Ильин — Управление надзора Франции
<3.VII.1945>

Requète au Controle Francais

Je demande bien au Control Français la permission d'exprimer à mon ami, Iwane Chméloff, célèbre ecrivain russe, demeurant à Paris, mes sentimente anti-nazistes, que je porte dans moi depuis longtemps. On a besoin, sans faire de la politique, de decharger son coeur avec des amis, que ont les memes persuasions.

3. VII. 1945. Professeur Iwane Iljin[20].

Suisse. Zollikon. Zoliker str. 33.

369

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<3.VII.1945>***

3. 7. 45 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой друг, Иван Александрович, здравствуйте!

Два дня тому, была у меня барышня-американка, было это нежданно-негаданно, и я как-то растерялся, не спросил даже, как ее звать, кто она, и адрес ее забыл узнать. Это со мной бывает, когда — нежданно явится посетитель да еще иностранец, да еще почти без языка для меня, — фран<цузско>го! Все-таки она как-то нашлась кое-что сказать, понял я. Приятная, с выдержкой, «в форме», собранная, — сразу я понял, что англосаксонской выпечки, «закрытая», — не как наши! — и при всем том — очень приятная, **деловая**. А я, врасплох, — пора бы уж — без «расплоха»! — забыл, что могу любое письмо на нем<ецком> яз<ыке> понять, и почему-то сказал барышне, что после, со словарем, разберусь. Но она взялась переводить на франц<узский>! А т<ак> к<ак> этот язык в ее устах невнятен, то после неск<ольких> строк — перестала мне уяснять. А я тут же, с пригляду, все понял из письма барышни Шарлотты Барейс. Прекрасное п<ись>мо (от 3.6.), я сегодня постараюсь ответить на него. И еще: вручила мне американочка 10 тыс. фр. фр. Оказывается, это по Вашему поручению. Я растерялся, и по сию пору — в томлении душевном, в светлом, и — трудном для меня.

Я не нахожу слов **все** выразить, но — добрый Вы друг, — **зачем**?! Как я и когда смогу вернуть Вам кровно-трудовое Ваше?! Я смущен... и Вам все это понятно. Видите... я всегда, с университета, был на своих ногах, хоть и из средне-зажиточной семьи... Женился на 2-м курсе, и до этого зарабатывал кое-что уроками, гоняя через всю Москву пешком — ну-ка, от Калужской ул. — до Красных Прудов! или — на Землянку! И уроки были в 15 и 20 руб. в месяц — два-три урока исхаживал, чуть ли не каждый остаток учебного — в универс<итете> — дня! И вот, помню, лето подошло... и мы — четверо — с мальчиком и няней — на мели... и решили поехать на месяц — подкормиться к матушке в подмосковную усадьбу. Крутое у нас было воспитание... всего хлебнул. Ну-с, и было у нас грошей — только на конке до Никол<аевского> вокзала доползти и на три билета 3 кл<асса>, а всего 80 коп., в-обрез к<а>к раз. Поднялись по кам<енным> ступенькам, смотрю, — Оля моя — вся красная... и шепчет, как в испуге — «три рубля нашла...» — и так робко и радостно в глаза смотрит, и будто ей стыдно. И мне стало неловко: «кто-то ведь обронил!» — без портмонэ, голая трешница-зелень. И так мы минут пять стояли, и чего-то ждали, Оля так, на виду, и держала бумажку — не подойдет ли кто, не спросит ли... ведь мож<ет> б<ыть> бедняк последний, как и у нас, деньги потерял. А уж ко 2-му звонку! Так никто и не подошел, не взял бумажку. Прошло 47 лет с того дня, а я все наши чувствования помню... и — все какая-то «тень тревоги»... А за полгода до сего я около 8 тыс. руб. **потерял**, из 10, выдел из родового дома, после отца, только чуть мебелишкой обзавелись, свадьбу справили, на Валаам съездили... — а я уж в то время был будто и писатель, в толстом журнале «Рус<ское> Обозрение», Конст. Леонтьева, июль 1895 г. был напечатан — впервые! — расск<аз> «У мельницы». Как я потерял, об этом долго рассказывать: лопнули бумаги, какие посоветовал мне купить один «знаток», а я... я был воробей-студент... Случай с «3 руб.» дал мне «опыт», м<ожет> б<ыть> вспомните, в «Челов<еке> из ресторана» мой Скороходов находит после кутежа под

столом деньги, и что с ним произошло — как бежал домой-то!... В-вот. И вот, — **никогда** в жизни не брал взаймы, страшился... и вот, теперь в смущении... **как**, **когда**, **чем** расплачусь? Вы же не Крез, — даете! — а у меня — в потенциале — ведь **есть**, только не дотянуться, ибо как бы «конжеле»[21]. И все — мой труд. Знаете, я дважды отказался продать продюкторам синема — право на «<Неупиваемую> Чашу» и «Пути <Небесные>»? Искорежат **мое**, нет здесь исполнительницы для Анастасии — Лилии чистой. После уж пожалел... А Дарью и совсем никак не дадут... она — неуловима в I части, вся — «метельная». Разве может экран дать, *что* я **слышу** в ее очаровании и очарованности!? Редкий читатель — русский — почувств<ует>, да в чем же «очарование»... как никто не знает, **почему** влюблен в кого-то, что любит, за **что** любит: тайна сия не разгада́на и никогда не бу́дет разгадана... Вот и пойми: «не по́хорошу мил, а по́-милу хорош». От сего и «дон-жуан» родился... Во II-ой части — она трудности невообразимой — для меня-то! — чуть-чуть яснится... — когда из «куколки» I-ой ч<асти> выходит «бабочка», оформливается и начинает — **владеть** и — «**везти** возок». Но я заговорился. Вашим великодушием я повергнут, я весь как-то **затих**... слезы у меня на сердце, благостные... — и я не дерзаю коснуться дара светлого. Зимой прошлой я был потрясен, я **видел** в себе слезы, когда.. бедная женщина с дочкой 16 л<ет> — читатели мои! — неведомые мне, вошли ко мне с двумя мешками... и сказали: «слыхали, что холодно вам... мы пришли топить печку вам...» — и высыпали дровишки, собранные за городом... и я не мог отмахнуться... они не слушали... и выгрохнули дровишки.

Милый, я **взят** Вашим милосердием, и — смятенность душевная во мне. Слава Господу, я и сыт, и не наг еще, и главное, что томит: — нет чувства, что «будут ясные дни»... Не будет их. Ах, как тоскую-скорблю без родины.

На днях Б<уни>н читал на «вечере»... — для многих удручительно было, — я не был, он мне не прислал приглашения... Упорно говорят, что продал свои книги

для издания на востоке, и скоро собирается. Это его дело, но... читалась-то «голота», — молодежь определяет — «порногр<афия>» — какое-то «раздевание» и смакование, — оба рассказа: «вещи названы своими именами», как объявила газетка — «сов<етский> патриот». Человек оттуда сказал — «у нас это не прошло бы». Я никуда не выдвинусь из П<арижа>. Нет сил в такую пору путешествовать. От голл<андской> читательницы весточки — «не верится, что хватило сил пережить **все**!» А я думаю, что это «все» — далеко еще не **все**. И чего ждать после **такого опыта**?! такой **школы**?! А чего мы знаем?! Я-то знаю, что чудом спасены. Но — для чего спасены... — не ведаем. Я так распластан этими годами-веками, что... не могу **уйти** в 3-ю книгу своих «Путей Небесных». Для **кого**, для чего они?! «Занавес давай!» — слышу я, как кричит мой обглоданный профессор «на пеньках». И в туманце вспоминаю слова рассказчика из «Чудесного билета»: «губить пойдут — а мы спасемся...» Мерить — какими сроками?!... Помните, детка спрашивает про оч<ень> тучного — Дягилева?[22] — «это человек или — нарочно?» Про жизнь что спросишь? Обнимаю Вас. Низко кланяюсь Нат<алии> Ник<олаевне>.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> En russe.

<Приписка рукой И. А. Ильина:> 11 ч. утра
отпр<авлено> 4 июля 45
пол<учено> 14 июля 45.

370

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<22.VII.1945>***

22. VII. 1945 91, rue Boileau, Paris, 16-е

Дорогой друг Иван Александрович,

Получил Ваше п<ись>мо от 3. VII[23], крепко благодарю: это всегда мне радость и духовная опора, а ныне — особливо. Глубина, четкость, полнота мыслей — и ясность! — насыщают и ум, и сердце. Не мог бы найти в себе даже беглого помысла — что-либо возразить. Да,

Вы, редкий из современников, — так могли прозрить — и за-сколько вперед! — события-катастрофы и найти **верную** меру сложнейшим процессам в ходе мировой истории! — процессам, лишь намечавшимся, многих сбивавшим с толку, ныне предлагающим — в видимости **внешней** — столько возможных путей, решений и обнаружений, что, — чувствую так ярко, — мыслители и историки, — уж не говорю о специалистах по перестройке и обновлению человеческих **основ**, во всевозможных масштабах, — могут или зайти в тупик, или дать совершенно неверную «философию-историю» свершившегося и свершающегося, танцуя от «печки», (хотя «танцы» эти еще далеко не устарели). Ведь «философия-то истории» совсем еще юница. Забывают: темпы Жизни безумно ускорились и, главное, тайна судьбы и хода человечества превышает безмерно всю силу «точнейших инструментов» всякой «философии»: План, извечно начертанный Рукою Ведущей, и не просвечивает даже для умов сугубо-реалистических. Вы его чувствуете, т<ак> к<ак> Ваши великие познания не только венчаются «философией Знания», но и **стоят** на неопределимых Знанием выводах Вашего проникновенного чувствования и предчувствования. Вы, ведь, — это я давно понял, — не только исключительный мыслитель, а мудрец-художник, и цветение и плодоношение Древа Познания Вашего как-то чутко-согласно с таинственной работой и жизнью самых глубоких корней Древа Жизни. А огромное большинство «мудрецов» черпают лишь от «доводов Рассудка», в нищете и голоде, совершенно забыв о чудесной и изумительной «Мисюсь», — помните самый тончайший и самый, по-моему, глубокий рассказ Чехова — «Дом с мезонином»? «Мисюсь» отнята у целой жизни, — у Жизни! — неведома ныне, разве только хранится в недрах великого народа, как единственная «правда Жизни», которая — придет время — воплотится. Изъято из жизни мира **сердце** — состав его таинственнейший и сложнейший! — и полноправно-диктаторски властвует ум-рассудок, «Лида»-бесплодница.

Простите эту «отсебятину» неумытую, — конечно, она лишь неу́мелое словесное выражение томящегося во мне, несказу́емого.

Перехожу к прозе юдоли нашей. Вот — на Ваши запросы. А слов благодарности за попечение обо мне, грешном, не найду: не выскажешь **всего**.

Получил и два денежных посыла, по поручению удивительной Ш. М. Барейс, — или по Вашему, — путаюсь. Получил, как уже писал, одну посылку «Коли сюис», а от второй, пришедш<ей> одновременно, отказался: она была «нарушена», с дырой и нехваткой в 2 кил и 300 грм. Состав первой: 3 банки молока несахарн<ого>, банка искусств<енного> меду — «сэриз», большой пакет вермишели-супа, — с бульоном, д<олжно> б<ыть>? — оч<ень> вкусного и 2 — две! коробки крим-грюер[24]. Думаю, что или в пути **утекает**, или застряло, или... медлят отправкой. Я однажды получил, за свой гонорар, 2 посылки тех же «коли», аккуратно, только иного состава: в каждой — по кило сахару, по три короб<ки> «кр<им>-грюэр», по кило сух<их> яблок, и по фунтовой картонной банке сухого молока, в порошке. Дошло исправно и дов<ольно> быстро. Посылки эти — и от Вас с Ш<арлоттой> М<аксимилиановной> — очень меня облегчили, и я помаленьку допитываюсь от них. Но, еще раз, — Господь не оставляет, Промышление Его так я-в-н-о, так осязаемо, что мне, порой, делается, неизъяснимо-чудесно-жутко. Я **знаю**, что это не **от меня**, а по молитвам моих светлых, **за** меня. Если бы Вы все знали! Но Вы сами **вывели** — «в руке Божией». О, только бы мне «вложиться» в 3-ю книгу моих «Путей Небесных»! Я в ужасе: я **вижу**, что **надо** еще и — 4-ую!!! — Адрес А. М. Ремизова — у него плохо с глазами и с ногой, усыхает, будто... — 7, рю Буало, мы на одной ул<ице>, я порой его навещаю. Ему оч<ень> туго. Но — Господь... Адр<ес> Трубецких узнаЮт.

Я совершенно взволнован движением сердца доброго г-жи Ш. М. Барейс. И как мне — **быть**..?! Я смущен, я непривычен... я и благодарю, и — мучаюсь. Да Вы понимаете... И я жил, с Божией помощью, и не испе-

пелен, пока... И есть у меня великий **отход**, «абри»[25] — моя работа, если она дается, если я «заряжен».

Знаете, даже самый Ваш **сильный** почерк дает мне радость и силу!

А теперь — не терпится и уже давно не терпиться! — поспешу сообщить Вам, что недавно узнал о лечении «страшных» головных болей, — очень длительных! — и страшных ревматизмов, которым не помогают никакие Даксы[26], никакие грязи и лиманы... Узнав, поехал сам дознавать у русского старого агронома, излеченного и многих излечившего, — он помещик был, — и средство это народное, но усовершенствовано земской врачихой. Чудеса! М<ожет> б<ыть> оно излечит В<аши> головные боли! — Ездил за город, дознал, и напишу — надо подробно — в другом письме, а то, боюсь, не разрешено б<ольшие> письма. Сегодня пишу.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Обнимаю обоих Вас и крещу. Ш<арлот>те Б<арейс> я писал.

<Приписка:> En russe.

<Приписка рукой И. А. Ильина:>

получ<ено> 1. VIII. 1945

371

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<23.VII.1945>***

23 — 7 — 45 91, rue Boileau, Paris, 16-е

Дорогой Иван Александрович,

Вот, попытайте такое лечение Ваших болей, таких упорных, особенно когда дует с гор ветер «фэн». Что-то мне говорит, что, м<ожет> б<ыть>, и получите исцеление. Я писал Вам, что узнал подробно, лично от старого агронома. Судите сами. Первое: студентом, уже лет 50 тому, он страдал упорными головными болями, особ<енно> в затылке, думал, что угорает..? Но пришло лето, печей не топили, а боли те же. Случайно земская врачиха узнала в одной деревне, что некая бабушка сама себя лечит от невыносимой ломоты, — хоть помирай. Она делала варево из листьев, — лучше **свежих**, в период разлива соков, — и это давало ей большое облег-

чение: она натиралась настоем, — больные части, — и пила настой, чашку-другую, каждый день. Докторша сама «улучшила» настой: клала в бутылку — не натуго, листья ясеня, — фрэн! (frêne) — по-франц<узски>, наливала спиртом, алкоголь 90—95°, и через 4—5 дней настой готов, изумрудного цвета. Ее лечение: на ночь, велела студенту-петровцу втирание в затылок, в продолж<ение> 15 мин., внутрь прием 15 капель настоя-экстракта в рюмке воды. Через полтора месяца боли исчезли, «и с той поры, вот уже 55 лет, я не знаю, что такое головная боль». Он, агроном-помещик, стал пособлять округе. Вот неск<олько> случаев излечения жестоких явлений ревматизма или — неврозов, или — ? — Бог весть. Было множество излечений, но вот, в его практике, самые характерные: мужик, попавший по пьяному делу в зажеру или зажер, по ранней весне, — снеговая жидкая каша в ложбине, пробыл в этой «ванне» в течение 2 часов, пока его нашли. В итоге полный паралич от поясницы до конца ножн<ых> пальцев, с нестерпимыми взрывами болей, — вперемежку с полной атрофией: вводили врачи иглу в тело — не чуял. Агроном велел применять «втирания» — по четв<ерть> часа, на ночь и 15 кап<ель> настоя-вытяжки раз в день внутрь. После употребления «второй бутылочки» — мужик уже плясал на досках своей новой стройки, — полное исцеление, через 2 месяца! Еще: в Туле его фуражник, еврей Левин, — делал ему в гимназ<ические> годы фуражки, — попался ему на улице, неузнаваемый: в жаркую пору, шел в валенках и шубе! Что такое? Сказывается: уже 6 лет страдает болями ног, — хоть в петлю! — все годы лечился, грязями, лиманами, водами, «Саками» и «Липецкими» водами, ездил заграницу, был и в Даксе, и где только не пробовали врачи, до знаменитостей... и электризациями... — хуже и хуже! — «Погибаю». Агроном применил к нему свою «ясеневую вытяжку», как выше. После второй «бутылочки», втираний, — и внутрь 15 кап. — Левин явился к нему в имение франтом, в начищенных штиблетах и с тросточкой! — «Гу-ляю теперь!..» — **все** прошло. Ясень — народное слово, еще назыв<ается>

«па̀дуб», — от слова «ясный», так как на нем **редкая** листва, с просветами. Франц<узское> народное средство — от ревмат<изма> и ломот, но они применяют «тизанно»[27], настойно, — наша врачиха применила спиртовую вытяжку, — результаты поразительные. Тот Левин пролечил «больше 5 тыщ», — это в начале-то 90-х годов пр<ошлого> века! — и излечился «бесплатно». Примечание, узнал на днях: проф. Карташев все время томился от болей в ногах и проч... — «от чаю, д<олжно> б<ыть>» — а он любитель! — бросил чай: через месяца два-три — «все кончилось». Правильно, значит, — от чаю. — «А что пьете?» — «Нѐкта», Кузьмичева, — эрзац чайный. — «А что входит в смесь?» — И, перечисляя две-три «травки», называет — «фрэн» — ясень! Ну, я и пояснил, отчего **кончились** боли. Так это — пустяк, без лечения! Милый друг, попытайте! Полагаю, что в хороших аптек<арских> торговлях, «ясень» сушат в пору **нужную**, когда лист — «в силе». Или сами наберите свежих, что ли... — сейчас еще не поздно, особенно в горах, где еще только зачин лета. Через 4—5 дней, настояв на спирту, хлебном или картофельном, — *не* древесном или *там еще каком*, а, как тут именуют — «алкooль 90—95», — и начинайте «втирания», с молитвой: *на ночь* по 15 мин. — в болящие места. Налейте в рюмочку, а из рюмочки в ладошку, и втирайте, или чтобы Вам кто-ниб<удь> втирал, сестра милос<ердия>... — для Наталии Николаевны это тяжело будет. И — 15 капель в рюмочке воды — внутрь. А там — что Господь пошлет. Над Вашей головой потрудиться — дело святое! М<ожет> б<ыть> — от «ясени» все проЯснится! Не пренебрегите; уверен, что плохого не должно бы быть. Ну, посоветуйтесь с врачом... да что же тут вредного, — ясень — дело ясное. Для меня Ваше исцеление — светлая радость и упование. Это было бы Вам — «родной дар», — от Родимой. Благословитесь, и... поможет Вам Всеблагий.

А теперь, из другой «о-пёры», к<а>к говаривал один мужичок-рыбак, натершийся от господ.

Кажется, нет резонта посылать мне «коли сюис». Сегодня из Шамбери письмо, от франц<узского>

отделения «Коли Сюис». По поводу неприятия мною «нарушенного коли». Пишут: им еще не вернули «остатков». Пишут: «Посылка — о (aux) риск[28] и периль[29] — **получателя**, и советуют принимать, что уцелеет, ибо ж<елезная> д<орога> должна возместить получателю по кр<айней> мере за часть содержимого». Да-а... по-лу-чи!.. Дадут грош, а хлопот на сто целковых, переписка эта, ехать к ним куда-то на товарную станцию... торговаться... и на их «возмещение» не достать и кусочка сахару. Не знал я, а то бы принял «остатки-сладки». «А к нам придет, если возвратят «коли фрактюрэ», — пишут мне из Шамбери, — иль сэра пробаблеман комплетеман **вид**» — т. е. — один-то **вид**, как бы призрак. Милые друзья, не утруждайте души и тела... — много плывет посылок, но сколько до-плывет, и в-плывет... и Эдипу не разрешить. Но... даже если и разрешить, то, памятуя «Историю любовную», — «И не верь Эдипу... а садись под липу...» На днях долж<ен> подписать контракт об издании — франц<узском> — «Истории любовной». Что-то дадут, «на прянички». На сухарики, ибо не вкушаю хлеба вот уже полгода. А сухарики надо выстаивать в череду, часа 4. Приспособил одну Арину Родионовну. Открылось мне — и я это обосновал крепко, для вразумления Ивропы, — самим Чеховым, что А<нтон> П<авлович> не только не был «невером» и рационалистом и проч., как чувствовалось по его письмам и «показаниям собеседников», а был глубочайше и целомудреннейше **религиозен**, — как вскрылось в тайнике творческих его откровений, и выпелось «песенкой певчего дрозда». Он — наш, великий, национальный, и весь от народной сущности, как и Пушкин...

Как тютч<евский> «Цицерон», мир... «поздно встал и на дороге захвачен ночью Рима был...» — **есть**!!! И созерцаю — «закат звезды ее кровавой» — т. е. вселенской. Ясно, как ясная копеечка... Но яблони будут цвести, и звезды свершать пути свои. В Вашем гнездышке, укрытом горами и горками, выходят газеты, и к кофе подают сливки и булочки. У Вас даже выходят

новые, «исправленные и дополненные» литургии... — а меня одолевают **призраки** Апокалипсиса. И зудит в ногах, как бывает во сне, когда «зудит» — и не двинешься. В вате ноги, ватные. Мы теряем масштабы и оценки, — слишком мелькает и — не дается разглядыванию и осмысливанию. Но бывают миги, когда — виден «Медузий» лик.

Милые голубчики, спасибо Вам за участливость, да будете обрадованы! От О<льги> А<лександровны>[30] с месяц — без вестей. Но — да будет над нами Милость Б<ожия>. Ваш безотказно — Ив. Шмелев.

<Приписка И. А. Ильина:> получ<ено> 1. VIII. 1945

372

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.VII.1945>***

<Открытка> 24. VII. 45.

Cher, Ami Iwan Alexandrovitch,

C'est hier que je vous ailenvoye deux lettrres: 1) la reponse à la votre; 2) le mode de traitement de mal à tête, et l'adresse de A. Remisoff — 7, r. Boileau. Je me presse de vous donner des renseignements suivant: 1) Princesse S. E. Troubetzkaa nubite: 55, rue Chef de ville, Clamart (S.); 2) Prince S. E. Troubetzkoy — 14, Abbee Bel-Air, Clamart (S.) 3) Prince Alexandre E. Troubetzkoy[31] — 109, Route de Chatillon, Montrouge, Seine.

O, ce serait merveille — de voir «Le Bogomolje» en traduction sons votre controle! avec votre article — preface! — ce sera — votre benidiction! Le Madame Ch. M. Barèiss... o, quelle noblesse, quelle finesse d'esprit! Sa parole — americaine! — est deja le fait. C`est la Grace de Dieu «Bogomolje» m'a sauvé autrefois! C'est par le volonté de Die que je l'ai creé. Merci: Tont à vous. I. Chmeleff[32]

373

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<27.VII.1945>***

<Открытка> 27. 7. 45

Cher ami Iwan Alexandrovitch,

Je viens de recevoir deux vos «Colis Suisses» №№ 8508—8509, — en bon état. Merci-merci, beacoup,

spassibo! C'est suffit bien suffit — pour beaucoup de semaines! Je vous dois-moi-même tout entier! Je travaille Il y a 5 jours que je vous avais écrit, 2 lettres (avec le mode de traibement de maux a tête) et une carte avec des adresses, de prince et pr-sse Troubetzk. Une fois plus je vous prie — d'essayer le broi tement il, fait les miracles! Grande gratitude à M-me Ch. M. Bareiss. On traduit roman «Hist<oir> amoureuse» sous mon titre «Tumulte printanier» on «Printemple tumultuaire». Garçon on le réedite. Merci! Je vous embrasse tout deux.

Iv. Chméleff.[33]

374

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<22.VIII.1945>*

22 — 8 — 45. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой Иван Александрович,

Писал Вам — открыткой фр<анцузской> — 27. VII, наспех и в постели, ослабло сердце. Теперь чуть поокреп. И все эти дни велич<айших> событий, событий порядка **над**-исторического, вне охвата человеч<ескими> чувствами и рассудком, как же томился! — и как же алкал и жаждал слова Вашего! Сплющен, потрясен, изнемог... Это п<ись>мо к Вам — попытка «найти себя», укрыться от «страшного шепота» — меняя определение Пушкина, — утвердиться... — хотя бы в беседе с Вами издалека. **Видится** мне, что никогда еще Книга Судеб не открывалась мне так полно и *откровенно* людям, как ныне... — всмотрись и постигай. И страшно чувствовать, что как будто всуе открыта Книга. Эти посл<едние> недели и дни я все крепче убеждаюсь — очень сокровенным процессом мыслей и чувств, как бы молниеносным взрывом **совести**, «совестного акта», — Ваше определение! — что слепое мое нащупывание «плана», «предустановления», «вех» — для постижения Воли Вышней над судьбами чел<овечески>ми — нежданно найденное мною в работе над «Путями Неб<есными>» — верный как б<удто> путь... **Есть** «план» для судеб мира, как и для каждого из сущих. И так ярко представляется мне, что единственно верная дорога — «путь Откровения»! События сверша-

лись в таком порядке, в так<ом> соотношении, так **знаменующе**, что жуть охватывала, будто, поистине, **ты**... — «их высоких зрелищ зритель», что — «в их совет допущен был...»[34] Это не скажешь с дост<аточною> полнотой в п<ись>ме, об этом часами надо изливаться, в мыслях, в чувствах, намеках... Ведь на наш<их> глазах произошло «творение наоборот», явное неповиновение Св. Воле, новое грехопадение, — о, невольное, несознанное! — последствия чего — не поддаются учету самым страстным напряжением мысли и воображения! Раскована скованная с-и-л-а, первичное выражение Хаоса. И в этом «грехопадении», в этой «расковке» — величайшее из дерзновений чел<ове>ка, бессознательный вызов безгрешной гордости Тайне, Великому Ковалю порядка-Плана вызов, и вместо гордого-благородного торжества и Аллилуиа... — такое греховно-земное, такое **деловое** применение! О, как же страшно чувствуется-слышится это «шевеленье Хаоса»! — смертоносное, мириады веков скованное, во имя Плана, — ныне — принявшее вид игрушки-смерти в руках человечества-младенца! Случайно ли все это?!.. Нет... это как-то входит в неведомый План, новое грехопадение, как, м<ожет> б<ыть> последнее следствие библейского. И как знаменательно, что расковка произведена в элем<енте> «Плутоний», в т<а>к ск<азать> адовом элементе **земли** — понятие материи, по Бытию, — «в начале Бог сотворил **небо** и **землю**»[35]... Мы как бы «в начале Конца», на жутком перевале, откуда открывается вся Судьба и с нею — осязаемая Вечность. Не только «шевеленье Хаоса» чувствуется, но и тихое дуновение Божества... как бы близкое Откровение и — Завершение. Дело, конечно, не в японцах или американцах, — а в чем-то неизмеримо важнейшем, предельном для человечества, и странно, — и непостижимо страшно, — что чел<овечест>во этого никак не сознаёт! Какое тут «тихое житие» — после войны — по привычному расписанию?! Да ничего подобного... а «уже близится». Мы вступили — говорю о буд<ущих> поколениях, если им суждено народиться, — в «последнее Истории нашей», где слагаются — вернее, срываются! — ограды-разделы между видимым и

невидимым, где, при распаде понятий и сущности **времени**, вот-вот откроется видение Вечности, последняя тайна исчезает, и — вдруг! — **Преображение**! всеобщее и окончательное. Случившееся «дерзновение-падение» не имеет остаться без **Суда**, — и уже слышны **шум** Пришествия, Преставления-света. Земные пределы перейдены, — м<ожет> б<ыть> даже перескачены ретиво, — кончается **история**. И как же дерзновенно и некрасиво. Но это, м<ожет> б<ыть>, так умишке кажется, а все — в Плане?...

Я уже не могу говорить о меньшем... — о страшных человеческих деяниях перед **концом**, о полном провале «гуманизма», о страшной роже «третьего гауденс'а»[36]. О, какой финал! «какой пассаж»! Проснусь ночью и содрогнусь, и пронзит острое отчаяние. Так бесславно, так невнятно-дерзко, так... бездарно кончать Историю! И при таких-то возможностях! При таком-то «награждении», при таком доверии: «будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен есть»[37]! Такое приравнение к Себе, такая любовь, такая... **свобода**... — и какой же... дивертисмент! Плюнуть — и растереть?!.. Ведь дано же задание — о, дивное! — освободи бесконечную силу твоего духовного **атома**, и — познай себя, и через сие — **ВСЕ**! Вот он — рай-то обетованный, Рай — уготованный... — и как же давно, **указанный**! — по единственно верному пути Слова. И что же...?! Челов<ечест>во лишь заглядывало в *эту* «таблицу элементов» и только то и делало, что... херило их, а не заполняло «клетки». Какие — у нас-то! — были «менделеевы»! а?! Заглядывали? Нет, — **казали** и за уши тянули Ноль. Ведь тот же, каж<ется>, Феофан Затворник предостерегал творцов новой физики космогонической: «если бы знали, что в одном когте беса такая сила, что, ежели бы **ему** было дозволено — ! — черкнуть сим когтем... вся вселенная испепелилась бы!...»[38] Две тысячи лет тому **указан** путь расщепления духовного атома: «если имеешь веру с зерно горчичное, скажи этой вот горе — «двинься[39] и т. д.». Есть сила, которую должно было освободить чел<овечест>во! — пустить в мир!

Для меня все эти «мелкие события» людской беспомощности в иные миги становятся бесспорными

документами непреложности истины: «словеса же Мои не прейдут»[40]. «Близко, уже при дверех»[41]. И какая печаль! И — «кому повем?» И не нахожу в себе воли-силы двигать дальше мои «Пути...» Занятие — «для себя», забвение в пасьянсе. Бесполезно. Ведь ныне же не хромой бочар идет с горы, надев на голову кадушку — «Бежин луг», — а — «Явление»... — см. карт<ину> Иванова[42], и с полным основанием говоришь себе — «к чему **теперь** — «все это»?!» Воистину, как Цицерон, зрим «закат звезды ее кровавой»[43]... — мни: **вселенной**. Мню. О, как мню!... И как же отчаянно и облегчительно-горько повторяю — «Тревожный дух, почил ты наконец...»[44] Горько, апофеоз-то уж больно... мизерабельный! Был князь — а стал... грязь. Т. е. позорно провалился, и вот — не шутите, легкомысленные! — Суд, близится. Не верите, милые? А месяц тому, **верили**, что... раскуете?! А сковать-то и силы нет. Вот это ку-зне-цы! А о прочем что же и говорить... чего в газетах не пишут, чего и бумага не вынесет — раскуется. И потому — перейду на бытовое.

Живется... сами понимаете, как живется... Разве что вот — жуется... — но нельзя же одной жвачкой **быти**?! Впрочем, почитываю иногда — достаю — «Газет дэ Длозан», кое-что и познаю... в том же духе. Ни-кого, кому бы мог поведать, облегчить душу, найти отклик... — «рютабага»[45] всех и все поглощает. Полное одиночество. Ищу в мировой печати... — не слышу отзвуков. Оглушение, оголтение, «жизни мышья беготня»[46]. Как будто — **ничего не переменилось**! а?!... Вызываю тени Великих, взываю... и... как мой профессор в «На пеньках»... — «пахнет воблой и духовитой бараникой». И нет Турген<евской> библиотеки, где можно было найти многое, стари-нное... редкостное... — немцы схряпали. Так, здорово живешь... к рукам попало. Правда, достаю что-ниб<удь> на туземном языке... Вот, хочу перечитать Марка Аврелия[47]... Библия моя — мелкого набора, глаза болят, нельзя долго. Псалмы читаю... Вы не знаете моего «последнего» рассказа — «Почему так случилось...» — в некую параллель с кошмаром Ивана Карамазова. Облегчил душу, но из

сотен поймет, что я хотел сказать, — сказал ли — не смею ответить, — один, да и тот скошенно. А это как покаяние русского интеллигента — профессора. Мож<ет> б<ыть> Вы меня и поругаете. М<ожет> б<ыть> — «печенкой» припахивает... но что же делать... в «скованности»-то нашей, в греховности неискупленной **нами**...?!

Я послал Вам народное средство против ревматич<еских> болей. Надо иметь терпение, проводить лечение упрямо, с верой, — и бу-дет! Послал и просимые Вами адреса. Очень жду Вашего слова, о-чень... — Вы для меня — и для многих, знаю, — учитель и ободритель, Господом мне ниспосланный. Сколько я от Вас воспринял — толчков мысли, духовного опыта, **примера** высшего национального достоинства. Спасибо Вам, дорогой друг. И Вам, и Наталии Николаевне. Вы оба — редкостно-духовные **заряды**, и как, порой, чувствовал я Вашу «радиацию»! В свободные минуты, — а их много у меня! — я подхожу к своему «садику» на скамейке перед окошком, созерцаю «Помпеи», след «атома», — зато как много стало солнца у меня! — и любуюсь на моих младенцев: лимончик, выведенный, апельсинчики, финички, гвоздику и гераниум... — цветут эти пышно. Маленький «рай» мой... Обнимаю Вас, дорогие, и мысленно **вижу** Вас. Господь да сохранит и направит нас, жаждущих! Ваш Ив. Шмелев.

Не откажите приветствовать добрых M-me и M-e C. Bareiss. Спа-си-бо.

<Приписка:> Известите, как Ваша головная боль. Уповайте — пройдет.

<Приписка:> En russe.

375

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<28.VIII.1945>***

28 — 15 авг. 1945 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Пр<аздник> Успения Пр. Богородицы.

Дорогие друзья,

Приветствую Вас — Наталию Николаевну — со Днем Ангела, а Вас, Иван Александрович, с дорогой именинницей. И будьте в здравии и благоденствии, и —

с пирогами, всенепременно-уставно. А это — добавление от меня, Вам неизвестное, до-за-ми. Страшусь острейшего анализа, но уповаю на милосердие и — снисхождение. Писалось в тоске великой (весна 1944 г.).

Ваш Ив. Шмелев.

ПОЧЕМУ ТАК СЛУЧИЛОСЬ

Все сильней мучила бессонница. Профессор понимал, что это от переутомления, в связи с напряженной работой над главным трудом всей жизни — «Почему так случилось». Другой большой труд — «Философия прогресса» — пришлось пока приостановить: с чего-то вдруг стали томить сомнения, для кого и для чего он пишет, когда...? — Он боялся себе признаться, что, **по-видимому**, прогресс... — словом, «надо бы уточнить...» Но, главное, явилась неодолимая потребность на склоне дней — шло на восьмой десяток — «подвести все итоги, все уяснить, даже судить себя... может быть даже и осудить». Отсюда, понятно, и бессонница.

Он посоветовался с знаменитым невропатологом. После многостороннего исследования, с применением точнейших аппаратов, знаменитый обнадежил профессора: «острая неврастения, поправимо...» — дал указания и средства. Профессор подтянулся, поободрился, стал перед сном прогуливаться — «без мыслей», ел ягурт, принимал лекарства, ложился «ровно в 10»; чтобы прийти в душевное равновесие, прочитывал страничку-другую Пушкина и, погасив свет, начинал механически считать. На этом невропатолог особенно настаивал, дав маленькую поблажку, выпрошенную пациентом: «ну, раз уж не можете не думать... думайте, но только о легком и приятном». Сон стал покойней, а, главное, прекратились эти ужасные пробуждения «от толчка», ровно в 2, после чего наступала бессонница и «мысли».

Но вот, в одну дикую ночь, прежнее вернулось; не только прежнее, а с обострением, до бреда.

Профессор лег в 10, приняв успокоительного, взял Пушкина, раскрыл, как всегда, — что выйдет. Вышло «Воспоминание», где лежала спичка. Он знал это

наизусть, но стал вчитываться, выискивая новые оттенки. Вспомнилось, как ценил это стихотворение Розанов, называл «50-м псалмом для всего человечества»[48]. «Правда, — раздумывал профессор, — воистину «покаянный», но человечество не почувствует поражающей глубины **всего**! это наш покаянный псалом, русского духа-гения». Нашел новые оттенки, томительные три «Т»:

Мечты кипят; в уме, подавленном т-оской,
Т-еснится т-яжких дум избыток...

Нашел еще три «И»:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой дл-и-нный разв-и-вает св-и-ток...

В этих «И» слышалась ему томящая мука «угрызений». Усмотрел и другие «И», еще усиливающие томленье:

И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И — горько жалуюсь, и — горько слезы лью,

... и это **двойное** «горько»!

Но строк печальных не смываю.

Этот стих профессор называл «приговором», наступающим неумолимо, неизбежно: доводами рассудка уйти от него **нельзя**, а надо принять и... что? — выстрадать?.. И опять, в какой уже раз, подумал: «счастливы верующие, находят исход томленью в пафосе покаяния... и не просто один на один с собой, а при уполномоченном для сего **свидетеле**... и, кажется, это психологически глубоко-верно!..»

Томительно признавая, что «смыть» нельзя, он отложил книгу и, вопреки советам невропатолога, невольно, стал развивать свой «свиток»... но тут же спохватился, что не заснет, и принялся механически считать. Перевалив за 500, заволновался, принял еще снотворного и заставил себя думать о легком и приятном...

Как чудесно было, когда, гимназистом, простаивал, бывало, ночи у Большого театра, в страшные морозы даже, предвкушая, что, вот, достанет на галерку за 35 копеек, увидит еще и еще раз «Фауста», с Бутенко в

Мефистофеле. Ну, и басище был! И как же чудесно-просто давал «черта», без всяких выкрутней. И прав: раз тот в такую «розовенькую» втюрился, к чему тут тонкости! Вот, именно, такой «черт» и в немецкой легенде народной, и в наших сказках, — без «демонического». Вызвал в воображении, как ясным, морозным утром театральный сторож вывешивал, наконец, раму в проволочной сетке с заманчивой розовой афишей, на которой стояло чернейше-крупно, радуя праздничным —

ФАУСТ

Мефистофель.................................. г. БУТЕНКО

... «Бутенко поет! бра-во!!... пятым в очереди, галерка в кармане!..» На этом розовом воспоминании профессор заснул.

.....Снег, снег... сугробы — гора горой. И — ночь. Крепкая, морозная, глухая. Он стоит на расчищенном от снега месте, будто сцена в Большом, последний акт «Жизни за Царя», без леса только. И вот, сугроб начинает шевелиться, показывается темный гребешок... изба? Уж и солому видно, вот и карнизик, с «петушками»... — старая изба, такая милая, родная. Так и всполохнулось сердце: родная, ми-лая!.. А снег все осыпается, вот уж и оконце видно, красным пятном, все пламенней. Топится печь, должно быть... пылает, прямо. Должно быть щи варятся со свининой, — дух такой... томный, родной, чудесный..? Да, щи... и со свининкой! И... пирогами, словно..? с кашей, лучком потягивает. Рождество, — вот и со свининкой. И так захотелось огневых щей... ложкой, шершавой-крашеной. Постучаться... зайти?.. побалакать с празднично-краснорожим мужиком, с ребятками пошутить... да подарить-то нечего..? Порассказать, как **там** томились по родному, порасспросить, как тут мытарились... — слава Богу, **все** кончилось. Такая безудержная радость охватила, и такая тоска! и — стыд, — так и пронзили сердце. А мужик вдруг и спросит... непременно спросит!.. — «ба-рин... а **почему**... **так**... **случилось**?! ты вон в книгу пишешь, а все не то! ты по со-вести пиши... кто довел нашу матушку-Расею

до такой ямищи... до такого смертоубивства?! а?!.. нет, ты сказывай — не виляй... кака притчина, кто додумался до такого?! кто научал, а?!..» Непременно спросит. Нет, стыдно войти, нельзя.

И все пропало: ни оконца, ни жаркой печи, — высокий опять сугроб. И глухая ночь. И — тоска. А дух от огневых щей и пирогов с кашей так и завяз во рту. Но тут, другой сугроб, как стена, тоже заворошился... — черное что-то там, будто большая собака возится, хочет на волю выскочить. И вот, выскочила... но не собака!.. — профессор шатнулся от изумления и страха, — выскочил на «сцену»... Мефистофель! Совсем тот самый, как представлял Бутенко. И грохнул потрясающе-низким басом:

Я — зде-эсь!..
Но чего ж ты бо-ишься?
Смотри сме-лей... —
И пригля-ди-и-ишься!...

Страх вдруг пропал, и стало тепло-уютно, как в театре. Даже хотелось крикнуть — «брра-во, Бутенко! би-ис!!...»

Но тут пошло другое, уже не как в театре.

Мефистофель заговорил... и не бутенковским басом, а скрипуче, с едким таким подтреском, козлиным словно, или вот если бы заговорила ехидная кощёнка:

С подлинным верно. Ив. Шмелев
(Продолжение следует) — непосредственно.
<Приписка:> En russe.

28 — 15 авг. 1945. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Вот, дорогие друзья, невеселое мое «угощение», но чем богаты... Не судите — да не судимы будете.

Ваш Ив. Шмелев.

Это 2-ая доза от литературы.

Продолжение рассказа: **Почему так случилось**

... — «Браво»-то ты по-сле, а «биса» у меня не полагается. По-нюхал... как щами-то со свининкой,

пирогами с кашей? мужицким духом, таким «доро-гим и ми-лым... таким родным»?! А в Париже ароматы, пожалуй, то-ньше... нэ-спа? Да-а, реми-ни-сценции, понятно... — «и дым отечества...» и прочие атрибуты! Брось, старо. Ты поумней Чацкого, хоть и глупей моего полупочтенного приятеля... **до** его со мной зна-комства. Влип в конфе-тку! И самую-то па-тошную! сорвал «маргариточку» — и сорвался! Ты **все** постиг и даже почти свершил свой труд миро... точивый — «Почему так случилось». Как критик, — парэксэлянс[49] и по призванию, я и принял сию прохладительную ванну. Не слишком тут комфортно, хоть и с руки мне... наскучила высокая температура, приятно освежиться. Да и, антр ну[50], оскомину набила последняя работишка, уж слишком ки-сло... да и... «Фантасмагорию», понятно, разумею. Дешевка! дешевое вранье, дешевенький обман безглазых... да и на гото-веньком, — легко и просто, под аплодисменты! Не говоря ужо об «апофеозе ли-чности»! По-думай... «личности»! Такая чудотворная икона, должна бы истекать ка-кие чудеса... а истекло... — не стоит шевелить, нанюхался. С себе подобными пре-подобными — куда полюбопытней. Есть некая головоломка все-таки, игра ума! ведь как трудились, подпарывая **ткань**-то! Как се-яли... «разумное, доброе, вечное...» и... «спасибо вам скажет сердечное...» — но **кто**?! **Почему так случилось**..?! Навязчивая темка. Ответик у тебя готов... неполный только. Плохо ты знаешь Пушкина. Проглядел пустяк, но... важный. **Тогда**-то.. Да ведь, без «заглавия», проглядеть не хитро. Да и — «в скобках». Теперь-то знаешь, спохватился, до-вдумался! Как это... да: «Два чувства дивно близки нам...» хе-хе-э... теперь и бли-зки, да... далеки! Так вот, хочу направить... так сказать, по долгу... масса-жиста. Черт возьми, и я, ведь, то-же, почитываю Пушкина! Ну... что-то в нем це-пляет. У нас, понятно, под запретом, для зеленцы, — «да не смутятся»... ну, под партой, как, помнишь, Чернышевского, ошибки молодости? Что ныне этот «дум властитель»?! Солома. А в Пушкине все-таки, «сияньице»... Не вообрази привычно-глупо, что размяк и... «дар невольный умиленья впервые...» и тому подобное... — поросячьи

песенки! Да, вот странность... поросята чертовски падки жалеть черта! петь «демоническое» и пре-клоняться. Впрочем, мерси-с на лестном слове. Все вы ужасные жалетели, с прохладцей. Да, байронизм... Перешагнули? Ну, что такое «ангел нежный», «в дверях Эдэ-ма»? Ну, сиял... да еще «главой поникшею»... хе-хе, как мило! А что ему и делать, как не сиять? Ведь сам же хохотал... не помнишь? я только твои словечки вспомнил, не корежься. Подумать... что я могу... к пятнадцатилет-ке-невинности, с душком просвирки! Нет-с, я люблю с горчичкой. Но Пушкина почитываем, — у-мен! Для тренировки. Надо же знать противника. Так вот-с, ты все-таки полюбопытней «бесов», в извивах мыслей. Факт, не комплимент. Ло-гика твоя..! редкая головоломка, увлекаюсь. Строишь дворец, а выйдет... и черт не разберет, что выйдет. А труд миро-... точивый! Судишь себя, а... гимн!

Это задело. Профессор попытался возражать: «моя дедукция, если совершенно объективно... все предпосылки...» Но «Мефистофель», в смехе, перебил:

— Брось, старо. Я предложу тебе ин-дукцию. Не очень-тс комфортно, негде и присесть. Холодок приятен, но несколько повышена температура, сядешь — выйдет грязь. А я, ведь, чистоту люблю, на дню три раза зубы чищу... ишь, ка-кие, в мои-то лета! А, ведь, первая моя встреча с же-нщиной... восходит..! А была ка-кая!.. приятно вспомнить, но, увы, не-по-вторимо. А, знаешь, не махнуть ли нам в... — ты, ведь, ан-тичник! — в Гре-цию.?! В Каноссу не желаешь..? Так проведем ин-дукцию в античном месте.

Профессор увидал пустую комнатушку, обшарпанную, заплеванную, угарное ведро на глине. Да, Греция... та самая, в которую вступил он, «свободный», с корабля, **тогда**... Признал ведро — мангал.

— Комфорт! — мяукнул «черт», болтая руки над мангалом, — ан-тичность!

Это был уже не «Мефистофель», а волосатый, желчный, в жидкой бороденке, со скверными зубами, с помятой папироской, в пиджачишке, в бахромчатых манжетах, серых, в размятых туфлях... — «вечный сту-

дент». Напоминал кого-то. Кто же он? Такое отвратительное что-то... что же? Томило, вспоминалось... — нет, не мог. Воняло затхлым, бельем бессменным, прелыми носками... Но голос тот же, со снеговой поляны.

— Ки-сло? не ндравится? — скрипел «вечный», мерзкий от наружной грязи и от другой, таимой. — Комфорт в сво-бо-де! Скоро же ты забыл. А когда-то... — вспомнил? — прилег у этого ан-тичного треножника, в тот неуютный вечер, как же был детски счастлив, как лепетал... правда, коверкая... одно моленье, такое популярное... особо налегая на «хлеб насущный»! Теперь бормочешь лучше — и не веришь! Ло-гика, понятно: не веришь, а... **прибегаешь**. И в меня не слишком, а ожидаешь «чертовой ин-дукции»! А, ведь, недурственно, меня-то, Федор-то Михайлыч[51], представил, а? И анекдотики мои... про нос, исповедальню, бретоночку-красотку..? Повеселились наши. Да-а... Иван-то Федорович[52] его... у нас! чиновником особых поручений, сверх штата, — масса кандидатов! Как ни вертелся, тогда-то, а признал: аз есмь! И ты... Впрочем, в твоей манере: и призна-ешь, а не сознаешься. Да, вопросик любопытный: есмь? не есмь? Так и не решил?.. Пора бы. Просил... «явлений»? Получай, сполна. Не в силах? Понатужься... Нет в тебе этой русской широты, а то бы..! Правда, и дерзости особой, а так... «логически осмыслив», как тот, «чиновник поручений». Тепловатый ты, замешан на водичке... Да!... вспо-мнил!!... хи-хи-хи-хи... ну, не могу без смеха... хе-хе-хе... ну, обмираю, прямо... ха-кха-кха-а... за... кашлялся. Недавно... ка...картинку видел... одного ма... мазилки-старовера... хи-хи-хи... этот... **тот**...! ну, «Страшный»... ну, «Суд»... хи-хи-хи... ты, вылитый! Некуда ему тебя девать-пристроить! все определились... одни... ну, одесную, где-там-э-э... «сияние» и гимны, другие — хе-хе... в ква-ква... ртирку с отоплением... а у тебя, мой друг, профессор всех наук, такая... хи-хи-хи-и ... такая ли-ко... графия... ну — в ту-пик! И что же, хитроум... при-думал: по-се-ред-ке!.. хе-хе... ни в тех, ни в сих, а... дерево писнул... о-сину! корявое такое... и тебя-то, дедуктора-то знаменитого, и... привязал! хи-хи-хи-и-ииии... веревкой! Не повесил, а — привязал! как

вот кобелька мужик... драть сподручней..? хе-х-аэээ... дочего же игриво-едко? Я, прямо, зарукоплескал... за ло... гику! Что?... У Трубецкого[53] вычитал?.. Но и Трубецкой рукоплескал, за ло-гику? Да как же неодушевиться?! не очароваться?!.. Чи-тал твой труд миро-точивый, — «Почему», — ну, ло-пнул! Приспел в «бессмертные»! науку обессмертил!! создал... ультра-силлогизм!!!... «Все люди смертны; Кай — человек: следственно...» — «я тут ни-при-чем»! До-стиг, завоевал бессмертие, ура!..

— Откуда ты, мерзейший, взял?!.. — вспылил профессор, — так все извратить... все муки, муки мысли, признаний, совести... все извратить!...

— Хо-хо-хо-ооо... все, му-ки... со-вести!... и с оговорочкой?.. И муки со-вести? вот новость!... А песнопенья «вечному порыву»? а постановочка все та же... «вечного вопроса», открывши клапан предохранительный? «логически осмыслив»?! Что, нервы?... закурить?... Прошу... — протянул «мерзейший» золотой портсигар, с знакомыми инициалами под-чернь: узнал профессор, в тоске неутолимой, портсигар брата-инженера погибшего. — Да, верно... **его** любимые кручонки... по-мнишь?.. Ну, не смущайся... ну, без колебаний, как... **привет**... как бы в призна-тельность... для укрепленья слабых нервов! Табак отменный, кры-мский! Нарочно для тебя из «склада» экс-нул, напрокат... попотчевать. Странно: поместили в отдел «вещей священных»! это портсигар-то, с чертовым зельем, а?!

(Продолжение следует).

Привет.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> En russe.

376

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<30.VIII.1945>***

30. 8.1945. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой Иван Александрович,

Этот рассказ явился мне на мысли года 2 тому, когда я сильно заболел (приступ воспалившейся «язвы»). Я

увидал впросонках **поляну** и — гребешок избы в сугробе... Ну, начались «мысли»... и попробовал дать «профессора». Он — **создан**, ничего точно-автобиограф<ического> здесь нет. Все — в связи со всей моей работой, начиная с «Человека...» — «Св<ета> Разума» и проч.

Ваш Ив. Шмелев.

Взял труд переписать — для Вас, друзья.

Досылаю продолжение — 3-ье рассказа:

......в штанах болтался — и в «вещах священных оказался»! Ка-ких..? Культурно выражаясь, — в поснятых с... «расхода», с... окропленных... этой... ну, жидкостью такой, свя-щенной. Тот, «нежный», «в дверях»-то, созерцанием увлекся, что ли... ну, я, для милого дружка... Да и щегольнуть приятно. А ты, сейчас, дэ-дукцию: «раз даже портсигар **его**...! — эрго[54]: Костя — в... **непостижимом**!» Поздравляю с «эволюцией прогресса».

Профессор машинально закурил, и острая тоска пронзила сердце. И — осияло; «**есть** «там»! если даже вещи **живут**...»

— ... и если ты со мною дискутируешь... — закончил его мысль «студент». — Да, ло-гика приводит к... Но ты сверх-логики понюхай. Начнем. Это внизу дерут, у Капуладисов, Новый Год справляют, гречура. Дерут псаломчик. Помнишь, как плакал ты, **тогда**... у этого ан-ти́к? Хоть и разноголосо, дико, пьяно... — но ты плакал. Ты знаешь древне-греческий, атти-ческий, напевный, а э-ти..! Но раз такая «философия прогресса»! — паршивая коринка да горклая маслинка, в сальдо?.. Ты мысленно переводил — и плакал. Узнаёшь мотивчик?..

Профессор узнал псалом, тот самый, как когда-то, на островке, зимой. То был 103-й, псалом «Творения». В душе профессора он преображался в Хваление всей твари: безднами, горами возглашался, звездами, пустынями, вода́ми... всею тварью, чистой и нечистой, и Левиафаном-Змием, играющим в пучинах... — всем, что «премудростию сотворил еси».

— Размяк, хе-хе-э... Надолго? Да ты эс-тэт! Ты понимаешь и величие, хотя бы эстетически... ну, на три с плюсом. Признаться, на меня то-же действует манень-

ко... **такое**. Не знал, хе-хе..? Слабость, братец, слабость, ре-ми-ни-сцен-ции... — порой всплакну! Но... к делу. Знавал я мужика Микиту, рязанского... Ну, и заводил он сей псаломчик! Живот, бывало, надорвешь, ежели эстети-ческий подходец... а ежели по существу... — о-го-го-го-о! далёко, братец, до Микиты и тебе, и... Он сему «левиафану-змию» молился! гимн свой возносил, чтил, как священное. Так умилялся, что и его-поганца создал Бог — в великих водах игратися и безобразничать радостями левиафанстиими. Нет, ка-ков?! Так твое-то эстетство перед таким рязанским всеумилением — ну, **что**?!... — пустышка! нигил!! Пробовал я того Микиту на-зуб, так и эдак... — плюнул. Как же он все коверкал, и — как же понимал... **все**! Нутром, сверх-логикой. Ведет своей культяпкой по строке — вспотеет, и спереду, и сзаду, и дух пущает, от умиления!.. «На...-сля...-дять... ф-фу-у... на-сля-дять... зе-млю!...» Да, «на-сля-дять», на «я» надавит... — и сокрушается, солющими слезами орошает затертые страницы... что зя-мельку-то, священную... всюю-то **наследили**, запакостили... во-как! И за загаженную — молился! Ну, куда же тут...?! Он «аще» и «абие» и разные там «обаче» за священно-тайное принимал: заслышит — осеняется. А уж как «паки и паки»... об пол лбищем, от умиления! По-нял, дурак? Это комплимент, не корчись. Ну, пошли к черту, да тут останусь, по ло-гике. Так вот, постиг теперя, что такое — сверх-логика? Теперь — к «симфониям».

Профессор закрыл лицо руками, — постигая **что**-то, сокрушаясь..? Как же не понимал **такого**... раньше? тогда, **тогда**..? И вдруг, во сне — он сознавал, что это с ним — во сне — **все** понял! И как же просто, **все**!...

— Что, очертело? хочется скорей уразуметь — «почему так случилось»? Понятно, что **теперь** — «так просто»! А вот, в «симфониях», совсем осмыслишь..., мо-жет быть, осмыслишь, не утверждаю. Ин-дукцией.

— Ах, концерты! как любил ты их..! «Благородное Собрание», этот «колонный зал» — ан-тѝк!.. Эту «Симфони эротик»... «величественно-царственную», — хе-хе... тво-е словечко, был еще студентом и здорово

французил... по-мнишь, с блондиночкой, читал в программочке, показывая образованность, — «херу-ак»! всякие квартеты... эс-моли эти, Моцарт, вдруг «открытый» Ва-гнер... даже и Бах — «хвалитель»! А Шопэнчик, манивший недосказанною грустью, его вальс № 3... — «стремления, исканья, нахожденье»! Ну, Чайковский, по настроению... но «патэтическая» — уносила. Тот, ну... «12-й»... не очень, та-ак — «барабанное» — твое словечко! Понятно: хоть там и есть заветное, «марсельское»... — «ах, если б..!» — не мыло, а... взмыв такой, влекущий... но!... тут же ладанное это, из панихиды и молебна, что ли... и еще это, ну... «на страх врагам», коро-нное, некий запашок, с кваском[55]! Я тоже посещал концерты. Музыка... она, брат,... почитай Толстого, — будит похоть. Старика-Льва мутило. Потел я с ним, а таки-сбил на «Крейцере»! — переперчил старик. Этот его «Крейцер»... кой-кого толкнул на «пробу»... ну, что поделать, — темперамент. С каким зарядом ты выходил под звезды, под **тот** горох пылающий, январский, как вскипал приливно — «се-ять, се-ять...!» — и призывал извозчика, и чем-то троглодитным, опосля «симфоний»-то, был для тебя тот «ванька»... но как же без него, хоть и с «зарядом»! Я провожал тебя, и, тоже подогретый, я шептал тебе... я умолял тебя — «сей, сей, голубчик... гуще, гуще... **что** вы-растет!..» Ты напевал, под визг полозьев, —

Бе-линского и Го-голя
С ба-за-ра по-несут!..

— И все-ба-зары — — — про-ва-лились... и мужики... и си-мфо-нисты...

Все-о разба-за — — — ри-лось!...

— Кричи ура, — **взо...шло**! Хе-хе-хе-хэ-э... взошло, взошло, взо-шло-о-о...

Споем, споем ку-плетик —
Мерси, не ожидал!

— И что же? мужик-то то-же... любил «сим-фо-нии»! Пучишь глазки? От-ли-чно понимаешь. Понятно, не Бетховена... а были у него свои «симфонии». Но ухом, — всем нутром вбирал, и даже брюхом: рас-пи-ра-ло! Не постигал, — а умилялся. Уж коль на-чистоту — так вот,

в «мѐрси», поведаю: ему, во тьме и грязи, его-то... с «загаженной» землишки, открывалось... гм... ну-да, да, да! да, открывалось... **небо**! уж признаваться — признаваться: весь универс!.. Да мне ли, черрт возьми, не знать, раз я всегда таился на его «концертах»! ну, сбочку... ну — там, где метлы!... И, ведь, слободно, без билетов, сколько влезет! Миките-то... — ишь, хе-хе... как я его жалею... — грудищу распирало «симфо-нией», и воз-но-сился он! Да, черрт возьми, он возносился. Да, да, в вонючем полушубке, в валенках, — и возносился! порой, и пьяненький маненько, а... возносился! Ну, ты же понимаешь... — «и в небесах я вижу...» и тому подобное. Для пояснения, понятно, отнюдь не утверждение, нэ-с-па? а? а... может, между нами, **там** — пустышка, а? что? можешь утверждать?.. Блажен, кто верует... тепленько ему будет на том свете, хе-хе... И воспретить возноситься **никто** не мог. Пред «вознесеньем», что таиться, я пасую. И вот, твой «ванька»... — сколько таких в дослежке было у меня, «к докладам»! — за день намерзнется, брюхо чайком попарит, лошаденку на постоялый, а сам-то к этому... к Миколе-на-Пупырках, где хор «васильевских», либо — где «чудовские», в Чудов, в Успенский, к «синодальным», а то под «Золотую Шапку», где, ради славы, — вот поди ж ты! — певали и солисты из Большого — Хохлов, Бутенко-с... Собинов, Смирнов... Ммда-с, пе-вали. И, ведь, прознавал, безглазый, в полпивных, в трактирах, где будет нонеча «симфония»! М-да-с, пе-ва-ли... слы-хал-с... м-да-с... Бортнянского, номерок 6-ой-с... **ту**, «Хе... херу-имскую»... — он, ведь, и к обедням шмыгал. А вот, как «синодальные», за всенощной... самый патетический момент... ну, «Слава»... дрожью пробирало Микиту-«ваньку». Эх, уж поведаю, Пушкину в-пандан[56]... Раз как-то... нервы, что ли... полная капелла — один-то голос! — «Слава в вышних...» ну, ей-ей... ну, вознестись хотелось..! — ремини-сценции, понятно. Ты подумай: в метлах-то сидя, в морозе, за дверьми, —

Досылаю окончание рассказа.

Ваш Ив. Шмелев.

30. 8. 1945 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой Иван Александрович,

Замечу: случай с Фетом — точен. В отсутствие жены, накануне именин, (отлучилась за покупками) Фет почувств<овал> невыносимый приступ сердечный, сидя в кресле, схватил бритву... — так его и застала гувернантка. Страшное лицо, хрипел, указывая на кого-то в углу: «он... **он**...» — и внезапно помер. Лицо его б<ыло> до того страшно, что в гробу было накрыто кисейкой. Я использовал эту ист<орико>-лит<ературную> справку, к<а>к и Трубецкого — об иконе «Стр<ашный> Суд».

Ваш Ив. Шмелев.

Досылаю продолжение — 4-ое — рассказа:

— Ты подумай: в метлах-то сидя, в морозе, за дверьми, — и вознестись! М-да, слышно *си-лу*! А «ваньки», прямо, обмирали, — возносились, забывая все. А под **тот**... ну, Зимний Праздник... бывало, грохнут — «С нами»... и проч. — «разумейте,.. и покоряйтеся...»! — так грохнут, что у «ваньки»-то мороз по шкуре, и вознесется он под самый кумпол, к Самому... помнишь, там, в Храме, Репин, что ли... чуть ли не с год мазюкал, на спинке лежа? А-пропо́[57]... это «покоряйтеся» даже и у нас, **там**, некое трепыханье вызывало! антр-ну, — даже и шатанье мыслей... — «покориться»? Понятно, темперамент. Из-за темперамента вся и пертурбация случилась, эти «вверхтормашки». И никто Миките-«ваньке» не воспретил так пре-возноситься, **нельзя**. Философски, — так сказать, преодоленье всех полпивных, трактиров, кабаков и прочих сладостей, — «победа духа над материей», хе-хе... И даже жертвоприношение. За эти «вознесенья», ведь, седок не платит. Да, никто не воспретит, разве мундирный сторож, в соборе важном, носом поведет и — «не оченно, не проедайся наперед, уж больно во-здух...» А вознесенный и не чует, — вознесен. И вот, все это... ты — у него — украл.

— Ка-ак..? что..?! я... я... я... у него...?!... — вскричал профессор дико, — я...?!... я...?!...

—Хе-хе-хе-хе-э... махонькии, не по-нима-ют... разжевать прикажете? — извольте. Сначала помаленьку обворовывали, потом... хе-хе-э... «двоюродные» начисто все обобрали. Помолчи, сейчас ин-дукция!... Хи-хи-хи-хи-и....

— Подлец!.. фальсификатор!!... шулер!!!... лжец!!!!.... — пробовал заглушить скрипучий, мерзкий смех профессор, — так... все... извратить!..

— По ло-гике... и лжец, и шулер — вы, мон-шер! я только переписываю в звуках **мысли...твои**! но... ах, ин-ти-мнейшие мысли, рундучков подспудных, или, как психологики долдонят — «под-сознания». Спишь ты? Ну, так хоть во сне будь посмелей, раскрой коробочку, где источают яд... «змеи сердечной угрызенья»... — и... опорожнись. Совет — ка-кого Мэ-тра! А-а... па-дэ-форс! При-дам я «форсу», подставлю... зе-ркальце. По-стой...

— Помнишь, как после этой «хе-ру-ак», в запале, — «к звездам! к звездам!!..» — из «Брандта», твоего и-роя? А старикан-извозчик, на эти «звезды», так тебе умильно: «да, барин... выше Бога не бу-дешь...» По неразвитию, понятно. А ты ему, в запале — «все сосчитаны», и у каждой имя!» — ну, се-ешь. «А про Бо-га... еще неизвестно, есть ли!..» Понятно, «свободы сеятель пустынный», и, как говорится, «при исполнении обязанностей». А старик — «ето мы от господ слыхали, будто им неизвестно...» — вот, старикашка! — «только нам ѐто без внимания... не-эт, выше Бога не бу-дешь». Крепо̀-нек старикан попался. А вот «воробьев» берет, сумнение родится... потому народишка до энтого «вопроса» падок, пытливы, подлецы... даром что грамоты на грош с полухой. Вот и прикинь статистику: «сеятелей пустынных» этих... ну, сколько за день на одних «ваньках» протрясется? не говоря о прочих и-и.. упражнениях! Ну, и раскачивали помаленьку, подпарывали **ткань**-то. Ты-то из любовишки прохладной, к слепому «воробью», во славу просвещения, понятно... **истиной** поделиться, а сколько было спецов, сеяло по штату и наградным! Чай, прекрасно помнишь, как один туляк-извозчик, парнишка 20 годков... «подвел итог»? Я же и веревочку подсунул. И, представь... дурак, из-за

«вопроса»! Ну, прознай Ивропа, вот бы гоготала! Там прочная привязка, дезинфекция, Декарты и всякие Ренаны... там такое, из-за «вопроса»... абсурд, непостижимо! ну, недостижимо, наплевать. И начаряпал на пачпорте: «прашу никаво не винить, а как тапери всеё раскрыто, шта Бога нету, да-к мине скушно, и порешился». Вы тогда доклады все читали, во всяких обчествах, философы-психологи-криминалисты-психиатры-биологи-антропологи... даже геологи и археологи... — ведь троглодитным пахнет! — анализ углубляли: глупость? психоз?... И никому в башку не влезло — да, глупость... только — **чья**? Так, по мелочишкам, и обворовывали, со всех бочков. Подпарывали, **ткань**-то, «устойцы»-то шатали. Тот-то порешился, а другой на что иное уж решился, как **взошло**-то... — голому дождя не страшно.

— Чур, не перебивать! сейчас ин-дукция. Был ты студентиком, зеленым. Помнишь, как перехватывало в горле, как на «Татьяну» заводили — «Выдь на Волгу...»! Старикан-лакей, при «Эрмитаже», говаривал: «как до градуса дойдут, выть на Волгу пойдут». Вот это так «Парадный... По... двох»! Сколько же любви... и ско-рби!... на холостом ходу, понятно. Гррудь теснило, пересыхало в глотке, требовало — пи-ва, больше пи-ва!!... — «пе-эй, тоска пройде-от... пе-эй... пе-э-эй...!» Ну, с чем сравню... сей «плач — ?.. «Плач Ярославны»?! — меньше не уступлю. Что за картина... Айвазовского! И — «свесив русые головы к груди...» — это Микиты-то! — и — «крест на шее, и кровь на ногах, в самодельные лапти обутых», и... Ну, видал ты, хоть раз в жизни... крррровь на ногах у Микиты-онучника? А чтоб скорей «всходило», — дрожжей! дрожжей!!... Ты им от Пиронэ не выписал, плакучий? ну, и шлепают в самодельных, — привычно, да и гигиенично, нэ-с-па? Ты вон в Крыму в каких поплясывал, а все не разберешься, «**почему**» и проч. Ну-с, продолжая «Плач»... — «и пошли они, солнцем палимы...» па-ли-мы!! Хе-хе-хе-э-э... для рифмочки? раз уж «пилигримы», катай «палимы», все слопают. Подумать, что за муку терпят «пилигримы», от солнышка! Хоть бы какой зонтишко, что ли... ведь

гибель грозит Миките, солнечный удар! «Пи-ва! больше пи-ва!» залить! залить!... И, сталоть, сенокосная пора, а то жарынь июля? Да в страдную-то пору будет тебе Микита по «подъездам» шляться, хоша бы и «парадным» — ?! А каков финальчик... «стонный»! И под телегой-то, и под овином, и под стогом... — ну, стон и стон. Нам, чертям, от сего «стона» тошно было, гофманские[58] принимали, мятные пряники жевали... даже и у нас есть мера. Ну, ты был глупее «воробья» и верил. Но ведь и седобрадые «стонали»! А не верил — сталоть, ты жульничал, только бы «стон всеобщий»! И допелись-таки до стона, таки-накликали. «И пойдут, побираясь дорогой, и... за-сто-о-о-ну-ут...»! Ммбэээ... — извини, тошнит. Пропили все, идут и... сто-----о-о-нут...! Видал? слыхал?... А создатель-то сего «стона», праведник, заверяет «родную землю», что «такого угла не видал...» и тому подобное вранье. И сейчас же осведомили все «ивропы», где никаких «стонов» никто никогда не слышит, и все «ивропы» поверили и ужахнулись такому положению номадов[59] в дикой степи, в таком «историческо-географическом недоразумении», как утверждают все «ивропы». Сейчас же отпечатали ярлык и наклеили, куда нужно, из-за любви и благородства, и, содрогнувшись, стали помогать посильно — «сеять». И ты поверил, что так он именно и видал? «Такого угла не видал», а за дупельками-то к «стону» хаживал? А Пушкин вот не видал. И «сват-Ивана» видал, и старуху взбалмошную видал, и **все** видал, и **все** знал, а вот не «стонал». Помаленьку и получилось, «почему так случилось», пардон за каламбурчик. А как «стоном-то все стояло», хлебушко копеечка фунт был, «стон»-то землицей обрастал, железом укрывался, пил чай с сахаром и человечины не лопал... и мог даже, черрт побери, и возноситься! Ну, в Менделеева, что ли, заглянул бы... кажется, не дурак же был... Да-а, как Фет-то «стоножалетеля» разделал! Я, я даже восхитился, сейчас же ему визит, да попал не совсем в приличную минутку... тот уже в дальнее плаванье пускался... и только поглядели друг на дружку. Он, вдруг, с чего-то исказился, захрипел, в ужасе, показывая на угол, где я присел с визитом — «**он** там... **он**!...» — и... неожиданно

отплыл, — видала гувернантка. Но тут, уж извините-с... маленькое недоразумение и кви-про-кво[60]. И... — «я тут ни при чем». Ну-с, к сальдо...

— В общем... ты все-таки терпим, но... поумней бы, что ли, а то совсем неэстэ-ти-чно вышло!: возносили дворец до неба, а вышло... мокренькое место. Хоть бы на грош «божественной гармонии», дерзаний перед **Самим**... — было бы, над чем стараться. А то — «на побегушках», платок сморкательный... Чур, одну минутку... ну, что мне с... «мокреньким»! фи, дон!...

Конец рассказа досылаю.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> en russe.

30. 8. 1945. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой Иван Александрович,

Вот и окончание рассказа, — не написав его (не выплюнув!), я не мог продолжать «Пути Небесные». Очень я устал ото **всего**. Спасение мне и **отдых**, если Бог даст вложиться в 3-ью кн<игу> «Путей». Попробую, помолясь.

Ваш Ив. Шмелев.

Досылаю окончание рассказа, — 5-ое письмо:

— Стой, подлец, вспомнил, кто ты!.. — в ярости вскричал профессор. — Сенька Хоботков, юрист!.. шапку украл со сбором, по партам мы пускали, для семьи жертвенного К-ва[61]! Я тебя в тот же вечер, циник-негодяй... в трактире Саврасенкова застал, в новой тужурке, с «Разлюли-Малиной»! на святые деньги, жрал отбивную котлетищу с горошком, запивал портером!..

— Ффу-ты, что за гениальный блеск памяти... даже до зеленого горошка! А **все** забыл. Допустим, я в сей благородной шкуре... Ну, у кого острей?.. У Саврасенкова — допустим. С «Разлюли-Малиной» — точно... с коей ты, накануне, в Малоярославце, на святотатственное-краденое изволил кушать: осетринку-провансаль, сотэ[62] из рябчика, почки в мадере,

клубничку со сливками, орошая сие сухоядение портвейнцем и коньячком с абрикотинчиком... даже «Разлюли-Малина» ужахалась, тянула за мундирчик и взывала: «и де ты, андел, накрал на столько? аль упреподобил старушонку, как Расколкин[63]?» Погодь, не все, ягодки еще к десерту. А заработал все сие в поте своей душонки... Сто-ой, мироточивый! У богатой тетеньки проживал, на маманьку выклянчивал, — «ах, больная, в глуши, нет и на лекарство...» — «Ах, на, пошли...» — две красных. «Пошли» — на «Разлюли-Малину», нэ-с-па?[64] Душеньку твою спасала, тянула на веревке в церковь — упирался. И заключили вы условьице, тетенькину душу успокоить: за всенощную — рублик, за обедню — вдвое, чтоб на ее глазах выстаивал. Сто-ой! И ты, овечка гибшая, выстаивал... для рябчиков и почек, абрикотинчиков, «Малин», «Фру-Фру», и проч., и проч... Нет, чур, не все... «Двунадесятые» — тариф двойной, а «Праздник-Праздников» — за разовой сеанс по красной? А как те, «окаянные» наступят... — твое «бомо»[65]! — ну, покаянные... — тут уж Клондайк, Голконда, радугою блещет! Что, мѵроточивый, померк твой блеск? И у меня не притупилось, а?..

— Все извратил, подлец... преувеличил!.. — с болью, не закричал — завыл профессор. — Было... пустяки, как в шутку... Так все оплевать!.. Давал уроки, высылал матери... эти «службы»... успокоить тревогу тетушки... отнимали время... давал уроки... не все же на ее плечах... и она понимала... добавляла... Все, гад, извратил!.. Да, вынуждал себя, ради ее спокойствия... а не для... так извратить?!.. так... Разве было **это**?!.. У, поганый!..

— Хе-хе-хе-э... как мило — «разве»..? Игра ума... «разве... бы-ло?» Что? Глазки в передничек, как «папа-мама»?.. Постиг ин-дукцию? «Сверх-логику» признал, бесснастный?.. Эх, поучиться б у Микиты... — да вот, — эля! — нет под-рукой Микиты. Что ж остается..? Коробочка... «змея сердечных угрызений»? и — при **свидетеле**... «психологически как верно»! Хе-хе-хе-э!... Ну, до скорого?...

Профессор пробудился от толчка, часы показывали — 2.

— Ф-ф... кошмар... — задыхался он, нашаривая папиросы, — ф-ф... грязь какая... Го-споди... — и стал креститься.

Весь содрогаясь, ловя пропавший воздух, всунул он ноги в туфли, нашаривал халат, нащупывая мысли... — что же надо..? По привычке, подошел к столу, «занести мысли». Узнал свою работу, стал листать, привычно-бегло... и вдруг, поймав, **что надо**, схватил перо и, в дрожи, царапая бумагу, размашисто, во всю страницу, криво, — «к черту! **ложь**!...» Сгреб комом, ляпнул об пол и стал топтать, как исступленный, задыхаясь... —

— К черту!.. к черту!!... к черту!!!...

Март, 1944.
Париж.

Переписывая, кое-что исправил, особ<енно> в сам<ом> конце. Так что это — посл<едняя> редакция. Не хватило терпения оставить для себя копию. Да и к чему?.. Как бы «выплюнул» из себя — и animam levavi[66].

Ив. Шмелев.

Прошу прощения, если отяготил В<аше> внимание и душу Н<аталии> Н<иколаев>ны. Сочтем за... — шарж!

И. Ш.

<Приписка:> En russe.

377

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<9.IX.1945>***

9. IX. 1945 Воскр.

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Только что проглотили мы три первых части Вашего созерцания «Почему так случилось» и ждем четвертую*). Спасибо за память, за привет ко дню Ангела моего ангела-хранителя и за немалый труд переписания. Надо бы это все *наружу*, печатать да издавать. Это скорбное горение мысли не должно оставаться под спудом: оно *русское* и *нужно ру́сским*. В переведенном виде ни одна европейская «мозга́» ничего не поймет...

*) Все дошло без малейшей цензуры!

Однако вижу в этом созерцании суд и бич на нашу интеллигенцию. Ваше письмо о «Книге Судеб» переросло и этот суд, и эту казнь. В нем неуместно было бы слово «случилось». Кажется мне, что ничего за эти годы не «случилось». Помню, Петр Бернгардович вопил в 1922 году, что все «случилось» только оттого, что Врангель не успел создать белую кавалерию, а остальные-де объяснения «удачи» большевиков вздорны. Мне и тогда уже казалось, что не «случилось», а «совершилось»; но *почему* и *зачем* — доселе о сем бунтующе вопрошаю к небу. Зачем надо было «пропять» *именно Россию* и притом на десятилетия? И сейчас думаю, что «совершилось» и «совершается» — и притом во *всемирном* масштабе. Может быть мы и «высоких зрелищ зрители»[67], но я чувствую себя *бестолковым* зрителем, решительно «недопущенным в совет»[68]. О новом «откровении» чающе вопию с 1919 года. Думаю, что настала новая эра, когда надо идти от *Духа* — к Сыну и Отцу, ибо Отца утратили несмотря на пришествие Сына, а Сына утратили потому, что Духа отвергли. Думаю, что выхлебываем малою ложкою великий котел безбожия; и, как пели красноармейцы в 1920 году — «весь котел сожрем» мы сею ложкой. Думаю еще то, чему посвящены мои последние книги «Заглохшее сердце» и «Созерцание далей»: что для обновления жизни надо обновить культурно-творящий акт, перестроив его на основе *созерцающего сердца* — всю науку, всю религию, все искусство, все право, всю политику и все хозяйство — надо растить и строить созерцающим сердцем — т. е. видеть сущее и творимое лучом любви, совсем свободно и совсем искренно. С ужасом созерцаю умное и порочное, властолюбивое и изощренное бессердечие католицизма; и полное разложение православной церковности. С отвращением вижу масонство сочувствующим дьяволу принципиально и советскому в особенности. Вижу смуту и беспочвенность везде; и антибольшевицкие силы мира вижу не в Духе, а в каком-то пусто-трупии. Чувствую себя (за пределами своей духовной ячейки) — крепко одиноким, но утешаю себя тем, что это одиночество не

было бы столь кругло-сиротским, если бы общение письменное и печатное было налажено.

Только что читал «Вестник академии наук СССР» № 11-12 от 1944 года. Страшно! Горько! Больно до смерти. 80% открытого, обязательного подхалимства, льстиво-ласкательства, тиранно-обожания[69]; и 20% жалкого банального лепета о Крылове, о Брюсове и о Вольтере (часть исследовательская). Бесконечные награждения орденами *химиков* (атомо-логия!) и всего два-три знакомых имени — Тарле[70], Волгин[71] и перебежавший из Латвии Виппер[72].

Только что читал письма с ближнего востока. «Патриарх» Алексий объезжал православные приходы и «вселенские церкви». На всех приемах присутствовали два НКВД-иста, записывавшие *каждое* слово, сказанное *им* и *ему*. Он знал, что «на него» провокационно удят, и говорил благочестивости и советские лояльности.

Только что читал подробные свидетельские показания из Германии, что советские делают с русскими военнопленными и остовцами. Перевозят в свою зону, немедленно за проволоку, по спискам отбирают на ликвидацию, остальным (мужчинам и женщинам) бреют головы, разъединяют семьи и дают каждому заполнить анкету в 152 вопроса; потом каждый должен «защитить» свою «диссертацию»; в Россию их *не* возвращают совсем — ставят на *военные* работы в пределах оккупационной зоны. Десятки тысяч убегают, бегут на запад, прибегают и хоронятся по лесам и оврагам: *все* лучше, чем «эдакое» опять...

Вопию — слезно, горько, всем сердцем: «за что, о Господи?! и доколе же, Господи!?» А в эмиграции то и дело слышишь: «оправдались! изменились! стали патриотами! пора признавать!» Но никто не «едет», а «страхуются» на местах.

И вся эта масса русских в Германии непоколебимо убеждена, что советы готовят «третью, мировую», доканывать покачнувшийся «капитализм». — Добавлю к этому от себя — «en connaissance des causes»[73]: если готовят, то нарвутся и сорвутся. Страх перед советским «всесилием» *тает* во всем мире, тает на глазах. Как только «народ» «ушел» и осталась одна сов<етская>

оболочка, так пошли бестактности, саморазоблачения, заносчивая глупость. Россию спас *народ*: он использовал трупную форму советчины как *орудие* для разгрома своего вековечного наружного врага; он разыграл роль внутреннего врага против внешнего. Победил и домучивается теперь от внутреннего. Все, что советы «добудут» в итоге этой победы, все *именно поэтому* потеряет национальная Россия, ибо мир доселе не отличает «советское» от Русского, «коммунистическое» от национального.

Дорогой мой! Пожалуйста не говорите о *долге* или *возврате*, или *займе*. Россия давно присудила бы Вас к «пожизненному питанию в Пританее»[74]. Но ее нет сейчас. И слабые, кустарные попытки сделать кое-что вместо России — совсем не заем, а полубессильная штопка национальной дыры.

Обнимаю Вас. Жена шлет сердечный привет и благодарность. Ваш Всетотже.

Если Вы видаетесь с двумя Антонами[75], то прочтите каждому в отдельности для дискретного сведения выдержки из этого письма по Ваш<ему> усмотрению.

378

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<без даты, 1945>***[76]

Дорогой друг!

Спасибо Вам по про-«яснение» моего недуга. Пью настойку уже третью неделю, все по рецепту. Но «втирать» *не* удается. Боли — в голове, в левом плече и в пояснице. В голове постоянно, в левом плече «иголка» в сырую погоду, в пояснице — после поднимания тяжестей. Пробовал сам себя растирать и запыхался через 5 минут. А тут нужно 3×15=45 минут. На ночь — каждый день — невозможно. Но ведь Карташев токмо пил...

Так вот — *пью* и *чаю* (= уповаю) нечаянной помощи. Mercissime![77]

379

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<28.IX.1945>***

28. 9. 45

Дорогой друг, Иван Александрович, Ваше п<исьм>о столько — при предельной сжатости огром-

ного содержания — подняло во мне, что вечеров — и многих надо бы для выяснения и **прояснения**! Вообще, Ваши п<ись>ма — «самоцветы», такая игра в них — **всего**! Я, просто, теряюсь — говорить «по поводу». Отставлю пока «большое», **вне** «дня сего», хоть сей день неизбежно вовлечен в «большее», во — **вне**.

— В<аше> лечение... Ограничились бы пока «головными болями». Договорили бы какую «сестру» — массаж? — на «втирания»? — не «очков», понятно. Это необходимо, — **втирания**. У Карт<ашева> были только, — по вс<ей> вероятн<ости> «предвестники», а не недуг. Не упускайте времени, решитесь твердо довести до конца лечение. **Ваша** голова — не только Ваша,.. это Вы должны иметь в виду, Вы знаете, что такое ответственность, знаете и — назначение Ваше, и не можете уклоняться от верховно-возложенного. Вы **должны** быть здоровы, и бу-дете! Ве-рю.

Второе — это уже пигмейное: — Вы правы, и сам я отлично понимал: мой желчный «выкидыш» — почему-то — тема-то! — державший меня связанным и мешавший многому во мне, — *для не-нас* — головоломка, бред... да и для нас... — **всего**-то 2—3 пур сан[78] поймут-прочувствуют, а «тамошние» — что за чушь! — скажут. Ну, ладно: еже писах...

Теперь к основному.

Не верю и не принимаю: Вы... недоумеваете, **почему** и **зачем**... со-вер-ши-лось?! зачем надо было «пропять именно Россию» — ?! Вы отлично понимаете. Иначе не писали бы то и так, что и **как** писали... Досадно, что не знаю В<аших> последних книг — «Заглохшее сердце» и «Созерцание далей». И Ваше — в п<ись>ме — что Отца утратили, а Сына... — в сущности-то — **не** признали... и все потому, что отвергли Духа... — больше, чем принимаю и разделяю: признаю за самое родное **всему** во мне, — не только нынешнем! Я всей своей 50-летней работой — в этом году как раз полвека первому напечатанному — «Русское Обозрение», июль 1895 г.! — искал в людях **сердце**, и сам его в себе искал, и всегда — инстинктом! — если не отвергал, то отставлял подале **ум**, которому назначено лишь служебное положение. А этот пройдошливый хам занял место диктатора и —

покáзал-таки все свое хамское содержание. Как «смердяков» — но универсальный! — облекшийся в софизмы и извороты Ивана Кар<амазова>, он проел и растлил **все**. Неудивительно, что Дух **отошел** от смердящего мира. Эх, Грибоедов собственник... а то бы сказал я — «Горе от **ума**»! Всеобщее горе. Пропало **сердце**. Отсюда — **все**. Удивительно: не слышишь хотя бы о международн<ых> съездах... пер-дагогов, моралистов, философов... но по-длинных и **полных**! Не слышишь — криков о помощи — Эс-О-Эс!... Чего-там **кого**-то перевоспитывать...! на **себя** погляди... недалеко ушел. И так **ясно**, почему — «будьте как дети...!» Мне ныне **все ясно**, и я чувствую, что все это крепким рикошетом отзвучит в дальнейшем ходе моих «Путей Неб<есных>». Это вот «сердце», «Дух»... — и томили меня и я начал эту работу... 2-ая книга окончательно мне раскрыла, **куда** меня толкало и — толкнуло. Если бы Вы знали содержание этой — лишь — 2-ой книги, признали бы, что томит меня то самое, что томит Вас, дорогой друг. Только я могу **мое** давать лишь образами... Вот именно, — о, как Вы абсолютно правы и глубинны! Вот именно: «для обновления жизни...» — Ваши слова из п<ись>ма — «надо обновить культурно-творящий акт, перестроив его на основе **созерцающего сердца**, — всю науку, всю религию, все искусство, все право, всю политику и все хозяйство...» Я расшифрую этот чудесный тезис и скажу: «надо **жить жизнь** — с высот до низин — сердцем, из сердца, по сердцу». Утрачено еще главное: **воображение**... **Все** убито... **умом**. Инструмент хватил по голове **хозяина** — и хватил — **все**. И хозяин стал дурным рабом. Одно лечение, длительное — перевоспитание... но — **как**? Этого «школьника» уже не залучить в школу... он всем пердагогам головы поотрывает.

Недоумеваете, почему «пропята» именно Россия? Да кого же и «пропять»-то было? Перевоспитывать мировую беспризорщину... — надо приготовить школу... Только Россия и может быть этой «школой»... Россия «в возможностях». Ее потенциал и страшно велик, и страшно многогранен, и страшно под-спуден, и посему... гниение лишь поверхностно, не как у прочих. —

Для мира — без Р<оссии> — опыт наш 27-л<етний> — был бы соверш<енно> убийственным, **ничего** бы для «обновления» не получилось. И потому — «пропята» именно Россия, для **закала**, для апостольства, для **Школы**. Нет, наши гении **не** ошибались, вещая... Россия еще **не цвела**; и себя не изживала... И если после такого «закала» **жива**... — а она жива! — я это **вижу**, я это щупаю... — и не по «советским патриотам» и прочим «полетам» и «перелетам» и разным универсальным «восторгам», кои, кажется, скоро от «за здравие» — «за упокой» запоют... и даже, м<ожет> б<ыть> и за кое-что другое возьмутся, не исключая и «анатомичности»... — если она **все-таки** и всему наперекор жива... — значит — ей **суждено** «сказать слово». Конечно, сие последнее может быть временно замедлено... и «нажитое» м<ожет> б<ыть> легко «прожито»... развеяно... — но тем хуже для мира... а все-таки... щенка за шиворот притащут туда, куда ему следует... «для воспитания». О сем еще мой герой в «Лике скрытом» говорил... в 1916 году! М<ожет> б<ыть> надо ждать... скорых перемен... — не от «событий» это, не от «случилось» это, а от... непреложности назначенного «свершения», которое не может не быть свершено.

Недавно получил освежение и заряд от нового чтения «Путь духовного обновления», много просветления получил, и **нужно** мне это. Я томлюсь, что так давно не насыщаюсь от хлеба Вашего! «Сухоядение» — свыше 5 лет! — и отрава всей этой смердяковщиной и «передоновщиной» — убивает душу. У меня нет ни времени, — сам **за** все! — ни сил ходить в публ<ичную> библ<иотеку>, а нашу, тург<еневскую>, разметали немцы. М<ожет> б<ыть> пошлете мне дар Ваш, пусть не по-русски, я как-ниб<удь> уразумею... хоть пососу медку. Теперь посылать можно. А скоро я пошлю Вам «Рождество в Москве»[79]. Вкладываюсь в «Пути Неб<есные>» часть 3-я — не последняя, видимо. Только разворачиваюсь... — самое главное — впереди...

О<льга> А<лександровна>[80] пережила, как и вся Голл<андия>, — предельные ужасы... что парижанам и не мнилось. Фр<анция> страшно испытана, но

Голл<андия> — «сверх меры»! И О<льга> А<лександровна> — к<а>к и надо было ждать, — проявила себя вы-со-ко! Я заклинал ее — пишите... возьмите за **центр** обзора *всего* — «жизнь фермы» и вносите все, все, что в ней и кругом ее... К счастью, она вела дневник, от страшных месяцев, с сент<бря> 44-го по — конец. Мож<ет> его расшифровать, наполнить: **есть** — **чем**! Кошмар. Столько бесовщины... и при всем том — подвижничество иных! Знаете, мне видится, что кальвинисты или протестанты, оголившис себя духовно, сохранили некие **устои**... их «мораль», с добавой у иных «живой души», — дала много примерного. Пусть все это «малого калибра», но это уже много в той бесовской пляске, как творилась по всей стране... Много там было дьявольского, и не меньше гадо-бесовского... — *Как* Субб<отины> выжили!? Чудо Божие. Подумать: в их доме отапливалась одна комната... фронт в 20 верст<ах>, осень и зиму и пол-весны, и к ним вселили 4 солдат... все в одной комнате... и солдатня приводила спать — — — девок! Сергей чуть не погиб... В целом Арнхем[81] не осталось ни одних часов... что не могли ухватить — ломали! Все банки ограбили, взорвали... ценные бумаги разорвали... в постели вываливали консервы! Жгли деревни, ляпали яйцами в картины... рвали, протыкали, поганили, — убивали и так, и «уколами». Врачи!.. Принуждали г<о>лл<андски>х... те были стойки, мужеств<енны>... У меня в душу не вмещается... и я дурею... оглушен, несм<отря> на все ужасы, когда читаю письма... Если бы не уверенность, что «все это **не** впустую...» — кажется, потерял бы волю продолжать созерцание сего...

Спасает работа. Уповаю, что **будут перемены**... — жду каких-то непредвиденных «вмешательств судьбы»... Так-вот, **вдруг**... В «войну» не верю: она жс **все время**...! Натасканный Иваном Федоровичем Кар<амазовы>м Смердяков, оказалось, вылез из своей петли и разошелся. Сплошная смерд<яков>щина. О, гениальный Д<остоевский>! Что может быть мерзей пошлого **ума**! из назначенного ему кабинета вышел на улицу... — ка-ак его загнать, заклясть?! Поло-у-мный **ум**! Передонов и

Смерд<яков> — трогат<ельный> дуумвират. «Гитлер» — это же си-мвол, **воплощение**... Вы это когда еще предвидели, помню! И гибель его не случайна: напоролся на Россию! Это **тоже** — символ и знамение. Не на большев<ико>в, конечно, а, именно, на Р<оссию>. Так было назначено, в этом «чудо», и это чудо «ум»-то и не предусмотрел! А *дите* б<ыло> ясно... Не мне, а чему-то во мне: сказалось еще в 1925 г. в «Чуд<есном> билете»: Про одну стар<уху>, стр. 178, в конце[82].

Обнимаю, Милые, и— да будет над Вами Милость Господа. Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Непрем<енно> прочту А. Вл. Карт<ашеву> из В<ашего> п<ись>ма! На днях увижусь!

<Приписка:> Переезжает в Серг<иево> Подв<орье> Ден<икин> — под Бордо. Ведь тут не с кем поговорить! Карт<ашев> — оч<ень> от меня дал<еко> живет.

<Приписка:> Пожал<уйста>, передайте поклон M-me et M-r C. Bareiss. На днях пошлю г-же B<areiss> «Неуп<иваемую> Чашу» — больше у меня ничего не оказалось, и все кн<иги> давно распроданы.

380

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.X.1945>***

16. 10. 45.

Дорогой друг, Иван Александрович,

Как же Вы обрадовали меня дорогим даром Вашим, книгой — «Сущность и самобытность русской культуры»[83]! Одно оглавление — уже **пир** духовный. Никогда я **так** не жалел, как эти дни, что не научился бегло читать на чужих языках! И моя вина, и не моя... Надо знать, в каких условиях воспитывался я. То, что иным так естественно давалось, — воздухом даже, каким они дышали! — мне давалось с большей затратой воли и времени. Ну, что ворошить... — не воротишь.

Великое дело свершили Вы, дав эту книгу миру, во имя России. Ваше «тихое служение России» — высокое служение, священный акт. Что тут говорить, — бесспорно это.

Я начал читать, я в к<онце> конц<ов> **все** почти пойму верно, — этому поможет много знание мной **духа**

Вашего творчества, В<аших> основных взглядов, Вашего мироотношения, мироощущения... Но как утомляет и раздражает — почти что через строчку, — искать в словаре! Это преодолею, книгу выпью, вкушу от нее обильно, **сытно**. Потрясен радостно и горделиво, восхищен — изумлен богатством знаний Ваших, **чувством** Родного, чуткостью, — и провидением путей. Мудрый сын России, достойнейший, гениальнейший Ее истолкователь. Да, Вы не зарыли великого таланта, Господом Вам дарованного: Вы его преумножили, Вы пробуждали во многих-многих память об их дарах, сознание долга перед дарами этими. Нельзя учесть огромный итог непрестанного «молекулярного» действия на умы, сердца, дух великого числа Ваших читателей, родных и чужих, — действия творчества Вашего... — **служили**, служите и еще по-слу-жите, не только России, а и нуждающемуся в **путях** — миру. Незнание, непонимание великого **Содержания** России, — во всех областях **души** и **сути**, — приносило (и приносит до с<его> д<ня>) много горя и духовно-душевного обеднения человечеству. Вы, полиглот и мыслитель универсального размаха, многогранно наполняете Россией зияющую мировую пустоту. *Надо*, чтобы эта — такая **нужная** — ! работа — ӭвр! шедӭвр! — о России читалась и исповедывалась в народах. Должна ее **знать** Америка, Англия, Франция... Север Европы получил, **дойдет** до него, он весь почти читает по-немецки. Издана ли — или издается? — на англ<ийском> яз<ыке>, на франц<узском>? С В<ашего> разрешения, я ткну кой-кого носом... но, вот **что** необходимо! ныне — особенно. Я понимаю: Вы даете «экстракт», — это и в В<ашей> воле, м<ожет> б<ыть>, и в неволе Вашей: глубина необозримая — сущность России. — Но, в ускоренных, безумных быстротах нынешнего мира — *только так* и можно схватить мечущегося в **полете куда**-то мирового читателя. Для захваченного *так*, откроется, м<ожет> б<ыть>, возможность приковаться к созерцанию России.

Года два тому еще писал я иным, кому мог, многим зде сказывал о странном во мне чуянии: «Россия вступает в полосу ***вселенского прославления***...<»> не знаю

только, в каком плане: в плане ли новой Голгофы... или — «великодержавности»!!? — Это почувствовалось мною в конце 42 года, (ноябрь, перед «Сталинградом»). С Россией — пришла пора — считаться, Она — **вышла** в мир, вышла, как «сеятель пустынный», — пока! — но назначенный Свыше — обсеменить мир, осолить его, гниющего, — вознести, **управить**.

Ее цветение начинается. И для сего — она трагически поставлена — чудом! — на высоту. Она и на сей раз может не выполнить **долга**, как раб лукавый и ленивый, и... как «без вины виноватый»... будущее сокрыто. Вы — водитель к Ней, Вы — взыватель, Учитель. Она — придет срок — воздаст или Вам, или памяти Вашей, как Вы уже воздали Ей. Милый, накипает в сердце — найти слова и ласки, и благодарности — Вам. И — нет слов, чувствуемое мной трудно облечь в слова *должной* меры и силы. «Ти-хое служение»... Да, в том см<ысле> как «тихая молитва» — за мир — русских подвижников. Господь да хранит Вас.

Машинка моя вчера испортилась — теперь это мука — чинка... — и я пишу — плохо — пером. Я начал — для Вас — окончат<ельно> выправлять и вновь переписывать 2-ю книгу «Путей Неб<есных>», перебелил свыше 50 стр<а>н<иц> — крах! Но я упорен, и, с Божией помощью, закончу. И пришлю. Вы большое вершите... а я бьюсь-толкаю А. Вл. Карташева — пишите о православии! — нет, на мелочи приходится расщеплять целое, что его душа — знаю — **держит**. Вы — полнитесь и наполняете.

Милый, пошлите «Vesen und Eigenart der russ<ische> Kultur»[84] — O. A. Bredius-Subbotina. *Как она чтит Вас!* Она ***вопьется*** в **это**. И — восславит в голландцах. Только грязь лили все эти годы на Россию. Теперь... оглушены, не понимают: одни восхищены, другие — проклинают... — сложный «переплет» — «русский вопрос». Когда покончат с «вопросами»? **Ответ** — идет, «к ответу **все**».

Обнимаю Вас. Кланяюсь Наталии Николаевне, Ангелу-Хранителю.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> В ближ<айшее> время едет в Америку О. И. Шах<овск>ой. Был у меня, *до* Вашей книги. Ему дам *поглядеть*, только. М<ожет> б<ыть> он устроит на исп<анский> яз<ык> — через Португалию едет, для «православно-культ<урной> миссии».

381

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.XI.1945>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за дружеское письмо! Отозвавшись на мою книжку (ведь это лишь обломок из моих черновиков!), Вы меня очень *ободрили* и тронули. Мечтаю увидеть эту вещь по-французски. Для сего послал ее заказной бандеролью нашему московскому другу (с 1943 в Париже, а мы узнали о ее чудесных хождениях по мукам и чудесном же спасении *только теперь*) Марии Юрьевне Авиновой. А книжка не дошла. Посему я прошу Марию Юрьевну (которая *высочайше* ценит Ваше творчество) *посетить* Вас, познакомиться и «записаться» (с Вашего разрешения) в «библиотеке Шмелева» на книги И. А. И<льина>. А Вас *сердечно прошу* ей (и *только* ей!) в этом не отказать. Ей 62. Она душа чистая, огненная, даровитая и до дна искренняя. Урожденная Новосильцева. Муж ее уже целый ряд лет мучается в ссылке на Алтае. Мы с ними обоими были дружны еще в Москве и известие о ее спасении было нам великой радостью.

Боюсь, что я только хлопот и утомления наделаю Вам с моими немецкими книгами. А Вам *надо беречь силы для вдохновения* и писать. А. М. Ремизов прислал мне прелестную карточку — *Вы оба!* А я еще надеюсь, что однажды удастся переслать мне «Пути <Небесные>». Только рискованно это! Пропадает...

Пожалуйста напишите, управляетесь ли Вы с земным субстратом бытия. Шарлотта Максимилиановна спрашивает меня о Вас, а я и не знаю. Письма Ваши (*все*, за *года*) храню как золото!

Пока все. Душевно обнимаю и крещу вас. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет самый ласковый привет. На

днях имел письмо от О. А. Бредиус. Она в *прекрасном духе* и письмо очень хорошее.

14.XI. 1945. Ваш Иоанн (имя ему).

382

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<29.XI.1945>*

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Здравствуйте! А я хвораю и пишу лежа. Никак не одолею грипп. Видно чего-то не хватает в организме. «Белков?» «Желтков?» Жиров? Думаю, что извелся за эти годы перегружением симпатической нервной системы антипатическими явлениями всемирной истории. Следишь, следишь за мерзостями людей и за страданием родного народа, — и изнемогаешь от воображения, и отвращения, и бессилия. А ведь я всю жизнь прожил «идентификаторно» — так и влезаешь в чужую шкуру — рад не рад; — слишком много катится через меня. Иногда — забудешь на улице главный клапан закрыть — глядь, через 10 минут выпили люди всю мою силу. Иногда одна «верхняя губа» или «лоб» «трамвайного соседа» — такого в душу натащит — вот я уже всем гадостям «его» и приобщился... Ну, да что!...

Уведомляю: ясень пью аккуратно, второй месяц — *несомненное облегчение* — в плечах, в пояснице, в кистях рук — и как будто начинается и в голове. Пью 20 кап<ель> на ночь — *не* растираюсь (утомительно) — первой порции хватит еще на месяцы — буду пить пока не пройдет. Спасибо!

Еще уведомляю. За последние дни, лежа, отделал, отшлифовал свою книгу «О тьме и скорби. Книга худож<ественной> критики. Творчество Бунина. Творч<ество> Ремизова. Творч<ество> Шмелева». С предисловием: О чтении и критике. И с послесловием — которое теперь напишу — «о преодолении». В конце декабря из Нью-Йорка приедет сюда сын Шарлотты Максимилиановны — Вальтер, взрослый, промышленник и банкир. Ему хотим поручить подыскание *русского издателя* в Америке. Как только найдем, так я свяжу его *с Вами*, для издания Вашего по-русски.

Ант<он> Влад<имирович>[85] пишет, что намечается в Париже выход «Возрождения». Правда ли?

Еще уведомляю. Очень просит Вас Мария Юрьевна Авинова, урожд. Новосильцева, наш *милый друг* еще с Москвы, *написать* ей, *когда* Вы придете к ней *обедать* и *чай* пить, вечер сидеть. Она живет вместе со своей подругой Над<еждой> Дмитр<иевной> Шиповой в *Вашем* арондисмане[86] — Paris. 16. rue Lauriston 65. Они обе *чтут* Вас и будут *счастливы* знакомством. Расскажут *подлинное, искреннее, глубокое, русское* (с 1943 г. оттуда). Она москвичка, прошла через тюрьмы и Альму-Ату. Вы узнаете *прелестную* русскую женщину и найдете гнездо любви и понимания. Угостят *хорошо* — продукты у них из U.S.A. Книгу мою о Сопр<отивлении> злу силою я *уже* послал ей отсюда.

Очень прошу: *сделайте это* — не откладывайте, *не разводите церемоний,* порадуйте меня.

Все размышляю — не будет ли оказии получить Ваши «Пути Небесные» — страшно — почтою!!

Готовлю к печати (почти готов) моего «Гегеля» по-немецки (неск<олько> сокращенно) *одно*томно (листов 25—30). А потом буду писать только по-русски... Сяду и закончу «Философию религии» — в *простом* и ясном духе.

Милый мой! Управляетесь ли Вы продуктно и денежно?? Непременно напишите *честно, просто, прямо*: пришлем, что надо. *Лекарства? Все* пишите, а не то разлюблю. Угрожающе рычу: Ррррр!...

Хочу прислать Вам кое-что из моего нового — но *не* по-немецки. Эти мои немецкие три тома, что вышли, надо *воссоздавать* по-русски. И тогда дам переписать и пришлю, хотя бы кусками. А то от немецкого текста Вам будет только утомление.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет Вам дружеский привет, а я обнимаю. От О. А. Суб<ботиной->Бред<иус> имел оч<ень> хор<ошее> письмо — она в прекрасном духе.

29 XI 1945. Ваш Петруша Воробейченко.

Василия и Евлогия[87] — презираю. Масоны проклятые.

383

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<8.XII.1945>*

<Открытка>

8. 12.1945. 5-30 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой друг Иван Александрович,

Письмо вдогон, сейчас тороплюсь, и уже не поспею, почта закрывается. Много надо сказать. Радостно принял — о В<ашем> здоровье.

Примите с Наталией Николаевной мой скромный дар Вам — Москву[88]. Как писал — целая история. Обнимаю. Ив. Шмелев.

<Открытка[89]>

Дорогой друг Иван Александрович,

Письмо следом, *спешу*.

Привет, обнимаю.

8. 12. 45 Paris Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Petit cadeau de Noel (jus de cassis sans alcool) preparation domestique de l'expediteur.

I. Chméleff, écrivain[90]. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

384

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<18.XII.1945>*

Cher, inappréciable Ami!

Votre oevre excellent, écrit de main de grand maitre, nous a apporté un bònheur inespéré... Il y doit suivre, n'est ce pas, unparti deuxième l'ésprit religieux de la grande fète... Agréez, cher Ami, ce petit cadeau de Noel, et que Dieu Vous garde dans cette vie, sombre et farouche...

18.XII.1945 Tout à Vous N. et J.[91]

385

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<20.XII.1945>*

20. 12. 45.

Драгоценный Иван Александрович,

«Ныне отпущаеши раба Твоего...» — отпустили было, и могу, наконец-то, написать Вам вдосталь. Уж и

парило меня, уж и на-жаривало! — боли мои. Вот, дней 7, к<а>к отпустило. А все «кулинария», — **ошибаюсь**[92].

Ваше п<ись>мо, 29 XI, как всегда — радость. И в нем, к<а>к пасхальные вкладышки, — еще и еще радости. 1-ая — Вам лучше. И, Бог даст, и голов<ные> боли отступят. Я, прямо, засветился. 10 дней, при возврате «язвы» — аппет<ит> пропал, — чай с сухар<иком>, — и так ослаб, что 9-го XII (кстати заглянул д<о>кт. Серов) свернулся так, что д<о>кт<о>р довез меня до одра, давал камф<о>р<у>, топил печурку. Пришел в себя, и — отжил. Ушел д<о>кт<о>р, и я взалкал, и сожрал тикеточный[93] бифштекс, как лев — кролика. Теперь и писать могу.

2-ая рад<ость>... Да, В<аш> грипп, уповаю, прошел. Да, кон<ечно>, нехватка и «хватка»: 2-ая — «хватка» — Ваша: хватили-перегрузили силы работой; нехватка — витаминов. Недавно читал солидн<ый> витам<инный> труд. Ешьте лимоны-апельс<ины>. У нас это — запрет<ный> плод, — <*неразб.*> дает по граммчику.

— В<аше> п<ись>мо — блеск и игра, к<а>к всегда. Вы — в порядке, чую: **играется** в Вас сила юмора, — добр<ый> знак. Храните себя от раздражений: верхняя губа — хоботком — Макаркина! — знам<ение> века сего. Особливо страшны затылки! Не мечите В<ашего> «бисера» перед «ятями» (Чех<ов>) и туполобыми и проч<ими> толстокожими.

3-ья радость — «О тьме и скорби» — эх, дожить бы! Издат<ельст>во «Du Pavoia», что теперь готовит I кн. «Путей» и что-то Ремиз<ова>, оч<ень> интерес<уется>. Думал, что «О тьме...» — подзаголовок. А гл<авный> титул? «Vesen und Айгенарт...»[94] — отдан на ознаком-л<ение> «Du Pav<oia>». Пока не осведомл<ен>, работ<ает> для Payot — г. Вельтера, когда-то воспита-т<ель> детей В<еликого> Кн<язя> — Павл<а> Ал<ександровича> (жил во дворце Серг<ея> Ал<ек-сандровича>, отл<ично> знает (для фр<анцуза>) Россию. Ну, увидим. (Да, прот<ив> гриппа: пейте рыб<ий> ж<ир> и *непрем<енно>* заблаговрем<енно> приним<айте> auto-vaccin pulmonaire, — есть ли в Шв<ейцарии>? заменяйте antigripp<al>, кот<орый> — увы — уже не приготовл<яет> biotherapie в Пар<иже>).

4-ая рад<ость>: возм<ожность> америк<анского> изд<ания> для Вас и для нас: «Деньги на бочку», (к<а>к говорил Купр<ин>) — вот и нашелся издатель. Да в Амер<ике> какие же тиражи! 3 мил<лиона> русск<их> (всяк<ие> эмигр<ационные> и иммигр<ационные> сердца), а близнец «Совр<еменных> Записок» (Вишняк и проч.) расход<ится> в 400 экз<емплярах>. М<ожет> б<ыть> можно слать во Фр<анцию>? «Лето Госп<одне>» (2-ая часть, в 2 раза больше 1-ой) — здесь вдрызг раскупят. Меня одолели мольбами — продать что у меня уцелело, а у меня ни-чего! О «Богом<олье>» и говорить нечего: обе стали **своими** книгами и полагаются рядом с образами, да, да, знаю. — К г-же Авиновой буду — вот окрепну. Вы не знаете, **что** мне приход<ится> на долю: и — за все — про все: и писатель, и истопник, и повар, и подметальщик, и прачка, и доктор, и «сестра», и по лавкам, и в хвостах (я полов<ину> тикеток упускаю). Старушка Ар<ина> Род<ионов>на приход<ит> 2 раза в нед<елю>! Подыскивают мне, я туго привык<аю> к людям. А как хочу писать!...

О — возрождении «Возр<ождения>» — только слухи: сам рабовладелец, — будто, сказал: «вряд ли найдется кто печататься у меня!» Св<ятая> правда. «Пути Неб<есные>» вышлю, пачками, почт<овым> заказ<ным>, в 3 приема. Надеюсь, — к 7 янв<аря>, Соб<ору> Крестителя, — все получите. 1 посыл надеюсь до Р<ождества> Хр<истова> послать. Перепис<ано> — и вновь все проработано, — в кот<орый> раз!!! — 120 стран. Остается около 180.

Вы, чую, «в струне». 4-ая рад<ость>: О религии. Дорогой, простите невежду: я в философии — как рязан<ский> Микита — в квадр<атном> корне. Но я читатель: мож<ет> б<ыть> «Филос<офия> религии» — отпугнет среднего чит<ате>ля? «Знаем мы эти «филос<офии>»! Надо бы захватней, а «фил<ософия> рел<игии>» — к<а>к подзаголовок? М<ожет> б<ыть> — прямо: я бы («да уж я-..а-а-бы!») — «Древо Жизни». — без чего — **смерть**. В религии — **все**. Основа всего человека, всей Жизни. Без нее — только «Бухенвальды»,

«Соловки»... «общие ямы»... На «древо» читатель набро-с<ится>, как наши солд<аты> в концлаг<ере> на — траву! «Смотрите, вот дикари... траву жрут!» ***Что*** мне дал (на 10-м чтении!) чехов<ский> «Дом с мезонином»! «Мисюсь..., где ты?» Для меня — пир Ваша «Фил<ософия> религии». Я го-ды искал, после Оли, — и ничего не нашел. Ск<олько> прочитал! Усвоил, сам, что-то... сердцем. Вы — единственный, кто сможет, ибо Вы не натасканный узкий присяж<ный> богослов. Вы — поэт, во всем. Вы — лирик, при всем В<ашем> четком уме; ясном, как «ясень». Вы — и (поменьше!) Карташ<ев>. Но К<арташев> сам себя искромсал на «кусочки». Ради Бога, не откладывайте! Вы дадите — **всем**, **ясно**, без Карт<ашевских> иностр<анных> словес — Вы — **споете** о Религ<ии>! И да благословит Вас **высший** из Богословов — Иоанн! Дайте — о религии, без чего — **нельзя**. Мне многое ныне — уяснилось. О-пы-том...

Получил от Ш. М. Бар<ейсс> — датскую «колб<ас-ную> лавку». Богато. Ем масло и сыр, а бэкон и колб<асу> — храню, — к<а>к совс<ем> оправл<юсь>, буду лом-тиками, остерегаясь... любуюсь, на гвоздочках — висят, над радиатором, в сух<ом> уголку, — а-ро-мат! И — даю неимущим. Я получил светл<ое> счастье — давать. Это слаще, чем получать.

Звонил пр<исяжный> пов<еренный> Курлев. Я б<ыл> болен, но дотащился до tel<ephone> — у конс<ьержки> и поблагодарил «швейц<арского> друга». Сказал ему, что 8-го 12 посл<ал> Вам авионом 2 пак<ета> с «Рожд<еством> в Москве» и просил обнять Вас с Н<аталией> Ник<олаевной>. Получили? Никому не мог посв<ятить> **это** — **Вам**, только, — родным, москвичам. Слушайте, как оно родилось. Из «тайн творч<еских>». В болях. В лаборатории, куда меня в 42 г. в декабре, еле довезли. Мне дел<али> иссл<едо-вание> «сока». Всунули кишку с «бобиком» и шарили в утробе. 1 1/2 часа! Выкачивали и вкачивали. И все ставили колбочки. А сопровождала меня прелестная караимочка (чит<ательни>ца), укрепляла огр<омными> глазами и любовалась, к<а>к кишку совали. Как меня не вывернуло?!.. Чудо. И вот, сидя с кишкой, — **увидел**.

Ибо 2 мес. не ел. А тут и кишку я съел, и фр<анцузскую> докторицу (средне-сухую). И полезли в глаза всяк<ие> снеди... и — ... *за ними* — **суть**. Я увид<ел> **все**, что было, что утрачено. Через 10 дней б<ыл> совс<ем> здоров (обошл<ось> без хирурга). Мне принесли (караимочка) елочку (по заказу из Голл<андии>), я созвал близких и прочитал им, (пропев **сначала** троп<арь> Рожд<еству>! и Дева днесь...) рассказ: **потрясло**! Я заплакал. Но теперь я вновь переработал, гл<авным> обр<азом> конец, — сделал, к<а>к мне показ<алось> лучше. Эт<от> расск<аз> был переведен чит<ателями>-друз<ьями> в Берлине, чтобы печат<ать> в нем<ецком> ж<урнале>, но цензура с ожесточ<ением> его «перекрестила»[95]. **Такая** Рос<сия> — им — к<а>к черту ладан. Для них, Р<оссия> — espace geogr.[96] — к<а>к всей Европе — кочевники, без истории, без основ, без «самостоянья», без лица, без — Духа. А она — всех их всячески богаче! Порассказать Вам... Эт<от> расск<аз> б<ыл> «протащен» здесь — в русск<ой> подъяремной, и — поганой — газетке, — «для оттуда изъятых», так я хотел, т<а>к я посильно вскрывал, пел мою Россию. Прошло... и скорчило гестаповцев. Я — знаю. Мне погрозили... и, для начала, не дали визы (а меня звали в Голл<андию> — чуть подчитать и подкормиться). Ну, что было — прошло, но сколько пришлось пережить, после, в перех<одное> время! Я пел Россию. Я вел свою линию. Я скрежетал, узнавая все больше... У меня 9 авг<уста> 44 г. был **их** сыщик. См<отрел> бумаги... выпытывал. *О чем-то.* М<ожет> б<ыть> мое благодушие (он выдал себя за — «от préfect de police»[97]) и... политич<еская> наивность (истинная!) — м<ожет> б<ыть> не дали повода... Ведь меня в окт<ябре> 40 г. хотели купить **всего**! да, все авт<орские> права (чтобы все мое **связать**?). Я отказал. Представ<ители> швед<ско>-нем<ецкого> концерна! Я сумел отклонить. «*Что* я получу, в как<ой> валюте?» — Марками. — Но теп<ерь> **все вал<юты> — висят**. — «Впервые вижу, что авт<ор> отказывается!...» — Я: — Ну, вот, смотрите. Я тогда был совс<ем> младенец, не знал, что это за «огонь», с кот<орым> я **шалил**. **Они** из

меня не выжали ни одн<ого> слова, ни одн<ой> буквы — ***за***. К<а>к раз за 4 мес<яца> до их входа в Пар<иж>, я отказался подпис<ать> протест — писателей и учен<ых> (из Посл<едних> Нов<остей> просил Алдан<ов>) против гнусн<ого> напад<ения> Советов на героич<ескую> Финл<яндию>! Вызвал тем изумление и раздраж<ение> господ, — **все** прощавших Советам — и рукопожатие (специально приходил) Ден<ики>на. Когда вся Евр<опа> полив<ала> грязью Россию («историч<еское> недоразумение, дикари, географ<ическое> простр<анство> — ни истории, ни лица, ни **права**!»), когда крив<ыми> фин<скими> ножами пороли животы рязан<ским>, калуж<ским>, тульск<им>, моск<овским> и всяким парням, моим родным, а фр<анцузские> газеты приводили фото эт<их> ножей... рус<ский> пис<атель> не смеет выть в этом песьем вое... и пришвыривать свой комок грязи. Эти г<оспо>да и ныне еще мне «пришивают» порой. До того, что даже — Ремиз<ов> и др. мне говорили — и пр<очие> высок<ие> места огрызнулись (quas ego![98]) — заявляя: «оставить, это — рус<ский> писатель!» — Не знаю, правда ли? Если — да, знач<ит>, им видно. Жду. Ну, Бог не выдаст, **глот не сглотает**. **Я знаю**: во всем, в эти 4—5 лет, была **явная** помощь мне от **моих**. Мой мальчик явился **во сне** и сказал: «папа, я пришел побыть с тобой». Было сие — 2—3 окт<ября> 1943 года.

Да, с кишкой... Кар-ти-на! Я полчаса, косноязычий — (кишка во рту!) — расск<азывал> караимочке о рыбах и всей силе России! — и «сок» изливался — в кишку... и — вылился в... «Рожд<ество> в Москве». Это — Вам с Нат<алией> Ник<олаевной>. Примите благосклонно. Говорил — и смеялся, с кишкой, и — давился. И **видел... как я видел**!... Я не заметил эти 1 1/2 — «кишки». И получил приз: фр<анцузская> докт<ор>ша сказала: «*parfaitement!*[99] — в перв<ый> раз вижу, к<а>к легко глотают и весело терпят!» А я: «знала бы ты, как я копч<еного> сига ел!... и как елку видел — и к<а>к сбитень пил! Но ты — лаборат<орная> мошка, и знаешь лишь впрыск<ивать> соль в <*неразб.*> нем<ецких> «офисир» — их много было, рядом...

(лабор<атория> в уличке на Chames. Elyseés...) Вот они, как<ие> разные послед<ствия> двух удовольствий!... Как я праздновал елку 43 — нашего — и 44 ихнего Рожд<ества>, т. е. 5 янв<аря> 44 г. Я — читал, к<а>к никогда не читал еще. Плакали... И сам приготов<ил> «богат<ырскую> кутью» и взвар. И к<а>к пел тропарь!!!... И все пели. Это было первое светлое Р<ождест>во после Оли. Я был **светел**.

Милые, примите сердцем этот **выпев** мой России... как бы ни был он несовершенен. Мне он легко дался — ах, Вам бы прочел! нашел бы **голос**... Сколько — во мне — **тонов** рассказчика! Но Вы — **умеете** читать. Это — расск<аз> не «делов<ого> че<лове>ка», а — «жел<удочного> сока» и поддушной железы, что ли... Так больше не напишу.

Еще: забыл заглавие «О тьме и скорби» — Это, кажˇ<ется>, подзаголовок?

Да, важно. Не откаж<ите> скорей ответить, чтобы мне не задержать присыл 1-го куска «П<утей> Неб<есных>» — 2 кн. Я взял из В<ашего> труда «Осн<овы> худ<ожественного> творч<ества>» (о соверш<енном> в иск<усстве>) стихи Гафиза. Это **Ваш** перевод? Если — да, мне нельзя его дать в стихах: рассказчик ведет расск<аз> приблиз<ительно> в 1907—8 г. До сего года был перевод, *<неразб.>* поэта. Перевод — очаров<ательной> силы. Если Ваш? или после 7—8 г. — то дайте мне точный (построчный) перев<од> Гафиза, я его помещу, или сам, по Вашему тексту, преображу в *мою* напевность. Этот стих помещ<ен> в 1-й главе II-й ч<асти>. Оч<ень> прошу. Как мы бедны! Тург<еневскую> библ<иотеку> украли. Негде о многом справится, тр<удно> б<ыло> писать. Публ<ичная> библ<иотека> — трудно мне, нельзя же кажд<ый> день бегать, а предвидеть, что потреб<уется>, — не умею — **находит** часто, вдруг взыскую. Сколько все же, несм<отря> на болезни, написано! А сколько **надо**! Вы и не предст<авляете> себе, *что* кипит во мне. Что я хочу (смогу ли) дать в 3-й кн.!!! и в 4-ой... ибо мно-го еще надо. Надо — воспеть Господа за **все** Благо... *за такую* Россию, за **такой** народ, за такую дух<овную> силу его. ***Все*** воспеть: «Тебе поем,

Тебе благ<ословим>, Тебе благ<одарим>, Господи...»[100] Ведь каков д<олжен> б<ыть> девиз-эпигр<аф> к роману! Я знаю: это 1-й религиоз<ный> ром<ан> — не только русский...

На дн<ях> посл<ал> M-me Ш. М. Бар<ейсс> — америк<анское>, изд<ание> **Чаши**[101] — лучшего не м<ог> найти. И — б<ольшое> письмо-объяснение, почему выбр<ал> это. Милый друг, к<а>к Вы меня обласкали! Какое великод<ушие> Ш<арлотты> М<аксимилиановны>! Спасибо ей. Вам — не найду слова, разве, полное спасибо: «**спаси** Вас **Бог**!» Я не мог бы писать «Пути Неб<есные>» без помощи Божией. Ах, к<а>к мне всячески трудно. И как<ие> мучит<ельные> ночи проводил я без сна, в болях! И — думал, **писал** в душе.

Но читателю — что за дело?! Только Вам открываюсь. Вы не только ***первый*** мне читатель, (к<а>к я Вам): Вы к<а>к бы и духовник мне, и наставник, и побудитель, и пример, и утешитель, и маяк, и **мера** — поводырь чуткий, мудрый, добрый... Господи, благодарю Тебя за **все**! Почему-то вдруг всплыло... помните, у Короленки, в расск<азе> «Затмение»?... — чье это? — :

«На Святой Руси петухи поют:
Скоро будет день на Святой Руси...»[102]

Будет, да. Скоро ли?... кто скажет?... Ах, говорить с Вами... к<а>к мне это важно. К<а>к нужно!... М<ожет> б<ыть> если буду жив, летом... соберусь... есть у меня и на месяц-два сбереж<ений>... — мне ***надо*** слышать Вас, слушать Вас. Ваши п<исьма>... все храню, к<а>к... глаз. Ско-лько там!... Вряд ли Вы и подозреваете... Это — какой-то сказочный блеск ума-духа-**слова**! Это не п<ись>ма: песня играющего духа, — какое легкое-свобод<ное> дыхание! и какие же глубокие!... Целую Вас, целую руку Наталии Николаевне. Господь да будет с Вами.

Ныне и присно

Ваш Ив. Шмелев.

Много бы надо еще, но — до др<угого> раза.

386

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.XII.1945>***

<Открытка>

21.12.1945 91 r. Boileau, Paris, 16.

Милые, дорогие, ласковые

Сейчас прилетел Ваш «высокий вердикт» с «приложением». За-чем — «приложение»?!.. В «медвежье-волчьей горе» — пансион, д<олжно> б<ыть>, Крезы?.. Здесь, на улице драматич<еско>-критич<еского> Законодателя[103] *друзьям* бьет (иногда, увы) фонтан «втунный» (от «втуне»). И потом, — к<а>к написал Вам вчера — и вчера же пустил по воздуху, — это не я, а «рассказ... сока», а его у меня — к<а>к нефти в Баку. 2-ая часть..? Гм... смотря по погоде. Сейчас — переп<исал> для Вас — 2-ю кн. «П<утей> Неб<есных>» — и к<а>к бы хотелось перепис<ать> для Вас, снова прорабатывая, — «Именины»! Там есть кое-где — с «зерном» (стр. 20).

Москву пропел в «Рожд<естве> в М<оскве>». И — б<ыл> счастлив. И как же счастлив был — Вам, милые, посвятить, Вам, — ах, Вы, элита, русская «головка»! Кому же еще мог?! Астроном Вы великого Неба Русского.

Господи, помоги мне в «Путях Неб<есных>»!

Всечасная молитва моя. Сим живу. Сл<ава> Богу — тепло у меня, сижу между печуркой — берез<овые> дрова! — и радиатором. T° — +17—18. Тогда играют мысли. Милые, — милостью Божией воображение уносит и слепит. Тленная длань не поспевает за ним.

Ваш «билет» — ух, сквитаюсь! — б<ыл> пущен — в топливо. **Согрели!** Будьте же теплы и благоденственны!

Беспредельно Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Спешу к Рем<изову> захватить — Шюзевиля (буд<ет> у него), едет дочь в Швейц<арию>, будет у Вас — и вручит «Ambrosie Celeste» с печатью Пушкина — авторск<ого> изготовления. Вчера до 1 ч. ночи припечатывал.

1946

387

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<3.I.1946>*

3.I.1946.

Дорогие, милые, добрые мои,
Наталия Николаевна, Иван Александрович,

С Праздником Рождества Христова — Света Светов — поздравляю Вас всей душой.

Желаю горячим сердцем — есть еще в нем **горячее**! — здоровья, здоровья! Да будет, ото всего, Вам Покровом Матерь Света и Господня Милость!

Да будет!

Я, было, заслабел: дважды в дек<абре> была полупотеря сознания (при враче), но, к<а>к оказалось, это послед<ствия> (через 5 минут после) оч<ень> болезненного впрыскиванья лекарства. По слов<ам> чуд<есной> — опытной врачихи моей — помимо д-ра Серова, — «это оч<ень> нередко после болезн<енной> инъекции (5 с/с.!)» — а теперь я пишу вовсю и ем во все лопатки! Благодаря друзьям-читателям (из них же 1-й Вы есте с Н<аталией> Ник<олаев>ной!).

Я послал Вам с J. Chuzeville из своего амброзиального атомика... — смакуйте![1]

Все перерабатыв<аю> II кн<игу> «Путей» (3 недели б<ыл> перерыв) — 1/2 готова и на днях получите. Киплю и дрожу... Молю Бога — да смилуется и дарует — завершить **все**.

В *этом* труде моя жизнь и здоровье. Слава Богу, я светел, Ваш «Wesen und Eigenart...»[2] вызвал у докладчика изд<ательст>ва «du Pavois» восхищение, — передано на обсужд<ение> издат<ельской> к<оми>ссии... Не знаю, входят ли «глубокие книги» в план этого изд<ательст>ва... На днях узнаю. Спишусь с Вами. Смущ<ает> меня: уж очень валюты-то разны: эти тысячи и десятки тыс<яч> фр<анцузских> фр<анков> — превращ<аются> у Вас... как бы в прах... Что Шюзевиль Вам предложил?

Не углубляю и не отягощаю сего рожд<ественского> п<исьм>а текущим-деловым. А хочу, вместе с Вами,

дорогие, петь Гимн Свету-Христу и восклицать — «С нами Бог!...»[3]

Обнимаю обоих Вас, друзья дорогие.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Бумага сия — остатки сладки. Теперь здесь нет ни «блоков», ничего «бумажного»: все — жестянка и пустая склянка — гранд-пюисанс![4]

Все мыши поели, крысы потребили, а... руки обвисли. И глава — скорбна. А сердце... а когда же оно билось?! Когда-то... и потом...

Словом: «под кем трещит, а под ***нами*** — ло-мится». Это — и «оправдат<ельный>» девиз **сих**, — в рубашечке косоворотке русской нашей...

«На дворе по траве — хоть шаром покати...»

Да есть ли еще и «шар»-то? Впрочем, по бистро постукивают... в биллиардах.

И. Ш.

388

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.I.1946>***

5 янв. 1946./23 д<е>к<а>бр. 45.

Дорогой друг, Иван Александрович,

Пишу спешно и наспех — весь в работе... Не знаете ли о... петухе?.. (!?) — почему, один из всех пернатых поет ночью, в урочн<ые> часы (трижды, гл<авным> обр<азом>). Не знаю пт<ичьей> песни — короче. Мой «рационалист» Викт<ор> Ал<ексеевич> — становя-щийся, — ночи думает, услыхав чуть ли не впервые... петуха ночью!.. По-че-му? Дар<инька>ка разрешила «колумб<овым> яйцом»[5] и изумила... Ищу у орнитологов — ни-где. М<ожет> б<ыть> у М. Пришвина?[6] Нет у меня. У Брэма[7] — нет. А «птица» занимает в мистике важное место (1-й кр<ик> «чертей разгоняет» и чары срывает!) Не скажете ли, наведя справочку? Мы голые — украли Турген<евскую> библ<иотеку>, а в нац<иональную> неохота.

Нет ли у Вас — К<он>ст. Леонтьева? Нет ли — не скажете ли, когда сконч<ался>, долго ли жил при Оптиной? (Он мне нужен — «его» встречи с В<ик-

тором> Алекс<еевичем>). Будет встреча с Л. Толст<ым> (поездка в Яс<ную> Пол<яну>) и... с Тургеневым (в 10 верст<ах> от Мценска — Спасское-Лутовиново). Все очень... любопытно.

Еще очень прошу: разрешите вопрос совести... 1) *Где* и жив ли Арт. Фед. Лютер? 2) Можно ли его добиться? 3) Он еще к 38 г. перевел 1 кн. «Путей», и я подпис<ал> догов<ор> на издание в этом переводе с Мюнх<енским> изд<ательст>в<ом> Кöзел (Козёл!) и Пустэт. Год прошел, власти не возобновили позволение. С той поры — ни слуха, нет, каж<ется>, и самого Мюнхена (какие изд<ательст>ва тут!) — что мне делать? Есть предположения и предлож<ения> издать в Швейц<арии>... Ох, **как** тут людям *передать* такое «внутр<еннее>-*наше*»... Вами нетерпимая... «Кандрюшка»? И потом — сомнев<аюсь> в **тонах** и лютеров<ского> перевода. «Пути Неб<есные>» ***надо*** переводить женщине, и — **православной**! Как — Н<еупиваемую> Чаш<у> — таковой же, а «Челов<ека> из рест<орана>» — непрем<енно> — надо *ему* (тут женск<ая> мягкость — все гадит, чувствую).

Вот, разрешите. И потом — сомнение — не отвернутся ли от А<ртура> Ф<едоровича> — издат<ель> швейц<арский> скажет: «он был у **них** (идиоты!) да — ректором госуд<арственного> книгохранилища... в Лейпциге!» А кому же быть? — хаму? чекисту-гестаповцу?!.. Вот, мудрый Эдип, **разреши**!

Послал Вам праздничное п<ись>мо. А это — «забота дня сего»... я весь в подхлестывании и наружным хладом, и внутр<енним> жаром. Пишу — перепис<ываю> — спешу, но не дергаюсь, а... строго слежу за разбегающейся мыслью... — стой, не растекайся. К<а>к Ваша **голова**? Пожал<уйста>, напишите, *надо*. Ах, вот Вам образчик *неуловимости* русской речи: мужик изображает, как в городе «оратель» разорялся: — Эт-то и я так-то могу... — А как? — Да как...? А вот так: «Промежду прочим... так сказать, — к примеру, значит. Дескать, не в том дело-о... ка-ак его — все равно, одинаково... вот что. А в случае чего... больше ничего». Привет обоим.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Жду о Гафизе, без него (справки) не могу послать.

389

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<12.I.1946>***

12.I.46.

Дорогой, — сугубо-драгой! — Иван Александрович,

С 18-го д<е>к<а>б<ря>, — Ваше самолетное п<ись>мо! — не знаю о Вас, здоровы ли?.. Меня это очень тревожит. Черкните словцо! Кроме сего: я не могу — **не смею**! — послать Вам 1/2 перепис<анную> II кн<иги> «Путей», пока не получу ответа на мою просьбу о стихах Гафиза... — Ваш перевод или — чей? и — когда создан? Послал Вам с Жаном Шю(?!)звил'ем флакон «небесной амброзии»... — вкусили ли от плода «черносмородного куста» и — моего досуга и **опыта** в творчестве нектарном? Горю-дрожу над «Путями». В час отдыха вбираю кое-что из славных писем Феофана-Затворника... и — внимаю, и... нахожу **своим**! Сейчас одолели мысли о... **петухе**... — *почему* поет ночью и — трижды?! Нужно! Даринька разрешает сие — на манер «колумбова яйца», Викт<ор> Ал<ексеевич> — изумлен **открытием**. Нигде не нахожу ни слова о сем... Почему?!

Послал m-me Ch. Bareiss — англ<ийскую> «Неуп<иваемую> Чашу». И — поздр<авления> к Рождеству Христову и Н<овому> Г<оду>. И Вам послал. Здоровы ли?!...

О, ответьте же... освободите душу.

Обнимаю вас обоих, родные души!

Schmaltsberq str. 91. Ваш Ив. Шмелев.

390

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<13.I.1946>***

С новым Годом! 1946.I.13 /1945.XII.31

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Спасибо за Амброзию и за письма! Перевод из Гафиза принадлежит Фету-Шеншину. О петухе не могу

пока навести справку: подхварываю и не выхожу. Как только буду в Центр<альной> библиотеке, справлюсь и напишу. Но у Вас под руками фольклорист А. М. Ремизов — он с нечистою хороводы водит, ею закусывает и ею же «слабится». Он наверное *уже* все знает. Конст<антин> Леонтьев (Николаевич) род. 1831, умер 1891, оконч<ил> медиц<инский> фак<ультет> моск<овского> унив<ерситета>, с 1854 врач, потом служил при рус<ских> консульствах, 1873 отставка, 1880 цензор Моск<овского> ценз<орского> комитета, до 1887; потом отставка и поселение в Опт<иной> пустыни. Однако «последние годы» жизни провел в Сергиевом Посаде, приняв тайное пострижение с именем Климента. Сколько лет провел в Оптиной, не удалось установить.

Об Артуре Лютере пока ничего не узнал. М<ожет> б<ыть> узнаю. Название Мюнх<енского> издательства по Вашему письму не сумел разобрать: «Közen»? Юридический случай мне надо обсудить с юристом. Ох, за Кандрюшку не отвечаю. Няню она перевела *развязно* — где не понимала (ароматнейшие детали!), там или пропускала, или *перевирала от себя*. То же самое она делала и с Жизнью Арсеньева советского барона Бунина. Ей бы переводить Совкнязя Маклаковера[8] или совграфа Белибердяева[9] (alias[10] «   »[11]) — так уж и был бы совместный «сирах»[12]: козлу под хвост. А Шмелева — ох, не советую. Но кого? Верьте, милый, уже *годы* подыскиваю; *родил бы* — да двадцать лет ждать придется (пока из пеленок подрастет...). Промежду протчим голова моя не столь сильно полегчала, как поясница и плечи. По-видимому развитие и про«яснение» идет от нижних уд к верхним. Обнимаю.

Ваш Ив. Ив. Водичко.

391

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<18.I.1946>***

5/18 I. — 46 г. (М<ожет> б<ыть> уже на 14 дней отстал старый стиль, к<а>к Вы думаете?)

Дорогой друг Иван Александрович,

И дорогой Именинник, — приветствую Вас и Наталию Николаевну! Славное имя — во-имя! «Из

рожденных женами не было большаго!»[13] — и не будет. Да поможет Вам великий Собор Иоанна Крестителя избавиться от болезни главы, — болей! — и сие сбудется. Не покидайте и капель, и *втираний!* Весной сделайте вытяжку из свежих листьев ясеня!

Не падайте духом: Ваше последн<ее> п<ись>мо — грустное — внутренно, чу-ю...

Какая горечь! — сдала опять пишущая машинка, несу сейчас к мастеру. На 188-й стран<ице> переписки подвела! Еще остается 120. «Петуха» изобразил. Ремиз<ов> ***ничего*** не знает. Зато моя (Даринькина) концепция поразила Карташева: он не ждал, что его «тайна» (20—30 лет думал — его взгляд на «все предопределено!») *так* выльется в моем... «Я о «петухе» могу Вам три часа говорить!» Дар<инь>ка высказалась в один миг! Сцена любопытная вышла, в романе-то... Горю пока. Вчитываюсь в К. Леонтьева. Он *не* по мне... Своеобразен, да... но — за волосы себя притащил (притащил ли?!) — к вере... (и ка-кой!) и вряд ли дам встречу с ним в Оптиной (в романе). Смущен, к<а>к быть с Лютером?! К<а>к его *добыть?!...* Знаю, юриди-ч<ески> я свободен, но мне жалко его труда и его *удачи.* Хотя... «Пути» д<олжна> б<ыла бы> переводить женщина... но не Кандр<юш>ка, хоть она и ловкая п<ереводчи>ца (но не точная). От Bareiss ни словечка. Я еще 17 дек<абря> послал англ<ийскую> кн<игу> «Чаши» и б<ольшое> п<ись>мо. Кроме сего: поздравил (отдельно) с Р<ождеством> Хр<истовым>. М<ожет> б<ыть> по-америк<ански> в иных случаях и безответны, и безответственны?.. Ну, Бог с ними, м<ожет> б<ыть> и больны, и сын приехал. Я не серчаю. Но... все же... Это, каж<ется>, впервые со мной. *Ни слова!* им, (ей), оч<ень> прошу.

Обнимаю. Будьте же здоровы оба и — ск<олько> можно благоденствуйте и б<удьте> благостны.

Ваш Ив. Шмелев.

392

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<13.II.1946>***

Отстиралась прачка, отстряпалась кухарка, отмелась-отчистилась-отубралась горничная, отбегалась

хозяйка «тикеточная» за всякой дрянью... — и вот, писатель, — пишу Вам, **отдыхая**, дорогой друг Иван Александрович.... и мысленно напевая — «Ныне отпущаеши...» — завтра к<а>к раз петь будут за всенощной! — ибо: покончил со 2-ой книгой «Путей Небесных»... трафясь впрыгнуть в... 3-ю... 7-го февр<аля> послал Вам первые 1—105 стр. романа, а вчера остальное — 106—308. «Бей!... но — выслушай...». «Трепещу страшного дне судного...»... «но надеяся на милость благоутробия Твоего...» — «яко Давид вопию...» — «помилуй мя...»![14]

Что мне дальше делать, ежели 38 дней жития моих мучителей захватили 308 страниц? Правда, эта книга потребовала **так**... такого копанья... — закладывался **камень**. Дальше надо бы шустрей, но... — обстоят меня образы, и уже звонят колокола обителей... и там — **главное**. А то была «заготовка». Ну, «как печь испекла»... — говаривал Мамин-Сибиряк[15]. Это же первый опыт — «православного романа», о чем мечтал когда-то К. Леонтьев, отрицая «опыт» Достоевского — «Бр<атья> Кар<амазо>вы». Чувствую: мало у меня **духовного** опыта... ползу вслепую... держа — «на свет». Одно неоспоримо: ско-лько было «воскресений»!.. — и есть... ныне, м<ожет> б<ыть>, еще больше. «Дерзайте убо... дерзайте, людие божии...» Дерзнул, но — видит Господь — не **дерзил**... Но сим не оправдаешься, в искусстве. Знаю, что вымотался. И еще знаю: в каких неимоверных условиях — и нравст<венных>, и жизненных... писалось! Под бомбами, и в... оных. Ночами приходилось сгребать со стола и волочиться в подвалы, дохлые подвалы, холодные... зимние... и рядом сыпалось, и — «Живый в помощи Вышняго...»[16] — среди нервной стрекотни набившихся француженок и фр<анцузо>в, писка детишек... в бронхите-кашле, в температуре — и — гниль подвальная! Но и **это** не оправдание. Скажу еще: писание укрепляло... отвлекало... Главное: хоть чуть поплескивался в родном, и душа пила воздух родного поля и — **тишину**. Наконец, последнее: **все равно**... «конец приближается», не увидишь в родной печати... Много утешений получил от читателей за I кн<игу>. С меня довольно. Благодарю Господа.

Исходил из «голого» — для меня — **факта**: **преображения** — удавшегося — ?! — невера, как больш<инст>во рус<ских> интеллигентов... но **знаю** лишь ноготок сего... — **все** пришлось чутьем строить... Встречал читателей, видавших В<иктора> А<лексеевича> в Оптиной и — усопшую Д<ариньку> — в фот<ографическом> снимке[17]. Пребываю теперь в воздухе Оптиной... — никогда там не был! — слышу колокола... дыхание цветов скитских... **вижу** К. Леонтьева... в «консульском домике». Увижу — **должен**! — Тургенева, Толстого... — **мои** «герои» увидят. Но... так бы хотелось дать «родную стихию», неуловимый запах ее... просфорно-корочный. Слышу — «изведе из темницы ду-шу мою-у...!»[18] Укрыться хочу, зарыться... — **уйти**... Милый, познаю... — Ваш мудрый совет! — Феофана Затворника! Что за глубина!... И как же я духовно нищ!... вот мое **главное** познание! (что нищий-то я!) Читаю, что только могу схватить... — трудно доставать! — Леонтьева, о нем, о Феофане... Где найду сил **показать**... **старца**?! Зосима — не **то**...[19] И как скудно о... ст<арце> Амвросии!.. Его надо **вообразить**: Помоги, Господи... даруй ми **света**, Пречистая!... Даринька — собрана в сердце из... «пылинок», шатким наитием... Ритм пойдет ускоренный... Но течение Русской Реки... оно — плавное, ровное... вольное!... Душа должна **найти** ритм... Не найду... — не сдвинусь. А годы не дозволяют... — торопят... Буду счастлив, если хоть **чуть** коснусь... «самого главного»: **возблагодарю**... за **все**, Сотворившего мя. Смиренно.

Когда отчитаете, — сие **несрочно**! — не откажите послать О. А. Бредиус-Субб<отиной>. У ней, — слал наспех, дабы сохранить от бомб и **всего**, — лишь первая, совсем несовершенная редакция... Судите: вместо 27 глав — стало 48. А текст увеличился лишь на 14 стр<а>н<иц>. Сто-лько выброшено. Иные главы — по 12 вариантов! Посл<едняя> глава меня приводила в отчаяние и ужас. Тоже и «Побеждающая». Да многие... — исполосовали меня, — выстирали, выхлорили.

О Вашей «Везен унд Айгенарт...»[20] — пишется новый доклад, вбивающий в башку тупоухих меркантилистов — «что даст выгоды?» — **необходимость** издать. Книга

пойдет к фр<анцузскому> читателю, не здесь, так в друг<их> издат<ельства>х. Боюсь разницы в «валютах»... а Вы мне ничего не написали, что и до сколько предпринимать. Что Шюзвиль? говорили с ним? Я эти недели болел и бронхитом, и глазами — 3 недели не мог читать-писать... и едва выползал за молоком... Жду тепла.

Шлю Вам обоим — ласковость и родное сердце! Будьте здоровы и под Покровом.

13.2.46. 7 ч. в<е>ч<ера>. Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> После 2—3 нед<ель> болезни *рабочего* глаза! А сейчас карпа принесли — с 1 кило 700 гр. и надо его потрошить и жарить: на 3 дня, а то и на 5 — еды! И стоит 170 фр. — чер<ный> р<ыно>к. Жарить надо. Так и **все**.

<Приписка:> А ско-лько вчитываться надо! Голова кружится — ско-лько не читано! Ворожился Псалмами! Достали мне Библию Синод<ального> изд<ания> (ну, с Синод<ального>) за 150 фр. — дешево. Через Евангелистов. Не было у меня!

<Приписка:> А сколько взяла гл<ава> о Самоцветах! Но... никакой силой человеч<еского> иск<усст>ва не исчерпать **души** человеческой! Иск<усст>во *исчерпало только страсти* земные в ней... а небо ее... — недосягаемо.

393

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<16.II.1946>***

Дорогой друг!

Спасибо!! Пишу наскоро, потому что поглощен болезнью Наталии Николаевны*) и сам затрепан *до положения риз...* Радуюсь Вашему новому детищу! Как только все войдет у нас в колею, так буду читать вслу-ух! Дошли обе половины в полном порядке. Потом пошлю Ольге Ал<ександровне> Бредиус.

А я только что получил 1) согласие издательства здешнего на печатание моего Гегеля, сведенного в (печ<атных> листов 30) *один* том (конечно *по-немецки* —

*) Гастрический грипп, осложненный неврозом сердца.

текст готов) в) разрешение политич<еской> полиции на то же дело.

Не нужно ли Вам чего? Напишите по-братски — просто-легко[21].

Обнимаю.

1946. II. 16. ИАИ.

394

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<20.II.1946>*

<Открытка>

20. 2. 46. Да хранит Вас обоих Господь!

Первое, дорогой друг Иван Александрович, — горячее и молитвенное чувство: да будет здорова дорогая Наталия Николаевна! Сообщите. Второе: не спешите с рукописью, читайте, когда душа принимает. До моего отзыва *не* отправляйте к О. Br<edius>. Третье: помогите найти след А. Ф. Лютера. М<ожет> б<ыть> можно через как<ое>-ниб<удь> академич<еское> учр<еждение> швейц<арское>? Мне важно распутать узел: конечно, мне б<ыло> бы оч<ень> приятно издать *его* перевод Пут<ей> Неб<есных> (1-й кн<иги>). Изд<ательст>во «Няни» (Huber und K.) во Фрауэнфельде хотело бы прочесть... Не знаю, приемлем ли А. Л<ютер> для шв<ей>ц<арского> изд<ательст>ва? Хотя, уверен, он *не* б<ывший> партийный: был лишь директ<ором> госуд<арственного> книгохранил<ища> в Лейпциге. Не могу найти связи и с герм<анским> писат<елем> Эрнестом Вихертом. Как эти **связи** наладить?.. Искать ли через... какое учреждение? Он «лейпциговец», — но не ведаю, под чьим контролем град Л<ейпци>г?... Дело тянется с 38 года. Договор был с изд<ательство>м в Мюнхене — «Кёзел унд Пустэт». Да и цела ли рукопись... Перевод Л<юте>ра мне, конечно, приятней других делателей. М<ожет> б<ыть> «Пути» в наше время легче найдут читателей.

Все эти мои докуки оставьте втуне, пока не восстановится вполне здоровье Наталии Николаевны. Или нет — во здравие приступите к чтению томительной рукописи. Главное: найти бы, добиться — Эрнста Вихерта, на котор<ого> оч<ень> косились

враги... Знаю лишь, что он где-то у себя, в Южной Герм<ании> (Баварии).

Спасибо: благодарение Господу, нет нужды. А благодаря дружбе Вашей — без пустоты: в тр<удные> минуты взываю к Вам (в здешнем плаче).

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Когда я узнаю, где находится А. Ф. Л<ютер>, я попытаюсь переслать ему п<ись>мо через американдеров...[22] благодаря Вам.

<Адрес И. С. Шмелева:> M-r J. Chméleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

<Адрес И. А. Ильина:> Monsier le Professeur
D-r Iwane Iljine
33, Zalliker str. 33.
Zollikon b/Zrch.
Suisse.

395

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<23.II.1946>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Открыточку Вашу получил — Спасибо! Нат<алия> Ник<олаевна> почти поправилась — но слаба и утомлена. Вероятно нас отправят в марте на отдых — чтобы она не готовила еду, а я искупался в прострации полного отдыха.

На днях узнал: Артур Федорович[23] жив и находится в *Геттингене* у своего сына. Более точного адреса получить не удалось. Но Геттинген штука небольшая — и фамилия Prof. Dr. Arthur Luther aus Leipzig[24] *заметная*. Но это *не* americ<анская> зона, а *английская*. Найдется ли у вас связь почтовая? Если решительно нет, то тогда препроводите Ваше письмо ко мне: я поищу копулы[25].

Шарлотта Максимилиановна[26] получила Ваше письмо — я доперевел ей трудное. На днях она послала Вам посылку из Дании (но это *секрет*, не благодарите, пока не придет к Вам).

Начинаю печатать моего «Гегеля» по-немецки; бернское большое издательство; но сокращено в *один* том, страниц в 500 (там было два тома по 300).

Обнимаю Вас. Храни Вас Бог. А у нас третий день снежная буря.

23/II. 1946 Ваш Иоанн (имя ему).

<Приписка:> Скажем: Herrn Professor
Dr. Arthur Luther aus Leipzig
Wohnhalt bei seinem Sohne.
Göttingen. Allemagne
Deutschland (Engl. Zone).

396

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<15.III.1946>***

<Поздняя приписка:> Это первая, *не* отосланная редакция[27]

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Дочитываем второй том Путей Небесных. Впечатление светлое и очень большое. Меня поражает, что мы с Вами в одни и те же годы, но в разлуке и *долгой* разлуке шли по тем же самым путям *поющего сердца*. Такие формулы и заглавия, как «заглохшее сердце», «поющее сердце», «сердечное созерцание», в моих последних (увы, немецких) книгах выражают *самое главное*. И вот — *волнующая встреча*. Но я *не* считаю, что земной ум препятствует цветению духовного. Можно быть сердечно-ребенком будучи художником, ученым, врачом, артистом и совершенно не отрекаясь от хорошего и основательного образования. В этом отношении Ваша Даринька мне *не* путеводна. Светское образование и большая начитанность совсем не ведут неизбежно к скептическому мировоззрению Виктора; это с одной стороны. С другой стороны мыслительная беспомощность Дарии Ивановны и ее умственная неразвитость совсем не обеспечивают наличность духовного созерцания и поющего сердца. Я не верю в то, что «будьте как дети»[28] означает «будьте малообразованы» и не читайте ничего кроме церковно-служебных книг. Правда, Вы этого *нигде и не высказываете*; но идеализация Дариньки суггестивно наводит на такие мысли: «все образованные — Богу слепы и глупы»; «Бого-зрение предполагает умственно-мыслительное детство»... *Вы* этого не говорите; но люди истолкуют в этом духе.

Я требую (в моей последней книге, Blick in die Ferne[29]) сердечного созерцания, *внутри* культуры, в ее созидателях, от ее творцов. И чувство у меня такое, что Даринька (своим обликом) произносит другой тезис...

Теперь по художественному существу. Роман производит очень большое впечатление. Это первый, так сказать, сознательно-православный роман в русской литературе. Бессознательно — было православно *все* лучшее, что создала русская литература. Эта «сознательность» в Православности придает роману характер *учительный. Научение* и *изображение* состязаются все время в ткани романа. Учительное, кажется, подчас дороже автору; отсюда та пристальность рефлектора, с которою он светит читателю — и в заголовках, и в цитатах из «Записки к ближним», а также из воспоминаний героя, и в психологии других героев.

Это роман ищущий и находящий; в этом его духовная сила. Это роман миро- и Бого-созерцающего борения, и в этом его захват. В то же время это роман персонально-апологетический, почти агиографический[30]; и в этом его трудность и «опасность». «Опасно» изображать *очень хорошего* человека; ибо его качественную святость нельзя называть по имени: читатель оттолкнется и внутренно запротестует. Так один приятель мой не хотел читать Четьи-Минеи: там, говорил он, надо преисполняться и благоговеть, а я хочу созерцать и наслаждаться созерцанием *свободно*. Эта агиографическая трудность Путей Небесных не выступала так сильно в *первой* части; ибо там были вихри и соблазны. Во второй части она возрастает, и кажется мне, что читателя надо как можно меньше шокировать превосходством агиографического предмета (т. е. субъекта, т. е. Дариньки). Опасность в том, что умиление автора перед Даринькой вызовет протест в душе читателя, не совсем созвучно с автором настроенного.

Вот первая попытка собрать и высказать общее впечатление от первого чтения. Сказать о человеке «святой» значит вооружить читателя или слушателя-зрителя к критике, к придирчивому перебору поступков, слов, ситуаций и т. д. Может быть лучше не произносить этой квалификации, даже устами других героев

романа? Ведь есть менее притязательные квалификации: невинность (вопреки всеобщей виновности мира и людей), чистота (вопреки всей окружающей нечистоте и грязи), желание совершенства (вопреки своему собственному и общему несовершенству)... Если в душе читателя *само* родится слово «святость», не произнесенное ни автором, ни его героями, то за него отвечает сам читатель — и художественная убедительность будет большей.

Но может быть все эти бессвязные попытки высказать свое первое впечатление — неточны и неудачны. Впечатление от Вашего нового создания настолько велико и духовно значительно, что эти некоторые «внутренние противления», о которых я по абсолютно честной дружбе здесь высказался, растают при втором чтении и после прочтения готовящейся третьей части. Органическая сложность и таинственность Вашего творческого процесса не должны нарушаться этими противлениями и сомнениями. «Ты им доволен ли, взыскательный художник?» А подходящий извне — всегда «толпе — подобен»...

Вот, дорогой друг, Вам бессвязная реляция о Вашем новом достижении.

Крепко Вас обнимаю. Получили ли Вы мое письмо о том, что А. Ф. Лютер находится в Геттингене (англ<ийская> зона) у своего сына?

15. III. 1946. Ваш душевно ИАИ.

397

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<24.III.1946>***

1946. III. 24.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Дочитываем вслух второй том Путей Небесных. Бесконечно ценим то, что Вы прислали его нам в машинописи; это был акт истинной дружбы. Как только дочитаем, так я поверну том опять началом кверху и начну читать про себя второй раз. Мои друзья, Ник<олай> Карл<ович> Метнер с женой (в Лондоне), пишут мне, что только что прочли *вслух* Няню из Москвы *в третий раз.*

Впечатление у меня светлое и очень большое. Меня поражает и волнует, что мы с Вами в одни и те же годы, в разлуке и притом в *долгой* разлуке — шли по тем же самым путям *поющего сердца*. Такие формулы и заглавия, как «заглохшее сердце», «поющее сердце», «сердечное созерцание» и т. д. в моих последних (увы, немецких!) книгах — выражают *самое главное*. И вот — такая волнующая встреча. Поистине мы выговариваем этим некое естество русского творческого акта, а потому и самой России. Пушкин писал: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»[31]. Вот что сделало Россию, вот что создала Россия, как *путь* (метод μέθοδος).

Может быть, что мы толкуем этот путь различно. Я не считаю, что земной ум при всяких условиях препятствует цветению духа. Напротив: духовно-сердечное созерцание призвано овладеть земным умом, прожечь его, осветить, выправить и повести за собою. Можно быть сердечно-младенцем, т. е. нежно-впечатлительным, чисто-прозрачным, любяще-доверяющимся — будучи художником, врачом, ученым, актером; отнюдь не отрекаясь от хорошей, основательной образованности. Светское образование и большая начитанность совсем не ведут к скептическому разлагательству и рассудочной бескрылости. Возьмем из ученых С. Н. Трубецкого[32], Забелина[33], Феофана Затворника. Сердечное созерцание совсем не предполагает (как я это вижу) непременно отсутствие образования и мыслительную беспомощность в человеке; и обратно эти последние свойства не обеспечивают наличность духовного созерцания и поющего сердца. Вот почему в моей последней книге (Blick in die Ferne) я пытаюсь прямо выставить требование, чтобы сердечное созерцание *вступило во внутрь всей земной культуры* — и науки, и искусства, и политики — и обновило *акт* в созидателях культуры, *содержание* в культуре, ее *формы*, ее *силу* и *ритм*. Меня несколько тревожит мысль о том, насколько *Вам* кажется это возможным и желательным. Судя по Дариньке — Вы как будто хотели сказать другое. Я никогда не признаю, что все образованные пребывают в

религ<иозной> слепоте и что Бого-зрение предполагает в человеке умственное младенчество. *Вы* этого нигде не высказываете; но люди, пожалуй, истолкуют Вас в этом смысле.

Роман производит очень большое впечатление. Это первый, так сказать, *сознательно*-православный роман в русской литературе; ибо *бессознательно*-православно — было все лучшее, что создала русская литература. Сознательность автора в его Православности придает роману характер *учительный. Научение* и *изображение* все время состязаются в ткани романа (особенно во втором томе). Иногда кажется, что «учительное» дороже автору, — отсюда та пристальность рефлектора, которым он все время светит читателю — и в заглавиях глав, и в цитатах из «Записки к ближним», и в реакции других героев на Дариньку. «Пути Небесные» постепенно получают значение не только «высокой ведо́мости Богом», но и практического научения «како подобает веровать и созерцать». Это роман ищущий и находящий. В этом его духовная сила. Это роман миросозерцательного борения и Бого-созерцающего горения — в этом его захват. В то же время это роман *персонально-апологетический*, почти *агиографический*; и в этом его трудность. В первой части были «вихри» и «соблазны». Во второй — сплошная апология. И в этом есть известная опасность: как бы читатель не оттолкнулся от необходимости пребывать все время в умилении...

Может быть, эта бессвязная попытка высказать свое первое впечатление — неудачна и неточна. Но я еще полон волнения и внутренней тревоги от первого чтения и реагирую больше философически, чем чисто-художественно. Этим не должна нарушаться органическая сложность и таинственность Вашего творческого процесса. «Ты им доволен ли, взыскательный художник?» А подходящий извне — всегда «толпе — подобен».

Крепко Вас обнимаю и еще благодарю. Получили ли Вы мое письмо о том, что А. Ф. Лютер находится в Геттингене у своего сына? Адреса не имею.

Оба душевно приветствуем. Ваш ИАИ.

398

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.III.1946>*

27.3.1946.

О, дорогой брат — друг, воистину — сильный «умом и словом» (из «Одиссеи»? или — у Овидия, metamorfosa «Филем<он> и Бавкида»: «ante'omnesque Lelex — animo maturus et aevo...»[34]?) — драгоценнейший и *неповторимый* (да, да!) — Иван Александрович! Ваше п<ись>мо — свет и блеск! **Так** глубинно, т<а>к предельно-сжато, — и так **много** в этих 3—4 страничках!.. **Неупиваемо**. **Все понял**. И... сам *сим* (что главное в п<ись>ме) (слово к<ак> б<удто> китайское!) томился **всегда**, в этой и радостной, и истерзавшей меня работе над (и под) «Путями»...

Все — и видел, и отрекался... и сомневался, и болел, и — чувствовал... **бессилие** и отчаяние. Знаю, мышление мое — бессилие в сравн<ении> с Вашим, я не сумею так сжато, т<а>к остро, т<а>к предельно-существенно облечь словом поднятое во мне В<ашим> п<исьмо>м. Я — растекусь, истеку в страстности выражений мысли. Тут мне разве только в беседе доступно высказыванье... в порыве, в кипении полупьяных (от страстности) и безотчетно сцепившихся слов-мыслей-чувств... Имели право, полное право сказать так и то, что я воспринял в п<ись>ме В<ашем>, что с полунамека понял и — **принял**. Но что я с собой-то поделаю!?. Были миги, когда хотел — **все** в огонь! И — не посмел. Почему? Не знаю. Достаточно того, что эта 2-ая кн<ига> 300 с лишк<ом> стр<а>н<иц> — охватывает... лишь 38 дней **жития** главн<ых> двоих. Взятый (случайно!..) прием — каторга, сам как бы навал<ивает> на себя глыбищу... Это «вмешательство» персонажа в рассказ 3-го лица (автора)... — **вывихнулось** как-то, **само,** с 1-ой еще кн<иги>. Затруднило, но и... освободило меня от иных пут и капканов... эта, порой, ретроспективность, смешение «планов» во времени... перескоки... «пояснения», страстность и при-страстность — В<иктора> А<лексеевича>, обновленного...

Я когда-то писал Вам: на этом романе я «попался». Я хотел в зачатии сего случая с двумя как бы

предызбранными написать рассказ, в 2—3 фельет<онах>. Начал: «Эту **чудесную** историю — в ней земное сливается с небесным — я слышал от самого В<иктора> А<лексеевича>» (начало 1 кн<иги> «П<утей> Н<ебесных>»). Для газеты, *чтобы занять* читат<теля>, я почему-то (?) выбрал прием озаглавить фельетоны (2—3—4), как бы отдельные «этюды»... 1) Откровение 2) На перепутьи... 3) Искушение... — и — **попался**: **увяз**. Меня пришпилило, — не выскочить... и *так* пришлось **бродить** и — без плана — потянуть за собой читателя. Я — **всегда**! — все писал *без плана*, без обдумывания: как попавший в незнакомое место; **пустое** место... — идет наугад, отыскив<ая> дорогу. В процессе этого пути начиналось у меня всегда — прояснение, и я начинал *видеть*, около чего брожу. Так именно явилась и «Чаша», и «Чел<овек> из рест<орана>», и «Няня» (одним духом вывалила **все**!), и — «Богомолье», и «Пеньки»... — ну, решит<ельно> все. Никогда не было *воли*, *терпенья*: наметить (цель, **предмет**), на чем-то утвердиться, а... «при-дет **само**!» — такая вера, предчувствие. Я начинал работу лишь тогда, когда уже *не* могу не начать, хотя *надо* было, все же, *заставить* себя сделать первое движение... («броситься, наконец, в воду, — купальщику!») — поплывешь и возрадуешься... Так оно и бывало. «Сунулся в воду, не зная броду» — особ<енно> это почув<ствовал> я в «Путях»... — и — сколько раз! — **чудо** выручало, и ск<олько> раз я получ<ал> подтверждения, что ***ведóм***, до... ясновидения. Это надо *говорить*; писать в п<ись>ме — ничего не выйдет. Вот почему у меня именования глав, случайно вышло... Обязан был *продол<жать> жить*. Но давал оглавление уже после, когда отрезал кусок невидимого (будущего) пирога. Тут, проработав этот кусок, штемпелевал его. Да, можно счесть и за наведенье «рефлектора», как Вы метко определяете: «пристальность рефлектора», которым *свечу* читателю. Свечу... м<ожет> б<ыть>, но без предумышления... Я в этом романе не пугаюсь почему-то подписывать «се лев, а не собака», ибо это *не я* **свечу**, — это мой страстный собеседник, весь взятый тем, что с ним сталось, *мне*,

мне, мне, как, м<ожет> б<ыть>, и другим, «всем, всем, всем» — поясняет, исповедует, чего удостоился! И через *кого...* (все время, по-земному, закрывая Его — самым близким *своим* — своей Дарьей). Это — страстность, и — пристрастность. И это мне, писателю-сказывающему, страшно помогает, я как бы «умываю руки» (не виноват, дескать, это — **он так**)... «Умиление»... да, умиление. Для него — умиление. Я еще больше облегчил бы себя, если бы дал сплошной рассказ — диалог, как в «Няне»... (как в «Человеке»). Что охватило меня?!.. **Чудо** перерождения. Да, *на моих* глазах, невер — стал вером, до... клобука! Это — действительность. Меня **всегда** мучил (и теперь, о, как еще!) этот таинств<енный> процесс **преображения**. Быв<ают> процессы в кажущейся видимости — молниеносные: Савл[35]. Но это, конечно, (у Савла) *не* молниеносность: это *тайна* нового рождения. Сколько было случаев! И по разн<ым> толчкам. Случай с К. Леонтьевым. Случай (!?) с Климент<ом> Зедергольмом[36], сыном протест<антского> пастора[37] в Москве, принявшего монашество в Оптиной. Случай с турецк<им> плен<ным> офицером, постригшимся там же. Толстой *терся* у стен монастырей... Гоголь... Достоев<ский>... Л. Тихомиров[38]... Нилус[39]... Сотни, м<ожет> б<ыть>, тысяч — на Руси — и — всюду. После войны 14–18 гг. огр<омная> масса ткнулась в рясу... Вековечная тяга... — и, думаю, *очень мало* сердец, *принявших Свет,* ***открывшихся***. Этот **путь** всегда меня пытал, нудил... — приоткрой ход... познай хоть «чуть-чуть», *как это делается.* Провал у Дост<оевско>го с Раскольн<иковым> — *явный*, — ложь и ложь. Со́ня — ясна, а Раск<ольников> — обманыв<ает> себя, ну́дящий неврастеник... Митя Карам<азов> — весь ясен, Алеша — от роду — «блаженный», как Мышкин-юрод. Мне нуж<ен> был — нормальный «средний» русск<ий> интеллигент: **как** могло у него *так* выйти?! Знаю: бремя-задание непостижимое, но **это** было. Я получил лишь «кусочки», от 2–3 встреч (В<иктор> А<лексеевич>, *в жизни*, — родн<ой> дядя О<льги> А<лександровны>). Дар<ья> Ив<ановна> — очень отдаленна от Дариньки... — в ней — накопленное опытом моим,

есть немало от О<льги> А<лександровны>, от других. Но в *чист<ом>* виде — я не встречал. Я — **искал** и что-то пробовал лепить в процессе работы. Я только одно понял: *надо* **обаяние**... — редкую силу, предельный шарм... непохожесть ни на кого, — апофеоз женственного, как бы заменяющий Свет, ослепивший Савла. Чистота, душевная высота, недосягаемость. Сама *история*, зерно романа — действительность. 1-ая книга к<ак> б<удто> сделана отдельно: Дар<инька> влюбляла читателей. Доказательств у меня сего — множество. Писание à thèse[40], «притягивание за волосы», «подгонка»... да, **могут** бросить упрек. Но кому из *классиков* нельзя бросить?! Достаточно внимат<ельно> перечитать Толстого (помните появл<ение> кн<язя> Андрея к<ак> раз в ночь рождения сына и смерти жены... — и множество «предчувствий» — 6 их в романе, даже у Толст<ого> — не мистика!).

О Дост<оевском> и говорить нечего. Возьмите посл<едний> этап творч<ества> Тургенева, Лескова — *весь* в тайнах. Вся русск<ая> жизнь (народа) на сем и стояла. И еще стоит. Роман — учительный. Да. По-учит<ельный> рассказ. Для чего и пишется, — *себя научить, се-бя!* Бессилен, — потребовала душа. Для себя пишу, **ломлюсь**, а ежели печатаю — кормлюсь, как приживал у хозяина, потешаю. Боже сохрани, никогда не сказал бы (не то что не думал... ду-мал!), что ум вреден вере... Ка-кой ум. Злой и холодный, ум предумышленный. И моя Дар<инька> смущена и болеет, что полуграмотная. Иоанн Златоуст был ли бы «Златоустом» без высок<ого> образования?! И все Отцы Церкви, Святители. О, к<а>к я скорблю, но не могу по безграмотству в нем<ецком> яз<ыке> пить от Вашего крепкого вина! Жизнь въяве *тут* меня ограбила...

Знаете, я как-то хотел писать Вам «абсурдное п<исьмо>», (так и заглавить), так во мне **все** закипело, выкипело! — после всяк<их> атомич<еских> и «анатомич<еских>» опытов, за эти посл<едние> 5 лет! И хотел поставить эпиграфом: «...собр<ать> все книги бы да сжечь!»[41] — ибо соверш<енно> безнадежно ждать **лучшего**: наоборот, жди **худшего**. Я, вообще, подавлен, до — «махни рукой». Я не могу понять, **зачем** весь этот

«огород» — человечество! И чтобы заглушить это отчаяние, я пробую огашишивать себя... «Путями»... **натаскивать**. Порой — я: или — голый невер, или — рязанская старушка, которую не смущают «мысли». Я *не постигаю* — «грехопадения», обреченности **всего** и — Искупления! Очев<идно> не надо **постигать.** В эт<ом> см<ысле> этот-то «ум» — враг. Творцу ***все*** было ведомо изначала: **зачем** же — **все**?! Что за **игра**?!.. что за **опыт**?! И чего же он стоил, этот опыт!? Лучше бы уж — не он! Вот, как укрытие от сего — этот опыт с «Путями». Он прежде всего — ***мне*** нужен. Да роман — «агиографический», житийный, «путем мученичества и исповедничества». Это д<олжен> был бы показать след<ующий> том (или — еще 2?). Ужас. Я теперь как муха, влипшая в клейкий лист... — «вытянув лапки», — не вырвешься.

Я глубоко благодарен Вам за п<ись>мо высокого мастерства — мысли. Это — дар. Не золотым граммом взвешивать... — каратами.

На днях д<олжно> выйти франц<узское> изд<ание> «Путей» — I кн<иги>. Меня не тронул бы, не восхитил успех, пусть оч<ень> малый, у чужого читателя: мне важней — заработок. Франц<узская> докладчица изд<ательст>ва, не знающая ни слова по-русски, читавшая во 2-й коррек<туре>-сверстке, сказала моей переводчице, (не знаю, насколько удач<ен> перевод): «Я оглушена... это совеш<енно> новое, свежее... мощное!..» Ей и книги в руки, а я не верю в удачу: к *моему* французы равнодушны, если, вообще, не нетерпимы. Ну, увидим... Ну, «мясо» пожуют. Тогда и я смогу отдохнуть чуть. Я устал.

Я получил, дней 15 тому, посылку датскую. Напишу m-me Ch. M. Bareiss, поблагодарю. Хотел бы послать ей книжку англ<ийскую> (из последнего, но я не могу *не* ответить!) («That which happend» — «Это было»), — о ней написал мне... в 24 году! — R. Kipling. *Вам, дорогой, я хотел бы послать, как память истор<ико>-литер<атурную>, это его п<ись>мо*, вот, перепишу, *оставлю себе копию.* Куда мне? Все разлетится после моей смерти, — и уж недолго остается. **Кому** о моем заботиться?! Сколько я уж разметал (буквально!) после

кончины моей Оли! — Почти все. О многом потом пожалел... — все почти книги (и **мои**, и так, библиот<екам> лично) (жить не хотел) роздал, — **освобождался**. Рукописи сжег и рвал... К чему **хранить**?!.. Письмо от R. K<ipling'a> — редкость: по словам моего почтен<ного> англ<ийского> перев<одчика> Mr. Hogarth'a, K<ipling> *никогда* не писал и англ<ийским> авторам, и его автографы редки. Письмо датир<овано> Mar. 9/24[42] из его поместья (Bateman's Burwash Sussex) — Burwash Etchingham. Пометка: private[43]. Письмо напис<ано> на машинке, письмо подписано Ryd. Kipling. *И адр<ес> его рукой* — мне, на англ<ийское> изд<ательст>во. Случилось так. M-r Hogarth послал через издат<ельство> Dent and S. (Londres) Киплингу свой перевод (книгу). Получил — «неожиданно» большое п<ись>мо, («в высш<ей> степ<ени> лестное для Вас» — писал он мне), помеч<енное> тоже «частно», — и потому не сообщил мне его подлинного содерж<ания>, очень просил меня: «Напишите К<иплин>гу, поблагодарите его». Я написал оч<ень> кратко, по-франц<узски>, поблагодарил. И в отв<ет> на это мое «письмо благодарности» получил от К<иплинга>.

Как это давно было! — 22 года тому. Уж давно нет К<иплин>га. Не знаю, жив ли Mr. Hogarth. Многие мне сказывали, что у англичан «Пути» (разумею I кн<игу>) д<олжны> бы иметь успех, — это им, — будто бы, по ду-ху... Не знаю. И не буду искать. Никогда не искал, само натекало. Тоже и с фр<анцузскими> «Путями»: пришла некая Emeryk (русская), я ей поверил, — переводчице. Ну, вот, попробуют... что распробуют?

О. А. Субб<отина> в ужас пришла от перевода «Am Meer»[44]. Очев<идно>, Вам до того стало тошно, что Вы и не упо-мянули, что книжка дошла до Вас. Я Вам ее... подкинул. А мне — наплевать, что «мерзость», «одна маска», «душа вынута». Мне на многое теперь наплевать. Я и в церк<овь> бросил ходить — читаю, *порой*, Евангелие. Читаю вот нов<ый> труд — Daniel Kopza «Iesus en son temps»[45], — 650 р., да... *нового-то* ни-чего! Говорили — Giovan Papini[46], ку-да лучше!

Да... О<льга> А<лександровна> (ее в Голл<андской> семейке «*уходили*»-таки, чуть дышит!) хочет (просит)

попробовать переводить что-ниб<удь> мое, с трепетной надеждой представить Вам *неск<олько> страничек* — ***на суд***. Да. Ибо переоценить Ваш гений (многогранный) **нельзя**. М<ожет> б<ыть> Вы не откажете ей... Я тогда попрошу ее: попробуйте-ка — «Богомолье». Она — **чуткая**. Это я чувствую. М<ожет> б<ыть> и удастся ей. А тут («Am Meer») она от одного вступит<ельного> словечка «Bitte[47]» — пришла в неистовство!

Обнимаю Вас, светлый друг. Напишите, как боли Ваши? Вот, теперь Вы должны набрать свежего ясеневого листа (м<ожет> б<ыть> молодых побегов лучше, справьтесь у дрогистов[48]) и нарвите сами, и настой сделайте! Поцелуйте за меня руку у Наталии Николаевны. Благодарю ее за терпение слушать **бред** ищущего... Рад был узнать, что глубокий музыкант Метнер полюбил «Няню». Я и забыл о ней.

Ваш весь, вянущий, Ив. Шмелев.

<Приписка:> Благодарю за адр<ес> А. Лютера, пустил ему п<ись>мо через неведомое посредство. Приветствую новое издание В<ашего> «Гегеля». О, если бы Ваше прочесть о «сердце»!

399

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<2.IV.1946>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Вчера получил Ваше интереснейшее и глубоко-трепетное письмо. Спасибо. Я их все храню. И постараюсь сохранить для потомства. Последнее письмо целый клад вкладов и целый вклад в мои клады. Думаю, что Вам всего важнее, как Ивану Бебешину, «прочкнуться»[49]; «отойти», освежиться и объективироваться. И тогда только продолжать роман. Надо увидеть свое детище, как чужое. А до этого укрепиться в питании и созерцании.

Чтобы отвлечь и развлечь Вас, я прошу Вашего разрешения выслать Вам по частям *всю* мою книгу в машинописи (с предисловием и послесловием, с Буниным, Ремизовым и Шмелевым). Я только что давал переписать и имею *три* экземпляра. Это Вас наверное и развлечет, и займет.

Творчески необычайно важно — *выходить* из своей шахты, особенно если она многолетняя и несколько-томная. Одним духом только паровозы ходят, на то они машинкины дети.

Еще одно — очень важное. Пожалуйста не думайте, что трагические вопросы мироздания решены в какой-нибудь философии. Лучшее, что об этом написано — это Лейбниц Теодицея[50] и Шеллинг («Фил<ософия> и религия» статья 1804 г. и «О человеческой свободе» 1809 г.). Последняя книга (небольшая!) превосходно переведена на русский язык моим покойным другом Мееровичем[51] («Л. М.») в издании Жуковского. Вышла приблизительно <в> 1908 году. Если бы у меня это сейчас имелось — я бы прислал. *Лейбниц* (Теодицея) наверное есть на франц<узском> языке в Bibl. Nationale[52]. Может быть и Шеллинг. Но если прочтете, то увидите, как эти гениальные умы *трогательно* гадают над загадками Божиими, не более.

Но еще одно: откуда это известно, что *прекрасно жить* на земле и *прекрасно* умереть на земле (помните у Жуковского «Лебедь»: «кто на свете жил прекрасно, тот прекрасно и умрет»[53]...) — можно *только разрешив эти Божии загадки?* Самое важное *не* в этом, а в том, чтобы постоянно *осязать свой собственный* священный огонь как *подлинное пламя Божие*. Так — в молитве, в акте совести, в создании и восприятии прекрасного искусства и в излучении активной любви. *Там*, и только *там* — в по-смертии *откроются глаза*, а сейчас надо: *живой опыт единения с Ним* и *живое доверие к Нему*. Пришлю Вам скоро мои опыты (Essays[54]) — о страдании, о смерти и о бессмертии (по-русски). Дал их в переписку (это из моей нем<ецкой> книги). А пока вместо этого — посылаю свою рожу[55].

Оле Бредиус написал одновременно: какие «пособия» (словари etc.) ей нужны для перевода Богомолья и чтобы гнала мне «пробу пера».

Душевно Вас обнимаю.

1946. апр. 2. Ваш ИАИ.

Нет — я прочел Am Meer — с полным проникновением и пожалел, что *никогда* не видал эту вещь

по-русски. Шарл<отта> Макс<имилиановна> читает английский перевод «Это было».

400

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.IV.1946>*

5.IV.46. 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой Иван Александрович,

С какой же радостью принял я Ваш портрет в «котике»: чудесный портрет, редкостный — по некоей «сокровенно-едкой усмешливости» и... «ухарству» (шапочка набекрень!). Чую, — в доброй настроенности были. И, главное, **умственное** лицо. Незнакомый поглядит — скажет: «у, о-жгет!» И не ошибется. Чувствуется **огонь**: и мысли, и... вообще — огонь. То, что у франц<узских> спортсм<енов> называется «as»[56]. Тут Вы лихой (да и веселый, размашистый, что назыв<ается> «Васька Буслаев»). О-чень российское лицо, и, скажу, старинное, из тех, что бунтовали и, в Государевой Думе, рядили и руководили-дьячили. Спасибо. В ответ посылаю Вам тоже... русское лицо, но — давнее, 1925 г. — говорят (говорили!) — наиболее удачная из фотографий, раб<оты> Шумова. Снято было для фр<анцузского> издания «Чел<овека> из рест<орана>» («Garçon!..») Когда-то Куприн и Бунин, зоркоглазые, так и определяли: «надеть охабень[57] или там — ферязь[58]... дьяк думный!» Бунин, быв<ало>, говаривал: «у вас старо-москов<ский> лик». Да, наш род — старо-московский (и по отцу, и по матери), по отцу «гуслицкие», Богородского у<езда> Моск<овской> г<у>б<ернии>, — где самые-то отчаянные были (при слове «гуслицкий» старый москвич всегда усмехнется, прищуря глаз: знает, что многие «гуслицкие» фальшивые деньги пущали... и наживались<)>. Но *не* Ш<меле>вы. Предки мои *до* эт<их> фальш<ивых> денег были уже в Москве, торговали щепным товаром (и гробами!), посудой, а потом строили — и дома, и мосты, и дворцы (Коломенский). Деду моему, за его прямоту и упорство (отказ дать взятку приемной комиссии: «за что?!. мне кулек крестов Государь пришлет!») — пришлось бросить б<ольшой> подряд (перестр<ойку> Колом<енского>

Дворца), почти разориться, (оставил отцу наличными в сундуке 3000 р<у>б. асс<игнациями> и на... 100 тыс. долгов) он выломал паркеты и рамы, снял двери, — и это пошло на починку родового дома на Калужской ул. после пожара. Будучи студентом, читал я выписки из стар<инных> «актов» конца XVII века и вычитал, что староверч<еский> начетчик Шмелев села Гуслицы *на пре*[59] в Успенск<ом> Соб<оре> в присут<ствии> царевны Софьи учинил драку и бесчинство с попом соборным, так что ц<арев>на велела палками разгонять. Прадед (тоже Ив<ан> Ив<анович>), по рассказам старушек в нашей гостиной (слыхал еще ребенком), оставив в Москве прабабушку Устинью (в Лете Госп<однем> — она) с двумя малышами, году и 2-х, ушел по Калуж<ской> дороге в подмоск<овные> леса — «француза бить-ловить», и — предание — бежа от них, вплавь махнул через Москва-реку, под Воробьевкой. А прабаб<ушка> Устинья — по преданию — выгнала со двора голиком[60] (веником) фр<анцузского> мародера, пришедшего отымать корову... был скандал, и приезжавший «главный, весь в перьях» (очев<идно>, Мюрат[61], король неаполит<анский>) услыхав крики молодой женщины (была красавица), вступился, и вернули корову! Есть смутное предание (было!), что в б<ольшей> луже на дворе (есть в «Лете Госп<однем>») утоп (или «пропал») как<ой>-то «хранцуз»... Я эту лужу помню... она в себя «все вбирала» (старая топь, м<ожет> б<ыть>), еще в 80-х годах лужа сия сырела, и в дожди, и весной... — хоть на плотике катайся. Простите за эти осколки прошлого. А все — от В<ашего> ухарского и усмешливо-проницательного лица.

Буду счастлив выпить Ваш труд о трех писателях, бережно возвращу, — не отдумайте. Я сейчас в полосе анализа — критики. Прочел, — в 6—7 р<аз> «Войну и Мир». Как свежи 1 и 2 томы!.. и как **сдал** Т<олстой> в 4-м!... Непостижимо ослабел. Подумать: писал в возр<асте> 40—41 года (родился в 28 г., роман помечен 64—69), недавно женился, в как<ом> подъеме!... — в как<их> сверх-благож<елательных> условиях!... — в родовом поместье, сверх-ухоженный... и **так** сдал!.. Я нашел у него сто-лько, с моей т<очки> обозрения,

провальчиков и резко данных «условностей»! Как же он смял Соню!... (он чувствов<овал>, как трудно, психологич<ески> развязаться с ней, и ни-чего не сказал, как развязалось с Ник<олаем> Рост<овым>). Наташа, для меня, много — теперь — потеряла в свежести и влюбленности в нее... она — **глупа**! Она дьявольски **умна** чувственной стороной... и как же видится в ней... **цыганка**! У Т<олстого> есть один только намек на это: графиня-мать — с «*вост<очным> лицом*». Только Безухов болтается в романе — без матери. Для чего этот рыхляк шепелявый?! Он дан в лучш<ем> издании, как Левин Конст<антин>, Андрей Болк<онский> путано-неопределенен (чуть ли не 5 перемен характера на протяжении 7 лет!). Второстеп<енные> лица — куда удачней. Перегруженность романа «домыслами» стала теперь явно-невыносимой. И как **теперь** резко видно, насколько же Дост<оевский> (весь из-себя!) **врос** в ист<орию> нашей худ<ожественной> слов<есно>сти! Насколько же гениален в мыслях! — Т<олстой> перед ним — глуп. Глупым его считал всегда Ключевский (от его сына (К<лючевско>го) слышал я). Они не терпели др<уг> др<уга>, и Т<олстой> всегда стар<ался> избегать словопрений с В<асилием> Осип<овичем>. Вронский — худшее издание А. Болк<онско>го. Т<олстой> гениален, когда дает бессознательно, творит образно.

О, не забудьте обещания: Ваши этюды — о страдании, о смерти и о бессмертии! **Как** же мне **сие** необходимо! Я никогда, ни-когда не мыслил, что «трагические вопросы мироздания решены в как<ой>-ниб<удь> философии». Что навело Вас на это указание мне — «не думайте» — ? Напротив, я, неуч в философии, думал совсем обратное: что философия (никакая!) **ничего** ровно не разрешила: она питала, как могла (и как могли напитываться от нее), пытливый ум человека, пыталась давать невнятные ответы на совершенно внятные вопросы. Помню, я дерзостно-наивно когда-то писал Вам, что философия — **гимнастика** и **эквилибристика...** ума. Она дает, временно, утоление, является неким огнетушителем душевно-духовного пожара-сполоха и откликом на извечные **зовы** — но всегда обманчивым откликом-миражем. Все построения

ее куда краткотечней пирамид. Она имеет велич<айшую> заслугу (простите простачка!): она **ищет** и **торит** путь к Богопознанию. Правда, что часто она и мешает этому пути, сбивает, ибо она — выражение **ума**, а ум бывает — и злой, и благой. Ваша философия — благая, она отвечает высоко-нравственно, она на крепком **устое** Вашей душевно-духовн<ой> сущности. И потому, она не только **созерцание,** но и научение: у ней есть цель точная. Но, главное, Вы — мыслитель-*художник,* Вы не безóбразно-отвлеченны, Вы — худож<ественно> предметны. Мне Теодицея Лейбница — чую — ничего не дает: я пытаюсь искать **чувственно** или под-чувственно... — и куда заведет меня искание это — не ведаю. Возм<ожно>, что и в тупик... М<ожет> б<ыть> я не стану искать дальше... **искать** (для себя), а ограничусь **внешним** — изобразительным трагического и мученического... пересказом «явлений». Я, ведь, живу только **чувством**, **чувствами**... Толстой, конечно, никак не философ, и всегда проваливается, когда подходит к *неуловимому* **образностью**. Отсюда все почти *концы* его творений — **срыв**. Все: «Смерть Ив<ана> Ил<ьича>», «Война и Мир», «Хоз<яин> и работн<ик>», «Анна Кар<енина>»... Не говоря уж о вещах явно à thèse, к<а>к «Крейц<ерова> Сон<ата>». В эт<ом> отнош<ении> лучшее его — «Семейн<ое> счастье» — **проще**. И какие места там!.. — сцена в грунтов<ом> сарае!... Но Вы это и без меня лучше знаете. Философией — можно «приправлять» художество, но не строить его на ней, — провал. Я в «Пут<ях>» не философствую, там — другое — там старается невер поджечь веру в себе, т. е. как-то ее «ощутить». Даже потрясенный гибелью Д<ариньки>, даже приняв постриг, — он в полноте не найдет веры, — так я его понимаю, представляю. *Для* веры — надо *родиться.* Это — вера — счастл<ивый> билет, **удел**, — это — **чудо**, вдруг сотворяющееся. Я даже думаю, что — она, вера, **полная**, — как дар — талан[62]. Он — талан — может пролежать втуне всю жизнь и — не открыться. Ключ к этому талану-сердцу — в Руке Господней. Вера — высшее искусство, высший из даров. Сейчас это иск<усст>во в велик<ом> упадке, как всякое

иск<усст>во. Ибо она — **живая непосредственность**, или — всецелая **посредственность** (в прям<ом> см<ысле>), т. е. **детскость**. Сравните (нет такой статистики!) **веровавших и** — «верующих». И так понятно восклиц<ание> Пастэра[63]: «и хотел бы верить (веровать) к<а>к брэтонская старушка!» Хотел бы — и не **смог**. Эта убыль оч<ень> заметна на протяж<ении> нашей — **всей** — истории — ист<ории> наших веровавших: пересчитайте **явленных**! И увидите, как мелеет... *Что* это?! При таком завоевании **мысли**!? Не органическое ли перерождение душевной сущности? ***Все*** (от религии до искусства) — отлив. Почему? Не знаю. Знаю одно: не может быть **прилива**. Вот почему слышу в себе необходимость... **Откровения**, нового откровения, которое может прийти (постигнуть мир) лишь после полного — какого-то — **краха**. Страшного. И все эти замазывания щелей от этого потопа-краха **не спасут** уже накренившийся человеч<еский> ковчег. Вот почему во мне и тоска, и неопределенность, одни — **взывания**. И мои «Пути» — м<ожет> б<ыть> бессильное взывание. М<ожет> б<ыть> и кончу взывать... устал. Надо знать **все**. И почему — устал. Дано — слишком. И в как<их> же услов<иях> — дано!

Я постараюсь, если смогу, доставить Вам посл<едние> 9 глав II ч<асти> «Лета Госп<одня>» — они (с прилож<ением> «Радуницы») как бы — **целое**. Издать не могу. Это мое наследство — будущим (возможным ли?) русск<им> читателям, и я знаю: «Лето» и «Богом<олье>» стали **своими** у многих — многих. Ибо это тихое — о **нашем**, **родном**. И — это мое **успокоение**.

«На морск<ом> берегу» — когда-то, не посылал Вам (издав<алось> в Белграде) очев<идно> потому, чтобы не нагружать Вас пустячком. У меня только 1 экз. Если велите — я пошлю. Но... — сто́ит ли?...

От О. А. Бр<едиус>-Суб<ботиной> соверш<енно> отчаянное письмо. Она гибнет, ее *доездили*. Какие тут «переводы»! Она не может (душевно-совестно не смеет) передохнуть. Это — мученица. Да, знаю: му-че-ни-ца! Она вся — в болях, и ее доканывают, — как «Ваксу» (в моей «Мэри»). Она и «Мэри» тоже, но кончит судьбой «Ваксы» — упадет, возя воду... Больной рабыне

господин, из хозяйств<енных> сообр<ажений>, дает отлеживаться. У них, ведь, «заезжий двор», вечное гощенье, и она — «за все». Вот вам и богатая семья!... А сама виновата, знаю, чую. Она вся — во славу русского имени. И с этого начала — русская — на все, за все. И так приучила. И так — привыкли. Она оч<ень> даровита, оч<ень> и самолюбива (за русское!), и все — так и **пройдет**. Нет, русские (я) — не ко двору голландскому. Ясно. Вот где гниль и тлен. Еще Вольтер язвил: «les canards, les canals (neaux) et... les canailles»[64]. В этой стране (Голл<андии>) угрей и тины (но богатой свето-тенью!) Декарт обувался в 16 пар чулок!.. В этой-то сыри, кормя сыром, и доканывают одаренную, чудесную душу — всю русскую! И не кричит душа (уже не в силах!), не подает сигнала S.O.S.!.. Да-а...

Обнимаю Вас. Низкий поклон Нат<алии> Ник<олаевне>.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Письмо Р. Киплинга шлю особо. Авось не украдут.

В след<ующем> письме расскажу Вам, *как* завязалась переписка с О. А. Бр<едиус>-Субб<отиной> — и *что* в этом чудесного! Ибо, истинно, в этом явлено было и мне, и моей корресп<ондент>ке — чу-дес-ное! Я ее никогда не видал. Д<олжно> б<ыть> и не увижу.

И. Ш.

<Приписка:> Не откажите вернуть газ<етную> вырезку (для архива).

<Приписка:> 6.IV. Нет, прилагаю и его[65].

401

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<7.IV.1946>*

7-IV-1946. *Благовещенье.* Воскресенье.

Свежевато, ясно.

Итак, дорогой Иван Александрович, Вы «лутанитесь», — дай Бог всяческого насыщения и пополнения, — в прямом и косвенном! «Щасливые швицары»! А мы, в «центре мира», — как бы на брегах Лача, у плача, — о сем читай Даниила Заточника[66]. Каково же словцо — «заточник»! Чтó словцо; важно **что**

в... словце-э! Но и за сие надо Бога благодарить. Есть «центры» ку-да адовей. И не помыслю завидовать, никакие «луганы» немилы, ни «комы», ни «готтарды». Пожил я месяца с три в Шв<ейцарии>, а «щастия» не обрел, не прикусил даже. Жилось покойно, порадовался даже метели русской... — метельна была зима 38 г. Помню, уезжал — 20 апр<еля>! — шел мокрый снег. Нагляделся я на сытые домики, на окорочка в чердачных окошках... начитался — на домикáх — самодовольно-учительной «готики», сих «мáксим», утверждающих «бытие»: «кто рано встает, тому Бог подает», «пришел день — гони лень», «с сантима начал, третий дом строить зáчал»... и проч. Читал в городке и благодарственное воспоминание: «Саратов», «Москва»... и проч. — на чистеньких коттеджах за решетками (в Куре). И посейчас помню искреннейший ответ почтенного туземца на мой вопрос — «что особенно поразило вас у нас?..» — «Удивительной чеканки ваши империалы!..» Да, хорошо чеканили. И еще лучше — от-чеканили! Видал как-то... — помните — «сладки гусины лапки...»? — зол<отой> «фунт»... Ну, можно ли равнять сего «наездника» — с Орлом крылатым?!.. Но... — от-чеканилось. Оставим.

Здесь, в туземьи, нервное ожидание... ин-фляции... — «вже угу!» — и... заокеанской «гон-фляции»: 1 мая предвидится начало «мирной конференции» и еще более — ожидается-то! — «всемирного наездия и налета». «Несут-несут — несу-ут!...» — хлестаковское это так и поет в сердцах, если они еще могут петь, или в «прикидках». И потому: префект уже отменил «срочное» закрытие всех «таинственно-теплых местечек», где подают «ню» и проч. Ибо **сие**-то и тянет... отдохнуть всемирное сверх-перенапряжение и гипертрофию. Прилетят птички-невелички, снесут золотые яички. Когда-то сносили головы... И что же зачнут разделывать!.. Черный рынок «батра сон плэн»[67]. Если сие возможно. Ибо он уже давно — в «сон плэн». Вряд ли Вы представляете картину нашу. Батально-инфернальную. На рынке блистательное отсутствие всего удобоядомого. Когда-то была «рютабага» и «каракатицы» —

чернильная слизь, а ныне... петрушечья зелень и... и — ? Все-таки продают цветы: пучок ранункулей[68] — 20 фр.! Пучок петр<ушечьей> зел<ени> — 5. Но... «по знакомству» все можно. Масло — 700 кл. Ветчина... 800. Сахар 300. Яйцо — 22–25 шт. Ли-мон... — 45. С освобождением в продовол<ьствии> стало еще пустынней и скудо-умней. Я располагаю «режим<ом> № 1» и получаю полтора литра молока в день. Но зато у меня взяты все жиры, весь хлеб, картофель, — его в природе не сущ<ествует>! — сыр (50 гр. в мес<яц>!), макароны, сух<ие> овощи, вино...— все взято. Но дают на полтора кл. б<ольше> сахара в мес<яц> (к 1 ф<унту> общему). Слава Богу, вина-то не пью да-вно! Пью молоко с сахаром. Хлеба ихнего — из неудобосказуемой муки — ?! — не могу есть, все равно... И добываю «бискоты», за пакет — 70 фр. — в тридцать сухарей. Но не ропщу: в Крыму привык питаться и виноградным листом, и ягодами шиповника, — для настоя. Рис — 400–500 фр. кило, да его и не существует. Но у меня есть немного из посылки от неведомых друзей из Америки. За эту вот бумагу, для машинописи, — «по случаю» заплатил 200 фр. 500 листов. Сломается машинка — два раза ломалась, — крах, требуют тысячи полторы. Чинил какой-то «свой» — за 300. На две недели стука. «Но, уповая на милость божию... за два соленых огурца...» — помните, чай? «Хлестаковы» еще изворачиваются. Третий год продаю московскую бекешу...[69] взялся один меховой, читатель... вычистил ее, — висит, ждет. Хотел-было послать Вам ее — с нее снята фотография, в 42 г., «прощальная», — но так меня некий «Ирис»* — хороший фотограф! — с р. Боэси[70], — снял... и так-то усахарил, что я не рискнул послать Вам. Зато беке-ша...! — ка-кое освещение!... Ну, и беке-ша... — Рембрандт! какие отсветы, рефлексы... — помрачение глазам. А шапка..! — «Умри, Денис... лучше не...»[71] Я, колеблясь, даже стих сочинил, для развлекательства Вам: — Когда-то в сей хивинке[72] — Играл я на бегах, — И

* <над этим словом приписано:> (да, подлин<ная> фамилия, где-то он теперь!! — д<олжно> б<ыть> уга̀зили!); <под этим же словом написано:> (вже отцвел!).

сыпал золотинки, — Но... вот, случился крах... Московская бекеша — три года, как — à вандр[73], — Читатель мой, мехеша[74], — Все тщится — ля «дэсандр[75]», — Дивились парижаны — «Кэль этонан бояр!»[76] Швыряли вслед ажаны — «Сё дьябль — ком савояр[77]» — Вы — в котике атласном, — Я — сидэван[78]=**баран**... — «В сем мире распрекрасном...» — О сем смотри Коран. Либо (лучше)... «Экклезиаста».

Но... довольно развлечений и от-влечений. Перейдем к сурьезному. Я обещал Вам маленькую *чудесную* историю... Да, **чудесную**. На свете этого чудесного куда обильней, чем думают... Много подтверждений сему видел.

Февраль–март 39 г. Я весь истратился, пиша «Куликово Поле»... Перед этим читал-почитывал о «теории вероятностей» — для меня нелегкая работа, я не математик. Меня заинтересовала «проблема **времени**». Повторяемость явлений, возможность их «возвращения»... понятие «микро-мига», предельного объема **времени**... — нечто головокружительное. Прибегал к толкованию Ивика, сверх-математика. Он сейчас, преподавая в колледже, слушает в Сорбонне эту «теор<ию> вероят<ностей>». Тогда он мало знал, но что-то мне пробовал объяснять. Мне надо было укрепиться на привязавшейся ко мне мысли: о вечности **бывшего** уже... — только — **где оно**?! **Ничто** не пропадает. Отсвет его в нас, свидетелях явлений, но... **тело** явлений... где пребывает? и может ли повториться перед нами, как... ну, фильм, что ли?... Неясными мне путями эти мои «занятия» **вывели** меня на... «Куликово Поле» (там **это** затронулось). Незадолго перед этим я слышал — достоверный — под клятвой! — рассказ человека, некоего Васильчикова (стар<инный> род), слышал **на** могилке моей Оли. Ныне рассказчик лежит неподалеку, в пяти шагах от моей могилки. Работа меня до-истощила. Ночами, пиша, я трепетал и... плакал... от сладости и трепетанья... — (ощущал как бы присутствие!) — перед Святыми. В рассказе — Угодник (преп. Сергий), — помните, приносит найденный на К<уликовом> П<оле> объездчиком старинный Крест в Троицкий Посад —

неверу. Апрель и май (1939) не мог ни-чего ни писать, ни читать... — но м<ожет> б<ыть> что-ниб<удь> и писал, не помню. В сам<ом> нач<але> июня 39 г. придавила несказуемая тоска, до... «*довольно!*» И вот, 7–8 июня (ясно помню, записал!), проснулся, сел на постели... — *не могу*! Жить не могу. И воззвал криком... внутри-криком, вне — скрипом! — к **ней**: «Не могу больше, возьми меня, призови... я так ***одинок***...! не могу!...»[79] Плакал... И это — слезы — был некий выход. Я влачился, как ослабевшая муха, перед — «на спинке, вытянув лапки». А в это время **нечто** совершалось. Где-то. *Ее* молитвами, бес-спорно. Сколько раз уверялся, за эти — скоро — 10 лет!

Утром 12 июня — п<ись>мо из Голл<андии>. С Голл<андией> была переписка: письма от писательницы Бауэр, изучившей русск<ий> яз<ык> и мечтавшей переводить «Лето Госп<одне>» — она во время войны очутилась в монастыре, в Австрии, — и с проф. Н. В. Ван Вейком (умер). Но почерк на конверте был незнакомый, со штемп<елем> «Банник». На обороте — О. А. Бред<иус>-Субб<отина>... — неведомо мне. Читательница? У меня таких писем — сотни, со всего света, до Аляски и Австралии, Буэн-Айреса... — от русских и иностр<анцев>. Считаю важным привести выдержки из сего п<ись>ма. В нем связаны мы с Вами. Опускаю трогат<ельное> обращение... «По *непреодолимому* (мною подчеркнуто) желанию выразить Вам» «пишу Вам. В наше тяжелое время бессердечия, бездушия и безлюдья, как светлый луч светите Вы». «О, вы, напоминающие о Господе, — не умолкайте!» Не умолкайте! Ибо Вы ведете нас, как вифлеемская звезда, к ногам Христа. Когда мне тяжело на душе, я беру Ваши книги, и т<ак> к<ак> в них не лицемерная «правда», а Душа, то становится и легко, и ясно. И это Ваши «Лето Господне» и «Богомолье» были моими подготовителями и к Посту, и к Св. Пасхе...» — многое опускаю. «Я слушала Ваше чтение в Берлине...» «Столько суждено было Вам утратить...» «Если Вам покажется, м<ожет> б<ыть>, иногда, что Вы ***одиноки*** — мой курсив! — то не думайте так! Вашим Духом живут много людей, Ваша Божия Искра затеплила у многих лампаду. Для многих в эми-

грации существуют лишь два человека, два пророка, — это: Вы и Иван Александрович Ильин. И если бы наше духовенство воспитывало людей в духе этих двух, то насколько бы поднялась наша мораль. Я живу в Голл<андии>, замужем за голландцем, в дерев<енской> тишине; единств<енная> связь с Русским — книги... Стараюсь, у кого можно, развивать вкус к путям Вашим и Ив<ана> Ал<ександровича> Ильина, ибо только они безошибочно непреложны. Хотелось бы от всего сердца вымолить у Господа Вам еще на многие годы здоровья, радости, творчества для нас грешных...» П<ись>мо помечено — 9 июня! Оно... поразило меня, этот **отклик** на мой крик — «как я одинок!» Было **внушено — так** отозваться. При-каза-но! Смотрите: «по **непреодолимому** желанию!» Но мало этого. Слушайте...

Я ответил, кратко, с запозданием, открыткой, каж<ется>. Переписка оборвалась... — до 10 окт<ября> 39 г. Получил трев<ожную> открытку как-то — с тревогой о маме и брате... — О<льга> А<лександровна> хлопотала выписать их. Я ответил, сочувствуя, предложил написать бывш<ему> дипломат<ическому> представителю — Пустошкину — в Га<а>ге. Поблагодарила, устроилось без меня. (А что — Пустошкин!), в конце конц<ов>. Переписка замерла, мне **не** до писем. Потом тревожное п<ись>мо — открытка, почти взыванье — «увозят на операцию!»... (в конце Пасхи...) «помолитесь». А там — вторжение, перерыв, до апреля 41 г. Возобновилась переписка: я получил с оказией, — «все благополучно». Переписка возобновилась. В ней оч<ень> много интересного. По вопрос<ам> искусства, гл<авным> обр<азом>, **всего**. По некот<орым> строкам я бесспорно увидел — дарование, б<ольшую> одаренность и — **сердце**. Я угадал наклон<ности> художеств<енные>. В этом я не мог обмануться. Но... не в этом дело. Я однажды узнал, **почему** было письмо ко мне. 9 июня — день рождения О<льги> А<лександровны>. И вот, моя О<льга> А<лександровна> **выбрала** другую О<льгу> А<лександровну> — отозваться мне на мой крик. Судите сами. День 9 июня 39 г. был тяжелый день для О. А. Бр<едиус>-Суб<ботиной>. Какая-то неприятность с му-

ж<ем>. Она «все утро плакала», у себя. Но ждут визитов, надо быть радостной. Чего это стоило! Накануне пришла посылочка из Берл<ина> от матери. Оставлена — до Рождения. В слезах, О<льга> А<лександровна>, увидав пакет, открыла... *моя книга!* — «Свет Разума»! Она всегда хотела ее, писала матери раньше. И вот, 9-го, — книга. О<льга> А<лександровна>, призываемая к гостям, заплаканная, **нашла** в книге последний очерк... «Яичко», коротенький... она знала его, это «Яичко». И перечитала... И — засветилась. И нашла силы — принимать гостей. Вечером — написала мне. **Так** открылась эта переписка, давшая мне **много**, от-вле-кавшая меня от **мрака**... Да благословен Господь! Я принял **это** — как знамение. На мой крик отчаяния — **послано**. И во всем **этом**, помимо моей Оли, Волею Господа — Вы, дорогой друг! Связующее, звено... — Вашею проповедью... **через** мои и Ваши **воли** и душевные силы... Нечего больше говорить: **все**.

Хотелось бы развить чуть брошенное в предыд<ущем> п<исьм>е... — о **вере**, о путях к ней. Да, вера в Господа, — дар, талан. Разного калибра. Как в искусствах. Малый талан — малое искусство. Вера — самое величайшее искусство. И, конечно, это искусство Богопознания никакими философиями не приобретается. Вот оно, — притча о «талантах»[80]. Имеешь зачин, росточек... — приумножай. Упражнения необходимы, да. Но всегда — предел: поскольку **даровано**. Почему так, одному — два, другому — пять...? **Так, назначено**. И все тут. Все эти отшельники, пустынники, — все искатели в **своем** искусстве, приумножающие. Есть, конечно, **закончики** — облегчать приумножение, как есть теория стихосложения, «теория словесности». Но как петуху не петь соловьем, так и «обойденному» — **не** стать **верующим**, а лишь — касаться сего, тереться у стен Церкви... и взывать. Вот откуда редкость явления истинно Святых! Как гениев в искусствах. А — вообще — мастерки, разного калибра. И как в искусствах — главное — **сердце** — область чувствований и способность вчувствований... — иначе — ноль! — так особенно и в самом великом искусстве — Богопознания. Это высоты

Творчества... Я чуть трогаю все это... о сем надо то-мы! Есть «муза» Богопознания, и — есть на сие — «веленье Божие». Так вот, в сем Искусстве Искусств — мне бы... хоть **красочки** тереть, хоть перышки точить... хоть бумажку подкладывать под вдохновенную Руку, хоть отгонять надоедных мух от... ! Вы чудесно сказали, что такое «совершенное в искусстве», что есть — искусство. Для меня — труднейшее и недоступнейшее из искусств, незнаемое мною, как незнаема музыка и живопись, только в эн плюс единица раз больше — Искусство Богопознания. Как зажечь сердце, если оно **сырое** и пропитано аммиаком?! как раскрыть сердце и принять Господа, если оно нераскрываемо?! Можно только тереться о **святое**... плакаться и вопить — «Боже, милостив буди мне грешному!»[81]

Не урекайте, что п<ись>мо винегретное, со всячинкой. Но оно, кажется, с низинок дотрепывается до... некоей возвышенности, где у меня начинает кружиться голова...

Для веры — нужен особый дар — вообразительное сердце, не просто воображение. И — зрящее сердце. Его *глаза* открываются, как — зарницы взблеск, в микро-миг! У одного из миллионов. У всех — *видят* мутно, пыльно..., но и сего довольно. У детей... — а знаем мы, как живет *их* сердце?... Дети *все* видят — в нетронутости, иначе, чем взрослые... В вере — сверхлогика, «вверх ногами». Ибо вера — **безумие**. Об этом чуд<есно> у Павла. Вера — область иных измерений, — вне-измерение... И провидение — это безумие — иногда бывает ее производным.

А теперь, — невольно вспомнилось, — опять к трясинке... Как пожалел я об «американдерах». Вот когда потребовались — их и следа нет, отбыли в Германию. Не для себя. Для доброго, несч<астного> и достойнейшего человека думал, места работы для него попросить, послал его с п<исьмо>м в пос<ольст>во, — уехали. Человек... я его 8 л<ет> знаю. Сын луганского гор<одского> головы, — не Вашего! — не от «щасливого швицара». С 6 кл<ассами> реальн<ого> учил<ища>, — добров<ольно> на войну. Дрался за белое дело. Дважды

ранен. На войне дважды оперирован. Потом — Кипр, шахты Болгарии... **выучка** универсальная. Париж. 6 операций! — еще — язвы желудка. Механика, шофер, в Болгарии на паров<ой> мельнице при машинах. Париж. «За все», вплоть до менажа у Ш<меле>ва. Отсюда — знакомство. Честность — работоспособность — трезвость, — незапятнаны. Женился на франц<уженке>. Двое детей, девочка 10, мальч<ик> 7, мой крестник, работал в гаражах, нажил непрест<анную> — 5 лет — головную боль, от простуды? В холодн<ых> гаражах, на цементе. Теперь — шомажных[82] не платят — перебивается разгрузкой бревен на Сене с барок, — случ<айная> работка. Идет куда-то в прачечную — красильню... попробовать, от этой работы бегут. Год служил у американцев, в больш<ом> помещении, где ночуют отпускные: уборка и прочее. Началось сокращение, сворачиваются. Из 500 служивших половину рассчитали. Мой Ивонин-Несчастный попал в расчет. Сим ведают шефы-д'экип'ов, французы, вносящие в списки иностранцев. И еще тех, кто с ними не делится плодами краж[83]. Это здесь — бытовое явление. Ивонин не мог уделять, ибо руки у него не для сего занятия. И так мне хотелось ему пособить!... Тут-то и вспомнил об «американдере»... Уверенности не было: нет у меня счастья — иногда бывало! — устроить людей, я никогда не припасал «связей», я всегда как-то «обрезал» себя, ну... я непрактичен. А как ведь иные люди хорошо устраиваются у американцев: и пайки, и прочность работенки. А достойнейшему... — «ветруй!» Да, и на сие — талан нужен, удачливость, везенье. Мне... никогда не **везло**: все как-то наитием выходило, покружившись... Вы всей моей жизни не знаете... что мне пришлось испить... повидать... И дочего же этот неудачник семью любит... ну, пеликан... от себя оторвет, хотя пеликан мясом своим не питает, это он пух с себя рвет, для согрева птенцов. Так вот и Ивонин, весь пух пособрал с себя... И квартирку их бомбами разбило, да уж... «на бедного М<ишку> все ш<иш>ки> вал<ятся>». Я не дерзнул написать о сем Ш<арлотте> М<аксимилиановне> — не посмел. Навряд у них в Париже что-ниб<удь>, рычажок какой... — мне, говорю, не

везет с хлопотами за других. А Вам мне сердце разрешило написать: м<ожет> б<ыть> Вы, в час добрый, позондируете... — а вдруг! Тут, ведь, какое-то «рыбье»[84] слово надо, и Сезам открывается. А как иные русские хорошо устроились! Да ныне сильно сматываются всяк<ие> америк<анские> учреждения. Вот разве с конфер<енции> мирной чего капнет? Да ведь больше бесстыдникам капает и бесстыдницам... Ну, что Бог даст. Не осудите надоеду.

Привел выдержки из п<исьм>а О<льги> А<лександровны> *доверительно*, Вам только, не спросив ее позволения. Да она бы и не возразила, чтя Вас. Для меня тут один из намеков (у меня их немало было) на **связь** сего — земного — с потуст<оронним>. Тут никакой «случайности», совпадения... или влияния моего духа на нее: я ее никогда не видал (только она незримо для меня была на моем чтении в Берл<ине> в окт. 1936 г.). А ско-лько я *поразительного* (откровений, провидений!) испытал во время моей работы над «Путями», — уже после постигая **вождение**! Я **угадывал** (нежданно!) даты, события... до страха!.. Но об этом **можно** лишь говорить... и показывать «места» в романе... — некое ясновидение... — совер<шенно> мне необъяснимое. Да, будете писать Метнеру... хоть я не знаком с ним, скажите, что я был рад, о-чень... что моя бормотунья[85] дошла до сердца: значит в ней — **тихая музыка...**? Я ее слышал, когда писал. Сердечный привет, милый друг, Наталии Ник<олаевне> и Вам. **Луганьтесь**. Поклон Ш<арлотте> М<аксимилиановне>, если и она близко.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Проглядываю «Домби и С-н». Укачивает. Перев. Иринарха Введенского[86], каж<ется> — лучший.

Пошло оказией п<исьм>о А. Лютеру, уже 3 нед<ели>, но — пока нет отклика.

402

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<11.IV.1946>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил оба Ваши письма. Спасибо! Ваши критические замечания о Толстом *очень* хороши. Жалею,

что не могу послать Вам моих лекций о сем первобытном титане. Они писаны и читаны мною здесь по-немецки: 1. Толстой как человек и художник. 2. Война и мир. 3. Идеология. 4. «Анна Каренина» — готова, но еще не написана. Вас бы позабавили наши совпадения.

После каждого из этих писем, буйно вдохновенных, к нам приходил Разум, «чесал в затылке» и жаловался на полученные от Вас мимоходом «затрещины». Об «искусстве Богопознания» — у Вас великолепно... Но веру «сверхлогичною», «вверх ногами» — мы оба совсем не видим; и «безумием» ее совсем не считаем. Апостол Павел был еврей, еврейский рационалист, «конструировавший» и рассуждавший. У него «ум» был *отнюдь* не тем, чем он был у Ап<остола> Иоанна, Иакова, Петра; у Антония Вел<икого>, Макария Вел<икого>, у Исаака и Ефрема Сириян и др. *Эти* шли *от сердечного созерцания* и поэтому писали и говорили, что *ум* обретается *в* сердце, что разум *предшествует* вере (sic! sic!!), что разум есть *сущность* сердца и души. И у Вас в письмах об этом *превосходно!* Но насчет «вверх ногами» — это *затрещина*, и я жалобы Разума принял к сердцу.

Хотел бы еще поделиться с Вами одною русскою сказкой, которую *перевожу* из одной *американской* книги.

«Жил был добрый царь Сергей и был у него сын Иван Царевич. Царство их было небогатое, а после смерти Сергея и вовсе обеднело; стал народ голодать. Вот и пошел Царь Иван советоваться к Бабушке-Задворенке-Ягинишне. Выслушала его Бабушка и говорит: дело твое мобыть и поправимое; вот я буду давать тебе пять голодных месяцев по пять десяти горных цветочков, такой уж у меня для них *парничок приспел;* а ты с ними поступай умненько: за каждый горный цветочек тебе дадут сто равнинных былинок, а ими можно твое царство подкормить; только не ходи ты менять горные цветочки к девке белобрыске, и в банку их не сажай, а подружись с девкой чернавкой и скажи ей — «девка-девка, темная чернавка, поступай со мною по всей по русской совести»... Так может и подвыручишься»... Продолжение сказки в следующем авионе.

Сказка забавная и переводить ее долго: месяцев пять понадобится. Но Вы, художник-символист, сами поймете все продолжения. Шарл<отта> Макс<имилиановна> тут ни при чем и переводить сказку будет не она. А я нашел ее в присланной в *мое полное распоряжение* американской книжке; а раз что *мое* распоряжение, то я и распоряжаюсь ею как хочу. Только всего. Одно только: Бабушка Ягинишна старуха строгая и по моим достоверным данным только одному Царю Ивану предназначает горные цветочки[87].

Обнимаю Вас. Завтра возвращаемся «домой» в свою Цоли-кошку.

Письма Ваши храню. К ним приобщу и Киплинга (дошел)[88].

Забавно: цены, сообщенные Вами, при *честном* сравнении *ниже* наших на 30—40%, а выговоришь, так заворот умственной кишки делается.

1946. IV. 11. Ваш Петя Воробьев.

403

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<17.IV.1946>*

17.IV.1946. Св. и Великая Середа.

Христос Воскресе! — дорогие,
Наталия Николаевна, Иван Александрович!
Со Светлым Днем. Да светится в сердце Вашем.

Иван Александрович! Вы отлично закрутили сказочку — я ее раскрутил. И... obstupúi[89]. У Овидия: «Obstupuére omnés <nec> tália díctua probárunt» [90]. Вторая половина стиха ко мне, конечно, не относится. Как тут *не* одобрить?! Одобрил, о-чень одобрил (pro domo sua[91]), но...! Какое я право имею на...? Вы, всегда Вы, **все** Вы! До слез смущен[92].

Из моего стишка о бекеше, из «парижск<ой> корреспонденции» — об всяч<еских> ожиданиях (туристов) инфляции (уже при дверех), о ценах (быт) Вы естественно могли сделать вывод о трудном житии. Но я временами только трепыхаюсь (нервы!), а при моих не-потребностях (режим) обхожусь и даже забываюсь в работе. А вот (жду), скоро-скоро появится франц<уз-

ское> дитё — «Les Voies Celestes»[93] — и — кто знает? — м<ожет> б<ыть> и капнет. Хотя не уповаю... Надо, чтобы первые 2080 экз<емпляров> покрыли **аванс**. А коли 5 т<ысяч> пройдет — хорошо «капнет». Все — в Руце Божией.

Но... меня «сказочка» смутила. И еще больше — par avion. Чудо Господне! Великое изобретение, во вс<ех> смыслах, — от Блерио[94] до Вас. Магия. Вчера, поутру, — магия! И я — obstupui. Да, Вы знаете сердце человеческое и его движения. И Вам так ясно чувствование (Я) мое и Вы — и Разумом, и Интуицией (сердцем).

Чем — отвечу?!.. Слезами, только.

О, эти **знаки** живой души! Я их узнал за эти годы... Знал и допрежде, с детства. И — понес в себе. И потому, д<олжно> б<ыть> часто был **неспокоен**. Да Вы **все** знаете. Братски-нежно обнимаю Вас. Пожнете сторицей.

О Разуме... Вы точно-правы. Но я... я никогда не дерзал отвергать его. «Вверх ногами» — (**все** в привычном ходе восприятий) это, конечно, для «афинян»: «об этом **после** послушаем тебя...» (Деян<ия> Ап<остолов>). *Христова тайна — для них* — «все вверх ногами». Разум — Святыня Господня. Он — истинный — срощен с сердцем. Но есть — ум, злой ум. Есть разум дьявола. Он режет, разлагает, **роется**, — гнилой-ядовитый плод познания. Его отвергаю. Он — песок в сложную, **тонкую** машину, едкая кислота. Отлично одевается, до блеска. Но... сверх грязных dessous[95]. Таким движется мир.

Я послед<ний> день много думал о Творчестве Богопознания... ночами. Упивался, развивая. М<ожет> б<ыть> все это составит «беседу» в романе (В<иктора> А<лексеевича> с о. Амвросием Опт<инским>). Эстет В<иктор> А<лексеевич> так и останется «у стен церкви», несм<отря> на постриг. Как и К. Леонтьев. Л<еонтье>в — интересн<ый> мыслитель, но... **лишен** Познания. Таких — тьмы. И эти «тьмы» — растут-растут... Таких — масса в католич<естве> и — особ<енно> — в кальвинизме. Лишь Православие дает дыхание, **свободу**... *Как* скажет о сем о. Амвр<осий>? Эти дни много читаю о нем.

У меня «Лето Госп<одне>» — II кн<ига> — в 1 экз<empляре>! Теперь — 5—6 дней — перерабатывать (а все б<ыло> готово!) и — в 2-х экз<емплярах>. Буду кусками отправлять Вам. Уже закончил 2 перв<ых> очерка: «Ледоколье» и «Петровками». Надо сделать **впрок**. Вижу, — что́ *это*. Болею, вчитываясь в послед<ние> 9 глав: «Святая радость», «Живая вода», «Москва», «Серебр<яный> сундучок», «Горькие дни», «Благословение детей», «Соборование», «Кончина», «Похороны». Во всем — **наше**, самое важное. Господи! Если бы самому увидеть в печати!.. Или — не б<уду> удостоен?.. Не мне чета: Моисей не б<ыл> удостоен. И посему, преодолев запинки, снова переписываю, отсекая, включая... Одно давит: в век «атомичности»... — ***так*** **чирикать**! Под грохот взрывов и канонады... — где-то поет малиновка — или — черный дрозд. Как он поет по зо́рям!... До слез грустно, до слез нежно. О, какая же грусть светлая в этой короткой песенке!... Все время мое наполнено и думами, и строчками, и... кухней, и... Устал. Но не опускаю рук. Не смею.

Да хранит Вас обоих Господь! Воистину Воскресе!

Что бы Вы там ни «закручивали», я раскручиваю и слышу: да, Ш<арлотта> М<аксимилиановна>! Кому же еще... до меня?!. Могу воздать... молитвой? И — да приидет! — добром — другим.

Ваш сердцем Ив. Шмелев.

Чудесное письмо Ваше! «На-вырез»[96].

404

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<26.IV.1946>***

Воистину Воскресе!

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Тревожно ждал Вашего письма и облегченно вздохнул, получив его 19 апреля. Опыт научил меня тому, что ходить по тротуарчику в жизни подчас весьма нецелесообразно; надо, благословясь, делать salto mortale[97]. Пока что удается. Намерен такожде и впредь.

«Раскрутили» Вы на этот раз с ошибочкой. Ш<арлотта> М<аксимилиановна> в сказке не участвует, в ее

осуществлении тоже нет. Мало того: она даже и не знает об «ефтом» деле. И это так и нужно. У меня *своя* дружба, а у нее *свои* умиления. И совсем не нужно, чтобы осуществление моей дружбы расхолаживало ее умиление. Умилится и пускай свободно изольет, а не думает, будто «*вже*». Потому не упоминайте, не намекайте, не благодарите ее за «бабушку-задворенку-ягинишну». Это все совсем иначе выглядит, в действительности.

Очень жду второй части Лета Господня. Может быть — издадим. Может быть — и по-русски. Странно, сказать, а издательство UNRRA[98] запросило меня, что издать по-русски для беженцев, сидящих в «зонах». Хотят *мое*; захотят и *Ваше*. Но я требую *старой* орфографии. А Вы *пойдете* на новую? Ведь всего 3 буквы: ѣ, ъ и і. *Пускай достают!* Кажется вилами по воде писано... А может быть и вытанцуется. Сейчас во главе стоит мой верный друг и ученик, русский из Латвии. Итак: я рекомендую Богомолье и 2 части Лета Господня. Гоните вторую. Но м<ожет> б<ыть> Богомолье и I часть у Вас крепко проданы издателю и не разошлись? Во всяком случае издательство Юго-славское можно считать за«*тит*»кавшимся[99], а потому и скончавшимся.

Отвечайте мне на сие и гоните вторую часть.

Приехала ли к Вам О. А. Bredius? У Вас ли еще? 15 апреля я послал ей заказным второй том Путей.

На днях получил «Maison Bourkov»[100] Ремизова на франц<узском> с предисловием-письмом Ромена Роллана. Это предисловие я *даже не дочитал* от *тяжелого отвращения*. И сейчас сижу, будто дьявол в рот нагадил. «Прекраснодушные» идиоты! Болтуны ушибленные! Радикалишки гнойные! Тоже о России рассуждают, «инферны» находят. *Мечтатели чертородные!* «Сплетни сеете, сороки короткохвостные! Пачкуны проклятые! Колпаки» (это уже из Ревизора).

Теперь всего важнее, чтобы Вы *передохнули*. Возьмите себе «преданную женщину», «*приходимую* милую крошку» (это уже из Лескова), чтобы самому не кухарить... Иногда неделя покоя — все обновляет.

Скоро пришлю все обещанное.

Обнимаю Вас.

1946. IV. 26. Ваш Иоанн (имя ему).

405

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<28.IV.1946>***

28.4.46. Фомино Воскресенье. 5 ч. 30 дня.

О, светлый, дорогой друг,
неисповедимый Иван Александрович!

Я — где я, **что́** я, как я...?!.. — столько свалилось, блеснуло, грохнуло и... пронзило... и... утонуло... — за эти 10 дней!.. Я едва пишу, все еще не осмыслив, не отстрадав, — после ударившего в меня светлого и темного... Ну, лавина — **всего.** И во всем этом потоке света и горечи... — что за **узор**! И — какое знамение?!... «Узор» — осязаю (не видя, м<ожет> б<ыть>). Знамение... — темно, но есть... или — было мне приоткрыто. Я очень слаб, — после 6—7 полубесс<онных> ночей. Теперь t° нормальна. Вам все непонятно, знаю.. Но и мне не **все** постигаемо. Но — **так надо**. Верно, что я на Стр<астной> — простудился?... Но было сносно. Во Св. и Вел<икий> Четв<ерг> — говел. Недостойный-неподготовленный.

В Пятн<ицу>, утр<ом>, нежданный, — да, нежданный! — приезд... О. А. Бр<едиус>-Суб<ботиной>. Свет. Я увидел друга, сестру, чистоту, ясность, тепло... Приехать — чтобы быть в Церкви!... Я уже был почти в болезни, но я был — освящен тихим светом. И — сердцем — возблагодарил Господа. В Св. Заутр<еню> я был в Храме, и моя бедная лачужка была уже *ни* «печальна», *ни* «темна». И болезнь (странная, с поражением полов<ины> лица остр<ыми> болями и вздутием (t°38) по-шла... Св. Ночь — бред, кошмар, желчь рвалась (я два дня не мог нич<его> есть, за перв<ые> 3 дня — только, насилу, по чашке чаю и сухарик). А в понед<ельник> — депеша! Скончался отец мужа О<льги> А<лександровны> на 84 году. Я даже не разобрал, что это телегр<амма>: думал — pneu. Когда, в понед<ельник>, к 1 ч<асу> дня, О<льга> А<лександровна> приехала, — была у обедни — я м<ежду> проч<им> сказал — какой-то pneu... нашел, взглянул... — ей! депеша. Этот понед<ельник> — 22-го!... Надо б<ыло> выезжать... и не уехала бы...

(к<ак> оказ<алось> после!), если бы не б<ыло> **так *дано***. Много посетителей — был архиеп. Владимир (Ниццский)[101] с клиром — О<льга> А<лександровна> бегала к моим друзьям, рядом, справл<ялась> о поезде... и плакала. А я едва держался... И только уех<ал> арх<иепископ>... — *тут же* — нежданно! — (*б<ольше> года не заявлялся!*) — Виген Нерсессиан (не ведавший о приезде О<льги> А<лександровны>!) на мощной машине! Только благод<аря> ему — О<льга> А<лександровна> могла уехать... к<ак> узнал я из получ<енной> открытки. Нерс<ессиан> просидел до 9 ч<асов> в<е>ч<ера> (понед<ельника>), забрал ее... (и тут была удивит<ельная> черточка... на *во-время воротившейся* за ним машине!)

И я остался, кинутый болезнью в полубессознанье. Но **всего** не соберу сил сказать. Там, в Голл<андии>, состоялось — в посл<едний> миг **примирившее** обоих прощанье отца с сыном — Arn. Bred<ius'ом>. Это — «что будет?!» — страшно томило О<льгу> А<лександровну>. Сл<ава> Богу, светло простились. Кратко говор<ила> отрытка... Нет, я чувствую — как бессилен показать Вам — начертанный «**узор**».

Я выгребаюсь... мне делали неск<олько> вакцинаций... кроме сего — принимаю сульфамиды. Боли (свёрла) в прав<ой> ч<асти> головы уже 3—4 дня прошли. Ем... И не смею думать продолж<ать> работу, пока. Я только знаю, как удручило О<льгу> А<лександровну> мое бытие беспомощное, моя оброшенность. Я так избегал, чтобы видели неуют быта моего... И всегда **прятал** эту мою оброшенность: тяжело отягощать душу чуткую таким зрелищем!... Я видел в глазах О<льги> А<лександровны> слезы. Но я **держался**, и она старалась скрывать свое волнение. Все-таки вместе были в Церкви, слушали Песнь Воскресения. Слава Господу. За **все** — Слава и Благодарение. За **все**. За радость творчества, за испытания, за скорби, горе, болезни... за лучик **света**. Милый, добрый друг... Эти ночные бессон<ные> часы столько пылавших мыслей! И — о Творчестве Богопознания. Ка-кие подробности. И к<а>к ***все*** стройно. Это же из Вашего Родника! — от Вас. Вы высекали искры...

Потороплюсь опять вложиться в переписку II кн<и-ги> «Лета Г<осподня>». Три очерка готовы... Не уповаю на издание... Послать же единств<енный> экз<емпляр> (да, на 3/4 — в налепках и неисправл<енный>) ***не*** могу...

Благодарю Вас — за ***все***. Этого не выразить. Особ<енно> — сейчас. Да, — горные цвет<очки> **прозрачны**. Особ<енно> если при электр<ичестве> и под изв<естным> углом.

На сих днях (2—3) «Les Voies Celestes»... Но я **вне** всего этого. Так меня оглушило и вспахало. Болезнь эта... — так, вдруг! Не вдруг: я уже со Среды Стр<астной> чувствовал болев<ые> токи в лице... — да, про-дуло...? Да еще д<окто>рша нашла бронхит... — что теперь... я только разбит... Только смотрю на небо... слезы в глазах, туманится все...

Простите это смутное письмо. Не мог не высказать — хоть так сбивчиво — *Вам!*

Обнимаю. Благодарю. Милые друзья.

Ваш, озирающийся, Ив. Шмелев.

<Приписка:> И что же еще: Олина племянница, моя заботушка, — вдруг заболела в Вел<икий> Пяток, и я был совс<ем> один.

406

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<23.V.1946>***

23. 5. 46.

Дорогой и — о, поверьте! — незаменимый, неизъяснимый, **единственный** в мире **человек** — друг!.. Иван Александрович!... Как полно мое сердце Вами!.. как бессильно Вам это выразить!..

Я все еще — с 21 апр<еля>, Светлого Дня, — в непонятно-упорно злой власти недуга. Этот недуг обрек меня смотреть одним глазом и каждую минуту чувствовать беспомощность и отчаяние. Врачи недоумевают и сводят все это — к «невралгии подкожи, каких-то нервных сплетений...» Окулист — ибо глаз мой, правый, заливается, без боли, кровью, — сказал, что глаз в порядке, (— совсем в беспорядке, ибо никогда, подлец, не работал, а теперь **связан**,) — что его

состояние — следствие кожного заболевания правой части лба... что я могу по малости и писать... Докторша, чудесная, заявила, что, несомненно, было в сл<абой> степени, нечто вроде рожист<ого> воспаления, — все давно прошло, но правая часть лба «стянута» (как бы кожа парализована), иногда горит, кровь тут, д<олжно> б<ыть>, выбрала себе упорную стоянку, отсюда связанность глаза... Я здоров, ем охотно, мыслю остро, **вижу** уже острее, и хочу, страстно хочу писать. Д<олжно> б<ыть>, какое-то странное накожно-подкожное заболевание!.. Кровь моя чиста, в наследственности никаких «грехов», ни туберк<улеза>, ни других — страшных — и вот, что-то непонятное... День — лучше, день — пылает прав<ая> часть лба и стягивает глаз. Принимаю витамин ПП, назначен иод, ввиду неск<олько> повышенного давления, — 19 — 8, — обычное мое — 14 — 15 и 9. Самочувствие, конечно, **злое**. Я много жил «нервами»... — всю жизнь, все свое творчество... А тут свалились события великого размаха... — и мне как бы назначено: **дано** тебе видеть чудесное, но... только для одного глаза.

О, дорогой, светлейший из светов жизни! Как бы я хотел выразить Вам всю глубину моих чувств к Вам!.. сказать, сколько значили и значите Вы в моей жизни и работе за эти два десятка лет!.. И бессилен выразить... Знаю, — Господь послал мне Вас — крепителя, водителя, утешителя и **певца**. Господь судил мне увидеть лучшее стихии Русской — в Вас, чудесный!.. Господь даровал мне «чистейшей... **ценности** — чистейший образец»! В Вас — для меня — сущность, сгуститель лучшего, высшего, **чистого** вселенско-русской значимости, ума, вдохновенности, **меры**, охвата... — всего чудесного, что есть в стихии русской. Как же не славословить мне за сие Господа?!... И я пою Вас, я лелею Вас в сердце. А эти дни, в беседах-встречах с О<льгой> А<лександровной> — мы столько живем Вами!.. Дикси — эт анимам левави[102].

О<льга> А<лександровна>, вытребованная депешей, похоронила свекра и вернулась через две недели. У ней много хлопот — и леченье, и дела семьи, и Париж, и —

частью — я и мое горевое — недужное. Мы, в те два-три часика, кои вырывает она у дня — много говорим о чудесном, **нашем** — творчестве, и всегда это связано с истолкованиями Вашими... и Вас. Она удивительная... она, по мне, самая сущность русская... — самоотвержением, жертвенностью, порывами ввысь, любовью жгучею и глубокою к **родному**. Она всех решительно чарует. Она чиста, открыта, **де́тска**, и, часто, непостижима, для меня. Она давно-давно была в моих предчувствиях, и я несчастен, что она... лишь коснулась моей жизни. Но я счастлив, что мое творчество влилось в нее, как и Ваше, нераздельно и плодотворно. Через нее я еще крепче связан с Вашим гениальным Духом.

Скоро она улетает... м<ожет> б<ыть> никогда и не увижу. Но знаю я, что перепиской за почти 7 лет, мы многое нашли друг в друге, настолько, что **других** слов не надо. Мне было даровано счастье **увидеть** чудо русской женщины — во всем. И я благодарю Создателя. Чувства мои чисты, светлы, безоблачны. А в яви дано смотреть... одним глазом. Но и за сие благодарю Бога. Знаю, что она испила и испивает горькое... **за что**? во имя — **чего**?!... и не смею касаться этого. Знаю, что она идет мимо своего призвания. Она неимоверно одарена. И эти дары почти непочаты. Если бы мы встретились 10 лет тому. Не судил Бог. Покорно и горестно склоняюсь перед Веленьем. Знаю, что Ваши творенья, Ваше живое слово дали ей направление и опору. Как многим. Знаю, что Вы провиденциальны в служении на чужбине. Ваш апогей — в чудесной проекции всероссийской. Он уже сверкает. Он будет светить поколениям. Вы — единственный и неповторимый. Вы — отборнейшее зерно, **соль** наша. И больно, что Вы не в великом море человечества, — там плавание Ваше, там послание Ваше от России, — да узрят, да услышат, да внемлят!!!! Но Вас **увидят** полностью.

Мое п<ись>мо запаздывает не по моей вине: я — из-за глаза — все отложил. А авионное п<ись>мо В<аше> три дня пролежало у двери, сунутое глупой консьержкой под коврик. Но оно — чревато, девственно и оправдывает В<аше> «сальто-морт<але>», и я

обнимаю Вас за трогательные заботы о моей бренности. Горный цветок — живой.

Обрывками, переписываю, прорабатывая, «Лето Гос<подне>», 2 ч<асть>. Уже завершено 7 очерков. Еще 3 — и я пошлю Вам первую треть. Найдете новое. Есть **зерна** в нем. Я купаюсь, счастливый, когда работаю, когда мне удается **схватить**-найти лучшее. Иных глав Вы не знаете еще. О, какое будет для меня утешение, если они дадут Вам минуты светлого утешения, — Вам и чудному другу — дружке Вашей — чуткой предельно Наталии Николаевне! Сейчас я уйду в работу, забуду о горестном правом оке. Два дня не вижу О<льгу> А<лександровну>. Пусть ласкает ее Париж! Пусть отдохнет от жуткого и горького «хомута» голл<андского>. Пусть дышат ее ум и сердце! Она уже была со своей крестницей, — она живет у Первушиных — друзей — в Бельвю, и они ее **водят**. Но она такова, что сама может повести кого угодно. Была в Лувре, Комеди Фр<ансез>, в кино на «советск<их>» фильмах. И удовлетворение, — русской стихией титанической — народом! — в фильме «похороны Патриарха» и «парад физкультуры», и вся пронзена мукой и гадливостью от «докладов» гнуснецов — Берд<яева> и Каллаш[103] с присными[104], — кои читали по ходу фильма «похорон». Она, прямо, **больна** от сего. Она хочет ехать со мной в С.-Женев. на могилку моей дорогой Оли. М<ожет> б<ыть>, мне удастся выбраться с нею в Опера. Со дня на день жду моей франц<узской> книги — «Лэ вуа селест». Погода шаткая, и с ветром, а посему прикован к комнате. На этих же днях О<льга> А<лександровна> хочет говеть здесь. В Голл<андии> у ней нет охоты; священник — пустоцвет. Однажды (у меня) у О<льги> А<лександровны> был острый припадок сердечной болезни. Был и еще, у Первушиных. Поду-май-те: там, в Голл<андии> она —**за все**! Она — и не раз — стирала — до свыше 200 шт. белья в раз! Кошмар. Я **не** понимаю ничего. Она — как бы «Вакса» моей повести «Мэри». О, лучше была бы «Мэри»! И... выхода нет. Для **такой**, как она, **нет** выхода. Она предельно целостна и целомудренна — **во всем**! И... она как бы запугана, «пуганая» («законом» сознанием ответственности!), как сказал о моей Дари Варнава. Это —

ужас и — восхищение, для меня. Я далеко ей не вровень в этом. Она — вся несет бремя своих предков — боль и страдание за грехи людские. В ней опыт многих веков **служения**. Она могла бы стать героиней великого произведения, но это столь безмерно, что не в моих силах. Я мог бы дать лишь слабые зарисовки.

На этом пока кончаю и — обнимаю Вас. Все мое сердце Вам, добрые друзья! Ваш Ив. Шмелев.

407

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<2.VI.1946>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Оба письма получил. Спасибо. И от 28 апр<еля> и от 23 мая. Все время тревожился за Вас и не посылал ничего своего, чтобы зря не утомлять Вас. Но <*неразб.*>[105] побранивал Вас за молчание после последнего авиончика. Послал его 13 мая, а подтверждение получил только 25 мая. След<ующие> десять дней скреб в затылке и приговаривал «эээ!» и «ыыы!». Вы другой раз без всяких «акафистов» моему Ангелу-Хранителю, просто открыточку бросайте, не откладывая нимало: «Тут же был и руку приложил, Иван Шмель». А «закатистые молебны» — только отсрочка делу. Очень надеюсь, что Ваш недуг сдался, что врачиха победила, а посетительница что-ниб<удь> полезное придумала и наладила.

А я пока ничего. Печатаю том о Гегеле по-немецки и пишу по-русски одну из моих книг (Das verschollene Herz[106]), отдельные главочки коей уже переписаны для <*неразб.*>.

Душевно Вас обнимаю и шлю приветы Ольге Александровне.

1946 VI 2 Ваш И.

Присылайте «Лето» II!

408

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<15.VI.1946>*

15.VI.46. 7 ч. веч. 91, r. Boileau, Paris, 16-e

Дорогой, милый Иван Александрович,

Благодарю, благодарю, благодарю... — авионное п<ись>мо только что, входя к себе, нашел в передней,

просунутое на сей раз под дверь. Пахнет горными цветами — летело поверх высот!

Ольга Александровна отбыла во вторник, оставив Париж и **пустоту** в нем у всех, кто ее видел, слышал, говорил с ней. Сие — не преувеличено нисколько.

Опять голл<андский> хомут... Я постигаю ту темень и удушье, в коих она живет... Я многое знаю, о еще большем догадываюсь.

Больно видеть, как бесцветно, бесцельно прошли эти ее **девять** лет! Ка-ка-я ошибка совершена.

О<льга> А<лександровна> в Париже утомилась, разбилась на кусочки... — сл<ишком> много и «миссий», и «комиссий», и созерцаний, и... — всего. Она трогательно-незабываемо заботилась скрасить мою одинокость, мою беспризорность.

Я все время, с Пасхи, болею: теперь к<а>к следствие рожист<ого> (в оч<ень> сл<абой> степ<ени>) воспал<ения> правой части лба, оборванного во время вакцинации — невралгия лица, стягивание в прав<ой> стороне лба и воспалит<ельного> процесса (у меня обычно раз в 2—3 года, как следствие ужасного (давнего, лет 35) удара). Не могу долго писать и читать, хоть болит нерабочий глаз. Самочувствие удрученное. Но я был бодр, когда была О<льга> А<лександровна> — светила.

С появл<ением> О<льги> А<лександровны> (а она бывала у меня почти кажд<ый> день) моя квартира стала «проходн<ым> двором»... — о, как мучили люди!... Бывавшие у меня раньше раз в месяц, теперь бывали по 2—3 р<аза> в неделю...

Только что вышли мои «Les voies Celestes». 1-ая кн<ига>. В понед<ельник>-вторн<ик> мне пришлют, — тотчас же пошлю Вам. Если бы хоть средний успех — тыс<яч> 10-15 экз<empляров>! «Человек»[107] прошел до 15—18 т<ысяч>. Это меня очень бы укрепило.

Осенью выходит фр<анцузская> «Ист<ория> Люб<овная>»: на днях запросили о «Лете Госп<однем>» (кто?!.. дочь Л. Чернова (!) m-me <Payo>). Хочет... — с иллюстр<ациями>!!! (?). Чушь какая. Увидим. На днях поговорим. Через два-три дня вышлю Вам перв<ые> 10 очерк<ов> «Л<ета> Г<осподня>» 2-й ч<асти>.

Горячо обнимаю. Сердечный привет Наталии Николаевне. В натуре, О<льга> А<лександровна> оставила во мне еще более глубокое, чем в письмах. Оч<ень> многогранная и много-**ликая**... — сложнейшая душа. Не постигаю: как *все это* совмещается с... голландским.

Ваш, благодарный, Ив. Шмелев.

409

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.VII.1946>***

Дорогой друг Иван Сергеевич!

Получил Вашу французскую деточку (Les voies céléstes), а сегодня пришло «Лето Господне». Спасибо! Радуюсь предстоящему чтению. Не откликнулся на книгу, потому что как раз *бурно и загадочно* захворала Наталия Николаевна. Врач растерялся и потом только *другой* сказал мне, что три дня была опасность для жизни. Теперь выхаживаю ее третью неделю, кормлю каждые два часа, подучился готовить и сам очень утомлен. День ото дня, потрясенный катастрофою, организм понемножечку крепнет, слава Богу! Пока только это. Предстоит сальто.

Обнимаю Вас.

1946. VII. 10. Ваш ИАИ.

410

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<11.VII.1946>***

11. 7. 46.

Дорогой Иван Александрович,

«Ныне отпущаеши...» — кажется, недуг отпускает меня, легче сжимание над правым глазом и покраснение оного! Прихожу в форму-норму? О, сколь был испытан, с ночи на Св. День! **Знаю**, что это козни дьявола: **надо** ему было, чтобы я был *скован* и не мог бы руководить О<льгой> А<лександровной> в ее посещение Парижа. Она очень задергалась, слишком приставали люди, тормошили, а она натура порывистая, «увлекательная», на — часто — «коротких эмоциях»... — насиделась в голландском болоте, как собачка в конурке, выпустили ее, она и пошла по луговинке кругами, высуня язык,

«впопыхах» все... и мало я смог поведать ей «тайн и приемов» творческих, в **слове**, — а у ней дарование бесспорное! — из всего того, что **сам** нашел за мою многолетнюю работу, учась и **находя**. Ни один учебник сего дать не может, познается это личным разбором образцов, **примерами**. Как она теперь жалеет!.. Все за эти пять недель делалось бессистемно, в «разбеге глаз». Ее присутствие дало мне немало светлых минут, особенно поездка на могилку моей Святой. Кое-что и почитал ей, из ей неизвестного. «Лик скрытый» произвел сильнейшее впечатление... и — «Марево». Помню, — читал в тесном кружке, — **скованность** слушателей и — слезы...

10 годин минуло со страшного для меня **дня** — 22 июня 36 г.! Бог посетил меня и печалью, и примиряющим **светом**. 3 июля я нашел в сердце:

22 июня 1936 — 22 июня 1946

Крест, голубцом, и у Креста береза,
И Другом присланная роза.
Могилка — мягкая, как и душа Ее...
Вся — светлая любовь. По Ней печаль моя...
Самоотверженно Она меня хранила —
И мой нелегкий труд России подарила,

Вдогон уехавшей — 11 июня — гостье, я послал мой-ей-«Завет прощальный»:

Раздольной волею вольна,
Светла, могуча и мятежна,
Ужель, девятая волна,
Вскипишь лишь пеной безмятежно?..

Вскипишь — и, в блеск разбивши грудь,
Отпрянешь мутью неизбежной,
И затеряется твой путь
В просторе синевы безбрежной?..

О нет же... нет!.. Поверь в себя,
Исполни Божие Веленье:
Твори, страдая и любя,
Познав свое предназначенье.

Покойной волею полна,
Восторгом светлого волненья,
Катись, девятая волна, —
Волна любви, — не разрушенья.

Скажете — в лиризм вдарился... Да, поет в душе, да и всегда я творил **напевно**, Вы это **как** же тонко мне уяснили! О<льга> А<лександровна> живет творческим волненьем, но надо еще **волею** и... **покой**. Она **спешит**..., а «служенье Муз не терпит суеты». Ка-кая же нужна выдержка!... и — **жертва.** О, источник неиссякающий, неупиваемый... — Пушкин! Вечный Учитель. Явление необъяснимое, неповторимое. **Кто** — Он?!.. Прометей... Чудесного огня свет и жар в Нем... жар не сжигающий, а очищающий. О, помогите мне, внушите ей...! Никто... — Вас нет в «никто»! — не перевел бы «Богомолье», как она.

«Заветная мечта, исполнится ли она? — О, Боже, не отринь моленье!... — Да, светлой волею полна, — Создаст живое воплощенье!.. — Исполнена Родным, Родное передаст, — На языке чужом споет про «Богомолье», — Хваление и дар нетленному воздаст — Восторгами души и сладостною болью!..» Опять, будто и стих? Видите, все еще Шмель не стих.

Думаю, что Вы получили «Лу вуа селест». Как Вы находите перевод? Я слышу мой напев, **мое** удержано. Литер<атурные> французы оч<ень> довольны и романом, и переводом: «совсем не чувств<уется>, что это перевод!» — пишет редактор нантского двумесячника «Оризон», приславший мне «восхищение». Милый Иван Александрович, не получил ответа на — со случаем — месяца три тому посланное письмо Лютеру! Если можно, помогите дознать, — 1 — цела ли рукопись, 2 — сможет ли Л<ютер> рассчитывать, что его перевод будет **приемлем** для швейц<арского> изд<ательст>ва? Слыхал, что относятся сурово к н<емца>м, если хотя бы «пятнышки»...! Но Л<ютер> не был н<а>ц<истом>. Что присоветуете? Страшусь, если возьмется за пер<евод> К<андрейя>! о, страшусь!.. Л<ютер>, боюсь, подсушит, «П<ути> Н<ебесные>» надо переводить... женщине! Да, да!.. О<льга> А<лександровна> могла бы... — она **живет** в «П<утях> Н<ебесных>», как мно-гие... — **знаю**. Лектриса издат<ельства> «Павуи», на русск<ом> не знающая, но очень «изысканная» и знающая, **чего** надо требоват<ельному> чит<ателю>, прочтя в верстке, сказала: «я оглушена... свежо, ново, мощно!» Ох, боюсь.

Книга вышла в сам<ом> конце летн<его> сезона, из-за забастовки — 3 недели! — брошюровщиков, и «лансирование»[108] изд<ательст>во переносит на сентябрь (м<ожет> б<ыть> изменится все, сезон продлится, 29-го — Мир<ная> Конф<еренция>), когда будут «эталяжи» в центр<альные> магазины Пар<ижа>, с портретом автора и проч., а пока гонит книгу за границу и по провинции... ох, страшусь неуспеха... хотя меня и обнадеживают... запрашивают о праве на «Л<ето> Г<осподне>», «Богом<олье>» — ! — и «Чашу»... — но что изо всего высеется — не вем. Для Англии переводится «Про одну старуху» и «Кам<енный> Век», хотя издатель лишь в туманности... — но переводчица — русская и отлично влад<еющая> англ<ийским> литерат<урным> языком... — «две недели — как оглушенная, не может отделаться»... — и умоляла разрешить ей... — разрешил. В ноябре д<олжен> появиться ром<ан> «История люб<овная>» в друг<ом> фр<анцузском> издат<ельстве>. В сентябре у вас выходит избранный мною «Чехов»[109] — в одн<ом> томе, с моим предисловием — для европ<ейского> читателя — я был счастлив исполнить заветное — сказать **им** — что такое русский национ<альный> писатель, и почему — в сущн<ости>, «о сущности души русской» — о чем я в 37 г. читал на «Днях Культ<уры>» в Праге, говоря о Пушкине... Чехов открылся мне по-новому! Не расказните меня, великий Мэтр! Умоляю: пришлите Вашу речь о Пушк<ине> — читали в Риге, Берлине... Столько слышал о ней, столько потрясенных! О, пришлите, упьюсь!

Был «искуситель» у меня, которому пришлось «снять маску»... от сов<ето>в..? Уве-рен. Но о нем лучше лично... Я был «в форме» и «в воле». Сказал, что сов<есть> велела. Узнал от него, что «вчера Б<уни>н завтракал у Богомолова[110]... но ехать пока не собирается». Я сказал только, что И<ван> А<лексеевич> никогда не жалов<ался> на плохой аппетит... А мне обещалось — «все издат<ельст>ва для Вас открыты». Тут вышел любопытный «упорчик», на мой напорчик: — «для **всего** моего?» Заминка... Агент, — химик, б<ы>в<ший> невозвращенец, ныне возвращающийся, просил: «не можете ли письменно изложить все, что Вы

изволили высказать?» — и так<им> обр<азом> обнаружил себя. Я ответил экивочно-пифийски: «прошений не подаю и о милости не ходатайствую». Тогда: «ну, хоть мне лично, в п<ись>ме?» — «Да я же вам **лично** сказал, запомните...!» Просил новой аудиенции, получил согласие, назначил день и час и — не явился. **Пока**, очев<идно> — **соображают**. — «И<ван> С<ергеевич>!... теперь особ<енно> важно укреплять престиж Р<о>ссии!..» — «Рус<ская>-красная армия дост<аточно> укрепила!» — «а для букета?»... ну, какой же я «цветочек»?!.. я сам по себе. «Богомолье» не издадут, а?» Так чего же мне **там** делать? мух гонять, а то и... кормить..? Тут я хоть иност<ранца>м про Россию **излагаю** и сие мне отрадно». И еще, я: «пусть снимут оковы с духовн<ого> русск<ого> потенциала, вот тогда и будет — **престиж**!» — «Как, говорю, Кремль не понимает, что сие и для «продукции» оч<ень> выгодно! а чего **им** бояться, **теперь**-то, если пойдут крестные ходы, отворятся врата Оптиной, пойдет по миллионам сердец мое «Богом<олье>» и «Лето Госп<одне>» с «Путями»?!.. Вот, когда **пойдут**, тогда и я... **пойду**, никак не раньше». Принес в дар книжку «Русский Сборник», **им** изданную. Там Бун<ин>, Тэффи, Ремизов... он, — Пант<елее>в[111]... — «не откажите дать мне для 2-й кн<иги>». — «Ничего нет. Главки из «Путей» не могу печатать, как и из 2 кн<иги> «Л<ета> Г<осподня>» — «лоскутки» выйдут». Так и оконч<илась> «беседа».

Оч<ень> замотан, и работой, а главн<ое> посетителями! Была еще красавица, кем-то посланная — элеганс! — 28 л<ет>, пианистка, **читательница**, чешка-полуполька — Славица Златка! Вся — златая и мястно-розовая. Очаровательна. Предлагала — femme de menage[112]... — «Сл<ишком> элегантны!» — Ну, — улыбка, зу-бы! — переписка, корресп<онденция>...? — Сам. — Ну, м<ожет> б<ыть>, Вы скучаете? — Ни-когда! — Пришла от мессы с молитвен<нико>м! — Читала меня по-чешски и франц<узски>. По-русски говор<ит> смешно — и — глазами — девочка, дитя. Муж убит на в<ойне>. Написал ей, напевая: «не искушай меня...» — приходите раз в неделю читать мне... по-франц<узски> и — говорить о музыке... — Жаль было отказать чит<ательни>це, но я на-чеку.

Обнимаю Вас. Наталии Николаевне полного здоровья. Пришлите о Пушкине.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> (да, сейч<ас> Ваше п<ись>мо. Полного выздоровления Н<аталии> Н<иколаевне>!)

411

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<13.VII.1946>***

<Открытка>

13.VII.46.

Дорогой друг Иван Александрович,

Сейчас, проходя на почту, получил от консьержки горный цветок — эдельвейс! Представьте, с завязью! Возблагодарил Господа за явленное чудо, спешу — на почте — калечным пером «для всех» — возблагодарить Вас, дорогой. Да пошлет и Вам Всеблагий не только розы альпийские, но и «иерихонские»[113]! — и́же и́ в засуху расцветают от влажного вздоха. Бу́ди, бу́ди! Полного здровья Наталии Николаевне! Вкладываюсь в работу («Л<ето> Г<осподне>») — надеюсь за 1 1/2 мес<яца> свершить сие заветное. А там в путь к «Путям». Фр<анцузские> читатели запрашив<ают> издат<ельст>во — когда... «дальше»? Обнимаю.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Вчера послал Вам закрытое[114].

<Адрес И. А. Ильина:> M-r le Professeur
D-r Iv. Iljine
33, Zollikerstr. 33
Zollikon b/Zuerich
Suisse.

<Адрес И. С. Шмелева:> 91, rue Boileau, Paris, 16-e.

412

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<3.VIII.1946>***

3.8.46.

Дорогой друг Иван Александрович,

Все острей тревожит меня молчание Ваше... Как выздоровление Наталии Николаевны? Где Вы с нею?

М<ожет> б<ыть> отдыхали на вольном воздухе?... Ничего не знаю — лишь гадаю.

С фр<анцузской> книжкой — что? — тоже путем не ведаю. Выпустили в самом конце (крайнем!) вешнего сезона парижского, все литературное в распылении, пока гонят книжку за границу и в провинцию. *Здесь* будут «проводить» — в сентябре!... — ? Отзывы провинц<иальной> печати — поскольку знаю от переводчицы и представ<ителя> изд-ва du Pavois, — добрые, порой и восторженные... Оч<ень> хвалят и перевод. Один шалый (а м<ожет> б<ыть> и «с целью») пустил: «этот роман пользуется огромным успехом в URSS[115]...» (?!) «Блеск императорской России так явно влечет сов<етских> читателей». Отзывы отдельных французов-чит<ателей> — 3—4 — т<ак> ск<азать> «избранных»: роман сов<ершенно> **новый**, глубокий...» Одна из элиты заявляет: «отныне эта удивит<ельная> книга — моя настольная... каждая ст<рани>ца дает мне столько мыслей, подымает столько в душе...» Но это, м<ожет> б<ыть>, «белая ворона». Пока ни в одной парижск<ой> газете или «литер<атурном> обозрении» — ни словечка. Книгу старались проводить в клерик<альную> среду. Я — не уповаю. Был «литер<атурный> хроникер» от France-Soir[116] (tirage[117] около 500 тыс.), сидел — болтал — слушал, (была и перев<одчи>ца) около часу, но для так<их> вечерн<их> газет нужен «анекдот». Что будет напечатано — не ведаю.

Да Господь с ней, с книжкой. Она мне нужна — для обихода. «Пути» пойдут своим путем, — Покорны Божьему Веленью. И мы, друзья, свой путь найдем... — Прибудем в срок по назначенью».

Изводят меня болезнь, последствия рожист<ого> воспал<ения> прав<ой> стор<оны> лба: с 21 апреля (с ночи на Пасху!) вот уже 105 дней. Глаз к<ак> б<удто> очистился от кровоизлияний... но нестерпимая чесотка лба (пр<авой> стор<оны>), брови, носа (пр<авая> ст<орона>), вокруг глаза и *за* глазом: выдрал бы вот-вот! Это такая казнь, день и ночь... не могу (о, с как<им> трудом!) и переписывать. И машинка портится, и ленты зд<есь> отвратительные... путаются нитками, засоряют...

И душ<евное> сост<ояние> убийственное. Хоть бы прихлопнуло!... — не видеть, не чувств<овать>, не помнить... В таком *мраке* пребывал я первые три года по кончине Оли... Как-то, в отчаянии, смуте, стараясь унять себя, начертал:

«Предела нет Господней Воле,
Число и мера в Нем — **одно**:
И Млечный Путь, и тропка в поле...
Звезда ли, искра... **все — равно**
Все у Него в безмерном Лоне...»

Все это так... но...?! и еще, отрывок:

...Все по силе, я — художник,
Нет предела, весь я воля,
Я — что травка-подорожник...
Подорожник — он художник,
Все следочки слышит, знает,
Все пылинки собирает...
Только — горе-подорожник.
По дорогам много пыли,
Подорожник — что острожник:
Сколько пыли — горькой были!..

И для ча этот дурак-подорожник?! Лучше был бы железнодорожник! (примеч<ание> сочинителя).

Очень прошу — известите о себе, с Наталией Николаевной, тревожусь я.

Вот уже мес<яца> 3 с лишком не читаю газет, из-за глаза. Привык, правда, — будто и не потеря. Но когда же вложусь в работу? А время мчится. Хоть бы закончить переписку 2-ой кн<иги> «Лета Господня» (хотя... для кого? для че-го?!). Перспективы сплошь туманны. **Пока** сов<етские> агенты меня не навещают. Бывший у меня, 29 июня, и испросивший 2-ое rendes-vous[118] на 5 июля, — *не* заявился, и извинит<ельного> п<ись>ма даже не прислал: очев<идно> таковы инструкции: **безнадежно**. Я Вам, помните, писал о 1-м посещении и «сорвавшейся маске». Б<уни>н продолж<ает> в разных журнальчиках пох<а>б<нича>ть... Я не читал — говорят. Что-то гнуснейшее в рассказике «Гость» в 1 1/2 стр. в «Новосельи» (америк<анском>). Кое-что цитиров<ал> мне Зеелер (генер<альный> секр<етарь> С<оюза> Пи-

с<ателей>) из вышедшей в Америке тетрадки — рассказ «Трактир». Между прочим: «На эстраду вышло штук 15 бл-денок»... Богатеет литература русская... **Что — это**?!... На склоне так похабить **словом**, ка-ким **словом**... И при всем таком «излиянии» так безумно бояться намека о смерти! дуновения ее!... Над его квартирой лежал мертвец, сконч<авшийся> в гостях внезапно, доставленный на свою кварт<иру>, над Б<унины>м. С Б<унины>м серд<ечный> приступ (страха!), вызвал экстр<енно> врача!..

«Уж с утра погода злится,
Жмется Б<уни>н в уголок...
А покойник все стучится
Сапогом, и в потолок».

До-стучится.

Здесь — Вы читали? — чествуют русскую литературу правит<ельственны>м банкетом (сейчас, ведь, Конф<еренция> Мира, во главе с 1-м м<инистро>м Бидо...). Представлена она, Дива наша, Ил<ьей> Эренб<урго>м[119] и Симоновым...[120] Поют Ей «славу». Как же «мелко плавал» в «Бесах» Ф<едор> М<ихайлович>!.. Вот, когда — про-славили-то!.. Вовремя отошли Покойнички... Ну, представить себе **теперь** таких вот зрителей, как Ф<едор> М<ихайлович>, Лев[121], Чехов, западник Тург<енев>!.. И — у всех заткнуты рты, но созерцать можно... просят даже! Гремит Русское могучее Слово... и — грозит!.. — великим Эр<енбурго>м! мировым!.. Эх, Максима с Алешкой-то не могли послать во славу России...[122]

Пришел срок быть всесветному бедламу и лупанару[123]. И как же все **последовательно**! Как «осмысленно»! Наметала яиц гадюка — выклюнулись гаденыши... наметали яиц... и т. д. И стал мир неохватным гнездом гадючным. О-правдано. «По плодам их узнаете я»[124]. Одначе... почти что и не узнают. И посланец велик<ого> Сл<ова> Рус<ского> (само оно **там**, в колодках) — И. Э<ренбур>г грозит и всемирно выраж<ает> уверенность, что в «возм<ожных> обст<оятельствах>» сия прекр<асная> Марианна в шлемике «буд<ет> по ту же сторону... баррикад» (!) (не могут без

«б<аррика>д»!) с великой и проч., и проч.,. И Конф<еренция> Мира слушает... как «е-к из борд...» — взывает к ми-ру в мире. Это не плоше «атомической»... Следовательно: анатомия грядет... «Грядет час в онь же...»[125] Да, вонь... но «живя в нуж<ни>ке, обыкнешь г-ну», по слову Солнца[126]. Ох... где ты, чистый снег Гауризанкара[127]?!.. Лавиной ринься и — упокой!.. Спят чистые... — и снега, и люди. Попрыгивает вечный... бес. Где же твоя Десница, Господи?!...

Отзовитесь — на мою тоску, на всю пустоту, что заполоняет меня!.. Уж и вопить сил не стало... Да и — **негде**. «Неслышен звук в пространстве безвоздушном...» Доколе, Господи?! И не выдавишь из себя аввакумовское долготерпеливое... «Ничего, Марковна... ино еще побредем...»

Сердечный привет Вам, милые.

Ваш, в пустоте звякающий, Ив. Шмелев.

Если можно, пришлите Слово о Пушкине!

Обещали еще о 3 писателях?

Все верну страховым.

Я так **пуст**: надобно наполнение! ***от*** Вас, дорогой Ив<ан> А<лександрович>. Молю Бога, — но к<а>к мало у меня сил для молитвы! — чтобы все у Вас было благоденственно.

Ив. Ш.

413

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<19.VIII.1946>***

19 — VIII — 46.

Дорогой Иван Александрович,

Я больше месяца не получал от Вас ни словечка на мои письма и очень тревожусь, всячески. На днях позволил себе, благодаря за п<исьм>мо, обеспокоить Шарлотту Максимилиановну просьбой сообщить о Вас, здоровы ли Вы, и как здоровье Наталии Николаевны. Жду ответа.

Дня четыре тому — п<ись>мо от Людмилы Горной, из Цюриха. Она вырвалась, к<а>к Вы знаете, из Герм<ании>, с благодарностью пишет, что, случайно с Вами встретясь, она получила от Вас огромное душев-

ное укрепление, что через это в ней затеплилась надежда, — больше — вера, — что жизнь **не** прерывается, что все обновится и для нее, юной, и вернется опора и свет **семьи, дома**, — зарубцуются раны... Дай Бог! Я старался поддержать в ней эту веру. Посоветовал скорей вырвать отца и мать, и тогда будет у нее **устой**. Она очень впечатлительная девушка, — я ее помню десятилеткой, что ли, с 36 г. С Горным мы были в доброй друж<еской> переписке... да-вно. Получил жуткое п<ись>мо от Раисы Гавр<иловны> Зёмеринг... — были страшные испытания пережиты... «ныне, без содрогания не можем слышать родной речи...» Милочка ее в Мюнхене, больше месяца, чего-то изыскивает. У ней отличная голова... и — воля.

У нас мало света, про-света... что говорить... Я вхожу в рабочую колею, бьюсь с неналаженностью жизни, все рвет и комкает... «сам за все». Как все это мешает, терзает... Последствия 4 мес. болезни не проходят: ужасный «чёс», глаза правого, *за* глазом, лба... — никто и ничто не помогают. Жду лекарства голл<андского>, от знаменитого гомеопата. Ольга Александровна поразительно **выросла**, страшно душевно-творчески богата... в живописи успехи очень большие. В **слове** — поразительное оправдание моих надежд, — богатый словарь, чудесно-исключительная образность. Могу судить. Тут, поверьте, **ничто** не служит ослеплением или наваждением... — нет: я, старый служака **слову**, **вижу**. И посильно советую, **как надо**. Женщина высоких добродетелей и дарований. (Не улыбайтесь саркастически, к<а>к Вы изумительно умеете, — не гимн! С этим не могу шутить, это — святое: слово.) Жаль, если недостаток воли или другое — сложное хозяйство и недуги — помешают проявить-ся в творческих созданиях.

Дорогой Иван Александрович, недоумеваю и тревожусь: **что** за причины, — не дождусь от Вас словечка, живого!? а так оно порой необходимо!... что за «вечная мерзлота» и мерзость округ! 4 мес<яца> как не читаю никак<их> газет. Как бы повесил себя в пустоте... но надеюсь привыкнуть «быть с собой». Тоска по родному... Вырвалось стихами... — «Марево»... м<ожет> б<ыть> пришлю... и — «метаморфозой» — «Овидия», для

оттяжки... с «аттич<еской> солью». Но не смею обременять Вас, пока не получу от Вас словечка и **разрешения** моих тревог. Как здоровье Наталии Николаевны? или Вы почему-либо охладели к Ш<меле>ву?... Это было бы мне тяжким испытанием... — я так одинок на свете! Если бы не п<ись>ма О<льги> А<лександровны> и ее участливость ко мне — **хоть уйти**!.. (Я писал Вам, к<а>к мне было **послано**.)

На днях получил «швейц<арскую> пос<ыл>ку», от Вас! Осветило и... затревожило: все ни словечка на мои запросы-письма. Горячо благодарю, тянусь, влачусь... живу. Неприбранность в моей жизни ужасная. Терплю. Столько дней теряю на... «хозяйство», а тут еще вот две недели моя старушенция, что приходила дважды в неделю, запропала. Выручает мно-го племянница... — навещает и приводит в порядок мой хаос. Да еще этот недуг... непонятный... изводит. Слава Богу, посылки приходят, но мало что мне подходит... — у меня режим суровый, а то свалюсь, язва моя нет-нет — грозится. Тогда — конец, ежели сорвусь, — бо-ли! А писать охота есть, воображение не ослабнет, воля к работе — горячит...

Вчера — авионный прилет, приветный! Спасибо Вам, друг чудесный, светлый. Писательство наше все — в разброде... в щетине... — я в сторонке. Бунин выпивает регулярно и... порнографит... — явно. Не читаю. Вышла «история русской литер<атуры>» — Тхоржевского, не видал... хоть есть там обо мне, обо всех. Мне советский человек (тот, посетитель!) вчера докладывал «Вас — о, как **знает** читатель и писатели!...» ссылка на слова Симонова. Еще бы **не** знать!.. Ремизов печатается в «Советск<ом> патриоте» (от «гостя» узнал). Не видал его мес<яцев> 4—5. Меня искушали... («для сборника»). Нет — у меня — **ничего нет**... и не будет. Переписка «Лета Г<осподня>» застряла из-за порчи машинки (все запуталось в нитках, ужасные ленты!). Вчера поправили, чуть... ну, сорвется опять!.. Все израбатывается... но **душа** моя еще живая.

Все же, перемогаясь всячески, не уповал ни на что. Пьяница к вину тянется, а я... все — «заканчивать надо,

лови дни...» — тянусь и тянусь к незавершенному. О ходе книги франц<узской> пока точных итогов нет: лансировать будут в сент<ябре>, теперь — «разъезд». Провинц<иальные> отзывы «критики» приятны пока, но знаю лишь понаслышке от перев<одчи>цы и изд<ательст>ва, случайно... — мне как-то безразлично — **дойдет** или нет до фр<анцузской> души. Только с матер<иальной> стороны — щекочет — что будет? Выяснится лишь в конце октября... Говорят — нравится, а как идет книга... не знаю и не спрашиваю... — что Бог даст.

Благодарю Вас за все обо мне заботы. Вы не представляете, как я ограблен жизнью, — не видеть Вас, не слышать Вас, не — заряжаться Вами! Вот — важнейшее лишение, первейшее, за утратой моей святой усопшей... Но знаю: она печется обо мне, недостойном, и **оттуда**. Крепко знаю. Вы не представляете мое одиночество в жизни... оно затеняется, когда я завлечен — пишу... Но очень отрывают ненужные посетители. Тоска по России порой выше пределов крайнего, — до болезни... Вот, в такой-то тоске — стихи, недавно, — впишу, на заключенье п<исьм>а:

МАРЕВО

Вся снеговая-голубая,
В ином краю приснишься Ты,
Иль яркий день чужого мая
Напомнит мне Твои черты, —

Я, весь в плену воображенья,
Воздвигну светлый образ Твой
И, верный раб отображенья,
Весь день живу я, сам не свой.

Так знойный свет в степях Востока
Покажет марево-обман —
Зеркальный блеск и синь потопа —
И вмиг развеет как туман.

Была Ты... да? теперь — какая?..
Все та же ширь, все та же даль?..
Вся снеговая-голубая,
Вся — свет и светлая печаль?...

Пусть Ты совсем другая стала,
Чужая вся, и вся — туман...
Но лишь бы маревом предстала —
Испить чарующий обман.

4–5 авг. 1945. Париж.
Ив. Шмелев

Писанье стихом как-то обманывает, дает утишение всяческих болей... вводит в **рамки**, взнуздывает, вводит, именно, «в мерный круг» — «укороченной уздой». Помните — «Кобылица молодая...»[128]!

Я ныне уже «старый мерин» — и все же перекипаю-вскипаю порой, и мне нужен «мерный круг» и «укороч<енная> узда», — для, благословясь, приступа к 3 ч<асти> «Путей». Они уже **требуют**, — «кончай же!» «Пора, мой друг, пора... — Покоя сердце просит...»[129]

Как-то одна старушка слезно вопросила старца Варнаву: «Ба-тюшка... да когда же успокоюсь-то, ми-лы-ый..?» — «А вот, родимая, успокоимся, как пропоют над нами «Со святыми упокой...»[130] — ответствовал.

А пока никакие «упокои» не сдержка: только-только **пропели** Евлогию, как — раскол... да ка-кой!... — ожидается. Назначен Серафим, а его ни пастыри, ни больш<ая> часть пасомых не желают **принять**: «пусть служит, а поминать его не будем». Сейчас это очень всех взбудоражило. Вчера с амвонов объявлялось от арх. Владимира: «назначен митр. Сераф<им> Главой Зап<адно>-Русск<ой> Ц<еркви>. Принимаем к сведению, *не* к исполнению». Тел<еграм>ма от Патр<иарха> Константинопол<ьского>: «едет из Лондона Германос... расчленит **все**». Германос — ломать нос?.. кому?.. **Смута**. Вот уже именно — **«вся — туман»...** И все — туман. Я зрю. Нет сил, ни воли — **входить**: у меня толкающее: пора заканчивать, «не вдавайся».

Но... молю: отзовитесь или — **прояснитесь**. У меня один в мире **друг, Друг** — Вы, (кроме — **дружки** — О<льги> А<лександровны>! — (но она — дадена мне Мил<остью> Божией — для руководительства в твор-ч<еском> пути: так **задано.**) И Вы забыли меня. За что?! Я оч<ень> **мнителен**... думаю, как погрешил, чем?!...

Ну, к<а>к Вам Господь на душу положит... Напишите, хотя бы, что Наталия Николаевна **выздоравливает**, оправилась, и Вы — покойны. Тогда я б<уду> покоен.

Ваш всем сердцем. Благодарю за **все**.

Ваш Ив. Шмелев.

414

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<26.VIII.1946>***

26 VIII 1946

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Ради Бога, не беспокойтесь и не огорчайтесь. Я почти уже выходил Наталию Николаевну, но с середины июля начал изнемогать сам и к концу июля изнемог от перенапряжения. Уход, кухня, провизия, посетители, очень трудная корректура моего немецкого Гегеля (420 стр.), очередные работы для заработка, тревога о друзьях по всем направлениям (Австрия, Герм<ания>, Франция), налаживание им помощи и паспортов. Все *не* катастр<офическое> откладывалось. С конца июля доктор велел мне лежать quantum satis[131]. Вот и все. И отсюда «молчание» мое. 9 авг<уста> я послал Вам рукопись моей книги, заказным с приложением записки для франц<узской> цензуры. Дошла ли? О *прочем* вижу, что дошло; и слава Богу. Пушкинскую речь не посылаю. Она была Вам послана в 1937 году и где-нибудь у Вас стоит на полочке. 10 глав (новых) Лета Господня дошли до нас. Я читал их больной Наталии Николаевне по вечерам, и мы оба отводили тем душу. Спасибо! Мне очень трудно ответить подробно на Ваши чудесные и богатые письма. Надо оправдаться и отдохнуть. Одно скажу: по поводу глаза *обратитесь к хорошему гомеопату* (потихоньку от Вашего аллопата[132]!). Аллопаты многого не знают. Ваша ясеневая настойка помогла мне, спасибо. Но теперь уже и другим. С начала сентября уедем на отдых, вероятно в горы. Оттуда напишу лучше.

Обнимаю Вас. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет серд<ечные> приветы. О церк<овных> делах знаю подробно от Карташева.

Ваш ИАИ.

<Приписка:> После отъезда — адрес прежний: Zollikon, мне перешлют.

415

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.IX.1946>***

4. 9. 46.

Милый друг, дорогой Иван Александрович!

От души отлегло, — слава Богу, Наталья Николаевна выправляется. Мне написала Шарлотта Максимилиановна, что заболевание — нервного порядка, — итог тяжелых переживаний за годы, от всех **зол** в мире и, особенно, от тяжкого бремени, выпавшего России; душе глубоко чуткой и все хранящей в своей глубине такие перенаполнения, конечно, дают в конце концов **заряжение**, — болезненное, явно выражаемое то в полном упадке нервных сил, то в их бурном проявлении. Важно, что Наталия Николаевна органически здорова. Значит, необходимо медленное, ритмическое «разряжение» и отвлечение в отдохновении, приятной и неутомительной деятельности... — для меня в так<их> случ<аях> бывало полезно решение тригоном<етрических> задачек (Цезарь — «De bellu gallico»[133]), пасьянс, механич<еский> счет... — что чутье подсказывало. А лучше всего — газет не читать и ничего не слышать о современном. Я вот 5-ый мес<яц> не читаю газет. Потери не вижу.

Получил Вашу книгу-машинопись — «О тьме и просветлении». Прочел, и буду еще читать. Труд Ваш, поистине, огромный и плодоносный. **Так** еще не давали, насколько знаю, «анатомии» и «психологии творчества». Эта книга вытекает из Вашей теории эстетики, выраженной так блестяще в труде «Основы художеств<енного> творч<ест>ва» — «о совершенном в искусстве». Теория Ваша, по-моему, уже **не** теория, **не** «гипотеза», а — **закон**. Как бы увенчание всех теорий. И как же Вы ее художественно-четко применили! И свет, и блеск. **Так** глубинно, и так осязательно еще не разбиралось творчество данного художника. И теперь видно: *так*, только **так** и можно постичь его. Вы дали не наброски,

не силуэты, не портреты: Вы дали — **лики**, живые. Дали — **сущности**. Вы вскрыли то, что и носители этих сущностей не сознавали вполне, — в чем эти «сущности». И дали художественно-предельно. Акт «родового инстинкта» в иск<усст>ве Бунина... — это Вы, единственный, поставили такой точный, тонко-художественный диагноз! Вот уж, именно: иск<усст>во Б<уни>на — все в «комплексах», вытекает из темных недр очень властного полового инстинкта, как бы оно ни было закрываемо **цветами** бытия, вплоть до... «космических». Ныне сказалось **это** обнаженно: вся послед<няя> его работа — серия этюдиков последнего росчерка его старческого пера, — растеряв **цветы** прикровенности, от ослабления творческого «дежурного аппарата», от бессилия и от... «несдержки», — крики-вопли гаснущего импотента во всех смыслах, попытки приглушить ужас-крёхот **конца**. Художник внешнего опыта, Б<унин> ярей действует ныне — внешними средствами, но впустую: он даст еще более обнаженные образцы, может в всевластную паскудографию впасть... — да и впадает! — и кончит слюноистечением. Таков **мой** вывод из Вашего неумолимого диагноза. Душа не стареется — она богатеет и **молодеет** с годами, и ее внутренний опыт с годами насыщается тончайше. Из тлена рождшееся, чувственно жившее, — сникает вместе с распадом тленного.

Отлично дали и акт Ремизова, его «запутанность», его страхи жизни, **Жизни**, представляющейся ему — Неумолимой и как бы тупоглазой. Он знает это, но хочет **дышать**... — и при своем богатстве матерьяло-слова находит выдыханья, пусть кривясь и юродствуя, чтобы забить, доколотить в себе этот **страх**. И людей жалеет — **от себя**, **через** себя, всех, когда может протащить через себя, — наделяет тем же корче-страхом, до заклинаний, до... чудачеств. У него тоже «комплекс» — есть и от «пола»! — куда сложней инстинкто-поло-комлекса... с большой примесью... «богобоязни». Чистого Бога я не найду у него, ему бого-чудачки ближе... — отсюда и многие кривизны его Миколы. Отсюда и переслойка «времен», — как бы сны

в снах... Но сны эти или больные, или на-виденные... — он, за нехваткой снов Жизни, творит их сам... — надо же как-то **жить**, свычно душе — **образами**. Я чувствую, что Ремизов вызвал в Вас большое напряжение и утомленье духа. Искусство его — нелегкое, не-чистое. Оно страшно изувечено, в надломах и неудачных сращениях этих надломов, и потому — стоит нередко у входа в патологический отдел клиники. Он старается уйти от него, укрыться в **ребячье**, заиграть себя игрушечками, но не в силах заиграться. «Лунатик» в искусстве. Не всегда забывающий, что он **не** лунатик. По «карнизам» ходит, а голова кружится. Кажется порой, что это игра в «лунатизм». И все же он очень непосредствен, «юрод», с глазком-прищуром. Мешает ему **отдаться** — ярая любовь к **слову**. И, как обиженный ребенок, не может обойтись, чтобы не ударить по причинившей боль «бяке». Для меня он, вообще, **темный** в смысле, напр., — «темная вода». Скорбь и боль очень ему чувствительны, до подкожной боли-горенья... и выход у него... лишь в воздыханьи-вскрике. Путей не видит, их нет. Вы его дали осязательно-верно, при всей его «неосязаемости». Он болеет страданьями других через свой... **страх всего**.

О себе не смею говорить: земно кланяюсь. Поражен, потрясаем, озираюсь до непостижимости, как можно так **видеть**! Для сего надо **чудо**, или **два чуда**: 1. — гениальное мастерство проникновенности, 2. — чудеснейше-точный инструмент-лот глубин человеческой души, и — творящей души! И еще: надо большое **сердце**. Без такого Сердца, хоть и при всех других высоких качествах, познание и раскрытие Искусства — глубинное! — недостижимы.

11 ч. ночи, стук прекращаю, перехожу на перышко[134].

Вдохновенно приветствую Светлый день Ангела светлой Наталии Николаевны. Полного покорения недуга и — благоденствия! Вас — с дорогой Именинницей. Мысленно шлю торт, от Флея[135]. Где теперь Флей? Где торты?! Попали в... реторты. Ну, «придворные поставщики» все же — поди, имеются... Молюсь всем Святым, поднятым мною в «Кр<естном> Ходу», в

«Донскую». Звон и блеск... Молюсь о Ваших здравиях и благоденствиях. Дал бы «трезвон», как кренделю. Кренделя — поди, выпекают, но трезвонов не допущают, разве кремл<евский> Владыка себе потрезвонить повелит. И тогда зазвонят колокола, даже и в <*неразб.*>.

Не радует меня некий «душок», тянущийся из страны сыров голл<андских>. Я уже и окрысился. А потому — питаются вонючей жвачкой подворотных зазывал «Р. Н.»[136] — иначе Ревекки Наумовны, к<а>к именуют. Там верят в преображение! И даже делают мне предложение... *поднести* «Л<ето> Г<осподне>» и «Бог<омолье>» — **отцу** Флексию — «да издаст на возрожд<ение> всего р<усского> н<аро>да!» О-ткуда сии невинности?!... М<ожет> б<ыть> разряжусь злым стишком.

Рев<екка> Наум<овна> академич<еская> ст<удент>ка Б<унина> — pro domo sua[137]. Здорово себя отпорол, все воробьи животики надорвали — сплошн<ой> понос парижско-воробий. Метил в Тхорца-ворону (sic!), — попал в быка (Lovis!). № от 30 авг<уста>. Да еще и с факсимиле! Перл ака...-де-ми-че-ский. Говорят (злые языки), что в рукописи ст<удент>ки было... по-мат... (не по-математически). На Тхоржа манна — лишн<ие> 5 экз<емпляров> купят его свистории[138]. Есть, чего рассказать — обо всем — да... молчание — золото. Кто е знает? Говорят, где-то еще... книга пишется про Кр<асную> Шап<очку> и дядю-Волка. Свеженькая и д<олжно> б<ыть> **талантливая**. Слухи от Алданова, пробывшего с мес<яц> в Пар<иже> и — назад. Видал, будто, свеженького автора «с мест». Я Алд<анова> не видал: он на меня с весны (1940) грозится за «ягненка».

А пока, чая, что Вы, милые, в горах и высях, потешу Вас (только Вас: Нат<алии> Ник<олаев>не «запрещено цензурой»!). Вы, м<ожет> б<ыть>, и распекете меня, и все же и поулыбнетесь

«Улыбкой горькою обманутого сына
над промотавшимся **отцом**...»[139]

(над забормотавшимся?).

Но — это передышка моя, разгулка. И почему такое вышло?.. Очевидно, по Фрейду (шулеру, вообще!), «разряжение комплекса»:

Galli

(Тоник перевел — «Петухи». На то он Тоник.) Такое получилось:

При раскопках на Boileau (против окон переводчика) найдена старинная кожан<ая> сума (военн<ого> образца) с римским орлом.

В оной сумке (м<ожет> б<ыть>, центуриона?) оказался римский грош — 1/100 сестерции (д<олжно> б<ыть>, не ахти платили!) и перг<аментный> свиток (не свисток), отлично сохранив<шийся>. По разборке следов стилюм'а обнаружена — предстала «metamorfosa», пораз<ительно> ярко схожая с Овидиевыми... — по стилю! Перев<одчи>к домекает, что это одна из утраченных... с неск<олько> символико-сатирич<ески>-шуточным оттенком (?!). Фантазер, понятно. Galli — Петухи. Ну, что тут удивит<ельного>, что Romani «сбросили» Gallos?! Те сквернили, а сии (R<omani>) осквернились?!... Что кас<ается> «весталок», надо полагать, что это пародия на громкий весталоч<ный> скандал... один из многих. О чем читай: процессы Катилины, у Саллюст, Катулла... Есть и у Светония. М<ожет> б<ыть>, под Римом надо разуметь Лютецию?... Одни домёки. У Тоника глаза и зубы разгорелись... Ну, маленько и посвоевольничал... Помните? —

«В часы забав и праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей».

О, Филарет, снизойди! Тоник Вам знаком досконально, и Вы окажетесь, воистину, — Милостивым.

Петухи (Galli)

— метаморфоза —

Перевел с лат<инского>
вольным стихом Тоник.

Вечер марта. В храм весталок
Залетел шалун-Амур.
А весталки в эту пору
Загоняли на ночь кур.

Затревожились весталки:
— «Сестры, где-то тут... Амур?!..»
А старуха заорала:
— «Загоняйте, дуры, кур!»

Кур загнали — и за прялки,
Стали прясть и цокотать,
А шалун своею стрелкой
Ну, легонько щекотать...

Взволновалися весталки,
Груди томно поднялись,
И нетронутые щечки
Нежным светом занялись.

Занялось и что другое... —
У весталок та же стать, —
Не сидится за работой, —
Так и хочется сказать.

А мальчишка, с храма Весты,
Стрелкой, стрелкой... — «Ха-ха-ха!...
Все-то курочки — невесты,
Почему без петуха?!

Шалунишке не сидится,
Лук потуже натянул,
Выбрал девочку покраше —
И, нацелившись, метнул.

— «Ах, весталочки-сестрицы... —
Вся пылая, говорит —
Ах, не знаю, что со мною...
Все как полымем горит..!»

Баловник — другую стрелку...
Третью... пятую... метнул...
Завершив игру старухой,
Улыбнулся — и порхнул.

Что тут сталось! Все весталки —
В страстной пляске... — ха-ха-ха!
А старуха завопила:
— «Эй, скорей мне петуха!..»

Покраснел за Тибром месяц,
Поглядел, прищурив глаз...
А на жертвеннике Весты
Огонек давно погас.

Поднялось над Римом солнце,
Засмеялось — ха-ха-ха-а!..
А в курятнике, в оконце,
Слышен вosклик петуха!

Полетели куры с криком...
Нет, не куры... — петухи!
А девчонки к ним навстречу...
Ахи, взвизги, хи-хи-хи...

Обнимают, прижимают,
Руки плещут... хи-хи-хи...
Разыгравшихся красоток
Обвивают петухи.

Даже старая старуха
Ухватила петуха...
Ведь довел шельмец-мальчишка
До такого-то греха!

В тот веселый час разгула,
Сея топ, и бряк, и звон,
Шла когорта с караула,
Вел ее центурион.

Метким глазом Митридата[140]
Оценив сей дар богов,
Он скомандовал: «Ребята,
Ну-ка, сбросим петухов!..»

Миг — и все иное стало:
Вскрики, охи, томный стон...
Знамя римское блистало,
И блистал центурион.

Грозди сочные давили,
Жали кипрское вино,
Жадно пили, бурно лили,
Доставали в чашах дно.

Даже старую старуху
Не минул тот ярый шквал:
И по ней перекатился
Любострастно-мутный вал.

— «Стрройся!.. смиррно!.. честь героям!..»
Марш!..» — и снова бряк и звон,
И пошла когорта строем.
Впереди центурион.

Плохо спал ту ночь Юпитер,
Все Юноне докучал,
Укорял ее за плутни —
И взаимно получал.

Подлетел гонец-Меркурий:
— «Встань, отец богов..! потух!..
Веста... Вечная Невеста...
У нее огонь!.. петух!..»

— «Ни черта не понимаю!..» —
Загремел Юпитер в гром —
И, чтоб мысли прояснило,
Повелел гремуче — «р-ром!..»

Принял, крякнул, — прояснило.
Смотрит — Ве-ста!.. взгляд потух...
— «Ой, Великий!.. дай защиту!..
Осквернил меня... петух!..

Ты ласкал меня когда-то
И теперь волнует кровь...
Вспомни-вспомни, мой любезный,
Нашу прежнюю любовь!..»

Поглядел Юпитер, хмурясь,
И потер себе щеку... —
След ночной, понятно, бури-с, —
Слышат вдруг... — ку-ка-ре-ку-у...!

Тех... вир-ги-нэс... цензор морум[141]
Огласить: «донатур дос!»[142]
Да поют священным хором —
«Санкта Виртус амат нос...!»[143]

Что такое?!.. А Юнона, —
Ей балушки да смешки,
Зна-ла Весту, Всеневесту... —
В смехе зубки... — «Пе-ту-шки...?!..»

Так невинно, как бебешка,
Озирая Рим, реку...
А совсюду, что долбежка,
Все глушит — ку-ка-ре-ку-у...!

Понял все Юпитер ноне,
Кто в сей смуте виноват,
Погрозил перстом Юноне —
«Квос эго!..»[144] — а все — вива-ат!..

— «Возвратись в свой Храм, о, Веста!
Твой огонь я сам зажгу...
А погаснет, Всеневеста,
Вновь, тобою, разожгу».

Положил всем суд примерный, —
Справедлив всегда он был, —
И Юноне благоверной,
И себя не позабыл:

— «Петухов зажарить, вмеру...
Безобразие убрать.
Нам... — не в очередь, Венеру,
А мальчишку отодрать».

«Старушенцию — Сатиру,
Для утехи в постный день.
Привинтил ей к ж... лиру, —
Пусть бряцают «дренди-дрень».

И когорте дал награду,
Дабы доблесть поощрять:
— «В марте, каждую декаду,
Всех весталок навещать».

Август, 1946. *Тоник.*
Париж

А засим, — воздыхая о гресех Тоника — «неисправим, хоть брось!..» — пребываю в почтении и благоговении.

Ваш, исконно, Ив. Шмелев.

Разрешите подержать малость еще — «О тьме и просветлении». Старое вино пьют, смакуя.

Всяческое распространение «Петухов» воспрещено цензурой (та же все «чопорная дура»). Много охотников до «списать». Читал лишь **понимающим** (из скудных литераторов) и — **препростым**. Вам м<ожет> б<ыть> для архива сгодится. Мой архив всегда в беспорядке, — в полном порядке лишь **все** Ваши — зернистые — п<ись>ма.

Ив. Ш.

Порывистый Тоник думал (!) посвятить «Петухов» некоему о. Флексию для утехи в постный день, но... — и хорошо! — раз-думал. Лучше уж ему... ... ли-ру...?! N'est-ce pas?[145] Злое время — народило ерошланный стишок.

416

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<30.IX.1946>***

30/IX 1946

Дорогой Иван Сергеевич!

Перед самым нашим отбытием пришло Ваше последнее письмо от 4 сент<ября>. Прочли, повеселились (мы — духом свободные!) и с собой на каникулы увезли. Каникулы на сей раз были нелегкие. А почему — не хочется и рассказывать. Поверьте, что было трудно, тревожно и невесело. Огорчало и заботило меня еще и то, что сентябрь прошел для Тони[146] без «сальто-мортале». Как-то он справлялся?.. Да и справился ли? *Планы* сальто-мортальные имеются, а как осуществятся, не знаю. Мировые шестерни так медленны, так скрипучи и недостоверны, что в душе иногда бывает чувство, будто тянут из тебя кишку и тешатся твоим нетерпеливым раздражением... Ну, как Бог даст, а я Вам не забытель.

Жду от Вас *листок с пометками о продуктах*: что́ желательно и приемлемо, а что нет. Пожалуйста, *не разводите «добродетель»*, а шлите мне бумажку назад. Посылки ходят медленно, надо соображать и меры принимать. А то зима придет. Итак, очень жду.

Знаете ли Вы Александра Дмитриевича Александровича (тенор, петерб<ургской> оперы)? Он сейчас в Париже, работает с хорами и пишет об искусстве. Я просил его посетить Вас; его знает Виген. Он будет просит у Вас (*по моему поручению*) текст «Тьмы и просветления». Дайте ему на неделю, но с обещанием а) *из рук не выпускать* б) *вернуть в руки на rue Boileau*[147]. Он легкий, духовно бодрый, и, я думаю, будет Вам приятен и утешителен.

30 августа вышел мой Гегель по-немецки (с опозданием на 25 лет). По объему сокращен, по литературе удвоен, снабжен рисунками, изображающими наглядно — «неизобразимое философское». Издан оч<ень> хорошим бернским издательством. Издано *превосходно*. Большой формат, толстый том, 432 страницы. По предвар<ительной> подписке 28 шв<ейцарских> фр<анков>. После выхода 32 фр<анка>. Подписка (при

полном неучастии Герм<ании>, Австрии и всей Вост<очной> Европы) дала 170 экз<емпляров>. Это успех. Посмотрим, что дальше. Курьез в том, что первые две хвалебные рецензии уже *напечатаны* на обложке книги:

1) Проф. Бубнова[148] в Гейдельберге от 1927 г. 2) Б. Яковенки[149] в Праге от 1943 г. Третья уже была в Neue Zürich<er> Zeitung, теперь.

А за лето я написал по-русски (и теперь заканчиваю) Das verschollene Herz. Все *обрусилось, оправославилось* и *углубилось*. Хочу назвать обратно: *Живое сердце*. По-английски эта книга должна выйти зимой в USA.

Дорогой мой! *Как идут Ваши Пути по-французски?* Как подвигается второй том Лета Господня? Главы из него, присланные Вами, я читал Наталии Николаевне вслух в самый разгар ее болезни, по вечерам. Было утешительно, ласково, по-русски светло и по-русски скорбно.

Господи! *Как нам достать русского издателя?!* Молюсь об этом каждый день.

Очень мучает нас Föhn... Это ветер с гор, несущий с собой какие-то, туземцами доселе неисследованные, электр<ические> *заряды, изнеможения* и *боли*. В этом году (от солн<ечных> пятен), он *почти не прекращается* (за лето 5 дней без него). Что он делает? Слабость, сонливость, перебои в сердце, болят все нервные узлы; давление крови то катастрофически поднимается; то катастр<офически> падает. Больные сердцем и склерозом валяются в припадках или *умирают в одночасье*. *Туземцы* лежат с мигренями и в прострации. Изнемогаем!...

Сообщите мне *обратной почтой*, какое доктора намеривают *у Вас давление крови?* Мне доктор *гомеопат* дал *удивит<ельное>* средство: Scleron *швейц<арской>* лаборат<ории> «*Weleda*» в городе *Arlesheim*. От двух мал<еньких> лепешечек в день давление держится на нормале. Напишите! Сколько у Вас?

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет дружеский привет. Я обнимаю.

Ваш ИАИ.

Писал лежа: Föhn! Пишите на Zollikon: акк<уратно> перешлют.

<Приписка:> Ваша ясеневая настойка мне *здорово* помогла; да уже и не одному мне!

417

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<7.X.1946>*

7. 10. 46. 9 веч. Свежо, ясно.

«...Оглянуться не успела, как зима катит в глаза»

Здравствуйте, дорогие-верные друзья! Все сердце — к Вам!

Милый и дорогой друг Иван Александрович,

Сегодня (7.10), в полдень, — ! — отправил Вам, — наконец-то! — заказ<ной> пакет остатних глав II-й ч<асти> «Лета Господня» (15: XI по XXV). «Ныне отпущаеши...» Вложился, как «Кривая», когда — домой. И... — ... «Что ж непонятная грусть...»? «Исполнен долг, завещанный от Бога мне, грешному...» Тру-дно было. За 16 дней переработал и перебелил 169 страниц! Ле-кор[150]! Нагонял месяцы, взятые и недугом, и прочим. Нагнал, обошел на финише, как «Соловей» морозовский из «Путей Неб<есных>». Но глаз еще в почёсе, порой *зело* (вот и сейчас) донимает.

«Суди меня, судия неправедный...» Остро. Нет, **праведный**. Мне-то уж грех пенять. Третий раз перечитывал гениальный диагноз и анатомию Ваши. Ваша «Эстетика» — вошла монументально в теорию словесности и искусства. Не **вошла**, а вступила и... — «посторонились все другие **народы**...» — почти по Гоголю. Ваше Искусство должно быть ведомо миру. Позор — не узнать его. **Не знать** его! Это совершенно исключительное, исключающее... Как четко теперь видишь — и раньше видел! — пигмеев-лилипутов с перышками... — эти немытые рыла, все это поганство, недотепство, безграмотство, и притязание — учить! — всех этих критиков «лавочки» и со скамеечки приготовит<ельного> класса! Говорю обо всех, не токмо о наших, «насих», но и — с того и другого материка. Иван Александрович! верю, что ни на миг не придет Вам на мысли, что Ш<меле>в говорит все это... «про домо суа»[151]. Клянусь: сознание, перед своим

словом-мыслью-чувством ответственность — говорят тут. Чем больше вчитываюсь — больше постигаю, как верно, необманно было первое впечатление. И — преклонился не только перед дарами, Вам доверенными от Судии Верховного, Даятеля талантов, но и перед тем, особенно, как, **как** эти таланты пущены в оборот... Преклоняюсь перед мыслью и сердцем **человека**. Нет вопроса тут... — Вы — совершенно особенный, единственный во всем мире, Учитель — Мэтр Творчества. Километр!.. — воистину. Вас надо **вкушать**, смаковать, как предельно-выдержанное вино, чтобы внять «букет» — мысли, образы, чуянья, намеки... указанья. Вы сумели дать то, чего **никто** не дал: явно связать земное с космическим, обнаружить эту непостижимую, невидимую «пуповину»... и заставить озирнуться и радостно вострепетать. Вы своею «эстетикой» торите для мира пути к Богу, как ни один из современных, — и не только совр<еменных> «богословов». Незримые россыпи богатства, неоглядные. И — в какой же словесно-четкой оправе! На Вас бу-дут учиться... — но **этому** нельзя выучиться! — поколения и наших, и ненаших. «Памятник» воздвигнут. Вокруг будут крутиться, колебать «с детской резвостью...» — так собаки и вкруг «Пушкина» крутились... и не только собаки... — и что-то **брать**. И немногие лишь постигнут всю глубину и всю высоту, и всю **правду**. Но эти немногие посеют отборные Ваши семена. И новая веха будет поставлена. Она уже поставлена, — увидь и руководись ею. Вы **все** опрокинули и перевернули в приемах критики. И вот теперь, я, неуч, постигаю, что такое та чудесная загрунтовка, на которой выписали Вы свою **картину**: Ваше великолепное образование, — философское, правоведческое, богословское, эстетическое... уни-вер-сальное! — при Вашем уме, вдохновении, **труде** чудесном, — при Вашем творческом, гениальном Даре! Не «акафист» это, а — радостная молитва, молитва благодарения за то, что суждено мне было быть современником Вашим, земляком, дружкой и другом. Благодарю Господа.

Почему было — Вам — на отдыхе — «трудно, тревожно и невесело»? За «сальто-мортале» — по гроб

жизни! И не нудьте себя заботами: и пережил легко, и переживу. Я, ведь, и малоед, мало-пив: много ли нужно птичке, кот<орую> продают за 1 динарий?.. Был бы кров... а пока есть он. И «орудие производства». И — сухарики, и молоко, и масло, и зонтик подарили на днях. И, сл<ава> Богу, нашлась хорошая женщина, — «Плаксина», — прозвал про себя, вида очень удручительного, — но она приходит 4 — !!! — раза в неделю по два часа и стоит не дороже — при б<олее> высокой оплате, в 30 фр. за час, чем прежняя старушка, которая пыль гоняла. Мне и сготовит, и посуду вымоет, — «крест да пуговица»! — приберет, и по лавкам ходит. Только благодаря сему я мог в ле-корное время завершить «Л<ето> Г<осподне>». Ура! «Сальто-морт<але>» зело помогли! Но теперь навертывается договор и дадут авансик: то же фр<анцузское> изд<ательст>во взяло «Неуп<иваемую> Чашу», в **новом** переводе, той же Эмерих. И еще намечается — «Мэри», для юн<ых>. И, каж<ется>, «Богом<олье>» и «Л<ето> Г<осподне>», но это — ? Да и «Пути» *что-то* принесут, сверх получ<енного> аванса, года полтора тому, — 25 т<ы>с. фр. В переводе (и в договоре) — «Ист<ория> люб<овная>».

Что мои «Вуа Селест»? Итога не знаю, пока. Но есть признаки — положительные. Отличный отзыв в «Нув<ель> Газ<ет> дэ Брюс», «авторитетнейшего критика»... — с ним, говор<ят>, считается не одна Бельгия, — П-риес-т. Строчек 150. Пишет: «недопустимо нам, евр<о>п<ейца>м, **не** знать «эвр» Ш<меле>ва. Он имеет все права занять место бок о бок с... (прости ему Господи! — *мое*)» — с Пушкиным (— !!), Гоголем — Тургеневым... и «недалеко от Дост<оевско>го». И краткий анализ содержания. Из ста с лишк<ом> рецензий, — в б<ольшей> ч<асти> «штампиков», — все положит<ельные> или хвалебные. В 2—3 говорится об «общем» **деле** с Поль Клоделем[152], — религ<иозно>-мистич<еский> подход, христианственное... и т. д. «Только у славянского автора **все это** — тоньше»... — «плю сюблим»[153]. Лишь одна рецензия в «Журн<аль> дэ Женев» определенно отрицательная. Неподписавшийся

автор, тут же расхваливавший «Хирурга» Емельяновой — советск<ой> — говорит, приблизительно: «Я не охотник до подобных тем... мне скучно. Но несм<отря> на эту мистич<ескую> вышивку — что ли? — сила — *вехеманс!* — чувствуется, и эта сила автора заставляет его героев быть такими, какими он хочет, чтобы они были!» (уязвление). В заключ<ение>: — «Ш<меле>в не Дост<оевс>кий, Д<остоевс>кий мог овладевать вниманием читателя от первой до посл<едней> страницы. Шмелев дает «ун реплик трюкэ дэ «Поседе»[154]. И все. Конечно, читатели разделятся «на ся»[155]. Есть захваченные всецело. Свидетельства — получ<енные> переводчицей и другими п<ись>ма: для одних «Вуа Селест» — «откровение», «настольная книга», «читаю 3-й раз», «по два-три раза перечитываю главы»... Пишут из «элиты». Редактор «Оризон», двухмесячника, издающ<егося> в Нанте, — типа «Ревю де дэ Монд», — прислал 2 п<ись>ма перевод<чи>це. Восторж<енный> отзыв. Хочет дать б<ольшую> статью в ревю, на ближ<айших> дн<ях> д<олжно> выйти. Просил перевод моего рассказа для ревю. Книгу «выпустили» (лансирование) в Париже лишь во 2-ой полов<ине> сент<ября>, в Пар<ижской> печати — пока — ни строчки, нигде. Как идет книга? Лишь косв<енные> данные, издат<ельст>во еще не имеет метерьяла судить. Вот: один больш<ой> кн<ижный> маг<азин> на рю Риволи, в центре обитания иностр<анце>в, торгующ<их> гл<авным> обр<азом> англ<ийскими> и амер<иканскими> изданиями, — по словам главной продавщицы, — за эти 3 недели «уже 5-й раз посылает изд<ательст>ву нов<ые> требования на книгу: «книга идет вовсю» (!??) Но что это значит?.. Сколько?? В эт<ом> магаз<ине> фр<анцузские> книги «мало спрашивают», и «для нас неожиданно, что «Вуа Селест» так идет». А как в других местах — не знаю. Я настолько нелюбопытен, что не удосужился поехать в центр и посмотреть, как она **лежит**... «как в*и*глядит». Ну... — «суа фата либелли»[156]. Увидим. Не уповаю. А ежели бы прошла... — 10 тыс. тираж, отпечатано, — дал бы мне 120 т<ы>с. фр. — из них получено 25. Цыплят по осени считают. М<ожет> б<ыть> на куриный суп набежит.

Я страшно рад (молился, к<а>к умел), что «ясень» помогла! что — и др<уги>м помогает. Покоряясь Вашему веленью, посылаю листок припасов. Но не тратьте из собств<енных>: Вы не Крез[157], не Захаров[158]. *Нельзя* мне, гл<авным> обр<азом>, соленое сало, консервы всякие (искл<ючение> сардины, — с детства люблю!) — все копченое, но... ох, копч<еную> колбасу уважаю! Ем, когда есть, по тоненьк<ому> кусочку, с чайком. Ничего не пью спиртного, ни-ни. Курю по 4—5 пап<ирос> в день, деля на четвертушки, с мундшт<уком> и ваткой.

А. Д. Ал<ександрови>ча раз слыхал, да-вно. Лично не знаю. Оч<ень> рад познакомиться, и вручу Ваш труд с трепетом и — обусловлю — не выпускать из кварт<иры>. Еще не был у меня.

Поздравляю с выходом Вашего «Гегеля». Да это — «дэ люкс»! Конечно, по 23 шв<ей>ц<а>р<ских> фр... 170 экз. — по подписке — успех! Это же для избранных. Конечно, все пройдет. Америка-то...! Да и Франция, и Север. Как я несчастен, что не знаю — даже для чтения! — нем<ецкой> речи. И это — 170 дорогой книги и **большой**! — без Германии. Но и там, уверен, найдутся покупатели. А оккупанты?.. Сколько из них **там — читатели**! **Что** мы, здесь, мож<ем> знать?! Важно, что выйдет по-англ<ийски> — в Ам<ери>ке! — Ваша книга новая — «Сгинувшее Сердце». Перевернули? — «Живое»? Это хорошо. Но к<а>к больно, что я не знаю книги! Когда же будем знать **все** Ваше?! Го-споди, уповаю, что 2-я ч<асть> «Лета Госп<одня>» не разочарует Вас. Ох, тяжело далась, для **сердца**. Это же испытание...! Эти послед<ние> 9 глав... — е-два приступил к ним, толкаемый, — **нужно**! До с<их> п<ор> для меня **октябрь** — ст<арого> ст<иля> — тяжкий и **больной** месяц. Вздохнешь облегч<енно>, когда минует. Вот, теперь он. И я гнал перер<аботку> и переписку, кончить до... него. И кончил 4-го окт<ября>, 21 сент<ября> ст. ст. — день моего рожд<ения>, 9-го — День Ангела, благословлял меня папашенька. Мне тяжко было писать. **Но не мог не** написать **все**. Я завершил эту родную эпопею. Так, очев<идно>, суждено мне было. **Кто** же из наших мог бы это сделать?! Самой жизнью я б<ыл>

поставлен в **нужные** для сего условия дней-событий, чтобы **видеть** и **знать**. И было дано мне **сердце**, — **восчувствовать** и — поведать. Для **чего**?.. Это нам неизвестно. Но... для **чего**-то. И я завершил. Пропел. Про-мучился. Я много оставил за скобками. Не — по силам... Но как же я был счастлив, вспомнив и показав чудо русской женской души — Анну Ивановну! Вы встретите новые лица. И новые души. И почувствуете — скрытое романическое... — чуть намеч<енное> учуянное детск<им> глазом и сердцем — Поля. Я дал — впервые в рус<ской> литературе — «Соборование». У Толст<ого> — в «В<ойне> и М<ире>» — дано, но **вне** ритуального. Я обрел общее... памятью. И дал, сверясь с Требником. Закрепил. Я дал — от чуткого сердца, многое. Иначе — без сердца к<а>к правы Вы! — **нельзя** написать **наше**. Не было бы ни «Богом<олья>», ни «Л<ета> Г<осподня>». Это — мой капитал. Как «Неупиваемая». Все вышло... «из ничего», к<ак> б<удто> случайно. «Пути Неб<есные>» — трудный **опыт**, **знаю**. С трепетом должен приступить к 3-й и, надеюсь, — послед<ней> книге. Погоню... лишь бы не сорваться. Там **много действия**, и драматичности. Но там — главное: «Рождение». Старцы, Оптино, **наше**. Господи, помози! Я знаю, что люди хотят иметь «Л<ето> Г<осподне>» — обе книги и «Богом<олье>» — их нет. Но где, кто поможет издать?! Не видать мне. Мерекаю... Если бы разбогатеть! Навернулся бы продюктӭр с фильм, я бы разбогател и сам отпечатал. Но... два-жды я отказывал дать коверкать «Чашу». Да и не найти испол-н<ительни>цы для Анастасии. Только русский ансамбль мог бы... Есть предлож<ение> — знак? — на изд<ательство> «дэ люкс» «Чаши»... 500 экз. по 3500 фр. Изд<ательст>во готово затратить около 2 милл., с иллюстр<ациями>. Я ставлю условие: подпишу, но при условии **моего** одобрения иллюстраций. А то — такую «мурцовку» состряпают. Не выношу туши: «Чаша» должна дать русскую расцветку, вся **гореть**. «Ярмарка»! «Крестн<ый> ход»! «Роспись храма»... «Видение Ильи»... — ско-лько!...

Мое, мое... — ладно. Но Ва-шего-то лишен родной читатель! Вот что горько, Ив<ан> Ал<ександрович>!

Надо все употреб<ить>, чтобы — **было**. И Ваше, и мое «Л<ето> Г<осподне>»! Но... ка-ак..?! Виген хотел попытаться вести переговоры с «Имкой», — к<а>к-то случ<айно> связался. Но я узнал, что **там** все русское идет на одобрение и цензуру Билибердяева, если не хуже. Ввалился в г-но — давно целился! — теперь пробует отряхиваться, и размазывает.

Знаете, «Ма-машенька, вздуй огонь...»*, — «Сережа-а-а»... — «Я попал в дерьмо ногой...» — «Ну-к, что-жа-а-а...!» (растяжкой) Это напевается под гармошку, скороговоркой, а потом врастяжечку... «Мама-шенька — дерг плечом! — вздуй огонь!..» — «Сере-о-жа-а...» — укорительно! — «Я попал в дерьмо ногой...» — дерг пл<ечом>! — «Ну-к, что-жа-а-а...» — сонно. Картинка. Так вот и попал, и успокоительной «мамашеньки» не отзовется... Я сказал — дознайте, — если Берд<яев> — я не предложу. Карт<аше>в говор<ит> — все через него! Отпадает. Есть богач — и добрый ко мне, чтит, пишет мемуары, — Дм. Ив. Ознобишин[159], бывш<ий> воен<ный> агент от России. Огромное сост<ояние>, было свое, симб<ирский> помещик, и взял за женой, американской, скончавшейся. Но его состояние было больше. Судите сами: уезжая в 42 ч. в Ит<алию> — вернулся и был у меня с визитом, — ему 77 л. — лицеист и генштабист, — дал хранить некот<орые> ценности приятелю Фермору. У них «украли» — или... они украли? — жемч<ужное> ожер<елье> пок<ойной> жены в 7 млн. фр.! — он не подумает «преследовать», хотя дело пошло само, без него, когда жена Ф<ермо>ра однажды выбежала из кв<артиры> с криком — «волёр!»[160] — кто?!!... Ну, в протокол, понятно... Так вот. Озноб<ишин> — помог создаваться «Казач<ьему> музею». У него отменная колл<екция> картин — миллионы! Но все главное б<ыло> сдано на хран<ение> военному Музею в Брюсселе. Не знаю — цело ли. Что ему — издать нас?!.. Плюнуть на чек: миллион. А **что** ныне миллион?..

* чтобы скоро бормоталось! При напеве этой — «частушки» — ? — первый голос — очень скороговоркой к<а>к наяривает гармошка. А потом — врастя-жечку, дремотно.

10 т<ы>с<яч> былых фр. Но у меня никогда не хватит духу... раскрыть рта. Ни-когда. А как он ценит Ш<меле>ва! — и не на словах. Но, каж<ется>, скуп достаточно. И никто его не научит. И сам мне рассказал интер<есное> — не анекд<от>! — к<а>к скряга-помещ<ик> учился у другого «экономии». Приехал. То-се. Ну, чайку... «Только, чур, сахар свой». Приехавший момент<ально> вынимает из жилет<ного> карм<ашка> два огрызка. Вот. Пьют. Темнеет. — «Эх, надо, видно, свечку зажечь...» — хозяин гов<орит>. Есть. Гость: «имейте в виду, окно открыто... дуновение... свечка скорей сгор<ит>...» «У меня предусм<отрено>: вон, в укрытии от тока... на буфетике». — Пьют чай. Кончили. Хозя<ин>: «разгов<аривать> можно и впотьмах». Ффу!.. — «В так<ом> случае, уж разрешите... не видать-с... брюки-то я сыму-с... не протирались бы...» — «Да на-кой черт вы учиться приехали ко мне? — да вы меня-то поучите!..»

Ночь, жильцы застучат на машинку, — к перу! Или еще: одна барыня (в Рос<сии>) бо-га-чка, скряга... держала колот<ый> сахар в дв<ух> сах<арница>х: в одной — мал<енькие> кус-ки, в другой — чуть побольше. И всегда, всем, — букв<ально> — говорила, наливая чай: «вам как... *три больш<их> куска* или три — маленьк<их>?» Ну, почти все, стесняясь и зная, отвеч<али>: «пожал<уйста>, 3 мал<еньких>!» Очертело, након<ец>, племян<ни>ку. На ее об<ычный> вопрос — ахнул: «и три больш<их>, и три мал<еньки>х, тет<ень>ка!» Перестала, стерьва!..

Духу не хват<ает> вовлекать в невыг<одную> сделку: *не* даст дохода «Л<ето> Г<осподне>»! Мне — *не* надо. Отк<азался> бы от вс<якого> гонорара. А сколько разойдется? Даже при известности «Л<ета> Г<осподня>» — его любят! — больше 1000—1500 экз<емпляров> не пройдет! Где покупатели?.. Все же ограждено «колючей проволокой», — все быв<шие> слав<янские> земли. Будь в Рос<сии> былой! Я бы милл<ионеро>м был! — чего бы я не нагородил! Все бы отдал!... — кому следует, — народу, **сиротам**... — и сам бы на самокатах накат<ал>ся. На самол<етах> не полетел бы, <*неразб.*>!

Да ведь... не повезло. Да в России я бы и не написал ни «Богом<олья>», ни «Л<ета> Г<осподня>» А тут... — ? Знаю все же, что издание окупилось бы, вернуло деньги руке дающей. И только.

Вот, справлюсь, сколько б<удет> стоить — ***чистое*** издание, на прилич<ной> бум<аге> и с хор<ошей> печатью. Если, паче чаяния, разбогатею... — сам издам хоть 2 ч<асть> «Л<ета> Г<осподня>». А ско-лько же читателей!..

На днях случ<ился> драмат<ический> случай, одна дама, рус<ская> грузинка, за русским — сошла с ума. На любовн<ой> почве, сложная история, «с фран-ц<узом>», — женится на датчанке, развелся с женой. Ему 48 л<ет>, дают — 25. Грузинке — 43. Муж женится, а перв<ый>, люб<ящий> ее, что... соглаш<ается> на ее «счастье». Ну, узнала, что фр<анцуз> — женится, а он *не* был ее amant[161], а так — *«высо-кая любовь»*... канительная. И вот (она соседка моей перев<одчи>цы Эмерих и знакомая, читала «П<ути> Неб<есные>» по-русски и а-ха-ла!) сошла с ума. Эм<ерих> вбежала на крики. И видит — слышит: она, с фр<анцузскими> «Voies Cel<estes>» в руках, кричит: «*Теперь* все открылось! «Откровение» Ш<меле>ва!... во-от... Révélation![162]» **теперь**... все ясно!... все-о!...» Ну, отвез ее Аганджанян в лечебницу (муж ее средн<ий> шофер-собств<енник>, хорошо «ганьит»). Итак — жертва. «Пути», конечно, «сбоку припека». Но я знаю по п<исьма>м ко мне, **как** «сходят иные с ума»... бредят «неб<есной> любовью!..» Итог: «Агаджаняны» жнут. Писала мне одна старушка-швейцарка за 80 л. (!), но литерат<урно> образованная и «*все*-о-чень-*дома*»[163]: — «Для меня это единств<енная> во вс<ех> литерат<ур>ах книга... Это целое *откровение*... — *все* заставл<яет> думать... столько поднято!..» «Читаю кажд<ую> страницу 2—3 раза...» Тоже писал од<ин> фр<анцузский> докт<ор>. *Тоже* — фр<анцужен>ка: я не могу теперь без «V<oies> C<elestes>» — она стала моей «подручной» *справочной* книгой, как... необход<имое> душевн<ое> упражнение. Думаю, что это *не* заслуга «V<oies> C<elestes>», а — следствие обмеления соврем<енной> литературы. Недаром — в Англии, говорят, страстный

спрос на литературу эпохи... Кор<оле>вы Виктории!... «Ритм» нашего времени осточертел **человеку**, а ч<елове>к — **есть**. Я... я бы сейчас перечитал Шексп<ира>, Эллиота, даже В. Скотта, не говоря о Дикк<енсе>. Оскудели.

— Потрясла меня статья в «За свободу»[164] (амер<анско>-рус<ского> жур<налиста> с<оциалиста>-рев<олюционера> — Зензинова[165]), — в сент<ябрьской> кн<ижке> о бегстве 150 т. евреев из Сов<етского> Союза. Пора-зи-тельно! Статья еврея-соц<иали>ста — председ<ателя> Рабоч<его> Евр<ейского> Союза в Ам<ерике>, побывавшего в П<оль>ше. Ко-шмар и — знамение! Прочитайте.

Föhn... — очев<идно>, производит *неумело-вредный* **массаж**... и разбивает ***жизнь*** нервных узлов. *Поучиться* бы ему, сук<ину> коту, у моих парильщиков — в главе — «Живая Вода»! — во 2 ч<асти> «Л<ета> Г<осподня>»! Прочтите *ему*, дураку! А посему и по-нем<ецки> надо издать, он, мож<ет>, и поймет. Интер<есно> знать статистику: сколько и ка-ких преступл<ений> совер<шает>ся за время сего «массажа». Что же... во всей Швейц<арии> — так? Если нет, то надо бы — Вам с Н<аталией> Ник<олаевной> — если есть возм<ожность>, — уезжать из этого дутеля. Знаю, как на меня погано действ<овал> новоросс<ийский> норд-ост, а на юге Фр<анции> — сирокко, что ли... у, не дай-то Бог.

3-го дня была докт<ор>ша (не мож<ет> справ<иться> с почёсухней!) и мерила: *17,5* и *9*. Мое обычное давление крови 14. Недавно было 18. Принимал что-то — стало 16. Теперь немн<ого> увеличено (от усил<енной> работы, по 10—12 час.). Сплю неважно. Ем ничего себе. *Мало* (почти и — *не*) выхожу. Летом *не* отдыхал. Ездил раза 3 по неск<ольку> часов за Париж.

На днях потешу Вас и Нат<алию> Ник<олаевну>... шал<овливым> смешком — о московск<их> **«пушкинистах»**. Это целая история, о<чень> трогательная и... смешная. Почему на ум попало? Это — когда я все собир<ался> приступить к заверш<ению> «Л<ета> Г<осподня>». Так оч<ень> часто, в неприкаянности, со

мной. И, вспомнив, вообразил — и нечто изобразил... как побил один... — **ле-кор**!

Но это в след<ующем> п<ись>ме. Надо же когда и посмеяться, хотя бы смехом... невеселым. Как один купец-канительщик... ***чтил*** Пушкина! И еще — другой — кастрюльщик. Такие были «пушк<ини>сты», что Лернеры[166], Худосеичи и Гофманы[167] перед ними — щенки! И вот я напис<ал> часть их истории — стихами. И — само-эпитафию на Даниловском. Доходит дело до... Стр<ашного> Суда. Как разрешена проблема «бессмертия»... и проч. Примите во внимание: оба были алкоголики. Очев<идно>, *это* как-то связалось... с работой — в подсознательном, с посл<едними> 9 главами. Но видим<ой> связи никакой.

Обнимаю Вас нежно-братски. Сердечный и трогательно-почтительный привет-поклон — и лобызаю ручку! — Наталии Николаевне.

Спасибо Вам, милые, за **все**.

А первей всего — за радость дружбы, и за — **сердце**.

Ваш Ив. Шмелев.

А чтоб раздразнить апекит, вот — крошечн<ый> отрывок (из надписания у «мавзолея» (на Даниловском):

«Нике-ша..! — отзовусь, — что, ежель, милый, вдруг,
Отшедшие, — мы все воскреснем?!...
Да с радости такой с тобой мы так-то тре-снем,
Что, не опомнившись, мы оба враз умрем?!..
Вот ахнут-то, как мы ту штуку отдерем!..
И, по Трубе, — опять... воскреснем!?.
И снова, в радости, так треснем,
Что в третий раз с тобой помрем?!..
Помрем — воскреснем... снова треснем!..
То в «упокой», то — милый, к пе-сням!..
Пирпетум-мобилю на опыте решим!
Вопрос бессмертия на деле разрешим,
Безмерность русскую покажем:
Мы — Пу-шкина сыны! — докажем.
Архангела с Трубой, пожалуй, насмешим?!..
И — в **пекло**: так и порешим».
— «Нет, скажет, прыгуны, пряменько в рай грядите,
Жись про-ле-корили... — смирненько зде побдите.
Отныне вам в почет сие уделено:

С утра до вечера пить райское вино!...
Ну — молодцы-ы!.. побили все **лекоры**!
Дивятся всех на вас Архангелов Соборы...»

(á suivre[168])

Запечатлел, для прогулки времени —

Ив. Ш<меле>в.

12—15 сентября 1946, во граде Париже, на рю Буалео.

<Приписка:> О давлении крови... NB: эта «We Ceda»[169] — неподалеку от вреда? — регулировать-то регули-рует, а может быть в итоге — и «урегулирует»?!.. Своего рода — массаж сердца?.. Но... хорошо бы попробовать, на случай. *Самочувствие* — какое от нее?

<Приписка:> Октябрь для меня — тяжкий месяц, давно! Да Вы поймете, прочитав «Л<ето> Г<осподне>» (досыл посл<едних> глав)!

7 окт<ября> ст. ст. Д<ень> Ангела папашеньки,
10 « « « — матушки,
8 « « « — кончина отца,
25—26 сент. — День Памяти Сергия-Преподобного, Д<ень> А<нгела> мой и День Ангела моего Сережечки.

<Приписка:> 8. 10. 46. Сегодня, 8-го X — Солнце!

418

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.X.1946>***

9. 10. 46. Иоанна Богослова, Ангела моего.

Дорогой друг Иван Александрович,

С разбега продолжу, что обещал, для развлечения Вас, милые... — о «пушкинистах». Маленько посмеетесь, хоть и маловато тут для смеху, — жи-изнь!

Жил в Москве в начале 900-х, а, верней, в конце 90-х гг. купец, из сероватых, но с неким лачком. Был он канительщик, — фабрика канители, для облачений, мундирн<ого> шитья и проч. Довольно состоятельный, соб<ственный> дом. Писал стихи и издал книжку оных, в «роскошн<ом> переплете», с портретом и даже факсимиле. Мне преподнес, в почет. Писал «обо всем»: кухарка именинница — ей стихи. Кошка окотилась — про кошку. Собаку автомоб<иль> раздавил — жарит.

Словом, тем у него — вся хроника. На рождение дочки такие, наприм<ер>, стихи: «28 февраля, — 18————82 года[170], — выразить нет слов, — чудесна как была погода! — В ту чудно лунную ночь, — в одиннадцать часов и 20 минут, — даровал Господь мне дочь. — Наутро ей имя нарекли — в честь мученицы Антонины, — а потом в церковь отнесли — и справили крестины...» и т. д. Чтил...! — Пушкина!.. Во всех комнатах — Пушкин, даже в сенях, а в ватере — лубочн<ые> картинки на темы сказок Пушкина. На письм<енном> столе, возле монумент<альной> чернильницы, увенч<анной> «Медн<ым> Вс<адником>», — памятник Пушкину, бронзовый, в позолоте. Пил. 26 мая и 29 янв<аря>[171] ходил к Памятнику и возлагал венок из терний и лавра, в память свящ<енных> дат. И вот как-то, 26 мая, стоял он, «дум великих полн», у монумента. «Пушкин» стал привычным для москвичей, как Хр<ам> Хр<иста> Спас<ителя>, Иван Вел<икий>, Сух<арева> Башня... Но для канительщика он был **живым**, — «знаменем русского Гения». Т<а>к ск<азать>, канительщик его молитвенно чтил, — некое «служение». И вот, видит купец, — а кругом детишки в мячики и обруч играют, — сидит на тумбочке у Пам<ятника> некий человек, потертый, и взирает на монумент — «тро-гАтельно», и... достает из кармана бутылочку, из другого — «как солнце сияющий сатаканчик, будто из серебра», — наливает — и... ручкой этак к Поэту, как бы «за здоровье», — выпивает. Купец был потрясен сим кощунством. Произошел обмен слов. Как-так? — и проч. — «Почтить!» — «Не нашел другого места?..» — «Не найтить-с...» Объяснились. Оказался «кастрюльных дел мастер», Мушкин. Чтит, ибо «по-знал всего, до точки». «По-знал..?!...» Езамент. Купец лает стих из Пушкина, — всего знал! — тот — отвечает. «Стрекот<унья>-белобока...» — «Скачет пестрая сорока...» Раз двадцать так, из **всего**, даже из послания к Юсупову... — и тут Мушкин отзывается. Но на «Евг<ении> Онег<ине>» — «попался»: на стихи, кинутые купцом в испытание... — «Где деревенский старожил и т. д. — «бранился» — «а ну?..» — кастрюльщик в ответ — «В окно смотрел и

травник пил». — «Врешь!» — «Нет, извольте смотреть в изд<ание> Морозова — что ли, — факсимиле-с... «и травник пил». Озадачило купца — не знал! Мушкин: «в рукописи зачеркнуто, и... — «мух давил», но это одно и то ж!» — «Почему?» — «Хе-хе... да... рази не знаете, что такое «мушку раздавить-с»?! — хвати́ть-с! Ну, «дядя» и «хвачивал» ежеминутно. Великий Поет тут пустил... «метафО-ру!» Так они «встретились». Дружба. До конца. Почти кажд<ый> вечер кастр<юльщи>к у купца. Пьют и — из Пушкина закусывают. Так они и жили. Изредка купец — к Мушкину. Тот — влачился, — много помогал бедным и много пропивал. Помер канительщик. О судьбе Мушкина следов не нахожу. Теперь и он, понятно, — где-ниб<удь> на Даниловском. С чего-то вспомнились мне они... и вот, в безделье, перед работой, пришло мне в голову «продолжить» их дружбу, и я почему-то дал «епитафию» и «встречу» на Даниловском.

Да-а... они еще ставили «леко-ры», лекорили. По специальности. Побитие «лекора» состоялось в тракт<ире> Егорова, в день смерти Поэта, 29 янв<аря>. Был приглашен доктор, по наст<оянию> Егорова. 5 часов длилось побитие... Мушкин побил, вытянув — без закуски! — только моченой брусничкой освежался... доктор с одного «духу» свалился под стол. Свидетелями были десять «специалистов». Мушкина завернули в «выигранную» шубу и отвезли в бани. Там он 3 часа лежал на полке, и шел от него **дух**... — боялись спичку зажечь — вспыхнет! Главное — «на своих ногах от Егорова до извозчика дошел, **свежий**!..»

На глыбе канительщика на Данил<овском> начертана им самим напис<анная> «самоепитафия». Я ее не помню, лишь даю приблизит<ельно> тон ее и характер. «Обращение к другу» — вольность, моя, т. е. Тоника.

САМОЕПИТАФИЯ

Под музолеем сим, не столь внушительным,
Отпетый певчих хором, скорбным, не оглушительным, —
Пропели ему, понятно, и «память вечную»,
Пропели и про «жизнь бесконечную»... —
Лежит-тлится прах купца 2-й гильдии Прошина Зосимы,

Канительщика по ремеслу и житию, супруга Симы,
Безупречной в супружестве, неутешной вдовы при детях,
При шестерых, к делу приставленных, не малолетях.
Скончал мутные дни свои сей Зосима, понятно, от водянки,
След того, что, по Захарьину[172], злей яри-медянки.
Учился на медные, но был все же поэт, хоть и не Пушкин,
И выбрал себе псеЛдоним — «шутник Хлопушкин».
Последним словом сего шутника Зосимы было:
«Приими, Господи... все обиды душа моя забыла...
«Приими дух мой в селениях Праведных, Владыко!
«Не поставь мне в строку всякое мое гнилое лыко!..
«Очисти мя, пьяницу смрадного и гада,
«Хоть издаля зрети удостой кущи Святого Града!»
Особорован был по чину, прощен-причащен, отпет.
Жития его было — ох, немного! — пятьдесят восемь лет.
Помянули его друзья и близкие тризной за блинным пиром.
Приими, Господи, пропойную его душу с миром.

КО ДРУГУ — ЕЛЕГИЯ

Нике-ша! друг!!... Присядь и вспомяни,
Как вечера с тобой, бывало, коротали
И рюмочек, понятно, не считали...
Как Пушкина, в слезах, мы трепетно читали
И о Поэзии возвышенной мечтали!..
Присядь, мой верный друг... размысли, покряхти!..
Что было — то прошло... увы, увы... ахти!..
Любил ты покряхтеть и воздохнуть с укором...
Как мы с тобой в Москву потешили **лекором**!..
Ах, добрая душа!.. кастрюльки делал ты,
Всегда был без гроша, всегда — одни мечты...
Кастрюльки-зеркала да Пушкин, — весь тут ты.
Поэзию любил, на нищих разорялся:
Пропьешься начисто — кастрюльками швырялся, —
«Бери, нагой-босой, не жалко меди мне!..
«Что золото — что медь: все плавится в огне!»
Все повара кастрюлькам тем дивились,
Как образам святым на них они молились.
Зеркальный блеск, всем зеркалам укор!
И Лондон, и Париж признали твой **лекор**!..*
Смиренник, — при такой-то смётке!..
Про Пушкина-то... как, бывало, говорил?!..

* О<бщест>во кустарей представляло и Мушкина. Была зол<отая> медаль.

«Что, ежели б Господь почет мне присудил —
Хоть гвоз-диком торчать в святой его подметке!..»
По-бил ты мой **лекор**... — и тут я не забыл,
Как че-тверть осадил!.. и что же?.. — све-жий был!..
Да, перешиб меня... все доктора дивились.
Сапожники и повара ловчились, —
Нет, жив **лекор**! неколебим, как Пушкин.
Да-а... Мушкин одолел, — во прах разбит Хлопушкин.
Что нудило нас, друг, поставил наш **лекор**?..
Беспутье?.. дух в груди?.. безмерных сил напор?..
Здесь, на досуге, я доселе размышляю...
И многое познал, а этого не знаю.
Чай, прихватил с собой..? — налей и покряхти,
Подумай обо мне — и за мое хвати.
Налей и мне фи-ал... прочкнусь и потянуся,
Да руки коротки, — увы, не дотянуся.
Ну, за меня удвой... одну, другую, третью...
За упокой, дружок, не то, что к многолетью:
Как пьешь за упокой — в груди дыханье вянет,
Рука дрожит, так к горечи и тянет...
Да в горести чреда всегда у нас одна:
Хоть четверть принеси, — всю вытянешь, до дна.
Всю вытянешь... и слова, брат, не скажешь, —
Живой ли, неживой... — сырой колодой ляжешь.
Я не взыщу. Шепни мне: — «Зо-ся, дру-уг!..»
— «Нике-ша..! — отзовусь, — что, ежель, милый, вдруг,
Отшедшие, мы все воскреснем?!..
Да с радости такой с тобой мы так-то тре-снем...
Что, не опомнившись, мы оба враз умрем?!..
Вот, ахнут-то, как мы ту штуку отдерем!..
И, по Трубе, опять воскреснем!?..
И снова, в радости, та-ак треснем..!..
Что в третий раз с тобой помрем?!..
Помрем — воскреснем... снова треснем...?..
Пирпетум-мобилю на о-пыте решим!
Вопрос бессмертия на деле разрешим...
Безмерность русскую покажем:
Мы — Пу-шкина сыны! — докажем.
Архангела с Трубой, пожалуй, насмешим... —
И — в пекло... — так и порешим».
— «Не-эт, — скажет, — прыгуны... пряменько в рай грядите,
Жизнь **пролекорили**... — смирненько зде побдите!
Отныне вам в почет сие уделено:
С утра до вечера пить райское вино».
И скажем мы с тобой — «уж нет ли тут ошибки?..»

— «Нет, скажет, молодцы... у нас уж без прошибки!
Вот написание... по-били вы **ле... кор**!..
Чего не бывано у нас до этих пор!..
Сам руку приложил... сам наш Великий Пу-шкин!...»
«Никешка Мушкин да Хлопушкин —
Достойны... Закрепил: А. Пушкин».
Ну, мо-ло-дцы-ы... — побили все **лекоры**!
Дивятся всех на вас Архангелов Соборы!»...
Ка-кой очи-стки здесь!.. — все ценят знатоки...
Протодиаконы, к примеру, — ух, каки!..
Аз Третий, сам, что в Бозе... восторгался.
Уж он ли не **лекор**..?!.. — и то, брат, поражался!
— «Вдовы Попова **там**..? аль «белая» Смирновка..?!.
Нет, говорит: **лекор** — «Небесная Перцовка»!..»
Слыхал я, — пьет ее сам чи-стый Алкоголь!..
Приятели мы с ним, хошь перед ним я ноль.
Ну, а пока, гло-тай... и слезы, и... го-ре-нье...
А я... — и духом сыт. И полон вдохновенья.

15—17 сент. 1946. *Баловник Тоник.*
Париж.

Сбаловал в мерехлюндии[173], приступая к допереписке тяжел<ой> части «Л<ета> Г<осподня>». «Суди меня, судия неправедный!»

Обнимаю.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Ох, раскачиваюсь: время, время вступать в работу 3-й кн<иги> «Путей»... — где духу наберу?!..

Вы-пил бы, да «кишка» не велит.

В церковь... — «Серафим»[174] претит (на Michel-Ange[175], ставшую «собором»).

419

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.X.1946>***

Лето Госп<одне> II — *пришло!!* 14/X 1946

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Получил оба письма, спасибо! И то, из коего явствует, что я выдающий «филосос» (так называла меня Верочка, кухаркина дочь, наученная одним из друзей); и то, где Пушкинисты втроем (Сима, Микеша и Тоник)

празднуют пушкинскую оргию. Пожалуй, грусти больше, чем смеха...

Но вот *реальность*. Сообщите мне *адрес*, имя и отчество Ознобишина. Я напишу ему, что надо напечатать *в чистый убыток* Богомолье, Лето Господне, I, II и О тьме и просветлении. Если откажет — значит отказал. Если не откажет — спросит «сколько» — надо что-нибудь сказать. Печатать у *нас* — втридорога. Надо *у Вас*. Кому поручить? Предлагаю моего ученика и друга Алексея Александровича Квартирова[176]. Вы его знаете. Чтобы он взялся, как и все, *даром*. Он *очень* практичный и морально-денежно абсолютно верный человек. Но «*сколько*»? Поговорите с кем-нибудь опытным. Что стоит печатный лист (16 стр<аниц>) при 1000 экземплярах? В цену листа входит: бумага, набор, корр<ектурная> печать, брошюровка, обложка. И скажите-сообщите мне. Мельгунов говорил, что его сборничек в 32 мал<енькие> странички обходится ему 30 000 фр<анцузских> фр<анков>.

Дорогой! Узнайте и сообщите!

Обнимаю Вас. Пишу в посл<едний> день каникул, наскоро. С 16 окт<ября> мы *дома*. Тогда начну высылку Вам моей книги (Жив<ое> Сердце[177]), заканчиваю ныне по-русски!

До свиданья! Обнимаю. Я готов печатать О тьме и просветлении *безмездно*, в honor[178], без гонорария.

420

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<21.X.1946>*

21.X.46.

Дорогой мой Иван Александрович,

Впервые Ваше п<исьме>цо на листочке — без подписи! Вижу — торопитесь. Я все тот же, глаз и часть лба донимают зудом, и глаз воспален. Терплю, — д<октор>ша не помогает. Ну, глаз нерабочий, но вот зуд... так бы и разодрал веко!

Нет, с ген. Ознобишиным — безнадежно, *знаю*. Я чуткий к распознаванию «свойств» людских. Он — сушка. И, пожалуй, сколок с того помещика, что ездил

учиться у другого, двойника, — «экономии» (штаны-то снял, чтобы не протирались!) — писал я Вам. Этот хоть и не снимет с себя штанов, но свои не отдаст. Я его учу-вство-вал! Я ему как-то писал — между прочим — трудно, нет издателей на «Л<ето> Г<осподне>». Он вскоре был опять у меня, отнял впустую часа 2 и наградил меня: привез в подарок (в подспорье писателю) 1/4 ф<унта> чаю, из америк<анских> посылок... и... 50 стран<иц> **своих** «воспоминаний», — от Адама, из пока написанных 500 (будет до 1500!) — «пожалуйста... ознакомьтесь». Я ему сказал, что сейчас работаю, как-ниб<удь>... через месяц так... почитаю. И все-таки оставил. Читаю по 2 стр<аницы>, на сон... — заменяет снотворное. Сукно-о-о! — на редкость. Веки слипаются, и отхожу ко сну. Что-то, до тошноты, тягу-учее... о-о! Да я за почасовую плату не возьмусь! Да и опять, забыв, что с мес<яц> тому рассказывал про «экономиста», — опять про него мякал! А я не моргнул. У-у... избави Бог. Может кончиться, к<а>к у Чехова (стерьва-то свою драму читала![179]) — «Присяжные его оправдали».

Как же можно просить такого? Нет, 100% — отказ, с суконн<ым> объяснением «ни туда — ни сюда».

Что же, примириться, видно, надо. Мне за Ваше «О тьме и просветлении» — больно, горько. Не мож<ет> случ<иться> чуда. Но я получу на днях точный расчет стоимости с листа — **всего**.

Квартиров? И это, уверен, безнадежно. Найдется (будь деньги на издание) твердый и надежный человек, имею на примете! Да вот «капиталы не дозволяют». Я в подавленности — и читал 2 т. писем И. Н. Крамского[180], 70-ые годы там, а мне нужно оживить кое-что для 3 кн<иги> «Путей» (эпоху!). Почти *ничего* не нашел, а стр. 800! Зато по иск<усству> живописи поглотал, кое-что и вспомнил (ум<ер> Крамской в 87 г.). Я еще не готов для работы, чего-то **ищу**, **жду**... И многое разбивает душу. Невесело и «из Голл<андии>» — вся в *неврастении* моя милая корресп<ондент>ка. Не может «найти себя», несм<отря> на мои «ободрения». Вся — в **мигах**, нет «долгого дыханья». А без него... — все впустую. Как Вы

о д-ре Klinkenbery'е, что посетил Вас? Он, каж<ется>, — судя по п<исьма>м О<льги> А<лександровны> — глубокомысленный. От Вас — в восторге. Да как же иначе-то?.. Каж<ется>, *серьезно*, болен. О, Господи!.. Нет, не увижу я **своих близких** сердцу — «Л<ето> Г<осподне>», «Богом<олье>» и В<аше> «О тьме и просветлении»... Жду томительно о «Сердце»... И еще — Слово о Пуш<ине>. Ив<ан> Ал<ександрович>! ***не видал***, Вы не присылали. В 37 году, 2-ая полов<ина> — болел тяжко, мыкался... в 38 в янв<аре> уех<ал> в Швейц<арию>. Квартиры у меня не было... — мож<ет>, захапал кто?.. Томлюсь. Пришлите в отплату за уныние от «пушкинистов»! Мне от них тяжко было, но почему-то навязалось — вытошнился. Обнимаю Вас. Сердечный привет Нат<алии> Ник<олаевне> и благодарность за терпение внимать сказам Ш<меле>ва.

Ваш уныло-праздный Ив. Шмелев.

<Приписка:> Видать — пора и сматываться! Не кончить «Путей» — такое душевное и телесное беспутье!

<Продолжение письма:> А вот Вам, хотя уже 12 1/2 ночи на 21-ое — для отдохновения — стишки, уцелели в памяти с гимназ<ических> годов, — в каком-то журнале вычитал — м<ожет> б<ыть> в Живоп<исном> Обозр<ении>. Чьи — не знаю. Но — не без таланта. Вот что уцелело: (оно как раз и к ночи!)

	На днях я делал наблюденье
пытливо-	И совершал ночной обход,
раздумчиво	Желая знать — у насекомых,
	Как ночью кто себя ведет.
оч<ень> спокой-	Дневную кончивши работу,
но-эпически	Сном крепким спали муравьи;
	Лишь дворники у них ходили,
деловито	Жилища сторожа свои...
трогательно	Храпела, съежившись в комочек,
	Трудолюбивая пчела;
с шиком!	А стрекоза на бал спешила
	И шлейфом улицу мела.
вдумчиво	Из колоска метлу устроив,
	Дорогу подметал червяк;
мечтательно	На небольшом листке сирени
	Стихи в журнал писал светляк.

остервенело	Под камышом, свирепо, зверски Дрались ночные пауки,
благодушно	А два шмеля все обнимались И распивали коньяки.
вполпьяна́ *враспев* *с подъемом!*	Ночной гуляка — жук навозный Плелся с пирушки подхмельком; Клопы играли в винт с азартом, Грозя друг другу кулаком.
отчетливо! *с пафосом* *игриво,* *с прищуром*	Кузнечик, с шашкой, вел в участок, Донельзя пьяных, чуть живых, — !!... Растрепанных и поизмятых Двух юных бабочек ночных.
бегло, полька- *мазурка!* *мрачным* *гласом!*	Четыре Божии коровки Плясали, не жалея ног; Тарантул краденые вещи От мухи принимал в залог.
с некой *горечью и с* *покачиванием* *главы*	Так вот-с какое заключенье: Как дремлет мир в объятьях тьмы, — Мир насекомых в наше время Проводит ночки, как и мы.

Кто сей автор — ? (Только не я. — Правда! —)
Конечно, я мо-о-ог бы пополнить,
Но, высокочтимый **Филосо́с**...!*)
Тряхните былым мастерством!!
Помню Ваши о-тличные куплеты
На швейцарских cartes postales[181]...
(Хра-ню! и <u>все</u> храню!!.)

Целая Голконда[182] самоцветов — Ваши письма. Когда-то, кто-то... — опубликует. На радость и в научение — «вот как писали — не гуляли!..»

А мои-их писем раскидано-о-о!... Полагаю — найдется, что показать! Великие то-мы!... Кой-кто (о Вас-то знаю!) и бережет... Я был потрясен, узнав недавно, что у вдовы моего перев<одчи>ка Henri Mongault — *129* (!) моих писем. Вот не думал! Деловых и всяких. А помер он — лет 6 тому.

*) А у меня, в гл<аве> «Москва» («Л<ето> Г<осподне>» II ч.) есть словечко... — «слонофил» — Ив. Ег. Забелин, будто, так трактирщика Крынкина окрестил. Верней, — Кр<ынки>н по-своему **сломал** (славянофил или «солонофил»).

<Приписка:> Боюсь, — тягостно будет читать Вам посл<едние> 9 глав «Лета». Но там влиты и **свет**, и «усмешка» — а посл<еднюю> сцену, самую тяжелую, я дал «из окошечка». Но, верьте, я истомился, когда писал, и сколько отмахивался — не отмахнулся, *не мог!* Надо было освободиться от томившего.

421

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<23.X.1946>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Читая Ваше последнее письмо от 21. X, я вспомнил, как Пушкин в часы депрессий тянул: «Тоска-а-а!» И потом требовал: «соври что-нибудь!»[183] — Хорошо, милый, совру! В 1939 году я даже целый журнал здесь издавал (в 2 экземплярах!) — рукописный, с *рисунками*, под названием «Идиотика-Обормотика» (т. е. оборматывание личных, частных дел — от ἴδιος и ἰδιωτεία = частная жизнь). Eh bien, Vous l`avez voulu, Jean Dandin![184] —

А теперь деловое. Я надеялся, что Ознобишин — в душе Горячкин. Жаль... Я постоянно *молюсь* о ниспослании *нам* русского издателя.

Еще деловое: в Париже живет потомка Митроп<олита> Филиппа Колычева[185]. От сего святого она имеет дар руконаложением *вытягивать* страдания из человека. Знаете ли Вы это? Приемлете ли? Разрешите через друзей направить ее к Вам. Добрейшая — привлекательная. Это пришло мне сегодня ночью в часы фённой бессонницы. Ответьте *немедленно.*

Посылаю Пушкина.

Посылаю из Идиотики. Но очень опасаюсь, что Вы начнете это предавать декламации-прокламации, а из этого может выйти *черт-е-что*. Очень много *злых* людей, жаждущих вреда и скандала, а Вы доверяете людям, как дитя, каковых есть Царство (вот таковых как Вы)[186].

Клянетесь ли Вы не читать моих исподних шалостей никаким вигенам[187], племянницам, знакомцам и прочим в Ваш интернат приходящим?

(Тень под землей: «Клянитесь!!...»)
1. Клянитесь «Богомольем»!
2. Клянитесь Алевизом Фрязином!![188]
3. Клянитесь Бармой и Постником!!![189]
Клянётесь ли?
Тень под землей: «КЛЯНИТЕСЬ!!!...»
Ну, тогда — вот Вам грех № 1.

Но второго греха *не будет — пока не пришлете клятву — все три клятвы.*

Мы Ваши письма все читаем в умственную лупу — и признаюсь, машинкой легче... — но отвечать *лупно* не могу. Не выгребаю...

Кончаю по-русски «Живое Сердце» и уже переписывается. Как только будет готово — пришлю *все* сразу.

А Александрович[190] к Вам не наклюнулся?

Обнимаю.

1946. X. 23. Ваш И.

422

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<25.X.1946>*

25. X. 46.

Дорогой и ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ Иван Александрович,

Клянусь!!!... Трижды: «Богомольем», и Алевизом Фрязином... — за-был, вот... строитель Кремлевских стен[191] (нет!) или Усп<енского> Собора?.. — вообще, помнится, стро-и-тель...? — и Бармой с Постником... этих-то, «Василе-Блаженцев», помню... — **Клянусь**: ни единая душонка из недорослей не понюхает «**Пятна**» Вашего! А потому — шлите «иссыхающему источнику»! — да не иссякает! «Иссыхание»... — от «скуки», от томленья-«ненахожденья» себя, — от многого... от... **разочарования** «обманкой жизни». Опасно сие «пятно», как нож в лапах безумного, как свечка — в руках пьяного на сеновале... Вку-сил от **вина** Вашего. Спасибо. Вразумился. Пра-вильно, что старцы не дают «Лествичника» неискушенным монахам, — да не соблазнятся. Трудно взбираться на высоту в 33 ступени!.. — как трудно и опасно многим внимать душекопателю-взрывателю Дост<оевско>му... особенно «зеленце». Исказятся

и исказят. «Убойся «чистоты»!» — это же восчувствовал аз, грешный, вчитываясь в «Ступени» в обители преп. Иова, в Ладомировой. Неси ярмо и не притязай! покорись, человече, клейму... прими смиренно, в сознании обреченности греху, воздыхай и силься **ползти** на Высоту! А соблазн-то какой, со-блазн!.. Зато — без натягивания маски и лицемерия. Но... все же — соблазн и искушение для непостигающих «проповеди о пятнастом сожительстве...» (со грехом) Кля-нусь!... Не то же ли и в обиходном..? — «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». Но русская православная душа — о, как же чутко постигает! Потрясающие «образы» даются в «четьях»! Одного Якова-Постника[192] довольно... — помните, как исцеленную им девочку, оставленную ему родителями для духовного наполнения... растлил, у-бил... сбросил мертвое тело в стремнину... и — искупил этот — предельнейший, кажется, из грехов... и вернул благодать святости!.. Это ли не соблазн?!.. — и не только для «обезьян».

Мудро и четко дали. Плод глубокомыслия и наполненности Души. Спасибо.

Клянусь — и — жду-у-у-у...! и «желаю..!» — к<а>к говор<ил> барин Энтальцев[193] — прогорев.

Благодарю за «Речь». Вы-пил. Буду испивать. Чудесно. Особенно — о **свободе**... Лучшего о Пушкине не знаю. Представляю себе, как Вы по-дали в **живом** виде! А я не слышал. И знаете, какие отзвуки в себе ощутил, читая, про-чтя?!.. Укрепился. По-нял: верно дано мною «Лето Господне»!.. Дивитесь, а?.. Увидал **детей**... созданных мною из образов далекого, что уцелело в сердце. Вот они — плоть от плоти Православия русского, — **мои герои** русской эпопеи! Вот — пылкая душа, страстная, неуемная... — Василь-Василич... вот — **мера**, ясность, смиренность, голубиная чистота, «строитель и водитель» — Горкин. Вот — Ондрейка, художник в зачатии, бесшабашный, **играющий** несознаваемой силушкой... вот — «препростый» Антипушка... вот — весь страстность и нежность, со слабостями плоти, весь — рвущийся созидать, ищущий «нового — занятного», весьма чуткий к человеку... весь

несознаваемо-**радостный** и скорый... — «папашенька»... вот — насквозь-то ёрник, похабник, «вольнодумец» Гришка, разбитый на кусочки по очеркам, — как и большинство, — единый-то раз показавший «задумчивость» и подоплеку... — очерк «Говенье»! вот лучшее, что я знаю из вереницы русских женщин, — «Анна Ивановна»... — свет и **свежесть**... — «в цветочках-ситце», — **основа** благодати русской, **творящая жизнь**, — м<ожет> б<ыть> бессознательно-первая моя влюбленность... — мальчугана-шестилетки!.. вот русская прелесть девушка — Маша, игра и пылкость... умная каждой-то жилочкой! — вся — **женщина**... — чуть зарисована... сколок с Паши... и обратно. Вот «поэт и мечтатель» птичник Солодовкин, прогоревший «на соловьях»! — десятки намеков, образов... — все **наши**... непонятно, какими силами вытянул (и *створил*) я их из обрывков душевной памяти... Ваше «Слово о Пушкине» — подтвердило мне, что я шел правильно, слушая голос сердца... Да, конечно, — русская, **наша**, эпопея...

Ваше исследование творчества в труде Вашем — «О тьме и просветлении» — Ваш метод разбора, до предельной глыби, — В<аше> построение новой эстетики и разбора — наводит на сравнение с открытием Рентгена, неохватным по применению к больному **человеку**! — дали мне возможность вглядеться в свое, **познать** свое. Еще и еще читаю. И как больно, до задыханья... что втуне — для всех-то! — зарыто, под спудом спит. **Нельзя**! это же преступно держать свет под сосудом... надо *разбить* сосуд и показать свет.

Вчера, *чуть до получения В<ашего> пакета* с п<исьмо>м и «Словом», написал И. И. Тхорж<евско>му, которого раз только и видал когда-то в «Возр<ождении>». Он теперь управляет типографией «дэ Наварр» (Гукасовской, печатающей «Русск<ого> Патриота»). Запросил его о предельной стоимости листа печати, со всеми причандалами. Писал, что много В<аших> трудов ждут... писал о «Тьме и просветлении», о В<ашем> откровении... писал о моих ждущих... Никогда так больно не чувствовал, как я беден!... как мы бессильны в тисках безвременья, **технически** бессильны... Ведь **гроши** нужны, гро-ши!.. — и нет грошей. Гро-ша нет!... А

выходят бунинские «Темные аллеи...» — пусть и сдобренная, поданная м<ожет> б<ыть> почти-художественно, но — **тьма**!.. но тьма же!.. А выходит книжка Тэффи — «Все о любви...» — зубы полоскать? А мы бессильны. У меня руки падают... я **не хочу** уже — пока?!.. — продолжать «Пути...» Кчему, ко-му?!.. Знаю: я был бы миллионером — а я хотел бы им быть, по мног<им> причинам! — если бы **там** отворилось... Знаю: мои «Богомолье» и «Лето Госп<одне>» были бы в ка-ждом русском домике, пошло бы по весям-градам... и... умягчало бы, **светило** бы душам, приводило бы к светлой грусти по утраченной детскости сердца, разило бы примером и радовало бы радостью **нахождения**... открывало бы радости сотворенного, учило бы **молиться** «божественному во всех и во всем», **петь** Жизнь, — дар Творца. Ваш разбор показал мне, что ненапрасны мои страдания... — не будь их, никогда бы не написалось важное из отпущенного мне в меру. Теперь — **есть**. **Взято**! — **Да-но**.

В тоске я и опустошенности душевной. Этого не сказать.

Благодарю Вас, милый, добрый друг. Я не рискну прибегнуть к руковозложению... — потомка(и) митр. Филиппа. Не то, чтобы я не верил, нет... а пусть Волею Господа исцелится недуг. Я не ем мяса, не ем яиц. Я оч<ень> мало ем. М<ожет> б<ыть> это поможет. Да и страшусь... (еще «потомка» спросит — «как вы это?!..») ведь я в «Путях» даю Дариньку... — носящую в своей крови капельку от святой крови Святителя! — как это мне пришло в мысли?!.. — и вот Вам — оправдание «вымысла» моего, **внушенного**... какою силою?!.. Я же о-пыт даю... я из осколков воспоминаний и голосков подспудных леплю — не зная — что!.. **должно как**-то **само** слепиться, створиться. Я не закрываю глаза на то, что сейчас написанное — эти две части... — смутны для вдумчивого читателя, особ<енно> такого, как Вы. Еще бы: 308 страниц 2-й ч<асти> и — 37 дней всего жизни моих действ<ующих> лиц! Я не страшусь, что позволил себе такую свободу: я — *рассказчик*, передаю *рассказ* героя, герой делает отступления, разъяснения, исповедуется, перебрасывается вперед за много до текущих

событий его рассказа, — как и моя «Няня», — как бы *внушает*... обнажает себя, истолковывает Дари свою... вносит страстность и чувствительность, — «аффектация!» (он же **горит**, **новорожденный**!) — *не страшусь, все **знаю***. Главное мое: осязаемо дать, **как** происходит «воскресание», — это да-вно меня кровно томило, ибо сам нуждаюсь в обновлении. Это же эпика души и среды... рассказ должен б<ыть> ох как замедлен (иначе нельзя!), — **все** д<олжно> б<ыть> *вобрано в ткань эпич<еского> романа, духовного* романа: **все**, до неподвижных, неодушевленных. Знаю: такое не удалось ни Дост<оевскому>, ни Леонтьеву, ни Лескову... ни Гоголю. И мне *не удастся*... но я **что-то трону**... трону в духе читателей. Я знаю: **уже** тронул. Но у меня не хватит времени... — надо, ведь, в пропорции со сделанным, написать еще 5—6 книг! А *должен ограничиться* еще 2-мя. Да и на это времени не хватит, при услов<иях> моей жизни. А ско-лько я времени раскидал впустую! Не знаете Вы — **на что**. А м<ожет> б<ыть> и не впустую... — получен о-пыт. За опыт жизнь всегда предъявляет ко взысканию. Получил — плати. Если бы я был сейчас лет хотя бы 50... — о, я дал бы **труд**. Та-кой бы романище преподнес... а-хнули бы и... у-хнули б!... Такое и самому Дост<оевско>му не выпадало на долю! его лишь чуть-чуть коснулось... — «история» его квази-романа с сестрицей Софьи Ковалевской[194]!.. — отнесло, слава Богу. Но дало-таки некий опыт... — трудно выследить по его романам, неуловимо сие.

Надо бы ввести в круг церковных и обиходных молитв — молитву: «Не даждь, Господи, вкусить от плода истерии и неврастении предельной... избави, Владыко, от метания бисера... — попрут, и, обратяся, растерзают в клочья и оплюют!.. Го-споди, помилуй!..»

«Тоска-а-а...! соври что-нибудь!..»

А жизнь врет и врет, — и не проходит тоска...

Да здравствует «Идиотика-Обормотика»! Подите вот... есть что-то в человеч<еской> душе... требует наполнения... от Кузьмы Пруткова. И недаром он дивертисментил. Он ли один ?!.. А Вл. Соловьев?.. а — мало ли еще?.. Все — подспудно. А ско-лько же позапропало! У Пушкина... сколько сгорело, уничтожено

им самим. Даром, что ли, навязалось мне о... «пушкинистах»?! о «петухах»? Это некая дезинфекция, «зазаставный ночной обоз к золотым полям». Чистка выгребных ям... *Что* мы знаем?!.. **Кто** и **что** творит в нас некий процесс мудрого отходника?...

Заклинаю чертова «фэна» швицарского, да подавится он собой, ду́тище! А м<ожет> б<ыть> и он вроде отходника? Жду «Живого сердца». Александрович не показывается... хоть и присвоено ему В<аше> отчество. Мож<ет>, объявится «Сергеич»?.. Есть — лопаются от деньжищ, и не ведают, что с ними делать. Такова Ш<вейца>рия. Таковы и Ваши «американдеры». Собирают — где не рассыпали (не про них!), жнут — где не сеяли. Как бы хотел я возместить полученное от их милостей! Осилю — возмещу. Говорю о получ<енных> мною когда-то в два приема — 5 и 10 т<ы>с. фр. фр. Но я признателен им, верьте. А получ<енное> через Вас — нисколько меня не томит. Светло благодарю. Ныне еще есть пенязи[195], мес<яца> на 2—3 хватит при моей «скупости» и скудности. А там по контр<акту> получу, за «Чашу». Да и с «Путей» беспутных-фр<анцузских> капнет. Мню. Уповаю.

Твердите, заклиная ду́тище: «О, ветре-ветрило, не дуй мине в рыло, а дуй мне в зад, буду очень рад!» — до 1000 раз в день. По-действует. Но может поворотить на геморрой. Наплюйте ему в харю. А немцы-то!.. О-каз<ывается>: по неполн<ым> подсчетам, население Герм<ании> во всех зонах увеличилось, несмотря на все убыли, — на *8* миллионов, в сравнении с годом пришествия к власти Гитлера (33)!.. Вот ты тут и уйми **ее**! и пойми **ее**!.. и — скрути **ее**!.. Гришка сказал бы: **«ещество — за-кон**!» А вот у нас (у туземцев)... убывает. Ясно, три расы — племени? — а то и четыре: славяне, германцы, желтые и малайцы... — будут тянуть историю. «Кто устоит в неравном споре?» Лягушатники передохнут первыми, за ними — бифштексники, за ними — жеватели резинки. Кашникам предстоит снова и снова помериться с колбасниками гороховыми. И — с рисолопами. Каша, будто, и попрочней, спо-рая она больно. Эх, тоскую по гречневой крупе! Раз только прислали

мне из Лос-Анжелоса — «О<бщест>во Помощи Русских Женщин» — фу-унт «каша́» — так и написано латински «кашА»! Нельзя посылать денег, а то бы вымолил у нью-йоркцев знакомых — «пришлите 1 кило гречки» — да стыдно просить. А она — «мать наша» — облегчает мне боли, когда воспламен<яется> язва, и дает ду-ху! Ну, чуть попучит, а воздымает! И никаких мясов не надо. Подумать — не найтить в Пар<иже> гречки! Здесь лягушатники не умеют обдирать! для птицы сеют. Идиоты.

Ну, расписался. Ох, надо трафиться, крутиться у стола... нудить себя... чтобы мырнуть в «Пути»... Да что-то разбегу нет...

Сблевало:

Екстренно: (с пылу-с жару)

От «Ознобишина» — в ознобе...
С **осины** фиг не соберешь,
В наиповапленнейшем граде
Цветов жасминных не найдешь:

А: покорившись кротко **игу**,
Своим путем иди, иди...
Получишь... фи-гу, фи-гу, фи-гу...
И... будут фи-ги впереди.

Но: ты терпи, — и «Ознобишин»
К тебе придет-придет-придет...
И: много вишен-вишен-вишен... —
Пол-фунта вишен поднесет.

Приветствую обоих. Фэн'у — в морду плюю.

Ваш унывающий Ив. Шмелев.

<Приписка:> И унываешь, а: отблевываешься, в сме-хе!

Истерия?

Если бы не назначение — «выполни, скотина!» — легко бы *подвел* ***итог***.

С подлин<ным> верно.

И. Ш.

Обнимаю. Хнычу.

423

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву

<между 26 и 29.X.1946>[196]

Дорогой Иван Сергеевич!

Это *совершенно* необходимо и неизбежно, чтобы творческий подъем накапливался и сосредоточивался в *упадке нервного и психического тонуса.* Антей припадает к земле. Фауст уходит к «матерям». Лошадь распрягают и пускают в луг. Отец мой, большой юморист и выдумщик, научил моего старшего брата (пяти лет) говорить матери: «мамочка, пусти меня побегать, погулять, красных девок пощипать»... Тот так и лепетал.

А потому — *не скорбите.* Эти упадки тонуса Пушкин знал как никто, Гоголь выстрадал до дна; Достоевский пишет о них своей второй жене без конца. Чайка и та садится на парапет опростаться. Помните Галена[197]? «Triste est omne animal post c....m, praeter feminam galumque»[198]. А творческий подъем соответствует именно с....., в жизни того, кто к нему способен. После депрессии непременно придет взлет, ибо *депрессия есть готовящийся взлет.*

Ваш отвод *благодеяния* Святителя Филиппа мне *не* убедителен. Вы отнеслись к *нему* как к какой-то чуть ли не прометеевской попытке — ворожбой избыть посланное от Бога страдание. Почему?!? Я попрошу ее через друзей навестить Вас. Сами увидите.

Посылаю Вам в ответ на данные клятвы кое-что. Меня успокоило Ваше понимание, что «соблазны» надо трактовать *эзотерически*! У меня есть вещи, которые я *только сам редко* читаю вслух в эзотерической среде. *Нельзя* иначе! Декламаторша просила — умоляла — дать списать — *не дал*! На чернь потащит.... И из прозрения в бездну — выйдет грязный блуд.

Такова и «Зараза» из Идиотики.

Что касается другого стихотворения, но оно было напечатано летом в Нью-Йоркской газете «Россия» (издает Рыбаков[199]). Автор его *решительно неизвестен*, да я и не докапывался: еще *повредишь* кому-нибудь. А само стихотворение кажется верным и полезным; и не без серьезного пафоса.

Вот пока все. Вашим письмом насладились. Читал неск<олько> раз. Но не забывайте басню Крылова, которую я Вам много лет назад приводил:

«За что же, не боясь греха,
Ванюшка хвалит Ванюха?
За то, что хвалит он Ванюшку?»...

Кажется цитирую точно... Если нет, исправьте по памяти.

Немного погодя, пришлю еще из Ид<иотики>-Об<ормотики>.

Душевно обнимаю.

424

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<30.X.1946>*

30. X. 46.

Иван Александрович, ми-лый!

(а у меня к Вам просьбишка, это — к концу.)

Выпил, дорогой друг, Вашего вина... — «прозрения в бездну». Четко, умно, — и ново. Для «черни» — соблазн: «ва-ляй, **он** вона ка-ак!.. Все одинако! и макроба, и хтиозавра, дери крепше, во-всю-у!..» Как говорил мудрец — скорбя: «свиной бисер не мечи!» Кузьма Пр<у>тк<ов> рече: «не ходи по косогору...» Спасибо. Понимаю Вашу «оттяжечку». Будь деньги, — устроил бы ну... не «афинский», а хотя бы полу-афонский вечер, с возлиянием, да тишка не дозволят. И... «оттянулся» бы. Будь моложе — с цыганками, — «зелень злая!..» — и «гетерами», поостроумней (Женька-то в Ист<ории> Люб<овной>). Ох, отчего я не былой Тонька?! Че-го бы я не надумал!.. Гулять — так гулять. Теперь бы, будь воля и франки, — в Монте-Карло бы ахнул... «знаю одну систему»! А еще бы лучше — в горячую, на полок (ах, ба-ни... страсть моя!), и чтобы «ублажали» мочалочками — «пух липовый». Самая лучшая оттяжка, верней капусты в похмелье. А ск<олько> **поэзии**! — да, да!.. Ах, это «банное»! Я в *детстве* еще чувств<овал> в этом «банном» — ***тайну*** же-нщи-ны! ей-ей. Между нами: сказывается «рэтур дэ л'аж»[200] (у меня прошло). Он — «последнее прости», делает визит не только

прекрасному полу. А у Вас — на почве наикультурнейшего русско-европейца, познавшего все тайны науко-искусства, мысли, парений и — ярма́-удела — «провальности»!.. И в этом — сверх-эстетство, рафинад мысли, заостренной и вверх и вниз. Вы, с неким головокружением, можете сладостно — не сладострастно! — заглянуть в «бездну», и не слететь, а протчие — ох, срываются. А москворецкие купцы? эстэты разные, типа Рябуш<ински>х, Брюсова... че-го не санда-лили!.. в игре-то с «бездной»?! Простой купец, подходя к сему **краю**... зерькала бил и арфисткам бедра палил горячими бифштексами («горчичн<ик>» для... оттяжки?..), и... потом, сняв сей горчишник, ел его с соей и пикулями... — а глазища, как у Рогожина на Наст<асью> Филип<повну>. Ох, чего Дост<оевс>кий — воображаю! — не вытворял, хоть в мыслях, при «ретуре»-то! Коли до «сладострастного паука» договорился. Его Федор Павлович некое откровение, и вовсе, думаю, не «крайность»... а — **правило**, хоть на миг. Многое множество «блудоборцев» из Святых — а толстовский о. Сергий! — испытывали себя, жестоко до... «бездны». И все **сие** — тайна велика есть. Пройдем сторонкой, отбило ноги **булыжником**. Не **грех** — «ярмо»-с. Можно изживать грех... — самосжиганием. Даринька не только «от Четей» прожгла себе под грудью... — а и, полагаю, некое наслаждение или у-слаждение находила в сем. Ныне мне ведомы «глубины»... но не вскрою словом, — не для показа сие. А разве для «потаенной» книги, во вразумление, к<а>к рассказывал странник, «священный старичок», в гл<аве> «Серебряный сундучок» про особу и вельможу. Мимо.

О ересиархе — с б<ольшим> подъемом, — автора не предполагаю, увы! — воспламененно-гневно. Перегрешил старик. И уже здесь получает воздаяние. Никогда его не чтил, мешало что-то, хоть и мой при-торный по-читатель. Мешало и оболочное: тяжело-потный, копновидный, точиво-патошный. Бездарный в слове, и куцемысл. Похож на яка, а, в общем, — кулебяка. Любил зело кулебяки — и окулебячился. Любитель самоюбилеев. Ну, чего же с брюхогрудия спрашивать?!

На «свидании с бесами» лепетал: «а мне бы хоть ке-лейку у Троицы...» Но... — «не судите, да... ...» Аминь. Именно. Надо еще установить, *для чего* **все** это было. М<ожет> б<ыть> так и **надо** было, в Выс<шем> Масштабе??

Милый друг! Отку-да сие крыловское про петуха-кукушку? Вы меня знаете, — пошутили, но все же потщусь очиститься.

«Я вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?»
А. Пушкин.
«Шмель — насекомое благодушное...»
По Брэму.

КУДА?... ЗАЧЕМ?...

(*письмо-признание*)

Вы не петух, я — не кукушка,
Я **не** «хвалю», а — видит Бог —
По совести скажу на ушко:
Иного б я сказать *не мог.* (в предыд<ущем>
Мои я знаю недостатки, п<ись>ме-то)
Надеюсь, знаете и Вы:
Они видны в моей ухватке,
Они — родня моей **молвы**.
«Молвы» — сказал я *не* нароком:
Я говорил за стольких лиц!
Не назову сего пороком
И не склонюсь смущенно ниц.
Я пылок, скор, кипуч, мятежен,
Порой уныл, порой речист;
Но сердцем радостен и нежен,
Но в чувствах искренен и чист,
Задорен, буен, своенравен, —
От дедов принял этот склад:
Я простотой всегда им равен,
Я весь от них, — их строй и лад.
Я не склонялся пред неправдой,
Как и они, вредя себе,
Я жил, сколь мог, простой их правдой —
И буду верен их судьбе.
Богатств текучих не оставлю, (можно и
Как и они; я — капитал. текущих)
Их имя доброе восславлю,

Оставлю — что от них впитал.
Как и они, — нелицемерен,
Как и они, — не очень глуп,
Привязчив, ласков, легковерен,
К соблазнам жизни, право, туп.
Мои пороки — их пороки,
Большие ль, малые, — Бог весть.
Но жизнь дала-таки уроки... —
И можно смело **все** зачесть.
Вы — не петух, я — не кукушка,
Мы с Вами в дышле, тянем воз.
Куда?.. зачем сия **игрушка**?..
Пред настоящим..? — вот вопрос.
Куда?.. зачем?.. — а кто е знает..!
Должно быть, **есть — затем, туда**...
Зачем снежок на солнце тает,
Летит падучая звезда?
Зачем румяная порфира
Сияет в небе в час зари,
Объемлет целые полмира
И зажигает янтари?
Зачем безгнездая кукушка
Птенцам не собирает пух?
Зачем в луче сверкает мушка,
И мерит криком ночь петух?
Зачем, куда... — никто не знает.
Ответ на все, конечно, **есть**,
Но разум наш не постигает... —
Не в силах Божью Сеть расплесть.
И мы невластны — наша доля —
Покинуть жгучее ярмо.
Такая, видно, Божья Воля:
Тяни... хоть все кругом — д...мо.
Ну, что ж... и по д...му потянем,
Таков уж, видно, выпал путь...
Авось с д...ма кого и стянем,
И доплетемся как-нибудь.
Ударит час — и Бог уставит:
Велит Архангелам отпрячь,
И те по стойлам нас поставят,
Ярмо сваливши с пары кляч.
Те стойла — не земные стены:
Там все отверсто, все — ответ;
Там ни измены, ни подмены, —
Там верный лад и вечный Свет,

Высокий Смысл, «покой и воля»...
И **там** поймем: **куда... зачем...**
Увидим пройденное **поле**,
Зачем мы сеяли, и — чем.
Познаем Мысль и Цель Творенья...
Постигнем: ненапрасно мы
Прошли круженья, и крушенья,
И воскресение из **тьмы**.
Вольемся в Свет Преображенья,
Познаем радость — **вечно быть**,
С Творцом в блаженном вдохновеньи,
Творить, и славить, и любить. —

В-вот, как бы и «самоепи-тафия».

А мне... к каким «матерям» уйтить? Гете вон к правнучке *ушел*... ему 71, ей — 16!!! Хожу у воды — броситься? да холодно больно. Так я хожу у ожид<аемой> 3-й кн<иги> «Путей». Пошлепываю по бедрам — вот, ахну! Ну, да — увидим. А вот когда глаз зудит, да опять сезонные боли (весна-осень) *ulcere*[201]... вот и бухайся: через кажд<ые> 1/4 ч. — на диван бросаюсь и замираю. И стихи — с болями писал, едва черновик разбирал.

Ваша речь «Пушкин» (Пророч<еское> призв<ание>) зело чревата: восхищает — кому давал (*на 1 день!*) — из округи. Буду читать 3-й раз.

Вот что-с... Тх<оржевс>кий еще не отозвался, а я ему ровно 5 дн<ей> тому посл<ал> п<исьмо>. Мимо.

Главное: стала точить навязч<ивая> мысль. Вы ***обязаны*** написать «Детство-Отр<очество>-Юность»... — **Ваши.** Да. О-бя-заны!

Во избеж<ание> «крыловского» отбоя, не растекаюсь. Но вот что: я помню: «именинО», «филосóс», «побег<ать>-погул<ять> — крас<ных> дев<ок> пощипать». У Вас здоров<ый> заряд — зараза. **Важно** (для буд<ущих> гг. психолог<ов>-аналитиков творчества), чтобы Вы дали канву (вышивка известна!). С «млад<ых> когтей», ибо Вы «с когтем». Все. Ну, Б<о>г<а> ради! Будто Вы это Ш<меле>ву п<ись>мо пишете. У Вас — **все**. А юмору (и п<о>д ч<ас> сарказму) — горы. **Что** Вы *можете* рассказать! Я бы захлебывался. Это Вам было бы — **отдых**. Без замахиваний, а что скажется. Бесплан-

но. У камелька. Ночь под Рож<дест>во. Пушкин, думаю, все откладывал — о себе. И — отложился. Умоляю Вас. Ка-кая гимназия получится!... А первая любовь!!!... Главное — зоркий глаз, со-ро-чий. Вдумайтесь. Эпо-ха-то!.. Я уж весь разменялся, я — в кусочках, я-то... всюду в моем. Много в Ист<ории> Люб<овной> — детства много-много. «Л<ето> Г<осподне>», «Богом<олье>». Еще и в др<угих> расск<азах>, кот<орые> Вы, м<ожет> б<ыть>, и не знаете. «Как я покорил немца» (там целая поэма в стихах (!) ввалена. «Музык<альная> история». «Лампадочка»... У меня до 5—6 книг ждет издания (***не*** переиздания). Ив<ан> Ал<ександрович>! Грех Вам будет не написать ***о себе***. У Вас выйдет — по-особенному, коли **забудете**, что пишете: сказывайте, шутя. А там увидите, во что отольется. Ба-гаж-то у В<ас> ка-кой! Он скажется особ<енно>, когда подойдете к Универс<итету>. Но *важно* для буд<ущего> **русского** читателя знать, **как** и **из чего** получился И. А. И<льин>. Мне видней, чем Вам. С этой просьбой через В<ашу> голову обращаюсь к Наталии Николаевне: понудьте, в часы отдыха. Я же, как Марий, буду заканч<ивать> отныне п<ись>ма, если Бог судил еще писать, — «пи-ши-те о себе»! Как осенняя оса, ли-пкая, стерьва!

А пока — обнимаю Вас, приветствуя здоровьем обоих. Топится печурка. Одиноко. Все вечера — с 7 ч<асов> — одни́[202], один. И хорошо, и плохо. Но... Господь. И — боли. Да будет Его Воля.

Ваш Ив. Шмелев.

425

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<5.XI.1946>***

1946 XI. 5

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Пишу совсем кратко, разорван дружескими хлопотами.

Редактор выходящего в С<ан->Франциско ежегодника «День Русского Ребенка» просит для XV выпуска а) Вашу биографию, в) Ваш opus. Разрешите мне ответить «да». Биографию напишу *я* (украду из

своей книги). Opus — что дать? Из *нового* «Лета Господня»? Что именно дадите? Напишите мне не откладывая. Выпуск выйдет еще не скоро, но ответ нужен *теперь же*.

Очень тревожит меня Ваш недуг. Я *уже* направил к Вам потомку Святителя; эта благодать идет к Вам, вопреки Вашему смирению и болелюбию.

О жизнеописании моем не стоит поднимать вопроса: *не* напишу. *Если* напишу — то *не* о себе, а о *«Лучших, кого я встречал в жизни»*. Такой замысел *есть*. Из меня сделалось то, что сделалось, именно потому, что я *всю жизнь систематически* перемещал акценты и интенцию *с себя на Предмет*, заботясь о том, чтобы мое мутное стекло не повредило очевидности и чтобы удалять душевную «перхоть» (pardon!!). А теперь вдруг обратно? Нет, мой друг, и разговаривать не буду: и *некогда*, и *неинтересно*, и *охоты нет*.

Очень хорошо у Вас вышло — «Куда? Зачем?». *Совершенно замечательны* — художественно верны и проницательны — строки о Евлогии. Исчерпывающи *почти*: надо добавить *вечно несытое монашеское тщеславие и честолюбие*.

Мы *еще* не читали Ваших последних перлов Лета Господня. Читать будем *совместно*; а программа совм<естного> чтения сейчас еще не опросталась и *мешать* не хочется (идет тяжелый и злой Шаляпин[203]). А *это* скоро прочтем: *утешаюсь* — *радость* предстоит! Обнимаю.

5/XI 1946 И.

<Приписка:> Посылаю шалость, для улыбки.

Банка.

(из Ид<иотики->Об<ормотики>)

(Идиотика-Остзеика)

(Корреспонденция из Прибалтики)

Посылаем редакции выдержку из дневника немецкой гувернантки Кунигунды Берхтольдовны Рейнфингер, женского пола, 74 лет. Этот дневник случайно попал в распоряжение Вашего корреспондента в 1937 году при посещении одного остзейского замка в одном прибалтийском городе, принадлежавшем после 1918 года

сразу Эстонии, Латвии и Литве. В случае музыкального исполнения — поется на мотив «Дейчланд, Дейчланд ибераллес»[204].

Штейт ди банка мит варенье
Ауф дер полка им чулан...
Унд дер дворник хольт ден паспорт,
Унд дер дворник хейст — Иван.

Ин дер кухня кохт Матрена,
Унд Матрена кохт ди щи...
Унд зо шен ист ди капуста,
Что другой — хоть не ищи!

Унд дер альте огородник
Рейхт мир аллес чрез забор...
Нур ди бочка фом отходник
Пахнет шейслих на весь двор!

Унд ихь кауфе бейм разнощик
Этвас рыба, этвас дичь;
Унд ди тётя мит извощик
Брингт цур пасха ден кулич...

Хейте ночью гейен алле
Цур заутреня — в собор...
Ихь аллейн, оставшись в зале,
Тринк стаканчик фом кагор!

Ихь вар иммер патриотка,
Обожала унзер край!
Унд дер немец — мне не тетка!
Унд ин Дейчланд — мне не рай!

Унд эс шийн мир, — мне казалось,
Что умру за фатерланд!
Руссланд, Руссланд — ибер аллес!
Ну а немца — ин ден занд!!...

426

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<11.XI.1946>***

11. XI. 46.

Дорогой Иван Александрович,

Была у меня С. Е. Трубецкая, — очень приятная; хорошая, видно, душа. Поняла, что д<окто>рша Веретенникова, подающая благодать наложением рук, вряд ли тут поможет. Я слыхал про В<еретеннико>ву, —

многоглаголющая, очев<идно>, неврастенична, «с воображением», богомольная. Она не от корня Свят<ителя> Филиппа, а от как<их>-то потомков русских людей, посетивших Митрополита в узилище и получивш<их> благодать «исцелять». Сказание, понятно. Еще по дороге ко мне Софии Евг<еньевне> пришло на мысли посоветовать мне обратиться к гомеопату и радиостэзисту, излечившему от язвы ее сестру. Берет тот гомеопат 300 — три-ста! — франков! Зато занимается с пац<иентом> почти час... он, видите ли, «ша-риком» ставит диагноз. Плохо дело, если доходит до «шариков»! Во́ды-то вот нащупывают. Но, думаю, прокину еще... Был у глазной врачихи Бронштейн (из насих), говорит невнятное, помощи глазу не дала, а он раздражен, воспален... мазь прописала — натирать веки и прочее, в окрестностях глаза... — ни-какого облегчения. Теперь мне дел<ают> инъекции в мускулы на заду, 3 уже раза, — пока ни-каких реабилитаций. Броншт<ейн> то-же берет! — 300. Да, мой глаз, м<ожно> ск<азать> — ал-маз! Извел меня. Бр<онштейн> меня саданула: «давно бы надо было **его** вынуть...» — у меня б<ыл> острый ушиб лет 35 тому, и изредка потом глаз воспламенялся и болел, — «но теперь не стоит, неопасно для другого — ?! — т<огда> б<ыл> *он* и не рабочий». Говорит, что у меня, видимо, не рожистое воспал<ение> было, а «зона». От чего не легче, зона или не-зона. Накипает в глазу, жжет кругом, жалят «муравьи». Придется к «шарикам»... пусть пошарят.

О «Дне Рус<ского> Реб<енка>»... Прекрасно. Пошлите биографию, б<удьте> добры. Я терпеть не могу писать о себе, — писано-переписано... Присоветуйте, что выбрать. Был у меня Зеелер, генер<альный> секр<екретарь> Союза Пис<ате>лей (друг мой, верный), передал просьбу д-ра Долгополова о том же. Я хочу выбрать между — «Москва» из 2 ч<асти> «Л<ета> Г<осподня>» и — главой из 2 кн<иги> «Путей»... — где несут иконы — хочу озаглавить — «Поднятие икон». Помните, крестный ход, и Викт<ор> Ал<ексеевич> переживает радостное возбуждение — «мысли»! — от слиянья с народом? Зеелер настаивает на этом. Но и

«Москву» можно, это XIX глава, у Вас. Отпишите поскорей, что выбрать, покорюсь В<ашему> совету.

Не отстану: пишите о **себе**. Это не для Вас, а для всех прочих. Эти должны знать, **как** складываются **такие** люди, ими же жизнь стоит. Это В<аш> долг. Это уже — **путь**. Это — в научение. Не отмахивайтесь. Молю. У Вас выйдет не скучноватое суконце, к<а>к у Короленки — «История моего современника», хоть и там многое не без пользы. Но «калибры»-то слишк<ом> разные. **Нужен** — русский человек, мыслитель, учитель, тво-ри-тель... а не «общественник»: известно, как «рождается» общественник: «благих намерений» — 80 грамм, «самоуважения» — 18 гр., «любви» — можно и обойтись без оной, «честолюбия» — квантум сатис[205] и растворить в розовой водице, добавив, елико можно, «непримиримости» и «у нас все скверно». Есть и другой рецепт, терпче.

ПИШИТЕ О СЕБЕ!

Теперь — покаянное. Вышел в Цюрихе «Чехов». Отбирал — аз, грешный. Он же дал и «вступление». Замешано на... Кандрюшке. Знаю, не любите ее. Не писал. Полтора года тому обрат<илась> она ко мне от одного изд<ательст>ва... не мог отклонить: I. — искушение пояснить зап<адным> чит<ателя>м — Чехова; я его, прочитав в 4—5 раз **всего**, внял по-новому: к<а>к выразителя русской **сущности** — ! — и сказал. II. Надо было **есть**, заплатили мне за «выборку» 100 шв. фр., за «вступление» — 200. Ну, судите... секите (хорошо?). Книги еще не видал, шлют.

Грустное известие... но должен осведомить, чтобы Вам не наперевради. Жалею человека сего. Ремизов взял сов<етский> пачпорт. Ему надо было узнать о дочери в Киеве. Сказали ему, — иначе не узнаете, без пачп<орта>. Пачпорт привез ему консул Емельянов, ныне уже отозванный. И при пачпорте... бут<ылку> шампанского. Пачпорт видел у Р<емизова> — Зеелер. Рем<изов> **не** собирается возвращать пачп<орт>, к<а>к ход<ят> слухи. Запутали человека... Дочь «умерла от разрыва сердца», в окт<ябре> 43 г. — !!? Есть после нее мальчик 16 л<ет>. Теперь Рем<изов> может с ним

списаться. Шел вопрос об авансе под буд<ущие> издания... пока — ? — вряд ли буд<ут> издавать. Зеелер его осведомил, что отныне он потерял все права «рефюжье»[206] с «процентами» от сего капитала. Чем будет жить?... Очев<идно> — **оттуда**..? Мне его жаль.

Измучил недуг, 7-ой мес<яц>. Помолитесь.

Обнимаю. Привет Н<аталии> Ник<олаевне>.

Ив. Шмелев.

Еще, сюплеман[207]. П<ись>мо, наконец-то, от Арт<ура> Лют<ера> (Marbourg — Zahn. 16 Teichwiesenweg, 3. Deutschland-Grosshessen, USA-Zone, Russian.) Не получал от меня п<исе>м. Пишет на голубой бумаге — цв<ет> надежды! Он в Марбурге, где сын его — доц<ент> при универс<итете>. Рукопись перевода «Пут<ей> Неб<есных>» до сих п<ор> хранится у издательства Бекштейн, «который по-прежнему думает издать книгу, как только представится возможность». Ад календас грэкас[208]?... Что до изд<ания> в Швейцарии, — пишет, — опять помеха: пока ни книг, ни рукописей из Герм<ании> за гран<ицу> посылать нельзя. *Очень хвалит* усердную работу Церкви всех христ<ианских> исповеданий. «Интерес к православию сейчас особенно жив и велик».

Напишу ему: мне известно, что Эрнст Вихерт, живущий под Мюн<хеном>, печатает и издается в Швейцарии... — или он и живет в Шв<ей>ц<а>р<ии>? Не живет если — как-то пересылает! Кандр<ейя> не хочет и слышать о нем... хотя Вих<ерт> «у себя» сидел в концлаг<ере>! Она страшно накалена — и права! — немцы истребили в Риге почти всю ее семью — мать, сестер и разн<ых> родных. Итак, с «Путями» на нем<ецком> мутно.

И еще вот что: хороша для меня гречн<евая> каша... для язвы 12-перстной к<ишки>. Ложечки две-три съешь, бывало, — легчало. Как-то мне, с год тому, прислали добросерды — «Об<щест>во Пом<ощи> Рус<ских> Женщ<ин>» — вместе с халатом и проч. — 1 фунт гречки, на пакете написано было, на ярлыке, лат<инским> шр<ифтом> «КашА» — на — а́. Солнцем осветило, — на 8 каш хватило. А послать в Ам<ерику>

мне не к кому... денег нельзя посыл<ать>, просить — совестно обременять. М<ожет> б<ыть> мне за «рассказ», пусть в кредит, — это же бесплатно! — как моя лепта, — пришлют хоть две «кашИ»? а?.. больному-то, а?.. Бывало, Раиса Гавр<иловна> Земмеринг из Риги посылала, и даже, живя в Германии. А теперь некого попросить, все голодные. Только одна Америка остается... «Крива-крива ручка... кто даст — тот князь... кто не даст — тот собачий глаз». Помните?.. Не для «мамоны» мне, хоть в мамон.

Ваша «немка в банке» — во-от «дуботолку»-то выкрутили!.. конца-краю не найдешь. Хотел размахнуться француженкой... ку-да! побила все лекоры. Ух-лынулся. А, глаз-алмаз... ре-жет! Приходит, видно, конец. Да язва погуливает... э...! Плох Шмель.

О франц<узских> «Путях» — мало знаю. Эмерик отвлечена болезнью жениха. Говорят, видали эталяжи с моим детищем... и больш<им> портретом — !? — откуда достали?.. — красуется на рю Помп, еще в центре, и в Отей. Не ходил, не любопытен. А когда отчет — не знаю. И как идет — осИ[209]. Прислал бы Вам «Чехова», если бы у меня имелся. Как уж **она** перевела?.. Мне-то, конечно, небезразлично. Но Чехова легче переводить, чем... не-Чехова.

Ремизова мне жаль... запутали полу-юрода. Та-ак обошли... многие из «наводчиков» — слыхал я — бывали у него... Я был с месяц тому, и был удивлен, когда он мне сказал — «завтра будет у меня консул Емельянов». Я промолчал. Думал — снизошел человек к болящему, привезет ему весть о дочке. А тот ему привез... па-чпорт! и бут<ылку> шампанского. И — «умерла от разрыва сердца». Не они ли убили-то..? Ем<ельяно>ва, к<а>к сказал, **взяли** в Москву... «язвой, будто, заболел». Сибирской?.. Это вот 3-го «убирают».

Читал в социал<истическом> вестнике, америк<анском>, п<ись>мо Мих. Мих. Корякова[210]. Он заходил ко мне, раза 4, мин<ут> на 20. Культурный, даровитый человек. Два высш<их> заведения кончил: филологич<еский> фак<ультет> и политехникум. Коечто рассказывал. Намекнул даже... Сибиряк, распола-

гающее лицо. 35 лет. Выпускает скоро книгу, как сов<етская> вл<асть> **украла** у рус<ского> народа победу. Книга сдана в набор.

Пожал<уйста>, выберете — «Москва» или из «Путей»? Думаю — на «Москве» остановитесь. Вчера, каж<ется>, памяти Пятницы-Прасковеи. Помните, в Охотн<ом> Ряду, где узенький был проходец, коптильня рыбная?... Вспомнилось: бывало из театра идешь-едешь, зима! мороз... и светится лампадочкой Прасковеюшка... а-ах... Думалось ли...?! Снесли, окаянные. О, как устал душой... едва заставлю п<ись>мо написать. Ни-какого просвета... и еще недуги... и — ужасное одиночество, эти долгие вечера... один, один... Днем еще заходят... бывало, одолевали, и я загорался. Когда была О<льга> А<лександровна> — из Голл<андии> — толчея была! Будто на мед слетались. Всех она чаровала, живостью. А у меня глаз болел. Замучился я с народом тогда. Ну, что Бог даст.

Одинокий, никнущий раб Б<ожий> Иван.

427

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<15.XI.1946>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо за письмо! Триста за выбор и предисловие — это *прилично*. Но — кто это получил *realiter*[211]: ***Вы*** или же это поступило все в ту же мертволежачую кассу кандрюшки? Да и не проживает ли она эту кассу на себя — *конечно, о, конечно* с *Вашего разрешения*, даже *по Вашей настоятельной просьбе?!* Посылаю Вам рецензию. Только что видел книжку из чужих рук. Ну, тутошние отнесут, конечно, Палату № 6 ко *всей России дореволюционной*. И *тот же* смысл придадут они, конечно, вычитывающейся из Чехова «Trauer, Bitterkeit und Empörung» (перевожу обратно на русский язык: «печаль, горечь и негодование»).

Бедная, бедная моя Россия!!

О «Дне Рус<ского> ребенка» напишу в следующем письме к Вам.

На «биографию Шмелева» буду ждать ответа от Борзова[212].

Лютеру написал.

Шарлотта Максимилиановна написала своему сыну в Нью-Йорк о гречневой крупе для Вас. В *день получения Вашего письма ко мне* — пошло ее письмо авионом. Он купит в русском магазине «гречневую крупу ядрицу» и вышлет.

Предавший Россию Советам умирает для меня. Ремизову я помогал до лета. Летом, учуяв, куда он гнет — *кончил*. Панихида отпета. И сострадания *нет*; а ремизовской анимальной жалостью я не занимаюсь.

Ваши триста франков «гонорара врачебного» равны *у нас* 3 франкам 30 сантимам, на старый русский рубль = 1р. 25 копеек. Завтра летит к Вам сальто мортале на шестерых врачей.

Буду молиться за Вас.

Обнимаю.

15/XI 1946 Ваш Петр Воробейченко.

Едут к Вам две посылки: одна с доступными подспорьями, другая с сардинами из Португалии.

428

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<20.XI.1946>*

20. XI. 46.

Ах, дорогой Иван Александрович... — все то же: все медики руками все разводят — и за нос так и сяк по «медицине» водят... Волею Божией выстрадываю, утешая себя, что ско-льким выпадает ку-да мучительней!..

О, бессмертное, блесткое
Сальто-мортале!..
Вдохновенное-дерзкое... —
И так дале...

Бокал шипанского-донскова, —
Помянем князя Трубецкова!
Карих.

Во всяком случае, — здоровье княжны Трубецкой! Ура-а-а!.. Здоровье Ивана Александровича!.. урра-а-а!... «Несут, несут, несу-ут!..» Принесли. Но... стеснительно на костылях попрыгивать, хоть и другом подсунутых. Че-эм возмерю?!..

Приплыла португальская сардинка и на хвосте притащила — «сверх». Почему **сардинка** — португальская?.. Почему гречка — мериканская?.. Почему вверх ногами в мире?.. Почему тризна да на пире?..

Благодарение Мрс. Барейс, и Вам вкупе. Скажите Ш<арлотте> М<аксимилиановне>: когда буду в России — без «ремиза»![213] — приглашу на парадную кашу... в крымскую виллу нашу — что стоит без верху и без низа. Где ей сто-ять?!.. Промытая четверть-вековыми дождями, давно растеклась глиной...

Получил, наконец, от Кандр<ейи> «Чехова». Посланная ею простой бандеролью — замоталась: то ли швиц<арские> «шпекины»[214] читают, то ли наши — барыши считают..? — Ныне кукиш пошли простым — украдут. Теперь пришло заказным. Книжечка приятна видом... ох, как-то Вы меня пошпыняете за «нахворт»[215]? Странно: не оговорено, что и «нахв<орт>» тоже — перевод. Ну, ладно. Нет, погрешая «словом», К<андрейя> ни-когда не погрешала против меня в делах. Из тех 300 — часть зачла за посылки «коли сюиз», — посылала еще при немцах... (с Пиреней! из Тулузы!!) остальное, — больше 200 получил... — внесено было на месте в счет одного благодетеля караимского, ну... понятно, с хор<ошим> «учетцем»... проц<ентов> в 30 (для кар<аимки>!).

По настоянию кн. Т<рубецкой> побываю у гом<еопата>-радиостэзиста... когда кончится нащупывание аллопатическое. Чукну[216], трепеща: милая посланница небес что-то издательское нащупала! Но пока... молчание! Был 15-го у Крутикова[217], который всем закручивает в «Эдитер Рэюни» — пореформир<ованная> «Имка». Ожидается решение г. — мистера! — Андерсон[218]. На днях он будет в Швейц<а>р<ии>. Кру<тиков>у изложил **все**. «Лето Госп<одне>» — «все время спрашивают»! — сказал. Выразил — трижды! — удовольствие от «встречи с Ш<мелевы>м». Говорили час с малым. И я про-читал цел<ую> лекцию о «Тьме и просвещении». А К<рутиков> все заносил в блокнот, как деловой — у, деловой! — русско-американец. Что из

всего получится...? Княжна — чудесна. Верует, что пр<е>п. Серафим поможет. И я верую, это не «шарики». Решится недели через две, когда мр. Анд<ерсен> вернется из Шв<ейцарии>. Он д<олжен> б<ыл> приехать откуда-то в Пар<иж> в воскрес<енье>, 17-го, а через два дня в Шв<ейцарию>. Но Крут<ико>ву вряд ли удастся переговорить до его возвр<ащения> из Шв<ейцарии>. Эх, поймать бы Вам мр. Андерс<ена> в Швейц<арии>! Я *потрясал* Кр<утико>ва, говоря о «Тьме». «Издав нас, поставите памятник нерукотворный!» Они теперь **все** издают, т. е. и не только религ<иозно>-философ<ское>. Издали «Бр<атьев> Карам<азовых>» в одном т<оме>! А на днях получили отличную шведскую бумагу... Все дознала волшебная кн<яжна>! Тут даже «чудеса» были... рассказывала мне, была еще раз у меня — экстренно в четв<ерг>, 14-го. — «Кажется, я нашла вам издателя!».. И вот, на др<угой> день я полетел «крутиться». Пока ни-кому не говорю.

Получил, након<ец>, — через 3 недели, ответ от Тхорж<евского>. Пишет, что справку даст о стоимости, но что не исключ<ает> возм<ожности> издания... Гук<асо>вым! — 1500 экз... — «даст и авансик». Зна-ю я гук<асов>ские «авансики». А Крут<иков> сразу же заявил — издать обе кн<иги> «Л<ета> Г<осподня>» в одном томе. Мысль верная!.. со всех сторон. «Американцы» поним<ают> дело. Но я особ<енно> налегал на «Тьму и просветл<ение>». И Кр<утиков> о-чень вострил ухо. Понятно, я и не чукнул, что Вы можете от гон<орара> отказаться!... Сумейте мр. Андерсена захватить, м<ожет> б<ыть> Барейсы его знают? Это оч<ень> важно. Хоть все тут говорят, что «Крут<иков> всем крутит», но лишняя закрутка оч<ень> важна. У «Эдит<ер> Реюни» аппарат налажен, в Америку гонят, в зоне им оч<ень> содействуют власти америк<анские>! Мр. и Мрс. Барейс в минт[219] сыщут телефонами Мр. Андерсена! через **центр** америк<анский> в Шв<ейцарии> — он не иголочка, хоть, мож<ет>, и колкий. Иван Александрович! ловите синицу американскую, — журавль в руки и попадет. Я Крутикову и рукопись всучил, и «Богом<олье>» с I кн<игой> «Л<ета> Г<осподня>». Он был чрезв<ычайно> внимателен, все

повторял — «как рад, что познакомился с вами...!» Он, явно, читатель, все книги мои знает. И, показалось мне, «о-чень навострил ухо», как я ему излагал о Вас... Понятно, знает! — сказал. А я сказал: «стыд нам — когда русский бриллиант украшает иностр<анные> витрины, а голодный дух русский... ждет-мертвеет». Он подакивал. Го-споди, неужто милость Твоя осенит нас?! Бу-ди, бу-ди.

Посильно старался я **все** сказать в «Чехове». Но... б<ыл> ограничен 20 страничками (да кусочек выпустили, не запросив меня — и — сами — всунули «Даму с собачкой». Я эт<от> рассказ исключил, он не... пленил меня). Да непривычен я к критич<еским> статьям. Я, ведь, всегда от «чувства»... а «мысль» уже потом как-то сама высовывается из-под «чувства». Не слишком слабо, а?.. Ох... страшусь В<ашего> «сеченья»... но коли надо — жарьте.

Мариус в Сенате... Мариус ин Сенату ексклямоверат: «Ме квидам сентенциа, Картагинем делендам эссэ когито»[220].

... **ПИШИТЕ О СЕБЕ!**

Не понял: «на «биографию Ш<меле>ва» буду ждать ответа от... Борзова»?.. Какого...Борзова?!..

От Лютера получ<ил> п<ись>мо. Написал еще.

Конечно, Ремизов обремизился... впечатл<ение> удручающее. Но... **что**-то тут от «больного». Незадачливый... всю жизнь. Его ли изломало, сам ли изломал жизнь..?

Не могу войти в работу... разбит всемерно. Хоть и бодрюсь в п<исьма>х к Вам. Не могу, не хочу и читать... Будто — рухнуло все во мне. Че-го мне ждать?.. ничто во мне не светит... Съедает одиночество. О, эти вечера... одиночество!.. — **пустые**.

Запишите — для случаев. Узнал поразительное средство. Народное. Зеленые, — не сухие! — листья грецк<ого> ореха. Чуть ли не гангрену вылечивает. Знаю два поразит<ельных> случая. Одна старушка помирала... подкожное кровоизл<ияние> на голове и лике. Пошли страшн<ые> бурые пятна по лицу, как у покойников... Наложили ей пласт листьев на лицо и голову, на ночь,

обвязали. Наутро... — ни-чего!.. бело-розовое лицо, ни следа!.. а листья стали сухими. *Отдали себя.* Другой: укусила оса в вену на руке. Два дня чесалось после ожога. Затем... пошли по руке «шарики», выше... под мышкой боль, рука покраснела, потемнела, распухла. Обложили листьями, обвязали. — Наутро — нет ничего! здоровая рука, **свежая**. Листья усохли. Ищут мне листьев, м<ожет> б<ыть> поможет?.. Запишите. Господня тайна. Вот и «ясень» все **выяснил**. А пенисилин?..

Листьями гр<ецкого> ореха и кончаю. Болезнь извела меня, 7 месяцев!.. Слава Богу, что нашел — чего мне стоило! — силы переработать и переписать — завершить «Л<ето> Г<осподне>»!.. Пропала воля... чего стоит заставить себя поесть, сходить на почту!.. А для меня всегда месяц октябрь — особенно! — и эти «темные» ноябрь-декабрь тяжки... будто «перевал» недостижимый... А до «солнца» еще полтора месяца! хватит ли?.. Ведь ни-кого у меня, не с кем словом перекинуться... **все взято**. Как бы — в сени смертной... не дай Бог! И вот, мне дадено. Бывало, Олечка укрепляла... прочитаешь ей... — а теперь...! в окнах тьма-дождь... впереди... мелькнет обманно искра света. Главное, воли нет творческой... лег-ко-сти!... А воображение живо, а потенциал чувствуется... а дни... тя-нутся, но — бегут! проваливаются в ничто.

Единственный свет — утешение — дружба Ваша, Ваши письма, Ваша забота... — затеплевает в сердце, и в глазах набегает жгучее, просится вылиться, — вот-вот на единый миг забвенья сущего...

Привет Вам, милые. Да сохранит Вас Господь.

Ваш полу-Шмелев.

Благодарю за «N. Z. Z.>»[221]. Узнал (газет я не читаю) — prix N[222] — H. Hesse[223]. Скажите Вашу оценку эт<ого> нем<ецкого> пис<ате>ля. Достоин? Что создал? — применив В<аш> метод критики. *Только* В<ашим> мнением дорожу. Знаю я «Г'адамовичей». Candr<eia> писала — **рада**. Hesse тяжело больной лежит в невропатолог<ической> клинике. С кем бы из русск<их> писат<елей> сравнили Вы H. H<esse>? Чем, по В<ашему> мнению, руководился Ноб<елевский>

Ком<итет>? Есть ли у Н. Н<esse> такое, что д<олжно> **остаться**?... хоть бы для нем<ецкого> народа. Он — чистокр<овный> германец? Милый, отпишите.

К<а>к жалею, что не знаю нем<ецкого> яз<ыка>! Гимназия не дала, посл<едние> 3 года — любовь. Чудо было, что окончил, — и хорошо! — а семья... серенькая, какие тут гувернантки! Зато родной яз<ык> по-знал! Корю себя я: а мог бы! Полюбил же латынь! С латинистом говорил по-латыни, — и бойчей его!

<Приписка:> Ах, как хотел бы стать гимназистом... 3-го кл<асса>! и далее. *Все* бы перестроил, каж<ется>, — в себе!... Хоть и пороли меня не менее 2—3 раз в неделю, а... хотел бы. Часами босой, в одной рубашке простаивал в сенях на морозе: ничего! И уж ***не*** пороли бы. Умереть хотел не раз.

20. XI. 46.

Сейчас п<ись>мо от Candreia. Черт знает что!

Я ей **ясно** писал: если нельзя через В<аших> парижских послать мне эквивалент, пошлите почтой (от *кого-нибудь*, т. к. знаю — что у В<ас> нет отношений с проф. И. А. Ильиным), что *эти деньги для Ш<меле>ва. И только.* Я бы получил от Вас запрос, и все Вам стало бы ясно, и я просил бы Вас об изв<естном> одолжении. Нет! Она, *вопреки всему*, звонит Вам, беспокоит, *навязывается* (!), и все запутала. Ну, распутается... Но я прошу Вас, дорогой, простите меня за ее бестактность. Она, очевидно, простой вещи не поняла. Я просил ее тронуть остатки моего «резерва», на крайний случай. Мне все это страшно досадно. У меня с 38 г. были оставлены посл<едние> крохи в банке в Куре (бумаги), я не хотел их везти через Германию, — ехал в апр<еле> 38 г. в Прагу и в монаст<ырь> пр<е>п. Иова в Людомировой. Б<ольшая> ч<асть> распылилась, когда С<andreia> по моей довер<енности> брала для меня и посылала мне. Я дважды получал через Office de Change[224], по курсу 1 шв. ф.=10 фр. фр. Съел себя. А один посыл совсем пропал (при немцах) — 300—250 шв. фр. Этот немцы, каж<ется>, ущемили... В денеж<ных> отн<ошениях> С<andreia> всегда была точна и всегда **чиста**.

И тут хотела как-то удружить мне, и ***так*** обратилась к Вам. Меня это сугубо расстроило. Я ей написал *ничего*

не предпринимать, обойдусь. Да еще перев<одчи>ца фр<анцузская> меня запутала: обнадежила, что в 1-ой полов<ине> окт<ября> со мной б<удет> подписан контракт на «Неуп<иваемую> Чашу», и до с<его> врем<ени> не кажет глаза. Но все равно, я устроюсь, в крайность не попаду.

Простите. И мне, за нее, и ей, Candr'юшке.

Ваш Ив. Шмелев.

429

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.XI.1946>***

21.XI.46. Утро. Глаз все тот же — «алмаз». Сил нет...

Марий в Сенате: «по моему, по кр<айней> мере, мнению, Карфаген...» и проч.

ПИШИТЕ О СЕБЕ!

А вот, обо мне... Считаю необходимым осведомить Вас: я «Даму с собачкой» не включал в сборник «избранного Чехова». Это самовольство руководителя изд<ательст>ва или — Кандр<ейи>, или — «оба лучше». Рассказ этот, по-моему, неудачный. Случайный, «из летних». Зрелый Ч<ехов> никогда бы не включил его в «избранное», уверен. После «Анны Кар<ениной>» давать **такое**. Одна сценка с «арбузом»... — «для любителей». **Что** за «герои»!.. Но об этом надо бы распространенно... не в п<ись>ме. Рассказ — «случай». Печатают — «избранные» таким-то... и самовольно включают. Свинство. Я взял «Новую дачу», о ней упоминал в «послесловии»... (выбросили). Почему — «послесловие», а не «прэфас»[225]?!.. Меня сие оч<ень> огорчило. Знай я, что поступят так, не считаясь с моим мнением, никогда бы не взялся за «избрание». Думаю, что это присоветовала К<андрейя>. Она еще в перв<ом> п<ись>ме ко мне о Ч<ехове> — совала: «не взять ли, наприм<ер>, «даму с собачкой»?..» Не рассказ, а «собачка». Пошлость с «приправой». И что за «герои»?!.. ка-кая их значимость?.. Да мало ли неудачных браков, так о всем и писать?.. Историйка банковского чин<овни>ка и скучающей «пустышки» (сучонки) с «собачкой». Таких нельзя принять к сердцу — читателю. И этот расск<аз>

включил?! А на обложке — я, я — для читателя-то! — включил!.. Тьфу!..

Расстроила меня выходка К<андрейи>! Ей яс-но б<ыло> сказано: «пошлите от неизв<естного>, что ли, «для Ш<меле>ва!» Ох, эти навязчивые!.. Черт знает, м<ожет> б<ыть>, хотела добра мне? Вероятно. Но не учла, что Вы ее терпеть не можете... — зна-ет!.. И все-таки полезла. Мне это вот каким камнем навалилось..

Ваш Шмелев.

Доколе, о, Господи?!...

430

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<23.XI.1946>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

1. Две минуты тому назад Ревекка[226] прислала мне почтою двести катушек, что и требовалось доказать. Это сегодня, в субботу 23 ноября, в 4 ч. дня. Отправлено ею сегодня же, в 12 ч. дня. Сим вопрос исчерпан. Но, признаюсь, что, читая Ваше огорченное письмо, я несколько раз пожимал плечом и внутренно восклицал: «с собакою ляжешь, с блохами встанешь»; и еще: «с пчелкой пойдешь, до меду дойдешь, за жучком пойдешь — до навозу дойдешь». А Ваш рассказ о ее приемах (курс 1=10 и караимовы 30%) вызвал у нас глубокое возмущение. Хороша также история о Даме с собачкой! Ясно: она у нее *уже* была переведена и никуда не помещалась — ну таки она ее и предложнула; а Вы, вдруг ее не включили, ну таки да, она ее и вдвинула. И что вишло особинова? При литературном супружестве разве разберешь, кто таки бризнул в разговоре — он или она? Ну, словом, дамассобачкой. «С дамойссобачкой ляжешь с дамойсблохами встанешь». И «не унывай, *жандарм*!»... NB. Она здесь дружит с *самой последней советской* стервой: вместе про меня гадости вредные распускали. Не забывайте этого!

2. «Португальские сардинки» — это *не* contradictio in adjecto[227] и не географическое заблуждение. Скорее топографическое блуждание: заплывают от Сардинии через Гибралтар благодаря англо-испанской анархии.

Это — *лучшие*. В Португалии не было ни гражданской, ни большой войны; подвоз всего свободный; оливки свои, сардинки свои. А у меня туда нить через одну здешнюю контору: Frau Krebs (у нее там филиал). Я сел и рассказал ей о Вас скромно-подобающе. И вот итог: это посылка *не* стандартная, а индивидуальной композиции. Заказ дан мною 11 ноября, а 22 ноября Вы уже известили о прибытии. Это 11 дней. А стандартные посылки по обычным путям идут не менее 2 месяцев, т. е. в 6 раз дольше. Напишите мне, *хороши* ли сардинки и полезны ли они Вам. Посылка *не* дорогая. Ее можно повторять, ad libitum[228]. Еще одна посылка к Вам в пути. Пошла 9 ноября (без вредных вещей). След<овательно>, увы, придет только в январе. — Пожалуйста не спрашивайте, «чем возмерю». *Щедрость* нужнее *принимающему*, чем дающему. Легкость дара есть и легкость взятия. Все это, конечно, не о взятках, а о сущих дарах любви. Вы подарили мне благодарность дарителя к одаренному: это не выдумка, а глубина подлинной жизни. Также и Шарлотте М<аксимилиановне> — Вы ничем не повинны и не вздумайте «отдавать»! Убью!

3) Чехова-Шмелева еще не имею. Еще не читал. Тогда напишу.

4) Я очень огорчился, узнав, что Вы упоминали Тхоржевскому о моей книге. Есть места, куда я *не* обращаюсь. Тхоржевский даровитый, но аморальный и пустой прохвост. Вместе с Абрашкой[229] они плывут в *неприемлемом фарватере*. Лучше совсем нет, чем у них. Но это *для меня*. Вы — художники, романисты, музыканты, певцы, артисты — Вы «самороды искусства и радость всем доставляете беспартийно» (Шмелев).

Я совсем перетревожился, когда прочел, что Вы говорили о моей книге с Крутиковым: Вы предлагали меня *моим врагам*, которые раз уже выгнали меня и не устают мне вредить с 1924 года!... *Джон Мотт*[230], *Кульман*[231], *Андерсен* и *Бердяев* — *одно*: масонское гнездо советофильства, они же янкмены, они же женевская «экумена», они же парижская «зёрновщина»[232]. Плевался я целый вечер. Не только не буду «ловить» Андерсена, но если он *позовет*, так *не поеду*. Все их агенты — Кру-

тиков, Пьянов[233], Вышеславцев[234] (ныне полувыгнанный), Алексеев[235], Никитин[236] с tutti quanti[237] — *профессиональные* лицемеры, торговцы совестью, религиозные карьеристы. Я их *знаю*.

Вы — другое дело. Вы «самороды искусства», у Вишняков печатались все время. А я «самоурод философии» и мне ни в Соврем<енных> Записках, ни в «Безпутии»[238] Бердяева, ни у Кульманов и Андерсенов — места *не может быть*. Лучше *помолчу* в печати *до самой смерти*. На все Воля Божия.

Человек, ставший советофилом, *умирает для меня заживо*. Он предался дьяволу. Он — по *ту* сторону. Он *губит* русское национальное дело. Его место в моем сердце *быстро высыхает*, и я воспринимаю его, как *покойника*, сознательно и добровольно захотевшего умереть в предательстве и позоре.

Заклинаю Вас Богом: не спросясь у меня — не предлагайте меня *никуда!!*

5) Кто такое Борзов? — Русский. Старец 75 лет. В С<ан->Франциско. Представитель Кулаевского фонда, помогающего эмигрантам, детям и взрослым. Главный редактор журнала «День русского ребенка». Кто с Вами говорил об этом журнале — это его подручные, помогатели. Я жду его ответа и согласия. О Вашей биографии поднял вопрос *он*. А о *моем авторстве* поднял вопрос *я*. Ответит — напишу.

6) Думается мне, что из II тома Лета Господня лучше было бы дать им «Говенье». Психология русского говеющего ребенка так чудесно, так наивно, так подлинно дана, столько там не внешнего, не случайного, а субстанционально-внутреннего, что душа озаряется счастьем.

7) Теперь *главное*. Мы заканчиваем чтение глав XI–XXV Лета Господня том II. И вот, что непременно надо сказать Вам.

Обе части Лета Господня написаны *различными актами* и поэтому представляют из себя два *отдельные* произведения, требующие различных заглавий. Первая часть есть *художественное созерцание религиозного бытия России, скрытого за повседневным бытием*. Вторая часть

есть *излияние сыновнего сердца, взволнованного и потрясенного любовью к отцу в его жизни и в его смерти.* Первая часть: есть *эпос России.* Вторая часть: есть *автобиографическая лирика.* Первая часть объективна. Вторая субъективна. Первая часть *изображает* и незаметно заражает читателя *чувством.* Вторая часть — *чувствует* сама и потому несколько *перегружает* читателя и эмоционально «*деспотирует*» над ним. Это выражается, напр<имер>, в том, что строгий, объективно-художественно-сдержанный термин «отец» заменен интимным, детским и для читательского сердца не-адэкватным термином «папашенька». Когда Горкин или Ванятка *говорят* «папашенька», это художественно верно. Но когда это идет от авторского лица, то это художественно чрезмерно. Благоговейно-интимный восторг, заключенный в этом слове, не может быть ежеминутно требуем от читателя. Сергей Иванович читателю не «папашенька», а отец. Читатель эмоционально *не* поспевает за этим словом, он *отстает*, напрягается, чувствует, что от него требуют чрезмерного, и начинает... холодеть. В «Богомолье» и в «Лете Господнем» «отец» восхищал своею ненарочитою прелестью — русскостью, широтою, добротою, несентиментальною сердечностью, темпераментом, даровитостью. А «папашенька» всему этому мешает. Восхищающее не должно подаваться с нарочитою настойчивостью. Когда читатель чувствует, что его берут за шиворот «восхищайся немедленно», то он начинает протестовать. Агиография нарушает этот закон художественности.

Вот я договорился до лично-главного.

Натура большого страстного чувства, эмоциональные буреломы — должны откачивать избытки чувства в свою домашность, *чтобы эмоция не затопляла и не перенасыщала образную ткань их произведения.* Иначе опасность: культура образа — его скульптурность, зрелость, шлифовка, убедительность — пострадает. Артист в Сусанине будет плакать, а зритель-слушатель почувствует себя «отстающим». Смерть «папашеньки» описана не столько *образно*, сколько *эмоционально*; эта эмоциональность столь велика, что я по утрам, просыпаясь, соображаю,

что такое стряслось со мною?! «Ах, да: вчера Захарьин отказался *меня* оперировать, а сегодня будет предсмертное *мое* соборование»... И если таковы последствия эмоционально-художественные *для меня* (при образно-объективированном акте их не было — умирает все-таки князь Андрей, а не я; старец Зосима, а не я; Базаров, а не я; Данила Степаныч, а не я), — то *для Вас* они должны быть еще глубже, острее и *опаснее.*

Сие говорю применительно к таинственному, но для всех творческих людей неизбежному *отождествлению.*

Вообще судьба каждого из нас в отождествлении с отцом как представителем всего ряда предков и воплощением родового инстинкта. Неудачное отождествление может человеку испортить всю жизнь.

В частности этот здоровый и органический процесс был у Вас болезненно прерван (*не* испорчен, *не* нарушен) кончиною отца. Это была глубокая детская «травма», которую Вы творчески отвели и обошли в Истории Любовной, в Богомолье и в Лете I. Шмелев-художник естественно должен был вернуться к этой ране Шмелева-ребенка; и действительно — вернулся.

И вот начался процесс *художественного отождествления* с заболевающим и умирающим отцом. И притом не столько в порядке первоначального *изображающего* акта, (I часть Лета), сколько в порядке эмоционального перенасыщения, более субъективирующего, чем объективирующего акта. Опасность в том, что *инстинкт человека* Шмелева вовлечется в процесс *заболевания* и *умирания* через посредство художественного отождествления Шмелева-художника. Я невольно спрашиваю себя: головные боли семи месяцев не суть ли последствие этого эмоционально-безмерного отождествления? Не есть ли это задержанный в реальность и в длительность инстинкта — акт художника? Не воспроизводит ли он заболевание «папашеньки»? Не соумирает ли со отцом? Расплата мукою за творчество. Реализация детской травмы: «Папашенька, не умирай, *я за* тебя умру, я *с тобой вместе* умру».

Объективно от этого смерть *не* наступит; но мучения идентификационного порядка могут осложнить, затя-

нуть, углубить первоначально-*личное* заболевание Ивана Сергеевича, прообразуя и воспроизводя заболевание Сергея Ивановича...

Вот, что я хотел сказать Вам, милый друг. Вот, куда я вел. Высвободиться из таких эмоционально-нервических клещей — можно только *приняв* эту гипотезу и осознав это душевное заблуждение, эту расплату за творческое воспроизведение. Поэтому не браните меня за письмо, а окуните его в свое одинокое сердце и осозерцайте.

Душевно Вас обнимаю. Завтра сальто-мортале.

1946. XI. 23 Ваш И. А. И.

PS. О себе писать *не буду*. Публика за кулисами не нужна, нетерпима. Пускают ее только в Варьете — да и то «не для того», а «для другого».

431

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.XI.1946>***

24. XI. 46.

Дорогой Иван Александрович,

Допустил досадную опрометчивость, винюсь перед своею совестью и Вами, — ввел в заблуждение.

Ни переводчица, ни издательство никаких моих «прав» не нарушали. Запамятовал я, а теперь вспомнил, да и К<андрейя> мне доказала, переслав мое п<ись>мо от мая 45 г., — полтора года! **Я сам** включил «Даму с собачкой», хоть и не люблю этот рассказ. А включил потому, что нельзя было ничем заменить: или велики, или — «малодоступны». А издательство, из-за моего **плана**, вынуждено было расширить смету на «сборник», пустить по 7 фр. 60, вместо 6 фр. 60! — как предполагало сначала. И волей-неволей оказалось вынужденным отставить «Новую дачу». А посему и изъять мои слова об этом рассказе, о-чень важном, по-моему. Нет, издат<ельст>во проявило ко мне полное внимание, как и К<андрейя>. Я кругом виноват. Это моя болезнь все во мне путает, изводит меня. Теперь новое лечение, опять разные уколы... — мышьяк, стрихнин, гормоны...

Так вот-с... дал маху, спешу загладить, виновата моя опрометчивость, а я несправедливо «урекал» людей. А мне бы надо благодарить их — что и делаю, в душе! — за то, что дали мне возможность, — редкую! — сказать чужестранцам о русском большом писателе, о — **нашем**. Не вмените мне, если мои мыслишки показались Вам скудными и скучными. Жду книжки. Только I экз. пока прислан. А всего издат<ельст>во дает... 2 — мне. Посланный К<андрейей> и пропавший — был от нее, gratis. Жду еще один. Покупать — купилов нету.

Ну, потешу маненько... В России слыхал, вспомнилось.

Разговор парней: — «Пили вчерась?» — «Пи-ли... люто пили». — «А Васька?» — «В доску. Отливали». — «Ну?.. отлили? очухался?» — «Боле десятка ушатов, под колодцем...» — «В себе стал?» — «Впо-лне... в своем уме. Вытрашшил глазищи... — «че-рти... дайте зонтик... дошшь идет...»

«Алмаз» — алмазом. Веселого нет. Жуком в щели.

Еще потешу... Рассказывал «покойный» Билибин[239]. На этюдах. С ним молоденькая художница. Пишут на усадьбе, за избами, скирд. Баба у прясла, глядит — жалеет. Воздыхает — «Энта, барин, молоденька... как те она... внучка ай дочка?..» — «Спутница». — Вздох, глубокий. Одна рука под мышкой, другая щеку подперла. — «Ну, что ж... ничаво... всяко бывает».

Эх, где они, перлы русские!..

Должно быть я опрометчиво ахнул, писал Вам об Андерсен, — не спросясь броду — полез в воду. Неуместно, а? Как-нибудь само сладится. Движения вод пока нету. Вчера, было, чёс с 4 в<е>ч<ера> затих. Утром — «а вот я, здравствуйте!» Обрадовал. Нашли мне грецкие листья — клал. Да они мертвые, все отдали. Аптеку придется открывать: такие-то батареи всякого добра, смотреть жуть. А глаз не боится, а чёс не устрашается. Каменный дом мог бы выстроить на эту «кухню»!

Будьте здоровы, милые.

Скулю.

Ваш Ив. Шмелев-хроник.

432

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.XI.1946>*

27. XI. 46. Час пополудни.

Дорогой друг, Иван Александрович,

С припозданиями (сегодня, 27-го (!) утром в 10 ч.), *потянув за душу*, лег на коврик за дверью дроворуб, — песенку я услышал: «я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...» А я, со вчер<ашнего> вечера, уже выстанывал другую песенку: «Семь раз по-воду ходила — на восьмой надорвалась...» Есть продолжение — ? — «Семь раз милова любила — на восьмой....» — сами досочините.

Благодарение. «Паки, паки... преклоньша колена...»[240]

ПИШИТЕ О СЕБЕ!... (Догрызу!) «Кулисы» и «варьетэ» — софизмы. «Себя» можете спрятать: **надо** понять, как творится **человек** В<ашего> калибра. Я, наприм<ер>, **ничего** не знаю, — **откуда** и **как сие**. И что-то во мне настоятельно требует — **познай**!

Вы обрушили на меня все пушки и орудия. А я ни в чем не повинен. Тхоржевскому не предлагал, а, прося типографской справки, писал о своем неотложном, ждущем «меценатов», и — опять-таки для укора злой современности — добавил, что ждет печати и выдающаяся работа И. А. Ильина. Только. **Не** просил, **не** навязывал. Неужели и поминать Ваше имя — запрет. Помилуйте...

В разговоре с Кр<утиковым> оговорился, что не имею никак<ого> уполномочия от Вас — а лишь опять-таки, к<а>к иллюстрация дикой современности. И никто не может мне — даже и Вы! — запретить высказываться о трудах, для писателя ценных. Об издании же Имкой — теперь уже не Имка! — речи не было.

Я — табуля раза[241]: я ничего не знал и не знаю об «имке», о всех, Вами поминаемых... Знаю, что Вы издавались там. Только. Я не ходил к «Эдитёр Рэюни», а предался воле С. Е. Тр<убецкой> — и лунатиком двинулся, как бы ведомый **ею**, подвигнутой, по ее чувствованию, преп. Серафимом. А что выйдет — не ведаю.

Зачем меня так — «у Вешняков печатались..»?! Надо знать **все**. Да, **требовал** меня читатель, а то бы **они** меня

и на пуш<ечный> выстр<ел> не подпустили. Я, я — **им** — ставил условие! **Все** печатать, хоть это им и — как черту ладан. И — печатали, корчась. За «Солдат» меня секли в «Посл<едних> Нов<остях>» — два раза. «Нянька» **им** же напаяла, а они ежились, — и печатали. Не печатайся я в «С<овременных> Зап<исках>» — не знал бы рус<ский> чит<атель> ни «Няни», ни «Ист<ории> люб<овной>», ни «На пеньках», ни «Въезд в Париж». В «Посл<едние> Нов<ости>» я не пошел, несм<отря> на двукратные пригл<ашения> самого Милюкова, к<а>к оказ<алось>, моего по-читателя! Ни — в «Евр<ейскую> Трибуну»[242], предл<агали> злато. Уходил на 4 г<ода> из «Возрождения». 10 л<ет> «П<оследние> Н<овости>» не упоминали моего имени. От «Про одну старуху» — тоже кор-чились. Как С. Маковский — от «Панорамы», которую я *заставил* напечатать. Нет, Ш<меле>в разбирался. Но он не мог молчать. За «Солнце Мертв<ых>» — лягали и — печатали. И припечатывали в тех же «Посл<едних> Нов<остях>».

Зачем же так «самород искусства»?! Совесть не тревожит меня. Надо **все** знать. Сами судите, посмел бы я писать Вам «ловить» Анд<ерсена> за хв<ост>, если бы я **знал** и понимал, как Вам сие неприемлемо: я **ничего** не знал. И ныне я ничего не знаю.

Кандр<ейя> никак меня не обдирала: она перевела мои же деньги на счет в Шв<ейцарии> на имя караимово, — только. А кар<аим> **так** облуплял меня, с моего же — вынужд<енного> — согласия.

О «Даме с соб<ачкой>» — я Вам писал. Моя опрометчивая забывчивость, и — я по необх<одимости> включил ее. А Вы здорово изобразили, уморили.

Сардинки — превыше похвал. Спасибо.

Согласен с В<ашим> тончайшим мерилом — о «Л<ете> Г<осподнем>». Но **что** я буду делать?! Сделано. Я, конечно, могу кое-что вычистить, — и благодарю, восхищенный, за анализ недосягаемый — !!!! Преклоняюсь. В душу мою смотрели. Но... «Два солнца ходят...» — и во 2 ч. «Л<ета> Г<осподня>». Только во 2-ой — солнце в затмении. Там, — говорю о посл<едних> 9 главах! — тоже «праздники»... — но в

каком освещении!? И «Троица», и «Преображение», и «Покров»... и Ив. Богослов... — обуднились и померкли. С первой страницы 1 ч<асти> «Л<ета> Г<осподня>» до последней — преломленный наш **быт**... преломл<енный> чрез **бытие**. Я не раз писал Вам о трепете, о приближ<ающейся> му-ке моей... я долго не решался приступить к ворошенью слоев душевных... «Отец», «папашенька»... — все тот же русский человек... но уже **готовящийся**... И «благосл<овение> детей», и «соборование»... — **ступени в туда**. Важно, насколько мне удалось показать это нисхождение... Согласен: растроганностью-страданием писалось. И... представьте... **не мог** уже пользоваться хладным словом «отец». Погляжу — проверю, — рукописи у меня сейч<ас> нет. **Нельзя** дать никак<ого> иного заглавия. Обе части срощены. Добавлю лишь к подзаголовку «Праздники» — подзаголовок — «Будни». Согласен: да, верней убрать в «повествовании»! — расслабляющее «папашенька». Ваш разбор, повторю, — необычайно тонок и точен, — **верен** психологически. У меня кружилась голова. Поразительно нащупано. До — страха. Не забываю и В<ашего> замечания (когда-то!), *вернейшего*, о «Рожд<естве>» в 1 ч<асти> — оно дано в ином напеве, но я **не** мог расстаться с перв<ым> вариантом, он — для меня лично-историчен. Зато я дал **другое** «Рожд<ество>», во 2 ч<асти>. Большинство глав 2 ч. — те же «праздники», то же «Л<ето> Г<осподне>». Они должны слиться, и да изопью справедливые Ваши замечания! **Нет** — и не м<ожет> б<ыть> другого заглавия, хотя «акты» — и разные. Частью. **Слышу** сам. Но, повторяю, — зорко вникну и — что смогу — выправлю. Очень благодарю. Все понял. И уже давно предчувствовал, оттягивая работу над страшным. Если бы Вы знали эти томления! Но нельзя показывать читателю этих слез. Надо — спокойствие и замыканье в своем, и слова — **вне** меня. В посл<едних> гл<авах> **само** прорвалось — «отец». И — приподняло. И тут же — **сдало**. Выверю. **Пять** раз перечитывал В<аше> п<ись>мо. Но — нет рукописи, — у Кр<утикова>. Другая — у Вас. Дорогой друг, спасибо. Когда не будет надобности в рукописи, перешлите мне заказным.

Все еще не получил «Чехова», единств<енный> у меня экз<емпляр>. Немедленно же, получив, пошлю Вам.

Глаз все зверски чешется, и лоб. Теперь уверен, что у меня «зонА́». Эта стервозная немочь уходит только **сама**, когда ей надоест. Леченья — нет (?). Не знают. Старинная болезнь, таинственная. Показана в витраже Шартр<ского> собора — в виде «креста». У меня она язвит ровно половинную часть — правую, для меня, лев<ую> — для смотрящего на меня — часть лба, половину носа, полов<ину> головы. Все страдавшие ею поясняют **все** симптомы мои. Только д<октор>ша Крым, упорная, упрямая кар<аим>ка, твердит дятлом — нет. Она меня режимом ослабила, леча пе-чень, которая даже не прощупывается. Ведь 8-й мес<яц>! Аптекарь, сам страдающий 2—3 мес<яца>, сказал — у 6-летн<его> мальчугана — 7-ой м<есяц>. **Сама** кончается. А сейчас впрыскивают сэрум антиневрастеник Фрэсса, — мышьяк, стрихн<ин> и что-то еще **вместе** с «тэстовирон» — гормоны. Это — для общего укрепления организма. «Фрэсс» всегда был мне хорош, но вот уже лет 8 я не применял это лечение. А то, бывало, каждый год. Язва наязвилась, пока затихла.

Страшное п<ись>мо из Герм<ании>, от Зёммерингов. Вот изведали-то!... — мороз по коже. Спас преп. Серафим! да!!!

Слыхал, что из партии вывозимых «пачпортистов» — 16 сбежало! что Рощин оказался доносчиком, — худшей гадины не знаю. Пусть теперь хлебнет. Будто бы франц<узские> «чистильщики» д<олжны> б<ыли> его расстрелять. Он чуть не погубил одного видн<ого> русск<ого> ученого, донеся о нем — Гестап'у! До-казано (?!). Пострадавший сам видел подпись Р<ощи>на под доносом. Точно ли все это — ручаться не могу: мне о сем вчера сказала одна дов<ольно> легком<ысленная> дама. Но от Р<ощина> можно всего ожидать. Рем<изов>... — да, несчастный юрод, и он — на мой взгл<яд> — не так ответствен, как Б<уни>н. Этот — лизал тарелки по полпредствам, считая себя «никому и ничему неподсудным»; он — вне оценок, при-Кобель. Вот такие действ<ительно> **соблазняют**

«малых сих». Вы читали, как он «превознес» указ 14 июня — о «пачпортистах»? А сам — **чистый**, паспорта не выбрал, как и Титовы-Маклаковы[243]. Вот таких-то **надо** пороть. А Ремизов... — «жизнь ушибла» его. Достоин снисхожденья. Печать «лавочки» приучила Б<унина> считать себя «вне мерок». Оттого-то он так ощетинился на замечания о нем Тх<оржевско>го — в недавно выш<едшей> книге — «Ист<ория> рус<ской> лит<ературы>» — не читал. Бунин закричал в «Рус<ских> Нов<остях>» — «советских», — завопил, — и провалился. Тхорж<евский> назвал его — «золотой фазан на птичьем дворе». Чуть поколол, и то какой рев испустил при-Кобель. Это — «ноли мэ тангэрэ»[244] всем уже надоело. Верченье Б<унина> вкруг «полпредства» знающие объясняют невероятной трусостью Б<унина>. Он испугался, что теперь, с победой, комм<уни>сты буд<ут> хозяевами Фр<анции>. И — забежал. Перестраховывался. Бунино-гипноз не чужд и полпредам. А верней — они хотели поиграть сим козырем. «Завтрак в полпредстве» — факт. Вку-шал с убийцами и ворами. И — отвертелся безнаказанно. Ну, **они**... так ли, иначе ли — **все** причтут. Сих дел мастера. Никогда не смогу простить Б<унину>, что поганил чистую Русскую словесность — порнографией. Вот, вышли «Темные аллеи»... Зелюк выпустил. Да, темные. Я не читал, но иные рассказы знаю: «Федор Павлович», — ослабевший старый кобель, пущает слюни... Понимаете ли, **как** такая книжонка, подкрепленная именем «неприкосновенным» — **разлагает**?! **Такое** находит себе издателей — Зелюков[245]. Литературный б-к. Да, бесспорно, «писать умеет», **еще** умеет... но это-то и ужас: «гроб повапленый»[246]. К счастью, много силы в нашей молодежи, — не соблазнится, Бог даст.

Благодарю Вас, милый и добрый друг, за отменное и стро́гое (и за **сие**!) пи́сьмо. Как я истомлен этой злой **зоно́й**! Лучше бы — **зо́на**. Там — свободней, — пишут из Мюнхена. Даже издательства зачинаются... *14* русск<их> печатн<ых> органов! Очевидно, **кто**-то «меценатствует», себе на-уме. Я — осторожен. Ответил — нет. Пока не разберусь, — кто, за что, *на* что. Но ничего не имею, если бы стали печатать мал<енькие> книжечки, — пусть

дают **новым**, оттуда... — из «Л<ета> Г<осподня>», из «Богомолья».

Целую обоих Вас.

Ваш Ив. Шмелев.

433

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<29.XI.1946>***

29. XI. 46. 11 ч. в<е>ч. Поспамши (1 1/2 ч<аса>), поемши (это в 11-то часов!) правда, творожку-ворошку да чаю с галеткой).

Потянуло к Вам, дорогой друг, милый-чудесный Иван Александрович. Хоть Вы и распушили меня, — пух все еще носится. Помните, у Чех<ова>: «пух летает до вечера...»[247] М<ожет> б<ыть> потому и потянуло, что распушили. Я и в недоумении, и в грусти (*не* унынии!) пред своими осечками литературными («Л<ето> Г<осподне>»). Ну, да ланно, все онно... (вологодск<ое>). **Образуется**.

Послал Вам «Чехова». Получ<ил> от Candr<eia> успокоит<ельное> п<ись>мо, в ответ на мое смущение «от промазки с «Д<амой> с-соб<ачкой>». И опять-таки (каюсь, нашел ее п<ись>мо) она ***никогда*** о «собачке» не поминала. Почему же я ее включил да еще себя уверил, что «делаю против воли, — к<ак> бы **уступку** ей»? Да по какому-то закону душевной **очистки**? Мне страшно *не* хотелось включать. А включил, не находя ничего другого для полноты томика, хотя я и перешел на 80—100-стран<ичный> объем, указанный изд<ательство>м! Или маловато будет, или — замена другим — для иностр<ан>ца не зазвучит. Клю-чил, внутр<енно> отплевываясь, и... облегчая себя (процесс-то в душе!), оградился (*себя* оградил!) самооправданием: «каж<ется>, **она** ее упоминала, с-собачку?» Ну, и это — ланно.

Вношу поправку к частушке (своей выпечки): 2 часть строже:

«Семерых парней крутила,
На восьмого нарвалась!...»

Была сегодня С. Е. Труб<ецка>я. Ну, ми-лый человек! Побеседовали. Я был чуть **взвинчен** — стрихнину

вкололи! Алмаз — «алмаз», ох, зудит висок! У меня — Zonà! Ясно. И, говор<ят>, нет против этой стерьвы — защиты. Страдавший ею (по 2—3 мес<яца>, плечо) ученый аптекарь-сосед сказал, и — другие. Напишу в зо́ну Земмер<ингам> (спаслись, чудом, от ужасов «орд»!) — *что* изведали!! — Господь, преп. Серафим спас по Его Воле, — воочию. Укротила Милочка взбесивш<егося> гориллу. Сверхпобеда. **Нашла слова**! По молитве матери. Мать таскали 10 раз (!), чтобы — **спасало** и спасло. Без багажа (!) перешли ночью границу. В Мюнхене. М<илоч>ка весной — доктор прав[248]. Думают — в Ю<жную> Америку. Так вот, **напишу** в **зо́ну** — мож<ет> там врачи что знают. В зо́не должны найти управу на Zonỳ.

Душу отвел чуть в оживл<енной> беседе с княжной Тр<убецкой>. А. Н. Бенуа[249] сказал ей: хотел бы позна-к<омиться> со Ш<мелевы>м — «проводите меня к нему». Я сказал: сам приду, он — старший. Погляжу на его работы-акварели-альбомы... Го-споди, мне так не хват<ает> **воз-духу**! Одиночество **тлит** меня. Хотя кн<яж>на нашла, что я гораздо свежей и оживленней, чем 3 нед<ели> тому. Справлялась, нет ли движения издат<ельской> воды — нет, пока. Как бы не получилось превращения **ожидаемого вина в во-ду**!.. «Барин» еще швейцарится.

Все больше дивлюсь русским женщинам (***женщине!***) — в общ<ественном> см<ысле>. Ду-ша. И все больше узнаю их — жизнь мне к<ак> бы на прощание **указует**. И свой опыт имел, чудесный, но теперь вывод все больше, обобщаясь, подтверждается. Будь мне сейчас лет 55—60 — взялся бы за «Памятник — Ей». Но... молю Господа просветить и — дать силы и **свет** довершить, б<олее> совершенно, «Пути» (теперь-то и должно двинуться **все**!). Войдет кое-что из опыта и «познания» запоздалого, — **вглядывания**... Русская женская Душа — с пом<ощью> и Воли Господа — как-то пособит наметить **новые** следы (по эн когда данному «маршруту»!). Горит в сердце от этой правды, Правды. Да она же **дана** — смотри, дурий мир — **дана**!.. Давать план Жизни, **вести** Мир, править — должна Женщина! Мужчина — Ее прем<ьер>-министр, только. Она —

Закон Сердца. Она д<олжно> б<ыть> — мудрый и благий **Хозяин**. По праву: она вынашивает Мир. Она и его Защита. Она, *только* Она болеет Миром, за Мир. Это — сам<ый> верный Закон. Умный и злой горилла узурпировал власть Ее. Плавать ей по вел<икому> морю! Она — от природы Кормчий. К сему, м<ожет> б<ыть>, поведется действие в «Путях». Мужчина — только «мотор». А пилот Она.

Вопрос о «женщине» — лишь в зачатке. И часто — легковесно и пошло ставится, либо сл<ишком> педантично. Сказать «воспитание и руководство в **семье**» — пошлость-узость. Мир — вот семья человечества. Уверен, если бы сейчас всех по шеям: начиная со Сталина — через Трумэнов, Бирнсов, Эттлей, Бидонов, и кончая Негусом[250]... и стали бы у кормила Ольги (кн<ягини>), Марфы Пос<адницы>, Софьи (с поправками), Катерины, Мар<ии> Ст<юарт> (с попр<авками>), даже простые, но «на-вырез» русские и прочие бабы... — Жизнь вы-играла бы, ибо, сперва она стала бы зарубцовывать язвы... — жить, страшно овитаминилась бы и... обновилась. Ибо — за редк<им> искл<ючением> — Женщина **живет** Сердцем. Но, конечно, разумею **чистую** ж<енщи>ну, не Катьку Медичи и не Салтычиху. Не Тамару (Кавк<азско>-груз<инскую>), не Мессалину, не Клеопатру, хотя даже «любительницы» — лучше Калигул и проч<их> Гелиогабалов[251]. Разит<ельный> пример истории рус<ской>. Первые годы правления Ив. Гроз<ного>: что за перл-свет — Анастасия! — Да мне ли писать *Вам*! Вы *все* знаете так же, к<а>к я табл<ицу> умнож<ения>. Одна «Мисюсь»[252], одним своим присутствием уже живит окрест! Гениальн<ые> Чехов<ские> рассказы! Солнце — в капле! Сто́ит сотни томов романов. И ка-кой же намек — Татьяна! — если бы Пушкин развернул шире. Но он не считал нужным показать, почему *такой* стала Т<атьяна>, к<а>к вопрош<ал> Онегин. Пушкин знает, что *такая*, начав «письмом», — **станет такой**. Он с болью расстался с «милой Таней». Если бы!... Но он — **сказал**: **Она**!

Вот что **надо**. Она дает Мир, ergo: Мир — Ее. Мир — Она. Видите (и не судите!), к<а>к от капельки на солнце — видится мне Солнце... И какое преступление, что

женщину пристегнули к войне! Это понятно у Советов. Не непонятно у — христиан. Огрубить — загубить — живой росток!.. Мне всегда было дико, с 14 года, видеть бабу-кондуктора: «у кого там нет билета... в заду?!...» — вот оно, **начало**-то. Это самые страшные были **путы** сбивающейся с пути жизни. Соблазн. Начало конца. Не ново это, что пишу, ново — что не высказано: «мысль изреченная есть ложь». Отсюда — Софии. Отсюда «женств<енное> начало» в Боге — у Булг<акова>. Все это лишь — нащупывание. Далеко не просто гетевское — эвиге вейблихе[253]. А — прозревание. Провалюсь, проврусь... но буду искать невидные пока образы-намеки сего в том куске своего труда, кот<орый> (кусок) б<удет> уделен Господом — из дотекающей жизни...

Мифы, предания, историч<еские> бесспорные «явления Женщины» — все это показывает еще не схваченную человеч<еской> волей красную нить верного становления — бытия в творческом; творческого — в бытии. И «семя Жены сотрет главу Змия»[254] — шире брать надо, не догматически-домыслительно: сеямое Женой — сотрет, **истлит** зло. Только это. Это неясный лепет исторической дали-были. Первый лепет ребенка — Ма. Это — священный инстинкт, от утробы. Я оч<ень> редко встречал совс<ем> глупых женщин, а мужчин — сверхдостаточно. Да еще надо **понять**, что следует называть **умом**. Подлинный ум — творчески-религиозный, провидение-чуяние — духовно-душевная дальнозоркость. Вот — главная сила. И она — в женщине.

Все искляксил! И бумага, и пе́рышко, и чернила.

Покойной ночи. Зу-уд..! Zoná — (показыв<ает> на локализацию болезни *точно* огранич<енным> районом: у меня: половина (то-чно!) носа, лба, головы и окрестность глаз (правый, мой) — и он *кипит* в Zon'е). У нас это теперь оч<ень> ча́стая болезнь. Черт е знает: завели зóны — вот она и Zoná... Зудит-свербит. Досвербились.

Уверен: старинные люди умели «снимать».

Скажет: халды-манды — плюнет в морду, — она и сошла!

Нет, не так-то все просто, др<уг> Горацио[255]!

Но... «неблагополучно в датском королевстве». Сиречь: с человеком.

И с чего-то видел, поемши творожку, сон: на **белой** простыне мазал коричнево Крест. А кто-то наблюдает, к<а>к мажу...

Почти весь дописал, как на «покрове».

Да будет воля Твоя.

Будьте здоровы, друзья!

Около 1 ч. ночи.

Ваш расписавшийся и подписавшийся

Ив. Шмелев.

Уповаю — разберете?

Вот — кто Правда и выход — **Она**. Вот путь — **Она**. Да, Она оплакивает незадавшегося. И с сам<ого> первого появл<ения> ее в романе чуткий читатель русский **видит** (не глазами) — **жизнь и творчество Ее**. Она не может кончиться на варке варенья. Но... **откуда** она — такая? Это знал П<ушкин> — высшим знанием-ведением — и *не* сказал словами... но сказал все — меж слов.

Почему все, все (огр<омное> больш<инст>во) **взяты** Татьяной? Да-вот, почему?.. А вот то-то. **Есть** это — почему. Надо каж<дый> день вчитываться. И себя вопрошать, до-утробно.

И ку-да я залетел!..

Ну, ланно.

Потешу Вас. Слыхал от Б<унина> — при-Кобель. В Москве еще: Трактирщик (ну, Крынкин!) — за «катком», поднимает голову, насторожился — стро-го... крутит носом, сторожко, как бы прислушиваясь, нажимает на ноздрю, втягивает сильно другой... вскидывает бровь... и — поднимает палец:

— А ведь это... из *гла*-вного сортира воняет!?... — пауза — Тьфу!.

Пауза.

— Гаврила!.. Займись ночью!...

434

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<1.12.1946>***

1 дек. 1946.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо за снисхождение к моим «строгостям» и за терпеливое чтение моих писем! Одновременно посылаю

Вам обе половины Лета II, в разных пакетах, заказными. Manuscrit Belles-Lettres[256]. Жалко расставаться. Столько раз при чтении вслух в глазах была *влага счастья и благодарности*; и не только у меня, а и у моего «строжайшего начальства». И тем не менее — не отрекаюсь ни от чего ранее написанного. Есть такой закон: эмоциональная взволнованность автора, не «снятая» в тексте, мешает художественному волнению читателя. Это есть у Достоевского в Бедных Людях. В «Хозяйке» это дебордирует[257]. Читатель не должен чувствовать, что автор его «умиляет» или «восторгает» (это о Дариньке). Автор не имеет права говорить читателю словами: «вот святой человек»; от этого читатель мгновенно вскакивает на дыбы. И *настаивать* на святости, хотя бы и не произнеся этого слова, нельзя. Святость — это головокружительно, это «дух занимается»; ее если *предположить* — то уже много. В Карамазовых «Зосима», изображенный так, *мешает* художественной убедительности. Художественная агиография почти внутреннее противоречие. Однако Лескову и Толстому иногда удавалось. Но *коротко!* А то у читателя сделается сначала «под-потолочное» чувство подтянутости вверх, а потом чувство запанибратской обыденности. Впрочем к Дариньке мне надо будет еще вернуться. Amicissimus Iwanus, homo immensus atque ingeniosus, sed veritas apparet mihi esse sacrosanctissima[258].

Спасибо, только что получил Чехова от Вас. Почему это на обложке Нестеровская раскольница? Прочту послесловие и сейчас же отзовусь! О «зоне» слышу впервые! Как ужасно!

Рощин — доносчик... Это *писатель?* Беллетрист? Романист, толстотомный? Или другой?

Не придавайте значения четырнадцати русским печ<атным> органам. Видал я их. В Большом театре бас был «Дракуля». По грамматике **к** переходит в **г**. Часть из них католичествует. Там не свобода о мучительное томление смертников, соблазняемых предсмертно в разные кривизны... Трагедия.

Выпишу себе «Темные аллеи». Недавно прочел роман «Лика».

Лику я безликую
Умственно будировал.
С радостью толикою
Лику ликвидировал.

Что за ликование?
Безтолк-толкование!...
Скукой он пре-дикою
Лику препарировал.

Когда следующее сальто?!
До свидания, дорогой. И.

435

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<12.XII.1946>*

12. 12. 46.

Дорогой друг, Иван Александрович, получил оба пакета «Л<ета> Г<осподня>», благодарю, — вчера пришли.

Под конец жития, испиваю чашу... Недуги одолели. Судите сами... — «Зона» зонит неумолимо, — о «зонах» слышать не могу, — Болезнь моя неодолима, — я, ми амице[259], — «вже угу». — А тут еще к **зоне** неясной — Подчалил пламенный юльсэр, — Вструпил в союз любви с «прекрасной», — Хоть и клыкаст, как старый сэр. — Завидуя чужому счастью, — Подковылял к ним хлюпкий грипп, — Дохнул в меня слюнявой пастью, — И я трясусь, как хлибкий гриб. — Подобно ветреной девице, — Увы, — в сожительстве ан-катр[260], — В мечтах, гульнуть под солнцем в Ницце?... — Кутнуть поехать на Монмартр?.. — Иль расшибить башку об стену? — Невыносим неравный бой! — Иль ухнуть ночью с моста в Сену — И потопить их всех с собой?...» —

Грипп отвалился, но язва еще потачивает, а почёс ярится, душу измотал. И вот, чтобы уйти ото **всего**... принялся ломать «Пути»... — и ка-ак!.. Посылая Вам, я-то уже **знал,** что буду ломать... «внутри **кричало**». Почеркал перв<ую> половину и... похерил стр<а>н<иц> 50 — из 150. А всего выхерю до сотни, и вм<есто> 300 останется — если останется! — 200. Высушил — так и знал, что высушу! — «**слезы** и умиленья» (и не только, а много и четких, но загромožд<ающих> мелочей)... У

меня все так: «не повалявши, куска не съест», — кошка-то. Тут, в своем, я неумолим.

Опять сладость... — с «Л<етом> Г<осподним>». Кн<ягиня> Тр<убецкая>, знаю, блага хотела мне. Толкнули в чертову «бывш<ую> ИМКУ»... нет Бердяева!... а стороной узнал, что «Л<ето> Г<осподне>» передана... ко-ми-ссии! (Меня — кому?!...) и что за черти в эт<ой> ком<иссии> — после В<ашего> п<ись>ма предполагаю: масоны, д<олжно> б<ыть>, остатки от «Матери-Мареи»[261], сатанисты, «евангелисты», подсоветч<и>-ки-подвывалы... — НЕ-православные. И, вероятно, воспользуются случаем **умыть** Ш<меле>ва. Пусть. Абраму Г<укасову> отдам, торговец возьмет свой волчий кус, но хоть 2 часть «Л<ета> Г<осподня>» б<удет> издана. За что, о, Господи?!... **Все** на меня.

Сотни читат<ельских> п<исе>м... «Ваши «Л<ето> Г<осподне>» и «Бог<омолье>» — **уводят** в чистый мир, освобождают душу...» Вот на днях, из Берлина **так** писала вдова курск<ого> губ<ернатора> Катенина — О<льге> А<лександров>не[262]. Она и не знает, что мы знакомы. А спрашив<ает>, «были в Пари... не видели ли Ш<меле>ва, жив ли он?» И вот об успокоении от «Л<ета> Г<осподня>» и «Бог<омолья>». К<а>к сговорясь, повторяют то, что писали Вы... Я давно знал это. И вот, теперь — **умоют**.

Мне тяжко, мне темно́, черно́. Я страшно одинок... и эта болезнь...!

Горько... Мало меня била судьба?.. **Все** отняла... теперь до-катывает. По мелочишкам... Молчу-стенаю... сжал зубы... Ско-лько труда положено!.. и — **для** чего?!... Ну, кому-то что-то облегчал... а жизнь сжег, **не** я... — **сожгло**. Лишен даже слабой радости — видеть, что книги **живут**, творят. Не вижу детей своих... духовных. Горько.

Кончаю сим, невмоготу, ослабел. Почти неделю ел «вороб<ьиный> паек» (от язвы, ник<акой> охоты есть!). О, эти одинокие вечера, черные ночи!.. Эти короткие дни — всегда мука для меня. И тянутся, и тя-нут... за душу. И приходит порой мыслишка окаянная... — уж не «газнуть» ли? Но если сил нет!... Не сделаю сего, у меня **не все** закончено. С с<альто>-м<ортале>... если можно,

недели через две. Всегда страшусь. А почему дроворуб — левша?.. Впрочем, — **левизна**... — воспитала змей, отравивших Россию.

Не забывайте. К<а>к мало **живых** душ!...

Да и у самого — **усыхает**.

Привет обоим Вам, милые.

Так и не «потешил» Вас... — сил нет...

Ваш Ив. Шмелев.

436

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<15.XII.1946>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Вот уже вторую неделю лежу. Перебои в сердце, высокое давление 125/200, головокружения, слабость. Потому не пишу. Еле управляюсь с заработком. Радуюсь, что успел закончить по-русски «Поющее сердце». Переписывается. От Вас давно нет ни строки. Следующее сальто готово и ждет только Вашего распоряжения. Напишите скорее, хоть строчку (можно ли?). А то праздники подходят, почта будет завалена и заваляет.

Сердечно обнимаю.

15/XII. 1946 И.

Pro domo mea[263]:

Как Феклунькин отец
Околеть хотел, подлец...
Околеть — не околел,
Только в клуне проболел...

437

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<16.XII.1946>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Вчера написал Вам запрос о сальто. Сегодня получил Ваше последнее письмо от 12. XII.

Вижу Вашу жизнь не житием, а *подвигом,* и братски приветствую Вас, да поможет Вам Господь. Крепко держитесь, никаким газом не соблазняйтесь, никакими печатными неудачами не огорчайтесь. Вы *уже* вошли в историю России и русской литературы; Ваши труды *уже*

строят будущее. Знайте и верьте, что это так; и помышляйте только о новом совершенствовании своих созданий. Радостью исполнилось мое сердце, когда прочел, что Вы взялись за пересмотр второго тома Путей. Высшая свобода и мудрость художника — в том, чтобы не поклоняться своим созданиям, а судить их судом художественного Огня и Духа. Помоги Вам Господь! Если будет очень тяжело — «Приди и вселися в ны»[264]... *Не бывает отказа в Духе* тому, кто Его зовет. Есть во втором томе место, меня ранившее *неприятием*: после полдня кладбищных посещений и панихид — похождения на Воробьевке в откр<ытом> лесу — неск<олько> часов — психологически невозможно.

Этого *не могло быть*. Особливо при целомудрии или «святости». Вообще: не умиляй, дай самому умилиться. Восторг автора убивает самодеятельный — самородящийся восторг читателя. Но не сто́ит говорить: Вы *сами* все это знаете.

А теперь по пунктам.

1. Каша едет. Сын Ш<арлотты> М<аксимилиановны> в Нью-Йорке отнесся к делу *очень* серьезно. Она же и написала ему, чтобы спрашивал в рус<ских> колон<иальных> магазинах Нью-Йорка — «krupá-jádriza». Задержал Lewis (Люэс) с его забастовкой — но едет. И приедет.

2. Ник<олай> Викт<орович> Борзов пишет о *чести* и *радости* для журнала иметь от самого Шмелева «главу». Я бы дал из Лета Господня главу об исповеди. До слез — правдозрачно, тайноуханно и нежнолиственно.

3. Мне удалось достать для Вас еще здешних цветочков — из того же источника; *не* от Ш<арлотты> М<аксимилиановны>. Вот так, как было летом, того же качества и количества. Еще хватит на несколько месяцев вперед. Радость моя этому лекарству была велика и обильна. Не унывай, друже! Господь печется о Тебе!

4. О сальто Вы есте неверного воззрения. Вся суть сальто в том, что кто его делает, тот и рискует. Никогда еще не бывало так ни в одном цирке, чтобы прыгал клоун «Рыжий», а шею сломал бы себе от этого посетитель Иван Сергеев. Нет — это иначе. Кто прыгает, тот и

рискует. Кто рискует, тот и расплачивается. Поэтому Сергеев должен сидеть спокойно на своем месте и ждать прыжков, ничуть не смущаясь и совершенно спокойно. Ну, может поаплодировать, если прыжок удался, а не удался — так следующий удастся. Voilà [265]. Слово мое крепко.

5. Нельзя читать без юмора известие о том, что Лето Господне сдано в редакционный совет. Милый мой! Поймите: ведь это *история русской литературы* происходит. Поймите — и не сердитесь. Пускай отставят Академию от Ломоносова! Посмотрите, Ахматова и Зощенко *небольшие* люди, а ведь их «отставка» Ждановым создала Жданову *репутацию* в истории русской литературы. Все мы, печатающиеся, люди «публичные» вроде уличных фонарей: сверху изволь свет проливать, а снизу — всякий пьяница, всякая собачонка на тебя «остановиться» может. Собачонка по крайней мере («до» и «после») понюхает. А пьяница еще «не те» слова пробурчит. Не понимают *люди лжи* и *люди лож*, что их неодобрение или критикастерство или отвержение — вроде *ордена* в истории и в небесах. Помнится, мы в гимназии, расшалившись, пели: «за горами, за долами — стоит баба вверх ногами — ах, очень хорошо»... А теперь — стоит *культура* вверх ногами. Припев: «ах, как нехорошо».

Простите карандашную мазню. Я все еще «Феклунькин отец»...

У нас здесь выпущен новый средств: «Протовит». Все 7 витаминов в наиприемлейшей для желудка дозе. Будь у Вас, я бы Вас завпрыскал витаминами *всех* родов (и для ногтей и для зубов). Ибо я убежден, что у Вас за все время войны образовался *лютый* витаминный голод. А без витамина — вита[266] идет на минус.

Оба мы шлем Вам дружеские приветы.

Кстати о «бабе». Про интеллигенцию русскую в ее отн<ошении> к революции: «баба, верьтить задом, верьтить пе́редом, а дело идет своим че́редом».

438

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<19.XII.1946>*

19. XII.,46. Николин День. Никольские морозы, — 12 гр.! Зона́ взбесилась.

Дорогой друг, Иван Александрович,

Блестяще-овитаминенное п<ись>мо Ваше! — радость читать. Ну, какой подвиг, — просто, за что-то испиваю. Пара стервецов отвалилась, думаю: язва позатихает, но **она** не скучает, вжилась, окаянка, сменой впечатлений писательских... покою ее «перкаиналем». Держусь и совершенствуюсь. Закончил сугубую чистку «Путей», теперь за переписку, в который-то раз! Нежалко. Вы правы. «Воробьевское» изломал, — оно саднило давно. Никогда не поклонялся «первой выпечке», всегда **судил**. По Вашему выбору, пошлю для «Дня рус<ского> ребенка» — «Говенье». *Только скажите:* Вам ли послать, или отдать др. Долгополову, для отправки? Молюсь силенками, призываю — «прииди и вселися...»

Предвкушаю кашУ. Поблагодарите от меня Ш<арлотту> М<аксимилиановну>.

Как благодарить Вас, друг?!.. Горой подпираете меня. Вспоминаю предсказанное мне в Крыму, в 21 г. Это почт<енная> хозяйка сожранного козла, — из «С<олнца> М<ертвых>». Славилась гаданьем. Сказала, помню точно: «будет Вам большой опорой один достойнейший и **знаменитый** человек, много он Вам поможет при конце жизни... большой заботой о Вас». Ясно — **кто**. Она была жутко-проникновенна. Не ждал «повторения», страшусь: достоин ли. Видит Бог, истинно так. **Это** — то же леченье.

Мороз изводит. Отапливают, но надо до-тапливать. Жмусь к печурке. Как благодарен за чувства Ваши, столь укрепляющие! Нет, витамины принимал, и с месяц ежедень пил морковный сок.

И риск еще принимаете! Это не так: я **больше** неизмеримо д<олжен> нести последствия. Это уже сверх-великодушие: не имею правов принять. Так и ведайте. А я еще смущенно питал надежду просить Вас принять, ежели будет экстр<енная> нужда, от меня... я хотел писать К<андрейе> послать Вам из моих «остатков» хоть 200—300. Вы же писали, что приходится думать о заработке. А у меня все равно лежат, ожидая сверх-черного дня. Это спасенные остатки от переводческих гонораров, обращенных в бумаги и проданных вовремя, с 38 г., когда я не рискнул везти их в Чехию через Герм<анию>.

Вы мне делаете великое укрепление и **счастье**. **Никто** так не глядел в душу мою, не согревал сердца. Я не в силах благодарить достойно: Бог знает, Он осияет душу Вашу.

Какое счастье **так** жить — от преисполненности ума и Духа, как я черпаю из Вашей сокровищницы! Это общение незаменимо, несравненно. Высокая награда мне общение это. От достойнейшего, от блеска ума и сердца. Каждое п<ись>мо Ваше — насыщено. Как же беден я, в сравнении с Вами!... Какая высокая культура, какая многогранность. О<льга> А<лександровна> — я позволил себе послать ей Ваше обо мне, поставив срок — 3—5 дней, — в отчаянии, молит вернуть хоть на недельку, — она уже послала мне. Она хочет устроить в Голл<андии> чтение, **мое**, из переводов-образцов, и пояснять гол<ландц>ам меня **Вами**. Славнейшая тамош<няя> перев<одчи>ца, Алейда Схот — блестяще перевела Чехова — б<ыла> захвачена выдержками из «О тьме и просветлении»... — м<ожет> б<ыть> будет меня переводить — «Чашу» и «Ист<орию> люб<овную>». Хочет знать и о Б<унин>е Ваше, — она возмущена, что Б<унин> получил «при-Кобель»! Никак Б<унина> не принимает. Примет ли Ш<меле>ва? О<льга> А<лександровна> взяла на себя подвиг, я ее сдерживаю. Разыскала А<лейду> Сх<от>, очаровала ее. Та просилась на 3 нед<ели> летом — в имение, платной гостьей — «буду Ш<меле>ва переводить». С ней оч<ень> счит<аются> изд<ательст>ва. Тонкая ценительница, Бож<ьей> Милостью. Пушкин висит на видн<ом> месте в ее тонко убранной квартире. Переводила его, «Пророка» дала изумительно. О<льга> А<лександровна> плакала над ее перев<одами> Чехова. А К<андрейя> — знаю! — изгадила Ч<ехова> и отчасти меня. О<льга> А<лександровна> была в корчах, читая. Могу ли дать О<льге> А<лександровне> и о Бунине? будет в сохранности. О<льга> А<лександровна> **утонула** в В<ашей> глубине. Вы — гениальны, друг, Вы неисповедимы... — в Вас **выжимка** изо всего, что было по силе русскому духу принять из русско-мировой сокровищницы для ума и сердца. В Вас — знаменование пределов наших духовных сил. Это — бесспорно. Не акафист мой Вам, вот сердце мое, смотрите...

Из В<ашей> «школы» вышли питомцы плодоносящие. Нельзя учесть нам, как претворено ими внушенное В<ашим> духом, но ими творится в жизни от него, построяется молекулярно, воздействуя на жизнь. Я вижу это по О<льге> А<лександровне>, по Вигену... Семя не в ветер брошено. О<льга> А<лександровна> хочет воздействовать Вами на г<олландце>в, цитируя Вас, о Вас. Было бы плодотворно, если бы Вы надумали посетить Г<оллан>дию и говорить там. О<льга> А<лександровна> организует сверх-умело. Она устроила концерт одного отл<ичного> баса, рус<ского> офицера, Жуковича, гонимого там... — пел при оккуп<антах>. Умирал с женой от лишений. Она добилась успеха огромного, тот пел лучшее из нашего и захватил. О<льга> А<лександровна> его представляла, переводила пенье, истолковывала и захватила оглушающе. Теперь ей выражают удивление видные г<олланд>цы, до министра. Она **шевелит** там. Интерес к русскому — огромный.

Я неверно Вам передал о ее церк<овных> взглядах. Она стойка, как рус<ская> эм<игрант>ка непримиримая. Она дрожит за все наше, и болеет «церк<овным> разладом», но в ней и тени нет сочувствия «моск<овской> церкви». В ней это отразилось очень болезненно, и я не так воспринял, от своей горячности. Пере-крАил. Она — очень **чистая**, и благоговеет перед Вами-Учителем. Как было бы значительно там Ваше выступление: Вы нашли бы подготовленную аудиторию, Вы дали бы хлеб живой. Вы так владеете словом и образом, и так свой в языке, всем там почти своем.

Чудесно о «фонаре» и «собачке». Да, все так... Но я еще не теряю надежды, что «Л<ето> Г<осподне>» пройдет. Д<ело> вырешится к половине янв<аря>. Что поделаешь — «цензура»! Есть и выход — «Возр<ождение>». Движение воды: что-то «газетное» назревает.

О «Путях»... Я сам задал себе сложнейшее: не только автор сказывает, а и «герой», весь в захвате. Это сложнейший прием воздействия на читателя, — **оживляющий**. Но и связывающий писателя. Почему я так? Не знаю. Так **взялось**. И я скоро понял, как соблазнил себя. В<иктор> А<лексеевич> — **горит**, умилен, рад возрожде-

нию... и потому — растекается и пристрастен, невольно, но это м<ожет> б<ыть> худож<ественно> оправдано. Зато — автор *не* оправдан. Вот и качайся, ищи на канате точку равновесия. Я подсушил теперь, вытер слезы и охладил порывы. Ахнул, сколько там сахарину! Ну, и... полущил. Еще увидел, что загрузил подробностями *главное*. **Так**, как я давал, надо на 10 книг. И я вырезал, не щадя. Стало, каж<ется> лучше, **чище**. Я мог бы защитить и «воробьевское». Да, не оправдано псих<ологичес>ки. На 99 проц<ентов>. Но в сотом пр<оценте> — м<ожет> быть. В «надрыве». Как раз — именно, при целомудрии. Дело в том, что в Д<ариньке> неистребимый инстинкт — **дитя**. Для нее **это** освящает **все**. И все же я принял Ваше указание. Можно и нужно обойтись без **сего**. Это ничему не служит. Я давно чувствовал в себе противление сему, — и — умилению. И знал, что все равно — **вернусь**, буду доискиваться, откуда во мне недовольство. Вы — сказали — откуда. Сов<ершенно> верно. И я благодарю. И в «Л<ете> Г<осподнем>» — будет смотр и пересмотр. Так у меня всегда. Остыв, опамятываюсь и нащупываю. Св<оего> рода «радиостэзия». Так поступая, без меры, можно и оскопить творимое... Репин 29 лет писал «Пушкин на Неве» — засушил, не вышел у него «Пушкин». Хорошо «стилюм вертерэ»[267], но знай ме-ру. Как неразумные родители... — можно и заласкать дитя. И оно сядет на шею им. Как остро о «фонаре»!.. — все во мне взыграло.

Что с Вами? давление крови у нас иначе изображается, Ваше мне ничего не пояснило. Почему кружение головы?.. Вы переутомились?.. Но В<аши> письма не свидетельствуют о том, слава Богу. Малокровие?.. Принимайте «селюкрин»! бычья кровь, препарат д-ра Кепинова, отличный, когда-то я писал Вам. Я вышлю Вам, если нет в Ц<олликоне>. Выпущено давно «биотерапией», оч<ень> дает охоту есть и выправляет в 3 недели. Сразу наполнитесь кровью, но в быка не обратитесь. Это — пастэровское, проверено. Пар<ижские> госпитали берут кил<о>гр<амма>ми, для перенесш<их> тяжелую болезнь. Напишите немедленно, вышлю. Любите ли сухие бананы? Они отличные здесь, выдел<анные> чисто. Пришлю, только черкните: м<ожет> б<ыть>

любите — или Н<аталия> Ник<олаевна> — пожевать «сухое». «Бабушкин гостинец». Вкусней свежих, водянистых. Не шлю без одобрения, а то — забросите.

Маленько потешу...

Старушка с саквояжем: «извозчик, на Ваганьковское...?» Изв<озчик>, ласково-жульнически-с прищуром, как бы утвердительно, не вопрошающе: «вам, бабушка, туда только... обратно не поедете... — ?» — «Тьфу... Господь знает, ты ли раньше сдохнешь, я ли помру».

Еще. Бригадный осматривает отхожие м<еста>. — «Опять безобразие!.. почему орлами, стольчаки есть!?..» Завед<ующий> хозяйством: «Не уследишь, Ваше Пр<евосходительство>...!» Фельдф<ебель> шепчет... — «Что такое?... Ну, говори!..» — «Так что, В<аше> Пр<евосходительство>, вежливо сказать... усёру такого нет!... в полное удовольствие!... — говорят». — «Э’стэ-ты, подумаешь!..»

Еще, писал, кажется: Мужик в жарынь, о лошади, кот<орая> сосет в речке — пьет. «Сполоснет сердце — веселей побежит»,

Была кн. Тр<убецкая>. Уповает, что издадут. Каж<ется>, писал Вам: рукопись перевода Арт. Лютера уцелела — «Путей». Надежды скорого издания в Герм<анском> изд<ательстве> Бекштейна, в Мюнхене, — нет. План: переслать рукопись в Шв<ей>ц<а>р<ию>. Думаю послать Губеру во Фрауэнфельде франц<узский> экз<емпляр>. Если возьмусь, попытаемся — м<ожет> б<ыть> через посредство С. Горного, собир<ающегося> в Шв<ейцарию>, доставить манускрипт. Адр. А. Л<ютера> — (в кружочке) № 16. Марбург на Лан, Тэйхвизенвег, 3, Дэйтшлянд-Гросессен, Америк<анская> зона.

Рощин — мал<енький> литератор. Гаденыш. Доносил ли..? — есть подозрения. Способен на это. Морда в пуху, немецк<ом>. Заглаживал, вступив в комм<унистическую> парт<ию>, франц<узскую>. Романов не писал. Он же Р. Днепров, спец<иалист> по церк<овным> делам. Поехал на святительские кулебяки. Вку-сит! 16 челов<ек> из Марс<еля> утекло.

«Лику» не читал. Каж<ется>, это 2 ч. «Арсеньева». Вы искрометно отметили. Думаю, не черпнешь **нового**. «Аллей» не читал.

На днях мне принесли мой москов<ский> 5 томик — «Волчий Перекат», там еще «Виноград», «Росстани» и «Весенний шум». 14 дек. 14-го г. я послал эту книгу из Москвы Леониду Андр<ееву> в Куоколо, в ответ на его посылку мне 24 книг полн<ого> собр. соч. «Просвещения». И вот, через 32 г. — в Париже! Просили тысячу фр. Не взял. К чему? Свою подпись знаю. Предложил за нее «Розу Иерих<она>»[268] с надписанием. Не взяли: «это не то, нам за «В<олчий> П<ерекат>» дают полторы». — «Габент суа фата либелли»[269] — так ли? «Свет Разума», с моим надпис<анием>, на поданной мне книге в Ужгороде, оказался в Мюнхене... Гуляют...

Кн. Гагарин[270], в Герм<ании> — писал Лютер, — издает сборник русск<их> рассказов на нем<ецком> яз<ыке>, включено «На пеньках», перев<од> Лютера.

А я хотел бы дать новой эмиграции — «Богом<олье>» и «Лето». Зӧммеринг м<ожет> б<ыть> наладит, гонор<аров> мне не надо. Хотя бы мал<енькими> книжечками, дешево. Мне претят **чужие** деньги, хотя бы для проп<аган>ды. Не знаешь, во что **выйдет** пр<опаган>да. **Для** чего?!..

Посл<едняя> строфа к «Зоне»:

Хотя бы кто пристукнул гирей! —
Невыносим неравный бой, —
О, помоги, святой Порфирий!
О, защити, городовой!..

С<альто>-то, будь милость Ваша, к концу года. Только бы не: «Семерых парней крутила, — На восьмого нарвалась».

Про «бабу» хорошо, я сего стишка не знал. Про «бабу» много у нас. Вот — «баба с печи летит — семь дум передумает». «Серчала баба на торг, а торг про то и не ведал» — у Даля. «Не плачь по бабе — Бог девку даст». Будь я такого состава, как Вы, милый, — написал бы КНИГУ — ЖЕНЩИНА — исчерпал бы **все**. Беспредельность... необъятность. Включил бы все предельно лучшее Поэзии мировой. Да ку-да... надо — Энциклопедию... Будь богат... издал бы такую Э<нциклопедию> — монумент. Подвигнул бы все силы мира. Томов бы на 100! И — «Катехизис», и — «Культ». Она — самая закваска Жизни. Ключ к ней. Меня еще с 3 кл<асса>

гимназии поразило из римской истории: «ликторы очищали перед ней дорогу в толпе, если она во бремени». Я почувствовал нежный и как бы святой трепет. Ка-кая чуткость! Правда, сие объясняется уважением к буд<ущему> рим<скому> гражданину, солдату, м<ожет> б<ыть> Но сколько удивит<ельного> о ней и в Юстиниан<ском> праве! И как веско звучит — Матрона! Порабощение жен<щи>ны мужч<и>ной — насилие сильнейшего, искажение **сути**.

Обнимаю Вас, милые. Пожал<уйста>, напишите о сух<их> бананах: вкусно и дешево.

Ваш, бобыль, Ив. Шмелев.

<Приписка:> У нас в гимн<азии> на ур<оке> истории сын рядского сапожн<ика> Егоров, бывало, отвечал о Сократе: «С<ократ> б<ыл> оч<ень> умный человек. А жена его точила. И раз вылила ему на голову из 2 этажа горшок горячих щей!» — соверш<енно> серьезно. С окруж<ным> инсп<ектором> случилась истерика, петухом орал. Он же: «Цезарь выстроил в холме две когорты ветеринаров». Он же: «у Пифии из расселины исходили удушающие пары». Его всегда вызывали для потехи. Окр<ужной> инсп<ектор> катался, чуть не апоплексия. Ел на уроках, по фр<анцузской> булке, с икрой! Доел до 4 кл<асса> только.

<Приписка:> Чтение в Голл<андии> — отставляю. Вот, буд<ет> повод, выйдет моя книга, — другое дело. Начинаю переп<иску> «Путей», хотел бы конч<ить> к наш<ему> Рожд<еству>.

<Приписка:> Утро 20-го, мороз — 15°! Распеч<атал> вчераш<нее> п<ись>мо:

«левша» — ici[271]! Охапка дров! Ура! Merci!!!

«Восьмерых парней скрутила, на девятом *не* сдалась!»

439

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<26.XII.1946>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Уведомляю.

Из Нью-Йорка идет к Вам *ядрица*. *25 кило* = 50 фунтов = полтора русских пуда. «Ликуй ныне и исцеляйся, Иване!»...

Нет, сухих бананов, спасибо, не посылайте! Я их *очень* люблю, но тут их *вволю: ем*. А вот, когда ядрица придет, то можно в виде *пробы* в кардоночке послать фунтик — не дойдет ли? *Не больше*, ибо губить зря нечего. Попыткой! Не пыткой...

А вот, были бы Вы профессиональным акушером, то Вас отдали бы под суд. Слыхано ли дело: без согласия родильницы выдрать из нее треть ребенка и послать по почте напоказ?!... Во-первых, нужно согласие родильницы (c'est moi![272]); во-вторых, ребенка не отдают на показ по третям («Тьму и просветление»). Ручаюсь: *запретили бы практику*...

Да и какое же мне «полное удовольствие», если Вы условно и насильственно прервали мой «усёр». Ведь я-то, черт возьми, все-таки «ээ-стет!»... «подумайте».

За это разоряйтесь: гоните к Оле[273] *всю книгу* заказным...

Очень рад, что «на девятом» не сдалась. Ждите дальше.

18-го свезли меня к сердечному специалисту: стук, слух, мера давления, приведение всей личности в «сомнение» (от слова мять), просвечивание всего корпуса, анализы всех жидкостей (кроме слез), кардиограмма.

20-го сообщил итоги.

a) грудной жабы нет в) порока сердца нет с) гемоглобин 85% d) отстой крови 4% е) красные шарики 4 300 000 f) белые 7 000 g) давление: непрестанно колеблющееся, след<овательно>, склероза нет h) в легких *все* зарубцовано i) есть старый нейроз сердца k) есть в полной силе гастро-кардиалит. Voilà. Последнее означает i) и k): душевно замотали и перенапрягли, спазма солнечного сплетения, высокое стояние диафрагмы, давление на сердце, перебои и острые колебания самочувствия.

Et puis — и вот — et Voilà — et c'est tout[274].

«Как Феклунькин отец
Околеть хотел, подлец...
Околеть не околел —
Только в клуне проболел».

По этому случаю принялся за следующую книгу «Философия Религии». Книга начата в 1919 году, с тех пор была «в производстве». Но уж у меня манера такая.

Одна вдова профессорша
Три двойни родила —
И двадцать восемь месяцев
Беременна была

У меня «циркулярный философоз» тянется всю жизнь. Варится в 10 котлах; который начнет «уходить» — с того крышка снимается, что готово — записывается — крышка закрывается — записанное откладывается — ибо другой котел «уходит» — надо за него браться.

В таком порядке прожил я жизнь и теперь, будучи уже «Феклунькиным отцом», стою перед начатыми, подготовленными, сильно подвинутыми или полуготовыми трудами:

1. Учение о сущности правосознания (закончено в 1919 году, надо отредактировать).

2. Философия религии (лежит в виде большого курса лекций, на два тома, отдельные главы разработаны детально).

3. О духовном характере (для России!) (курс) (том).

4. Об очевидности (вороха набросков и материалов).

5. О равенстве и справедливости.

6. О методе философии (для будущих русских философов).

7. О Монархии и республике (недописанная книга).

8) Курс: введение в философию (для начинающих).

9) Вороха созревших «эссеев»: в том числе

учение о компромиссе
о частной собственности
проблема орфографии
Князь Мышкин и Ставрогин
О причинах рус<ской> революции
Кризис социализма и т. д.

10) Если бы Бог дал — доработать мой курс «Философия досократиков» (от Фалеса до Сократа incl<usivement>[275])... Вот бы!

А Вы говорите: пиши о себе... Куда?...

А вот написать бы: «*Лучшие, кого я знал*»...

Ну, — «всего» и «пока».

О резервуар!

Дай Вам Бог!

1946.XII.26. Иоанн.

<Приписка:> «Говенье» пришлите пожалуйста мне: я Ваш мэнеджер.

440

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<30.XII.1946>***

30. XII. 46.

Помилуйте, дорогой Иван Александрович, да я утону в толикой крупе!.. да это же гомери-ческое!.. Что за непостижимость!.. Все мыши, какие есть, — у меня пока не было, но бу-дут!.. — сбегутся и вонзятся в гору сию, и окрупятся так, что... нет, это шутка... это нечто кррру-позное!.. о-о... Окрупили иссопом... какое-то кррупное недоразумение... Кру-па-гречка очень спорая, мне 1-го ф<унта> хватало на 6—7 каш, а каждая к<а>ша — на 2 дня. Ну, хорошо... если только не сон это... да будет Вам триумф! Бу-дет. Хотел бы гимн я спеть крупе... и чего только можно из нее натворить!.. Научу Вас, как варить кашу, «красную», чтобы зерно к зерну... ну, — язык немеет. Только бы меня не разорила таможня!.. Скажите Мрс. Барейс — потрясен. Если бы мне когда-то сказали — «доживешь до гр<ечневой> крупы из Нью-Йорка» — ! Ну-у... масштабчик...

Счастлив был узнать, что, слава Богу, Вы с отличным «анамнэзисом»[276]. Верно я писал, чуя: переутомились, невроз. И по письму вижу, — в форме. Слава Тебе, Господи! Живите, светите, творите, освящайте и — «святися, святися, Новый Иерусалиме!»[277] Аминь.

А с кашей — бу-дете, и не одной.

За «расчленение» и самовольство уже просил прощения. Сознавал вину, и, сознавая «кульпа левис»[278], дерзнул послать лишь обо мне. Послал, на моление О<льги> А<лександровны>, неоднократное. Памятуя, что во-пер<вых>, она Вашего наставления, 2, — несказанно чтит Вас, 3, — Вы — посаж<еный> отец, и т. д.

Посылаю завтра, все: только вчера дошел «Ш<меле>в», голл<андцы> «читали долго, ища валюту». Не поним<ают>, глупые, что тут-то и есть самая валюта... Да будет Вам триумф. Она будет зело счастлива.

Дня через три, переписав, пошлю Вам «Говенье». Почитаю себя счастливым дать для родного дела. Да еще чрез Ваше одобрение, через Вас. Благодарю. Ценю доверие Ваше, и счастлив чуть проникнуть в Ваше святилище творческое. Чудесно! Когда прикоснусь, вку-шу?! Господи, дай дней... Помимо «котлы», со мной почти то же происходит. Если бы знали, ско-лько держал в душе! Но и выполненного есть-таки... Все Ваше — радость. Всего испил бы. К<а>к многогранно. Да, резервуар...! Храни и полни Вас, Господи! Философия религии... да все мне — **нужно**, важно. Для оплодотворения томящего мя. Милый, «ликуй ныне»!.. Сколько еще напишите! Как хотел бы «философии досократиков»! Все бы отставил — и вложился. Я жа-дный.

Сегодня п<ись>мо из Холливуда. От неизвестной чит<ательни>цы. Таких у меня мно-го было, десятки, м<ожет> б<ыть> и за сотню... И как согласны! и — трогательны. Это п<ись>мо... будто Ваше о Ш<меле>ве читала, самое новое. И — как все сговорились: «Вы мой самый любимый русский писатель. «Лето Господне» и «Богомолье» всегда у меня на столе...» — Иные писали — «под рукой», «на священной полке, у образов»... — «и каждый день я читаю несколько глав из этих книг, открывая все новые и новые драгоценности, красоту и неисчерпаемое очарование. Когда читаешь В<аши> книги, сердце наполняется радостью и нежной грустью...» «Ваши книги для меня, как драгоценный музей всего русского...» «И как необыкновенно, как удивительно, одним словом, одним коротким выражением Вы даете не только целую картину, но и значение ее, настроение и переживание людей. — «По-мни... по-мни... — постный благовест. Ведь он так и звучит — по-мни... по-мни...» Я помню! я слышала его в Харбине». Она старого не видела, д<олжно> б<ыть> молодая. Художница. — «Люблю Ваш юмор — легкий, нежный, задушевный...» Большое п<ись>мо. Приятно.

Посылает «посылочку». Великая радость — такие п<ись>ма. Мно-го у меня их, не все сберег. Уже не считаю. Вот — награда, за все «Нобель». Да, знаю, читают, вникают, любят, помнят. Благодарю, Господи.

С Новым Годом! «Пути» выправил в ко-рень! Переписываю, вместо 75 стр<а>н<иц> прежнего — 44 нового. Это ли не бой-ня?! Безжалостно режу частности — не заслоняй! Если можешь лучше — делай. Я почти все так. На это терпения хватает. Беспокоен, пока себя не исчерпаю. **Ведом чем**-то. Зона́ зонит зверски, но она не в силах унять меня. Вы мне добрый друг: Господь дал. Обнимаю Вас, дружески, ми-лые! Будьте хранимы.

Ваш Ив. Шмелев.

КОММЕНТАРИИ

1935

[1] *Dead-Street* (*англ.*) — мертвая улица.

[2] Имеется в виду лотерея (Театр Рока) — транш 6 и 7.

[3] *Брянский* Виктор Диодорович (1868 — 1944) — председатель Издательской комиссии серии «Русская библиотека», в которой вышло 43 выпуска произведений русских эмигрантских писателей: И. С. Шмелева, И. А. Бунина, А. И. Куприна, Б. К. Зайцева, Н. А. Тэффи, Е. Н. Чирикова, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонта, И. Северянина, А. М. Ремизова. Издания Шмелева: вып. 9 «Въезд в Париж» (1929); вып. 32 «Родное» (1931); вып. 38 «Лето Господне» (1933); вып. 41 «Богомолье» (1934). Интересно, что последний вып. 43 «Путь духовного обновления» И. А. Ильина вышел без даты и обычно датируется 1937 г., но вполне возможно, что это был 1935 год.

[4] *ça va* (*фр.*) — все идет, все в порядке.

[5] Речь идет о том, что во время Зарубежного съезда русских писателей и журналистов в 1928 г. на приеме сербского короля Александра I Д. С. Мережковский получил орден св. Саввы первой степени, а его жена З. Н. Гиппиус орден св. Саввы второй степени.

[6] Еф. 5, 52.

[7] *Белич* Александр (1876 — 1960) — сербский лингвист, профессор, по его инициативе проходил с 25 сентября по 1 октября 1928 г. в Белграде Зарубежный съезд русских писателей и журналистов, на котором присутствовал Шмелев. В этом же году Александр Белич уговорил сербское правительство дать деньги на учреждение в Белграде эмигрантского издательства «Русская библиотека».

[8] Точнее «Вайс мир!» (*идиш*) — горе мне!

[9] Ср.: «Судите ж вы, какие розы// Нам заготовит Гименей...» П у ш к и н А. С. Евгений Онегин. Гл. 2. XIV.

[10] *gratis* (*фр.*) — даром, бесплатно.

[11] *pere abbe* (*фр.*) — отец аббат.

[12] Имеется в виду Россия.

[13] Шмелев посвятил свое произведение королю Александру I Карагеоргиевичу.

[14] Имеется в виду *Мандельштам* Юрий Владимирович (1908 — 1943) — поэт и литературный критик. Родился в Москве. С 1920 г. проживал во Франции, погиб в концлагере в Польше.

[15] Статья Н. К. Кульмана «Иван Шмелев. «Богомолье» вышла в № 57 «Современных Записок» за 1935 г.

[16] *Юон* Константин Федорович (1875 — 1958) — русский и советский живописец.

[17] О. Мефодий, настоятель церкви в Аньере, впоследствии епископ, был очень деятельным в области благотворительности и просвещения. Издавал религиозный журнал «Вечное».

[18] Имеется в виду Прикарпатская Русь.

[19] «Современных Записок».

[20] Имеется в виду статья Ильина «О монархе», опубликованная в двух номерах «Возрождения» (Париж, 1935. № 3501. 3 янв. и № 3506. 8 янв.).

[21] cunctator (*лат.*) — медлительный, осмотрительный, осторожный, нерешительный человек.

[22] Pas beaucoup (*фр.*) — немного.

[23] Видимо, имеется в виду лотерея, в которой И. С. Шмелев собирался принимать участие.

[24] Источник установить не удалось.

[25] День Ангела// Возрождение. — 1935. — № 3505. — 7 янв.

[26] Может быть, имеется в виду В. В. Орехов, редактор «Часового».

[27] *Сряшу еже обрящу* (*церк.-слав.*) — встречу, что найду.

[28] Третья часть цикла «Радости общения» опубликована не была.

[29] Между небом и землей// Возрождение. — 1935. — № 3525. — 27 янв.

[30] *rebus sic stantibus* (*лат.*) — при данном положении дел.

[31] от слова *«расплеваться»*.

[32] *Bericht eines ehemaligen Menschen* (*нем.*) — Рассказ бывшего человека.

[33] Имеются в виду те, кто сотрудничал с YMCA.

[34] Под псевдонимом Сазанович (Сазонович) писал свои фельетоны В. Н. Ильин (см. ниже № 50). В газете «Возрождение» вышли его острые статьи — сначала против Милюкова, потом против Бердяева. Протест С. Н. Булгакова по поводу этих статей заставил на время прекратить подобные публикации. В. Н. Ильину пришлось оставить Богословский институт.

[35] Имеется в виду Федоров Михаил Михайлович (1855 — 1958) — министр торговли царского правительства, русский общественный и политический деятель, правый кадет, член Национального комитета и оргкомитета Российского Зарубежного съезда, идейно близкий к Ильину и Струве, в эмиграции занимался делами русских студентов.

[36] Имеется в виду Бах Г. Г. — автор «Русского Колокола».

[37] *Нещечко* (*обл.*, *устар.*) — нечто, что-то, кое-что.

[38] «Путь духовного обновления».

[39] Национальная лотерея.

[40] Имеется в виду неудачное участие И. С. Шмелева в Национальной лотерее.

[41] *cobelette de mouton* (*фр.*) — блюдо из барашка.

[42] От *cinema* (*фр.*) — кино.

[43] *Dem verfasser bleibt das Recht, die Novellen in eine später erscheinende Gesamtausgabe seiner Werke aufzunehmen, wobei aber eine Einzel-Sonder aufgabe derselben ausgeschlossen bleibt* (*нем.*) — за автором остается право поместить этот рассказ в свое издаваемое позже собрание сочинений, однако отдельные его издания исключаются.

[44] *Львов* Лоллий Иванович (1888 — 1967) — поэт, журналист, литературный критик, неизменный сотрудник всех изданий П. Б. Струве в эмиграции.

[45] *en face* (*фр.*) — анфас.

[46] *ame slave* (*фр.*) — славянская душа.

[47] *sexe-appeal* (*фр.*) — сексуально привлекательный.

[48] С этим письмом были присланы газетные вырезки с упоминавшимися в нем статьями Г. Адамовича и П. Пильского.

[49] Имеется в виду автор «Возрождения», писавший под псевдонимом Амадис.

[50] *Ильин* Владимир Николаевич (1891 — 1974) — философ, богослов, критик, музыковед и композитор. С 1919 г. в эмиграции, поселился в Париже, евразиец, член РХДС, профессор Богословского института в Париже, где он преподавал литургику.

[51] *Sic transit...* (*лат.*) — Так проходит <земная слава>.

[52] Имеется в виду газета «Последние Новости».

[53] *rue Doru* (*фр.*) — рю Дарю, улица в Париже.

[54] Имеется в виду «Перстень. Рассказ актера», написанный Шмелевым и опубликованный в газете «Сегодня» в 1932 г. В 1932—1935 гг. рассказ дорабатывался и, по-видимому, предназначался для Собрания сочинений писателя, но вышел в посмертном его сборнике «Свет Вечный» в 1968 г.

[55] Главка из «Лета Господня».

[56] *Nordost* (*нем.*) — северо-восточный ветер.

[57] Имеется в виду Кирилл Зайцев.

[58] Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914—1923. — Париж, б. д. <1925>.

[59] *indesirables* (*фр.*) — нежелательные.

[60] Имеется в виду участие в лотерее.

[61] Сербский Патриарх. Обратился в 1930 г. к русскому зарубежью прекратить церковные раздоры.

[62] d'identité (*фр.*) — опознавание личности.

[63] impôt (*фр.*) — налог.

[64] terme (*фр.*) — трехмесячная плата за квартиру.

[65] Лотерею Национальную.

[66] И. С. Шмелев, когда слово «ваша» относится к нему самому, всегда пишет его с маленькой буквы. Надо полагать, что в письме З. Н. Гиппиус оно было написано с большой буквы.

[67] Главными героями этого романа были реальные люди, носившие те же имена, что и в романе, дядя Ольги Александровны — Виктор Алексеевич Вейденгаммер и его гражданская жена Дарья Королева. В 1900 г. архитектор-инженер В. А. Вейденгаммер стал послушником в Предтеченском скиту Оптиной пустыни и скончался там в 1916 г.

[68] Подразумевается Ю. Ф. Семенов.

[69] *sic!* (*лат.*) — так!

[70] Имеется в виду Д. С. Мережковский.

[71] Мф. 7, 11; Лк. 11, 13.

[72] Речь идет об участии в лотерее и о надежде на выигрыш.

[73] То есть платы за квартиру.

[74] По имеющимся у нас данным, этот рассказ был впервые опубликован в 1955 г. в нью-йоркском издательстве им. А. П. Чехова в сборнике «Избранные рассказы».

[75] Глава из «Путей Небесных». Опубликована в № 105—106 газеты «Сегодня» 15—16 апр. 1935 г.

[76] Известный зал в Париже.

[77] *Долинский* Симон — публицист, автор журналов «Воля России», «Своими путями».

[78] Имеется в виду *Казем-Бек* Александр Львович (1902 — 1977) — политический деятель, литератор, церковный писатель. Происходил из дворянской православной семьи. С 1920 г. вместе с семьей выехал за границу, получил образование в университетах Белграда, Мюнхена и в Высшей школе политехнических и социальных наук в Париже. В 1929 г. возглавил «Союз молодой России», созданный в Мюнхене и переименованный в 1925 г. в «Союз младороссов». «Младороссы» под руководством Казем-Бека претендовали на роль «второй советской партии», стремились «создать монархическую партию для советской среды» (см.: Младоросская искра. Париж, 1932. 15 янв.). С 1944 г. преподавал русский язык и литературу в Йельском университете (США). В 1957 году вернулся в СССР и работал при Московской Патриархии. Автор жизнеописания Святейшего Патриарха Алексия I. Похоронен в пос. Переделкино Московской обл.

[79] *Любимов* Лев Дмитриевич (1902 — 1976) — журналист, репортер газеты «Возрождение», бывший масон, ставший писать против масонства. Сын высокопоставленного чиновника разных ведомств Любимова Дмитрия Николаевича и внук редактора «Русского вестника» Н. А. Любимова. Автор воспоминаний «На чужбине» (М., 1963).

[80] *Слиозберг* Генрих Борисович (1863 — 1937) — адвокат, известный сионист, один из руководителей и основателей Великой Ложи, учредитель ложи Бнай-Брит во Франции.

[81] «Сегодня».

[82] Имеется в виду А. О. Гукасов.

[83] Журнал, выходивший в Париже в 1924—1939 гг.

[84] Имеется в виду *Казем-Бек* А. Л.

[85] «А. С. Пушкину, по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.» (1832).

[86] Здесь необходимо сделать следующее замечание. Известно, что Ильин интересовался психоанализом, даже встречался с Зигмундом Фрейдом (из воспоминаний А. К. Герцыг следует, что в 10-е годы Ильин был его пациентом), был знаком с трудами К. Г. Юнга. Но, судя по этой фразе, относился к данному направлению весьма критически.

[87] Имеется в виду статья Ильина «Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева»// Возрождение. — Париж, 1935. — № 3606. — 18 апр. — С. 3—4.

[88] Упоминается Г. Н. Кузнецова, последняя любовь писателя, с конца 1920-х годов жившая в доме Буниных в качестве «члена их семьи» (так называемая *menage a trois* (*фр.*) — *семья втроем*). Оставила после себя интересные воспоминания («Грасский дневник»).

[89] Лк. 2, 29.

[90] Имеется в виду участие в лотереях.

[91] Этот диссертант в 1937 г. издал книгу на немецком языке «Iwan Schmeljow» (Кенигсберг—Берлин).

[92] *gaga* (*фр.*) — человек, впавший в детство.

[93] Видимо, описка. Главный герой романа, о котором идет речь, — Виктор Алексеевич.

[94] *Хрипунов* Алексей Степанович — член парижского Российского общественного комитета помощи голодающим в России (1921), главный уполномоченный и председатель комитета Всероссийского земского союза, председатель правления Общества взаимного кредита «Союз», казначей Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея, член масонской ложи Великий Свет Севера, был сторонником русской «национальной» политики, близкой консервативному немецкому масонству, приверженец «русской партии» в ложе.

[95] *Union Crédit Mutuel* (*фр.*) — Общество взаимного кредита. Подразумевается его печатный орган.

[96] Так в тексте. Это отражает особый восторг — такой, что даже не хватило знаков препинания для его письменного выражения.

[97] Лк. 1,38.

[98] Имеется в виду статья Ильина «Святая Русь. «Богомолье» Шмелева»//Возрождение. — Париж, 1935. — № 3620. — 2 мая. — С. 3—4.

[99] Имеется в виду Б. П. Вышеславцев.

[100] Имеется в виду Поляков-Литовцев Соломон Львович (1875 — 1945) — журналист, публицист, печатался в журналах «Новоселье», «Новый журнал», «Русские записки», редактировал газету «Последние новости», позже «Новое русское слово».

[101] Не установлен.

[102] Не установлена.

[103] В Бремене Ильин прочел три лекции на немецком языке: «Большевистская великодержавная политика» — 3 мая, «Управленческие методы коммунистического государства» — 9 мая, «Преследование христиан и коммунизм» — 10 мая.

[104] *Кальницкий* Михаил Николаевич (1870 — 1961) — генерал, с 1932 г. главный редактор газеты «Русский инвалид», издававшейся в Париже в 1930—1940 гг. Газета выходила под девизом: «В единении наше спасение, в расколе — наша гибель».

[105] *echantillon sans valeur* (*фр.*) — образец без оплаты.

[106] *Express* (*фр.*) — скорый поезд.

[107] Над буквой «а» этого слова сверху написано: «(я)». То есть: трахнули = тряхнули.

[108] Над слогом «си» этого слова сверху написано: «(ши)». То есть: «на-си» означает «на-ши».

[109] Над буквой «г» этого слова сверху написано: «(р)». То есть: «бог'ода» означает «борода».

[110] *ce mot* (*фр.*) — это слово.

[111] Персонаж романа «Солдаты».

[112] *Осоргин* Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин) (1878 — 1942) — прозаик, эссеист, публицист.

[113] Имеются в виду главные герои романа — Дарья Ивановна и Виктор Алексеевич.

[114] Подразумевается телефонный разговор с Сергеем Горным.

[115] Обыгрывается эпиграмма А. С. Пушкина: «Так было мне, мои друзья,// И *кюхельбекерно* и тошно».

[116] *barbon, excusez* (*фр.*) — старикашка, извини.

[117] 12 мая в Лемго Ильин прочел также лекцию «Преследования христиан и коммунизм».

[118] Так в рукописи.

[119] Так в рукописи.

[120] Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. — Париж: Современные записки, 1931.

[121] *Несмелов* Виктор Иванович (1863 — 1937) — философ, богослов. Упоминается его двухтомный труд «Наука о человеке» («Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни») (Казань, 1889) и «Наука о человеке» («Метафизика жизни и христианское откровение») (Казань, 1901).

[122] *Саади* (между 1203 и 1210 — 1292) — персидский писатель и мыслитель. Более 20 лет странствовал в одежде дервиша по мусульманскому миру.

[123] *Circulez, Mr.* (*фр.*) — проходите, господин.

[124] Герой романа «Пути небесные».

[125] *percepteur* (*фр.*) — финансовый инспектор, сборщик налогов.

[126] *Титов* Андрей Андреевич — профессор медицины.

[127] Игра слов. Имеется в виду — премия Нобеля.

[128] *pardon, s'il vous plaî* (*фр.*) — извините, пожалуйста.

[129] Псевдоним Владимира Набокова.

[130] Концовка знаменитого латинского выражения: «Feci quod potui, faciant meliora potentes» — я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше.

[131] Имеется в виду Нобелевская премия.

[132] *Dixi et animam levavi* (*лат.*) — сказал и облегчил тем душу.

[133] «*Соколы*» — молодежное гимнастическое общество, основанное русскими эмигрантами в Праге в 1921 г.; «*разведчики*», точнее, Национальная Организация Русских Разведчиков (НОРР) — молодежная организация, основанная в 1925 г. полковником П. Н. Богдановичем.

[134] *bonjour, m-r* (*фр.*) — добрый день, господин.

[135] Жена короля Александра I Карагеоргиевича.

[136] *Оцуп* Александр-Марк Авдеевич (псевд. Горный Сергей) (1882 — 1949) — поэт, прозаик. Старший брат поэтов Николая Оцупа и Георгия Оцупа, писавшего под псевдонимом Г. Раевский. С 1919 г. служил у Деникина. Был ранен и эмигрировал.

[137] *Вонький* — сильно вонючий, от кого или чего издали несет дурным запахом.

[138] Имеется в виду Лига Наций.

[139] *Тонио* — не установлен.

[140] Известно об этом авторе «Возрождения», что он был другом генерала Скоблина (см.: Ильин И. А. Собр. соч. Т. доп. «Письма. Мемуары (1939—1954)». М., 1999. С. 425).

[141] Кто выступал под этими псевдонимами, установить не удалось.

[142] *Шишмарев* Сергей Романович (? — 1954) — русский писатель, автор сборника рассказов из быта Поволжья (Париж, 1932), печатался в «Возрождении».

[143] То есть В. Н. Ильина.

[144] *Ландау* Георгий Адольфович (1877 — 1941) — по образованию правовед, занимался общественной и литературной деятельностью. Революцию не принял и покинул Россию. В эмиграции работал в «Руле», писал статьи в «Борьбе за Россию», «Новой русской жизни», «России и славянстве», «Возрождении», «Сегодня». Продолжал традиции своего отца — основателя и многие годы редактора русско-еврейских органов печати — писать на еврейские темы.

[145] Имеется в виду Чебышев Николай Николаевич.

[146] *Любимов* Дмитрий Николаевич (1864 — 1942) — высокопоставленный чиновник разных ведомств, сын друга Ф. М. Достоевского редактора журнала «Русский вестник», автор воспоминаний о Достоевском. Отец известного репортера «Возрождения» Льва Любимова. С 1919 г. в эмиграции, проживал во Франции.

[147] *Татаринов* Владимир Евгеньевич (1892 — 1961) — журналист и прозаик, глава русской масонской ложи в Берлине. Печатался в «Руле», писал на научно-популярные темы, был среди тех, кто посетил в Париже советского посла А. Е. Богомолова.

[148] Имеется в виду Ходасевич В. Ф.

[149] *Боголепов* Александр Александрович (1886 — 1980) — проректор Петроградского университета, выслан в 1922 г. из Советской России, несколько лет преподавал в Русском Научном институте в Берлине; в качестве специалиста по каноническому праву усердно участвовал в юридических войнах на стороне митрополита Евлогия. После войны преподавал в Св. Владимирской семинарии под Нью-Йорком. (*Комментарий А. Е. Климова*).

[150] *import retenu à la source* (*фр.*) — импорт, удерживаемый за источники сырья.

[151] *Clearing* (*фр.*) — клиринг, расчеты на основе взаимности.

[152] Десять политических, или невинных сказок были написаны И. А. Ильиным в 30-е годы под псевдонимом Петр Стрешнев. Четыре из них он попытался опубликовать: три в парижской газете «Возрождение»: «Вонючая гора» (2 нояб. 1935); «Пылесос» и «Жертвенная овца» и одну в газете «Русский голос»: «В дураки» (№ 243, 1 дек. 1935). Рукописи всех 10 сказок находятся в Архиве И. А. Ильина в Мичигане. В приложении к третьей книге «Переписки двух Иванов» мы напечатаем все 10 «Невинных сказок» Ильина.

[153] *Климова* Мария Александровна (1870 — 1949) — мать художника и друга Ильина Евгения Евгеньевича Климова.

[154] Неясно, о каких книжечках идет речь.

[155] Имеются в виду статьи: К у л ь м а н Н. К. Ivan Chmelev pour le quarantieme anniversaire de ses debutes litterraires и L e g r a s J. L'art de I. S. Schmelev (Искусство И. С. Шмелева)// Le Monde slave. — 1935. — Июль.

[156] *inclusif* (*фр.*) — включая.

[157] *privatissime* (*лат.*) — «самым частным образом», секретно.

[158] *bonus frater familias* (*лат.*) — хороший друг семьи.

[159] В этом месте нарисована монета достоинством в 1 динар 1925 года выпуска.

[160] *Климов* Георгий Евгеньевич (1895 — 1967) — морской офицер, брат Константина, Павла и Евгения Климовых.

[161] По-видимому, речь идет о фотографиях Шмелева, которые он собственноручно подписал Георгию Климову.

[162] Речь идет о Чебышеве Николае Николаевиче — литераторе, сотруднике «Возрождения».

[163] *avantageusement* (*фр.*) — выгодно.

[164] Лимитрофный (*лат.* limitrophus) — пограничный. Подразумевается русская эмиграция в Эстонии, Литве, Латвии и Финляндии.

[165] *pour bonheur* (*фр.*) — на счастье.

[166] Так И. А. Ильин называл «Возрождение».

[167] *Нансен* Фритьоф (1861 — 1930) — знаменитый норвежский путешественник и иследователь Арктики, неутомимый деятель Лиги Наций в помощи беженцам всех национальностей. В 1921 г. созвал конференцию в Женеве, в результате которой большинство европейских государств согласилось признавать удостоверение личности, установленное Лигой Наций беженцам в качестве паспорта. (Этот документ был прозван «Нансеновским паспортом» и должен был обновляться ежегодно.) Был создан комитет надзора, в который входили представители от русской эмиграции. «Офф. Р.» означает «Office Russe», т. е. «Русский оффис», «Русский отдел» этого комитета. (*Комментарий А. Е. Климова*).

[168] То есть вакханалия. Шмелев подражает героине «Няни из Москвы». См.: Шмелев И. С. Собр. соч. Т. 3 — Рождество в Москве. С. 29.

[169] Не установлен.

[170] Упоминается П. Н. Милюков — главный редактор «Последних Новостей». О какой статье идет речь — не установлено.

[171] Имеется в виду: бонёра или бонёров. Здесь: лотерейных билетов.

[172] Возможно, подразумевается *Муратов* Павел Петрович (1881 — 1950) — писатель, искусствовед, переводчик, издатель.

[173] Имеется в виду Ходасевич.

[174] *Поплавский* Борис Юлианович (1903 — 1935) — поэт, прозаик.

[175] Пильский под псевдонимом Тр<убников> П. в это время опубликовал в газете «Сегодня» отчет о пяти лекциях Ильина (см.: Ильин И. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 550), поэтому неясно, какие из них взял Шмелев.

[176] И. С. Шмелеву обещали 30 000 фр. за консультацию. Письменного контракта заключено не было. В итоге за свою работу писатель получил только 2000 фр. Главную женскую роль в этом фильме играла известная актриса С. Синьоре.

[177] Обыгрывается фраза «Со щитом или на щите».

1936

[1] Моркотно (от слова *морговать*) — нудно, мутит на душе; горько, тяжело на сердце.

[2] Имеется в виду Г. В. Адамович.

[3] Имеется в виду В. Ф. Ходасевич.

[4] Подразумевается А. О. Гукасов.

[5] Упоминается Георгий Евгеньевич Климов.

[6] *Жевака* — кто жует походя, беспеperechь.

[7] *Muscat vieux* (*фр.*) — старый мускат.

[8] Речь идет о Берлинском издательстве «Петрополис», в котором в 1937 г. была издана книга Сергея Горного «Только о вещах».

[9] Имеется в виду газета «Возрождение».

[10] Речь идет о монографии И. А. Ильина «Основы художества. О совершенном в искусстве», изданной в Риге позже, в 1937 г.

[11] Хор из г. Лемго под управлением Н. С. Орлова.

[12] Об этой организации см. подробно: Ильин И. А. Собр. соч. Доп. т. «Письма. Мемуары (1939—1954)». — М., 1999. — С. 447—448.

[13] С целью экономии места И. С. Шмелев использовал тут телеграфный стиль сокращений, что не всегда понятно. Все сокращения соответствуют оригиналу.

[14] Видимо, речь идет о статье Г. Адамовича «Перечитывая Шмелева» (Последние Новости. 1936. № 5425. 30 янв.), которую И. С. Шмелев собирался послать И. А. Ильину, но так и не послал, что ясно из следующего абзаца.

[15] От *нем.* Bereiter — специалист, объезжающий верховых лошадей и обучающий верховой езде.

[16] Est (*фр.*) — восток.

[17] *Exposé* (*фр.*) — краткое изложение произведения.

[18] *Шамиль* (1799 — 1871) — третий имам Дагестана и Чечни (1834—1859), руководитель борьбы кавказских горцев против России во время Кавказской войны 1817 — 1864 гг. В 1859 г. был взят в плен русскими войсками и сослан в Калугу. Умер по пути в Мекку.

[19] Eruption (*фр.*) — извержение (вулкана).

[20] *Елевферий* (Богоявленский) (1870 — 1940) — митрополит Литовский и Виленский, управляющий русскими западноевропейскими приходами.

[21] Речь идет о статьях Ильина «О богоустановленности советской власти» (Возрождение. № 3972 от 18 апреля; № 3977 от 23 апреля; № 3979 от 25 апреля 1936 г.).

[22] Имеется в виду Ю. Ф. Семенов.

[23] Имеется в виду Ю. Ф. Семенов.

[24] То есть сифилитическое; от *лат.* lues — зараза, болезнь.

[25] Подразумевается письмо Ю. Ф. Семенова.

[26] *Гришин* А. И. (1880 — 1940) — директор Театра Русской Драмы в Риге с 1921 г.

[27] *Рощин* Николай Яковлевич (настоящая фамилия Федоров, писал также под псевдонимом Р. Днепров) (1896 — 1956) — прозаик, журналист.

[28] Имеется в виду Б. Зайцев.

[29] Pas long (*фр.*) — недолго.

[30] Sauf-conduit (*фр.*) — пропуск, охранное свидетельство; здесь имеется в виду «виза».

[31] Речь идет о Ю. Ф. Семенове.

[32] Подразумевается Оцуп Александр Авдеевич (псевд. Горный Сергей).

[33] Имеется в виду Ю. Ф. Семенов.

[34] *Аитов* Владимир Давидович — доктор, лечивший многих русских эмигрантов, в том числе Ходасевича, жену Шмелева и др. Сын Д. А. Аитова — русского царского консула в Париже и председателя выборного правления Тургеневской библиотеки.

[35] То есть: Целую — целуем.

[36] Имеется в виду Г. Е. Климов.

[37] *Hartgeld* (*нем.*) — звонкая монета, металлические деньги.

[38] ich habe nur ausländisches Geld (*нем.*) — у меня есть только иностранная валюта.

[39] *Reisebüro* (*нем.*) — бюро путешествий.

[40] *Mitropa* (*сокр.* от *нем.* Mitteleuropäische Schlaf- und Speisewagen-Aktiengesellschaft) — Среднеевропейское акционерное общество спальных вагонов и вагонов-ресторанов.

[41] viel Reisende? Nein? Wir möchten allein bleiben — ich bin krank (*нем.*) — много попутчиков? Нет? Мы хотим остаться одни — я болен.

[42] *Trente, un, deux* (*фр.*) — тридцать, один, два.

[43] *Зиле* Роман Мартынович (1900 — после 1967) — ученик Ильина. После смерти Ивана Александровича способствовал перенесению архива философа в США.

[44] Эта статья в «Возрождении» не появилась, но вышла на немецком языке в «Берлинер Тагеблат».

[45] *Земмеринг* Раиса Гавриловна — корреспондентка Шмелева из Риги.

[46]*Берзиньш* Рихардс (1888 — 1942) — писатель, руководитель Союза латвийских писателей.

[47] Epouse gravement malade impossible partir Chmeleff (*фр.*) — Супруга тяжело больна невозможно приехать Шмелев.

[48] Здесь стоят их собственноручные подписи.

[49] *tram* (*фр.*) — (*разг.*) трамвай.

[50] В Сент-Женевьев-де-Буа.

[51] *verte* (*лат.*) — продолжение.

[52] *Теодорович* Терентий Павлович (1867 — 1939) — протопресвитер Терентий, известный священник в Варшаве, отец жены Георгия Евгеньевича Климова Софьи Терентьевны.

[53] *Фондаминский* Илья Исидорович (псевд. Бунаков) (1880 — 1942) — публицист, общественно-политический деятель. Женат был на Амалии Гавронской, которую потерял в 1935 г., и долго не мог войти в привычную жизнь.

[54] Речь идет о России.

[55] *gratis* (*фр.*) — бесплатно.

[56] *mutatis mutandis* (*лат.*) — внося соответствующие изменения.

[57] Имеется в виду парижский адрес И. С. Шмелева.

[58] От слова *обрасывать* — обросить что, покинуть, оставить в забросе, в небрежении.

[59] Имеется в виду приписка, вставленная между строк и написанная «вверх ногами» по отношению к остальному тексту: Русская икона, худож<ественное> изд<ание>.

[60] *satis* (*лат.*) — довольно.

1937

[1] Имеется в виду книга: Ч е м б е р л е н Г. Явление Христа. — СПб., 1912.

[2] *Пресансэ* Эдмон вуе (1824 — 1891) — французский протестантский теолог, политический деятель, писатель, автор книг «Иоанн Креститель» (СПб., 1871), «Критическая школа и апостолы. По поводу последнего сочинения Ренана» (Полтава, 1866).

[3] *Бальфур* Артур Джеймс (1848 — 1930) — философ, писатель, премьер-министр Великобритании в 1902—1905 гг. Здесь речь идет о переводе с английского его книги «Foundations of Belief» (1895) — «Основание веры».

[4] *Буткевич* Тимофей Иванович (1854 — 1925) — протоиерей, православный богослов и писатель, перу которого принадлежит огромное количество книг, в частности, «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа», «Религия, ее сущность и происхождение» и мн. др. Однако книга «О зле» комментатором не обнаружена. Может быть, Шмелев имел в виду его работы позднее 1910 года.

[5] По-видимому, Шмелев имеет в виду проф. *Рождественского* Николая Павловича (1840 — 1882) — магистра и профессора Санкт-Петербургской духовной академии, автора книг «Старая и новая вера Штрауса», «Антихрист Ренана», «Религиозные воззрения Шеллинга». Однако не исключено, что имелись в виду другие профессора богословия — Рождественский Александр Петрович, написавший «Книги откровения Даниилу о семидесяти седьминах», или Рождественский Иоанн Васильевич, написавший книги «Материализм Бюхнера», «История новозаветного канона», «Год рождества И. Христа».

[6] *Иннокентий* (в миру Иван Алексеевич Борисов) (1800 — 1857) — архиепископ херсонский, автор книги «Последние дни Христа» (Одесса, 1857), полное издание которой вышло в 1908 г. в Санкт-Петербурге.

[7] Климова Софья Терентьевна (1899 — 1991) — жена Георгия Климова.

[8] à part (*фр.*) — «в сторону», про себя.

[9] Имеется в виду Г. Е. Климов.

[10] Видимо, речь идет о статье «Сынам России. А. С. Пушкин 1837—1937»// Доброволец. — 1937. — Февр. Однодневная газета «Доброволец» издавалась Союзом добровольцев в 1936 — 1938 гг. в Париже.

[11] *Карамзина* Мария Владимировна (1900 — 1942) — поэтесса, проживала в Эстонии, опубликовала сборник стихов «Ковчег» (Нарва, 1939). Вела переписку с рядом писателей, в том числе со Шмелевым.

[12] Видимо, имеется в виду публикация «Речь И. С. Шмелева 11 февраля 1937 г.» (Пушкинские торжества в Париже)// Русское слово. — Варшава, 1937. — № 42. — 22 февр.

[13] Из Пушкинской речи Ф. М. Достоевского.

[14] А. С. Пушкин «Медный всадник» (1833).

[15] А. С. Пушкин «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836).

[16] *Квартирова* (в замужестве Дерюгина) Марина Александровна (1916) — ученица Ильина, сестра Алексея Квартирова.

[17] Тропарь (6-го гласа) на утрени в Неделю Крестопоклонную.

[18] Покаянный тропарь на утрени в Неделю о мытаре и фарисее.

[19] *инстанция* (*лат.* instans, instantis — предстоящий) — каждая из последовательных ступеней, звеньев в системе подчиненных друг другу органов, гл. обр. государственного управления (суда, администрации).

[20] κεράννυμι (*греч.*) — смешивать вино с водою, разбавлять вино водою.

[21] *оказательство* — от глагола *оказывать, оказать* — изъявлять, обнаруживать, выказывать, показывать.

[22] Простонародное: «Богородицу-Иисуса».

[23] Подразумевается: «стал говорить».

[24] *Отоночка* — тонкая оболочка, кожура, скорлупка.

[25] Речь идет о статье Ильина «Новая Россия — новые идеи»// Возрождение. — Париж, 1936. — № 4047. — 10 окт. — С. 2.

[26] Ильин И. А. Праведный народ. Древнее сказание// Русский инвалид. — Париж, 1937. — № 103. — С. 2, 4—5.

[27] Рассказ имеет посвящение: *Ивану Александровичу Ильину.*

[28] Имеется в виду Мандельштам Ю. В.

[29] *Тхоржевский* Иван Иванович (1878 — 1951) — переводчик, литературовед, поэт. В 1920 г. принимал участие в правительстве ген. Врангеля. Затем перебрался в Париж, где занимался переводами, много лет был сотрудником «Возрождения».

[30] Имеется в виду Семенов Ю. Ф.

[31] *дикирий* (двусвечник) и *трикирий* (трисвечник) — светильники, которыми архиерей осеняет народ во время богослужения.

[32] Шмелев И. С. Книга о вечном. Основы художественного творчества проф. И. А. Ильина// Возрождение. — 1937. — № 4088. — 23 июля.

[33] Письмо написано на бланке архимандрита Серафима (издателя «Православной Руси»). Указан адрес: p. Ladomirova u V. Svidnika, Tchecoslovaquie.

[34] *Верезг* — резкий шум, гул, свист, визг.

[35] И. С. Шмелев жил в покоях о. настоятеля, у него было 2 комнаты.

[36] *Серафим* (в миру Леонид Георгиевич Иванов) — архиепископ Чикагский и Детройтский. В указанное время настоятель монастыря Преп. Иова Почаевского на Пряшевской — Подкарпатской Руси, издатель газеты «Православная Русь». После войны монастырь и издательство переехали в Джорданвилль (США).

[37] *Сергий* (в миру Аркадий Дмитриевич Королев) (1881 — 1952) — епископ Пражский. После войны получил кафедру в Вене, затем в Берлине, а в 1952 г. был назначен архиепископом Казанским и Чистопольским.

[38] Отец *Исаакий* — священник, служивший на Ольшанском кладбище в Праге, проповедник при владыке Сергии, который называл его «Златоустом».

[39] Отец *Михаил* (Васнецов) был рукоположен в середине 30-х годов. Был астрономом и учителем. Рассказывал Е. Е. Климову, что вернулся к церкви, так как дед его был священником, «заговорила семейная традиция» (подробнее см.: «Из воспоминаний Е. Е. Климова»// Записки Русской Академической группы в США». Т. XXVIII. — New York, 1996—1997. — С. 116—118).

[40] Подразумевается *Мейснер* Дмитрий Иванович — известный журналист и публицист, автор пражского журнала «Своими путями».

[41] *Врази* (*старосл.*) — враги. «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...» — начало 67-го псалма.

[42] Вероятно: «докладчик».

[43] Московский выговор выражения «стало быть».

[44] Подразумевается газета «Возрождение».

[45] Людмила — дочь Раисы Гавриловны Земмеринг.

[46] Литерный вагон.

[47] Речь идет о Волконском Сергее Михайловиче (1860 — 1937) — театральном деятеле и критике.

[48] Имеется в виду торжественная речь, произнесенная И. А. Ильиным в Риге 9 февраля (27 января) 1937 г.

[49] Автограф хранится в частном архиве Ивестиона Жантийома (Безансон, Франция). Копия письма любезно предоставлена для публикации Российским Фондом Культуры.

[50] Неточная цитата стихотворения Тютчева «О, этот Юг! о, эта Ницца!..» (1864).

[51] См. коммент. № 132 к письмам 1932 г.

[52] Упоминается Р. М. Зиле.

[53] Имеется в виду А. В. Карташев.

1938

[1] Подвижники//Возрождение. — 1937. — № 4109. — 10 дек.

[2] Возрождение. — 1938. — № 4113. — 7 янв.

[3] Имеется в виду издание «Ewiges Licht»// Europäische Revue, 1938. — № 10. — Янв.

[4] Aschenbrenner M. Iwan Schmeljow: Leben und Schaffen des grossen russischen Schriftstellers. — Konigsberg/Pr. und Berlin, 1937.

[5] Дата приведена по старому стилю.

[6] Речь идет об отзыве Шмелева «Книга о вечном. Основы художественного творчества И. А. Ильина»// Возрождение. — Париж, 1937. — № 4088. — 23 июля. — С. 3, 6.

[7] Переводчица произведений И. С. Шмелева Р. Кандрейя устроила для него полный пансион в старинном замке Haldenstein (Каменный холм), где он находился до конца апреля 1938 г. В это время немецкий перевод «Няни из Москвы» был запрещен в Германии (как книги, не соответствовавшей германскому духу).

[8] Замок Каменный холм под Кур, Швейцария.

[9] Aller-retour (*фр.*) — туда и обратно.

[10] Не установлен.

[11] Возрождение. — 1938. — № 4118. — 11 февр.

[12] Имеется в виду Р. Земмеринг.

[13] *Dones eris felix, multos numerabis amicos. Tempora si fuerint nubila — solus eris* (*лат.*) — Пока ты счастлив, у тебя будет много друзей. Но если наступят смутные времена, ты будешь одинок (Овидий. Сборник элегий «Tristia» («Скорби»). Кн. 1. Эл. 6).

[14] Имеется в виду Сергей Горный.

[15] *«Ich schaue ins Leben. Ein Buch der Besinnung»* (*нем.*) («Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий») Furche — Verlag. — Berlin, 1938. — 199 S.; 2-е изд. 1939. — 199 S. Русский перевод этой книги см. в т. 3 наст. Собр. соч.

[16] *Барков* Иван Семенович (около 1732 — 1768) — русский поэт. Переводил сатиры Горация, басни Федра. Писал фривольные эротические стихи, ходившие в списках.

[17] *Сумароков* Александр Петрович (1717 — 1777) — русский писатель, один из видных представителей классицизма.

[18] Из стихотворения Державина «Бог».

[19] Оставшийся незаконченным роман «Иностранец» публиковался в 1938 г. в Париже в журнале «Русские Записки» (№ 4, 5, апр. — май).

[20] Замок etc.

[21] Возрождение. — 1938. — № 4128. — 22 апр.

[22] Concours général (*фр.*) — главный конкурс.

[23] От *менажировать* — помогать, охранять.

[24] Упоминается русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, где хотел быть похороненным Иван Сергеевич рядом со своей женой.

[25] Срв.: «Богомолье», глава «У Преподобного».

[26] В мае—июне Шмелев вторично посетил монастырь Преп. Иова, а также побывал в Праге.

[27] На этом Соборе Ильин не присутствовал по понятным причинам неопределенности его пребывания в Германии: через месяц он уедет навсегда в Швейцарию.

[28] *Bachot* (*фр.*) — экзамен на степень бакалавра.

[29] *Геббельс* Йозеф (1897 — 1945) — министр пропаганды (1933 — 1945) нацистской Германии.

[30] Не установлен.

[31] Имеется в виду, видимо, архимандрит.

[32] Имеется в виду книга «О тьме и просветлении. Бунин — Ремизов — Шмелев».

[33] *на юру* (*устар.*) — на открытом месте, без приюта, на сквозном ветру.

[34] А. С. Пушкин «Дар напрасный, дар случайный...» (1828).

[35] Речь идет об отторжении от Чехословакии и передаче нацистской Германии Судетской области, закрепленным Мюнхенским соглашением 29—30 сентября 1938 г.

[36] Речь идет о фактическом бегстве Ильиных из Германии в Швейцарию из-за преследования нацистских властей.

[37] Начиная с этого абзаца текст письма отмечен синим карандашом.

[38] *Розенберг* Альфред (1893 — 1946) — один из идеологов нацистской Германии. С 1933 г. руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистической партии. Упомянутым заместителем Розенберга мог быть тоже выходец из России Георг Лейббрандт (Georg Leibbrandt), отвечающий в ведомстве Розенберга за восточное направление во внешней политике Третьего рейха.

[39] *Рахманинов* Сергей Васильевич (1873 — 1943) — величайший русский композитор. Заплатил швейцарским властям денежный залог (кауцию) в размере 4000 швейцарских франков за Ильина и тем самым спас его жизнь.

[40] *«Der Angrift auf die Ostkirche»* (*нем.*) — «Наступление на Восточную церковь». Русский перевод этой брошюры Ильина см. в наст. Собр. соч., т. 7.

[41] Здесь кончается выделенный синим карандашом текст.

[42] Начиная с этого слова текст выделен синим карандашом.

[43] Здесь кончается текст, выделенный синим карандашом.

[44] *Бернацкий* Михаил Владимирович (1876 — 1944) — министр финансов Временного правительства, а затем в правительстве Деникина, в эмиграции — председатель Главного Совета «Российского Национального Объединения» (так было переименовано в 1937 г. «Российское Центральное Объединение»).

[45] Ильин И. А. Основы христианской культуры// Бюро Конфедерации Русских Христианских Рабочих. — Женева, 1937.

[46] Возрождение. — 1938. — № 4161. — 9 дек.

[47] Ильин И. А. Основы борьбы за национальную Россию// Издание Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП). — <Берлин> Нарва, издательство «За Россию». — 1938. См. в наст. Собр. соч. т. 9—10.

[48] «Mein Kampf» (*нем.*) — «Моя борьба», книга Адольфа Гитлера, написанная им в 1924 г. и вышедшая в свет в двух томах в 1925 и 1927 гг. В ней Гитлер изложил не только историю создания национал-социалистической партии Германии, взгляды и политику национал-социалистов, но провел на примере Австрии (многонационального, парламентского габсбургского государства) серьезный критический анализ современного парламентаризма, либеральной демократии, федерализма, формальных выборов, искоренения аристократического начала в природе и политике, социал-демократической и марксистской пропаганды, партийной демагогии, политизации профсоюзов, манипуляции партийными функционерами общественным мнением и т. п., подрывающих основы национального государства и вообще государственного устройства. Именно это последнее — критику разрушающих сил для государства — имеет в виду Шмелев, сравнивая брошюру Ильина «Основы борьбы за национальную Россию» с «Майн Кампф».

[49] Из письма А. С. Пушкина к Н. Н. Пушкиной от 11 июня 1934 г. Точная цитата: «А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к -----, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух как бы мне удрать на чистый воздух».

[50] *Иисус Навин* — вождь Израильтян после Моисея.

1939

[1] Имеется в виду «Трапезондский коньяк».

[2] Деникина.

[3] Денежный залог.

[4] Ирмос 1 песни канона молебного Пресв. Богородице. Канон — соединение песнопений в честь какого-либо праздника или святого, состоящее обычно из 9 песней, каждая из которых включает ирмос (главное, связующее песнопение) и несколько тропарей (других песнопений или чтений).

[5] *Нестеров* Михаил Васильевич (1862 — 1942) — русский живописец, в 1921 г. написал картину «Мыслитель», на которой изобразил своего друга — русского философа И. А. Ильина.

[6] *Бакшеев* Василий Николаевич (1862 — 1958) — русский и советский живописец, передвижник, автор жанровых картин.

[7] *Антонов* Сергей Николаевич (1884 — 1956) — рижский художник и архитектор, друг Е. Е. Климова.

[8] *Климов* Евгений Евгеньевич (1901 — 1990) — художник и историк русского искусства, большой друг Ильина.

[9] Идиоматическое выражение.

[10] *Les boulets* (*фр.*) — (*разг.*) обуза.

[11] Пс. 50.

[12] Возрождение. — 1939. — № 4168 (27 янв.), № 4171 (17 февр.), № 4173 (3 мар.).

[13] *Франко* Баамонде Франсиско (1892 — 1975) — глава испанского правительства, диктатор Испании после свержения им Испанской республики в 1936 г.

[14] Debout! (*фр.*) — встань!

[15] équilibre (*фр.*) — равновесие, уравновешенность.

[16] Hélas (*фр.*) — увы.

[17] Адрес Александра Ильича Лодыженского.

[18] Имеется в виду Жан Жак Руссо (1712 — 1778), который родился в Женеве.

[19] Неясно, о какой партии идет речь.

[20] *Echantillon sans valeur* (*фр.*) — образцы товаров.

[21] *Солоневич* Иван Лукьянович (1891 — 1953) — общественный деятель, публицист, прозаик. В 1934 г. с братом Борисом осуществил побег из лагеря Беломорско-Балтийского канала. Опубликовал 17 статей под общим названием «Россия в концлагере». С 1936 г. издавал в Болгарии газету «Голос России», где, помимо прочего, стал критиковать РОВС. В 1938 г. вместе с братом создал и пропагандировал *движение штабс-капитанов*, которое было задумано в противовес военной орга-

низации РОВС как политическая партия, возглавляемая не генералами, а более активными и молодыми чинами — штабс-капитанами.

3 февраля 1938 г. на И. Л. Солоневича было совершено покушение, во время которого от взрыва бомбы в редакции газеты «Голос России» погибла его жена Тамара Владимировна.

У Ильина было резко критическое отношение к Солоневичам, о чем свидетельствует следующая записка, автограф которой найден в Архиве философа в Мичигане:

«О Солоневичах

Безбожные, а потому глубоко пошлые люди. Пролганные, циничные, советские ловчилы. Ni foi, ni loi <(*фр.*) ни стыда, ни совести. — *Ю. Л.*>. Пустые души, в которых есть только личная злоба и жажда мести по отн<ошению> к коммунистам. И эту личную злобу они театрально разыгрывают как пламенный патриотизм, делая себе на этом эмигрантскую карьеру среди демагогирующих штабс-капитанов. Приехали демократами-республиканцами — и к Милюкову; не пристроились — объявили себя, держа нос по ветру, монархистами, чтобы писать о Вел. Кн. Кирилле такие вещи и таким тоном, от которого порядочному немонархисту стыдно становится.

Если бы коммунисты не посадили их в концлагерь — то они все и сейчас ловчились бы там, предавая Россию ради собственного устроения, разыгрывая свою советскую карьеру по «спортивным» организациям и по «интуристам».

Это люди, растлившие себя в советской службе. Это странные лемуры <семейство полуобезьян отряда приматов. — *Ю. Л.*>, — достаточно прочитать статью Ивана Сол<оневича>, написанную над трупом только что убитой жены, где он описывает кровосмесительную возню отца, матери и взрослого сына по утрам в кровати, добавляя, что он понимает непристойность этого описания, но что ему наплевать на приличия. А статья Бор<иса> Сол<оневича>, в которой он призывает забыть о добре и зле в борьбе с большевиками и приучать себя к палаческой профессии и советует русским эмигрантским девушкам ходить на бойни и окунать руки по локоть в теплую кровь убитого быка...

Тягостно видеть против сатаны не меч архангела, а талантливо извивающийся чертов хвост. Убийство госпожи Сол<оневич> производит впечатление ужасной и грязной истории, случившейся с отвратными людьми: сатана черта растерзал, злодеи живого лемура переехали, волка поезд раздавил. И все это они делают — насыщено самовлюбленностью, пьяною рисовкою, каким-то нескрываемым бесстыдством, эксгибиционизмом.

В наше слепое время люди думают: все, что против коммунистов, все хорошо. Но вот поднимается черное на красное, растление справа на растление слева — и мы опять будем задыхаться. А говорить об этом сейчас публично — не следует — Солоневичи пока «полезны».

[22] Имеется в виду Антон Владимирович Карташев.

[23] По-видимому, медицинский препарат.

[24] *Сыровы* Ян (1888 — 1971) — чехословацкий военный и государственный деятель. Во время гражданской войны командовал чехословацким корпусом в Сибири. Впоследствии находился на воен-

ной работе в Чехословакии. Продажность Сыровы во время гражданской войны Ильин индуцирует на время Мюнхенского соглашения.

25 Подразумевается сказка «Жертвенная овца», которая помещена в приложении к третьей книге настоящей переписки.

26 Возрождение. — 1939. — № 4176. — 24 марта.

27 «Я вглядываюсь в жизнь».

28 Обыгрывается известное изречение древнеримского поэта Плавта «homo homini lupus est» — человек человеку волк.

29 По-видимому, подразумеваются Гитлер и Антонеску.

30 *Бенеш* Эдуард (1884 — 1948) — государственный и политический деятель Чехословакии, министр иностранных дел, потом премьер-министр, во время второй мировой войны — президент Чехословакии в эмиграции.

31 Имеется в виду Франко.

32 *Негрин* Хуан (1894 — 1956) — премьер-министр республики Испания с 1937 г., в 1939—1945 — глава республиканского испанского правительства в эмиграции.

33 Неясно, о ком идет речь.

34 По-видимому, румыны.

35 «Россия в русской поэзии» — лекция Ильина, которую он читал в Берлине в мае 1935 г.

36 Здесь: «вместе».

37 Ставшее крылатым выражение из комедии «Жорж Данден, или Одураченный муж» Ж.-Б. Мольера. Суть комедии заключается в том, что богатый крестьянин Ж. Данден добивается женитьбы на дворянке, которая своими выходками доводит его до желания расстаться с жизнью. Осознав совершенную ошибку, герой укоряет в ней сам себя словами: «Ты этого хотел, Жорж Данден».

38 Образ Орла неоднократно встречается у Ильина; источник не установлен.

39 *Беркли* Джорж (1685 — 1753) — английский философ, субъективный идеалист. Ильин цитирует его трактат «О человеческом понимании» (1710). Точная цитата следующая: «Мы сами поднимаем пыль и потом жалуемся, что ничего не видим». (*Комментарий А. Е. Климова*).

40 Имеется в виду книга «Я вглядываюсь в жизнь».

41 Речь идет о сроке оплаты квартиры.

42 *nervus trigeminus* (*лат.*) — тройничный нерв.

43 Видимо, подразумевается Боголепов.

44 *Бредиус-Субботина* Ольга Александровна — ученица Ильина, была замужем за голландцем, проживала в Утрехте. Написала Шмелеву письмо, которое начиналось словами: «Не думайте, что Вы одиноки. Все Ваши читатели-друзья в мыслях с Вами». Совпадение имени и отчества Бредиус-Субботиной с именем и отчеством жены Шмелева и то, что письмо пришло 11 июня, в день рождения жены, сильно подействовало на него. Иван Сергеевич нашел в ней преданного и понимающего друга, а их переписка шла до самой его кончины.

45 *Бывый* (*стар.*) — бывалый.

[46] Здесь Ильин вспоминает о случае исцеления этой болезни Шмелева, происшедшем в 1934 г. и описанном Иваном Сергеевичем в рассказе «Милость Преподобного Серафима».

[47] *РАО* — Русское Академическое Общество.

[48] В газете «Возрождение» в это время публиковалась глава из «Лета Господня» — «Егорьев день» (№ 4188 от 16 июня).

[49] Русское Трудовое Христианское Движение, печатным органом которого была газета «Новый Путь», возглавляемая А. Лодыженским.

[50] Заочные чтения «О грядущей России» 1940/1941. Издавались в Женеве (официальный издатель Мадам Элизабет де Рибанпьер) ротаторным способом, объем 4—10 стр. Было осуществлено 9 выпусков. Они рассылались на деньги Ильина дочерью его друга Б. А. Никольского доверенным лицам в других странах. Позже эти статьи вошли в бюллетени «Наши задачи».

[51] Двадцати.

[52] *Пилсудский* Юзеф (1867 — 1935) — маршал, фактический диктатор Польши, в 1920 г. руководил военными действиями против Советской России.

[53] *Узилище* (юзилище, узильница, узница) — темница, тюрьма.

[54] Булак-Балахович Станислав Николаевич (1883 — 1940) — участник гражданской войны. В 1918 г. — командир полка Красной Армии. Перешел на сторону белых. В 1919—1920 гг. воевал в Северо-Западной Белой Армии под командованием ген. Н. Н. Юденича в Эстонии и Польше. В 1920 г. отряд Балаховича вторгся в Белоруссию, но был разгромлен советскими войсками.

[55] *Штрандтман* — не установлен.

[56] Имеется в виду: «Neue Züricher Zeitung» — «Новая цюрихская газета».

[57] Ив Жантийом — сын племянницы жены Шмелева.

[58] *mention* (*фр.*) — награда.

[59] А. С. Пушкин «Борис Годунов».

[60] *écrit en russe* (*фр.*) — написано по-русски. Такие приписки делались во время войны для цензуры.

[61] *Вымазживать* (*устар.*) — неотступно просить, вымогать, докучливо выпрашивать, канючить.

[62] *Randstaaten* (*нем.*) — лимитрофы (*лат.* limitrophus — пограничный). Название государств, образовавшихся после Октябрьской революции на окраине бывшей Российской империи: Эстония, Литва, Латвия, а также Финляндия.

[63] То есть в Берлине.

[64] Не установлен.

[65] étalage (*фр.*) — выставка (товаров).

[66] А. С. Пушкин «Пир во время чумы».

[67] См. письмо Шмелева от 9.05.1933 г.

[68] *écrit en russe. I. Chméleff, écrivain* (*фр.*) — написано по-русски. И. Шмелев, писатель.

1940

[1] *post factum* (*лат.*) — после того, как что-либо уже произошло.

[2] Возрождение. — 1940. — № 4127. — 5 янв.

[3] Подразумевается журнал «Иллюстрированная Россия».

[4] *In facultate theologiae moralis — dissertatio pro venia legendi* (*лат.*) — на факультете нравственного богословия — диссертация о милости раскрытия будущего.

[5] Имеются в виду Марина Александровна и Алексей Александрович Квартировы.

[6] *Раушнинг* Герман (1877 — 1982) — немецкий политик. Ранний соратник Гитлера, порвал с партией нацистов в 1934 г., эмигрировал в Швецию в 1936 г. и там издал ряд разоблачающих книг о Гитлере и нацизме, в свое время получившие широкую огласку. «Hitler l'a dit» (*фр.*) («Гитлер это сказал») — французское издание его книги «Gesprache mit Hitler» («Разговор с Гитлером») (1939). Один серьезный шведский исследователь в 1983 г. отметил, что Раушнинг не мог так часто и наедине встречаться с Гитлером, так что, по-видимому, в своей книге он многое присочинил. После войны Раушнинг поселился в Америке. (*Комментарий А. Е. Климова*).

[7] Левка и Иулиус — не установлены.

[8] *nolentes* (*лат.*) — не желающие, вопреки своему желанию.

[9] То есть Александра.

[10] Пс. 50.

[11] Возможно, это слово образовано по аналогии со словом *токовище* — место, где птицы собираются стаями, чтобы *токовать*. Тогда *таковище — место*, где люди собираются, чтобы *таковать*, т. е. общаться, соглашаясь друг с другом (поддакивая друг другу); ударение же в этом слове стоит на втором слоге по аналогии со словом *сокровище*.

[12] Рядом в письме стоит клякса.

[13] Имеется в виду предыдущее письмо Ильина от 20.I по новому стилю (7.I по старому стилю).

[14] Пуко — кривой финский нож.

[15] Втор. 32, 35; Рим. 12, 19.

[16] Возрождение. — 1926. — № 572. — 28 дек.

[17] Политехническая школа.

[18] *Харитон* — не установлен.

[19] *Юденич* Николай Николаевич (1862 — 1933) — генерал, главнокомандующий Северо-Западной Белой Армией в 1919 г.

[20] Précaire (*фр.*) — непрочный, ненадежный.

[21] *легация* — здесь: посольство.

[22] Неясно, дошло ли это письмо до Шмелева или это копия письма, оставшаяся у Ильина.

1941

[1] *Нерсесян* Виген А. — член французского отделения Национально-Трудового Союза Нового Поколения

[2] *Je suis...* (*фр.*) — Я в добром здравии. Вашу посылку получил.

Ивану Александровичу, моему духовному брату, моя признательность и просьба писать мне, и моей сестре Натали также. И. Шмелев.

1942

[1] *Mes salutations cordiales...* (*фр.*) — Мои сердечные поздравления второй п<очтовой> открыткой Ив<ану> Ал<ександровичу>. Благодарю Вас за приглашение приехать в Л<ион>, но для м<еня> это очень нелегкое дело. Чувствую себя немного лучше, но пока велено сохранять

постельный режим. Что касается денег (моих гонораров) со стороны мадам Кандрейя, дело это безнадежное. Спасибо за дружеское предложение мне помочь — пока я, слава Богу, живу без нужды. Жизнь без писем Ивана Александровича для меня большое испытание. Я просил бы его сделать demarche к издателям в Стокгольм: надо издать мое «Солнце Мертвых» на шведском языке. С этим он может обратиться к моей переводчице Руфи Ивановне Вединой-Ротштейн. Она сделала превосходный перевод моего романа «Человек из ресторана» — об этом мне писал Кнут Гамсун. Она живет на Malmö, 6, Klostergatan. Напишу я также нашему священнику о. Стефану. И еще проф. Хандамирову в Лунд. Он читает лекции в университете и проводит по 5 конференций в год. «Неупиваемая Чаша» и новое издание «Солнца Мертвых» должны выйти в свет в Берлине. Обнимаю Вас. И. Шмелев.

(*Перевод с французского З. Г. Антипенко*).

1943

[1] Любимов Никанор Никанорович (1897 — после 1943?) — сын родной старшей сестры Шмелева Софьи Сергеевны Любимовой. Окончил вместе с сыном Шмелева Сергеем Артиллерийское училище, преподавал в Артиллерийской академии в Ленинграде, затем в Москве; был в чине полковника. В 1941 г. пошел добровольцем на фронт и после 1943 г. пропал без вести. Следует отметить, что в книге О. Н. Сорокиной о нем приведены недостоверные сведения. Ее версию опровергает тот факт, что Софья Сергеевна до конца жизни получала пенсию за сына, а органы Государственной безопасности СССР проявляли заботу о его жене. Судьба Н. Н. Любимова еще ждет настоящего исследования.

1944

[1] На открытке написано рукою И. А. Ильина: 1944. В следующей своей открытке Ильину от 12.II.1945 г. Шмелев сообщил, что писал Ильиным в декабре 1944 г.

1945

[1] *Chers amis...* (*фр.*) — Друзья мои, как поживаете? Я стар и слаб, как-никак мне уже 72! Я написал 2-ую часть романа «Пути Небесные». Закончена и 2-ая часть «Лета Господня». Только есть нечего; известите об этом мою переводчицу <речь идет о переводчице Р. Кандрейе. — *Ю. Л.*>, может ей удастся через Кр<асный> К<рест> отправить мне бандероль в счет гонорара. Очень прошу ее перевести 1-ую часть моего романа; он уже переведен на французский <переводчицей романа Шмелева «Пути Небесные» на французский язык была Елена Эмерик (Hélene Emeryk), и этот перевод вышел в Париже в 1946 году. — *Ю. Л*>. Я писал Вам в декабре. Обнимаю вас обоих, весь ваш И. Шмелев.

(*Перевод с французского З. Г. Антипенко*).

[2] *prière de faire suivre* (*фр.*) — просьба переслать адресату.

[3] *Cher et précieux ami...* (*фр.*) —

Дорогой, бесценный друг Иван Сергеевич!

От души благодарю Вас за весточку о себе. Получив Вашу вторую открытку, я тут же предпринял все необходимое: 1) через Красный Крест Вы получите бандероль; 2) через банк Вы получите 100 швейцарских франков в французской валюте. Не как долг, а как дар любви со стороны моих друзей, которые ценят Вас как человека и как литератора; 3) это мои милые друзья, мистер и мадам Конрад Барейсы (американцы, довольно богатые), поручили своему старому верному другу в Париже (атташе посольства США) предстать перед Вами и обеспечить Вас всем необходимым (за их счет). Но Вас это не должно беспокоить. У моих друзей пылкое, доброе, щедрое сердце. Они рады сделать хоть что-нибудь для великого русского писателя, в данном случае — лично для Вас. Пошлите им на французском языке душевное слово и думайте только о своем творчестве.

Мы молим Господа, чтобы Он сохранил Вам жизнь и здоровье. Будем рады узнать, что Ваш новый труд завершен и уже предвкушаем от него удовольствие.

Мадам Кандрейя, которая овдовела и в Chure уже не живет, впуталась в дурную компанию и занялась пересудами. Для меня она пока недоступна, попытаюсь найти окружной путь. Намереваюсь также отыскать другую комбинацию переводчика и издателя. Рад, что Вы не ходили в «Каноссу». Не оставляйте лазейки для пути назад из Каноссы. У дьявола для людей всегда наготове два крайних соблазна. Надо быть начеку.

Мы, оба, чувствуем себя довольно сносно, если не считать невралгических головных болей, которые порою просто нестерпимы, особенно когда с горных вершин дует южный ветер (фён). Живем мы тоже неплохо; особой нужды не испытываем. Я опубликовал 3 книги, четвертая на выходе (уже в типографии), но увы — не на русском.

Как только Вы достаточно окрепнете, чтобы пуститься в путь, Вам ее вышлют отсюда; надо только, чтобы Вы лично сделали на нее заявку в Париже (это для издательских формальностей).

14 февраля мы получили известие от госпожи Ольги, жизнь ее довольно трудна, но все живы-здоровы.

Обнимаю Вас, желаю самого доброго.

Серьезно, если Вы нуждаетесь в чем-либо, скажите об этом прямо тому из моих друзей, который известит Вас о своем визите.

Весь Ваш проф. И. Ильин.

(*Перевод с французского З. Г. Антипенко*).

[4] Valise (*фр.*) — чемодан. Здесь: дипломатической почтой.

[5] Имеется в виду О. А. Бредиус-Субботина.

[6] Écrit *en russe* (*фр.*) — написано по-русски.

[7] Последование молебна. См.: Требник. — М., 1991. — С. 258.

[8] Об этом см. коммент. № 95 (переписка за 1932 г.).

[9] Пс. 90, 4.

[10] espace geographique (*фр.*) — географическое пространство.

[11] *Cher et tant...* (*фр.*) — Мой дорогой, сердечный друг Иван Александрович, большое спасибо за Ваши заботы. Я отправил Вам большое письмо 4 апреля. А 6-го меня навестил один из заместителей атташе США в Париже господина Дана Ходыдона А. Лейн и я сказал ему, что

ни в чем не нуждаюсь благодаря Господу и моим друзьям. Прямо-таки горы человеческого участия и это помогает преодолевать все испытания. Я написал пару слов г-ну Дана Ходыдону, а также мадам и месье Конрад Барейсс в Берн. Благодарю Вас от всего сердца. Работаю над романом; понемножку, по 2—3 страницы в день. Труд этот очень тяжел. Жизнь посылает мне много неприятностей и... мерзостей. Дай мне, Боже, силы превозмочь их все, ниспошли на нас Милость Свою. Обнимаю вас обоих, преданный вам И. Шмелев.

(*Перевод с французского З. Г. Антипенко*).

[12] Colis Suisse (*фр.*) — швейцарская посылка.

[13] Имеется в виду О. А. Бредиус-Субботина.

[14] Schweizer Arbeiter Hilfswerk (*нем.*) — швейцарская помощь рабочим.

[15] *Вильгельм* I Оранский (Молчаливый) (1533 — 1584) — принц, вождь Нидерландской революции и антииспанской дворянской оппозиции. Убит испанским агентом.

[16] *Квислинг* Видкун (1887 — 1945) — организатор (1933) и лидер фашистской партии в Норвегии. Содействовал захвату Норвегии фашистской Германией в 1940 г. В 1942—1945 гг. премьер-министр правительства, сотрудничавшего с оккупантами. Казнен как военный преступник. Его имя стало нарицательным для предателей своего народа.

[17] *quos vult perdere, dementat* (*лат.*) — кого <Бог> хочет погубить, того лишает разума.

[18] *Трубецкой* Сергей Евгеньевич (1890 — 1949) — старший сын религиозного философа Евгения Николаевича Трубецкого. В 1922 г. был выслан за границу с матерью, братом и сестрой и выехал туда на том же пароходе, что и Ильин — «Oberbürgermeister Hagen».

[19] *Трубецкая* Софья Евгеньевна (1900 — 1982) — дочь Евгения Николаевича Трубецкого, проживавшего в эмиграции.

[20] Заявление в Управление надзора Франции

Нижайше прошу Управление надзора Франции позволить мне поделиться со своим другом, Иваном Шмелевым, известным русским писателем (проживающим сейчас в Париже), своими антинацистскими чувствами, которые я вынашивал в себе с давних пор. Надо, не вдаваясь в полемику, иногда облегчать свою душу перед друзьями, у которых такие же убеждения.

Профессор Иван Ильин.

(*Перевод с французского З. Г. Антипенко*).

[21] Congeler (*фр.*) — замораживать (кредиты, заработную плату).

[22] *Дягилев* Сергей Павлович (1872 — 1929) — русский театральный и художественный деятель.

[23] На самом деле Шмелев пишет о письме Ильина от 2. VII.

[24] crèm gruyère (*фр.*) — мягкий швейцарский сыр.

[25] abri (*фр.*) — кров, пристанище, приют, убежище, укрытие.

[26] *Дакс* (Dax) — бальнеоклиматический курорт во Франции, к югу от г. Бордо.

[27] tisane (*фр.*) — отвар, целебный настой из трав, снадобье.

[28] aux risque (*фр.*) — с риском.

[29] péril (*фр.*) — опасность.

[30] Имеется в виду О. А. Бредиус-Субботина.

[31] *Трубецкой* Александр Евгеньевич (1892 — 1968) — второй сын Евгения Николаевича Трубецкого.

[32] *Cher ami...* (*фр.*) —

Дорогой Иван Александрович!

Вчера только что отправил Вам 2 письма: 1) ответ на Ваше; и 2) способ лечения головной боли и адрес А. Ремизова: 7, ул. Буало. Спешу дать Вам несколько рекомендаций: княгиня С. Е. Трубецкая; князь С. Е. Трубецкой, князь А. Е. Трубецкой (и их адреса).

О, какое счастье видеть «Богомолье» в переводе под Вашим присмотром и с Вашим предисловием. Это было бы Вашим благословением!

А мадам Ш. М. Барейс, какой это благородственный, какой утонченный дух! Ее слово — слово американки — это дело! Это милость Божия, что «Богомолье» как-то спасло меня. Видно, была Божья воля и на то, чтобы я создал его. Спасибо. Весь Ваш И. Шмелев.

(*Перевод с французского З. Г. Антипенко*).

[33] *Cher ami...* (*фр.*) —

Дорогой друг Иван Александрович!

Только что получил две посылки из Швеции, обе в хорошем состоянии. Спасибо. Огромное спасибо! Достаточно, вполне достаточно на несколько недель! Как я вам обязан! Как обязан! 5 дней тому назад я послал вам письмо (о способе лечения головных болей) и открытку с адресами князей и княгинь Трубецких. Более того, попытайте этот способ лечения, он творит чудеса! Большое спасибо мадам К. Барейсс. Идет перевод романа «История любовная» под заглавием «Весенний шум», или «Шумная весна». Это переиздание. Спасибо! Обнимаю вас обоих. И. Шмелев.

(*Перевод с французского З. Г. Антипенко*).

[34] Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1830).

[35] Быт. 1, 1.

[36] *gaudens* (*лат.*) — радующийся.

[37] Мф. 5, 48.

[38] Мф. 24, 35.

[39] Мф. 17, 20.

[40] Мф. 24, 35.

[41] Мф. 24, 33.

[42] *Иванов* Александр Андреевич (1806 — 1858) — русский живописец. Автор знаменитого монументального полотна «Явление Христа народу» (1837 — 1857).

[43] Ф. И. Тютчев «Цицерон» (1830).

[44] Ф. И. Тютчев «Наполеон» (1850).

[45] Rutabaga (*фр.*) — брюква, кормовая свекла; похлебка из брюквы.

[46] А. С. Пушкин «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830).

[47] *Аврелий* Марк (121 — 180) — римский император, философ, писатель.

[48] Р о з а н о в В. В. Опавшие листья. Второй короб. — СПб., 1915.

[49] par excellence (*фр.*) — по преимуществу.

[50] entre nous (*фр.*) — между нами.

[51] Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. — Ч. 4. — Кн. 11. — Гл. IX «Черт. Кошмар Ивана Федоровича».

[52] Карамазов.

[53] Имеется в виду Трубецкой С. Н.

[54] ergo (*лат.*) — следовательно.

[55] Речь идет о торжественной увертюре П. И. Чайковского «1812 год» (1880), в музыку которой вплетается мелодия «Марсельезы», но в завершение победно звучат звуки гимна-молитвы Российской империи «Боже, Царя храни».

[56] faire pendant (*фр.*) — подходить, соответствовать, быть, идти в пандан.

[57] ȁ propos (*фр.*) — кстати, между прочим.

[58] *Гофманские* капли — возбуждающее средство при упадке сердечной деятельности и угнетения дыхания.

[59] νομάς (*греч.*) — бродячий, блуждающий по пастбищу, кочевник.

[60] qiu pro quo (*лат.*) — «одно вместо другого», путаница.

[61] В опубликованном рассказе указана полная фамилия — «Каляев».

[62] sauté (*фр.*) — кулинарное блюдо соте́.

[63] Искаженное «Раскольников» из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского.

[64] n'est ce pas? (*фр.*) — не так ли?

[65] bon mot (*фр.*) — удачное выражение, красное словцо.

[66] *animam levavi* (*лат.*) — спас душу. Источник: Иез. 33, 9.

[67] Ф. И. Тютчев «Цицерон» (1830).

[68] Там же.

[69] Ильин всегда писал слово «тиранн» и производные от него с двумя «н».

[70] *Тарле* Евгений Викторович (1875 — 1955) — советский историк, академик АН СССР (1927).

[71] *Волгин* Вячеслав Петрович (1879 — 1962) — советский историк, академик АН СССР (1930).

[72] *Виппер* Роберт Юрьевич (1859 — 1954) — советский историк, академик АН СССР (1943).

[73] *en connaissance des causes* (*фр.*) — зная причины.

[74] В Древней Греции обед за общественный счет в Пританее был чрезвычайно почетен и предоставлялся, в частности, победителям Олимпийских игр.

[75] Имеются в виду Антон Владимирович Карташев и Антон Иванович Деникин.

[76] Видимо, сохранилась только одна страница этого письма.

[77] *Mercissime* (*фр.*) — огромнейший мерси. Латинская превосходная степень от французского «merci».

[78] pour cent (*фр.*) — на сто процентов.

[79] Рождество в Москве. Рассказ делового человека// Парижский Вестник. — 1944. — № 81. — 8 янв.

[80] Имеется в виду О. А. Бредиус-Субботина.

[81] Город в Голландии, близ которого в сентябре 1944 г. проходило крупное танковое сражение западных союзнических войск под коман-

дованием английского генерала Монтгомери, окончившееся неудачей и большими потерями.

[82] Имеется в виду сборник «Про одну старуху. Новые рассказы о России» (Париж, 1927). В него входил и рассказ «Чудесный билет», последний абзац которого, видимо, и имел в виду И. С. Шмелев: «Вот какой случай вышел. Билет-то верный оказался, хоть и началось с обмана. А вера и покрыла! Вот все и думаю. Надеяться — на что? ... Вот на это-с, на Правду, без которой никакой жизни не бывать. Скажи горе: «двинься и ввергнись в море!» И ввергнется, при великой, конечно, вере. Я так и мемуары начинаю, от Соломона Премудрого: «На пути Правды — жизнь, и на стезе ее нет смерти» <приведено в сокращении. — *Ю. Л.*>.

[83] Название приведено неточно; на самом деле — «Сущность и своеобразие русской культуры».

[84] «*Vesen und Eigenart der russische Kultur*» (*нем.*) — «Сущность и своеобразие русской культуры».

[85] Карташев.

[86] arrondissement (*фр.*) — административный район большого города во Франции.

[87] Имеется в виду о. Василий Зеньковский и митрополит Евлогий.

[88] Имеется в виду рассказ «Рождество в Москве», который посвящен Наталии Николаевне и Ивану Александровичу Ильиным.

[89] Рассказ «Рождество в Москве» был послан двумя отправлениями. Видимо, это сообщение было вложено во 2-й пакет.

[90] *Petit cadeau de...* (*фр.*) — Маленький рождественский подарок (сок черной смородины без алкоголя), приготовленный местными производителями. И. Шмелев, писатель.

(*Перевод с французского З. Г Антипенко*).

[91] *Cher, inappréciable...* (*фр.*) —

Дорогой, бесценный друг!

Ваш великолепный труд, созданный рукою великого мастера, доставил нам несказанную радость... Тут за исполнением второй партии приходится следить с благоговейным ощущением великого праздника, не так ли?..

Примите, дорогой друг, наш маленький новогодний подарок, и да хранит Вас Господь в этой жизни — суровой и мрачной...

18.XII.1945 Ваши Н. и И.

(*Перевод с французского З. Г Антипенко*).

[92] Видимо, имеется в виду нарушение диеты.

[93] талонный, карточный.

[94] «Сущность и своеобразие...» (*нем.*).

[95] То есть: поставила на нем крест, запретила.

[96] См. коммент. № 10 к данному разделу.

[97] *préfect de police* (*фр.*) — начальник полиции.

[98] *quas ego* (*лат.*) — вот я вас. Так в «Энеиде» Вергилия (I, 135) бог морей Нептун угрожает расправой разгулявшимся на просторе ветрам, и это стало крылатым выражением.

[99] *parfaitement* (*фр.*) — прекрасно.

[100] Литургия.

[101] Имеется в виду «Неупиваемая Чаша».

[102] Это двустишие приведено в рассказе В. Г. Короленко «На затмении» (1887). Его автор — журналист и переводчик Н. В. Берг (1824 — 1884).

[103] Имеется в виду улица Буало (г. Boileau), на которой жил Шмелев. Буало Никола (1636 — 1711) — французский поэт, критик, теоретик классицизма, правила и нормы которого изложил в поэме «Поэтическое искусство» (1674).

1946

[1] См. открытку И. С. Шмелева от 21.XII.1945. Через Шюзевилля (J. Chuzeville), знакомого А. М. Ремизова, Шмелев послал Ильиным «Ambrosie Celeste» — «Пути Небесные», на этом названии построена игра слов: амброзия означает также «пищу богов» (в греч. мифологии).

[2] I l j i n Iw. Wesen und Eigenart der russischen Kultur. Drei Betrachtungen (Сущность и своеобразие русской культуры. Три соображения). — Zürich, 1942.

[3] Песнопение великого повечерия (великое повечерие — одна из церковных служб).

[4] grande puissance (*фр.*) — большая мощь.

[5] См.: Ш м е л е в И. С. Пути Небесные. — Гл. XXVII.

[6] *Пришвин* Михаил Михайлович (1873 — 1954) — русский советский писатель. Автор философско-лирической прозы, связанной преимущественно с темами природы, истории, народным бытом и фольклором.

[7] *Брем* Альфред Эдмунд (1829 — 1884) — немецкий зоолог. Автор книги «Жизнь животных».

[8] Имеется в виду В. А. Маклаков.

[9] Имеется в виду Н. А. Бердяев.

[10] *alias* (*англ.*) — вымышленное имя, прозвище, кличка, псевдоним.

[11] Так в тексте.

[12] Имеется в виду неудачный перевод входящей в состав Ветхого Завета «Книги премудрости Иисуса сына Сирахова».

[13] См.: Мф. 11,11; Лк. 7, 28.

[14] Песнопения из Триоди постной (богослужебной книги Великого поста). Поются на утрени в воскресенье.

[15] *Мамин-Сибиряк* Дмитрий Наркисович (1852 — 1912) — русский писатель, в своих знаменитых романах («Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Золото») описывал нравы и быт Урала и Сибири.

[16] Пс. 90, 1.

[17] Прообразами главных героев «Путей Небесных» были реальные люди, носившие те же имена, что и в романе — Виктор Алексеевич Вейденгаммер (дядя жены Шмелева) и его невенчанная жена Дарья Королева. О пребывании В. А. Вейденгаммера в Оптиной пустыни (1900—1916) есть упоминание в рукописях «Необычайные происшествия в Предтеченском скиту Оптиной пустыни» (1862—1916), составленных иеромонахом Константином. Под руководством В. А. Вейденгаммера в Предтеченском скиту была построена церковь.

[18] Пс. 141, 8. Этот стих, наряду с другими стихами псалмов 140, 141, 129 и 116, поется на вечерне.

[19] Имеется в виду старец Зосима из романа «Братья Карамазовы». Его прообразом был преп. Амвросий Оптинский.

[20] «Wesen und Eigenart...» (*нем.*) — «Сущность и своеобразие...». Имеется в виду немецкое издание книги Ильина.

[21] В это время письмо И. А. Ильину о бедственном положении И. С. Шмелева прислала племянница жены писателя Ю. А. Кутырина. См.: «Переписка двух Иванов». Т. 3 (Приложение).

[22] небрежное — *американцев.*

[23] Имеется в виду А. Ф. Лютер.

[24] *Prof. Dr. Arthur Luther aus Leipzig* (*нем.*) — Проф. Др. Артур Лютер из Лейпцига.

[25] copulo (*лат.*) — соединяю. Здесь — соединение.

[26] Имеется в виду Ш. М. Барейс.

[27] Это неотосланное письмо представляет собой первую редакцию следующего за этим письма И. А. Ильина от 24.III.1946.

[28] Срв.: Мф. 18, 3.

[29] Iljin Iw. Blick in die Ferne. Ein Buch der Einsichten und Hoffnungen (Взгляд в даль. Книга размышлений и упований). — Zürich, 1945.

[30] агиография (от *греч.* ἅγιος — святой, священный и γράφω — рисовать) — жизнеописание святых (Жития святых).

[31] См.: Пушкин А. С. Исторические заметки// Полн. собр. соч. — Т. 8. — С. 210.

[32] *Трубецкой* Сергей Николаевич (1862 — 1905) — князь, философ, публицист, общественный деятель.

[33] *Забелин* Иван Егорович (1820 — 1908/09) — русский историк, археолог, почетный академик.

[34] *ante 'omnesque Lelex — animo maturus et aevo* (*лат.*) — Первый меж ними Лелег, созревший умом и годами (Овидий. Метаморфозы. Кн. 8. Строка 617. *Перев.* С Шервинского). Лелег — герой, участвовавший в приключениях Тезея.

[35] Апостол Павел (Савл — его первоначальное имя).

[36] *Климент Зедергольм* (Карл Густав Адольф Зедергольм, после принятия православия Константин Карлович) (1830 — 1878) — иеромонах, религиозный писатель, переводчик.

[37] Зедергольм Карл Альберт (1789 — 1867) — протестантский пастор, доктор философии.

[38] *Тихомиров* Лев Александрович (1852 — 1923) — общественный и политический деятель, публицист, религиозный философ, мыслитель.

[39] *Нилус* Сергей Александрович (1862 — 1929) — духовный писатель.

[40] *'a these* (*фр.*) — в тезисах, схематично.

[41] А. С. Грибоедов «Горе от ума» (1822—1824).

[42] 9 марта 1924 г.

[43] *private* (*англ.*) — личный.

[44] «На морском берегу».

[45] *«Iesus en son temps»* (*фр.*) — Иисус и его время.

[46] *Papini* Giovanni (1881 — 1956) — итальянский журналист, критик, поэт и новеллист, один из блестящих представителей литературы середины 1920-х годов, футурист и затем защитник католической веры.

[47] *Bitte* (*нем.*) — здесь: просьба, прошение, ходатайство.

[48] *Дрогист* — торговец аптечным товаром.

[49] *Иван Бебешин* — герой рассказа И. С. Шмелева «Орел».

Прочкнуться — от слова *чка* — плавучая льдина. *Чкнулись* — чокнулись, стукнулись или сочкнулись; отсюда: *прочкнуться* — тронуться, дрогнуть. Близко к значению слова *проклюнуться*, но не *прочнуться* (от слова *очнуться*).

[50] *Теодицея* (*лат.*) — оправдание Бога.

[51] *Меерович* Лазарь Соломонович (? — 1927) — юрист, друг и однокашник Ильина. Приводим здесь заметку П. Никашина из газеты «Возрождение» (№ 909. — 1927. — 28 нояб.), о которой упоминал Ильин в письме от 1.XII.1927.

«Памяти Л. С. Мееровича

Похоронили Лазаря Соломоновича Мееровича; прежде чем покончить с собой, он выстрелом из револьвера убил свою жену Клавдию Николаевну. Она была долго и безнадежно больна. Ее мучения и приговоренность к смерти внушили Лазарю Соломоновичу стать ее убийцей, а через несколько мгновений стать самоубийцей.

Оборвалась жизнь двух еще полных сил людей. Они страстно и нежно любили друг друга и нашли смерть вместе.

Я знал покойного Л. С. Мееровича со студенческой скамьи. Аудитория юридического факультета Московского университета, вечеринки на М. Бронной, споры на темы о модном тогда «историческом материализме», рассказы Чехова, стихи Бодлэра...

Одаренный большими умственными силами, трудолюбивый и до застенчивости скромный — Меерович выдвинулся потом в качестве юриста-цивилиста в московской адвокатуре. Заброшенный на чужбину, Меерович работал, как юрист, в Лондоне, Берлине и, в последние годы, в Париже.

Его эрудиция, скромность и нравственная честность были редкими в наши черные дни. Тайну своих мучений он унес с собой в могилу. Он погиб так, как кончают свою жизнь только люди с большой и глубокой душой.

Да принесет ему мир могильный сон и пусть легка будет ему земля чужбины!»

[52] *Bibliothèque Nationale* (*фр.*) — Национальная библиотека (в Париже).

[53] Из стихотворения В. А. Жуковского «Умирающий лебедь» (1828).

[54] *Essays* (*фр.*) — эссе.

[55] Имеется в виду фотография И. А. Ильина в котиковой шапке.

[56] *as* (*фр.*) — мастер спорта, ас.

[57] *Охабень* — верхняя длинная одежда.

[58] *Ферязь* — верхняя длинная одежда без воротника.

[59] Имеется в виду спор о вере между православными и старообрядцами; *пря* (*церк.-сл.*) — спор, ссора, тяжба (отсюда — *прения*).

[60] *Голик* — веник с обитыми листьями, голые прутья, связанные в пук.

[61] *Мюрат* Иоахим (1767 — 1815) — сподвижник Наполеона I и его зять, маршал Франции, король Неаполитанский, участник наполеоновских войн.

[62] *Талан* — счастье, удача, рок, судьба, участь.

[63] *Пастер* Луи (1822 — 1895) — французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии.

[64] *les canards, les canals (neaux) et... les canailles* (*фр.*) — утки, каналы, сволочи (канальи). Правильно — множественное число от фр. canal — caneaux, что и написано в скобках. Так называл Вольтер Голландию — «страна уток, каналов и каналий».

[65] Речь идет о письме Р. Киплинга, которое Шмелев решил послать вместе со своим. Известно, что И. А. Ильин его получил (см. его письмо от 11.IV.1946). Видимо, оно не было возвращено Ю. А. Кутыриной Ильину вместе со всеми его письмами И. С. Шмелеву. В нашей подборке письмо Р. Киплинга отсутствует.

[66] *Даниил Заточник* — известен как автор произведения под названием «Слово» или «Моление Даниила Заточника». Время и место действия этого произведения, равно как и жизнь и происхождение автора, не установлены. Как литературный памятник — это одно из интересных и значительных произведений древнерусской литературы, обнимающее все явления жизни Древней Руси. Характер произведения нравоучительный, язык книжный, форма сатирическая.

[67] *батра сон плэн* (*фр.*) — будет бить ключом.

[68] renonculacées (*фр.*) — лютики.

[69] *Бекеша* (*устар.*) — мужское пальто на меху в талию со сборками.

[70] Здесь: с улицы Боэси.

[71] Известная фраза, сказанная князем Г. А. Потемкиным Д. И. Фонвизину по поводу комедии «Недоросль», которая была поставлена в театре в 1782 г.: «Умри, Денис, лучше не напишешь».

[72] *Хивинка* (*устар.*) — вид зимнего каракулевого пальто (порода овец с ценным шелковистым мехом была распространена в Хивинском ханстве, отсюда и происходит название).

[73] *a vendre* (*фр.*) — продающийся, «продается» (объявление).

[74] мехеша — здесь: меховщик.

[75] *дэсандр* (*фр.*) — сбить цену или сбыть.

[76] *quel étonnant boyard* (*фр.*) — какой удивительный боярин.

[77] *Ce diable com savoyard* (*фр.*) — бестия как савоец.

[78] *си-дэван* (*фр.*) — перед этим.

[79] Имеется в виду обращение Шмелева к своей усопшей жене.

[80] Мф. 25, 14—30; Лк. 19, 12—27.

[81] Лк. 18, 13.

[82] То есть таможенных.

[83] Видимо, описка. Нужно понимать: «кто с ними делится...»

[84] Подразумеваются слова «по щучьему веленью» из одноименной сказки.

[85] Имеется в виду роман «Няня из Москвы».

[86] *Введенский* Иринарх Иванович (1813 — 1855) — русский общественный деятель. С 1842 г. преподавал русскую литературу в петербургских военных учебных заведениях. Переводчик Ч. Диккенса.

[87] Речь идет о материальной помощи Шмелеву. В дальнейшем она так и будет называться в письмах — «горными цветочками».

[88] См. коммент. № 65 к этому разделу.

[89] *obstupui* (*лат.*) — приходить в изумление, быть пораженным.

[90] *«Obstupuére omnés <nec> tália díctua probárunt»* (*лат.*) — И поразилися все, и словам не поверили дерзким. (Овидий. Метаморфозы. Кн. 8. Строка 617. *Перев.* С. Шервинского).

[91] *pro domo sua* (*лат.*) — по личному вопросу, приватно.

[92] Речь идет о материальной помощи И. С. Шмелеву.

[93] «*Les Voies Celestes*» (*фр.*) — «Пути небесные».

[94] *Блерио* Луи (1872 — 1936) — французский авиаконструктор и летчик, один из пионеров авиации; первым перелетел через Ла-Манш.

[95] *dessous* (*фр.*) — нижнее белье.

[96] *Навырез* — здесь: замечательно.

[97] *salto mortale* (*ит.*) — сальто мортале (прыжок акробата).

[98] *UNRRA* (УНРРА) — аббревиатура Администрации Объединенных Наций по помощи и размещению перемещенных лиц.

[99] Обыгрывается фамилия Иосипа Броз Тито.

[100] «*Maison Bourkov*» (*фр.*) — Дом Буркова.

[101] Не установлен.

[102] *Dixi et animam levavi* (*лат.*) — сказал и спас душу. Слово «Dixi» является поздней вставкой в латинский перевод Библии.

[103] Имеется в виду И. С. Лукаш.

[104] *присный* (*слав.*) — родственный, близкий.

[105] Здесь и ниже в рукописи текст залит чернилами и плохо прочитывается.

[106] *Das verschollene Herz* (*нем.*) — Умолкнувшее сердце. Название немецкой книги Ильина (ее русский вариант называется «Поющее сердце»).

[107] «Человек из ресторана».

[108] *Лансирование* (от *фр.* lancer — букв. бросить) — пускать в оборот, распространять в публике.

[109] Нам известно только более позднее издание сборника избранных рассказов А. П. Чехова, подготовленного И. С. Шмелевым и выпущенного с его послесловием, вышедшее в Цюрихе в 1950 г.

[110] *Богомолов* Александр Ефремович (1900 — 1969) — советский посол во Франции с 1945 г. по 1946 г. Активно работал в среде русских эмигрантов, агитировал их вернуться на родину. К нему на поклон приходили многие, включая Бунина и Бердяева.

[111] *Пантелеев* — под этим именем писал Дмитрий Алексеевич Шаховской.

[112] *femme de menage* (*фр.*) — приходящая домашняя работница.

[113] В библейские времена *роза Иерихонская* росла в песчаных степях Сирии, Египта и Аравии и отличалась тем, что ее жесткие стебли в сухом состоянии свертывались и, вырванные ветром, перекатывались по степи, в сыром же и влажном воздухе растение расправлялось и оживало.

[114] Подразумевается предыдущее письмо.

[115] Имеется в виду СССР. Правильно: USSR.

[116] *France-Soir* (*фр.*) — Вечерняя Франция (газета).

[117] *tirage* (*фр.*) — тираж.

[118] *rendes-vous* (*фр.*) — свидание.

[119] *Эренбург* Илья Григорьевич (1891 — 1967) — советский писатель и общественный деятель.

[120] *Симонов* Константин (Кирилл) Михайлович (1915 — 1979) — советский писатель, поэт, общественный деятель.

[121] Л. Н. Толстой.

[122] Имеются в виду М. Горький и А. Н. Толстой.

[123] Lupanar (*фр.*) — притон, дом терпимости.

[124] Мф. 7, 16, 20; «я» (*церк.-сл.*) — местоимение «они» в винительном падеже (используется наравне с формой «их»). Нужно, правда, заметить, что в славянском тексте Евангелия стоит все-таки «их».

[125] Ин. 5, 28.

[126] А. С. Пушкина. См. коммент. № 49 к 1938 г.

[127] *Гауризанкар* — название высочайшей (8848 м) вершины на земле Джомолунгмы (Эверест) в Гималаях.

[128] Упоминается одноименное стихотворение А. С. Пушкина (1828).

[129] Из одноименного стихотворения А. С. Пушкина (1834).

[130] Из молитвы об умерших. Кондак, глас 8-й.

[131] *quantum satis* (*лат.*) — достаточно, довольно, достаточное количество.

[132] *аллопатия* (*греч.* ἄλλος — другой, πάθος — страдание) — вышедшее из употребления название, данное основателем гомеопатии Ганеманом всем иным системам лечения.

[133] *De bellu gallico* (*лат.*) — галльская война.

[134] С этого предложения начинается рукописный текст (после машинописного).

[135] В дореволюционной России — кондитерская фирма К. Д. Топорова, имевшая свои магазины в Москве.

[136] Речь идет о просоветской газете «Русские новости», издававшейся в Париже с 1945 по 1970 г.

[137] *pro domo sua* (*лат.*) — приватная.

[138] Имеется в виду «История» Тхоржевского.

[139] Лермонтов М. Ю. «Дума» (1838).

[140] *Митридат* IV Евпатор — царь Понта. Вел борьбу со скифами. Подчинил все побережье Черного моря. В войнах с Римом был побежден и покончил с собой.

[141] блюститель нравов.

[142] дается.

[143] Святая добродетель любит нас.

[144] *quas ego* (*лат.*) — вот я вас.

[145] *N'est-ce pas?* (*фр.*) — не так ли?

[146] Видимо, речь идет о помощи Антону Владимировичу Карташеву.

[147] Имеется в виду: вернуть И. С. Шмелеву.

[148] *Бубнов* Николай фон (1880 — 1962) — философ, примыкавший во время учебы в университете Гейдельберга к группе молодых философов — Ф. Степуну, С. Гессену, Р. Кронеру, Г. Мелису. С 1920 г. внештатный профессор этого университета.

[149] *Яковенко* Борис Валентинович (1884 — 1949) — философ.

[150] Подразумевается слово «рекорд».

[151] См. коммент. № 137 к данному разделу.

[152] *Клодель* Поль (1868 — 1955) — французский писатель.

[153] *plus sublime* (*фр.*) — более возвышенно.

[154] ун реплик трюкэ дэ «Поседе» (*фр.*) — дает ложную цитату из «Бесов» <Достоевского>.

[155] Так в тексте.

[156] *sua fata libelli* (*лат.*) — и книги <имеют> свою судьбу.

[157] *Крез* (595 — 546 до н. э.) — последний царь Лидии, значительно расширил территорию своего царства. Богатство Креза вошло в поговорку.

[158] *Захаров* Бэзиль (1849—1936) — сэр, международный торговец оружием, составил себе значительное состояние, продавая оружие обеим сторонам в нескольких войнах.

[159] *Ознобишин* Дмитрий Иванович — генерал, зам. военного атташе в Париже, известный библиофил.

[160] *voleur* (*фр.*) — вор.

[161] *amant* (*фр.*) — любовник.

[162] *Révélation* (*фр.*) — Откровение.

[163] Здесь: в здравом уме.

[164] Варшавская газета.

[165] *Зензинов* Владимир Михайлович (1880 — 1953) — главный помощник А. Ф. Керенского в газете «Дни», член редакционной коллегии «Современных Записок».

[166] *Лернер* Николай Осипович (1873 — 1934) — историк литературы; написал книгу «А. С. Пушкин. Труды и дни» (СПб., 1903).

[167] *Гофман* Модест Людвигович (1887 — 1959) — поэт, историк литературы, пушкинист; издал книги: «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (Петроград, 1922), «Пушкин. Психология творчества» (Париж, 1928) и др.

[168] *á suivre* (*фр.*) — продолжение следует.

[169] «We Ceda» — лекарственный препарат.

[170] Так в тексте. 5-кратное тире означает длительную паузу.

[171] День рождения и день смерти А. С. Пушкина по старому стилю.

[172] *Захарьин* Григорий Антонович (1829 — 1897) — известный врач-терапевт, основатель московской клинической школы, почетный член Петербургской АН.

[173] Срв.: «мерлехлюндия» (А. П. Чехов «Три сестры», I действие).

[174] Видимо, имеется в виду назначение митрополита Серафима (см. письмо И. С. Шмелева от 19.08.1946).

[175] Упоминается адрес православной церкви, которая существует и поныне.

[176] *Квартиров* Алексей Александрович (1911 — 1980) — ученик Ильина, возглавлял в Германии одну фирму и как ее собственность в 1938 г. вывез из страны в Швейцарию все вещи и архив семьи философа, а позже переправил Ивана Александровича и Наталию Николаевну за границу, чем спас их от преследований нацистов.

[177] Первоначальное название книги «Поющее сердце».

[178] *honor* (*лат.*) — честь.

[179] См.: Чехов А. П. «Драма» (1887).

[180] *Крамской* Иван Николаевич (1837 — 1887) — русский живописец.

[181] *carte postal* (*фр.*) — открытка.

[182] *Голконда* — государство в Индии в XVI—XVII вв. Славилось ткацким и др. ремеслами и добычей алмазов.

[183] См. Вересаев В. В. Пушкин в жизни: В 2 т. — М.; Л., 1932. — Т. 2. — С. 167.

[184] *Eh bien, Vous l'avez voulu, Jean Dandin*! (*фр.*) — Ну что ж, Вы этого хотели, Жан Данден! См. также коммент. № 37 к 1939 г.

[185] *Филипп* (Колычев Федор Степанович) (1507 — 1569) — русский митрополит с 1566 г. Публично выступал против казней Ивана IV. Низложен в 1568 г. Задушен по приказу царя.

[186] Срв.: Мф. 19, 14; Мк. 10, 14; Лк. 18, 16.

[187] Подразумевается В. А. Нерсесян.

[188] *Алевиз Фрязин* (Алевиз Новый) (кон. XV — нач. XVI) — итальянский архитектор. В 1503—1504 гг. строил в Бахчисарае дворец хана Менгли-Герея. С 1504 г. в Москве. Возводил Архангельский собор в Кремле.

[189] *Барма* и *Постник* — русские зодчие XVI в., строившие Храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

[190] *Александрович* Александр Дмитриевич — певец (тенор) Мариинского театра, педагог, автор «Возрождения», писавший на музыкальные темы.

[191] Упоминается Алевиз Фрязин (Алевиз Миланский) — итальянский архитектор конца XV — начала XVI вв., который принимал участие в строительстве в 1495 г. стен Кремля вдоль р. Неглинной. Ильин же имел в виду Алевиза Фрязина (Нового).

[192] *Постник Яковлев* — русский зодчий XVI в., псковский мастер, строитель части южных стен, ряда башен Кремля и Благовещенского собора в Казани. Возможно, что это тот же Постник, который вместе с Бармой строил собор Василия Блаженного. Так считает Шмелев, что видно по этому письму.

[193] Персонаж «Лета Господня».

[194] Жаклар (в девичестве Корвин-Круковская) Анна Васильевна (1843 — 1887) — русская революционерка, писательница, сестра математика Софьи Ковалевской, жена деятеля Парижской Коммуны Виктора Жаклара, корреспондентка Карла Маркса, одно время была влюблена в Ф. М. Достоевского.

[195] *Пенязь* (старонем.) — деньги, деньга.

[196] Это письмо имеет датировку, сделанную рукой И. А. Ильина: «1940 (?)». Но по смыслу оно представляет собою ответ на предыдущее письмо И. С. Шмелева и практически точно датируется.

[197] *Гален* (ок. 130 — ок. 200) — древнеримский врач.

[198] *Triste est omne animal post coitum, praeter feminam galumque* (*лат.*) — жалко всякое животное после половой связи, всякое животное печально после соития, кроме женщины и петуха.

[199] *Рыбаков* Николай Павлович — полковник, с 1932 г. редактор нью-йоркской газеты «Россия», выходившей с 1932 по 1956 г.

[200] *rettour de l'âge* (*фр.*) — критический возраст.

[201] *ulcere* (*фр.*) — язва.

[202] В смысле «одни и те же».

[203] *Шаляпин* Федор Иванович (1873 — 1938) — гениальный русский певец. Чтобы понять эпитеты, даваемые ему Ильиным, см. лекцию «Художественное призвание Шаляпина» в т. 7 наст. Собр. соч.

[204] Нижеследующее стихотворение построено на чередовании русских и немецких слов; чтобы не убить шутку, несложный перевод слов немецкого языка оставляем на усмотрение читателя.

[205] *quantum satis* (*лат.*) — в достаточном количестве.

[206] *réfugié* (*фр.*) — беженец, беженка.

[207] *supplément* (*фр.*) — добавление, дополнительные сведения.

[208] *Ad Calendas Graecas* (*лат.*) — дословно: «в греческие календы», т. е. неизвестно когда, никогда, «после дождичка в четверг». Календой древние римляне называли первый день месяца; у греков такого названия не было, отсюда и поговорка.

[209] *aussi* (*фр.*) — столь же.

[210] *Коряков* Михаил Михайлович — публицист, автор, главным образом, «Нового журнала».

[211] *realiter* (*нем.*) — в действительности.

[212] *Борзов* Николай Викторович (1871 — 1955) — известный русский педагог, историк, преподаватель русской истории, литературы и языка, основатель и главный редактор сан-францисского журнала «День Русского Ребенка».

[213] В данном случае означает «не скрываясь!». Ремиз (*фр.* remise) — место, кустарник, где скрывается дичь (ср.: заячий ремиз).

[214] Шпекин — почтмейстер из «Ревизора» Н. В. Гоголя.

[215] Nachwort (*нем.*) — послесловие.

[216] Видимо, близко по смыслу к слову *чукавый* — сметливый, догадливый.

[217] *Крутиков* Б. — делопроизводитель в YMCA-Press.

[218] *Андерсон* Пауль (1894 — 1985) — деятель YMCA по русским делам, содействовал учреждению и устроил финансирование бердяевского журнала «Путь».

[219] *в минт* — в момент.

[220] *Marius in Senatus... (лат.)* — Марий в Сенате воскликнул: «По моему мнению, Карфаген должен быть разушен». На самом деле эта фраза принадлежит Марку Порцию Катону.

[221] «N. Z. Z.» — «Neue Züricher Zeitung».

[222] Нобелевская премия.

[223] Г. Гессе.

[224] Обменный пункт.

[225] предисловие.

[226] R. B. Candreia. От инициалов R.B.C. — Ребекка.

[227] *contradictio in adjecto* (*лат.*) — противоречие между определяемым словом и определением, напр., сухая влага.

[228] *ad libitum* (*лат.*) — как угодно, по желанию, на выбор.

[229] Имеется в виду А. О. Гукасов.

[230] *Мотт* Джон (1865 — 1955) — масонский лидер и председатель YMCA.

[231] *Кульман* Густав Густавович (1895 — 1961) — публицист, автор бердяевского журнала «Путь», один из руководителей YMCA.

[232] Имеется в виду Зёрнов Николай Михайлович (1898 — 1980) — философ, богослов, литератор, историк русского религиозного Возрождения XX в., активный деятель экуменического движения.

[233] *Пьянов* Федор Тимофеевич — секретарь РСХД (Русского студенческого христианского движения).

[234] *Вышеславцев* Борис Петрович (1887 — 1954) — русский философ.

[235] Подразумевается *Алексеев* Николай Николаевич.

[236] *Никитин* Александр Иванович — деятель РСХД еще в Петрограде, служил в Белой Армии, с помощью Карташева перебрался в Париж, с 1921 г. работал во Всемирном Студенческом Христианском Движении, председатель французского отдела РСХД, автор Вестника РСХД.

[237] *tutti quanti* (*лат.*) — всеми остальными.

[238] Имеется в виду журнал «Путь».

[239] *Билибин* Иван Яковлевич (1876 — 1942) — художник, мастер книжной графики и театрально-декорационного искусства. С 1921 г. в эмиграции. В 1936 г. вернулся в СССР.

[240] Речь идет о получении Шмелевым помощи, посланной Ильиным.

[241] *Tabula rasa* (*лат.*) — гладкая дощечка, т. е. чистый лист; нечто чистое, нетронутое.

[242] «Еврейская Трибуна» — еженедельная газета М. М. Винавера, издававшаяся в Париже.

[243] Имеется в виду *Титов* Алексей Андреевич — инженер-химик, трудовик, народный социалист и *Маклаков* Василий Алексеевич (1869 — 1957) — адвокат, член ЦК кадетов, посол Временного правительства во Франции, которые вместе с некоторыми другими русскими эмигрантами посетили 12 февраля 1945 г. советское посольство в Париже.

[244] *Noli me tangere* (*лат.*) — не тронь меня.

[245] *Зелюк* Орест Григорьевич (1888 — ?) — одесский журналист и издатель, в эмиграции с 1919, в 1920-е годы возглавлял в Париже издательство «Volter» (выпускало «Последние новости») и типографию «Франко-русская печать» (где печатался «Конь Бледный» Б. Савинкова).

[246] Мф. 23, 27.

[247] См.: А. П. Чехов «Брак по расчету» (1884).

[248] В смысле — доктор правоведения.

[249] *Бенуа* Александр Николаевич (1870 — 1960) — русский живописец, художник театра, теоретик и историк искусства, художественный критик. В 1926 г. выехал в командировку в Париж и назад не вернулся.

[250] *Бирнс* Джеймс Ф. (1879 — 1972) — соратник Рузвельта, фактический (но не формальный) госсекретарь США (1945 — 1947); *Эттли* Клемент Ричард (1883 — 1967) — премьер-министр Великобритании в 1945—1951 гг.; *Бидо* Жорж (1899 — 1983) — премьер-министр Франции

в 1946 г. и в 1949—1950 гг.; *Негус* — сокращенный титул императора в Эфиопии до упразднения монархии (март 1973).

[251] *Гелиогабал* (Элагабал) (204 — 222) — римский император с 218 г. В 217 г. стал в г. Эмесе жрецом сирийского бога солнца Элагабала (отсюда его имя). Расточительность, крайняя развратность вызывали всеобщее недовольство. Был убит преторианцами.

[252] Героиня рассказа «Дом с мезонином» А. П. Чехова.

[253] *Ewige weibliche* (*нем.*) — вечно-женственное.

[254] Быт. 3, 15.

[255] Срв.: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!» (В. Шекспир «Гамлет», акт II, перев. Н. А. Полевого).

[256] *Manuscrit Belles-Lettres* (*фр.*) — рукопись художественной литературы.

[257] от *фр.* déboerder — переливаться через край.

[258] *Amicissimus Iwanus, homo immensus atque ingeniosus, sed veritas apparet mihi esse sacrosanctissima* (*лат.*) — мой большой друг Иван (дружественнейший) — человек выдающийся и талантливый, но истина, кажется мне, священнее всего. Реминисценция на выражение Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже».

[259] *Mi amice* (*лат.*) — мой друг.

[260] *an quatre* (*фр.*) — вчетвером.

[261] Речь идет о Кузьминой-Караваевой (в замуж. Скобцовой) Елизавете Юрьевне, в монашестве матери Марии (1891 — 1945) — поэтессе, философе, публицисте, общественно-религиозной деятельнице.

[262] Бредиус-Субботиной.

[263] *Pro domo mea* (*лат.*) — из дома своего.

[264] Слова из молитвы «Царю Небесный, Утешителю...».

[265] *Voilà* (*фр.*) — вот.

[266] *Vita* (*лат.*) — жизнь.

[267] стилюм вертерэ (*лат.*) — букв. поворачивать перо (стиль), т. е. стирать или исправлять написанное.

[268] Б у н и н И. А. Роза Иерихона. — Берлин: Слово, 1924.

[269] *habent sua fata libelli* (*лат.*) — и книги имеют свою судьбу.

[270] *Гагарин* Евгений Андреевич (1905 — 1948) — князь, офицер, публицист, переводчик, автор журналов «Грани», «Возрождение», «Новый журнал».

[271] *ici* (*фр.*) — здесь, тут; т. е. «левша» (дроворуб) — тут. Речь идет о получении помощи.

[272] *c'est moi* (*фр.*) — это я.

[273] Бредиус-Субботиной.

[274] *Et puis — et Voila — et c'est tout* (*фр.*) — впрочем — вот — и все.

[275] *inclusivement* (*фр.*) — включительно.

[276] anamnesis (*лат.*) — история болезни.

[277] Ирмос 9-ой песни Пасхального канона.

[278] culpa levis (*лат.*) — легкая вина.

СОДЕРЖАНИЕ

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

Собрание сочинений

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ИВАНОВ
(1935 — 1946)

Редактор **Т. И. Киреева**
Художественный редактор **Г. Л. Шацкий**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректор **Н. Д. Бучарова**
Компьютерный набор и верстка **О. В. Лисица**

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 010058 от 23. X. 1996 г.
Подписано в печать с оригинал - макета 17.05.2000.
Формат 84×108/32. Бумага типографская.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Уч.-изд. л. 30,73. Тираж 4050 экз.
С - 14. Изд. инд. НА - 66. Заказ № 1795

Набор и верстка выполнены в издательстве «Русская книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38

Отпечатано в Государственном
издательско-полиграфическом предприятии «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

И.А.ИЛЬИН